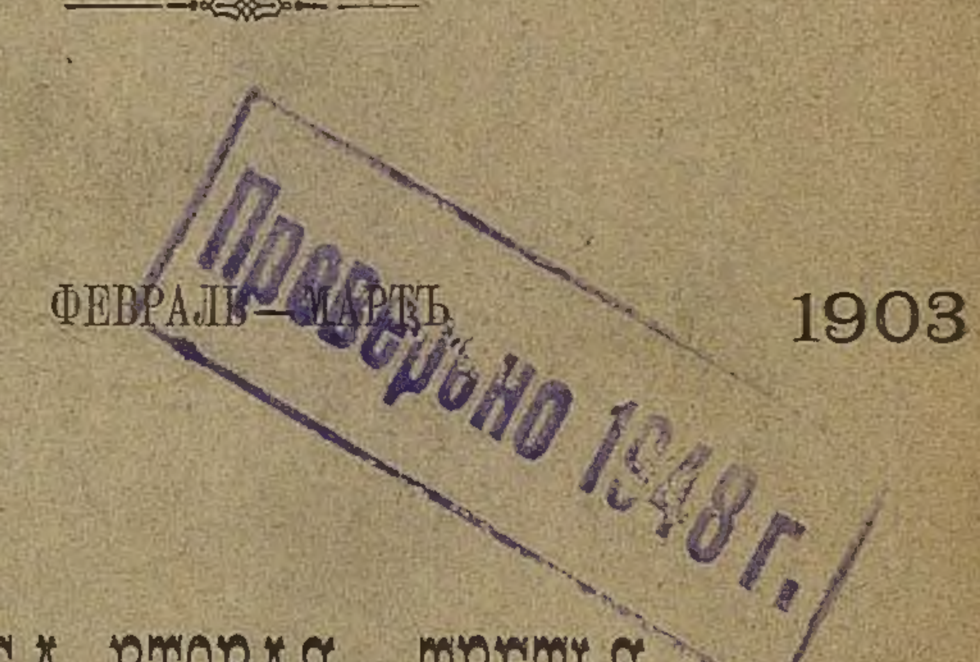
Вѣстникъ Права

Журналъ Юридическаго Общества

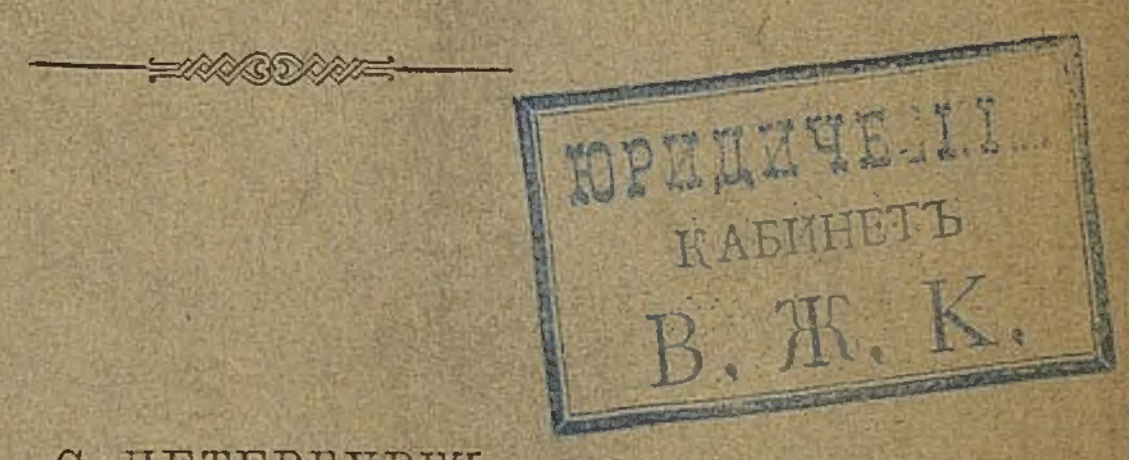
при

Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ.

XXXIII. ФЕВРАЛЬ—МАРТЪ 1903

КНИГА ВТОРАЯ—ТРЕТЬЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1903.

ВѢСТНИКЪ ПРАВА

Журналъ Юридическаго Общества
при
Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ.

XXXIII. ФЕВРАЛЬ—МАРТЪ 1903

КНИГА ВТОРАЯ—ТРЕТЬЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1903.

1903 г.

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОЙ И ТРЕТЬЕЙ КНИГЪ „ВѢСТНИКА ПРАВА".

I.

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ УПРОЩЕНІИ СУММАРНАГО УГОЛОВНАГО ПРОЦЕССА.

Область такъ называемыхъ маловажныхъ уголовныхъ дѣлъ представляетъ собою во многихъ отношеніяхъ интереснѣйшую область уголовнаго права. Хотя дѣла о неосторожной ѣздѣ по улицамъ, неочисткѣ выгребной ямы, продажѣ испорченной колбасы, оскорбленіи городового, нарушеніи общественной тишины и т. п. далеко не могутъ возбуждать того вниманія среди общества, какъ дѣла объ убійствахъ, изнасилованіяхъ, поджогахъ, разбояхъ, но едва ли будетъ большимъ преувеличеніемъ, если сказать, что въ общей экономіи правовой жизни названныя мелкія дѣла занимаютъ, если не болѣе важное, то во всякомъ случаѣ одинаково важное мѣсто, съ дѣлами о тяжкихъ преступленіяхъ.

И прежде всего бросается въ глаза количество мелкихъ дѣлъ: въ то время, какъ суды присяжныхъ даннаго судебнаго округа разбираютъ сотни дѣлъ, мировые судьи того же округа разбираютъ десятки тысячъ. Трудно себѣ представить, какое огромное количество силъ и времени тратится на это и должностными, и частными лицами.

Далѣе, въ то время, какъ тяжкая преступность большею частью локализирована, въ то время, какъ значительное большинство гражданъ можетъ быть вполнѣ увѣреннымъ, что ни-

когда не предстанетъ на судѣ присяжныхъ въ качествѣ обвиняемыхъ, никто изъ этихъ же гражданъ не гарантированъ отъ вызова въ камеру мирового судьи по обвиненію въ нарушеніи, напр., какого нибудь изъ безчисленныхъ „обязательныхъ постановленій“ администраціи. Такимъ образомъ, извѣстную русскую пословицу о тюрьмѣ и сумѣ можно признать безусловно правильнымъ обобщеніемъ, если вмѣсто „тюрьмы“ поставить „ареста“ и въ особенности „денежнаго взысканія“.

Кромѣ того, необходимо имѣть въ виду, что область низшей, мѣстной юстиціи охватываетъ всю повседневную жизнь гражданъ и создаетъ въ полномъ смыслѣ слова „правовую атмосферу“, отъ хорошаго состоянія которой зависитъ слишкомъ много въ общей государственной жизни.

Нельзя не упомянуть и о томъ, что мелкія уголовныя нарушенія служатъ камнемъ преткновенія для многихъ теорій уголовнаго права, ярко изобличая ихъ односторонность. Такъ, теоріи антропологической школы, теорія исправленія, теорія замѣны наказанія мѣрами гуманнаго общественнаго попечительства надъ преступникомъ („Die abschaffung der Strafknechtschaft“ von Prof. Julius Vargha. 1896—1897. 2 B-de) и т. п. или должны отказаться отъ своего основного принципа, или ввести въ него столь серіозныя измѣненія и оговорки, что принципъ теряетъ характеръ основного.

Въ самомъ дѣлѣ, можно ли говорить о перевоспитаніи и исправленіи, когда передъ нами домохозяинъ, построившій въ своемъ дворѣ сарай безъ надлежащаго на то разрѣшенія городской управы? Какія „мѣры гуманнаго общественнаго попечительства“ мыслимы относительно „широкой натуры“, мѣшающей ночью спать сосѣдямъ или бѣшено мчащейся по улицамъ на рысакахъ?

Сколько бы правды ни заключалось въ теоріяхъ, подчеркивающихъ признакъ исправленія, перевоспитанія въ понятіи наказанія, какъ бы симпатично ни было ученіе о томъ, что наказаніе есть зло и что идеаломъ общества представляется полное упраздненіе всякаго насилія, несомнѣнно во всякомъ случаѣ, во 1-хъ, что человѣчество не можетъ обойтись

безъ *крайняго* средства охраны правопорядка, и что такимъ образомъ наказаніе есть зло необходимое, и, во 2-хъ, что наиболѣе характернымъ, существеннымъ, основнымъ признакомъ въ понятіи наказанія, какъ явленія, выработаннаго исторіей культуры, является причиненіе *страданія* преступнику: этимъ путемъ государство желаетъ воздѣйствовать на волю каждаго гражданина и создать новый мотивъ для подавленія стремленій, несогласныхъ съ закономъ. При послѣднемъ анализѣ предъ нами окажется въ своемъ чистомъ видѣ утилитарный принципъ устраненія.

Весьма нерѣдко можно слышать мнѣніе, что наказаніе безсильно въ смыслѣ предупрежденія преступленій и что посему даже съ чисто утилитарной точки зрѣнія не выдерживаетъ критики. Такія мнѣнія высказываютъ даже нѣкоторые выдающіеся криминалисты. Напр., проф. Кистяковскій („Элементарный учебникъ общаго уголовнаго права", 1882, стр. 172) говоритъ: „Нынѣ научнымъ образомъ посредствомъ статистическихъ данныхъ доказано, что наказаніе—жестокое ли, мягкое ли—абсолютно не можетъ устрашить будущихъ преступниковъ и предотвратить нарушеніе законовъ". Обыкновенно мотивируютъ такое положеніе указаніемъ на то, что хотя наказаніе такъ-же старо, какъ человѣчество, преступленія постоянно совершаются. Противъ такого догматически выставляемаго положенія можно возразить словами Кесслера (Die Einwilligung des Verletzten. 1884, стр. 45—46), что фактъ смертельнаго исхода леченія многихъ больныхъ съ такимъ же основаніемъ можетъ служить аргументомъ противъ медицины. (О важности элемента устрашенія ср. замѣчанія проф. Кололова въ его книгѣ о покушеніи, стр. 186—197).

Но самымъ лучшимъ доказательствомъ устрашительнаго эффекта наказанія и его вліянія на предупрежденіе преступленій можетъ служить все та же мѣстная юстиція, оперирующая надъ „маловажными" уголовными дѣлами. Любой мировой судья можетъ изъ своей личной практики привести массу примѣровъ самаго нагляднаго воздѣйствія наказанія на уменьшеніе преступленій.

Почему мясники перестаютъ продавать гнилую говядину,

почему домохозяева старательно посыпаютъ замерзшіе тротуары пескомъ, почему владѣльцы рысаковъ ѣздятъ по улицамъ осторожно, почему „широкія натуры" сдерживаютъ свои порывы и перестаютъ безпокоить сосѣдей по ночамъ — стоитъ только полиціи зорко слѣдить за такими проступками, а судьямъ наказывать ихъ строже? Очевидно, что для преступленій такого рода изъ трехъ указанныхъ Листомъ основныхъ цѣлей наказанія Abschräckung, Besserung und Unschädlichmachung (Lehrbuch 1897, стр. 62) преобладающее значеніе имѣетъ первая.

Итакъ, мелкая уголовная юстиція представляетъ собою одну изъ важнѣйшихъ сторонъ государственной жизни, оперируя надъ массой мелкихъ правонарушеній, чрезмѣрное размноженіе которыхъ сдѣлало бы невозможной общественную жизнь, и для уменьшенія и даже при нѣкоторыхъ условіяхъ, для полнаго прекращенія которыхъ наказаніе является самымъ дѣйствительнымъ средствомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мѣстная юстиція имѣетъ особенности, заставляющія законодателя создавать спеціальные институты, свойственные только этой юстиціи въ отличіе отъ общей.

Важнѣйшая изъ этихъ особенностей состоитъ въ томъ, что по самому свойству подвѣдомственныхъ мѣстной юстиціи дѣлъ въ этой области уголовнаго процесса выдающееся значеніе пріобрѣтаетъ *быстрота* производства, какъ въ смыслѣ возможно скораго окончанія поступившаго на судъ дѣла (что въ особенности необходимо при подавляющей массѣ дѣлъ), такъ и въ смыслѣ *немедленнаго* привлеченія виновнаго къ отвѣтственности послѣ совершеннаго имъ проступка и немедленнаго исполненія приговора.

Быстрота производства есть одно изъ требованій, предъявляемыхъ теоріей ко всякому процессу, но нигдѣ это требованіе не играетъ столь важной роли, какъ при разборѣ такъ называемыхъ полицейскихъ дѣлъ. Медленность производства этихъ дѣлъ можетъ имѣть самыя гибельныя послѣдствія, совершенно парализуя репрессію въ той области уголовнаго права, гдѣ она оказывается наиболѣе цѣлесообразной: если страхъ наказанія не можетъ удержать отъ

совершенія преступленій по страсти, или обусловленныхъ религіозными и политическими идеями, если этотъ страхъ безсиленъ противъ закоренѣлыхъ преступниковъ, то съ другой стороны этотъ страхъ какъ нельзя лучше удерживаетъ мясниковъ отъ продажи испорченнаго мяса, а домохозяевъ заставляетъ исполнять требованія санитарныхъ врачей.

Но представимъ себѣ, что судьи будутъ назначать наиболѣе строгія наказанія за всѣ санитарные проступки, а каждый приговоръ будетъ произнесенъ спустя два года послѣ совершенія этихъ поступковъ. Повліяютъ ли строгія наказанія на оздоровленіе страны? Можно съ увѣренностью сказать, что нѣтъ: нигдѣ такъ не нужна самая осязательная, наглядная, непосредственная связь между совершеннымъ поступкомъ и реакціей со стороны закона, какъ въ дѣлахъ подобнаго рода.

Кромѣ того, подвергать человѣка наказанію за незначительный поступокъ, совершенный имъ давно, когда все успѣло изгладиться изъ памяти и самого обвиняемаго, и окружающихъ его (и, напротивъ, въ свое время остался вредный примѣръ безсилія закона), было бы ненужной жестокостью: недаромъ положительное право устанавливаетъ такіе короткіе сроки давности для подобныхъ дѣлъ. Если прибавить ко всему сказанному чисто процессуальныя соображенія, а именно очень большую трудность, а нерѣдко и невозможность установить на судѣ необходимые факты и даже личность обвиняемаго, когда со времени совершенія какого нибудь ночного буйства прошло много времени и свидѣтели все перезабыли,—то станетъ яснымъ, что нигдѣ быстрота производства не имѣетъ такой огромной важности, какъ въ изучаемой области, и нигдѣ отсутствіе ея не приноситъ столь печальныхъ результатовъ.

Но уголовный процессъ немыслимъ безъ соблюденія цѣлаго ряда болѣе или менѣе сложныхъ формъ и обрядовъ, гарантирующихъ открытіе истины, служащихъ по мѣткому выраженію Ф. Эли (Traité de l'instruction criminelle. 1865. T. 1, p. 5) маяками судебныхъ дѣйствій, и вмѣстѣ съ тѣмъ замедляющихъ и нерѣдко весьма значительно замедляющихъ движеніе дѣла.

Эта относительная медленность, эта осторожность, эта сложная система гарантій составляютъ характерную особенность *судебнаго* разсмотрѣнія дѣла, и въ правовомъ государствѣ нельзя представить другого порядка разрѣшенія столь серіознаго, столь животрепещущаго вопроса, какъ примѣненіе *крайняго* средства охраны правопорядка.

Слѣдуетъ ли изъ этого, что въ виду первостепенной важности процессуальныхъ формъ и обрядовъ необходимо пожертвовать быстротою производства: лучше пусть дѣло разбирается медленно, но зато каждый обвиняемый будетъ пользоваться самыми полными и надежными гарантіями, выработанными исторіей культуры?

Прежде всего, если бы по всѣмъ дѣламъ безъ исключенія мы бы стали примѣнять порядокъ, установленный для наиболѣе важныхъ и сложныхъ дѣлъ, порядокъ, гдѣ процессуальныя гарантіи достигаютъ своего максимума, то соблюденіе всѣхъ этихъ гарантій правосудія, вмѣсто ожидаемой пользы, принесло бы вредъ въ смыслѣ медленности производства: каждое дѣло при наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ производилось бы въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ и такимъ образомъ въ годъ, вмѣсто десятковъ тысячъ дѣлъ, было бы рѣшено лишь нѣсколько сотъ.

Но и помимо медленности и неизбѣжнаго съ нею ослабленія репрессіи (и притомъ въ области, гдѣ она оказывается наиболѣе необходимой) примѣненіе всѣхъ сложныхъ, тяжеловѣсныхъ формъ и обрядовъ уголовнаго процесса къ мелкимъ полицейскимъ дѣламъ находилось бы въ противорѣчіи съ самой природой этихъ дѣлъ.

Домовладѣлецъ во время гололедицы не исполнилъ обязательнаго постановленія администраціи о посыпкѣ тротуара пескомъ. Не покажется ли каждому аномаліей, если по такому дѣлу сначала произвести полицейское дознаніе, затѣмъ предварительное слѣдствіе черезъ судебнаго слѣдователя, составленіе прокуроромъ обвинительнаго акта, разсмотрѣніе дѣла въ судебной палатѣ по вопросу о преданіи суду, внесеніе дѣла въ распорядительное засѣданіе окружнаго суда для разрѣшенія нѣкоторыхъ предварительныхъ процес-

суальныхъ вопросовъ, распоряженія предсѣдателя о врученіи копіи обвинительнаго акта и т. п., затѣмъ сложная стадія судебнаго засѣданія для разрѣшенія дѣла по существу: образованіе состава суда, судебное слѣдствіе, пренія сторонъ, постановка вопросовъ, резюме предсѣдателя, вердиктъ присяжныхъ, постановленіе приговора и т. д.? Не будетъ ли все это не только непроизводительнымъ, но вредной тратой силъ и времени, способной дискредитировать въ глазахъ народа отправленіе правосудія?

Очевидно, что передъ нами коллизія двухъ важныхъ принциповъ, и въ области мѣстной юстиціи нельзя пожертвовать ни однимъ изъ нихъ: *необходимо гармоническое ихъ сочетаніе.*

О значеніи быстроты производства я уже говорилъ: изъ сказаннаго раньше слѣдуетъ, что эта *быстрота должна служить критеріемъ первостепенной важности для оцѣнки процессуальныхъ институтовъ въ изучаемой области.* Съ другой стороны, безусловно необходимы *всѣ основныя* гарантіи правосудія: изъ того, что одному подсудимому грозитъ каторга, а другому нѣсколько дней ареста, отнюдь не слѣдуетъ, что по отношенію ко второму можно обойтись безъ этихъ гарантій и отправлять правосудіе на маніеръ полевого суда. Всякое наказаніе есть зло, съ которымъ необходимо обращаться очень осторожно и бережно, тѣмъ болѣе, что тяжесть наказанія есть во многихъ случаяхъ понятіе относительное: и нѣсколько рублей штафа сплошь и рядомъ оказывается весьма тяжелымъ взысканіемъ для бѣднаго человѣка, а объ арестѣ и говорить нечего.

Какъ результатъ только что указанной коллизіи принциповъ положительное право создало особый порядокъ уголовнаго процесса, суммарный, сокращенный порядокъ.

Суммарный процессъ не есть институтъ самодовлѣющій, въ себѣ самомъ замкнутый; онъ представляетъ собою лишь исключеніе изъ общаго порядка, исключеніе, обусловленное кричащей необходимостью разрѣшать маловажныя уголовныя дѣла съ наибольшей возможной *быстротою и простотою.*

Подъ вліяніемъ этихъ причинъ суммарный процессъ

обладаетъ цѣлымъ рядомъ особенностей, отличающихъ его отъ общаго порядка, отличающихъ нерѣдко настолько, что для непосвященнаго кажется, будто онъ видитъ передъ собою два принципіально различные порядка.

На самомъ же дѣлѣ основные принципы уголовнаго процесса одни и тѣ же какъ для общаго, такъ и для суммарнаго порядковъ. *Все отличіе послѣдняго порядка состоитъ въ томъ, что въ немъ эти принципы подъ вліяніемъ двухъ указанныхъ выше факторовъ* (быстрота и простота производства) *видоизмѣняются, нисколько не теряя отъ этого своего характера.*

Въ настоящей статьѣ я не имѣю въ виду изслѣдованіе суммарнаго процесса въ его цѣломъ. Мнѣ хотѣлось бы разрѣшить слѣдующій вопросъ: въ достаточной ли степени этотъ процессъ выполняетъ свою задачу и не нуждается ли онъ въ реформахъ въ смыслѣ еще бóльшаго упрощенія и достиженія еще большей быстроты производства?

Вопросъ этотъ выдвинутъ самой жизнью. За послѣднее время сплошь и рядомъ стали раздаваться жалобы на черезчуръ большую медленность и сложность производства маловажныхъ уголовныхъ дѣлъ и указанія на печальные результаты такого положенія вещей.

Напр., въ 4 томѣ объяснительной записки къ проекту новой редакціи уст. угол. суд. изд. 1900 г. стр. 189 мы читаемъ: „Опредѣленный въ судебныхъ уставахъ порядокъ производства уголовныхъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ мировымъ судебнымъ установленіямъ, не обезпечиваетъ въ достаточной мѣрѣ, какъ указываетъ судебная практика, быстрой репрессіи мелкихъ уголовныхъ правонарушеній, нерѣдко остающихся даже безъ должнаго преслѣдованія и взысканія, *въ виду существующаго процессуальнаго порядка*, оказывающагося, не смотря на свою простоту, *чрезмѣрно сложнымъ* для такихъ посягательствъ“.

Аналогичныя указанія мы видимъ и на Западѣ. Такъ, въ шестой книгѣ Revue pénitentiaire за 1901 г. помѣщена статья О. Ланкерона, свидѣтельствующая, что существующій во Франціи порядокъ разбора мелкихъ уголовныхъ дѣлъ часто

вызываетъ неудовольствія въ связи съ предложеніями бóльшаго упрощенія суммарнаго процесса, а изъ восьмого тома Bulletin de l'Union internationalle de droit pénale можно усмотрѣть, что на Буда-Пештскомъ Съѣздѣ международнаго союза криминалистовъ раздавались жалобы на медленность и сложность суммарнаго процесса.

Въ результатѣ недовольства существующимъ сумарнымъ процессомъ западно-европейское положительное право выработало нѣсколько институтовъ, разсчитанныхъ на достиженіе большей скорости репрессіи мелкихъ уголовныхъ правонарушеній, и большей простоты производства, чѣмъ это возможно въ суммарномъ процессѣ.

Институты эти слѣдующіе: 1) наложеніе на обвиняемаго наказанія не судомъ, а полиціей (или прокуратурой), съ правомъ не подчиняться означенному распоряженію и требовать судебнаго разбирательства на общемъ основаніи; 2) добровольная уплата обвиняемымъ штрафа и устраненіе вслѣдствіе этого судебнаго разбирательства; 3) судебные карательные приказы безъ разбирательства дѣла и 4) судебное разбирательство дѣла въ порядкѣ неотложности.

Разсмотримъ эти институты.

1. *Предоставленіе полиціи права налагать наказанія на обвиняемыхъ* есть германскій институтъ; онъ принятъ во всѣхъ германскихъ государствахъ, кромѣ Баваріи. Сущность этого института (ст. 454—458 Германскаго уст. угол. суд.) сводится къ слѣдующему. Полиція имѣетъ право по всѣмъ проступкамъ, значащимся въ уголовномъ кодексѣ подъ рубрикой Uebertretungen, вручать обвиняемому письменныя предложенія отбыть наказаніе, которое не можетъ превышать ареста до двухъ недѣль, или соотвѣтствующаго денежнаго взысканія. Въ теченіи семи дней со дня врученія такого предложенія обвиняемый можетъ требовать судебнаго разбирательства дѣла, заявивъ такое требованіе или той же полиціи, или участковому судьѣ. Это требованіе обязательно исполняется, причемъ полицейское предложеніе считается какъ бы не существующимъ. При отсутствіи требованія судебнаго разбирательства

полицейское карательное постановленіе немедленно приводится въ исполненіе.

Къ этому же порядку надлежитъ отнести и норвежскій институтъ, по которому прокуратурѣ предоставлено право и дѣлать постановленія о взысканіи денежнаго штрафа съ обвиняемыхъ въ мелкихъ уголовныхъ правонарушеніяхъ. И здѣсь обвиняемый имѣетъ право не подчиняться распоряженію прокурора и требовать судебнаго разбирательства дѣла. Обыкновенно названный норвежскій институтъ смѣшиваютъ съ судебными карательными приказами, что едва ли правильно: по своей природѣ, какъ актъ, исходящій не отъ суда, онъ ближе всего къ германскому vorangegangener polizeilicher Strafverfügung.

При оцѣнкѣ карательныхъ полицейскихъ постановленій надлежитъ прежде всего имѣть въ виду, что институтъ этотъ находится въ противорѣчіи съ однимъ изъ устоевъ современнаго правового государства, съ великимъ принципомъ, по которому никакая принудительная мѣра не можетъ быть принята противъ гражданина иначе, какъ по предписанію суда, дѣйствующаго съ соблюденіемъ всѣхъ гарантій правосудія.

Положительное право почти всѣхъ странъ предоставляетъ издавать карательныя постановленія за нѣкоторыя спеціальныя нарушенія чисто фискальнаго характера (акцизныя, таможенныя). Но, несмотря на тѣсныя границы только что названныхъ полномочій, несмотря на строго фиксированныя въ законѣ нормы взысканій, на механическій характеръ нарушеній, несмотря, наконецъ, на право требовать судебнаго разсмотрѣнія дѣла, подобныя полномочія не могутъ быть оправданы съ принципіальной точки зрѣнія. Тѣмъ болѣе нежелательно какое бы то ни были расширенія полномочій администраціи въ указанномъ направленіи.

И хотя не человѣкъ существуетъ для принципа, а наоборотъ, но есть такіе принципы, сохраненіе которыхъ *въ ихъ абсолютной чистотѣ* является conditio sine qua non нормальной общественной жизни. Къ числу такихъ принциповъ и принадлежитъ судебная монополія столь крайняго и опас-

наго средства охраны правопорядка, какъ наказаніе. Этотъ принципъ по справедливости можно назвать лучшимъ бриллiантомъ въ коронѣ юридической науки, лучшимъ доказательствомъ благотворнаго вліянія философіи на эту науку; до сихъ поръ существуетъ такъ много соблазновъ для нарушенія его, человѣчеству стоило и стоитъ еще такъ много жертвъ установленіе его, что необходимо тщательно избѣгать всего, что могло бы хоть самымъ отдаленнымъ образомъ повліять на затемненіе блеска этого драгоцѣннаго бриллiанта.

Къ тому же, если имѣть въ виду ускореніе репрессіи за полицейскія правонарушенія, то изучаемый институтъ не достигаетъ своей цѣли. Полиція можетъ привести въ исполненіе свое карательное постановленіе лишь по истеченіи семидневнаго срока, предоставленнаго обвиняемому для заявленія требованія о судебномъ разбирательствѣ. Если обвиняемый воспользуется своимъ правомъ, то, очевидно, что вся эта предварительная процедура будетъ имѣть своимъ результатомъ еще бо́льшее замедленіе репрессіи, чѣмъ при обычномъ суммарномъ процессѣ.

Еще одно немаловажное соображеніе. Какъ указано выше, законодатель отмежевалъ для карательныхъ полицейскихъ постановленій весьма тѣсныя границы, не превышающія двухъ недѣль ареста. Между тѣмъ жизнь представляетъ огромную массу случаевъ, гдѣ двухнедѣльный арестъ является наказаніемъ слишкомъ незначительнымъ. При механическомъ порядкѣ составленія карательныхъ постановленій невозможно выяснить всѣ обстоятельства дѣла съ надлежащей полнотою. Поэтому сплошь и рядомъ можетъ случиться, что полиція, лишенная права производить необходимыя для полнаго выясненія дѣла допросы и т. п. чисто судебныя дѣйствія и увлекаемая желаніемъ поскорѣе окончить дѣло, не доводя его до суда, опредѣляетъ двухнедѣльный арестъ, которому охотно подчиняется обвиняемый, а между тѣмъ, если бы дѣло попало въ судъ, то была бы примѣнена высшая мѣра наказанія.

А такъ какъ репрессія для того, чтобы быть дѣйствительной, должна слагаться изъ двухъ *одинаково необходимыхъ*

элементовъ—быстроты и строгости наказанія, то оказывается, что изучаемый институтъ, созданный во имя интересовъ репрессіи, имѣетъ своимъ результатомъ ослабленіе этой репрессіи.

Всѣ изложенныя соображенія приводятъ къ заключенію, что институтъ полицейскихъ приказовъ отнюдь не можетъ назваться шагомъ впередъ въ развитіи права, и что рекомендовать его для принятія другимъ странамъ нельзя.

Въ особенности нежелательнымъ представляется этотъ институтъ для Россіи съ ея столь несовершенной организаціей полиціи, съ отсутствіемъ сознанія своихъ правъ у огромнаго большинства населенія и съ полной возможностью самыхъ печальныхъ злоупотребленій на почвѣ карательныхъ полицейскихъ постановленій.

2. *Институтъ устраненія судебнаго разбирательства путемъ добровольной уплаты обвиняемымъ денежнаго взысканія* существуетъ въ Голландіи, Италіи и Россіи.

По нѣкоторымъ дѣламъ, гдѣ обвиняемому грозитъ только денежное взысканіе, законъ предоставляетъ обвиняемому право внести высшій размѣръ означеннаго взысканія и этимъ самымъ устранить судебное разбирательство дѣла. Предполагается, что добровольная уплата штрафа въ его высшемъ размѣрѣ дѣлаетъ совершенно безцѣльной всю судебную процедуру.

Мнѣ неизвѣстны результаты этого института въ Голландіи и Италіи; что же касается Россіи, то въ судебной практикѣ едва ли можно найти хоть одинъ примѣръ примѣненія ст. 171 правилъ судопроизв. 28 декабря 1889 г., предписывающей городскимъ судьямъ и земскимъ начальникамъ прекращать производство дѣла въ случаѣ уплаты обвиняемымъ денежнаго взысканія въ высшемъ размѣрѣ. И это вполнѣ естественно: только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ можно себѣ представить, чтобы обвиняемый, которому грозитъ денежное взысканіе, добровольно сталъ бы платить *высшій* размѣръ его, имѣя полную возможность добиться при судебномъ разбирательствѣ болѣе низкой мѣры наказанія.

Но и съ другой стороны, со стороны общественнаго ин-

тереса этотъ институтъ вызываетъ сомнѣнія. Можно себѣ представить случаи, когда обвиняемому по мотивамъ, ничего общаго съ правосудіемъ и съ общественными интересами не имѣющимъ, весьма выгодно не допускать публичнаго разбирательства его дѣла, а между тѣмъ такое разбирательство могло бы быть полезнымъ, напр., въ смыслѣ оглашенія проступка и сопровождавшихъ его обстоятельствъ.

Не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что разсматриваемый институтъ вноситъ неравенство въ юридическую жизнь: въ то время какъ зажиточный человѣкъ имѣетъ полную возможность не допустить, чтобы совершенный имъ проступокъ сдѣлался предметомъ судебнаго разсмотрѣнія, бѣднякъ лишенъ этой возможности.

Наконецъ, можно представить себѣ случай, когда слишкомъ робкій и незнакомый со своими правами человѣкъ уплачиваетъ высшій размѣръ штрафа, а между тѣмъ при судебномъ разбирательствѣ дѣла могъ бы быть назначенъ минимальный штрафъ или даже постановленъ оправдательный приговоръ.

Все это заставляетъ придти къ выводу отрицательному для разсмотрѣннаго института.

3. Гораздо серьезнѣе представляется вопросъ о третьемъ институтѣ—*судебныхъ карательныхъ приказахъ.* Институтъ этотъ существуетъ въ Австріи, Венгріи, Швейцарскомъ кантонѣ Гларусъ, но съ особенной полнотою и широтою разработанъ въ Германіи, такъ что по справедливости можетъ быть названъ германскимъ институтомъ.

По германскому праву участковый судья можетъ, не вызывая обвиняемаго и не производя судебнаго разбирательства, издать карательный приказъ (Amtrichterlichen Strafbefehl), коимъ приговоритъ обвиняемаго къ штрафу до 150 марокъ или къ аресту до шести недѣль. Такіе приказы могутъ быть постановляемы не иначе, какъ по письменнымъ предложеніямъ прокуратуры, въ которыхъ должно быть изложено все, что требуетъ законъ отъ обвинительнаго акта, а также самымъ точнымъ образомъ указано проектируемое наказаніе въ его родѣ и размѣрѣ.

Судья вправѣ не исполнить предложенія прокурора и назначить дѣло къ слушанію на общемъ основаніи. Если въ теченіи семи дней со времени врученія карательнаго приказа обвиняемый не потребуетъ судебнаго разбирательства, то приказъ вступаетъ въ законную силу и подлежитъ исполненію, въ противномъ же случаѣ дѣло поступаетъ въ судъ шеффеновъ на общемъ основаніи. При этомъ въ случаѣ явки обвиняемаго въ засѣданіе суда лично или черезъ защитника судъ нисколько не связанъ состоявшимся карательнымъ приказомъ: онъ можетъ назначить иное наказаніе или оправдать обвиняемаго; если же обвиняемый не явится, то карательный приказъ остается въ силѣ.

Въ защиту судебныхъ карательныхъ приказовъ приводятъ обыкновенно слѣдующія положенія: a) для обвиняемаго гораздо удобнѣе подчиниться карательному приказу въ мѣстѣ своего жительства, чѣмъ подвергать себя стѣсненіямъ, безпокойству и издержкамъ, неизбѣжно связаннымъ съ судебнымъ разбирательствомъ; b) при системѣ карательныхъ приказовъ репрессія мелкихъ уголовныхъ правонарушеній совершается дешевле, быстрѣе и дѣйствительнѣе, и c) соблюдается экономія судебныхъ силъ для дѣлъ болѣе важныхъ.

При ближайшемъ разсмотрѣніи этихъ аргументовъ нетрудно видѣть, что убѣдительность ихъ оставляетъ желать весьма многаго.

Ad a). Едва ли можно говорить о стѣсненіяхъ и издержкахъ, сопряженныхъ съ явкой въ судъ, когда существуетъ институтъ заочныхъ приговоровъ, избавляющій обвиняемаго отъ этихъ стѣсненій и издержекъ и вмѣстѣ съ тѣмъ гарантирующій права его во всякомъ случаѣ несравненно лучше, чѣмъ наложеніе наказанія хотя бы и судьей, но безъ разбора дѣла.

Если же подъ издержками понимать уплату судебныхъ издержекъ, то здѣсь на первый планъ должны выступить интересы публичнаго порядка, черезчуръ важные для того, чтобы пожертвовать ими изъ опасенія прибавить нѣсколько лишнихъ рублей къ наложенному на обвиняемаго штрафу. Ничего не можетъ быть симпатичнѣе, когда законодатель

желаетъ избавить обвиняемаго отъ излишнихъ стѣсненій и лишеній; но въ данномъ случаѣ было бы послѣдовательнѣе принимать судебныя издержки на счетъ казны, чѣмъ, желая избавить обвиняемаго отъ уплаты ихъ, упразднять такую первостепенную гарантію правосудія, какъ судебное разбирательство дѣла.

Ad b). Карательные судебные приказы лишь тогда могли бы способствовать *быстротѣ* репрессіи, если бы ни одинъ изъ обвиняемыхъ не требовалъ судебнаго разбирательства дѣла. А такъ какъ случаи такихъ требованій встрѣчаются довольно часто, то разсматриваемый институтъ сплошь и рядомъ можетъ производить совершенно противоположный эффектъ, создавая лишнюю стадію въ динамикѣ процесса.

Что касается большей *дѣйствительности* репрессіи при системѣ карательныхъ приказовъ, то этотъ аргументъ поражаетъ своею необдуманностью. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ произвести большій эффектъ въ смыслѣ возстановленія авторитета закона: врученіе обвиняемому копіи карательнаго приказа съ его, по необходимости, ограниченными размѣрами наказанія, при полной неизвѣстности этого акта никому, кромѣ обвиняемаго, или публичное произнесеніе судомъ обвинительнаго приговора послѣ раскрытія всѣхъ обстоятельствъ дѣла, съ назначеніемъ наказанія не гадательно, а дѣйствительно соотвѣтствующаго винѣ обвиняемаго? Едва ли тутъ возможны два мнѣнія.

Въ своей работѣ „Сокращенные способы разрѣшенія маловажныхъ уголовныхъ дѣлъ въ Германіи и Австріи“ (Юр. Вѣст. 1887 г. кн. 12) Н. В. Муравьевъ удостовѣряетъ, что наиболѣе часто примѣняются въ Германіи карательные приказы по санитарнымъ дѣламъ. Но именно эти дѣла нуждаются не только въ быстротѣ производства, но и въ болѣе строгой репрессіи, соединенной съ публичностью судебнаго разбирательства; а такъ какъ карательные приказы не удовлетворяютъ ни одному изъ этихъ двухъ условій, то оказывается, что вмѣсто ожидаемой пользы они сплошь и рядомъ могутъ принести вредъ интересамъ народнаго благосостоянія.

Что-же касается *дешевизны*, то этотъ аргументъ можетъ

быть убѣдительнымъ единственно лишь въ томъ случаѣ, если результатомъ дешевизны не является ухудшеніе правосудія.

Наконецъ, относительно экономіи судебныхъ силъ надлежитъ имѣть въ виду, что экономія эта въ каждомъ данномъ случаѣ зависитъ отъ усмотрѣнія обвиняемаго, который имѣетъ полную возможность превратить разсматриваемый институтъ въ лишнюю прибавку къ судейскому труду. Кромѣ того, экономія судебныхъ силъ легко можетъ быть достигнута другими, болѣе соотвѣтствующими интересамъ правосудія мѣрами, а не полнымъ устраненіемъ судебнаго разбирательства.

Такимъ образомъ, всѣ аргументы въ пользу изучаемаго института оказываются весьма шаткими.

Совершенно другимъ характеромъ отличаются аргументы противъ него.

Достаточно сказать, что онъ колеблетъ величайшій изъ принциповъ общежитія, принципъ, по которому *гражданинъ можетъ быть принудительнымъ путемъ подвергнутъ стѣсненію или ограниченію своихъ правъ только независимымъ и авторитетнымъ судомъ при соблюденіи всѣхъ выработанныхъ наукой гарантій правосудія.*

То, что я раньше сказалъ противъ института полицейскихъ карательныхъ постановленій, всецѣло относится и къ судебнымъ карательнымъ приказамъ. Не только потому судъ считается единственно пригоднымъ органомъ для осуществленія столь опаснаго права государства, какъ право карательное, что онъ обладаетъ независимостью отъ правительства, авторитетомъ, знаніемъ и опытомъ, но и потому, что дѣятельность его обставлена цѣлымъ рядомъ формъ и обрядовъ, гарантирующихъ какъ уваженіе къ личности подсудимаго, такъ и достиженіе конечной цѣли уголовнаго процесса.

Наложеніе наказанія безъ соблюденія этихъ формъ и обрядовъ будетъ актомъ произвола, отъ кого бы ни исходилъ такой актъ: дѣло нисколько не мѣняется отъ того, что карательный приказъ постановленъ не полиціей или прокуратурой, а судомъ.

Возраженіе, что полицейскія дѣла по большей части весьма просты и ясны, нисколько не уничтожаетъ необходимости

судебнаго разсмотрѣнія ихъ: во-1-хъ, простота и несложность этихъ дѣлъ можетъ имѣть своимъ результатомъ лишь назначеніе бо́льшаго количества такихъ дѣлъ въ одно засѣданіе безъ опасенія обремененія суда, а, во-2-хъ, какъ бы ни было просто дѣло, всегда возможны случаи, когда судебное разбирательство, хотя-бы самое краткое, раскрываетъ такія обстоятельства, которыхъ и подозрѣвать нельзя было, познакомясь съ дѣломъ только съ односторонней точки зрѣнія обвиненія.

Мевесъ въ своемъ изслѣдованіи о карательныхъ приказахъ (Holtzendorff's Handbuch. B. 2, 385), относясь отрицательно къ этому институту и называя его гипотетическимъ производствомъ, указываетъ между прочимъ на то, что съ достоинствомъ судьи несовмѣстимо постановленіе карательнаго приказа, который по истеченіи короткаго времени тотъ же судья долженъ будетъ измѣнить или даже постановить оправдательный приговоръ.

Возраженіе, что право требовать судебнаго разбирательства служитъ вполнѣ достаточной гарантіей для обвиняемаго, мало убѣдительно: никто не можетъ поручиться, что обвиняемый, подчинившійся карательному приказу, не добился бы смягченія наказанія, а быть можетъ и оправданія, если бы дѣло разбиралось въ судѣ обычнымъ порядкомъ. Любой судья изъ личной практики можетъ привести массу примѣровъ, когда достаточно взглянуть на сознающагося обвиняемаго, выслушать его короткое объясненіе, чтобы назначить минимальное наказаніе, несмотря на всю энергію обвиненія.

Съ другой стороны, если интересы обвиняемаго, и находятъ *нѣкоторую* гарантію въ правѣ требовать судебнаго разбирательства, то интересы общественные всецѣло зависятъ отъ усмотрѣнія прокуратуры.

Казалось-бы, что если представитель обвинительной власти не требуетъ бо́льшаго наказанія, то интересы правопорядка вполнѣ обезпечены. А между тѣмъ сплошь и рядомъ возможны случаи, что при судебномъ разбирательствѣ обнаружились бы такія обстоятельства, при которыхъ необходимость высшей мѣры наказанія сдѣлалась бы внѣ всякаго сомнѣнія. Не

лучше ли, не болѣе ли достойно правосудія дѣйствовать съ полнымъ сознаніемъ, чѣмъ, увлекаясь проблематическими выгодами быстроты, постановлять карательные приказы, эти приговоры на авось?

Все сказанное приводитъ меня къ убѣжденію не только въ несоотвѣтствіи этого института основнымъ началамъ современнаго уголовнаго процесса, но и въ нецѣлесообразности его съ чисто практической точки зрѣнія. Въ своей статьѣ „Упрощеніе судопроизводства по маловажнымъ уголовнымъ дѣламъ“ (Журн. Мин. Юст. за 1901 г. кн. 8) г. Щегловитовъ, защищая карательные приказы, говоритъ, что ему приходилось слышать „самые восторженные“ отзывы отъ берлинскихъ судебныхъ дѣятелей объ этомъ институтѣ. Съ своей стороны я могу засвидѣтельствовать, что въ томъ же Берлинѣ отъ весьма почтеннаго участковаго судьи я слышалъ самую нелестную аттестацію о карательныхъ приказахъ, гораздо болѣе строгую, чѣмъ отзывъ Мевеса въ названной выше его работѣ.

Коммисія по пересмотру Судебныхъ Уставовъ предположила ввести у насъ институтъ карательныхъ приказовъ (въ Проектѣ принятъ неудачный терминъ „судебные“ приказы). Можно ли назвать это нововведеніе шагомъ впередъ въ развитіи нашего процессуальнаго права?

Въ виду сказаннаго выше я позволяю себѣ сильно сомнѣваться въ этомъ, хотя постановленіе о судебныхъ приказахъ принято Коммисіей почти единогласно (Противъ высказались только В. Д. Спасовичъ и И. Я. Фойницкій).

Но даже если-бы изучаемый институтъ не обладалъ указанными выше принципіальными недостатками и если бы онъ не вызывалъ никакихъ сомнѣній на Западѣ, то и тогда введеніе его у насъ не соотвѣтствовало бы условіямъ русской жизни.

Прежде всего можно почти безошибочно предсказать, что, за исключеніемъ развѣ приказовъ о рублевыхъ штрафахъ, всѣ остальные будутъ обжалованы, и такимъ образомъ по справедливому замѣчанію проф. Фойницкаго (Курсъ, т. 2, стр. 514) система судебныхъ приказовъ прибавитъ лишнюю

стадію разбора дѣла въ первой инстанціи и, слѣдовательно, поведетъ не къ ускоренію, а къ замедленію процесса. Объ экономіи судебныхъ силъ, очевидно, не можетъ быть и рѣчи: къ общей затратѣ силъ присоединится еще работа на писаніе приказовъ, снятіе съ нихъ копій, посылка ихъ обвиняемому и обвинителю и т. п.

Предположеніе о неизбѣжномъ требованіи судебнаго разбирательства почти по всѣмъ карательнымъ приказамъ само собою напрашивается, если мы обратимся къ существующей у насъ практикѣ наложенія взысканій по распоряженіямъ полицейскихъ (паспортныя дѣла) и акцизныхъ властей. Хотя наказанія, налагаемыя въ указанномъ порядкѣ, заключаются только въ денежныхъ штрафахъ, имѣютъ строго опредѣленный размѣръ, не допускающій произвола, но большею частью у насъ не подчиняются этимъ распоряженіямъ, и дѣла переносятся въ судъ.

Объяснительная записка къ проекту новой редакціи судебныхъ уставовъ (т. 4, стр. 202) приводитъ слѣдующія въ высшей степени характерныя цифры. Въ 1887 г. карательныхъ постановленій по акцизному вѣдомству было 38234; изъ нихъ перешло въ судъ 28060; въ 1888 г.—34970, а перешло въ судъ 22912; въ 1889 г.—30050, а перешло въ судъ 18819. Къ сожалѣнію, у насъ не существуетъ статистическихъ данныхъ о количествѣ отзывовъ на заочные приговоры мировыхъ судей, но практика показываетъ, что принесеніе отзыва есть обычное явленіе; а если это такъ по отношенію къ приговорамъ, постановленнымъ съ соблюденіемъ извѣстныхъ гарантій, то a fortiori можно ожидать аналогичнаго порядка по отношенію къ судебнымъ приказамъ, не представляющимъ никакихъ гарантій правосудія.

Съ другой стороны, совершенно правильно замѣчаетъ г. Лыкошинъ въ своей статьѣ „Сокращенное производство“ (Энциклопедическій Словарь Брокгауза и Ефрона, кн. 60, стр. 745), что система карательныхъ приказовъ предполагаетъ между прочимъ развитіе въ населеніи сознанія своихъ правъ. А если имѣть въ виду поразительное незнакомство нашего крестьянства со своими правами, его неграмотность и крайнюю юри-

дическую безпомощность, то очевидность большой опасности приведенія въ исполненіе карательныхъ приказовъ вопреки волѣ обвиняемыхъ не будетъ возбуждать сомнѣній.

Наконецъ, по проекту инициатива карательнаго приказа исходитъ не отъ прокуратуры, какъ на Западѣ, а отъ самого судьи на основаніи матеріала, даваемаго полицейскими сообщеніями. Противъ такого видоизмѣненія института (вызваннаго малочисленностью нашей прокуратуры и слишкомъ незначительною ролью ея въ мѣстной юстиціи) необходимо замѣтить слѣдующее. Едва ли можно найти болѣе недостовѣрный и ненадежный во всѣхъ отношеніяхъ матеріалъ, чѣмъ тотъ, который даетъ огромное большинство нашихъ полицейскихъ дознаній; издавать карательные приказы, черпая данныя изъ такого мутнаго источника, никогда не рѣшится серіозно относящійся къ своимъ обязанностямъ судья.

Кромѣ того, на Западѣ предложеніе прокурора даетъ судьѣ извѣстную точку опоры, между тѣмъ какъ по нашему проекту обвинителю не предоставлено права ходатайствовать объ изданіи карательнаго приказа, а судья *по личной инициативѣ* долженъ наугадъ опредѣлить размѣръ и родъ наказанія, уклоняясь такимъ образомъ отъ чисто судейской роли. Такое уклоненіе, толкая судью на скользкій и опасный путь конкурренціи съ полиціей въ охранѣ общественныхъ интересовъ, нарушаетъ одинъ изъ устоевъ современнаго уголовнаго процесса—обвинительный принципъ. Забота о поддержаніи обвинительнаго принципа, этой лучшей гарантіи судейскаго безпристрастія, во всей его чистотѣ является одной изъ важнѣйшихъ обязанностей законодателя, и въ особенности у насъ: къ сожалѣнію, наша практика страдаетъ именно затемненіемъ обвинительнаго принципа въ мѣстной юстиціи. Характернымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи можетъ служить слѣдующій фактъ. Несмотря на существованіе ст. 50 уст. угол. судопр., сплошь и рядомъ полиція, произведя дознаніе, препровождаетъ его судьѣ „на распоряженіе", и многіе судьи, забывая, что они судьи, а не судебные слѣдователи, сами изучаютъ акты дознанія и на основаніи ихъ опредѣляютъ всѣ данныя, которыя обязана изложить полиція въ

своемъ *сообщеніи*, играющемъ роль обвинительнаго акта, т. е. какое именно преступленіе, гдѣ и когда совершилось? кто является потерпѣвшимъ? кто обвиняемымъ? какія имѣются доказательства? и т. п. При такомъ порядкѣ не можетъ быть и рѣчи о вполнѣ безпристрастномъ судьѣ, рѣшающемъ споръ между двумя сторонами, такъ какъ тутъ судья уподобляется старинному судьѣ—инквизитору розыскного процесса. Тѣмъ болѣе нежелательно какое бы то ни было расширеніе личной иниціативы судьи *въ сторону обвиненія*, а такое расширеніе несомнѣнно представляетъ собою проектируемое право судьи по собственному усмотрѣнію издавать карательные приказы.

4. Послѣдній изъ перечисленныхъ выше институтовъ—*порядокъ неотложности*, хотя выгодно отличается отъ всѣхъ остальныхъ, но обладаетъ существенными недостатками, которые дѣлаютъ введеніе его, въ особенности у насъ, нежелательнымъ.

Сущность этого института сводится къ слѣдующему. Обвинительная власть имѣетъ право въ извѣстныхъ случаяхъ, когда обвиняемый застигнутъ при совершеніи проступка, задерживать его и приглашать слѣдовать въ судъ вмѣстѣ со свидѣтелями происшествія. Судъ немедленно приступаетъ къ разбору дѣла, но можетъ отсрочить засѣданіе или по просьбѣ обвиняемаго, или по собственной иниціативѣ, найдя дѣло недостаточно подготовленнымъ къ слушанію.

Прототипомъ разсматриваемаго института послужилъ французскій законъ 1863 г., предоставляющій прокуратурѣ право задержанія и привода въ судъ лицъ, обвиняемыхъ въ проступкахъ (délit) и застигнутыхъ in flagranti; затѣмъ порядокъ этотъ принятъ невшательскимъ закономъ 1893 г. (съузившимъ предѣлы его допустимости) и венгерскимъ 1896 г., а также намѣченъ въ проектахъ германскомъ 1894 г. и итальянскомъ 1898 г.

Достоинство порядка неотложности заключается въ быстротѣ производства, но нельзя не замѣтить, что вездѣ законъ предоставляетъ обвиняемому право требовать отсрочки засѣданія, и такое требованіе для суда обязательно. Такимъ образомъ, если прибавить къ этому право суда откладывать за-

сѣданіе и по собственной иниціативѣ, то мы увидимъ, что сплошь и рядомъ ожидаемый законодателемъ эффектъ не получится.

Еще Ф. Эли въ 6 томѣ своего Traité de l'instruction criminelle указалъ на весьма существенные недостатки французскаго закона 1863 г.: обвиняемый является въ судъ въ возбужденномъ, неспокойномъ состояніи духа, что весьма невыгодно отражается на его защитѣ; судъ легко можетъ потерять необходимое безпристрастіе, разбирая дѣло подъ впечатлѣніемъ только что совершившагося проступка; расширяется право прокуратуры подвергать гражданъ личному задержанію; наконецъ, внезапный приводъ обвиняемаго и свидѣтелей вноситъ непредвидѣнное измѣненіе въ распорядокъ судебнаго дня и легко можетъ отразиться въ неблагопріятномъ смыслѣ на теченіи остальныхъ дѣлъ.

Иногда въ защиту разсматриваемаго института ссылаются на то, что въ классической странѣ суда, Англіи, принятъ порядокъ немедленнаго привода въ судъ въ производствѣ у полицейскихъ судей.

Дѣйствительно, въ Англіи этотъ порядокъ не вызываетъ никакихъ сомнѣній; но не слѣдуетъ упускать изъ виду тѣхъ особенностей англійской жизни, которыя не допускаютъ проявиться темнымъ сторонамъ изучаемаго института и которыя отсутствуютъ на континентѣ. Въ этомъ отношеніи прежде всего обращаетъ на себя вниманіе положеніе англійской полиціи: она пользуется уваженіемъ гражданъ и важнѣйшей своей задачей считаетъ защиту интересовъ всѣхъ и каждаго. Далѣе, необычайно развитое въ населеніи чувство законности и свободы, самая широкая гласность и общественный контроль, прекрасно организованная система немедленной отвѣтственности всѣхъ должностныхъ лицъ передъ судомъ за каждое незаконное дѣйствіе, строгій контроль авторитетнаго и безусловно независимаго судьи, все это въ связи съ образцово поставленнымъ суммарнымъ производствомъ полицейскихъ судей способствуютъ тому, что столь частые случаи задержанія полисменами на улицахъ лицъ, совершившихъ тотъ или другой изъ подсудныхъ полицейскимъ судьямъ misde-

meanor'овъ, не только не оскорбляетъ чувства личнаго достоинства англійскихъ гражданъ, но считаются обычнымъ, нормальнымъ порядкомъ, дающимъ самые блестящіе результаты въ смыслѣ быстроты и дѣйствительности уголовной репрессіи.

Но если институтъ судебнаго разбора дѣлъ въ порядкѣ неотложности не можетъ быть названъ шагомъ впередъ въ развитіи западно-европейскаго процессуальнаго права, то введеніе его у насъ могло бы имѣть самыя нежелательныя послѣдствія.. Нигдѣ законодатель не обязанъ болѣе заботиться о развитіи и укрѣпленіи драгоцѣнныхъ и ничѣмъ незамѣнимыхъ чувствъ законности и уваженія къ личности гражданина, чѣмъ у насъ. Вотъ почему надлежитъ съ особенной осторожностью относиться ко всякому расширенію полномочій администраціи и обвинительной власти, вотъ почему порядокъ неотложности съ его расширеніемъ власти полиціи могъ бы принести у насъ гораздо больше вреда, чѣмъ онъ приноситъ на Западѣ.

Нельзя поэтому не отнестись съ полнымъ одобреніемъ къ окончательному рѣшенію коммисіи по пересмотру Судебныхъ Уставовъ, не принявшей разсматриваемаго института. Совершенно правильно въ мотивахъ къ этому рѣшенію указывается на слишкомъ большое (и при томъ не оправдываемое важностью дѣлъ) стѣсненіе, какъ для обвиняемаго, такъ и для свидѣтелей, обязанныхъ немедленно слѣдовать за полицейскимъ въ камеру судьи, а также и на крайне нежелательное вторженіе полиціи въ дѣятельность судьи.

Указанія защитниковъ порядка неотложности на то, что иногда у нашихъ мировыхъ судей практикуется подобный порядокъ по соглашенію съ полиціей нисколько неубѣдительны: помимо того, что примѣры такого рода носятъ чисто случайный характеръ и очень рѣдки, необходимо имѣть въ виду огромную принципіальную разницу между добровольнымъ соглашеніемъ между полиціей и судьей и правомъ полиціи вторгаться въ распорядокъ занятій судьи.

Что же касается указанія на то, что наше дѣйствующее право разрѣшаетъ полиціи непосредственный приводъ обви-

няемыхъ къ судьѣ въ извѣстныхъ случаяхъ (ст. 5-й уст. угол. суд.), то здѣсь никоимъ образомъ нельзя усматривать аналогіи съ порядкомъ неотложности: приводъ по 51 ст. уст. угол. суд. есть по своей юридической природѣ мѣра пресѣченія, аналогичная съ другими мѣрами, перечисленными въ ст. 77 того же Устава: случаи же разбора дѣлъ немедленно послѣ привода и крайне рѣдки, и несогласны съ закономъ.

Такимъ образомъ, слѣдуетъ придти къ выводу, что всѣ разсмотрѣнные институты, расчитанные на достиженіе бо̀льшей скорости и простоты суммарнаго процесса, не достигаютъ своей цѣли и не соотвѣтствуютъ основнымъ принципамъ современнаго процесса.

Тѣмъ не менѣе печальные факты крайней медленности движенія мелкихъ уголовныхъ дѣлъ, парализующей репрессію, должны обращать на себя самое серьезное вниманіе законодателя. Эта медленность принимаетъ у насъ нерѣдко прямо таки устрашающіе размѣры: въ нашей спеціальной прессѣ приводились примѣры, когда обвиняемый въ ночномъ буйствѣ отбылъ наказаніе спустя болѣе трехъ лѣтъ послѣ совершенія имъ проступка. Каждый мировой судья можетъ изъ личной практики привести массу аналогичныхъ примѣровъ.

Положеніе дѣла до очевидности ненормальное и нуждающееся въ улучшеніи. Въ чемъ же должны заключаться мѣры для такого улучшенія?

Проф. Фойницкій (курсъ т. 2, стр. 514) находитъ, что дѣйствующіе у насъ законы о производствѣ дѣлъ у мировыхъ судей не нуждаются въ исправленіи и требуютъ лишь точнаго исполненія, и что „поле для желательнаго вмѣшательства законодателя едва ли здѣсь существуетъ".

Теоретическое изученіе вопроса въ связи съ болѣе чѣмъ десятилѣтними личными наблюденіями надъ практикой мѣстной юстиціи въ различныхъ мѣстахъ Россіи привели меня къ противоположному мнѣнію: я нахожу, что у насъ существуетъ достаточно обширное поле для плодотворной законодательной работы въ области мѣстной юстиціи, какъ съ чисто

процессуальной стороны, *такъ въ особенности и со стороны организаціи*.

Этимъ я нисколько не отрицаю, что весьма значительная часть зла коренится въ неисполненіи требованій дѣйствующихъ законовъ, неисполненіи не только со стороны соприкасающихся съ судомъ властей, но и со стороны самихъ судей, обнаруживающихъ иногда недостатокъ теоретическихъ знаній.

Такъ, напр., если судья принимаетъ отъ полиціи дознаніе, присланное ему „на распоряженіе", вмѣсто того, чтобы требовать самаго точнаго исполненія ст. 50 уст. угол. суд., то, конечно, не говоря о другихъ печальныхъ результатахъ, получится медленность производства, такъ какъ судья долженъ непроизводительно тратить время на изученіе актовъ дознанія, чтобы извлечь изъ нихъ необходимыя для движенія дѣла свѣдѣнія.

Точно такой эффектъ въ смыслѣ замедленія дѣлопроизводства получится, если, вмѣсто требуемаго ст. 130 уст. угол. суд. приговора, который можетъ быть въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ изложенъ въ нѣсколькихъ строкахъ, будутъ писаться пространные приговоры съ изложеніемъ въ нихъ исторіи возникновенія дѣла и со внесеніемъ всѣхъ подробностей судебнаго засѣданія [1]).

Вообще, если судьи будутъ увлекаться бумажнымъ производствомъ и забывать, что *суммарный процессъ есть процессъ устный по преимуществу, и что письменное закрѣпленіе необходимо лишь для его основныхъ, существенныхъ моментовъ*, то въ результатѣ получится уродливое, не оправдываемое ни требованіями закона, ни требованіями науки разростаніе письменнаго производства съ его неизбѣжной медленностью, причемъ, конечно, эти толстыя „дѣла", гдѣ съ чиновничьей точки зрѣнія все „обстоитъ благополучно", въ концѣ концовъ оградятъ судъ отъ жизни непроходимой бумажной стѣной.

---

[1]) Слѣдуетъ отмѣтить заслугу коммисіи по пересмотру судебныхъ уставовъ: ст. 119 проекта подчеркиваетъ необходимость писать самые краткіе приговоры по большинству дѣлъ.

Къ сожалѣнію, уст. угол. суд. въ его раздѣлѣ, трактующемъ о производствѣ дѣлъ у мировыхъ судей, недостаточно ясно и опредѣленно проводитъ только что указанный принципъ. Попадаются иногда статьи, прямо противорѣчащія ему и могущія ввести практиковъ въ заблужденіе относительно истинныхъ намѣреній законодателя. Такова, напр., весьма неудачно редактированная статья 142: едва ли найдется хоть одинъ судья, какимъ бы поклонникомъ бумажнаго производства онъ ни былъ, который сталъ бы вносить въ протоколъ судебнаго засѣданія всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя требуются означенною статьей. Къ чему, напр., записывать въ протоколъ „сущность приговора и время его объявленія“, когда самъ законъ, согласно съ теоріей процесса, знаетъ для этого совершенно самостоятельный актъ въ видѣ резолюціи или приговора? Къ чему въ протоколѣ судебнаго засѣданія отмѣчать „время начатія дѣла“, „сущность жалобъ и сообщеній“, „вызовъ сторонъ и свидѣтелей“, „распоряженія объ исполненіи приговора?“ Очевидно, что исполненіе всѣхъ требованій ст. 142 могло бы имѣть своимъ послѣдствіемъ увеличеніе до колоссальныхъ размѣровъ протоколовъ мировыхъ судей.

Нельзя не отмѣтить поэтому заслуги коммисій по пересмотру Судебныхъ Уставовъ: Проектъ измѣняетъ къ лучшему редакцію этой статьи (по проекту 1123) и исключаетъ изъ нея нѣкоторыя совершенно излишнія требованія.

Заговоривъ о протоколахъ судебныхъ засѣданій, нельзя не остановиться на вопросѣ въ высшей степени жизненномъ и важномъ, отъ удачнаго разрѣшенія котораго зависитъ слишкомъ много не только въ смыслѣ ускоренія и упрощенія суммарнаго процесса, но и въ смыслѣ общаго его улучшенія.

Разумѣю вопросъ о канцеляріяхъ мировыхъ судей.

Россія представляетъ собою единственную страну, гдѣ единоличный судья совмѣщаетъ въ себѣ и должность своего секретаря (а во время судебныхъ засѣданій—даже и судебнаго пристава). О ненормальности такого соединенія говорилъ еще Фейербахъ (Lehrbuch, 13 Aufl., 692), и, дѣйствительно, трудно себѣ представить все зло, которое получается въ результатѣ этого порядка.

Прежде всего бросается въ глаза разница въ быстротѣ разбора дѣлъ при нашемъ порядкѣ и при порядкѣ нормальномъ. Я лично во время изученія на мѣстѣ французскихъ судебныхъ порядковъ былъ свидѣтелемъ, какъ парижскіе мировые судьи разбирали въ одно засѣданіе болѣе 100 дѣлъ, между тѣмъ какъ нашъ судья при наиболѣе развитой техникѣ веденія судебныхъ засѣданій никогда не въ состояніи разобрать и трети этого количества въ такое же время. И это нисколько не удивительно: кромѣ разбора дѣла ему нужно заботиться о веденіи протокола засѣданія, и сплошь и рядомъ самое ничтожное дѣло, на которое французскій мировой судья тратитъ нѣсколько секундъ для того, чтобы сказать сознавшемуся обвиняемому: „cinq francs amende“, у насъ занимаетъ сравнительно очень много времени, такъ какъ судья обязанъ составить протоколъ обо всемъ происшедшемъ во время судебнаго засѣданія, отмѣтивъ, кто явился, кто не явился, отобрать подписи у допрошенныхъ лицъ, внести въ протоколъ постановленіе о томъ, что въ виду сознанія обвиняемаго допросъ свидѣтелей признанъ ненужнымъ, записать, что приговоръ объявленъ съ разъясненіемъ порядка обжалованія, и, наконецъ, написать самый приговоръ и торжественно прочесть его передъ поднявшейся съ мѣстъ публикой.

Но, кромѣ избавленія судьи отъ работы по веденію протоколовъ судебныхъ засѣданій, наличность штатнаго, отвѣтственнаго секретаря оказываетъ громадное вліяніе на ускореніе суммарнаго процесса еще и въ другомъ, едва ли не болѣе важномъ, отношеніи: она избавляетъ судью отъ массы канцелярской работы, чрезвычайно утомительной и отнимавшей слишкомъ много времени отъ чисто-судейскихъ обязанностей.

Веденіе текущаго дѣлопроизводства, подготовка дѣлъ къ слушанію, пріемъ просителей, выдача справокъ, составленіе отчетностей всякаго рода и т. п.—все это составляетъ добрую половину работы каждаго нашего единоличнаго судьи, а между тѣмъ все это съ большимъ удобствомъ и пользой для дѣла могло бы быть возложено на секретаря.

И хотя жизнь беретъ свое, хотя и у насъ въ крупныхъ

центрахъ съ большимъ количествомъ дѣлъ бóльшая часть канцелярской работы производится безъ всякаго участія судьи, подписывающимъ не читая иногда бумагъ и оставляющимъ на распоряженіе письмоводителя массу напередъ подписанныхъ бланковъ, повѣстокъ и т. п., но такой порядокъ нормальнымъ быть названъ не можетъ: онъ оставляетъ много мѣста для всевозможныхъ случайностей нежелательнаго свойства. Огромная разница существуетъ между штатнымъ секретаремъ, отвѣтственнымъ, обладающимъ извѣстнымъ цензомъ, и вольнонаемнымъ письмоводителемъ, по необходимости скудно оплачиваемымъ и мало заинтересованнымъ въ дѣлѣ: насколько первый является надежнымъ помощникомъ судьи въ его трудномъ дѣлѣ, значительно облегчающимъ отправленіе правосудія, настолько второй сплошь и рядомъ можетъ причинить судьѣ много хлопотъ и затрудненій.

И если намъ мечтать нельзя о тѣхъ канцеляріяхъ, которыя существуютъ при англійскихъ полицейскихъ судьяхъ, то учрежденіе хотя бы одной должности секретаря при нашихъ единоличныхъ судьяхъ представляется кричащею необходимостью. Не говоря уже о томъ, что для такого дѣла, какъ правосудіе, государство не должно жалѣть средствъ, можно съ увѣренностью сказать, что при организаціи единоличнаго суда подобно той, какая существуетъ въ Англіи, *потребовалось бы гораздо меньшее количество судей, чѣмъ то, какое существуетъ у насъ въ настоящее время.*

Судья, освобожденный отъ всякой несвойственной ему работы и занятый исключительно разборомъ дѣлъ въ судебныхъ засѣданіяхъ, очевидно можетъ рѣшить несравненно большее количество дѣлъ, чѣмъ судья, половина времени котораго занято работой, *отнюдь не требующей такихъ высокихъ качествъ въ личности работника, какія требуются отъ человѣка, рѣшающаго вопросъ о примѣненіи къ гражданину крайняго средства охраны правопорядка.*

Въ высшей степени поучительнымъ является фактъ, что въ то время какъ жалобы на медленность и сложность суммарнаго процесса раздаются и во Франціи, и въ Германіи, и въ особенности у насъ,—въ Англіи никто и не подумаетъ

предлагать проекты упрощенія суммарнаго процесса въ родѣ разсмотрѣннаго выше, такъ какъ существующій порядокъ разрѣшаетъ блестящимъ образомъ свою задачу: обычнымъ явленіемъ въ Лондонѣ является произнесеніе обвинительнаго приговора полицейскаго судьи спустя нѣсколько часовъ послѣ совершенія проступка.

И такой блестящій результатъ при почти пятимилліонномъ населеніи Лондона достигается всего только *четырнадцатью* полицейскими судами. А если прибавить къ этому, что полицейскіе судьи разбираютъ не только уголовныя дѣла, но и нѣкоторыя гражданскія, что кромѣ того они вѣдаютъ дѣла о выдачѣ преступниковъ, производятъ предварительныя слѣдствія и представляютъ собою нѣчто въ родѣ безплатныхъ юрисконсультовъ для населенія, то только что указанные результаты ихъ дѣятельности въ интересующей насъ области представятся прямо таки поразительными, въ особенности, если имѣть въ виду, что полицейскіе судьи пользуются среди населенія глубокимъ уваженіемъ и оказываютъ свое благотворное вліяніе на правовую жизнь страны.

Сцена засѣданія полицейскаго суда, описанная Диккенсомъ въ „Оливерѣ Твистѣ“, такъ же отошла въ область преданій, какъ и сцена засѣданія гражданскаго суда въ его же „Пиквикскомъ клубѣ“. Уже Миттермайеръ (Das englische, schottische nnd nordamerikanische Strafverfahren etc. 1851, стр. 7), отзываясь съ большой похвалой о дѣятельности полицейскихъ судей, говоритъ: Es macht einen wohlthäitigen, Vertrauen erweckenden Eindruck das Wirken dieser Männer zu beobachten. (S. 120). Подобные же отзывы даютъ и другіе писатели, изучившіе этотъ вопросъ, напр. Marqardsen (Gerichtsaal, 1850, 11, S. 629), V. Smith (Du tribunal de police en Angleterre, 1863), Ларіеръ (Архивъ Калачева за 1859 г. кн. 2), а изъ новѣйшихъ Prins (Etude comparative sur la procédure pénale à Londres et en Belgique 1879; Criminalité et repression), Franqueville въ его цитированной выше работѣ объ англійской судебной системѣ. Въ особенности важенъ отзывъ послѣдняго изъ названныхъ авторовъ: Франкевилль, написавшій рядъ цѣнныхъ работъ объ Англіи, изучалъ вопросы англійскихъ судебныхъ

порядковъ въ теченіи почти тридцати лѣтъ, причемъ большую часть свѣдѣній собралъ на мѣстѣ во время долговременнаго пребыванія своего въ Англіи; въ результатѣ получились вышедшіе въ 1893 году два огромныхъ тома, представляющіе собою лучшій источникъ для ознакомленія съ англійскимъ судомъ.

Все это дѣлаетъ необходимымъ болѣе подробное разсмотрѣніе института англійскихъ полицейскихъ судей: это разсмотрѣніе должно выяснить, въ чемъ заключается секретъ столь блестящей дѣятельности ихъ.

Лондонъ раздѣленъ на 14 полицейско-судебныхъ участковъ съ 26 судьями. Стивенъ (History of the criminal law of England, 1883, I, 232) говоритъ только объ одиннадцати участкахъ, но слѣдуетъ имѣть въ виду, что съ 1883 г. число ихъ увеличено (Franqueville, 1, 276). Одинъ изъ этихъ судовъ (Bow-Street) представленъ тремя судьями и считается главнымъ, десять судовъ имѣютъ по двое судей и три суда по одному. Въ каждомъ судѣ засѣданія происходятъ ежедневно съ 10 ч. утра до 5 ч. пополудни, причемъ въ засѣданіяхъ принимаетъ участіе каждый разъ только одинъ судья, чередуясь со своими товарищами.

Для каждаго суда имѣется спеціальное зданіе, находящееся почти рядомъ съ полицейскимъ депо: обстоятельство это очень важно въ смыслѣ немедленнаго доставленія въ судъ задержанныхъ лицъ. Каждый судъ имѣетъ многочисленную канцелярію съ нѣсколькими секретарями (изъ которыхъ главный—chiefclerk—назначается министромъ изъ опытныхъ юристовъ), судебными приставами, курьерами и т. п. Кромѣ того, при каждомъ судѣ имѣется нѣсколько полисменовъ для немедленнаго исполненія различныхъ спѣшныхъ порученій.

Полицейскіе судьи (stipendiary magistrates) назначаются королемъ изъ числа опытныхъ адвокатовъ (barrister), практиковавшихъ не менѣе семи лѣтъ. Они получаютъ содержаніе около 15 тысячъ рублей въ годъ, не могутъ получать ни наградъ, ни какихъ бы то ни было повышеній, независимы отъ правительства, обладаютъ значительною властью, позволяющей имъ налагать весьма чувствительныя взысканія на всякое част-

ное или должностное лицо, уклоняющееся отъ исполненія ихъ законныхъ и точно выраженныхъ требованій. Они пользуются ежегодно каникулярнымъ временемъ полтора мѣсяца; четыре раза въ годъ всѣ судьи собираются подъ предсѣдательствомъ главнаго судьи для обсужденія различныхъ вопросовъ, относящихся къ своей дѣятельности, и результаты своихъ совѣщаній доводятъ до свѣдѣнія министерства.

Служебная дѣятельность судьи исчерпывается участіемъ его въ судебныхъ засѣданіяхъ, причемъ и здѣсь онъ избавленъ отъ всего, что такъ или иначе можетъ отвлечь его вниманіе отъ совершенно безпристрастнаго разбора дѣлъ; главнѣйшая его задача въ судебныхъ засѣданіяхъ заключается въ томъ, чтобы, какъ говорятъ англичане, to keep his mind open, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ допросы ведутся не судьей, а секретаремъ, не говоря уже о писаніи протоколовъ и т. п. Никакого участія ни въ подготовкѣ дѣлъ къ слушанію, ни въ дальнѣйшей судьбѣ ихъ послѣ судебныхъ засѣданій судья не принимаетъ: все это лежитъ на обязанности отвѣтственной, прекрасно организованной и отлично знающей свое дѣло канцеляріи.

Обычный ходъ уголовнаго дѣла слѣдующій. Полисменъ задерживаетъ на улицѣ совершившаго преступное дѣяніе и доставляетъ обвиняемаго вмѣстѣ со свидѣтелями въ полицейское депо. Тамъ на основаніи разспросовъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ составляется такъ называемый обвинительный листъ (charge sheet), и, если все это имѣетъ мѣсто въ присутственные часы, то всѣ участвующія въ дѣлѣ лица направляются въ судебное засѣданіе, въ противномъ же случаѣ дѣло слушается на другой день. Засѣданія, какъ указано выше, начинаются въ 10 ч. утра. Судья, садясь въ свое судейское кресло, не знаетъ, какія дѣла будутъ разбираться. Передъ нимъ на столѣ лежитъ списокъ, точнымъ образомъ воспроизводящій названный выше charge sheet. Это большой листъ бумаги, разграфленный на 14 столбцовъ, гдѣ обозначаются всѣ необходимыя для суда свѣдѣнія: № по порядку, число и часъ возникновенія дѣла, имя, адресъ, лѣта и профессія обвиняемаго, проступокъ, въ которомъ онъ обвиняется, кто обви-

няетъ, имена и адресы свидѣтелей и т. п. Послѣ разбора дѣла, заключающагося въ допросѣ свидѣтелей подъ присягой (очень краткая формула) и выслушанія объясненій сторонъ, судья въ 12 графѣ charge sheet'a записываетъ рѣшеніе и объявляетъ его безъ всякихъ торжественныхъ формулъ; замѣтить надо, что эта запись состоитъ изъ одного—двухъ словъ, напр., „5 chil.“ (т. е. пять шиллинговъ штрафа), и ею исчерпывается вся обязательная письменная работа судьи по службѣ.

Сплошь и рядомъ приговоръ немедленно приводится въ исполненіе. Апелляція хотя и можетъ быть принесена въ четвертныя засѣданія мировыхъ судей (съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей; полицейскіе судьи въ апелляціонной инстанціи не принимаютъ участія), но вообще принесеніе апелляціи есть рѣдкое явленіе, лишній разъ свидѣтельствующее о томъ довѣріи и авторитетѣ, которымъ пользуется разсматриваемый институтъ. Вотъ нѣсколько цифръ, иллюстрирующихъ только что сказанное. Въ 1891 г. на 602573 рѣшенныхъ дѣла было 233 апелляціи; въ 1890 г. было 229 апелляцій; въ 1889 г.—223, въ 1888 г.—198, въ 1887—162, въ 1886 г.—171 (Franqueville l. c., t. II, 396).

Еще одно немаловажное замѣчаніе. Я сказалъ выше, что полицейскіе судьи, кромѣ разбора дѣлъ по существу, производятъ еще и предварительныя слѣдствія. Относительно этой части ихъ дѣятельности необходимо имѣть въ виду, что англійское предварительное слѣдствіе, кромѣ названія, имѣетъ мало общаго съ нашимъ. Въ Англіи судья не принимаетъ никакого участія въ собираніи доказательствъ; его задача заключается въ томъ, чтобы въ открытомъ судебномъ засѣданіи въ общемъ состязательномъ порядкѣ провѣрить собранныя уже доказательства противъ обвиняемаго и рѣшить вопросъ о дальнѣйшемъ направленіи дѣла. Если въ инкриминируемыхъ фактахъ нѣтъ состава преступленія, судья немедленно прекращаетъ дѣло и объявляетъ обвиняемаго отъ суда свободнымъ; точно такъ же поступаетъ судья, если обвинитель не представитъ достаточныхъ доказательствъ для того, чтобы считать виновность обвиняемаго вѣроятной; если дѣяніе пред-

ставляетъ собою одинъ изъ подсудныхъ полицейскому суду проступковъ, судья самъ постановляетъ приговоръ по существу; и, наконецъ, если представлены достаточныя доказательства по обвиненію въ преступленіи, подсудномъ ассизному суду, передаетъ дѣло по принадлежности. Такимъ образомъ англійскій судья, производящій предварительное слѣдствіе, ни на волосъ не выступаетъ изъ чисто-судейской роли безпристрастнаго рѣшителя спора между двумя сторонами и представляетъ во всѣхъ отношеніяхъ полную противоположность нашему судебному слѣдователю.

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ высшей степени плодотворная дѣятельность англійскихъ полицейскихъ судовъ *обусловливается прежде всего самою организаціею этихъ судовъ.* Въ личности англійскаго судьи соединяются всѣ необходимыя условія для того, чтобы онъ отдалъ всѣ свои силы на служеніе правосудію. Это не начинающій служебную карьеру, мало опытный чиновникъ, заботящійся о повышеніи, принужденный считаться и со взглядами своего начальства, и съ мнѣніями вліятельныхъ лицъ, не чувствующій подъ собою твердой почвы, не спокойный насчетъ завтрашняго дня, лишенный того ровнаго, спокойнаго (и столь цѣннаго въ судьѣ) настроенія духа, которое дается отсутствіемъ матеріальныхъ заботъ и лишеній, не обладающій авторитетомъ ни среди гражданъ, ни среди соприкасающихся съ нимъ властей,—а, напротивъ, это пожилой, житейски-опытный, уважаемый и прекрасно знающій свое дѣло юристъ, отлично обезпеченный матеріально, безусловно независимый, увѣренный, что если въ приговорѣ онъ добросовѣстно выразитъ свое убѣжденіе, то никто не можетъ поколебать его положенія; *это судъ, облеченный достаточною властью, чтобы заставить всѣхъ и каждаго исполнить его законныя требованія*; онъ пользуется большимъ авторитетомъ, *привязанъ къ своему дѣлу и посвящаетъ ему всѣ свои силы*; хотя отъ него требуется очень большая работа, но со стороны законодателя сдѣлано все для того, чтобы судья приступалъ къ работѣ со свѣжими силами; словомъ, это судья, доказывающій справедливостъ замѣчанія Prins'a (Criminalité et

repression), что чувство долга усиливается въ судьѣ по мѣрѣ возрастанія его авторитета.

Далѣе, англійскій законодатель сдѣлалъ все возможное для того, чтобы работа судьи была продуктивнѣе и быстрѣе: судья исполняетъ исключительно чисто-судейскія обязанности, вся же остальная работа, предшествующая, сопутствующая и слѣдующая за разбирательствомъ дѣлъ, поручена состоящимъ при судьѣ отвѣтственнымъ должностнымъ лицамъ. Если мы прибавимъ къ этому низведеніе письменности до необходимаго минимума *и чрезвычайную заботливость законодателя о самомъ точномъ и немедленномъ исполненіи всѣхъ законныхъ судебныхъ требованій*, то мы поймемъ, почему ежедневно засѣдающіе 14 лондонскихъ полицейскихъ судей не только успѣваютъ блестящимъ образомъ справляться съ массой дѣлъ населенія, въ нѣсколько разъ превышающаго численность населенія Петербурга, но и посвящать значительную часть этихъ ежедневныхъ засѣданій на дачу нуждающимся различныхъ юридическихъ совѣтовъ, выслушиваніе жалобъ, снабженіе деньгами изъ особо назначенныхъ суммъ нуждающихся лицъ, обращающихся къ судьѣ за помощью и т. п.

Въ высокой степени поучительный примѣръ блестящихъ результатовъ лондонскаго полицейскаго суда долженъ обращать на себя вниманіе каждаго законодателя; и хотя всѣхъ условій англійской жизни, способствующихъ съ своей стороны этимъ результатамъ, перенести въ другую страну нельзя, но необходимо всегда имѣть въ виду аксіому, что хорошія учрежденія оказываютъ самое благотворное вліяніе на общественную жизнь.

Глубоко вѣрно замѣчаетъ Спасовичъ въ предисловіи къ переводу „уголовнаго права Англіи“ Стивена, что государственныя учрежденія Англіи „подобно всѣмъ великимъ созданіямъ человѣческаго творчества, съ одной стороны, весьма національны, а съ другой стороны, способны къ безконечному, космополитическому распространенію“. Однимъ изъ лучшихъ примѣровъ благотворнаго дѣйствія англійскихъ учрежденій является судъ присяжныхъ: несмотря на всѣ искаженія, которымъ подвергся при перенесеніи на континентъ этотъ

сдѣлавшійся теперь по словамъ Бруннера Weltrechtsinstitut (Die Entstehung der Schnurgerichte 1872, 7), искаженія, во многомъ парализующія его дѣйствіе, польза отъ принятія суда присяжныхъ вездѣ съ избыткомъ искупаетъ его темныя стороны.

Если обратиться къ нашему отечеству, то мы увидимъ, что въ области мѣстной юстиціи оно обладаетъ законодательнымъ памятникомъ, могущимъ выдержать сравненіе съ только что разсмотрѣннымъ институтомъ полицейскаго суда, если, конечно, имѣть въ виду во 1-хъ, тѣ историческія условія, при которыхъ возникъ этотъ памятникъ, и во 2-хъ, ту возможность дальнѣйшаго прогрессивнаго развитія, которую онъ въ себѣ заключалъ.

Разумѣю судебные уставы Императора Александра II, реформы котораго Б. Н. Чичеринъ справедливо называетъ фундаментомъ, на которомъ покоится вся будущность Россіи (Курсъ государственной науки, т. III, стр. 319)

Въ тѣхъ отдѣлахъ, которые относятся къ мѣстной юстиціи, судебные уставы заключаютъ *вполнѣ правильные принципы, дальнѣйшее логическое развитіе которыхъ, сообразно прогрессивному движенію впередъ общественной жизни, могло бы гарантировать наши судебные порядки между прочимъ и отъ нареканій на медленность и сложность суммарнаго процесса.*

Въ особенности обращаетъ на себя вниманіе организаціонная часть: со стороны законодателя было сдѣлано *все возможное для того времени*, чтобы въ области мѣстной юстиціи создать настоящихъ судей, пользующихся довѣріемъ среди населенія, независимыхъ и авторитетныхъ. Отсутствіе штатныхъ секретарей при мировыхъ судьяхъ объясняется (помимо боязни законодателя всего, что могло бы напоминать дореформенные канцелярскіе порядки) тѣмъ, что все дѣлопроизводство предполагалось въ высшей степени простымъ и несложнымъ.

Такъ какъ въ мою задачу не входитъ подробное изслѣдованіе вопроса, составляющаго предметъ настоящей работы, то я могу ограничиться тѣмъ, что намѣчу путь, по которому

должны быть направлены реформы въ смыслѣ ускоренія и упрощенія нашего суммарнаго процесса.

Необходимо возвращеніе къ традиціямъ судебныхъ уставовъ первоначальной редакціи относительно судей, *которымъ ввѣрена столь важная жизненная и отвѣтственная отрасль правосудія, какъ мѣстная юстиція.* Для того, чтобы отправленіе правосудія въ этой области соотвѣтствовало бы интересамъ народнаго благосостоянія, для того чтобы русская народная поговорка „судья праведный—ограда каменна“ была бы не пустымъ звукомъ, намъ нужны не судебные чиновники, *а независимые* [1]), *несмѣняемые, авторитетные, научно-подготовленные и житейски опытные судьи, которые были бы привязаны къ своему дѣлу, не стремились бы при первой возможности оставить его для болѣе выгоднаго, которые посвящали бы служенію правосудію всѣ свои силы и которые пользовались бы довѣріемъ народа.*

Необходимо обезпечить самое точное и немедленное исполненіе административными властями и въ особенности полиціей всѣхъ законныхъ требованій судей. Въ этомъ отношеніи въ высшей степени желательно дальнѣйшее развитіе принципа, намѣченнаго въ ст. 58 уст. угол. суд. *первоначальной* редакціи.

Не боясь преувеличенія, можно сказать, что главная причина существующей нынѣ медленности суммарнаго процесса заключается въ неисполненіи полиціей судебныхъ порученій. При полномъ безсиліи судьи заставить исполнять свои требованія другого результата и быть не можетъ: сообщенія прокурору или по начальству лишь въ видѣ очень рѣдкихъ исключеній можетъ оказывать желаемое дѣйствіе. Практика знаетъ

---

[1]) Единоличному судьѣ, вѣдающему дѣла мѣстной юстиціи, независимость нужна во всякомъ случаѣ не менѣе, чѣмъ сенатору кассаціоннаго департамента. Только тогда судья будетъ гарантированъ отъ всякаго давленія на его совѣсть, только тогда онъ будетъ открыто и безбоязненно провозглашать то, что считаетъ истиной, зная, что, какъ бы его взглядъ ни расходился со взглядами органовъ власти, онъ за свои приговоры пострадать не можетъ. Само собою разумѣется, это отнюдь не исключаетъ возможности привлеченія судьи къ отвѣтственности передъ компетентнымъ высшимъ судомъ, напр., за преступленія по службѣ и т. п.

примѣры, когда въ теченіи года судья сообщалъ восемь разъ о крайней медленности полицейскаго чиновника и небрежности его въ исполненіи судебныхъ порученій, а въ результатѣ оказалось, что всѣ сообщенія были оставлены безъ последствій, и на слѣдующій годъ чиновникъ получилъ повышеніе, такъ какъ пользовался расположеніемъ губернатора.

Невольно вспоминаются при этомъ слова Н. В. Муравьева о томъ, что у насъ должностныя лица администраціи сплошь и рядомъ неуязвимы, не смотря на совершаемыя ими преступленія по службѣ. („Объ уголовномъ преслѣдованіи должностныхъ лицъ за преступленія по службѣ" Юридическій Вѣстникъ, 1879 г. кн. 10). Печальное положеніе вещей въ этой области признано у насъ и оффиціально. Въ объяснительной запискѣ къ проекту новой редакціи Судебныхъ Уставовъ т. IV стр. 239 мы читаемъ: „Обыватель не понимаетъ, почему прокуроръ защититъ его въ томъ случаѣ, если онъ будетъ обокраденъ, и не окажетъ ему содѣйствія тогда, когда полицейскій урядникъ станетъ у него вымогать взятку или городовой изобьетъ его. Все, что можетъ въ этомъ случаѣ сдѣлать прокуроръ,—это препроводить поданную ему жалобу или заявленіе .... къ подлежащему начальству, *которое впрочемъ въ большинствѣ случаевъ оставляетъ жалобу безъ послѣдствій*".

И если такая безнаказанность существуетъ относительно крупныхъ преступленій по службѣ, то нечего и говорить о неисполненіи порученій мирового судьи: полицейскій чиновникъ можетъ систематически игнорировать эти порученія и быть вполнѣ увѣреннымъ, что никакія сообщенія по начальству или прокурору не сдѣлаютъ ему ни малѣйшей непріятности, если только заслужено расположеніе своего начальства. Очевидно, что заимствованіе англійскаго порядка наложенія судьею взысканій на полицейскихъ чиновниковъ сразу измѣнило бы къ лучшему все дѣло, прекратило бы случаи откладыванія дѣла изъ за неврученія повѣстокъ и было бы логическимъ развитіемъ принципа, намѣченнаго въ ст. 53 уст. угол. суд. первоначальной редакціи.

О необходимости учрежденія должности штатныхъ се-

кретарей съ возложеніемъ на нихъ обязанности самостоятельнаго веденія дѣлопроизводства я уже говорилъ. Добавлю къ этому, что секретарь безъ хорошей канцеляріи справиться успѣшно съ дѣломъ не можетъ, и поэтому необходимымъ является усиленіе штатовъ канцелярій. Наша практика сплошь и рядомъ представляетъ случаи, когда скудно обезпеченный судья, обремененный семьею, старается елико возможно больше съэкономить изъ отпускаемыхъ ему (и безъ того незначительныхъ) канцелярскихъ суммъ, и въ результатѣ получается канцелярія изъ полуграмотнаго мальчика-писца, одновременно исполняющаго обязанности и разсыльнаго; о томъ, какъ такой порядокъ вліяетъ на быстроту производства, и говорить нечего.

Что касается чисто процессуальныхъ законовъ, то здѣсь необходимы реформы въ смыслѣ возможно полнаго проведенія принципа устности производства и отведенія письменности самаго скромнаго мѣста. Судебные Уставы заключаютъ немало указаній того направленія, въ какомъ слѣдовало бы развиваться практикѣ. Напр., ст. 131 уст. угол. суд. знаетъ въ зародышѣ англійскій charge sheet: она разрѣшаетъ судьѣ записывать свои приговоры въ одну общую книгу. На практикѣ это совершенно не привилось, а между тѣмъ несомнѣнно, что, въ смыслѣ ускоренія и упрощенія суммарнаго процесса, было бы предпочтительнѣе имѣть одну общую книгу, гдѣ въ соотвѣтствующихъ графахъ могли бы быть отмѣчаемы всѣ необходимыя свѣдѣнія, а въ одной изъ нихъ записывался бы *кратко* приговоръ,—вмѣсто массы объемистыхъ дѣлъ, въ которыхъ три четверти бумагъ не имѣютъ никакого значенія. Для чего, напр., практикуется присылка судьѣ полицейскихъ дознаній? Вѣдь эти дознанія могутъ имѣть значеніе исключительно только для обвинителя, который заимствуетъ изъ нихъ данныя для предъявленія обвиненія по 50 ст. уст. угол. суд. Для судьи же дознанія представляютъ собою совершенно ненужный бумажный хламъ: судья обязанъ имѣть въ виду не дознаніе, а сообщеніе, въ которомъ предъявлено обвиненіе. Эти сообщенія слѣдовало бы излагать по образцу англійскаго charge sheet и точно

указать въ законѣ, что кромѣ нихъ въ судъ не должны быть присылаемы никакія другія бумаги.

Въ заключеніе нельзя не отмѣтить еще недостатковъ существующаго порядка относительно обжалованія приговоровъ. Этотъ порядокъ во многомъ способствуетъ замедленію и усложненію суммарнаго процесса: и слишкомъ длинные сроки на обжалованіе, и полная возможность затягивать дѣло по желанію апеллятора, и очень громоздкая процедура разбора дѣлъ во второй инстанціи съ ея письменностью, длинными докладами дѣлъ, подписями протоколовъ и т. п., необычайно длинными формулами присяги, совершенно ненужнымъ участіемъ прокуратуры для дачи заключеній и т. д. Здѣсь достаточно обширное поле для законодательной работы въ смыслѣ упрощенія этого важнаго отдѣла суммарнаго процесса.

I. Михайловскій.

II.

ОСНОВНЫЯ ЧЕРТЫ ЖЕЛАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦІИ УѢЗДНАГО УПРАВЛЕНІЯ ВЪ СВЯЗИ СЪ УСТРОЙСТВОМЪ МЕЛКОЙ ЗЕМСКОЙ ЕДИНИЦЫ.

(Докладъ, читанный 13 января 1903 года въ засѣданіи административнаго отдѣленія Юридическаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ).

„Необходимо подойти какъ можно ближе къ массамъ народа и воспользоваться стариннымъ раздѣленіемъ на приходы, чтобы провести въ сознаніе крестьянъ и земледѣльческихъ рабочихъ принципы и обязанности мѣстнаго управленія и обезпечить за ними его благодѣянія“ (Изъ рѣчи *Гладстона* по поводу реформы мѣстнаго самоуправленія въ Англіи).

„Если вы хотите сохранить нынѣшній порядокъ земельныхъ отношеній и поддержать значеніе крестьянства, въ качествѣ оплота порядка и устойчиваго общественнаго строя, спѣшите реформировать земское устройство на началѣ сотрудничества помѣщичьихъ и крестьянскихъ культурныхъ и рабочихъ элементовъ, не отстаивайте привилегій, проводите справедливость въ систему налоговъ, создайте одинаковыя права и обязанности избирательной системы“ (Изъ рѣчи делегата отъ крестьянъ *Виссера* на съѣздѣ 1890 г. „Verein für Socialpolitik“ по поводу реформы прусскаго общиннаго устройства).

Вопросъ о мелкой земской единицѣ, о правильной организаціи мѣстнаго самоуправленія привлекаетъ къ себѣ въ настоящее время общее вниманіе не только у насъ, но и въ Западной Европѣ. Чрезвычайно

мѣтко охарактеризовалъ это движеніе политической мысли М. Н. Покровскій въ статьѣ: „Мѣстное самоуправленіе въ древней Руси“ [1]).

„Если первая половина XIX вѣка можетъ быть названа эпохой конституціонныхъ исторій, то вторая является эпохой исторіи общинной, деревенской... Словомъ, какъ 70 лѣтъ назадъ сложилась целлюлярная физіологія, такъ теперь мы присутствуемъ при образованіи целлюлярной исторіи права и учрежденій“.

О вниманіи къ этому вопросу въ Россіи свидѣтельствуетъ интересъ, который обнаруживаетъ въ послѣднее время наше общество ко всѣмъ вопросамъ, имѣющимъ отношеніе къ организаціи низшихъ органовъ управленія, свидѣтельствуютъ и оживленные дебаты по этому вопросу на съѣздахъ земскихъ дѣятелей и въ земскихъ собраніяхъ [2])

Большое оживленіе замѣчается и въ печати. Среди многочисленныхъ работъ, посвященныхъ этому вопросу, надо отмѣтить сборникъ статей разныхъ авторовъ—извѣстныхъ русскихъ писателей по вопросамъ мѣстнаго управленія подъ общимъ заглавіемъ „Мелкая земская единица“, изданный князьями П. Д. Долгоруковымъ и Д. Н. Шаховскимъ. Въ этой книгѣ собранъ обширный весьма цѣнный матеріалъ для освѣщенія интересующаго насъ вопроса съ самыхъ различныхъ сторонъ. Большое вниманіе удѣлено мѣстному управленію на окраинахъ. Польская гмина, прибалтійскій приходъ, финляндская община и румынская коммуна (въ возсоединенномъ участкѣ Бессарабіи) нашли здѣсь своихъ описателей.

Юридическое Общество при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, чуткое ко всѣмъ жизненнымъ вопросамъ юридическаго быта Россіи, не замедлило отозваться и на этотъ новый запросъ общества.

Административное отдѣленіе Юридическаго Общества рѣшило посвятить цѣлый рядъ засѣданій обсужденію докладовъ о мелкой земской единицѣ и о связанныхъ съ ней вопросахъ мѣстнаго управленія. Труды отдѣленія начались блестящимъ докладомъ П. М. Страховскаго: „Крестьянское общественное самоуправленіе и его реформа“. Продолжительныя пренія въ двухъ засѣданіяхъ, въ которыхъ приняли участіе многіе члены общества, неослабный интересъ, который проявила къ нимъ многочисленная аудиторія, свидѣтельствуютъ, что вопросъ о мѣстномъ управленіи изъ вопроса теоретическаго сталъ злобою дня.

Повидимому, назрѣла мысль, что „увѣнчаніе зданія“ мѣстнаго

---

[1]) „Мелкая земская единица“. Сборникъ статей, стр. 186.

[2]) См. статьи В. Ю. Скалона и В. Г. Бажаева въ сборникѣ „Мелкая земская единица“.

самоуправленія, о чемъ мечтала интеллигентная Россія еще въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, не можетъ быть достигнуто, пока подъ это зданіе не будетъ подведенъ прочный фундаментъ правильной организаціей *первичныхъ* общественныхъ союзовъ. Наши земскія учрежденія до сихъ поръ висятъ въ воздухѣ, и каждый сильный порывъ реакціоннаго вѣтра грозитъ опрокинуть ихъ. Послѣднія 20 лѣтъ такая опасность возникала не разъ, и она можетъ повториться снова, если наше мѣстное самоуправленіе не получитъ устойчивой опоры въ низшихъ органахъ управленія.

Мнѣ кажется, однако, что правильное развитіе органовъ самоуправленія можетъ быть обезпечено имъ лишь тогда, когда будетъ упорядочено также и *административное* управленіе на мѣстахъ. Между органами того и другого управленія существуетъ постоянное соприкосновеніе и взаимная связь. Чтобы правильно разграничить дѣятельность земства и администраціи, необходимо создать нѣчто опредѣленное и здѣсь, и тамъ.

Въ виду того, что теперь поставлена на очередь организація *мелкой* земской единицы, то есть органа земскаго самоуправленія въ *уѣздѣ*, оказывается необходимымъ остановиться и на вопросахъ, касающихся устройства нашего уѣзднаго управленія, вообще, и, въ особенности, низшихъ органовъ уѣздной администраціи.

Совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности въ губернскихъ и уѣздныхъ комитетахъ выяснили до очевидности крайнее неустройство мѣстнаго управленія *внутри* уѣздовъ.

Правда, организація губернскаго и уѣзднаго управленій тоже оставляетъ желать многаго. Достаточно вспомнить о многочисленности органовъ этихъ управленій и полной ихъ разрозненности. Губернское правленіе, которое, по мысли законодателя, должно было стать центромъ всего управленія, сдѣлалось канцеляріей губернатора по полицейскимъ дѣламъ, второй инстанціей для уѣзднаго полицейскаго управленія.

Каждое вѣдомство имѣетъ въ губерніи и въ уѣздахъ своихъ особыхъ представителей, которые дѣйствуютъ совершенно самостоятельно по инструкціямъ центральныхъ органовъ. Учрежденія, объединяющаго ихъ дѣятельность, ни въ губерніи, ни въ уѣздѣ не существуетъ. Рядомъ съ органами губернской и уѣздной администраціи стоятъ органы земскаго самоуправленія—губернскія и уѣздныя земскія собранія съ ихъ управами, вѣдающія хозяйственныя нужды населенія и мѣстное благоустройство.

Таковы органы губернскаго и уѣзднаго управленія.

Но, переступая черту уѣзднаго города, мы вступаемъ уже въ

область полнаго нестроенія. Низшіе органы управленія—это хаотическіе обломки дореформенныхъ учрежденій и отживающаго свой вѣкъ сословнаго строя съ наслоившимися на нихъ разновременно новообразованіями.

Какимъ же образомъ управляется населеніе на обширномъ пространствѣ уѣзда? Кто является исполнителемъ административныхъ распоряженій губернскихъ и уѣздныхъ властей и хозяйственныхъ распоряженій органовъ земскаго самоуправленія на обширномъ пространствѣ уѣзда? Кто является источникомъ тѣхъ свѣдѣній, которыя должны лечь въ основу дѣятельности уѣздныхъ, губернскихъ и центральныхъ управленій?

Чрезъ чье посредство населеніе уѣзда доводитъ до высшихъ мѣстъ о своихъ нуждахъ и желаніяхъ?

Для администраціи такимъ оплотомъ долженъ былъ бы быть земскій участковый начальникъ. Но въ томъ видѣ, въ какомъ эта должность установлена, она не можетъ считаться единымъ низшимъ органомъ административнаго управленія. Во-первыхъ, эта должность не исключительно административная. Земскій начальникъ исполняетъ также и обязанности судьи. Во-вторыхъ, земскій начальникъ вѣдаетъ въ своемъ участкѣ не всѣ административныя дѣла, а лишь дѣла, касающіяся крестьянъ. Слѣдовательно, это по существу не земскій начальникъ и не участковый начальникъ, а крестьянскій начальникъ.

Кромѣ земскаго начальника, имѣются еще въ уѣздѣ становые пристава, фабричные и податные инспектора. Первые являются, по преимуществу, органами полицейской власти; послѣднимъ поручено исполненіе нѣкоторыхъ спеціальныхъ обязанностей.

Итакъ, *общаго* органа административной власти въ участкахъ или въ станахъ, т. е. въ опредѣленныхъ частяхъ уѣзда, не существуетъ.

Что же касается дѣлъ общественно-хозяйственныхъ, входящихъ въ кругъ дѣйствія земскаго самоуправленія, то для нихъ никакого исполнительнаго органа въ участкахъ или станахъ не существуетъ.

Территорія участка и стана достаточно велика; значительно и населеніе этой территоріи. Поэтому естественно явилась потребность въ органѣ, ближе стоящемъ къ населенію, имѣющемъ вслѣдствіе того возможность фактически осуществлять распоряженія администраціи, наблюдать за ихъ исполненіемъ мѣстными жителями и доводить до свѣдѣнія высшихъ органовъ управленія о нуждахъ населенія уѣздовъ. Такого органа нѣтъ ни у администраціи, ни у земства.

Его надо было создать сейчасъ же послѣ освобожденія крестьянъ

отъ крѣпостной зависимости, но тогда казалось невозможнымъ подчинить дворянъ и крестьянъ одному управленію и одному суду. Поэтому для крестьянъ созданы были особые органы управленія и суда—волостное правленіе и волостной судъ. Уѣздъ раздѣленъ былъ для этой цѣли на много небольшихъ участковъ—волостей.

При опредѣленіи территоріи волости приняты были во вниманіе самыя различныя обстоятельства.

Въ основу дѣленія положенъ былъ прежній церковный *приходъ*, т. е., изъ каждаго прихода образована волость. Но отсюда сдѣлано было много отступленій. Во первыхъ, волость должна имѣть опредѣленное крестьянское населеніе—не менѣе 300 и не болѣе 2000 ревизскихъ душъ мужского пола. Поэтому, если въ приходѣ менѣе 300 душъ, то волость составляется изъ двухъ или нѣсколькихъ приходовъ. Если въ немъ болѣе 2000 душъ, то изъ одного прихода образуется двѣ или болѣе волостей. Во вторыхъ, волость должна имѣть извѣстные территоріальные предѣлы. Отдаленнѣйшія селенія волости не должны отстоять отъ мѣста пребыванія волостного правленія далѣе 12 верстъ [1]). Поэтому, если на такомъ протяженіи не окажется 300 душъ крестьянъ, эта территорія выдѣляется въ особую волость, хотя бы она составляла лишь часть прихода. Съ другой стороны, приходъ, имѣющій болѣе 2000 душъ, не дробится на нѣсколько волостей, если это населеніе скучено на небольшомъ пространствѣ. Наконецъ, волость составляется, по общему правилу, изъ нѣсколькихъ селеній. Но, если одно селеніе имѣетъ 2000 душъ, то оно образуетъ особую волость. Изъ одного селенія не можетъ быть сдѣлано нѣсколькихъ волостей, хотя бы число жителей превышало указанную норму, и хотя бы оно состояло изъ нѣсколькихъ приходовъ.

Территорія волости не сплошная. Въ нее входятъ лишь тѣ земли, которыя отведены *сельскимъ обществамъ* въ надѣлъ или пріобрѣтены крестьянами съ помощью крестьянскаго поземельнаго банка [2]). Земли частнаго владѣнія въ составъ волости не входятъ. Точно также не входятъ туда земли, на которыхъ построены посады и мѣстечки.

Первоначально волостному правленію и суду подвѣдомы были лишь крестьяне, приписанные къ сельскимъ обществамъ, и лица, приписанныя къ волостямъ, каковы бывшіе дворовые люди. Впослѣдствіи волостной полиціи и суду подчинены были также поселившіеся на крестьянскихъ земляхъ отставные нижніе чины прежнихъ рекрутскихъ

---

[1]) Общ. полож., ст.ст. 43 и 45.

[2]) Общее положеніе о крестьянахъ, ст. 42.

наборовъ и лица *податныхъ состояній*, постоянно проживающіе въ селеніяхъ: мѣщане, ремесленники [1]). Но въ управленіи эти лица не участвуютъ: въ немъ участвуютъ лишь крестьяне домо-или дворохозяева селеній, принадлежащихъ къ волости.

И такъ, волостное управленіе есть управленіе *крестьянскаго сословія*, какъ мѣщанское—мѣщанскаго сословія, ремесленное—ремесленнаго, купеческое—купеческаго, дворянское—дворянскаго.

Но въ то время, какъ прочія сословныя управленія ограничены лишь кругомъ чисто сословныхъ дѣлъ своихъ обществъ, на волостное правленіе возложены были кромѣ того функціи общегосударственныя.

На предсѣдателя волостного правленія—волостного старшину возложено исполненіе полицейскихъ и общеадминистративныхъ обязанностей на территоріи волости.

Волостной старшина объявляетъ здѣсь законы и распоряженія правительства, охраняетъ порядокъ и благочиніе, задерживаетъ бродягъ, предупреждаетъ и пресѣкаетъ преступленія и проступки и т. д. [2]).

Мало того, волостной старшина обязанъ исполнять безпрекословно всѣ законныя требованія мирового посредника, судебнаго слѣдователя, мѣстной полиціи и *всѣхъ установленныхъ властей* по предметамъ ихъ вѣдомства [3]).

Волостныя правленія и волостные старшины стали затѣмъ и служебными органами *земства*. За отсутствіемъ собственныхъ низшихъ органовъ въ уѣздѣ, земство вынуждено было обратиться къ помощи тѣхъ же крестьянскихъ учрежденій.

Мы упомянули выше о сельскихъ обществахъ, какъ элементахъ, входящихъ въ составъ волости.

Территорія и населеніе сельскихъ обществъ сложились исключительно подъ вліяніемъ условій, созданныхъ манифестомъ 19 февраля 1861 г. Послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости началась ликвидація ихъ отношеній къ помѣщику. Эта ликвидація получила доминирующее значеніе въ жизни освобожденныхъ. Поэтому въ основу дѣленія общей массы крестьянъ на сельскія общества положена была однородность интересовъ извѣстной группы крестьянъ, какъ бывшихъ крѣпостныхъ одного помѣщика. „Сельское общество, говорится въ 40 ст. общ. пол., составлено изъ крестьянъ, *водворен-*

---

[1]) Тамъ же, ст.ст. 77 и 99 по изд. 1902 года.

[2]) Тамъ же, ст. 83.

[3]) Общее положеніе о крестьянахъ, ст. 85.

ныхъ на землѣ одного помѣщика". Такимъ образомъ, въ территорію каждаго сельскаго общества вошла земля, полученная крестьянами въ надѣлъ отъ одного помѣщика. Но такъ какъ владѣніе помѣщика не всегда было сплошное, да и надѣльная земля отводилась крестьянамъ часто въ разныхъ мѣстахъ, то очертанія границъ сельскихъ обществъ оказались очень прихотливыми. Не всегда одному помѣщику принадлежало все селеніе. Въ такомъ случаѣ изъ одного селенія составлялось нѣсколько сельскихъ обществъ. Случалось и обратное: помѣщику принадлежатъ нѣсколько разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ крестьянскихъ поселковъ. Если они связаны какимъ либо общимъ хозяйственнымъ интересомъ, напр., пользуются всѣми или нѣкоторыми угодьями сообща, то изъ этихъ поселковъ составляется одно сельское общество.

Исключеніе изъ этого правила допущено лишь для очень малолюдныхъ крестьянскихъ поселковъ, входившихъ въ составъ одного помѣщичьяго имѣнія. Если въ этомъ имѣніи окажется менѣе двадцати ревизскихъ душъ мужского пола, то крестьяне одного имѣнія не образуютъ самостоятельнаго сельскаго общества.

Въ такомъ случаѣ крестьяне разныхъ помѣщиковъ соединяются въ одно сельское общество, независимо отъ того, живутъ ли они въ одномъ разнопомѣстномъ селеніи или въ нѣсколькихъ разнопомѣстныхъ поселкахъ. При соединеніи крестьянскихъ земель разныхъ помѣстій въ одно сельское общество принимаются во вниманіе смежность или близость селеній и поселковъ или общность угодій и иныхъ хозяйственныхъ выгодъ [1]).

Итакъ, территорія сельскаго общества, какъ и территорія волости, не есть пространство географическое. Составъ сельскаго общества, какъ ясно изъ сказаннаго, исключительно сословный крестьянскій. Вѣдѣнію сельскихъ обществъ подлежатъ, слѣдовательно, *часть* уѣздной территоріи и *часть* проживающаго тамъ населенія.

Согласно 17-ой статьѣ общаго положенія о крестьянахъ, сельскія общества учреждены были для веденія общихъ *хозяйственныхъ* дѣлъ *крестьянъ*, принадлежавшихъ *одному помѣщику*. *Управленіе* же и *судъ* надъ крестьянами сосредоточено въ болѣе крупной единицѣ волости.

Между тѣмъ, какъ видно изъ другихъ статей положенія, на сельскаго старосту—выборное лицо отъ крестьянскаго общества для веденія его сословныхъ хозяйственныхъ дѣлъ—законодатель возложилъ цѣлый рядъ сложныхъ и отвѣтственныхъ административныхъ функцій.

---

[1]) Общее положеніе о крестьянахъ, ст.ст. 40 и 41.

Сельскій староста является исполнителемъ всѣхъ приказаній волостного старшины по дѣламъ полицейскимъ, но и самъ обязанъ въ предѣлахъ своего сельскаго общества охранять благочиніе, порядокъ, безопасность личную и имущественную, задерживать бродягъ и бѣглыхъ, до прибытія полиціи или слѣдователя производить предварительное дознаніе по преступленіямъ и проступкамъ, совершеннымъ на территоріи сельскаго общества, задерживать виновныхъ и охранять слѣды преступленія, распоряжаться подачей помощи во время народныхъ бѣдствій, пожарѣ, наводненіи, повальной болѣзни и пр. Кромѣ того, сельскій староста, какъ и волостной старшина, обязанъ исполнять безпрекословно всѣ законныя требованія мирового посредника, судебнаго слѣдователя, мѣстной полиціи и *всѣхъ установленныхъ властей по предметамъ ихъ вѣдомства* [1]).

Такимъ образомъ, въ настоящее время мѣстное управленіе въ уѣздахъ представляетъ чрезвычайно пеструю и нескладную картину. Если представить ее наглядно красками на географической картѣ, окрасивъ разными красками тѣ мѣста уѣзда, гдѣ распоряжаются органы крестьянскаго сословнаго управленія и гдѣ распоряжаются органы общеадминистративнаго управленія, то карта уѣзда представится въ видѣ разноцвѣтной мозаики. Вотъ неправильныя границы одного изъ становъ уѣзда: крестьянскія земли повсюду переплетаются съ землями частновладѣльческими и казенными и съ городскими поселеніями. Сельскій староста и волостной старшина хозяйничаютъ и распоряжаются на отдѣльныхъ разрозненныхъ участкахъ стана. Переступая за границу частновладѣльческой или казенной земли, волостной старшина теряетъ всякое значеніе власти: здѣсь распоряжаются уже становой приставъ и другія лица административныхъ вѣдомствъ. Сельскія общества рѣшили, напримѣръ, провести дорогу для соединенія всѣхъ селеній и поселковъ волости. Но такъ какъ дорога должна пересѣчь частновладѣльческія земли, то безъ соглашенія съ ихъ владѣльцами ничего нельзя будетъ предпринять. Словомъ, на каждомъ шагу, въ каждомъ дѣлѣ чувствуется потребность въ такой близкой къ населенію власти, которая могла бы распоряжаться одинаково свободно на всемъ пространствѣ волости—на земляхъ крестьянскихъ, частновладѣльческихъ и казенныхъ, и въ такомъ органѣ мѣстнаго самоуправленія, который могъ бы вѣдать хозяйственныя дѣла, имѣющія одинаковое значеніе для *всего* населенія волости, какъ крестьянъ, такъ и лицъ другихъ сословій.

---

[1]) Общее положеніе о крестьянахъ, ст.ст. 60 и 63.

Необходимость такого *объединенія* чувствуется теперь всѣми, и въ этомъ кажется нѣтъ разногласія.

Но далѣе возникаетъ цѣлый рядъ серьезнѣйшихъ вопросовъ.

Первый вопросъ, который приходится разъяснить: слѣдуетъ ли сохранить въ существѣ дѣйствующіе нынѣ органы низшаго управленія—сельскихъ старостъ и волостныхъ старшинъ, окончательно узаконивъ ихъ фактическое значеніе, какъ низшихъ органовъ всего мѣстнаго управленія и самоуправленія, расширивъ лишь ихъ компетенцію на *всю* территорію извѣстной части стана или участка и на *все* ея населеніе, или же, напротивъ того, надо совершенно новые органы общаго управленія и самоуправленія, отдѣльные отъ органовъ *крестьянскаго* управленія.

Второй вопросъ: слѣдуетъ ли предоставить этимъ новымъ органамъ *всю полноту власти* во *всѣхъ* дѣлахъ населенія, или же создать два самостоятельные органа: одинъ для дѣлъ административно-полицейскихъ, другой—для дѣлъ общественно-хозяйственныхъ?

Третій вопросъ: слѣдуетъ ли сохранить особую сословную организацію крестьянъ, и, въ такомъ случаѣ, какую компетенцію слѣдуетъ оставить за ней, или же надо создать новую организапію на новомъ началѣ—профессіональномъ, въ видѣ частныхъ поземельныхъ общинъ?

Четвертый вопросъ: слѣдуетъ ли сохранить нынѣшнія границы сельскихъ обществъ и волостей, или же надо наново перекроить весь уѣздъ, создавъ новыя территоріальныя единицы на совершенно иныхъ основаніяхъ.

Пятый вопросъ: слѣдуетъ ли предоставить *всему* постоянному населенію волости право участія въ управленіи ея дѣлами.

Шестой вопросъ: слѣдуетъ ли ввести новыя мелкія общественно-хозяйственныя организаціи въ сѣть существующихъ земскихъ учрежденій?

Седьмой вопросъ: какъ слѣдуетъ организовать новые органы административнаго управленія: на началахъ коллегіальныхъ или на началахъ единоличной власти?

Почти по всѣмъ этимъ вопросамъ имѣется уже обширная литература и значительныя разногласія.

Первый вопросъ представляется наименѣе спорнымъ. Когда возникаетъ мысль о расширеніи компетенціи какого-либо учрежденія, то прежде всего приходится выяснить, успѣшно ли справляется это учрежденіе съ тѣми обязанностями, которыя ему уже приходится нести?

Едва ли кто либо станетъ возражать противъ общаго мнѣнія, что

современные низшіе органы крестьянскаго управленія не въ состояніи успѣшно выполнять сложныя и отвѣтственныя порученія обще-административныхъ мѣстъ и земскихъ учрежденій. Низкій уровень развитія сельскихъ должностныхъ лицъ является вполнѣ достаточнымъ объясненіемъ этой неспособности.

Къ тому же, при наличности громадной отвѣтственности предъ администраціей, снабженной широкими полномочіями дисциплинарной власти, и при чрезвычайной многочисленности органовъ власти, приказывающей и надзирающей, лучшіе элементы крестьянскаго населенія систематически уклоняются отъ несенія службы по выборамъ сельскихъ обществъ и волостей.

Человѣкъ, очень толковый въ своемъ крестьянскомъ дѣлѣ, оказывается, однако, сплошь и рядомъ никуда негоднымъ администраторомъ, и все управленіе сосредоточивается, въ концѣ-концовъ, въ рукахъ невѣжественныхъ и обыкновенно недобросовѣстныхъ сельскихъ и волостныхъ писарей. Ясно само собой, что для общаго управленія разнороднымъ населеніемъ низшей территоріальной единицы необходимы иные люди, иныя учрежденія. У крестьянъ своего собственнаго дѣла вполнѣ достаточно, и взваливать на нихъ непосильное бремя административнаго управленія—значитъ устранять всякую возможность прогресса собственно крестьянскихъ дѣлъ.

Такимъ образомъ, надо признать, что на мѣстахъ въ качествѣ низшихъ органовъ администраціи нужны лица, особо стоящія отъ крестьянскихъ учрежденій, способныя по своему развитію и образованію создать порядокъ и благоустройство въ управляемыхъ ими округахъ.

Второй изъ поставленныхъ нами вопросовъ представляется болѣе спорнымъ.

Среди различныхъ мнѣній по этому вопросу выдѣляется мнѣніе, поддерживаемое многими, что власть административная и хозяйственная должна принадлежать одному органу, а именно, выборнымъ представителямъ всего населенія волости—волостному старшинѣ и членамъ волостного правленія. Это учрежденіе должно стать одновременно исполнительнымъ органомъ административныхъ властей и земскихъ учрежденій.

Такимъ образомъ, все нововведеніе, сравнительно съ существующимъ порядкомъ, будетъ заключаться только въ томъ, что волостной старшина и члены волостного правленія будутъ избираться не одними лишь крестьянами, но лицами всѣхъ сословій, живущими на терри-

торіи волости, и притомъ не только изъ крестьянъ, но также и изъ лицъ другихъ сословій.

Словомъ, существующая нынѣ волость изъ сословной крестьянской сдѣлается всесословной, расширивъ свою компетенцію дѣлами, касающимися земель не крестьянскихъ и лицъ не крестьянскаго сословія.

Главнымъ доводомъ въ пользу такого рѣшенія вопроса выставляется соображеніе отрицательнаго характера, а именно, что при разъединеніи функцій административныхъ и хозяйственныхъ земство останется попрежнему „висящимъ въ воздухѣ", то есть, лишено будетъ исполнительнаго органа для осуществленія своихъ хозяйственныхъ распоряженій, для взиманія земскихъ сборовъ и т. д. Попрежнему земству придется обращаться къ помощи и содѣйствію органовъ администраціи, которые обыкновенно относятся съ недостаточнымъ вниманіемъ и усердіемъ къ порученіямъ земскихъ учрежденій. Соображеніе это, однако, можетъ быть примѣнимо не къ однимъ земскимъ, но и ко всякимъ, вообще, дѣламъ, которыя поручаются должностнымъ лицамъ постороннихъ вѣдомствъ. Тѣмъ не менѣе, изъ-за такой возможной невнимательности мѣстныхъ чиновниковъ къ порученіямъ земства едва ли слѣдуетъ закрывать глаза на неудобства и опасности гораздо болѣе серьезнаго характера. Я не стану здѣсь касаться вопроса о томъ, насколько осуществима, при настоящихъ условіяхъ нашей жизни, такая делегація административныхъ функцій выборному учрежденію. Я полагаю, что вопросъ этотъ достаточно ясенъ каждому. Остановлюсь на одномъ лишь соображеніи.

Выборное Волостное Правленіе, отправляющее извѣстныя административныя и полицейскія функціи, всегда будетъ находиться въ очень сильной зависимости отъ высшей администраціи—уѣздной и губернской, которая, выражаясь фигурально, ни на минуту не будетъ спускать глазъ съ этого учрежденія.

Дѣло должно кончиться тѣмъ, что волостное правленіе, при столкновеніи интересовъ земскихъ и административныхъ, станетъ послушнымъ орудіемъ администраціи, или же, въ противномъ случаѣ, такое выборное административно-хозяйственное учрежденіе прикажетъ долго жить. По мѣткому выраженію Кавелина: „глиняный горшокъ тотчасъ же разобьется о чугунный" [1]).

Жизнеспособность земскихъ учрежденій можетъ быть обезпечена

---

[1]) Собраніе сочиненій К. Д. Кавелина, Спб. 1898 г. т. II, стр. 1102.

лишь въ томъ случаѣ, если у нихъ на мѣстахъ будетъ *свой особый исключительно хозяйственный органъ*, который въ своей дѣятельности не долженъ будетъ касаться дѣлъ общей администраціи.

Кавелинъ въ 80-хъ годахъ предлагалъ создать на мѣстахъ органы управленія, на половину изъ чиновниковъ, назначаемыхъ отъ правительства, на половину изъ лицъ, избранныхъ населеніемъ.

Я не вижу, однако, существенной разницы между первой организаціей и второй въ отношеніи практическихъ послѣдствій. Дѣло здѣсь не въ составѣ учрежденія, а въ его функціяхъ. Если оно будетъ вѣдать одновременно и дѣла хозяйственныя, и дѣла административныя, то первыя всегда будутъ страдать, всегда будутъ на второмъ планѣ, ибо, по самой природѣ вещей, дѣла управленія будутъ доминировать надъ дѣлами хозяйственными. Отвѣтственность предъ высшей администраціей всегда будетъ чувствоваться сильнѣе, чѣмъ отвѣтственность предъ избирателями. Если случится противное, то общая администрація откажется отъ дальнѣйшаго содѣйствія учрежденій, недостаточно усердно исполняющихъ ея порученія.

Итакъ, второй вопросъ мы разрѣшаемъ въ томъ смыслѣ, что хозяйственныя дѣла въ уѣздахъ должны вѣдаться выборными учрежденіями — низшими органами земскаго самоуправленія, а дѣла административныя и полицейскія—низшими органами администраціи.

Что касается *способа организаціи* тѣхъ и другихъ учрежденій, то здѣсь важно отмѣтить, не вдаваясь въ подробности, лишь слѣдующія основныя положенія. И земскія, и административныя учрежденія должны быть пріурочены къ *существующимъ* уже дѣленіямъ уѣзда—участкамъ и волостямъ, къ которымъ населеніе уже привыкло. Во главѣ участковъ и волостей должны стать участковый и волостной начальники. При нихъ должны быть образованы коллегіальныя присутствія изъ представителей разныхъ вѣдомствъ мѣстной администраціи. Важнѣйшія рѣшенія, имѣющія общее значеніе для всей управляемой территоріи и затрагивающія интересы нѣсколькихъ вѣдомствъ, должны рѣшаться коллегіально, съ правомъ обжалованія въ порядкѣ инстанцій до губернскихъ присутствій, причемъ высшая надзирающая власть принадлежитъ Правительствующему Сенату. Дѣлопроизводство участковыхъ и волостныхъ правленій возлагается на непремѣнныхъ членовъ участковыхъ правленій и волостныхъ писарей.

Рядомъ съ этими административными учрежденіями стоятъ выборныя земскія учрежденія: участковыя и волостныя собранія съ ихъ управами. Право участія въ выборахъ: активное и пассивное, должно

быть предоставлено лицамъ всѣхъ сословій, постоянно проживающимъ въ уѣздѣ: землевладѣльцамъ, владѣльцамъ торговыхъ и промышленныхъ заведеній и лицамъ другихъ профессій, проживающимъ въ данной мѣстности не менѣе 3 лѣтъ. Такимъ образомъ, возникнутъ новые всесословные органы самоуправленія, стоящія у самыхъ корней народной жизни.

Но и волость—территорія довольна значительная. *Первоначальной ячейкой* всей организаціи долженъ стать *сельскій округъ*. Но это будетъ уже не исторически сложившаяся черезполосная территорія сельскаго общества, лишенная нынѣ всякаго реальнаго значенія, какъ единица, административная и общественно—хозяйственная, а новая единица, сообразованная съ населенностью мѣстности и съ другими обстоятельствами хозяйственнаго и иного значенія.

Главныя условія, которымъ долженъ удовлетворять сельскій округъ,—это сплошное протяженіе его и точность границъ. Далѣе, возможно меньшіе размѣры территоріи и возможно большая плотность населенія, два условія, обезпечивающія успѣшную работу органовъ управленія. Наконецъ, возможно меньшее количество отдѣльныхъ населенныхъ пунктовъ, входящихъ въ составъ округа. Нормальный сельскій округъ долженъ заключать въ себѣ одно значительное селеніе или нѣсколько мелкихъ поселковъ съ извѣстной территоріей вокругъ нихъ. Въ этой территоріи могутъ быть и полевыя земли, и лѣса, и воды.

Сельскій округъ, какъ единица административная и хозяйственная, не долженъ совпадать съ территоріей нынѣшняго сельскаго общества,—единицы исключительно крестьянской земельной.

Общіе земельные интересы крестьянъ, возникающіе изъ совмѣстнаго владѣнія и пользованія землей и разными угодьями, должны найти себѣ защиту въ особыхъ организаціяхъ—земельныхъ общинахъ, не имѣющихъ прямого отношенія къ сельскимъ округамъ.

Сельскій округъ не долженъ также совпадать съ церковнымъ приходомъ. Введеніе исповѣднаго или церковнаго начала въ дѣла мѣстнаго управленія и хозяйства можетъ лишь повредить надлежещей его организаціи. Управляетъ административными дѣлами сельскаго округа единоличная власть—сельскій начальникъ. Дѣла же хозяйственныя вѣдаются сельскимъ сходомъ и сельскимъ старостой. При многочисленности лицъ, имѣющихъ право участія въ сходкѣ, послѣдній составляется изъ извѣстнаго числа выборныхъ.

Участковыя и волостныя собранія должны быть введены въ систему земскихъ учрежденій. Каждая волость избираетъ извѣстное число представителей въ участковое собраніе, а участковое въ уѣзд-

ное. Отношенія волостного собранія къ участковому, а послѣдняго къ уѣздному приблизительно тѣ же, что нынѣ уѣзднаго къ губернскому. Извѣстный кругъ дѣлъ рѣшается низшими земскими учрежденіями, остальныя восходятъ на разрѣшеніе высшихъ.

Мнѣ могутъ сдѣлать упрекъ, что предлагаемый мною проектъ вводитъ чрезвычайное многовластіе, устанавливая въ уѣздѣ сразу два новыхъ органа администраціи: участковое и волостное правленіе и два новыхъ органа самоуправленія: участковыя и волостныя собранія съ ихъ управами, не говоря уже о сельскихъ округахъ.

Въ отношеніи органовъ администраціи это увеличеніе сводится лишь къ упорядоченію и объединенію дѣятельности уже существующихъ должностныхъ лицъ: земскаго участковаго начальника, податного и фабричнаго инспекторовъ, инспектора народныхъ училищъ и т. д., и къ замѣнѣ нынѣшнихъ волостныхъ старшинъ и членовъ правленія другими лицами.

Что же касается органовъ самоуправленія, то, дѣйствительно, я предлагаю создать два новыхъ органа: участковыя и волостныя собранія съ ихъ управами. При этомъ, однако, я имѣю въ виду, что изъ этого общаго правила могутъ быть сдѣланы изъятія для небольшихъ уѣздовъ: тамъ достаточно, можетъ быть, устроить одну только мелкую земскую единицу—волостное собраніе. Но въ большинствѣ уѣздовъ новое промежуточное звено, участковое собраніе, окажется весьма полезнымъ пріобрѣтеніемъ.

Когда какой-либо органъ тѣла находится въ дурныхъ условіяхъ питанія, надо привлечь туда больше питательныхъ соковъ, надо вызвать усиленную жизне-дѣятельность въ вялыхъ анемичныхъ тканяхъ тѣла. Въ такомъ усиленномъ приливѣ свѣжихъ силъ нуждается и нашъ уѣздъ. Чѣмъ больше будетъ число участковъ, куда направится созидательная работа новыхъ органовъ земства, тѣмъ скорѣе будетъ достигнуто серьезное улучшеніе мѣстныхъ экономическихъ условій. Нельзя, вѣдь, забывать, что многіе наши уѣзды превосходятъ по величинѣ и населенію размѣры самыхъ крупныхъ дѣленій западноевропейскихъ государствъ—провинцій, департаментовъ, графствъ. Повсюду въ этихъ государствахъ существуютъ промежуточныя дѣленія—округи, стоящія между высшей административной единицей и низшей—приходомъ. Предполагаемые участки должны связать низшую земскую единицу—волость съ органами уѣзднаго земскаго управленія.

По пространству и населенію они близко подойдутъ къ округамъ западно-европейскихъ государствъ (Kreis, arrondissement). Англійскій округъ, въ среднемъ, обнимаетъ площадь около 40-50 тысячъ акровъ

(20-25 тысячъ десятинъ) и имѣетъ населеніе въ 15-20 тысячъ человѣкъ. [1]).

Правда, лишній органъ управленія,—лишніе расходы для населенія. Но польза, которую можно ожидать отъ созидательной работы этихъ органовъ, несомнѣнно, окупитъ расходы по управленію. Къ тому же, дальнѣйшая децентрализація мѣстнаго управленія значительно облегчитъ и упроститъ работу центральныхъ учрежденій и остановитъ дальнѣйшій безграничный ростъ штатовъ центральныхъ вѣдомствъ.

Таковы основныя черты предлагаемаго проекта устройства уѣзднаго управленія. Конечно, это только слабый эскизъ программы, набросанный грубыми штрихами. Детальная ея разработка и созданіе стройной, цѣлесообразной и выдержанной во всѣхъ подробностяхъ системы уѣзднаго управленія потребуетъ совмѣстнаго труда многихъ людей, а надъ воплощеніемъ ея въ жизни поработаетъ, можетъ быть, не одно поколѣніе. Но когда-нибудь надо же начать это важнѣйшее дѣло устройства основныхъ ячеекъ народной жизни и самодѣятельности.

И я думаю, что административное отдѣленіе Петербургскаго Юридическаго Общества окажетъ громадную услугу этому дѣлу, если возьметъ на себя составленіе подробнаго проекта реформы уѣзднаго управленія.

Мало, однако, создать новый законъ. Надо призвать къ его осуществленію въ жизни людей, преданныхъ идеѣ общаго блага, а не партійнымъ или сословнымъ интересамъ.

Самый лучшій проектъ мѣстнаго управленія *самъ по себѣ* не въ силахъ осчастливить Россію и избавить ее отъ нынѣшняго неустройства и разлада, если проводить его на мѣстахъ будутъ люди, враждебно относящіяся къ самой идеѣ самоуправленія.

Кому же слѣдуетъ ввѣрить серьезное отвѣтственное дѣло переустройства русской земли на иныхъ всесословныхъ началахъ, на началахъ строгой законности, правды и справедливости? Кому, какъ не молодой русской интеллигенціи? Скажу здѣсь словами Кавелина: „Безкорыстная, самоотверженная, идейная любовь молодежи къ народу нашла бы наилучшій себѣ исходъ въ служеніи на пользу грубыхъ и темныхъ массъ, заѣденныхъ нищетой, невѣжествомъ и дурнымъ управленіемъ“...

„Если бы нашей интеллигентной молодежи были настежь открыты

[1]) „Мелкая Земская единица“. Статья П. Г. Виноградова: „Мѣстное самоуправленіе въ Англіи“, стр. 83.

двери въ низшія должности, имѣющія непосредственное отношеніе къ крестьянству, изъ этого не вышло бы ничего, кромѣ хорошаго, отраднаго и желаннаго"...

„Дѣльная, умная, трудолюбивая молодежь, увлекающаяся либерализмомъ, скоро увидѣла бы и поняла жизнь, какова она есть, и, найдя себѣ полезное дѣло, занялась бы имъ съ увлеченіемъ и великой пользою для крестьянъ и для службы, въ средѣ, гдѣ теперь царятъ мракъ, невѣжество и вопіющія злоупотребленія. Въ этой средѣ, способной отрезвить хотя кого, изъ порядочной молодежи, послѣ двухъ-трехлѣтней службы выработались бы превосходные общественные и государственные дѣятели, отлично знающіе крестьянскій людъ, и, что всего важнѣе, съ сложившимся, окрѣпшимъ въ трудѣ характеромъ. Съ такими людьми можно провести какую-угодно полезную реформу, устроить какое угодно правильное управленіе"...

„Рано или поздно, въ той или другой формѣ, мы должны, наконецъ, придти къ убѣжденію, что образованныя молодыя силы могутъ съ пользою начать служить государству и странѣ не прежде, какъ хорошо ознакомившись на мѣстахъ съ бытомъ, привычками и воззрѣніями народной массы. Этимъ путемъ достигнутся, въ одно и то же время, двѣ полезныя цѣли: гнетъ безобразнѣйшаго и хищническаго приказнаго сельскаго лица, тяготѣющій теперь на народныхъ массахъ, будетъ существенно облегченъ; мракъ, царящій въ нихъ, понемногу начнетъ рѣдѣть подъ вліяніемъ справедливости и человѣческихъ понятій, которыя образованная молодежь внесетъ въ свои отношенія къ народу; а въ то же время въ составъ земства и въ государственную службу на всѣхъ ея ступеняхъ внесутся свѣжіе элементы, теоретически образованные и вмѣстѣ практически знакомые съ народнымъ бытомъ и народными потребностями, чего намъ такъ недостаетъ во всѣхъ слояхъ нашего общества" [1]).

Эти слова сказаны были 20 лѣтъ тому назадъ, но ихъ можно повторить и сегодня.

Административные дѣятели на мѣстахъ, взятые изъ рядовъ интеллигентной молодежи, не могутъ быть опасны спокойному развитію земскихъ учрежденій.

Напротивъ того, они будутъ дружно работать на одномъ поприщѣ рука въ руку, стремясь къ одной и той же цѣли разными путями одни—упорядочивая хозяйственный бытъ, другіе—насаждая порядокъ безопасность и законность.

---

[1]) Собраніе сочиненій К. Д. Кавелина т. II стр. 529—530.

Закончу словами незабвеннаго А. Д. Градовскаго: „Опытъ современныхъ государствъ показываетъ, что каждая великая цѣль общественной жизни для осуществленія своего нуждается въ содѣйствіи многихъ силъ... Для того, чтобы нація существовала и процвѣтала, говорилъ Сійесъ, нужны двѣ вещи—частные труды и публичныя учрежденія...

Государственная регементація, самоуправленіе и частные союзы—вотъ три способа осуществленія разныхъ общественныхъ задачъ, способы, не исключающіе другъ друга, но взаимно пополняющіе недостатокъ средствъ каждаго... Всѣ эти силы дѣйствуютъ во имя *солидарности* всѣхъ государственныхъ и общественныхъ цѣлей и во имя *недостаточности* каждой изъ нихъ въ отдѣльности“...[1])

Довѣрія къ общественнымъ силамъ, довѣрія къ добрымъ стремленіямъ интеллигентной части нашего общества, желающей принять дѣятельное участіе въ созданіи лучшихъ условій русскаго быта, лучшихъ общественныхъ порядковъ, вотъ чего страстно ждетъ Россія.

Это довѣріе обновитъ ее и вселитъ въ нее негаданную силу...

Григорій Вольтке.

[1]) Собраніе сочиненій А. Д. Градовскаго т. I стр. 33.

III.

КЪ ВОПРОСУ О ПОНЯТІИ РЕГЕНТСТВА.

Недѣеспособность монарха къ управленію влечетъ за собой учрежденіе регентства; таковъ общій принципъ дѣйствующаго права монархическихъ государствъ [1]).

Въ среднихъ вѣкахъ было знакомо по преимуществу иное начало Изъ посылки: „кто не способенъ управлять" дѣлали болѣе широкій выводъ и заключали, что такое лицо не должно вообще царствовать, въ отличіе отъ современнаго вывода: „неспособный не долженъ управлять, но можетъ царствовать".

Это различіе основныхъ точекъ зрѣнія легко объясняется, если принять во вниманіе своеобразіе политическихъ и экономическихъ условій средневѣковаго уклада. Государственная власть лишь выдѣлялась изъ сферы разнообразныхъ отношеній феодальныхъ господства и зависимости, но въ существѣ не рознилось отъ нихъ. Подобно тому, какъ неспособный къ личной службѣ не могъ владѣть леномъ, такъ и государь, не обладавшій необходимыми для его отвѣтственнаго служенія качествами, устранялся отъ наслѣдованія престола или, въ случаѣ, если онъ уже царствовалъ, лишался короны. А такими качествами для того времени являлись физическая сила, мужество, извѣстная степень разсудительности и т. п. Iudicium contendere, in exercitu ambulare, populum judicare, equum viriliter ascendere, arma sua vivaciter bajulare"—вотъ критерій дѣеспособности средневѣкового монарха. Онъ

[1]) Исключеніе составляетъ Испанія, гдѣ недѣеспособность можетъ стать основаніемъ къ устраненію отъ престола („Les personnes qui sont incapables de gouverner.... sont exclues de la succession par une loi"—art. 64. Const.).

не можетъ быть „surdus nec coecus, in omnibus jussionem regis potest implere“ [1]).

Послѣ этого становится понятнымъ обычай устраненія отъ престола малолѣтнихъ, практиковавшійся въ германскихъ государствахъ [2]); сложилась поговорка: „кого Богъ хочетъ наказать, тѣмъ пошлетъ въ короли ребенка“. Еще менѣе шансовъ на престолъ могъ имѣть въ ту пору больной (физически или психически). Въ частности, устраненіе душевнобольныхъ отчетливо формулировано въ гл. XXV, §§ 3 и 4 „Золотой Буллы“, допускающей отклоненія отъ начала первородства, если наслѣдникъ: „mente captus, fatuus, seu alterius famosi et notabilis defectus existeret, propter quem non deberet seu posset hominibus principari. In quo casu inhibita sibi successionem *secundo genitum*... volumus successurum“.

Система безусловнаго устраненія недѣеспособнаго монарха впослѣдствіи смягчилась. Выработалось нѣчто среднее. Образовавшійся на почвѣ леннаго строя usus, согласно коему ленъ сохранялся за прежнимъ владѣльцемъ, если недѣеспособность наступала послѣ овладѣнія леномъ, отразился на чисто-государственныхъ отношеніяхъ и вылился въ форму принципа, по которому возникновеніе причинъ, обусловливающихъ недѣеспособность было сопряжено съ лишеніемъ престола лишь при условіи наступленія недѣеспособности до момента восшествія на престолъ; недѣеспособность же, постигающая уже царствующаго монарха, не поражала его правъ на корону, а влекла за собой принятіе особыхъ мѣръ къ восполненію образовавшагося въ системѣ государственнаго управленія пробѣла.

Отъ этой посредствующей системы до современной постановки вопроса о недѣеспособности монарха и до отвѣта на него институтомъ регенства оставался одинъ лишь шагъ. Періодъ абсолютизма укрѣпилъ для этого почву, а съ водвореніемъ конституціоннаго режима институтъ этотъ восторжествовалъ вполнѣ, и „посредствующая система“ окончательно вышла изъ употребленія [3]).

Эта постепенная смѣна различныхъ системъ (идущая, какъ выра-

---

[1]) Lex Bajurariorum, II, cap. 9. § 9).

[2]) „Antiquissimis temporibus h a u d r a r o praeferebatur ultimi regis frater filiis eius impuberibus“. De testamento Genserici commentatio § 8. S c h u l z e Hausgesetse und Hausverfassung des preussichen Königshauses. 1883.

[3]) Z e u n e r t, Regentschaft und Vertretung des Staatsoberhaupts (Annalen des deutschen Reiches, 1900. S.S. 298—300). D i e c k m a n n, Die Regentschaft nnd Stellvertretung des Monarchen im deutschen Staatsrecht, S. 4.

жается Zeunert, „von der Thronunfähigkeit zur Successionsunfähigkeit, von der Successionsunfähigkeit zur Regentschaft") обыкновенно ставится въ связь съ прогрессивнымъ ростомъ наслѣдственной монархіи и объясняется, какъ неминуемое послѣдствіе развитія ея основныхъ началъ (принципа наслѣдственности власти) [1]). Однако, начало наслѣдственности, будучи достаточнымъ для обоснованія права извѣстной династіи въ ея совокупности на послѣдовательное замѣщеніе престола отдѣльными ея представителями, нисколько не противорѣчитъ возможности устраненія недѣеспособнаго члена таковой подъ условіемъ замѣщенія его слѣдующимъ представителемъ того же рода въ порядкѣ системы престолонаслѣдія. Этимъ наслѣдственная монархія еще не превращается въ избирательную. Мнѣ думается, поэтому, что господствующая въ современномъ положительномъ правѣ неустранимость, неразрывность связи престола съ лицомъ, которому открылось право на корону или которое уже вступило на престолъ,—можетъ быть объяснена лишь параллельнымъ развитію наслѣдственной формы ростомъ власти монарха, приведшимъ его къ тому квалифицированному положенію, съ высоты коего онъ не можетъ быть сведенъ какой-либо законной силой, кромѣ собственной воли. Расцвѣтъ абсолютизма укоренилъ въ народномъ сознаніи и отразилъ въ объективномъ правопорядкѣ догматъ неприкосновенности *личнаго* права отдѣльныхъ членовъ царствующаго дома на корону, разъ это право открылось для даннаго лица въ порядкѣ установленнаго преемства. Институтъ регенства всѣми своими корнями принадлежитъ этой именно почвѣ и такимъ образомъ вовсе не является элементомъ, неотдѣлимымъ отъ наслѣдственно-монархическаго режима. Съ признаніемъ недѣеспособности препятствіемъ къ пріобрѣтенію короны [2]), наслѣдственная монархія не лишится ни одного изъ существенныхъ своихъ моментовъ, но институтъ регенства исчезнетъ безъ слѣда.

Обращаясь къ вопросу о научной обработкѣ института регенства, я не останавливаясь ни на старой литературѣ, сложившейся подъ господствомъ безраздѣльнаго смѣшенія началъ публичнаго и частнаго права и потому не проводившей границъ между регенствомъ, какъ

---

[1]) Stange, Beiträge zur Lehre von der Regentschaft 1895. S. 14, 15. Hancke. Regentschaft und Stellvertretung des Landesherrn. 1887. S. 16.

[2]) Въ пользу чего высказываются Schulze. Deutsches Staatsrecht. S. 228. Bluntschli. Bericht in den Beilagen zu den Verhandlungen der Ständeversammlung des Grossherzogtum's Baden 1861/62. Beilage. 235. S. 284,—цитируется у Kirchenheim'a, Regentschaft. S. 65.

учрежденіемъ, предназначеннымъ къ осуществленію государственной власти и опекой надъ личностью монарха и его имуществомъ, въ составъ коего и вводилось все государство [1])—ни на явно несостоятельныхъ, а потому и не нуждающихся въ ближайшей критикѣ опредѣленіяхъ регенства, данныхъ въ новѣйшее время Герберомъ („unvollkommener Art der Thronfolge“—Cp. Grundzüge eines Systems des deutschen Staatsrechts 1880. § 34. S. 105) и Шульце („interimistisches Staatsoberhaupt“—Deutsches Staatsrecht I. S. 255). Самый характеръ этихъ послѣднихъ опредѣленій говоритъ о томъ, что авторы не задавались цѣлью самостоятельной конструкціи понятія регенства, а лишь объясняли это понятіе путемъ аналогіи съ той или иной опредѣленной въ теоріи государственнаго права величиной. Я обращаюсь прямо къ спеціальной литературѣ по разсматриваемому вопросу и къ нѣкоторымъ общимъ сочиненіямъ, весьма родственнымъ послѣдней по трактовкѣ вопроса.

Первое, что поражаетъ при чтеніи этой литературы—это удивительное однообразіе основной точки зрѣнія. Всѣ изслѣдователи вопроса о регенствѣ—безъ единаго исключенія—принимаютъ одну конструкцію понятія регентства и, добросовѣстно ссылаясь другъ на друга, полагаютъ ее во главу угла обработки всего института. Это, столь рѣдкое въ наукѣ государственнаго права, единодушіе значительно облегчаетъ мою задачу. Вмѣсто обзора отдѣльныхъ ученыхъ, достаточно охарактеризовать ихъ общую доктрину.

Кирхенгеймъ, Г. Мейеръ, М. Зейдель, Ганке, Петерсъ, Штанге, Грасманъ, Бруннсманъ, Дикманнъ, Цейнертъ и др. [2]) сходятся въ томъ, что, въ случаѣ недѣеспособности монарха, осуществленіе его власти переходитъ на регента, причемъ сама власть, какъ „собственное право“ монарха, остается за нимъ „quo ad jus“, переходя къ регенту только quo ad exercitium, однако осуществляетъ это чужое право регентъ въ

---

[1]) Moser, Deutsches Staatsrecht. T. 18. S. 146,147. Rudorff. Das Recht der Vormundschaft. Kraut. Vormundschaft nach den Grundsätzen des deutschen Rechts. Zachariae, Deutsches Staats-und Bundesrecht. Zöpfl. Grundsätze des allgemeinen und deutschen Staatsrechts.

[2]) Kirchenheim a. a. O. S. 52, 53, G. Meyer. Lehrbuch des deutschen Staatsrechts 1878, S. 206. Seydel. Bayersches Staatsrecht. I, 480 ff. Peters. Die Regentschaft und Regierungsstellvertretung der deutschen Landesherren. 1889 s. 9 Hancke a. a. O. S. 6. Stange. a. a. O. S. 20. Grassmann. Das Recht der Regentschaft in Preussen und im deutchen Reich. Archiv für öff. Recht., Bd. VI. S. 525, Brunnsmann. Die Frau, als Thronfolgerin, Regentin und Stellvertreterin, 1895, S. 27. Dieckmenn a. a. O. S. 8. Zeunert a. a. o. S. 338.

свою очередь по „собственному праву". Онъ властвуетъ „Божіею милостью", хотя и отъ имени недѣеспособнаго монарха, сохраняющаго nudum jus. Для примѣра привожу наиболѣе полное опредѣленіе, данное Zeunert'омъ: «Regentschaft ist die präsumptiv unbeschränkte Ausübung der Gesammtheit der monarchischen Rechte nach eigenen Willen und Recht an Stelle des regierungsunfähigen Monarchen, kraft Berufung durch Gesetz».

Чтобы сознательно отнестись къ изложенной теоріи, нужно обратиться къ основѣ. Такой основой служитъ признаніе, что вся правовая сфера монарха принадлежитъ ему „по собственному праву" и что, такимъ образомъ, полномочія монарха въ области государственнаго властвованія составляютъ его субъективное публичное право.

Теорія эта вполнѣ логична и послѣдовательна съ точки зрѣнія представителей такъ называемой „Herrschertheorie" (Зейдель, Борнгакъ). „Властитель" у этихъ ученыхъ, владѣющій государствомъ (или по крайней мѣрѣ территоріей и населеніемъ), какъ объектомъ своего права, есть безспорно властитель по собственному праву. Но на зыбкую почву этой „реалистической", будто бы, доктрины отваживаются вступить, къ счастію, немногіе. Огромное большинство государствовѣдовъ, принявшихъ господствующую нынѣ конструкцію государства, какъ субъекта власти и юридическаго лица публичнаго права, отводятъ монарху положеніе органа государства. Монархъ признается стоящимъ въ государствѣ, а не надъ нимъ. Но сверхъ того, монархъ существенно отличается отъ прочихъ органовъ государства тѣмъ, что онъ воплощаетъ въ своемъ лицѣ государственную власть, онъ является носителемъ ея [1]). Это воплощеніе власти въ лицѣ монарха служитъ причиной того, что всѣ его полномочія, подраздѣляющіяся на Ehrenrechte и Regierungsrechte, принадлежатъ ему, какъ собственное самостоятельное право. Воззрѣніе на монарха, какъ на носителя государственной власти по собственному праву, приводитъ нѣкоторыхъ писателей къ отрицанію за монархомъ значенія органа именно потому, что органъ всегда осуществляетъ чужое право, а монархъ—собственное. Такъ поступаетъ, напр., Трипель [2]). При всемъ томъ ни одинъ изъ сторонниковъ этой теоріи „собственнаго права" не далъ удовлетворительнаго объясненія, въ чемъ практически выражается специфическое раз-

---

[1]) G. Meyer a. a. o. s. 6 и 185. Типичный представитель излагаемаго направленія. Ученіе о монархѣ онъ помѣстилъ въ отдѣлѣ объ органахъ государства. Но монархъ у нихъ въ то же время „erscheint als Träger der Staatsgewalt".

[2]) Das Interregnum, s. 70 ff.

личіе осуществленія извѣстной функціи власти монархомъ „по собственному праву“ отъ осущественія той же функціи органомъ, дѣйствующимъ по чужому полномочію [1]). Еще труднѣе согласить надѣленіе органовъ государства „собственными правами“ съ признаніемъ государства единымъ субъектомъ всѣхъ правъ государственной власти. Въ результатѣ одни и тѣ же права оказались одновременно принадлежащими двумъ субъектамъ—государству и монарху; смягчить это противорѣчіе, по остроумному замѣчанію Бернатцика, повидимому, можетъ развѣ только то, что взаимноисключающія другъ друга положенія печатаются на разныхъ страницахъ одной и той же книжки [2]).

Совершенно иная обстановка монархической власти дана тѣми учеными, которые съ особенной ясностью и послѣдовательностью провели въ своихъ трудахъ идею объ единствѣ государства, какъ субъекта власти. Зародившись у Гербера, эта новая теорія достигла своего полнаго выраженія въ трудахъ извѣстнаго Георга Еллинека. Онъ строго различаетъ двѣ сферы правъ, осуществляемыхъ монархомъ. Первая группируется около монарха, какъ физической личности, образуя его „активный status“, или, чтобы избѣжать условную терминологію Еллинека, составляя субъективное притязаніе къ признанію данной личности органомъ государства и носителемъ государственной компетенціи въ предѣлахъ, отведенныхъ монарху.

Вторая группа полномочій—это содержаніе упомянутой компетенціи, самыя функціи государственной власти. Эти послѣднія, являясь, по выраженію Еллинека, частью объективнаго права (Stück des objectiven Rechts) не могутъ быть предметомъ субъективныхъ притязаній монарха. Поэтому если право безотвѣтственности, почетныя преимущества монарха (Ehrnrechte), право на цивильность и пр. суть дѣйствительно субъективныя права монарха, или, если угодно, его „собственныя права“,

---

[1]) Указаніе Цахаріэ, что „собственные права“ монарха не могутъ быть измѣнены помимо его воли, совершенно опровергнуто Елленекомъ (System der Subjectiven off. Rechte, s. 142. Въ новѣйшее время точку зрѣнія Цахаріэ поддерживаетъ Бруно Шмидтъ. (der Staat, s. 122, 123).

[2]) Самъ Бернатцикъ не только признаетъ это противорѣчіе, но надѣется уйти отъ него, возводя его на степень общаго правила.

По его мнѣнію, король имѣетъ „das Recht auf das Amt“, и одновременная принадлежность одной и той же власти государству и монарху порождаетъ „ein geteiltes Herrschaftsrecht“, по природѣ своей составляющее такое же „Gesammtrecht“, какъ и въ цивильномъ институтѣ „geteiltes Eigenthum“ (Republik und Monarchie s. 28). Я не вхожу въ разборъ этой оригинальной теоріи, не имѣющей прямого отношенія къ моей темѣ. Остроумныя замѣчанія у Еллинека. (System. s. 137 ff).

зато право участія въ законодательствѣ, право помилованія, изданія тѣхъ или иныхъ указовъ, назначенія тѣхъ или иныхъ должностныхъ лицъ и т. д. представляются функціями государственной власти, субъектомъ коей остается одно только государство, но которыя развиваются въ дѣятельности монарха, какъ органа государства, въ предѣлахъ его компетенціи, очерченной субъективнымъ правомъ [1]).

Этимъ путемъ, какъ мнѣ кажется, Еллинекъ удачно разрѣшилъ проблему монархической власти и тѣмъ подготовилъ надежную почву для устойчивой конструкціи института регентства.

Построить понятіе регенства на противоположеніи власти quo ad jus, пребывающей за недѣеспособнымъ монархомъ, и власти quo ad exercitium, реализуемой регентомъ, или, иначе говоря, на противоположеніи „собственнаго права" и осуществленія послѣдняго регентомъ, какъ представителемъ монарха съ точки зрѣнія изложенной теоріи, немыслимо. разъ въ предѣлахъ компетенціи монарха, какъ органа власти, не существуетъ „собственныхъ правъ". Соотвѣтственно новой точки зрѣнія, нужна и новая постановка.

Мнѣ думается, что, прежде всего, необходимо отрѣшиться отъ представленія, навѣяннаго обыденнымъ словоупотребленіемъ, практикой государственной жизни и положеніями несостоятельной господствующей теоріи о какомъ-то личномъ государственно-правовомъ отношеніи представительства, замѣстительства, репрезентаціи и т. п., существующемъ, будто бы, между монархомъ и регентомъ.

По этому поводу я не могу согласиться не только съ господствующей теоріей, построенной на признаніи регента представителемъ монарха [2]), но и съ своеобразной конструкціей Еллинека, находящаго, что Regent ist ein verfassungsmässiger Repräsentant des Monarchen". По мнѣнію Еллинека, нужно различать понятіе представительства (Steillvertretung) и „Repräsentation". Въ первомъ случаѣ налицо двѣ воли, воля представляемаго и воля представителя, во второмъ—одна воля репрезентанта, но эта воля считается волей репрезентируемаго потому, что послѣдній по природѣ своей вообще не можетъ проявить юридически-релевантной воли.

Примѣрами репрезентаціи могутъ служить парламентъ въ отношеніи населенія, регентъ въ отношеніи недѣеспособнаго монарха. Замѣчу по этому поводу, что Еллинекъ самъ характеризуетъ понятіе „репрезентаціи, какъ „organschaftliches Verhältniss", и дѣйствительно оно

---

[1]) Iellinek. System s. 136—146.

[2]) Stölzle, a. a. o. s. 13. „Der Regent den Herrscher im Willen vertreten muss".

вполнѣ тождественно съ понятіемъ органа. Если же подставить это послѣдніе понятіе на мѣсто „репрезентаціи" получится, что парламентъ есть органъ населенія, а регентъ органъ монарха. Отъ подобнаго вывода отшатнется, конечно, самъ Еллинекъ. Особое названіе для понятія органа понадобилось Еллинеку именно для того, чтобы оттѣнить мнимое существованіе между репрезентируемымъ и репрезентомъ отношенія, весьма близкаго къ представительству.

Въ дѣйствительности, все это отношеніе „представительства" или „репрезентаціи" исчерпывается въ примѣненіи къ институту регентства помѣщаемой въ заголовкѣ правительственныхъ актовъ регента формулой, свидѣтельствующей, что регентъ дѣйствуетъ именемъ монарха. Формула эта знаменуетъ собой фактъ существованія монарха въ государствѣ, но ничего еще не говоритъ о какомъ-либо взаимоотношеніи его и регента. Отсутствіе подобнаго личнаго отношенія наглядно выражается въ безотвѣтственности регента, общепризнанной въ научной литературѣ [1]) и точно указанной въ дѣйствующей нынѣ Португальской конституціи [2]). Если нѣкоторые писатели, напр. Kirchenheim и Stölzle [3]), утверждаютъ, что между монархомъ и регентомъ существуетъ публично-правовое отношеніе, то они понимаютъ послѣднее въ смыслѣ отношеній, соединяющихъ монарха съ его предшественникомъ. Монархъ по возстановленіи своей дѣеспособности обязанъ признать акты внутренней и внѣшней политики регента такъ же, какъ вступающій на престолъ признаетъ сдѣланное его предшественникомъ, а, слѣдовательно, вовсе не потому, что регентъ функціонировалъ въ качествѣ представителя недѣеспособнаго монарха. Всѣ эти пресловутыя теоріи представительства и репрезентаціи недѣеспособнаго монарха платятъ дань популярному, но совершенно фиктивному представленію, по которому недѣеспособный монархъ правитъ при помощи регента. Въ дѣйствительности же для правильнаго пониманія разсматриваемаго института слѣдуетъ сосредоточить вниманіе на иной области отношеній, на отношеніяхъ монарха и регента къ государству, коего органами они являются въ одинаковой

---

[1]) Если не считать устарѣвшихъ взглядовъ—Мауренбрехера и Краута. Нѣкоторые писатели (въ томъ числѣ г. Мейеръ, Зейдель, Шульце, Штенгель, Сарвей) принимаютъ уголовноправовую отвѣтственность регента, но этотъ видъ отвѣтственности не касается области отношеній между монархомъ и регентомъ.

[2]) art. 99. А также въ конст. 1826 г. и во французскихъ законахъ о регентствѣ 1792 г. § 11 и 1804 г. (сенатусъ-консультъ); § 24; изъ нѣмецкихъ конст. о безотвѣтственности говоритъ конст. Кобургъ-Готская.

[3]) Kirchenheim a. a. O. S. 84 ff.—Stölzle. Die rechtliche Verantwortlichkeit des Regenten und Regierungsvertreters nach deutschem Staatsrecht. 1894, S. 16.

степени и къ его объективному правопорядку. И монархъ, и регентъ одинаково черпаютъ всѣ свои полномочія въ основномъ законѣ государства. Они оба являются непосредственными органами государства.

Согласно этому основному закону, воля государства въ предѣлахъ извѣстной компетенціи совпадаетъ съ волей физическаго носителя монархической власти. Это обстоятельство обусловливаетъ собой возможность перерывовъ волеизъявленія государства съ наступленіемъ причинъ, вовсе поражающихъ волю монарха или умаляющихъ ея внутреннюю цѣнность и значеніе настолько, что она не можетъ отвѣчать значенію госуд. воли.

Всѣ безъ исключенія конституціи монархическихъ государствъ, а равно и русскіе Основные Законы (св. зак. т. I, ч. 1, ст. 18) [1]) называютъ въ числѣ случаевъ такого рода—недостиженіе монархомъ совершеннолѣтняго возврата, вплоть до наступленія коего существуетъ praesumptio juris et de jure о его недѣеспособности [2]).

Наши Основные Законы указываютъ на несовершеннолѣтіе, какъ на единственный поводъ къ учрежденію правительства [3]). Конституціи западно-европейскихъ государствъ, сверхъ того, или даютъ общее понятіе недѣеспособности, или спеціализируютъ это понятіе именованіемъ его отдѣльныхъ видовъ. Перваго пути придерживаются конституціи Бельгіи, Румыніи, Люксембурга, Пруссіи, Голландіи, Испаніи и др. („l'impossibilité de régner", „se trouve hors d'état exercer le pouvoir" т. д. „verhindert", „dauernd verhindert" и т. п.). Вторымъ путемъ идутъ Португалія (неспособность по причинамъ физическимъ или моральнымъ, ставшимъ очевидными), Данія, Швеція, Норвегія, Греція (отсутствіе и болѣзнь).

Этотъ родъ недѣеспособности не влечетъ за собой какой либо общей презумпціи, напротивъ того, каждый отдѣльный случай представлять здѣсь quaestio facti и можетъ быть принятъ во вниманіе лишь при томъ условіи, когда препятствіе свободному волеизъявленію, по-

---

1) „Въ случаѣ малолѣтства наслѣдующей Особы порядокъ и безопасность Государства и Государя требуютъ учрежденія Правительства и опеки до совершеннолѣтія". Актъ 5 апр. 1797 г.—П. С. З. № 17—910.

2) Въ рѣшительномъ большинствѣ государствъ монархъ становится совершеннолѣтнимъ по достиженіи 18-лѣтняго возраста, въ Испаніи же и въ Россіи по достиженіи 16 л. („дабы сократить время правительства" П. С. З. № 17, 910); въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ государствахъ совершеннолѣтіе монарха наступаетъ по достиженіи имъ 21 г.

3) Едва ли это простой недосмотръ, въ особенности въ виду ст. 24, говорящей о „безуміи правителя, хотя бы временномъ", какъ о причинѣ недѣеспособности къ правительству.

стигшее монарха, по существу своему и свойствамъ, будетъ (путемъ особой формальной процедуры) признано или вовсе исключающимъ, или существенно отклоняющимъ правильное теченіе волеизъявленій монарха отъ ихъ нормальнаго уровня.

Съ наступленіемъ одного изъ указанныхъ обстоятельствъ (послѣ формальнаго констатированія недѣеспособности, происходящаго обыкновенно при участіи народнаго представительства и носящаго въ случаяхъ несовершеннолѣтія чисто деклараторный, въ прочихъ же случаяхъ конститутивный характеръ) наступаетъ своеобразное положеніе, при которомъ лицо, вступающее на престолъ или уже занимающее таковой, сохраняетъ за собой всѣ права, касающіяся его личнаго правового положенія въ государствѣ, т. е. право на корону, на неприкосновенность, безотвѣтственность, имущественныя права, почетныя прерогативы и т. п. Оно продолжаетъ царствовать, а вмѣстѣ съ тѣмъ признаваться органомъ государственной власти, но дѣйствительное значеніе органа государства въ немъ исчезаетъ.

На весь періодъ своей недѣеспособности монархъ, съ государственно-правовой точки зрѣнія, остается безвольнымъ и безвластнымъ [1]), а потому дѣйствительное осуществленіе власти въ составѣ компетенціи, отведенной ему объективнымъ правомъ, становится для него недоступнымъ. По своему правовому положенію онъ остается органомъ государства, но органомъ атрофированнымъ, переставшимъ функціонировать. Безпрерывно упражняемая государственная воля реализуется инымъ проводникомъ. На сцену выступаетъ регентъ.

Я сказалъ уже, что регентъ есть непосредственный органъ государства. Его личность, моментъ вступленія въ управленіе государствомъ, границы и характеръ его дѣятельности всецѣло опредѣляются закономъ, т. е. волей государства, а не стоятъ въ зависимости отъ чьей-либо воли въ государствѣ.

Если нѣкоторыя конституціи предоставляютъ монарху право опредѣлять напередъ личность регента и порядокъ регентства, то такія распоряженія, согласно точному указанію этихъ конституцій, облекаются въ форму законодательныхъ актовъ (Голландія, Румынія, Греція). Даже въ абсолютныхъ монархіяхъ (ст. 21 св. з. т. I. ч. I) подобныя постановленія едва ли могутъ приравниваться къ завѣщательнымъ распоряженіямъ.

---

[1]) Хотя бы фактически онъ и могъ проявлять волю. Напр. душевнобольной монархъ въ періодъ „dilucida intervalla", но формальнаго возстановленія дѣеспособности.

При отсутствіи заблаговременныхъ распоряженій, въ перечисленныхъ лицахъ, а также въ государствахъ, не знающихъ порядка предварительнаго назначенія регента, практикуются три системы: 1) кругъ лицъ, привлекаемыхъ къ регентству, напередъ указанъ въ основныхъ законахъ и опредѣляется, большей частью, согласно дѣйствующей системѣ престолонаслѣдія; 2) регентъ или регенты опредѣляются палатами посредствомъ выбора и 3) сперва идутъ лица, указанныя въ п. 1, а субсидіарно, въ случаѣ недостатка ихъ, примѣняется п. 2. Въ виду примѣра, въ первой группѣ назовемъ Россію [1]) и Баварію [2]); во второй—Бельгію [3]), Румынію [4]), Грецію [5]); къ третьей группѣ принадлежитъ рѣшительное большинство государствъ: Италія [6]), Испанія [7]), Португалія [8]), Данія [9]), Голландія, Пруссія [10]), Вюртембергъ [11]) и др.

Если выставленный выше принципъ вступленія въ регентство ex lege самъ собой понятенъ въ отношеніи лицъ, указанныхъ въ п. 1, зато онъ можетъ вызвать сомнѣнія въ примѣненіи къ выборнымъ регентамъ. Ихъ права, повидимому, опредѣляются волей палатъ, учиняющихъ выборъ. Но это не такъ.

Права, входящія въ составъ компетенціи регента, не принадлежатъ, прежде всего, самимъ палатамъ, а потому не могутъ быть ими делегированы, да и самый выборъ въ этихъ случаяхъ прямо сводится къ извѣстному, предуказанному объективнымъ правомъ способа опредѣленія физической личности, отъ воли коей затѣмъ зависитъ принять органическое положеніе регента [12]). Эти соображенія достаточны для

---

[1]) Ст. 23 Осн. Зак.

[2]) Бав. конст. Тит. II § 13 (агнаты, королева вдова, высшее должностное лицо).

[3]) Art. 81, 82.

[4]) Art. 88, 89.

[5]) Art. 56, 53.

[6]) Ближайшій родственникъ, королева мать или выборъ—art. 11—15.

[7]) Отецъ, мать, ближайшій родственникъ или выборное регентство въ числѣ 1, 3 или 5 человѣкъ, art. 67, 70, 71.

[8]) Art. 92, 93, 94.

[9]) Art. 1 и 2 закона 11 февр. 1871 г.

[10]) Art. 56.

[11]) Art. 12.—Ближайшій агнатъ, мать, бабка монарха и наконецъ выборный регентъ.

[12]) Отказъ отъ регенства свободенъ. Только въ Баваріи, „der höchste Kronbeamte“ до котораго дошло регентское званіе, можетъ освободиться отъ него только выходомъ въ отставку. По вопросу о значеніи выбора палатами новаго монарха въ періодъ междуцарствія см. Triepel, a. a. s. 112 ff., аргументація коего имѣетъ примѣненіе и къ настоящему вопросу.

признанія и выборнаго регента непосредственнымъ органомъ государства.

Что касается затѣмъ самой компетенціи регента и характера его дѣятельности, то даже представители господствующей теоріи единогласно высказываются за универсальный переходъ къ регенту всей совокупности власти, ранѣе осуществлявшейся монархомъ. И признаніе регента неотвѣтственнымъ, наравнѣ съ монархомъ, въ настоящее время является положеніемъ, совершенно установившимся въ научной литературѣ. Принципіальное совпаденіе компетенцій монарха и регента составляетъ логическое послѣдствіе развитыхъ мною выше положеній. Монархъ не можетъ быть дѣеспособнымъ въ одномъ отношеніи и недѣеспособнымъ въ другомъ. Недѣеспособность этрофируетъ всю правительственную дѣятельность монарха. Поэтому, съ принятіемъ взгляда о частичномъ лишь заступленіи монарха регентомъ. пришлось бы заключить о совершенномъ выпаденіи изъ сферы государственной дѣятельности нѣкоторыхъ функцій на время существованія регентства.

Это мы и встрѣчаемъ какъ бы въ дѣйствительности. Запрещеніе жаловать сословныя отличія и титулы (Вюртембергъ, Швеція), отчуждать коронныя имущества (Баварія), разрѣшеніе назначать должностныхъ лицъ лишь провизорно (Баварія) и др.—суть ограниченія случайныя и несущественныя, напротивъ того, запрещеніе санкціонировать перемѣны конституціи, существующее въ Бельгіи, Румыніи, Вюртембергѣ [1]), затрагиваетъ настолько чувствительный жизненный нервъ государственнаго и общественнаго строя, что въ самой суровости этого ограниченія очевидно его практическое безсиліе. „Nemo enim eam sibi potest legem dicere, ut a priore ei recedere non liceat“ [2]).

Не отрицая формальнаго значенія подобныхъ ограниченій, освященныхъ конституціями и навѣянныхъ воззрѣніями на регентство, какъ на переходное и притомъ анормальное состояніе, я думаю, однако, что запреты касаться устоевъ государственной организаціи путемъ конституціонныхъ ревизій болѣе, чѣмъ какая либо иная граница дѣятельности регента, рискуютъ разойтись съ дѣйствительностью, не мирящейся съ омертвѣніемъ права ни въ одной области государственной жизни. Во всякомъ случаѣ, за исключеніемъ указанныхъ спорадическихъ изъятій, точно поименованныхъ въ положительномъ правѣ, презумпція всегда

---

[1]) Въ послѣднемъ новый конст. законъ можетъ сохранять силу только на время регентства.

[2]) § 22 pr. D. de leg. III.

говоритъ въ пользу распространительнаго толкованія компетенціи регента [1]).

Поэтому правильнѣе, казалось бы, не придавая этимъ ограниченіямъ преувеличеннаго значенія, признать принципіальное торжество компетенцій монарха и регента существеннымъ моментомъ понятія регентства.

Я резюмирую основные выводы: 1) Положительное право современныхъ монархическихъ государствъ не признаетъ недѣеспособности основаніемъ къ лишенію монарха присущаго ему въ государствѣ органическаго положенія и связанныхъ съ нимъ личныхъ правъ и преимуществъ, но исключаетъ для него правовую возможность функціонировать въ предѣлахъ его компетенціи, чѣмъ и вызывается необходимость организаціи регентства.

2) *Регентъ есть непосредственный органъ государства, вступающій ex lege въ отправленіе функцій государственной власти, въ случаѣ недѣеспособности монарха и въ предѣлахъ компетенціи послѣдняго.*

Приведенное опредѣленіе отграничиваетъ понятіе регентства:

1) отъ явленій временнаго отсутствія или неизвѣстности монарха въ монархическомъ государствѣ (междуцарствіе) [2]).

2) отъ случаевъ порученія (генеральнаго или спеціальнаго) власти монарха, возлагаемаго по волѣ и усмотрѣнію послѣдняго на избранное имъ лицо или коллегію лицъ. Этотъ институтъ (Stellvertretung) предполагаетъ не только существованіе монарха, но и наличность его дѣеспособности.

Ив. Цызыревъ.

---

[1]) Въ этомъ сходятся всѣ безъ исключенія представители спеціальной литературы о регентствѣ.

[2]) Къ междуцарствію долженъ быть отнесенъ и случай, когда монархъ находится еще въ утробѣ матери, оставшейся вдовой по смерти монарха-мужа (Zeynert, Triepel).

IV.

ЗАМѢТКИ ПО БЕССАРАБСКОМУ ПРАВУ.

I.

Кому принадлежитъ по дѣйствующимъ въ Бессарабіи законамъ право на искъ объ истребованіи обѣщаннаго, но не выданнаго приданаго?

Изъ числа своеобразныхъ институтовъ дѣйствующаго въ Бессарабіи права однимъ изъ наиболѣе интересныхъ является институтъ установленія приданаго. Особенности этого, общему праву русскому невѣдомаго, института заключаются какъ въ самомъ фактѣ существованія обязательства отца или усыновителя дать приданое (onus dotandi), такъ и въ способѣ его установленія. Заботясь объ обезпеченіи нарождающейся семьи, Бессарабское право не ставитъ никакихъ условій дѣйствительности даннаго отцомъ обѣщанія установить приданое. Достаточно словеснаго заявленія правоспособнаго лица, чтобы создать обязательство, охраняемое закономъ. Одно лишь условіе является существеннымъ—необходимо, чтобы наступило то событіе, ради котораго приданое устанавливается, т. е. чтобы самый бракъ воспослѣдовалъ [1]).

Способъ, предусмотрѣнный закономъ, для осуществленія дочерью принадлежащаго ей права на полученіе приданаго—искъ, такъ назыв. actio de dote или dotis exactio.

Особенности семейныхъ отношеній по Бессарабскому праву выдвигаютъ одинъ изъ наиболѣе сложныхъ и спорныхъ вопросовъ мѣст-

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ см. мою книгу: Приданое по Бессарабскому праву. Опытъ комментарія законовъ Арменопуло и Донича. Одесса 1901 г., стр. 24 и сл.

ныхъ законовъ: кому принадлежитъ право на этотъ искъ? Мужу или женѣ?

Dos constituitur ad onera matrimonii ferenda—таковъ основной афоризмъ дотальнаго права. Приданое устанавливается для несенія тягостей брака. Тягости эти лежатъ на мужѣ, какъ кормильцѣ семьи. Поэтому приданое, принадлежа женѣ, находится въ управленіи мужа, пользующагося доходами съ него, какъ средствомъ для исполненія своихъ обязанностей предъ семьей. Приданое нужно *мужу*. *Ему* обѣщали дать таковое за его женой. Обѣщаніе не исполнено. *Мужъ* понуждаетъ обѣщателя къ исполненію обязательства. Право иска принадлежитъ *мужу*.

„*Послѣ заключенія брака не жена, а мужъ взыскиваетъ приданое съ того, кто обѣщалъ оное*", гласитъ законъ (Арт. кн. IV, тит. 8, стр. 43, 54)[1]).

Категоричность приведенной нормы приводитъ нѣкоторыхъ толкователей къ выводу, что право на искъ объ истребованіи обѣщаннаго, но не выданнаго приданаго принадлежитъ *всегда и только* мужу. Выводъ этотъ ошибоченъ.

Толкованіе приведеннаго фрагмента было въ самое недавнее время предметомъ сужденія Правительствующаго Сената по Гражд. Касс. Департаменту, разрѣшившаго этотъ спорный вопросъ надлежащимъ образомъ [2]), разъяснивъ мимоходомъ и другой существенный вопросъ толкованія Бессарабскаго права—значеніе русскаго изданія Шестикнижія Арменопуло.

Какъ извѣстно, издавая русскій переводъ Арменопуло, Правительствующій Сенатъ предпослалъ изданію примѣчаніе, въ которомъ указалъ, что переводъ на русскій языкъ сдѣланъ не съ подлинника, а съ новогреческаго перевода этого послѣдняго. Когда по сличеніи съ подлинникомъ оказались въ переводѣ несогласія, то Сенатъ отмѣтилъ таковыя на поляхъ косыми буквами, предписавъ: при рѣшеніи дѣлъ принимать точное содержаніе отмѣтокъ, на поляхъ сдѣланныхъ. Примѣчаніе это толковалось обыкновенно юристами-практиками и судебными мѣстами въ томъ смыслѣ, что дальше исправленій, сдѣланныхъ Сенатомъ, идти нельзя, и что всякое иное, въ примѣчаніи не отмѣченное, возстановленіе надлежащаго смысла и значенія нормъ Шести-

---

[1]) Первая цифра относится къ изданію 1831 года in folio, вторая—къ перепечатанному in octavo.

[2]) Относительно species facti ср. „Право", № 48. Конечный выводъ Сената изложенъ въ отчетѣ невѣрно. Ср. „Право", № 49.

книжія является еретическимъ отступленіемъ отъ безспорнаго и окончательно установленнаго его текста. Несостоятельность такого толкованія очевидна. Указывая на рядъ *замѣченныхъ* неточностей, Сенатъ подтвердилъ только то, что переводъ сдѣланъ съ текста, ненадлежаще провѣреннаго, подчеркнулъ, такъ сказать, ненадежность положеннаго въ основаніе русскаго перевода новогреческаго списка, но нигдѣ и никогда не говорилъ, чтобы *только* сдѣланными имъ исправленіями на поляхъ можно было дополнять смыслъ русскаго перевода, сдѣланнаго съ другого перевода, самимъ Сенатомъ признаннаго невѣрнымъ. Мало того, Правительствующій Сенатъ по Гражданскому Кассаціонному Департаменту неоднократно (ср. рѣш. 1894 г. № 117 и 1897 г. № 58) признавалъ правильнымъ не только обращеніе къ подлиннику Шестикнижія, но и къ тѣмъ источникамъ, которые легли въ его основу (Базиликамъ, Синопсисамъ, Эклогѣ, Прохирону и пр.). Въ вышеуказанномъ рѣшеніи своемъ отъ 6 ноября 1902 года по дѣлу Гартинговъ съ княжной Мещерской Сенатъ вновь подтвердилъ установившуюся, повидимому, незыблемо практику, и, надо думать, суды наши перестанутъ jurare in verba русскаго перевода Шестикнижія.

Возстановленіе надлежащаго текста имѣетъ огромное значеніе и для вопроса, поставленнаго нами въ заголовкѣ настоящей замѣтки. Приведенная выше норма Арменопуло, своей категоричностью сбившая съ толку не одного юриста-практика, читается въ подлинникѣ нѣсколько иначе. Приведенному мѣсту соотвѣтствуетъ с. 7 tit. 10 lib. IV Hexabiblos'а, которое гласитъ:

Мужъ, а не жена требуетъ приданаго отъ всякаго, обѣщавшаго (таковое), *во время* существующаго брака. Такимъ образомъ явствуетъ, что исключительная принадлежность мужу права на искъ объ истребованіи обѣщаннаго, но не выданнаго приданаго продолжается до тѣхъ поръ, пока существуетъ бракъ,

Что таковъ дѣйствительный смыслъ приведеннаго законоположенія, подтверждается сравненіемъ его съ другими фрагментами Шестикнижія.

Въ томъ же титулѣ той же книги (стр. 55, 70) читаемъ: „*Мужъ имѣетъ право и по смерти жены въ теченіе десяти годовъ требовать назначенное ему приданое*". Уже самый фактъ существованія приведенной нормы служитъ доказательствомъ того, что интерпретируемый нами фрагментъ не долженъ толковаться столь категорично. Въ самомъ дѣлѣ: если *послѣ* заключенія брака *только* мужъ имѣетъ право отыскивать приданое, т. е. съ самымъ фактомъ воспослѣдованія права онъ пріобрѣлъ это право и притомъ право исключительное, то

естественно, что онъ и послѣ смерти жены продолжаетъ владѣть таковымъ. Самая норма о признаніи за нимъ этого права является излишней. Но не только *фактъ* существованія этой нормы интересенъ. Важна и ея *редакція*. *Первая* изъ разсматриваемыхъ нормъ содержитъ императивъ: не жена, а мужъ взыскиваетъ приданое. *Вторая* предоставляетъ лишь право: мужъ и послѣ смерти жены имѣетъ право отыскивать приданое. *Первая* говоритъ объ *обязанности*, *вторая*—о *правѣ*. При этомъ *первая* указываетъ лишь моментъ, *съ котораго* начинается эта обязанность (т. е. съ момента воспослѣдованія брака), *вторая* указываетъ на *прекращеніе* этой обязанности смертью жены.

Таковое освѣщеніе приведенныхъ отрывковъ находитъ себѣ полное подтвержденіе въ тѣхъ фрагментахъ Шестикнижія, которые нормируютъ отвѣтственность наслѣдниковъ мужа, упустившаго предъявить лежащій на его обязанности искъ объ истребованіи приданаго.

Фрагменты эти помѣщены въ 2-мъ тит. II кн. (стр. 126, 166). Здѣсь разсматривается три случая смерти мужа *во время существующаго брака* [1]. *Первый* случай таковъ; мужъ умеръ до истеченія трехъ лѣтъ со дня заключенія брака; его наслѣдники не подвергаются никакой отвѣтственности. *Третій* случай: мужъ умеръ по истеченіи десяти лѣтъ со дня заключенія брака; наслѣдники его отвѣтствуютъ предъ женой за приданое. *Второй* случай: мужъ умеръ до истеченія десяти лѣтъ, но по истеченіи трехъ лѣтъ; наслѣдникамъ мужа дается срокъ для взыскиванія приданаго съ лица, обѣщавшаго таковое, но не выдавшаго онаго.

Случаи эти чрезвычайно интересны. Начнемъ съ *третьяго*. Мужъ умеръ, пропустивъ въ бракѣ (т. е. когда онъ *обязанъ* былъ отыскивать приданое) десятилѣтній срокъ, установленный для иска объ истребованіи приданаго. Онъ допустилъ явную небрежность, не исполнилъ лежавшей на немъ обязанности: онъ отвѣтствуетъ за послѣдствія предъ своей женой, а за его смертью, по общимъ правиламъ преемства,—его наслѣдники.

Перейдемъ къ *первому*. Мужъ умеръ до истеченія трехъ лѣтъ со дня заключенія брака, не предъявивъ иска объ истребованіи приданаго

---

[1]) Замѣчательно, что источники нигдѣ не говорятъ объ отвѣтственности наслѣдниковъ мужа, не отыскивавшаго приданаго *послѣ* прекращенія брака, а всегда лишь объ отвѣтственности наслѣдниковъ мужа, умершаго *въ бракѣ*. Оно и понятно, ибо *обязанность* лежитъ на мужѣ *только во время* брака. Гдѣ нѣтъ обязанности, тамъ нѣтъ и отвѣтственности.

наго. Допустилъ ли онъ хотя бы легкую небрежность? Законъ говоритъ, что нѣтъ, ибо нѣтъ того велѣнія, которое предписывало бы мужу сломя голову требовать приданаго. Естественно, что, за отсутствіемъ вины, нѣтъ и отвѣтственности; свободны отъ таковой и наслѣдники. Наконецъ, *второй* случай. Мужъ умеръ до истеченія десяти лѣтъ, не утративъ по давности права на истребованіе приданаго. Грубой небрежности онъ еще не совершилъ. Но со дня заключенія брака прошло болѣе трехъ лѣтъ. Времени было достаточно мужу, чтобы оглянуться, собраться съ силами предъявить искъ къ забывшему объ обязанности своей обѣщателю приданаго. Допущенной проволочкой мужъ *могъ* причинить ущербъ интересамъ жены, ибо въ имуществѣ установившемъ приданаго *могли* произойти измѣненія; удобный моментъ для предъявленія иска о приданомъ *могъ* пройти. Пусть на наслѣдникахъ мужа лежитъ обязанность отыскиванія приданаго и отвѣтственность за допущенную ихъ праводателемъ несвоевременность въ дѣлѣ исполненія имъ лежащихъ на немъ обязательствъ.

Для насъ интересенъ главнымъ образомъ *первый* случай, т. е. тотъ, когда мужъ умеръ *до истеченія трехъ лѣтъ и когда его наслѣдники не должны отыскивать приданое.* Кто же его ищетъ? Наслѣдники не обязаны. Жена не вправѣ, по мнѣнію сторонниковъ безусловной категоричности той нормы, которая гласитъ, что послѣ брака мужъ, а не жена ищетъ приданое. Значитъ, некому. А между тѣмъ отъ брака остались дѣти, т. е. тѣ живыя тягости брака, для которыхъ приданое то установлено. Явный nonsens! Гдѣ же ошибка? Что наслѣдники мужа не обязаны искать, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Остается съ неизбѣжностью признать за женой или ея дѣтьми право иска приданаго, т. е. отвергнуть безусловность разбираемой нами нормы и признать, что исключительное право (и обязанность) мужа отыскивать отъ обѣщателя приданое продолжается до тѣхъ поръ, пока бракъ существуетъ, т. е. пріити путемъ логическаго толкованія къ тому, что ясно выражено въ нормѣ подлинника, искаженной безграмотностью переводчика.

О. Пергаментъ.

V.

ЗНАМЕНИТАЯ ТЮРЬМА ВЪ ПАРИЖѢ ST.-LAZARE.

Общее устройство и назначеніе тюрьмы. Составъ администраціи и надзора. Общій режимъ жизни въ St.-Lazare. Благотворительныя общества и патронатъ.—Описаніе помѣщеній тюрмы. Первая Секція. Мастерскія въ St.-Lazare. Борьба съ проституціей и сифилисомъ въ Парижѣ. Вторая Секція. Спеціальная больница для венерическихъ болѣзней. Заключеніе [1]).

Въ недалекомъ разстояніи отъ большихъ бульваровъ, въ мѣстности, лежащей около двухъ громадныхъ вокзаловъ de l'Est и du Nord и называемой Faubourg St.-Denis, находится единственная въ своемъ родѣ женская тюрьма—St.-Lazare. Громадныя, грязныя, мрачныя зданія, постоянно закрытыя ворота и мертвящая тишина внутри такого обширнаго помѣщенія заранѣе уже настраиваютъ всякаго желающаго познакомиться съ тюрьмой на тяжелыя и унылыя размышленія. При

---

[1]) Duflos. Statistique pénitentiaire pour l'année 1896—1899.

Herbette. Etudes présentées à l'occasion de l'organisation du musée spécial etc. Paris 1893.

D'Haussonnville. Etablissements pénitentiaires.

Raspail. Lettres sur les prisons de Paris.—Paris 1831.

Maxime du Camp. Histoire de prisons de Paris.

» Les convulsions de Paris.

M. d'A... Cinquante ans de visites à St.-Lazare.

E. Laurent. Les habitués des prisons de Paris.

H. Loly. Le combat contre le crime.

G. Bonneron. Oeuvres (Etudes, Notre régime pénitentiaire, Les prisons de Paris etc.).

Bulletins de l'Administration pénitentiaire и др.

первомъ же, самомъ поверхностномъ, взглядѣ на внутреннее устройство этой одичалой обители sui generis тяжелыя размышленія переходятъ прямо таки въ недоумѣніе и негодованіе. Въ самомъ дѣлѣ, въ такомъ міровомъ центрѣ, какъ Парижъ, въ такомъ нервѣ не только Франціи, но, во многихъ отношеніяхъ, и остальной Европы, среди роскошныхъ дворцовъ, музеевъ, среди удивительныхъ по красотѣ и богатству зданій совершенно непонятно существованіе этой отжившей пыточной руины не только какъ интереснаго остатка старины, но (что всего обиднѣе и унизительнѣе для французскаго самосознанія) какъ судебно-административнаго учрежденія, функціонирующаго и по сіе время. Въ то время, какъ съ баснословной быстротой росли разныя выставочныя зданія 1879, 1889 и 1900 годовъ, мнѣніе du Conseil général еще съ 12 ноября 1875 года оставалось совершенно неисполненнымъ ни въ общемъ составѣ, ни частями. Уже тогда былъ разработанъ вопросъ настоятельной необходимости переустройства и перенесенія этой тюрьмы или изъ Парижа, или, во всякомъ случаѣ, на какой нибудь самый отдаленный край города, но прошло 27 лѣтъ, и тюрьма продолжаетъ существовать, дѣйствовать... Зданія ветхи, почернѣли и разваливаются, внутреннее, чуть ли не средневѣковое, устройство совершенно не соотвѣтствуетъ современнымъ понятіямъ о мѣстахъ заключенія, вѣковые балки, накаты и прочія деревянныя части сгнили и еле-еле еще держатся, благодаря нѣкоторымъ поправкамъ и передѣлкамъ, сырость и затхлость, зараженный воздухъ и грязь уже нѣсколько столѣтій тому назадъ сдѣлались безцеремонными хозяевами этой тюрьмы, но, не смотря ни на что, St.-Lazare, повидимому, остается таковой еще на долгое время... D'Haussonville въ своемъ сочиненіи „Etablissements pénitentiaires“ говоритъ между прочимъ, что „эта старинная тюрьма осуждена въ продолженіе долгаго времени къ исчезновенію. Можно сказать, что съ самаго ея основанія начали говорить объ ея уничтоженіи...“

Время основанія St.-Lazare относится къ XI вѣку. Нельзя не отмѣтить различныя стадіи развитія этого оригинальнаго учрежденія: оно было и убѣжищемъ для прокаженныхъ, и монастыремъ Лазаристовъ, и конгрегаціей de St.-Lazare, и смирительнымъ домомъ для сумасшедшихъ и расточителей, служило гостиницей для королей (Le Logis du Roi) и мѣстомъ для устройства l'Ecole des Ponts et Chaussés (законъ 6 августа 1791 г.), мѣстомъ заключенія нѣкоторыхъ знаменитыхъ людей Франціи, напр. Бомарше и Анри Шенье и др., и, наконецъ, притономъ революціонеровъ и коммунаровъ, пока вновь не обратилось въ женскую тюрьму. Исто-

рическія свѣдѣнія почерпнуты мной изъ различныхъ сочиненій и записокъ, между которыми особенно выдѣляются: *Raspail.* Lettres sur les prisons de Paris 1831. *Maxime du Camp.* Histoire des prisons. *Laurent.* Les habitués des prisons de Paris. *M. d'A...* Cinquante ans de visites à Saint Lazare. Описаніе же тюрьмы составлено изъ моихъ личныхъ наблюденій и посѣщеній тюрьмы въ 1899 и 1900 гг. и дополнено нѣкоторыми существенными подробностями изъ сочиненій: *L. Herbette* и въ особенности *Geo Bonneron.* Notre régime pénitentiaire. Les prisons de Paris. Всѣ статистическія свѣдѣнія взяты или изъ послѣднихъ отчетовъ, полученныхъ мной отъ г. директора тюрьмы, или изъ трудовъ *M-r Duflos.* Statistique pénitentiaire pour l'année 1896, 1897, 1898, 1899 и M-r Grimanelli Statistique pénitentiaire pour l'année 1900.

I.

Женская тюрьма St.-Lazare занимаетъ въ настоящее время 20,691 кв. метръ. Она единственная не только на весь Парижъ, но и на департаментъ Сены, если не считать женскаго отдѣленія при Dépôt près Préfecture—мѣста, куда свозятъ всѣхъ задержанныхъ и арестованныхъ и оттуда уже разсылаютъ по всѣмъ мѣстамъ заключенія. Maison d'arrêt et de correction, какъ оффиціально называется это учрежденіе, дѣлится рѣзко на двѣ половины, другъ отъ друга изолированныя. Эти отдѣльныя части, хотя и находятся подъ управленіемъ одного директора и общаго персонала служащихъ, однако состоятъ въ вѣдѣніи 2-хъ начальствъ. 1-ая Секція зависитъ отъ Parquet—судебное отдѣленіе, а вторая Секція—отъ префекта полиціи—административное отдѣленіе. Въ 1-ой Секціи до 1896 года было два отдѣла: первый назначался для всѣхъ женщинъ, находящихся подъ судомъ и слѣдствіемъ, несовершеннолѣтнихъ, а второй—только для несовершеннолѣтнихъ. Этотъ Quartier des mineures теперь перенесенъ въ Nanterre. Но во 2-ой Секціи и въ настоящее время можно встрѣтить несовершеннолѣтнюю заключенную, тамъ вышеуказаннаго дѣленія нѣтъ. Въ первую Секцію теперь попадаютъ „les prévenues ou accusées, les condamnées en appel ou en pourvoi, les condamnées à titre définitif et toutes les autres détenues". Réglement intérieur говоритъ, что онѣ „occupent des quartiers séparés, selon la catégorie à laquelle elles appartiennent; les indications nécessaires à leur classement sont données par le greffe". Но число осужденныхъ женщинъ и отбывающихъ наказаніе

съ каждымъ годомъ становится все меньше и меньше съ тѣхъ поръ, какъ предварительное заключенiе стали засчитывать имъ въ срокъ наказанiя. Да и притомъ необходимо замѣтить, что здѣсь по правиламъ тюремныхъ законодателей могутъ отбывать наказанiе женщины осужденныя не болѣе, какъ на одинъ мѣсяцъ, такъ какъ осужденныя болѣе, чѣмъ на одинъ мѣсяцъ до одного года, включительно отбываютъ свое наказанiе въ Nanterre, а осужденныхъ болѣе, чѣмъ на 1 годъ, заключаютъ въ особыя Maisons Centrales. Но такъ какъ нѣтъ правила безъ исключенiя, то и въ St.-Lazare есть нѣсколько женщинъ, которыя остаются не только больше мѣсяца, но даже и года. Ихъ держатъ изъ соображенiй моральныхъ и экономическихъ. Къ первымъ можно отнести беременныхъ женщинъ и кормящихъ своихъ дѣтей, а также нѣкоторыхъ больныхъ и безпомощныхъ, а ко вторымъ—нѣсколькихъ работницъ de la grosse couture, особенно de l'atelier de matelats, и арестантокъ, исполняющихъ обязанности низшихъ служащихъ при тюрьмѣ. Вторая же Секцiя заключаетъ въ себѣ арестованныхъ административнымъ порядкомъ проститутокъ, называемыхъ „fille des cours", осужденныхъ chef'омъ du bureau des moeurs на срокъ отъ 4 до 15 дней ареста. Эта самая обширная Секцiя точно также дѣлится на два отдѣла: Quartier des filles valides и l'Infirmerie spéciale на 250—260 кроватей. Во 2-ю Секцiю попадаютъ и дѣвушки, и женщины, зарегистрованныя en carte, и такъ называемыя insoumises, т. е. non en carte, женщины, спецiально занимающiяся этимъ промысломъ, и дамы самыхъ честныхъ и благородныхъ фамилiй, попавшiя совершенно въ чуждую имъ и по положенiю, и по духу обстановку, тщательно старающiяся скрыть свое имя и положенiе въ обществѣ. Le service des moeurs въ этомъ случаѣ не церемонится; о жестокости, грубости и правонарушенiяхъ самыхъ яркихъ и бросающихся въ глаза писали и пишутъ въ ежедневной печати; на защиту несчастныхъ и зачастую совершенно невинныхъ женщинъ и дѣвушекъ выступали такiе извѣстные дѣятели, какъ Ивъ Гюйо, но драконовскiе законы и тираническiя полномочiя до сихъ поръ ограждаютъ безнаказанность чиновъ этой своеобразной полицiи. Мы еще намѣрены вернуться къ этому вопросу, когда коснемся устройства спецiальной больницы для венерическихъ болѣзней, устроенной въ этой секцiи. Слава Богу, что еще въ дѣла задержанiя несовершеннолѣтнихъ можетъ вступать такъ или иначе прокуратура. Напр., заболѣвшихъ несовершеннолѣтнихъ прокуратура можетъ отправить (по приказу Dépôt du Parquet и за счетъ Préfecture) въ Nanterre, если доктора спецiальной больницы выдадутъ свидѣтельство, что онѣ могутъ быть излѣчены

и въ Nanterre. Если несовершеннолѣтнихъ, арестованныхъ за vagabondage или raccolage, не возьмутъ родители, то Dépôt отсылаетъ ихъ въ Nanterre. Да и вообще l'Administration предупреждаетъ родителей несовершеннолѣтнихъ и ничего не предпринимаетъ безъ ихъ вѣдома. Но это только относится къ тѣмъ дѣвушкамъ, которыя еще insoumises, т. е. еще не зарегистрованы. Впрочемъ, въ l'Infirmerie spéciale мы можемъ встрѣтить извѣстное число совершенно еще дѣвочекъ съ различными венерическими болѣзнями, но въ среднемъ не болѣе 12—15 въ годъ. Боннеронъ говоритъ: on a vu dans ce nombre, des petites filles de huit ans (?!), déjà atteintes du mal vénérien, et peut-être l'ayant déjà transmis à des amants d'une nuit ou d'une heure... Горонъ въ своихъ запискахъ упоминаетъ о подобномъ же случаѣ:" „..я припоминаю ужасный случай..., когда въ этой больницѣ мнѣ пришлось видѣть восьмилѣтнюю дѣвочку, настолько зараженную зловѣщей болѣзнью, что она умерла тутъ же въ тюремной больницѣ". Многія женщины en carte бываютъ здѣсь по нѣскольку разъ, даже какъ бы періодически [1]), онѣ какъ будто бы отдыхаютъ здѣсь отъ своего постыднаго ремесла и запасаются силами продолжать вновь то, съ чѣмъ онѣ свыклись и сжились... Удивительнѣе всего (это въ особенности бросается въ глаза иностранцу), что въ спискахъ зарегистрованныхъ женщинъ, которыя мнѣ показывалъ въ доказательство своего безпощаднаго и безжалостнаго отношенія къ этимъ несчастнымъ одинъ изъ коммиссаровъ полиціи въ зданіи префектуры на бульварѣ St. Michel, попадаются жены адвокатовъ, чиновниковъ, нотаріусовъ и прочихъ интеллигентныхъ гражданъ Парижа; мужья сознательно толкаютъ ихъ на поприще проституціи и явной, и тайной „для пополненія бюджета". „Какъ же можно снисходительно или съ жалостью относиться къ этимъ bêtes, когда онѣ заодно съ своими brutes (мужьями) воздвигаютъ благоденствіе семьи на фундаментѣ изъ проституціи!" восклицалъ этотъ комиссаръ, когда я разсказывалъ ему, что у насъ въ Россіи есть нѣсколько обществъ для спасенія и призрѣнія погибшихъ дѣвушекъ и женщинъ. „Хорошо призрѣть и даже просто отпустить на всѣ четыре стороны ту несчастную, которая и спитъ то „на веревочкѣ" (à la corde), а церемониться съ барыней, которая изъ семьи идетъ промышлять для комфорта, ... нѣтъ пощады!" [2]).

---

[1]) Здѣсь нѣтъ преслѣдованія „рецидива".

[2]) Я заинтересовался, что это значитъ „спать на веревочкѣ"?—Оказывается, въ Парижѣ есть масса домовъ, „отелей", гдѣ за 2 су желающій расположиться тамъ на ночь, получаетъ часть скамьи, на которой можетъ сидѣть, а голову устраиваетъ на веревкѣ, протянутой вдоль скамеекъ, и такимъ образомъ дол-

Я немного ушелъ въ сторону, но только для того, чтобы нагляднѣе показать, какая жестокая и безпощадная идетъ борьба съ проституціей и какъ безжалостно относятся къ ней представители даже совершенно другого рода полиціи—наружной, какъ относятся вообще тѣ служащіе въ police des moeurs, набранные почти сплошь изъ подонковъ общества. „Одинъ изъ судей сказалъ какъ-то по поводу этихъ паріевъ, что если бы убійство не было преступленіемъ, то несравненно лучше было бы бросить женщину въ рѣку, нежели начертать на челѣ ея клеймо полиціи“ (Горонъ).

II.

Персоналъ административныхъ служащихъ состоитъ изъ директора тюрьмы, одного greffier-comptable, главной надзирательницы, секретаря канцеляріи (commis-greffier), библіотекаря, 5 докторовъ и 1 помощника, 3 хирурговъ-акушеровъ, 6 интерновъ, дежурящихъ постоянно въ палатахъ больницы (интерны мѣняются довольно часто), аптекаря и священника. Надзоръ состоитъ изъ одного gardien-chef'а, 1-го premier gardien'а, 1-го gardien'а—commis-greffier, 9 обыкновенныхъ gardien'овъ и 36 монахинь ордена St. Marie-Joseph подъ начальствомъ настоятельницы и ея помощницы. Кромѣ того, есть еще 20 монахинь soeurs de la Régie, обучающихъ и надзирающихъ за работой, чѣмъ онѣ и отличаются отъ soeurs de l'Adminisration, 24 прислужницы и 3 обыкновенныхъ служителя при тюрьмѣ. Въ общемъ число служащихъ доходитъ до 120 человѣкъ, что не кажется очень много, такъ какъ собственно надзоръ состоитъ всего изъ 50 человѣкъ при числѣ арестованныхъ, доходящемъ до 600. При моихъ посѣщеніяхъ содержалось въ 1 разъ—573, во 2—592, въ 3—574 женщины. При третьемъ посѣщеніи я узналъ, что иногда число опускается до 550, особенно въ

женъ проспать кое-какъ нѣсколько часовъ. Очень часто случается, что бѣдная проститутка, не нашедшая себѣ ночлега и кліента, должна была устраиваться на ночь подобнымъ образомъ, если не хотѣла всю ночь дрожать отъ холода на скамейкахъ бульваровъ и прятаться отъ зоркаго глаза преслѣдователя police des moeurs. Прежде лѣтъ 7—10 тому назадъ такой способъ ночлега очень практиковался, почему и образовалась весьма понятная кличка „qui couchu à la corde“, достаточно обрисовывающая профессію и общественное положеніе носителя ея. Подъ ней подразумѣвали человѣка несчастнаго, но не мошенника, павшаго, но не сутенера или какую нибудь marmite (подруга сутенера или макро), продающуюся изъ крайней нужды, а не профессіоналку изъ-за разврата или путемъ разврата добывающую себѣ и брилліанты, и рысаковъ.

лѣтніе мѣсяцы, и даже еще ниже.—Это число надзора будетъ еще меньшимъ казаться, когда мы узнаемъ, что весь мужской составъ надзора отправляетъ лишь наружную службу и входа во внутрь тюрьмы не имѣетъ, за исключеніемъ gardien-chef'a. Вмѣстѣ съ этимъ зданіе, нисколько не приспособленное къ настоящему режиму и взглядомъ на тюремный надзоръ, совершенно недоступно общему дозору немногихъ дежурныхъ, какъ то достигается при современномъ устройствѣ тюремъ, а потому выше приведенное число сказывается не совсѣмъ достаточнымъ для должнаго надзора и дисциплины. Этотъ недостатокъ особенно, конечно, бросается въ глаза въ 2-ой секціи, что косвеннымъ путемъ признаютъ и сама администрація во главѣ съ ея директоромъ, и нѣкоторыя изъ сестеръ...

Въ самомъ дѣлѣ, все это сразу дѣлается яснымъ, если мы узнаемъ, что до сихъ поръ въ этой тюрьмѣ сохранился старый, отжившій режимъ, система общаго заключенія и система de la Pistole.

Система общаго заключенія уже давно подверглась заслуженному порицанію, какъ система всеобщаго обученія порокамъ и преступленіямъ. Здѣсь же она еще менѣе терпима, такъ какъ при такомъ громадномъ количествѣ заключенныхъ, составъ которыхъ мѣняется почти ежедневно, совершенно испорченныя и развратившіяся существа сталкиваются съ случайными преступницами; обвиненныя въ убійствѣ—съ подозрѣваемой въ одномъ изъ какихъ нибудь contraventions—полицейскомъ проступкѣ. Гибельныя послѣдствія знакомствъ неизбѣжны и очевидны [1]). Вышеприведенное правило изъ внутренняго Регламента тюрьмы трактуетъ объ отдѣленныхъ камерахъ, категоріяхъ и изолированности, но вѣдь это все допустимо въ теоріи или на бумагѣ, такъ какъ наряду съ системой всеобщаго заключенія существуетъ еще другое не меньшее зло—система de la Pistole, гдѣ за извѣстную плату заключенная получаетъ улучшенную камеру, обстановку, ѣду и... общество. Кто

---

[1]) На тюремномъ конгрессѣ въ Парижѣ было затронуто нѣсколько вопросовъ оносительно заключенія женщинъ, относительно градаціи преступленій для женщинъ, отличной, чѣмъ для мужчинъ, относительно режима и т. д. Но почти ни одинъ вопросъ не получилъ какого либо практическаго разрѣшенія. Французскіе представители на конгрессѣ такъ сдержанно, осторожно и уклончиво отнеслись къ этимъ вопіющимъ вопросамъ изъ соображеній финансовыхъ, а отдѣльные докладчики не могли настоять въ своихъ изложеніяхъ на важности поднятыхъ вопросовъ, что все было отложено до слѣдующаго конгресса. Впрочемъ, относительно общаго или одиночнаго заключенія для женщинъ мнѣнія раздѣлились, хотя нужно сказать, что наиболѣе видные и освѣдомленные тюремные дѣятели, какъ умершій теперь Стевенсъ, стояли за одиночное заключеніе.

можетъ быть случайной плательщицей, та будетъ и случайной сосѣдкой и знакомой по сожительству въ одной камерѣ. Вообще камеры вмѣщаютъ въ себѣ отъ 3 до 11 человѣкъ, онѣ запираются (bouclées) на ночь съ 7 ч. вечера и 8 ч. утра. Надзора въ камерахъ никакого. Если сестры ордена Маріи-Жозефа могутъ еще присматривать въ мастерскихъ, столовой и на прогулкѣ, то здѣсь царствуетъ полный развратъ. Я не говорю о контингентѣ 2-ой секціи, тамъ, какъ говорится, „и Богъ проститъ", но вѣдь персоналъ то оказывается не изъ очень стыдливыхъ, а сестры не страдаютъ пуризмомъ. Во время моего обхода вмѣстѣ съ директоромъ atelier и отдѣльныхъ камеръ, въ воздухѣ все время носилась атмосфера „s'amuser" — этого специфическаго словца Парижа, — даже не стѣсняясь присутствіемъ директора (я уже умалчиваю о надзорѣ), слышались довольно гривуазныя и пошлыя шуточки и насмѣшки на нашъ счетъ, во многихъ камерахъ совершенно забывалось, что находишься въ тюрьмѣ, обстановка, даже самое устройство постели (два тюфяка, одинъ перинный, двѣ подушки,—обѣ перинныя), все это дѣлало излишнимъ присутствіе статуи Богоматери, стоявшей на полочкѣ, и тюремнаго окошечка въ двери, чуть ли не занавѣшаннаго изнутри [1]). Послѣ того нечего удивляться, что всѣ безъ исключенія авторы, описывавшіе St. Lazare, говорили о ней, какъ о разсадникѣ всякаго порока и покровителѣ всякой порчи. Нѣкоторые защитники администраціи, признавая наличность разврата, оправдывали его, говоря: „если почти совершенно невозможно помѣшать противоестественнымъ отношеніямъ въ общихъ домахъ мужчинъ, то тѣмъ болѣе это трудно у женщинъ". (Bonneron). Очень оригинальное, но нелѣпое оправданіе. Извѣстный судебный дѣятель Гильо въ своемъ сочиненіи о тюрьмахъ проводитъ весьма послѣдовательно ту мысль, что все таки нравственный уровень арестан-

[1]) Какъ на подтвержденіе моего взгляда и впечатлѣнія, не могу не привести слѣдующаго факта. Бывая до сихъ поръ все въ мужскихъ тюрьмахъ Santé, Grande Roquette, Petite Roquette, Conciergerie, Melun и т. д. и изучая внутреннюю обстановку камеры, я привыкъ видѣть обычное устройство камеры и обычное число предметовъ въ ней. Войдя же въ первую изъ камеръ St. Lazare и увидѣвъ большую статую Мадонны противъ себя на полкѣ, я спросилъ, почему она здѣсь находится, такъ какъ нигдѣ въ тюрьмахъ, ни въ одной изъ камеръ не видѣлъ нечего изъ священныхъ изображеній. Директоръ въ это время разговорился съ сестрой, сопровождавшей меня съ нимъ, и мой вопросъ остался бы безъ отвѣта, если бы одна изъ заключенныхъ рыжая, высокая, рябоватая женщина не сказала, чуть-чуть улыбаясь: „это амуръ—развѣ вы не знаете, что это такое—покровитель любви!" Сестра, услыхавъ отвѣтъ, гнѣвно прикрикнула, а директоръ пригрозилъ пальцемъ.

токъ вообще выше, чѣмъ у арестантовъ. Но это воззрѣніе, основанное, какъ на личномъ опытѣ (Гильо былъ судебнымъ слѣдователемъ), такъ и на приводимыхъ статистическихъ данныхъ, не приложимыхъ къ тюрьмѣ St. Lazare, которая стоитъ совершенно обособленно среди прочихъ тюремъ и по своему мѣсту, и по назначенію, и по контингенту своихъ обитательницъ. Всѣ заботы администраціи заключаются въ томъ, что она старается предупредить и прекратить дружескія и интимныя отношенія путемъ разъединенія замѣченныхъ и перевода ихъ въ другія камеры, но много ли это поможетъ? Разъ корень зла не вырванъ, неудовлетворенная страсть дѣйствуетъ еще болѣе неудержимо подъ покровомъ ночи, когда и надзора нѣтъ..... Директоръ съ достоинствомъ говорилъ, что у него строгій надзоръ во 2-ой Секціи, гдѣ болѣе всего процвѣтаетъ сафизмъ и всякія извращенія лесбосской противуестественной любви. Gardien-chef и сестры въ послѣднее посѣщеніе увѣряли, что теперь нѣтъ того разврата, который былъ раньше, что въ камерахъ совершенно нѣтъ „de petites amies", ну а въ большомъ дортуарѣ очень, очень рѣдко (?). Г. Боннеронъ, довѣряя такимъ же словамъ, довольно сильно защищаетъ администрацію и даже предлагаетъ особую мѣру для искорененія этого зла: „Les filles de service, anciennes prostituées elles-mêmes, vieillies dans le métier et en connaissant tous les secrets, sont en ceci très précieuses". Я же и теперь очень сомнѣваюсь sur la pureté de moeurs de la II-e Section, благодаря личному довольно сильному впечатлѣнію. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя особенно обвинять и директора, какъ стоящаго во главѣ этого учрежденія.

Во 1-хъ, очень часто случается, что на такой постъ попадаютъ люди сравнительно мало свѣдущія въ дѣлахъ тюрьмовѣдѣнія.

Что же касается остальнаго персонала, то это 2-й важный вопросъ. „Каковъ попъ, таковъ и приходъ", говоритъ русская пословица! Слишкомъ много нужно умѣнья и силы воли подобрать себѣ настоящихъ помощниковъ, чтобы сознательно работать на поприщѣ принудительнаго воспитанія, исправленія и пробужденія честнаго отношенія къ труду. Чаще всего формализмъ, рутина и крайняя децентрализація безъ всякаго просвѣта свободной, живой, свѣжей дѣятельности, заѣдаетъ и послѣдніе самостоятельные ростки воли и желаній обновить, устроить, реорганизовать что-либо... А это такъ привилось и сжилось во Франціи! Вотъ намъ и примѣръ на директорѣ St. Lazare. Господа, описывавшіе St. Lazare, отзывались о директорѣ, какъ о добромъ, симпатичномъ человѣкѣ „превосходномъ композиторѣ и извѣстномъ талантливомъ музыкантѣ" (Bonneron), „чрезвычайно разви-

томъ и галантномъ джентельменѣ“ (*Emile Couret* Visite à St. Lazare) и т. д. Мнѣ же лично сказалъ этотъ директоръ: „Чѣмъ дальше стоишь отъ заключенныхъ, чѣмъ рѣже бываешь среди нихъ, тѣмъ лучше, меньше фамильярности и больше уваженія; если есть нужда до меня, я ежедневно принимаю всѣхъ, кто, дѣйствительно, имѣетъ нужду со мной поговорить, gardien-chef опрашиваетъ всѣхъ желающихъ у меня аудіенціи и, если не можетъ лично удовлетворить, ведетъ ко мнѣ“.... Дальше и больше говорить не нужно, плодотворность службы подобнаго директора особенно въ такомъ учрежденіи не подвергается сомнѣнію! Впрочемъ, разъ въ мѣсяцъ директоръ обходитъ тюрьму, какъ спѣшитъ объ этомъ передать во всевѣдѣніе г. Боннеронъ, ну а я къ этому прибавлю, что не нужно забывать, что контингентъ заключенныхъ слишкомъ часто мѣняется (среднимъ числомъ сидятъ 11 дней!), чтобы этотъ обходъ не показался черезчуръ обычнымъ, способнымъ поколебать уваженіе и возбудить фамильярность!!...

При такой, повидимому, отдаленности директора мы встрѣтились съ довольно оригинальнымъ устройствомъ корреспонденціи и посѣщеній заключенныхъ, гдѣ этотъ же самый директоръ играетъ довольно странную роль. Дѣло въ томъ, что всѣ письма къ заключеннымъ и отъ заключенныхъ проходятъ черезъ канцелярію, тамъ они читаются, помѣчаются и нѣкоторыя уничтожаются. Секретарь канцеляріи заявилъ, что не менѣе четверти получаемыхъ писемъ канцеляріей оставляются безъ движенія (т. е. уничтожаются), а изъ остальныхъ $^3/_4$ обязательно треть или исправляется заключенными, если письма отъ нихъ, или замарываются въ канцеляріи по частямъ, неудобнымъ, по мнѣнію такихъ своеобразныхъ цензоровъ, для прочтенія заключенными. Есть нѣсколько правилъ для переписки, есть даже §§, въ которыхъ объявляется, съ кѣмъ запрещается переписываться, такъ въ § 3а говорится, что заключенная за все время своего пребыванія въ St. Lazare не имѣетъ права переписываться съ своимъ любовникомъ“. На дѣлѣ же нѣкоторыя женщины переписываются, съ кѣмъ хотятъ. Оправданіе въ пользу этого слѣдующее: „Часто случается, особенно въ парижскомъ обществѣ, что мужчина и женщина живутъ вмѣстѣ нѣсколько лѣтъ на виду у всѣхъ. Ихъ принимаютъ за женатыхъ. Такія сожитія могутъ считаться законными... Какъ же можно запретить женщинѣ, жившей двадцать лѣтъ съ однимъ, имѣвшей отъ него дѣтей и общее хозяйство, писать ему, какъ своему любовнику?...“. Впрочемъ, о подобныхъ упущеніяхъ всѣ авторы отзываются очень сочувственно. Боннеронъ пишетъ, что вообще здѣсь обходятся больше по семейному: съ провинившимися женщинами поступаютъ, какъ

съ большими дѣтьми... Д'Оссонвиль въ концѣ концовъ приходитъ къ такому убѣжденію: „On peut poser en fait qu'à St. Lazare il n'y a pas de règle absolue". Но вотъ въ число заключенныхъ поподаютъ женщины изъ интеллигенціи, изъ хорошей семьи или болѣе, менѣе изъ извѣстнаго круга. Это, оказывается, вовсе не рѣдкость! Случайныя, прямо таки, болѣзненныя кражи изъ большихъ магазиновъ совершаются дамами высшаго общества, я уже говорилъ раньше о кражѣ, которую совершила одна русская дама, съ княжеской фамиліей, супруга довольно извѣстнаго и высокопоставленнаго лица.— Большинство изъ такихъ случайныхъ преступницъ сидитъ въ St. Lazare, а если онѣ задержаны по недоразумѣнію par la police des moeurs, то прямо таки попадаютъ безъ всякихъ разсужденій во 2-ую Секцію. Директоръ, не желая, чтобы дамы компрометировали (?) себя передъ остальными служащими, скрываетъ ихъ фамиліи, получаетъ на свое имя для нихъ письма и посылки подъ двойными конвертами, а также способствуетъ тому, чтобы и семья этихъ дамъ не узнала объ ихъ паденіи. Для этого онъ устраиваетъ корреспонденцію черезъ третьихъ лицъ, выдумываетъ фикцію, что онѣ или въ больницѣ, или, если мужъ и семья живутъ внѣ Парижа, задержаны непредвидѣнными обстоятельствами въ городѣ. Если же лично являются въ тюрьму члены семьи, то имъ отказываютъ въ посѣщеніи заключенныхъ, отговариваясь, что таковой въ тюрьмѣ не находится. Что это не выдумка, отсылаю удостовѣриться желающихъ къ труду „Notre régime pénitentiaire", гдѣ на стр. 337 даже и оправдывается подобное устройство. „On fait tout pour sauvegarder la dignité des personnes, l'honneur des familles. Les intérêts en jeu sont trop sacrés, souvent, pour que la sévérité et la discipline ne s'adoucissent pas devant de plus hautes considérations....". Для иллюстраціи подобныхъ мѣръ говорится также: „.....combien de femmes ont su gré à l'Administration de ses indulgences et de sa pitié; et combien ont remercie en pleurant le directeur de Saint-Lazare, pour leur avoir épargné les hontes suprêmes, pour avoir sauvé leur réputation?....." (стр. 338) Директоръ сказалъ мнѣ, что такія снисхожденія онъ дѣлаетъ только по отношенію къ немногимъ „этимъ де могутъ пользоваться исключительно предварительно заключенныя (prévenues). Осужденныя же только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ могли писать подобнымъ образомъ". Но вѣдь всякій процессъ совершается во Франціи публично, все отчеты и имена осужденныхъ публикуются, штрафы накладываются на имущество, которое „запрещается" опять таки публично, да кромѣ того во время суда, для выясненія или дѣла, или личности преступника, вызываютъ свидѣтелей, знавшихъ, конечно,

тѣхъ, о комъ они будутъ показывать. Слѣдовательно, сохранить въ тайнѣ имя преступника невозможно, да не представляется и надобности, а потому зачѣмъ же осужденной, отбывающей свое наказаніе въ St. Lazare, подобныя махинаціи, основанныя или на утайкѣ, или на обманѣ?

Таково участіе въ управленіи директора. Что же касается остального числа служащихъ, то можно съ довольно сильной увѣренностью сказать, что имъ живется очень недурно. Толстыя, пухлыя, румяныя сестры съ заплывшими отъ жиру глазами спокойно дремлютъ на своихъ возвышенныхъ конторкахъ. Келіи у нихъ обставлены очень удобно и не по монашески, ихъ навѣщаютъ друзья и знакомые и т. д. Да и сама служба не трудна, къ тому же есть много постороннихъ и не входящихъ въ предметъ службы доходовъ съ заключенныхъ, что вовсе не скрывается. У нихъ свой священникъ и своя chapelle. По преданію, она устроена на томъ мѣстѣ, гдѣ была келія St. Vincent de Paul, даже показываютъ мѣсто въ каменномъ полу, которое Святой Апостолъ de Charité продавилъ своими колѣнями. Очень свѣтленькая, чистенькая и богатая церковка производитъ пріятное и вовсе не тюремное впечатлѣніе. Въ то время, какъ наружная стража изъ гардіеновъ во время дежурства не имѣетъ права заниматься ничѣмъ постороннимъ, сестры, исполняя свои обязанности, почти безпрерывно занимаются своимъ дѣломъ, шьютъ, плетутъ и т. д. Всѣ сестры St. Lazare составляютъ отдѣльную Communauté. Имъ оффиціально порученъ надзоръ съ 1850 года. У нихъ отдѣльный кварталъ, гдѣ расположены келіи, раньше принадлежавшія лазаристамъ, общая столовая, кухня, читальня и дежурная комната. У начальницы сестеръ свой кабинетъ еще и около спеціальныхъ входовъ въ Секціи. Filles de service помѣщаются рядомъ съ заключенными въ общихъ камерахъ, по 5—8 въ каждой. У нихъ форменное синее платье, чепцы и фартуки, чѣмъ и отличаются отъ заключенныхъ. Паекъ ихъ мало разнится отъ пайка заключенныхъ, онѣ довольствуются пищей изъ общей кухни. Гардіены живутъ внѣ тюрьмы за исключеніемъ gardien-chef'a, ихъ жалованье колеблется отъ 1,300 фр. до 1,700 фр., кромѣ того они получаютъ ежедневно порцію хлѣба отъ тюрьмы безплатно. Составъ гардіеновъ пополняется большей частью бывшими солдатами. Въ виду важности вопроса въ Россіи о подготовкѣ и образованіи тюремныхъ надзирателей, я разскажу поподробнѣе, какъ это устроено во Франціи.

Нѣсколько разъ уже парламентъ обращалъ вниманіе на необходимость устроить écoles pénitentiaires, которыя давали бы низшему тюремному персоналу возможность пополнить свои общія познанія и въ особенности усовершенствовать свое профессіональное знаніе.

Коммисія бюджета 1893 г. настаивала на этомъ вопросѣ особенно усердно и испросила обѣщаніе у палатъ на кредитъ, нужный для этого дѣла. Особо назначенная коммисія должна была выработать проектъ организаціи теоретическаго и практическаго курса для тюремныхъ надзирателей, и, послѣ доклада объ этомъ, министръ внутреннихъ дѣлъ указомъ 19 августа 1893 г. постановилъ устроить: 1) одну высшую тюремную школу при тюрьмѣ de la santé въ Парижѣ, 2) нѣсколько начальныхъ школъ при maisons centrales и подобныхъ имъ учрежденіяхъ.

Начальныя школы функціонируютъ теперь при 35 учрежденіяхъ. Ученики принимаются по ихъ желанію и получаютъ разнообразныя свѣдѣнія, но всетаки приложимыя болѣе къ роду ихъ дѣятельности. Курсы читаются служащими при тюремномъ управленіи. Періодическія испытанія и свѣдѣнія объ успѣхахъ позволяютъ слѣдить за результатами, достигнутыми, какъ учениками, такъ и учителями. Эти курсы служатъ подготовительнымъ заведеніемъ для спеціальнаго экзамена, нужнымъ для поступленія въ высшую школу. Высшая тюремная школа функціонируетъ регулярно при тюрьмѣ de la Santé въ Парижѣ съ 1893 г. Каждое отдѣленіе (promotion) имѣетъ 24 агента, во главѣ которыхъ стоитъ gardien—chef. Срокъ каждаго періода обученія сначала былъ въ 6 мѣсяцевъ, а съ 1896—въ 8 мѣс. Здѣсь преподаваніе ведется главными инспекторами административныхъ учрежденій (inspecteurs généraux des services administratifs), начальниками отдѣленій (chefs de bureau), министерства и однимъ изъ инструкторовъ (instituteurs) тюрьмъ Парижа, назначеннымъ отъ министерства. M. Bertillon, начальникъ Парижскаго тюремно-антропометрическаго бюро, читаетъ спеціальный курсъ антропометріи.

Составъ программы такой: Понятіе о правѣ.—Счетоводство.—Хозяйственныя свѣдѣнія (services économiques).—Ремесла.—Дисциплина.—Антропометрія.—Географія.—Исторія.—Франц. языкъ.—Пересылка преступниковъ (transférements). Въ 1898 г. былъ введенъ курсъ гигіены, который порученъ одному docteur en médecine при тюрьмахъ de la Seine.

Это обученіе имѣло до сихъ поръ удовлетворительные результаты. Много агентовъ получили тамъ серьезныя профессіональныя знанія, доказательствомъ чего является ихъ быстрое повышеніе въ должностяхъ. Число агентовъ, которые слушали эти курсы съ ихъ основанія—216, изъ которыхъ 98 получили свидѣтельство объ окончаніи.

Сумма, назначенная на эти школы и на центральное отдѣленіе „для удостовѣренія личности“ антропометрическаго бюро (напрасно

обозначенная одной цифрой для того и другого), опредѣляется въ 25,000 fr.

Въ 1902 году кредитъ на высшую школу былъ уменьшенъ на 6.000 франковъ, а въ нынѣшнемъ году въ палатѣ депутатовъ былъ даже поднятъ вопросъ о совершенномъ закрытіи ея. Причины этого скорѣе политическія; нельзя забывать, что все время идетъ борьба между министерствами юстиціи и внутреннихъ дѣлъ изъ за обладанія тюремнымъ вѣдомствомъ, и потому разныя урѣзки бюджета, предлагаемыя въ палатѣ или Сенатѣ сторонниками перенесенія тюремнаго вѣдомства въ министерство юстиціи, не касаются сути урѣзываемыхъ статей и § §, а являются лишь выраженіемъ неодобренія или общей политики министерства внутреннихъ дѣлъ, или желаніемъ такъ или иначе добиться перехода вѣдомства.

III.

Режимъ жизни въ St. Lazare раздѣляется на нѣсколько частей, совершенно различныхъ между собой. Я прежде всего разсмотрю общій режимъ дня, причемъ нужно оговориться, что свѣдѣнія, добытыя мной при посѣщеніи, недостаточны, такъ что приходилось довольствоваться иногда ранѣе уже составленными описаніями и изслѣдованіями. Причину этого слѣдуетъ искать въ безпорядочности жизни въ St. Lazare вообще и отсутствіи всякаго правильнаго режима въ частности. Правила, висящія на стѣнахъ, говорятъ одно, распоряженія директора—другое, требованія практики, благодаря чрезвычайной пестротѣ населенія тюрьмы,—третье. Когда я въ первый разъ явился въ St. Lazare съ обширнымъ разрѣшеніемъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ, подписаннымъ, par le Ministre et par délégation, директоромъ de l'Administration pénitentiaire всей Франціи, то директоръ тюрьмы очень привѣтливо встрѣтилъ меня и съ удовольствіемъ обѣщалъ удовлетворить по всѣмъ занимающимъ меня вопросамъ.

Но въ то же время просилъ отложить самый осмотръ тюрьмы до слѣдующаго раза, мотивируя эту просьбу тѣмъ, что сейчасъ происходитъ перестройка, уборка, перемѣщеніе заключенныхъ и вообще масса мелочей, могущихъ произвести дурное впечатлѣніе, но которыхъ не будетъ въ другой разъ. Кстати, онъ предложилъ мнѣ назначить самому и день для осмотра. Я не согласился съ его доводами и, опираясь на позволеніе министра, просилъ показать тюрьму, какъ она есть, со всѣми ея мелочами, которыхъ въ слѣдующій разъ я бы не

увидѣлъ. Уступивъ настойчивому желанію, директоръ отправился со мной осматривать помѣщеніе и заключенныхъ, причемъ во время этой бѣглой прогулки по St. Lazare отъ меня не укрылось стараніе директора обойти то, что не слѣдовало бы смотрѣть. Напр., совершенно нечаянно затерялся общій ключъ отъ одиночныхъ камеръ на самомъ верху, называемыхъ „звѣринцемъ". Эти узкія, темныя съ рѣшетками камеры, лишенныя самыхъ необходимыхъ принадлежностей, безъ освѣщенія, отопленія и вентиляціи, производили тяжелое, гнетущее впечатлѣніе. Директоръ бросилъ мимоходомъ фразу, что здѣсь никого теперь не помѣщаютъ, почему и затерялся ключъ. Что онъ противникъ одиночнаго заключенія на такой срокъ и не принимаетъ женщинъ, присужденныхъ къ одиночному заключенію, въ крайнемъ же случаѣ таковыхъ помѣщаетъ въ больницѣ 1-й секціи, гдѣ есть свѣтлыя и удобныя одиночки. Эти Ménagerie служатъ пугаломъ для заключенныхъ, сюда обѣщаютъ только посадить въ наказаніе и т. д. Но всѣ разсказы директора сомнительны, потому что въ этомъ отдѣльномъ кварталѣ есть и дежурство, и конторка съ 3-мя сестрами, да и вообще замѣтно, что это жилое помѣщеніе [1]). На разстояніи двухъ мѣсяцевъ, во время которыхъ я нѣсколько разъ посѣщалъ тюрьму, мелочи оставались на виду, грязь, нечистота такъ и ждали уборки, бывшей больше на словахъ у г. директора, и т. д.

Все это заставляетъ меня придти къ тому заключенію, что вообще посѣщенія, даже постороннихъ не служебныхъ лицъ, совершенно не желательны. Свѣжему человѣку слишкомъ скоро бросается въ глаза безсистемность, неустройство и безпорядочность этого учрежденія. Впрочемъ и изъ того, что я увидѣлъ, можно составить себѣ полное впечатлѣніе.

День начинается съ 5 час. утра. Громыхаютъ повозки, привозящія и увозящія всякіе продукты, топливо и матеріалы, подымается утренняя уборка, во время которой дѣлается повѣрка карауловъ и смѣна ихъ. Gardienchef обходитъ всѣ зданія, собираетъ рапорты, даетъ указанія и совѣты сестрамъ и filles de service.

Послѣ обхода отъ 7 до 8 час. утра двери тюрьмы отворяются,

---

[1]) Во время маленькаго пикированія я намекнулъ, что если придется говорить о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ мной изъ посѣщеній и осмотровъ съ г. Дюфло, директоромъ главнаго тюремнаго управленія Франціи, я не скрою при случаѣ удивленія, что такъ легко теряются ключи . . . . Въ слѣдующее мое посѣщеніе нашелся и ключъ . . . . висѣвшій въ связкѣ на поясѣ у дежурной сестры.

чтобы выпустить на волю отбывшихъ свое наказаніе [1]). Утромъ же до 10 час. директоръ принимаетъ доклады и рапорты всѣхъ отдѣльныхъ начальниковъ, gardienchef, старшей сестры, institutrice, докторовъ, завѣдующихъ хозяйственной частью и др. Съ этого же времени начинаютъ пріѣзжать и уѣзжать тюремныя одиночныя кареты. Всѣ онѣ разнаго цвѣта и разнаго вѣдомства; коричневыя (цвѣта marron) принадлежатъ вѣдомству префектуры, желтыя—вѣдомству Police des moeurs той же префектуры, сопровождаются онѣ городскими агентами перевозки (les agents de transférements de bourgeois), коричновыя же кареты съ муниципальной гвардіей принадлежатъ судебному вѣдомству (du Palais), и, наконецъ, къ министерству внутреннихъ дѣлъ относятся кареты то черныя, то желтокрасныя съ gardiens de transférement du Ministère, которые отличаются отъ тюремныхъ гардіеновъ цвѣтомъ кантовъ (голубые у первыхъ, желтые у вторыхъ).

Первыми пріѣзжаютъ кареты префектуры отъ 10 до 11 ч. за женщинами въ судебныя учрежденія, къ слѣдователю, на судъ, въ бюро Бертильона и т. д. Отъ 11 ч. до 12 ч. дня принимаютъ всякія посылки, порученія и пищу для заключенныхъ. Благодаря режиму de la Pistole, можно пользоваться домашнимъ, или ресторапнымъ столомъ, и вотъ каждое утро у входа въ тюрьму толпятся женщины и дѣти съ узелками съ провизіей, которую онѣ передаютъ gardien'амъ, а тѣ сестрамъ. Лица, извѣстныя администраціи, допускаются прямо къ сестрамъ въ конторки, находящіяся въ началѣ каждаго квартала, каждой секціи. Въ это же время являются дамы патронессы, впрочемъ, онѣ имѣютъ право входа во всякое время. Въ 2 часа пріѣзжаетъ обыкновенный омнибусъ изъ префектуры, который забираетъ всѣхъ женщинъ 2-й секціи, выпущенныхъ на свободу. Онѣ обязательно должны явиться передъ выходомъ на осмотръ (visite du dispensaire) въ Dépôt. Отъ 3 до 5 ч. пополняется 2-я секція. Желтыя кареты подвозятъ и здоровыхъ, и больныхъ les filles publiques послѣ осмотра въ Dépôt, куда онѣ были послѣ ареста предварительно свезены.

Назадъ эти кареты увозятъ здоровыхъ filles des cours, посаженныхъ въ St. Lazare административнымъ порядкомъ за полицейскіе проступки и уже отбывшихъ „leur temps sur les cours“ свое наказаніе. Въ это же время пріѣзжаютъ кареты министерства внутреннихъ дѣлъ, которыя увозятъ долгосрочныхъ въ Nanterre и на желѣзныя

[1]) Но не всегда только по утрамъ отпускаютъ заключенныхъ. Приказанія par le Parquet исполняются немедленно по ихъ полученіи.

дороги для доставленія въ Maison Centrales и Maisons de Force. А между 5 и 6 ч. вечера пополняется первая секція: изъ Dépôt près Préfecture приводятся подозрѣваемыя, арестованныя по приказу судебнаго вѣдомства, предварительно заключенныя и изъ Dépôt du Palais осужденныя. Безконечная вереница цвѣтныхъ каретъ въѣзжаетъ въ строгомъ порядкѣ на внутренній дворъ, гдѣ каждая секція имѣетъ свой опредѣленный входъ и маленькія кассы—канцеляріи для предварительной записи и регистраціи прибывшихъ и отмѣтокъ выбывшихъ [1]). Вотъ и все сообщеніе и соприкосновеніе этой тюрьмы съ внѣшнимъ міромъ, если не считать свиданія съ родными, которыя допускаются 2 раза въ недѣлю, но о нихъ я упомяну въ своемъ мѣстѣ. Они зависятъ прежде всего отъ надлежащаго внутренняго порядка и поведенія заключенныхъ, которыя въ противномъ случаѣ лишаются встрѣчъ. Теперь я перейду къ режиму дня внутри тюрьмы. За образецъ мы возьмемъ режимъ de la Pistole, который легче всего удалось разсмотрѣть и записать, такъ какъ, если что и могли мнѣ показать, не особенно стѣсняясь, то только этотъ кварталъ. Прежде всего бросимъ бѣглый взглядъ на устройство вообще камеры de la Pistole. Комната на 5 заключенныхъ въ 2 окна; 3,5 метра вышины, 6 метр. длины и 4,5 ширины,—это составляетъ 19,5 куб. метр. воздуха на человѣка, не считая, что отнимается кроватями, обстановкой и пр. въ камерѣ. Въ тюрьмѣ La Santé полагается въ камерѣ на человѣка болѣе 24 куб. метр., значитъ здѣсь куда больше 24—25 куб. м. отнято воздуха.

Такихъ камеръ 6. Улучшеніе состоитъ въ томъ, что поставятъ маленькую печурку, (все зданіе, конечно, безъ отопленія, какъ и всѣ старыя тюрьмы, напр. Grande Roquette), дадутъ второй матрацъ и подушку. Система cabinet de nuit самая примитивная: глиняныя „параши", распространяющія, конечно, зловоніе всю ночь. Полы каменные, все старо, гнило и грязно. Чтобы позвать сестру или fille de service употребляютъ простой стукъ въ дверь. Есть нѣсколько табуретовъ, маленькій столикъ .... и все. За это удобство платится 25 сант. каждой обитательницей, за улучшенную пищу плата отдѣльно. Если уже та-

---

[1]) „Странно и дико иногда видѣть, какъ изъ отворенной дверцы кареты выпрыгиваютъ, изящно показывая красивую ногу, обутую въ дорогой ботинокъ, великолѣпно разряженныя женщины въ шелку и бархатѣ, въ оригинальнѣйшей шляпѣ и дорогомъ манто, наряду съ самыми скромными и убогими нищенками-проститутками подваловъ и притоновъ! Только на лицахъ этихъ великолѣпныхъ дамъ больше увѣреннаго превосходства, наглости и сытаго самодовольства, чѣмъ смущенія передъ мѣстомъ заключенія въ сравненіи со вторыми" (Bonneron).

кая убогая обстановка и помѣщеніе составляютъ преимущества платной улучшенной камеры, то можно себѣ представить, въ какомъ видѣ находятся другія помѣщенія. Я вымѣрилъ обыкновенную камеру на 3 человѣка: 3,5 метр. длины, 5 ширины и 3 метр. высоты, дальше этихъ клѣтушекъ идти некуда .... Такихъ камеръ 42. Освѣщеніе полагается масляное, только въ корридорахъ и въ канцеляріяхъ газъ. Распорядокъ дня въ камерахъ de la Pistole слѣдующій: съ 1 декабря по 1 марта встаютъ половина седьмого, съ 1 марта по 1 май—въ шесть часовъ, съ 1 мая по 1 октября въ пять, съ 1 октября по 1 декабря въ 6 ч. За то такимъ же образомъ измѣняется и часъ прекращенія работъ. Зимой кончаютъ въ 8 ч. вечера, лѣтомъ въ 7, весной и осенью половина восьмого. Значитъ, въ своихъ камерахъ предоставленныя самимъ себѣ les Pistolières проводятъ не меньше 10 часовъ. Такъ какъ, очевидно, ежедневно спать по 10 час. немыслимо, то такое праздное времяпрепровожденіе безъ надзора вполнѣ способствуетъ порожденію всякихъ пороковъ, безобразій и пагубныхъ ученій. На умываніе, одѣваніе и уборку постели дается три четверти часа. 2-ой звонокъ зоветъ уже въ мастерскія. Мы выпишемъ лучше весь этотъ порядокъ изъ Règlement intérieur. „По первому звонку заключенныя встаютъ, одѣваются, причесываются и умываются. Спустя четверть часа послѣ вставанія дежурныя сестры, завѣдующія du service des couloirs открываютъ двери камеръ, чтобы заключенныя могли выставить грязную воду, и „параши“. Затѣмъ заключенныя должны убирать постели и комнату. Второй ударъ колокола дается спустя три четверти часа послѣ вставанія для выхода заключенныхъ изъ камеръ и отправленія въ ateliers. Заключенныхъ ведутъ отдѣльными партіями, молча, въ находящіяся другъ около друга мастерскія, гдѣ каждая сестра дѣлаетъ перекличку. Во время слѣдованія les soeurs chefs de service каждаго квартала раздаютъ всѣмъ положенную дневную порцію хлѣба“. Въ три часа назначается перерывъ, во время котораго всѣ заключенныя по партіямъ ѣдятъ и пьютъ въ столовой казенный паекъ и всё, что могутъ принести, или онѣ сами купятъ. Послѣ ѣды обязательная прогулка. Затѣмъ опять работа до 7 или до 8 часовъ и наконецъ разводъ по камерамъ для спанья. Весь этотъ распорядокъ дня существуетъ только въ воображеніи составителей подобныхъ правилъ, на дѣлѣ же оказывается, что это, такъ сказать, аристократія тюрьмы, которая пользуется всякими дозволенными и недозволенными привиллегіями.

Чтобы не быть голословнымъ, достаточно указать хотя на то, что filles de service, приставленныя къ сестрамъ для исполненія хозяй-

ственныхъ надобностей, всякаго рода, порученій „служебнаго“ характера и въ качествѣ помощницъ по надзору, исполняютъ всѣ услуги pistolière'камъ. Онѣ оправляютъ имъ постели, чистятъ платье и обувь, готовятъ въ ихъ комнатахъ на „привилегированныхъ“ печкахъ кушанья, кофе и пр. Онѣ часто исполняютъ ихъ порученія и внѣ тюрьмы, закупаютъ провизію и вино, подъ секретомъ табакъ, карты, навѣщаютъ друзей и хорошихъ знакомыхъ этихъ невольныхъ затворницъ. Надзоръ изъ одной старшей сестры и двухъ ея помощницъ чисто внѣшній, даже во многихъ камерахъ окошечко въ двери занавѣшано занавѣской. Pistolière'ки выходятъ только пообѣдать, погулять по двору, повидаться въ parloir'ахъ съ пришедшими и побесѣдовать съ директоромъ. Остальное время проводятъ въ камерахъ, тамъ онѣ могутъ работать и валяться цѣлый день на кровати, а самое главное завести своего рода салонъ, гдѣ можно безъ умолку болтать, сколько хочешь и о чемъ хочешь! Въ корридорахъ этого квартала часто можно увидѣть женщинъ, одѣтыхъ по послѣдней модѣ, (pistolières ходятъ въ своемъ одѣяніи),—переходящихъ изъ камеры въ камеру. Я заинтересовался легкостью подобныхъ переходовъ, но сестра съ серьезной миной заявила, что онѣ ходятъ только по дѣлу или, чтобы работать совмѣстно, или, чтобы научиться какому нибудь мастерству отъ подругъ по заключенію, всякій разъ онѣ должны спрашивать разрѣшенія дежурной сестры. Но это увѣреніе способно удовлетворить развѣ только никогда не бывавшихъ въ тюрьмѣ или людей, которыхъ легковѣрность переходитъ предѣлы благоразумія. Приведемъ in extenso впечатлѣніе одного автора о St-. Lazare: „Сколько красивыхъ и изящныхъ женщинъ видѣли мы à la pistole! Сколько гордыхъ, по истинѣ аристократическихъ лицъ стояли на порогахъ своихъ камеръ, съ такимъ выраженіемъ, какъ будто принимали величественно и снисходительно простыхъ смертныхъ въ свой салонъ, доступъ куда соединенъ съ большими трудностями и почти невозможенъ“... Боннеронъ пишетъ: „ . . . Combien de femmes qui eurent leur célébrité, dont tous les journaux racontèrent les hauts faits: voleuses du grand monde, proxénètes de haute envergure, aventurières aux existences invraisemblables, qui parfois quittent des hôtels particuliers pour les chambres de ce quartier“... Конечно, съ обыкновенными незамѣтными или бѣдными преступницами и prévenues обращаются гораздо проще и хуже, свобода въ ихъ дѣйствіяхъ сильно стѣснена. Но нужно признать, что Réglement, вывѣшенный въ quartier de la Pistole, вполнѣ исполняется въ другихъ quartiers 1-ой секціи. Работы раздѣляются по мастерскимъ, а мастерскія дѣлятся на болѣе легкія

и болѣе тяжелыя. Подробнѣе я скажу о нихъ, когда дойду до описанія помѣщеній для мастерскихъ. Средній заработокъ всѣхъ заключенныхъ доходитъ въ мѣсяцъ 4,500 фр., изъ которыхъ около половины выдаютъ работницамъ, но такъ, чтобы даже отличная работница не получила за мѣсяцъ больше, чѣмъ любая изъ filles de service—жалованья. Въ частности заработокъ въ день колеблется между 40—75 сантимами.

По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ работъ нѣтъ. Заключенныя остаются весь день въ своихъ камерахъ, за исключеніемъ часовъ, назначенныхъ для отправленія религіозныхъ обязанностей, ѣды и прогулки. Съ субботы вечера и до понедѣльника утра заключеннымъ выдаютъ книги изъ тюремной библіотеки, которая имѣетъ 1.290 томовъ различныхъ сочиненій, но только на французскомъ языкѣ. Составъ книгъ безпорядочный и безсистемный [1]). Года два тому назадъ былъ поднятъ вопросъ о цѣлесообразномъ устройствѣ библіотекъ при тюрьмахъ, которыя бы содѣйствовали своимъ строго подобраннымъ содержаніемъ современнымъ задачамъ исправленія и перевоспитанія заключенныхъ. Но до сихъ поръ никакого практическаго примѣненія этотъ вопросъ не получилъ. Въ центральныхъ и каторжныхъ тюрьмахъ (maisons de force), особенно въ новыхъ или переустроенныхъ, стараются слѣдовать особо составленному систематическому каталогу, покупая одобренныя уже книги, на что и выдается до 200 фр. въ годъ (напр., въ Frèmes, maison de force), но и это явленіе скорѣе случайное и зависящее отъ усмотрѣнія и дѣятельности отдѣльныхъ директоровъ тюремъ.

По два раза въ недѣлю можно видѣться съ родными, въ спеціальныхъ для того устроенныхъ parloir'ахъ. Это—громадная продолговатая зала, раздѣленная узкимъ проходомъ на двѣ половины. Съ той и другой стороны прохода устроены большія рамы съ проволочными мелкими сѣтками. Въ часы встрѣчъ на одной половинѣ собираются родные, а на другую—выпускаютъ сразу отъ 35 до 40 женщинъ,

---

[1]) Особенность этой библіотеки та, что книги, несмотря на разноплеменный составъ заключенныхъ, существуютъ только на французскомъ языкѣ, тогда какъ въ La Santé, мужской тюрьмѣ одинаковаго же назначенія (краткосрочной) какъ и St.-Lazare, библіотека имѣетъ книги на 6—7 языкахъ. Я тамъ между прочимъ нашелъ журналъ на русскомъ языкѣ „Семейныя вечера" за 1869 годъ (?!) Въ случайномъ разговорѣ съ секретаремъ директора тюремнаго управленія Франціи я узналъ, что число иностранцевъ-преступниковъ мужчинъ въ 35 разъ больше числа иностранокъ, понятно, сообразно съ этимъ и потребности въ книгахъ.

посрединѣ же ходитъ дежурный gardien, слѣдящій за порядкомъ и за предупрежденіемъ всякаго рода передачъ незаконнаго характера [1]). Въ новыхъ тюрьмахъ практикуется устройство маленькихъ продолговатыхъ будокъ, совершенно изолированныхъ другъ отъ друга. Каждая будка раздѣлена на 2 части 2-мя рѣшетками изъ толстой проволоки, находящимися между собой на разстояніи около $^1/_3$ метра. Крыши у этихъ будокъ тоже изъ проволоки, а помѣщеніе для gardien'а, наверху, поэтому онъ сразу видитъ всѣхъ и можетъ замѣтить малѣйшее отступленіе и предупредить его. Такъ какъ для parloirs de faveur нѣтъ особаго помѣщенія въ St. Lazare, то тотъ же обыкновенный parloir замѣняетъ его, разница въ томъ, что родные становятся въ проходѣ, слѣдовательно ихъ раздѣляетъ одна только рѣшетка отъ заключенныхъ. Parloir'омъ de faveur могутъ пользоваться les prévénues, а осужденныя получаютъ эту возможность съ разрѣшенія профекта по согласію съ директоромъ.

Для prévénues свиданія бываютъ по средамъ и субботамъ отъ $11^1/_2$ час. до $1^1/_2$ ч. дня, въ parloir de faveur—по субботамъ отъ 1 ч. до $^1/_1$ 2-го ч. и по воскресеньямъ отъ 1 ч. дня до 2-хъ. Для остальныхъ по четвергамъ отъ $^1/_2$ 12 ч. до $^1/_2$ 2-го дня и по воскресеньямъ отъ 11 ч. до 2 ч. дня. Посѣщенія адвокатовъ, лицъ судебнаго и административнаго вѣдомствъ, духовниковъ и лицъ благотворительныхъ обществъ могутъ быть ежедневными во всякое время, но какъ-то само собой выработались извѣстные дни и часы, въ которые заключенныя и навѣщаются означенными лицами. Для собесѣдованій этимъ лицамъ предоставляютъ маленькую полутемную комнату, раздѣленную длиннымъ столомъ пополамъ, на одной сторонѣ можетъ помѣститься до 10 человѣкъ пришедшихъ, на другой сторонѣ столько же арестантокъ. На одной стѣнѣ виситъ надпись: côté des prévénues, а на противоположный—Côté de Mrs. les avocats. Gardien'ы могутъ наблюдать за присутствующими черезъ стеклянную дверь, ведущую въ центральное guichet. Конечно, понятно само собой неудобство, когда сразу камера полна, и собесѣдованія, часто интимнаго свойства, дѣлаются достояніемъ возлѣ сидящихъ сосѣдей... Принципъ „по семейному“, „по про-

[1]) До послѣдняго времени практиковался особый способъ передачи: рамы съ сѣтками не доходили до потолка и въ то время, какъ gardien замѣшкивался въ одномъ концѣ корридора, гдѣ заранѣе, по уговору, заключенныя привлекали чѣмъ либо его вниманіе,—въ другомъ концѣ пришедшіе ловко ухитрялись перебросить что либо изъ принесеннаго съ собой. Теперь сдѣлана досчатая надстройка.

сту", здѣсь тоже неумѣстенъ. По настоянію протестантскихъ благотворительныхъ обществъ имъ стали позволять видѣться со своими кліентами въ протестантской часовнѣ, раввинъ же имѣетъ право иногда бесѣдовать въ конторкѣ (guichet) передъ картье, въ присутствіи, хотя и въ отдаленіи, дежурной сестры. Относительно религіозныхъ и духовно-нравственныхъ собесѣдованій съ заключенными не лишне привести мнѣніе извѣстнаго знатока въ этой области M-r D'Houssonville, которое еще разъ было повторено при обсужденіи въ палатѣ бюджета на 1900 годъ: „Что касается ежедневныхъ бесѣдъ и періодическихъ посѣщеній священниковъ, то очень трудно сказать что либо „достовѣрное о регулярности ихъ дѣятельности: это—вопросъ мѣста „и времени... Что же касается частныхъ разговоровъ и бесѣдъ, которые у нихъ могутъ быть съ заключенными, то гдѣ же будутъ „происходить эти собесѣдованія? Въ préaux (площадкахъ, дворикахъ, „проходахъ) во время ѣды? Но священникъ не рѣшится на это; развѣ „онъ не рискуетъ выслушать издѣвательства и получить оскорбленія? „Въ мастерскихъ во время работы? Предприниматель возстанетъ противъ этого. Въ часовнѣ? Кто изъ заключенныхъ рѣшится туда пойти, „когда онъ увѣренъ, что товарищи встрѣтятъ его насмѣшками. Поэтому неудивительно, что нѣкоторые священники, отчаявшись въ цѣлесообразности, мало по малу прекратили эти посѣщенія и стали ограничиваться только обязательной обѣдней по воскресеньямъ. Предположимъ, что всѣ они воодушевлены одинаковымъ рвеніемъ, и что „многочисленныя требы ихъ прихода всетаки позволяютъ имъ удѣлить тюрьмамъ время, большая часть котораго уходитъ на бѣдныхъ, „больныхъ, твердо вѣрующихъ (fidèles) членовъ церкви, можно ли „надѣяться, что они окажутъ какое нибудь серьезное моральное вліяніе? Мы этого не думаемъ"! Авторитетный отзывъ о тюремныхъ священникахъ этого ученаго служилъ однимъ изъ главныхъ аргументовъ для рѣшенія вопроса объ уничтоженіи жалованья этимъ священникамъ, о чемъ особенно хлопоталъ въ своемъ докладѣ депутатъ M. Goujat. Теперь я остановлюсь нѣсколько на устройствѣ во Франціи призрѣнія и вспомоществованія преступникамъ, какъ отбывающимъ, такъ и отбывшимъ свое наказаніе.

Цѣлая сѣть правильно организованныхъ тюремно-благотворительныхъ обществъ и учрежденій патроната обязана своимъ возникновеніемъ пастору Робену и Ламарну. Въ 1869 году было учреждено „общество попеченія о бывшихъ преступникахъ протестантскаго вѣроисповѣданія" по мысли маститаго пастора, а немного спустя появился проектъ Ламарна „о генеральномъ попечительствѣ для всей Фран-

ціи". Съ тѣхъ поръ чрезвычайно симпатичная и благодѣтельная мысль объ участіи къ несчастнымъ случайнымъ преступникамъ и о облегченіи судьбы отбывающихъ вообще наказаніе получила свое полное гражданство. Одно за другимъ нарождались общества, учрежденія и комитеты, цѣль которыхъ была и благотворительная, и наблюдательная, и вспомогательная для хозяйственнаго управленія тюремъ. Благодаря такому смѣшенію дѣятельности многіе писатели возстали противъ подобнаго участія къ преступникамъ, они доказывали, что „филантропія и благотворительность не должны идти дальше дверей тюремъ, и несчастные, заключенные въ темницы, не имѣютъ права ни на какое либо состраданіе, ни на ободреніе, ни на какое средство нравственнаго исцѣленія". M. P. Peltier d'Hampol приходитъ просто въ ужасъ отъ того, что „тратить на то, чтобы извлечь какого либо негодяя изъ его низкаго положенія, нужно столько же, сколько хватило бы на нужды сотни честныхъ семействъ . . . ." Тѣмъ не менѣе при видимомъ доброжелательствѣ правительства общества росли и росли. M. Herbette давно уже въ одномъ изъ своихъ докладовъ писалъ: „Société générale de patronage въ Парижѣ пріобрѣло, благодаря своему значенію, высокимъ цѣлямъ, знанію своего преданнаго попечителя, сенатора Béranger, выдающееся положеніе". Также M. Herbette описываетъ и другое общество Société générale des prisons, обязанное многимъ тоже Беранже и Рибо „которое много лѣтъ занимается изученіемъ тюремнаго дѣла, группируетъ около себя знающихъ людей и собираетъ сложныя данныя о вопросѣ преступности и наказанія". У него же мы находимъ описаніе интереснаго общества, находящагося подъ руководствомъ прежняго депутата M. Steeg'a, который предполагаетъ обмѣниваться услугами съ подобными же учрежденіями за границей, чтобы французы въ несчастныхъ случаяхъ могли пользоваться за предѣлами своего отечества взаимными услугами благотворительности, которая не отвергнетъ иностранцевъ, возвращающихся на родину и достойныхъ состраданія. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ правительство оффиціально заявило о важности и необходимости этихъ тюремныхъ обществъ закономъ 14 августа 1885 года (о способахъ предупрежденія рецидива), въ которомъ находится слѣдующее положеніе: „администрація можетъ поручать обществамъ или учрежденіямъ патроната слѣдить за поведеніемъ условно-освобожденныхъ, ею указанныхъ, на условіяхъ, какія она уже сама опредѣлитъ"? Еще болѣе важное постановленіе, касающееся матеріальной поддержки означенныхъ обществъ, находится въ 8-ой статьѣ этого закона: „Въ извѣстныхъ случаяхъ, указанныхъ въ двухъ параграфахъ 6-ой статьи,

администрація назначаетъ обществамъ или учрежденіямъ патроната сумму въ 50 сант. на человѣка въ день въ продолженіи всего оставшагося ему времени, но чтобы эта сумма не превышала 100 фр. въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ на каждаго". Въ настоящее время довольно обширную группу „libérés" составляютъ, какъ помилованные (grâce), такъ и условно-освобожденные вмѣстѣ съ только что окончившими срокъ своего заключенія. Всѣ они находятся въ вѣдѣніи патроната и тюремно-благотворительныхъ учрежденій до извѣстнаго времени, когда дѣлаются совершенно свободными. Число условныхъ освобожденій теперь уменьшается вслѣдствіе и общаго уменьшенія числа преступленій, такъ, напр., число освобожденныхъ въ 1887 году было 6,384 человѣкъ въ 1893 г.—4,155 чел. въ 1896 г.—3,748 чел., женщинъ въ 1896 г. было освобождено 425 чел., а въ 1893 г.—532. (Эти числа взяты изъ статистики maison centrales). Но несмотря на это, общее ежегодное число libérés еще весьма значительно и внушаетъ серьезныя опасенія, такъ какъ около 50% не имѣютъ работы при окончательномъ выходѣ изъ подъ надзора. Громадные результаты, достигнутые патронатами, побудили глубже изучить смыслъ устройства, организаціи и, такъ сказать, raison d'être существованія патронатовъ. Извѣстныя имена работавшихъ въ этомъ направленіи (Béranger, F. Voisin, conseiller de la cour de cassation, Ribot, ministre et député, F. Roussel, senateur и мн. др.) обратили на себя особенное вниманіе правительства, слѣдствіемъ чего явился извѣстный министерскій циркуляръ 18 марта 1894 года, прекрасно выразившій истинный характеръ патронатовъ и цѣль, которую они должны преслѣдовать, весь основанный на полученныхъ данныхъ большой коллективной упомянутой работы.

Изъ знакомства, хотя съ нѣкоторыми частями его, можно составить себѣ ясное понятіе, что теперь долженъ представлять патронатъ, и какая сторона его дѣятельности наиболѣе важна?

„Еще до сихъ поръ сохраняется представленіе о томъ, что покровительство главнымъ образомъ состоитъ въ раздачѣ освобожденнымъ (libérés) денегъ или необходимыхъ вещей. Понятый такъ патронатъ смѣшивается съ благотворительностью, и это ошибочное представленіе служитъ источникомъ возраженій, которыя выставляютъ на видъ, тѣмъ, кто занимается дѣломъ нравственнаго исправленія (relèvement). Кто не слыхалъ много разъ, что надо позаботиться раньше о честныхъ людяхъ, а потомъ думать о преступникахъ. И, въ самомъ дѣлѣ, это имѣло бы смыслъ, если бы патронатъ задавался цѣлью приходить только на помощь лицамъ въ бѣдственномъ поло-

женіи. Но дѣло не въ этомъ, обязанность патронатовъ заключается прежде всего въ доставленіи тому, кто подвергся наказанію, возможности вернуться, если у него есть твердое желаніе, къ честной жизни. Это—исполненіе долга справедливости по отношенію къ приговоренному и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣло соціальнаго предотвращенія (préservation sociale). Законъ о ссылкѣ рецедивистовъ сдѣлалъ настоящій долгъ еще уже. Если находятъ необходимымъ сослать на всю жизнь преступника, котораго сдѣлали, повидимому, неисправимымъ нѣсколько слѣдующихъ другъ за другомъ преступленій, то такое явленіе возможно только на томъ условіи, чтобы приговоры за эти преступленія не были неизбѣжнымъ слѣдствіемъ перваго паденія. Недовѣріе, къ несчастію, очень естественное, встрѣчаетъ на каждомъ шагу libéré и часто лишаетъ его возможности найти работу, если къ нему не протянется благодѣтельная рука при его выходѣ изъ тюрьмы. Для безсемейнаго, этой необходимой поддержкой можетъ быть только патронатъ и, если libéré не находитъ ея, онъ роковымъ образомъ обращается въ привычнаго преступника. Вотъ такимъ образомъ растутъ, такъ называемые, опасные классы (classes dangereuses). Патронаты, стараясь уменьшить число рекрутовъ этой арміи преступленій, оказываютъ обществу неоцѣненную услугу".

M. Pauliot въ своемъ докладѣ Сенату о тюремномъ вѣдомствѣ за 1899 г. высказываетъ мысль, что присоединеніе этого вѣдомства къ Министерству Юстиціи было бы достаточно для того, чтобы дать патронатамъ направленіе, которое еще недостаточно выразилось; онъ говоритъ это съ большимъ убѣжденіемъ: „Если присоединеніе къ Министерству Юстиціи можетъ имѣть гдѣ-либо лучшіе и неоспоримые результаты, то это главнымъ образомъ во всемъ, что касается дѣйствій патроната, т. е. во всемъ, что имѣетъ отношеніе къ уменьшенію арміи преступленій (armée du crime) и ея увеличенію. Ошибоченъ тотъ взглядъ, что можно возложить дѣла такого рода на администрацію (Министерство Внутреннихъ Дѣлъ). Она создала бы множество служащихъ, потребовала бы много денегъ, но достигнутые результаты были бы скорѣе отрицательными. Для предпріятій такого рода, надо обратиться и вызывать частную благотворительность, болѣе дѣятельную, разнообразную, болѣе податливую и озабоченную прежде всего ожидаемымъ результатомъ. Она гораздо легче приноравливается къ характерамъ, къ людямъ, къ обстоятельствамъ и средѣ, однимъ словомъ, сообразуется много лучше съ желаемой цѣлью, чѣмъ общественная администрація, которая дѣйствуетъ и можетъ дѣйствовать только посредствомъ правилъ и общихъ инструкцій, и обязана, какъ только

правила и инструкціи соблюдены, снять всякую отвѣтственность съ своихъ агентовъ.

Частную благотворительность въ ея примѣненіи къ міру тюремъ не надо ни поощрять, ни создавать: уже извѣстно, что она располагаетъ большимъ числомъ членовъ (éléments). Даже принимая въ разсчетъ только то, что существуетъ въ настоящее время, можно себѣ представить, какъ велика будетъ ея дѣятельность, когда тюремное вѣдомство будетъ зависѣть отъ такого министерства (titulaire), глава котораго имѣлъ бы достаточно времени и знаній, чтобы заниматься этимъ дѣломъ. Учрежденія и общества патроната возникали бы со всѣхъ сторонъ, вокругъ всѣхъ судовъ и тюремъ; и обязанность министра заключалась бы только въ умѣніи согласовать и направлять единичныя и общія усилія на то, чтобы имѣть въ рукахъ средства вступить побѣдоносно въ борьбу противъ дурныхъ элементовъ общества и современемъ достичь ихъ уничтоженія, а это руководительство должно по справедливости принадлежать Министру Юстиціи". Въ другомъ мѣстѣ авторитетный докладчикъ указываетъ на то, что самимъ чиновникамъ судебнаго вѣдомства было бы выгоднѣе болѣе дѣятельно заняться этимъ дѣломъ—вмѣстѣ съ патронатами.

„.... Если бы судья, заручившись согласіемъ начальника de la magistrature,—счелъ своей обязанностью слѣдить за осужденными за предѣлами залы суда (prétoire), если бы онъ наблюдалъ за ними при окончаніи ихъ отбыванія наказанія и пока они его отбываютъ, если бы онъ бесѣдовалъ съ ними, давалъ совѣты, чтобы направить ихъ на истинный путь, не очевидно ли, что онъ пріобрѣлъ бы болѣе навыкшій глазъ, чтобы отличить неисправимаго преступника отъ такого, который можетъ быть возвращенъ на честный путь и подвергся только минутному заблужденію? Развѣ его приговоры не будутъ болѣе согласоваться съ справедливостью и правосудіемъ и не доставятъ такимъ образомъ болѣе безопасности обществу? И развѣ при такой школѣ и практикѣ онъ не сдѣлается лучшимъ судьей"?...

Теперь, ознакомившись съ развитіемъ патроната во Франціи вообще, я перечислю учрежденія подобнаго рода, дѣйствующія при тюрьмѣ St.-Lazare: „L'Oeuvre des libérées de St.-Lazare"—католическое общество, относящееся одинаково ко всѣмъ заключеннымъ безъ всякаго различія. La Société de Patronage des détenues libérés de l'Administration pénitentiaire—протестантское общество, которое заботится также о заключенныхъ другихъ религій и вѣроисповѣданій, кромѣ католической. La Société générale pour le patronage des libérées—католическое общество подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго сенатора, масти-

таго Беранже, оно исключительно для католичекъ 1-ой секціи. L'Oeuvre du Bon Pasteur, католическое общество только для заключенныхъ во 2-ой секціи, оно имѣетъ даже свою маленькую амбулаторію для приходящихъ. Когда въ St.-Lazare попадаютъ несовершеннолѣтнія, то въ ихъ судьбы вмѣшивается Le Patronage catholique des jeunes filles de quinze à vingt ans, который главнымъ образомъ работаетъ въ Nanterre. Le Patronage Jsraélite—для евреекъ и т. д. Всѣ эти общества, несмотря на общую цѣль, очень обособлены, часто сталкиваются на почвѣ соревнованія и нерѣдко слегка враждуютъ между собой, но въ остальномъ они приносятъ много помощи, добра и участія заключеннымъ. Въ духовныхъ обществахъ состоятъ непремѣнными членами аббатъ, пасторъ или раввинъ, смотря по принадлежности общества къ той или иной религіи.

Разсмотрѣвъ общій режимъ дня въ St.-Lazare, ея соприкосновеніе съ внѣшнимъ міромъ, я теперь перейду къ описанію самой тюрьмы, въ которомъ тщательно стараюсь избѣгнуть сухого изложенія и однообразнаго перечисленія, иллюстрируя вставками изъ различныхъ описаній и изъ собственныхъ впечатлѣній. Мнѣ кажется, что при такомъ способѣ изложенія описаніе будетъ полнѣе, нагляднѣе, и только такимъ образомъ можно совершенно легко себѣ представить, не посѣщавши самой тюрьмы, общую картину ея. Попутно, останавливаясь на нѣкоторыхъ частяхъ описанія, я имѣю въ виду общій интересъ, возбуждаемый даннымъ мѣстомъ, независимо отъ его отношенія къ тюрьмѣ St.-Lazare, напр., данныя о школѣ gardien'овъ, о проституціи и т. д. Нѣкоторыя другія детали, хотя и представляютъ сравнительный интересъ (напр., цѣны въ тюремной лавкѣ, плата за работу каждаго мастерства), выпущены мной съ одной стороны вслѣдствіе слишкомъ частаго колебанія и совершеннаго измѣненія сущности этихъ деталей, а съ другой—вслѣдствіе невозможности услѣдить нормальное состояніе ихъ. Впрочемъ, въ приложеніи я прикладываю нормальный размѣръ пищи и цѣны ея для заключенныхъ, а въ другомъ очеркѣ постараюсь подробнѣе остановиться на опущенныхъ здѣсь деталяхъ, въ немъ я спеціально займусь вопросомъ о пищѣ и работахъ въ парижскихъ тюрьмахъ.

IV.

Главный входъ въ St.-Lazare находится, какъ упомянуто выше, на Faubourg St.-Dénis. Старыя массивныя ворота открываются только для проѣзда тюремныхъ каретъ, которыя съ глухимъ ровнымъ стукомъ

въѣзжаютъ, не измѣняя аллюра, въ тюрьму и, не останавливаясь, проѣзжаютъ каждая къ входу своей секціи. Для пѣшеходовъ открыта маленькая калитка направо, около которой до часу дня всегда почти толпятся женщины, дѣти, родственники заключенныхъ, любопытные и т. д. Проходя довольно длинную и широкую арку подъ главнымъ зданіемъ, въ началѣ которой находятся тюремныя ворота, мы вступаемъ на 1-й тюремный дворъ—cour de l'Administration. Онъ окруженъ совсѣхъ сторонъ старыми, почернѣвшими строеніями, весь вымощенный, лишенный всякой растительности, онъ производитъ суровый видъ. Нѣсколько входовъ съ надписями ведутъ изъ него во внутренность помѣщеній St.-Lazare. Но надписи часто показываютъ не то, что дѣйствительно нужно, напр., налѣво отъ входа на дворъ съ улицы красуется надпись надъ дверьми: „Mineures"—„Малолѣтнее отдѣленіе", но никакихъ малолѣтнихъ въ St.-Lazare нѣтъ съ 1896 года, онѣ помѣщаются въ Nanterre, а эта дверь служитъ главнымъ входомъ во 2-ую секцію. Направо находится главная внутренняя дверь въ тюрьму. Надъ ней устроены старинные оригинальные часы, на которыхъ ясно виденъ годъ 1683 годъ ихъ устройства, а надъ ними надпись „Haec mea forte tua". Вѣроятно, часы были устроены еще монахами, жившими прежде въ St.-Lazare. Первая комната, въ которую входятъ, центральная—guichet, въ ней всегда дежурятъ нѣсколько gardien'овъ, съ premier—gardien во главѣ. Она ключъ тюрьмы—clef de la Détention. Изъ нея ведетъ нѣсколько дверей съ надписями: „Quartier des prévenues", „I et 2 Sections" и т. д., но теперь эти надписи красуются только по забывчивости или неряшливости администраціи. Всѣ заключенныя 1-ой секціи, которыя поступаютъ въ тюрьму только отсюда, отправляются въ комнату осмотра, гдѣ иныя снимаютъ верхнее платье, иныя совершенно раздѣваются. Здѣсь осматриваютъ и обыскиваютъ также по приказу Parquet, только рѣдко что находятъ. Обыски бываютъ и въ камерахъ, но они совершенно безплодны, по увѣренію gardien-chef'а, который не скрываетъ своей антипатіи къ сестрамъ и видитъ въ нихъ чуть-ли не сообщницъ арестованныхъ. У prévenues здѣсь остается верхнее платье, зонтики, шляпы, которые онѣ вновь получаютъ, идя на слѣдствіе или допросъ, а у femmes jugées здѣсь отбираютъ и все платье, впрочемъ, желающія могутъ оставаться въ немъ, если онѣ будутъ вести себя удовлетворительно, и ихъ заключеніе не превышаетъ одного мѣсяца. Изъ комнаты осмотра всѣ арестованныя попадаютъ во 2-ую guichet, гдѣ ихъ сортируютъ на condamnées, prévenues, jugées и т. д. и раздѣляютъ на quartiers. Здѣсь уже распоряжаются сестры. Распредѣленіе по quartiers совершается полюбовно.

Многія женщины знакомы между собой, встрѣчались и внѣ тюрьмы, онѣ помѣщаются вмѣстѣ, если нѣтъ препятствій sui generis, напр., одна prévenue, а другая уже condamnée обѣ замѣчены или сильно подозрѣваемы въ противоестественныхъ наклонностяхъ. Впрочемъ, это все сглаживается по-семейному, вѣдь почти всегда нѣтъ пустыхъ камеръ, а слѣдовательно нѣтъ и строгаго дѣленія, а потому въ камерахъ отъ 3 до 11 человѣкъ можно найти и смѣсь категорій. Les pistolières точно также устраиваются, даже здѣсь администрація старается распредѣлить сидящихъ по ихъ общественному положенію. Только тѣ женщины, которыя уже осуждены и, не подавая ни на аппеляцію, ни на кассацію, спокойно отсиживаютъ свое заключеніе, femmes jugées составляютъ нѣсколько обособленный quartier съ своей сестрой и тремя filles de service. Онѣ носятъ свой спеціальный костюмъ: синее платье, коричневый чепчикъ и синій поясъ съ мѣдной пряжкой, онѣ имѣютъ право носить также сѣрый клѣтчатый платокъ. Femmes jugées, служащія въ качествѣ помощницъ filles de service, имѣютъ оборку на чепцѣ, чѣмъ и отличаются отъ остальныхъ заключенныхъ. Очень часто встрѣчается случай, когда заключенная желаетъ отсиживать одна, не въ сообществѣ, съ кѣмъ ее опредѣлили, тогда таковыхъ переводятъ въ quartier de la Menagerie, о которомъ я уже упоминалъ. Здѣсь въ 28 комнатахъ, выходящихъ въ душный темный корридоръ, убранство очень мизерное: желѣзная кровать, табуретка и „параша“, но за то тутъ тихо, не слышно площадной брани или пошлыхъ разговоровъ, нѣтъ гнуснаго разврата, нѣтъ и постояннаго обхода сестеръ. Сюда же на ночь помѣщаютъ буйныхъ, оказавшихъ неповиновеніе и... пьяныхъ. Видъ заключенныхъ за рѣшетками, вѣроятно, и послужилъ для названія этого квартала „la Menagerie“. Какъ на характерную особенность этого quartier укажемъ, что, кромѣ лицъ, помѣщенныхъ сюда по добровольному желанію, здѣсь пребываютъ исключительно самыя низкія проститутки, осужденныя за преступленія, предусмотрѣнныя въ le droit commun.

Среди другихъ quartiers 1-ой секціи есть очень оригинальный quartier des Nourrices, занимающій два довольно большихъ дортуара. Придерживаясь отчасти человѣколюбія и снисходительности, отчасти распоряженій предшествующихъ и настоящихъ начальниковъ тюремнаго управленія, изъ которыхъ особенно выдавался Mr. Herbette, l'Administration оставляла у себя беременныхъ женщинъ, осужденныхъ на долгое тюремное заключеніе, и не отсылала ихъ ни въ Nanterre, ни въ Maisons Centrales, даже больше, она позволяла матерямъ жить въ тюрьмѣ, пока ребенку не исполнится 4-хъ лѣтъ. Отсюда и произо-

шелъ quartier des Nourrices, въ который теперь попадаютъ не только femmes jugées, но и всѣ беременныя женщины 1-ой секціи. Ежегодно въ St.-Lazare рождается отъ 15 до 20 дѣтей, которыя находятся подъ высшимъ надзоромъ сестеръ, зачастую нянчающихся съ ними не меньше ихъ матерей. Матери, сообразно своимъ категоріямъ, раздѣляются по дортуарамъ, prévenues въ одномъ, остальныя въ другомъ. Для больныхъ дѣтей устроено пять совершенно изолированныхъ комнатъ, куда часто помѣщается и здоровый ребенокъ съ матерью, которая не можетъ ужиться съ сосѣдями. Общій видъ дортуаровъ очень привѣтливый и веселый. Вдоль въ 2 ряда стоятъ кровати матерей, по серединѣ, тоже въ два ряда, кроватки дѣтей, все здѣсь шумитъ, находится въ движеніи, дѣти плачутъ, рѣзвятся, играютъ, матери кормятъ, обшиваютъ дѣтей, въ этомъ имъ много помогаютъ сестры, которыя также дѣлаютъ игрушки и куклы для дѣтишекъ. На каждый дортуаръ назначается дежурная сестра съ двумя filles de service. Около дортуаровъ двѣ кухни, гдѣ матери готовятъ дѣтямъ кушанье, моютъ пеленки, грѣютъ молоко и т. д. Вообще здѣсь бываетъ до 30 prévenues и до 40 jugées, лѣтомъ же сокращается почти наполовину.. Цѣлыми днями, въ случаѣ хорошей погоды, les nourrices проводятъ на воздухѣ. Для нихъ на 2-омъ дворѣ отведено особое мѣсто—la Pelouse, часть котораго засыпана пескомъ, а часть зарощена густо травой, здѣсь есть скамьи, деревца, кустики, позволяютъ даже сестрамъ вывѣшивать птицъ въ клѣткахъ, а потому это любимое мѣстечко дѣтишекъ. Les nourrices часто ссорятся и... дерутся, но къ нимъ относятся очень снисходительно, а, главное, онѣ за все время пребыванія въ quartier des Nourrices освобождены совершенно отъ работъ и пользуются улучшенной пищей. Никакихъ особыхъ постановленій для этого квартала нѣтъ, и онъ существуетъ въ силу уже скорѣе обычая, чѣмъ на законномъ основаніи.

При первой секціи находится своя больница, называемая L'Infirmerie normale, въ отличіе отъ больницы 2 секціи—L'Infirmerie spéciale. L'Infirmerie normale имѣетъ свой штатъ служащихъ, изъ 1-го доктора и 2-хъ интерновъ, одинъ изъ которыхъ замѣняетъ провизора,—она не имѣетъ никакого сообщенія съ больницей 2-ой секціи. Общее число больныхъ здѣсь колеблется между 50—60 женщинами, которыя и занимаютъ 6 комнатъ. Salle Sainte Eléonore и salle S-te Madeleine предназначены для обыкновенныхъ больныхъ, salle S-t Joseph, salle S-t Vincent—для больныхъ матерей, salle S-te Anne, для оперированныхъ и беременныхъ и salle S-t Léonard—для чахоточныхъ. Кромѣ того, имѣется комната для операціи и для родовъ и кабинетъ доктора для обыкновенной консультаціи. Во всѣхъ комнатахъ статуи Мадонны, Распятія,

религіозныя изображенія въ такомъ изобиліи, что кажется, будто находишься въ монастырской больницѣ. Больницѣ же принадлежитъ и баня 1-ой секціи, состоящая изъ 1-го душа и 10 ваннъ, совершенно отдѣльныхъ другъ отъ друга. Она помѣщается въ подвальномъ этажѣ, въ хорошо сохранившихся пещерахъ съ красивыми полустрѣльчатыми сводами. Вѣроятно, нѣсколько вѣковъ назадъ эти пещеры служили тайниками, а также и склепами для умершихъ, потому что одна часть ихъ засыпана землей и залита известкой. Въ историческомъ описаніи тюремъ Максима ди-Кампа разсказывается, что здѣсь былъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ найденъ водопроводъ съ маленькими отростками въ трехъ направленіяхъ, фонтаномъ и водоемомъ, который шелъ съ Montmartre'a. Максимъ-дю-Кампъ высказываетъ предположеніе, что это рѣка—Grande Batteliere, заключенная въ трубы,—которая проходитъ также подъ самой Opéra... Какъ бы то ни было, помѣщеніе для бани очень обширно и удобно. Всѣ поступающія въ 1-ую секцію обязательно приходятъ сюда вымыться и вычиститься, послѣ чего являются на вторичный осмотръ, но только докторскій—онъ заведенъ года полтора тому назадъ. 2 раза въ недѣлю бываетъ тщательная чистка и уборка бани—recurage, весьма необходимая въ виду того разношерстнаго элемента, который посѣщаетъ эти ванны. Прежде всѣ попадавшія въ тюрьму лишались своихъ волосъ, имъ остригали косы, такъ что поэтому сразу можно было узнать побывавшую въ тюрьмѣ. Это служило градомъ насмѣшекъ и издѣвательствъ на рынкахъ, на общественныхъ мѣстахъ и т. д., очень часто всѣ эти потоки насмѣшекъ сыпались на невинныхъ, которыя должны были лишиться своихъ волосъ по болѣзни. Теперь всѣ въ тюрьмахъ имѣютъ право носить волосы, только больныхъ, въ случаѣ необходимости, стригутъ, prévenues могутъ носить любую прическу, femmes jugées—гладко зачесанные волосы и открытый лобъ.

Въ нижнемъ этажѣ зданія, прилегающаго къ главному корпусу, расположены громадная столовая и тюремная Chapelle, входъ въ которыя помѣщается и снаружи съ внутренняго двора, и внутри изъ корридоровъ, ведущихъ свое начало отъ центральной guichet. Входная дверь въ столовую со двора сохранилась со временъ Лазаристовъ, эта зала служила имъ для совѣщаній и для трапезъ, которыя по отзыву современниковъ, не отличались монастырской скромностью. Эта громадная и пустынная зала, скудно освѣщенная запыленными окошечками, вся пропахла тѣмъ запахомъ, который такъ присущъ нашимъ монастырскимъ трапезнямъ, вмѣстѣ съ этимъ она очень холодная и сырая. Три ряда столовъ отъ одной стѣны до другой могутъ вмѣстить до

600 человѣкъ свободно, но заключенныхъ приводятъ сюда по секціямъ и категоріямъ. Въ этой залѣ въ 1792 году были заключены и мужчины, и женщины числомъ до 1,300 человѣкъ, а во время коммуны директоръ давалъ здѣсь банкеты для избранныхъ и нужныхъ людей. Кухня около столовой совершенно вросла въ землю, теперь она возвышается не больше, какъ на метръ отъ земли. Въ ней подъ начальствомъ un chef cuisinier работаютъ шесть женщинъ, нанятыхъ изъ ночлежныхъ домовъ. Работа очень не легкая: нужно приготовить пищу на всѣхъ заключенныхъ, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ имѣютъ различный режимъ и меню, здѣсь же варится улучшенная пища для больныхъ и quartier de la Pistole. Приготовленіе и раздача кушаній идетъ отъ 6 час. утра до 4 дня безпрерывно. Въ столовой всегда дежуритъ сестра съ 2 filles de service, которыя ставятъ приборы, не болѣе 30 на столъ, рѣжутъ и раскладываютъ порціи хлѣба и разносятъ чашки съ опредѣленнымъ варевомъ. При входѣ назначенной категоріи въ столовую, каждая заключенная получаетъ изъ рукъ filles de service ложку, которую и передаетъ по уходѣ обратно. Послѣ ухода отобѣдавшей категоріи другія 2 filles de service моютъ посуду и ложки.

Если заключенныхъ ведутъ внутреннимъ ходомъ, то онѣ должны пройти знаменитое Le Casse-Cou. Въ 1792 г. въ этой продолговатой комнатѣ произошли сентябрьскія убійства, и съ тѣхъ поръ она съ каменнымъ поломъ и полусгнившими балками остается неперестроенной. Около столовой находится la Cour de jugées, на которомъ гуляютъ однако и предварительно заключенныя, и осужденныя. Время, конечно, для каждой категоріи различно. Les femmes jugées обязаны гулять, молча, одна за другой, въ строгомъ порядкѣ, prévenues же гуляютъ группами, бесѣдуютъ, смѣются и даже... шалятъ. Нѣкоторыя, пользуясь случаемъ, моютъ у двухъ колодцевъ свое бѣлье, другія показываютъ свое превосходство надъ остальными и не допускаютъ сближенія съ болѣе скромными и бѣдными. Во время прогулки prévenues можно замѣтить массу красивыхъ туалетовъ, которые и въ тюрьмѣ не оставляются богатыми; онѣ, какъ извѣстно, зачастую гостятъ въ St. Lazare. Гулять обязаны всѣ ежедневно не меньше часу; только по особому приказанію доктора, съ разрѣшенія директора или его помощника и вслѣдствіе наказанія, заключенныя могутъ не выдти на прогулку.

На этомъ же дворѣ находится и главный входъ въ тюремную Chapelle. Довольно обширное помѣщеніе, занимаемое Chapelle, играло не послѣднюю роль во всѣхъ политическихъ переворотахъ Франціи, во время послѣдняго движенія въ 1871 году граната попала во внутренность Chapelle, переломала и перепортила массу вещей и повредила

громадную картину надъ алтаремъ, изображающую „Распятіе“. Передъ самой Chapelle находится комната, называемая guichet de la Chapellet. Надъ входомъ въ guichet виситъ надпись „Тише, Богъ близко!“ а надъ входомъ въ Chapelle, украшеннымъ по сторонамъ большими статуями St. Joseph и St. Vincent de Paul красуется надпись: „здѣсь домъ Божій и входъ на Небо (кн. Бытія, 28). Въ этой же комнатѣ виситъ довольно большая картина извѣстнаго художника Руссо, пожертвованная тюрьмѣ, она изображаетъ „Погребеніе умершей заключенной“ и производитъ сильное впечатлѣніе. Написана она съ натуры. Со двора la cour des jugées входятъ только les prévenues, всѣ же остальныя проникаютъ въ la Chapelle черезъ внутренній ходъ, ведущій прямо въ guichet. Передъ дверьми виситъ слѣдующее правило: „Aucune détenue ne peut assister à l'exercice d'un culte autre, que celui auquel elle a déclaré appartenir à son entrée dans la maison“. Это же правило вывѣшено передъ маленькой протестантской часовней и синагогой, находящимися во 2-мъ этажѣ. Службы бываютъ обыкновенно по воскресеньямъ. Въ 8 час. утра une grand'messe chantée, въ 9 час. une messe basse avec chant, suivie du salut et de la bénédiction du Saint Sacrement. На первой присутствуетъ I-ая секція, на 2-ой—II-ая, причемъ I-ая секція имѣетъ право присутствовать и на вечернѣ, которая совершается въ 2 часа. Въ протестантской часовнѣ служба по воскресеньямъ въ 8 час., у евреевъ нѣтъ опредѣленныхъ дней для богослуженія. Тюремная Chapelle очень чисто, кокетливо убрана, Алтарь покрытъ краснымъ сукномъ, украшенъ большими подсвѣчниками съ цвѣтами, по стѣнамъ висятъ картины религіознаго содержанія и стоятъ статуи святыхъ. Во всемъ видна тщательная заботливость сестеръ ордена „Marie-Joseph“, для которыхъ и разставлены вездѣ стулья, тогда какъ для заключенныхъ полагаются обыкновенныя, длинныя скамьи. Причемъ въ 1-ой секціи les prévenues стоятъ внизу, а les femmes jugées помѣщаются на хорахъ—трибунахъ; во II секціи внизу стоятъ les filles de cours valides, а наверху les filles de l'Infirmerie Spéciale. На гармоніумѣ играетъ сестра, въ хору участвуютъ и заключенныя, которыя охотно поютъ. Тюремная администрація не заставляетъ обязательно присутствовать на богослуженіи, идетъ, кто хочетъ, но рѣдко кто отказывается, находя въ этомъ, конечно, маленькое развлеченіе, возможность побесѣдовать и поглазѣть другъ на друга. Г. Боннеронъ, вообще строгій защитникъ нравовъ и обычаевъ St. Lazare, признается, что „pour beaucoup tout cela n'est que simagrées, comédies, auxquelles elles espèrent que les bonnes soeurs se laisseront prendre....“. Впрочемъ, онъ тутъ же восторгается: „Видя, какъ онѣ

идутъ со своими молитвенниками и съ набожными лицами перебираютъ четками, можно принять ихъ за очень благочестивыхъ и религіозныхъ. „Онъ спрашивалъ сестеръ насчетъ религіозныхъ убѣжденій, и одна ему дала такой отвѣтъ: Да, наши женщины всѣ очень набожны...“. Oui, nos femmes sont pieuses... Tous les dimanches nous avons des communions... Il y a des femmes qui profitent des jours de repos qu'elles ont ici pour faire leurs devoirs, se mettre en paix avec le bon Dieu... On leur tend la main, on les aide... Et quelques-unes, en rentrant chez elles, se rangent, restent sages...“. Всего удивительнѣе, что Боннеронъ подъ этимъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: „Les jeunes soeurs ont des illusions touchantes...“. Вообще же нужно замѣтить, что всѣ религіозныя потребности сводятся къ желаніямъ чисто внѣшняго легкомысленнаго характера; если изъ 100 заключенныхъ находится пять женщинъ болѣе или менѣе религіозныхъ дѣйствительно, то и этого достаточно, потому что система заключенія и режимъ жизни въ St.-Lazare даютъ совершенно антирелигіозные результаты, достаточно вспомнить объясненіе первой попавшейся женщины въ камерѣ de la Pistole относительно назначенія статуи Модонны. Тутъ умѣстно для сравненія упомянуть о школѣ для заключенныхъ въ St.-Lazare. Та же лѣнь, та же неохота работать, мыслить, развиваться содѣйствуютъ тому, что школа на 42 учащихся почти всегда пуста, несмотря на обязательное посѣщеніе школы для неграмотныхъ. Sub—директоръ съ горечью замѣтилъ: „бываетъ иногда человѣкъ до десяти, но больше очень рѣдко, да и зачѣмъ имъ школа!“ Вотъ и оффиціальныя цифры, опубликованныя въ 1900 г. За годъ въ тюрьмѣ перебывало 14,334 женщины, изъ которыхъ только 236 ч. посѣщало школу. Можно, пожалуй, оправдывать краткосрочностью заключенія эту ничтожную цифру. Да вѣдь краткосрочность то—вещь очень условная: предварительно заключенныя могутъ сидѣть и 2, и 3 мѣсяца въ ожиданіи разбора дѣла, а condamnées, ходящія со своимъ дѣломъ по разнымъ инстанціямъ, нерѣдко остаются больше полугода и не отправляются въ спеціальныя тюрьмы, конечно, если ихъ предварительное заключеніе не превышаетъ срока самаго наказанія, только однѣ les femmes jugées, по правиламъ, могутъ оставаться не болѣе мѣсяца, но уже выше я упомянулъ о различныхъ льготахъ, напр. для мастерицъ de la grosse couture, для помощницъ des filles de service, для les nourrices и т. д. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если мы въ отчетѣ г. Дюфло встрѣчаемъ такія цифры: при числѣ 87—femmes jugées, которыя остались къ концу 96 года, 5 женщинъ были осуждены болѣе чѣмъ на 1 годъ, 40—отъ 3 до 12 мѣсяцевъ, 11 отъ 2 до 3 мѣсяцевъ, 3 отъ 1 до 2 мѣсяцевъ и

только 7 не болѣе, какъ на 1 мѣсяцъ. При этомъ остальныхъ женщинъ 1-ой секціи было 206 и 2-ой 288, а всего 581 заключенная и плюсъ... 19 мужчинъ. Нельзя особенно изумиться присутствію мужчинъ въ женской тюрьмѣ въ качествѣ административно-заключенныхъ, если вспомнить, что въ 1784 году сюда же былъ посаженъ Бомарше вскорѣ послѣ 1-го представленія „Свадьбы Фигаро" и даже здѣсь былъ высѣченъ!... Все же сопоставляя только что приведенныя цифры съ числомъ посѣщавшихъ школу, невольно изумляешься халатному отношенію къ болѣе энергичной и дѣятельной организаціи и режиму всей тюрьмы. По правиламъ тюрьмы всѣ заключенныя, кромѣ les prévenues, обязаны работать. Въ этомъ отношеніи и 1-ая, и 2-ая секція сходятся, но, какъ я уже замѣтилъ выше, les pistoliéres пользуются слабостью тюремной администраціи и отбояриваются отъ работъ, les nourrices избавлены въ силу необходимости и, наконецъ, нѣкоторыя заключенныя—по особому снисхожденію директора или его подчиненныхъ. Въ этомъ отношеніи интересно объясненіе контролера тюрьмы на вопросъ, какъ работаютъ во 2 секціи? Онъ категорически высказался „что всѣ лѣнивы, всѣ избѣгаютъ работы, нужно учить ихъ-а развѣ въ 10—12 дней выучить, ну и оставляютъ ихъ въ покоѣ (on les laisse bien tranquilles). Но за всѣми исключеніями, всетаки остается довольно большое число работницъ, которыя и распредѣляются по разнымъ мастерскимъ. Конечно, устройство сложныхъ работъ, требующихъ особыхъ знаній, нѣкотораго искусства, немыслимо въ St.-Lazare, потому что эта тюрьма, краткосрочная, а вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь и нѣтъ такой предпріимчивости, какъ она развита, напр., въ Maisons Centrales, Maisons de force и т. д. Я видѣлъ въ тюрьмѣ Melun правильныя работы подъ надзоромъ и руководствомъ свободныхъ учителей и мастеровъ. Частные предприниматели какъ бы брали въ аренду рабочія руки и сами учили мастерству, сами и сбывали произведенія заключенныхъ. Ничего этого нѣтъ въ St.-Lazare. Всѣ женщины, не умѣющія вообще или не желающія работать, нанизываютъ этикетки или ярлычки для Сѣверной и Южной компаніи желѣзныхъ дорогъ. Эта работа совершенно не сложная, доступная даже дѣтямъ, въ достаточной мѣрѣ скучна и однообразна. Наряду съ такой легкой работой, есть мастерская въ отдѣленіи Atelier de la grosse couture, называемая Atelier des matelats. Здѣсь набиваютъ и поправляютъ матрацы для всѣхъ тюремъ Парижа. Работа непріятная, вредная для здоровья, благодаря ѣдкой и ядовитой пыли, а самое главное—работа тяжелая и необходимая. Здѣсь всегда занимаются десять женщинъ исключительно изъ des femmes jugées, заключенныхъ гораздо

болѣе, чѣмъ на 1, 2, 3, мѣсяца, ихъ не отправляютъ въ Nanterre и другія тюрьмы подъ условіемъ исполненія такой работы. Кромѣ того, онѣ всѣ получаютъ улучшенную больничную пищу, ежедневно мясо и литръ вина. Всѣ эти льготы заставляютъ несчастныхъ жертвовать своимъ здоровьемъ и отбывать наказаніе въ St.-Lazare. Здѣсь очень обыкновенное явленіе—пораженіе легкихъ, скоротечная чахотка etc.... Всѣхъ мастерскихъ 7. 1-я и 2-я исключительно служатъ для prévenues, 3-я для femmes jugées, 4, 5 и 7 для—filles publiques, задержанныхъ административно, и 6-я для filles publiques, задержанныхъ судебной властью. Это дѣленіе оффиціальное. Въ частности же prévenues тѣ и другія смѣшиваются, а изъ 6-й мастерской всегда возможенъ переходъ въ 4, 5 или 7 и наоборотъ. Работаютъ большей частью бѣлье, мѣшки. 3-я мастерская помѣщается совершенно отдѣльно отъ другихъ, около Chapelle и входъ въ нее изъ Cour des jugées. Это громадная зала со сводами и съ поперечными балками, производящими впечатлѣніе, будто бы здѣсь перестройка, составляла часть обширной Chapelle des Lazarus. Хотя бѣлятъ стѣны и потолки, но зала имѣетъ сумрачный видъ и почти все время освѣщается газомъ. По серединѣ этой залы перегородка, которая раздѣляетъ Atelier de la grosse couture отъ Atelier des matelats. Въ первой половинѣ стоитъ кафедра для дежурной сестры, около нея маленькая печка, такъ какъ другого отопленія не полагается, а кругомъ разставлены плетеные стулья, на которыхъ въ извѣстномъ отдаленіи другъ отъ друга сидятъ femmes jugées, около нихъ чайнички, кофейники, свертки съ съѣстнымъ. Работа идетъ вяло, переговариваются шепотомъ, несмотря на запрещеніе и протесты дежурной („разговаривать" дается въ видѣ исключенія только въ Atelier des. matelats и всѣмъ prévenues). Очень часто подкрѣпляются и питьемъ, и ѣдой. Въ общемъ эта мастерская уныла и мрачна. Гораздо веселѣе видъ въ другихъ, особенно въ 4, 5, 6 и 7-й. Тутъ слышится смѣхъ, перебранка, остроты, но работаютъ, понятно, еще тише и лѣнивѣе. Боннеронъ описываетъ такъ одну изъ этихъ мастерскихъ:" .... Ихъ (les filles publiques) всегда бываетъ очень много. Нѣкоторыя очень молодыя, миленькія, съ выбивающимися волосами изъ подъ чепчика, который составляетъ ихъ форму.—Съ работой на колѣняхъ онѣ похожи на маленькихъ, тихихъ и безобидныхъ ученицъ.... Иногда слышится сдержанный смѣхъ. То тамъ, то здѣсь мелькаютъ безпокойные глаза, обводящіе посѣтителя горячимъ, проникающимъ и чуднымъ взоромъ (regards chauds, fouilleurs, etranges....) Нѣкоторыя ѣдятъ, медленно жуютъ хлѣбъ, купленный въ тюремной лавкѣ. Повидимому, имъ доз-

воляется въ мастерскихъ ѣсть горячую пищу, купленную на свои средства....“ Изъ этого описанія видно, что заключенныхъ не особенно стѣсняютъ. Всѣ мастерскія, кромѣ 3-й, похожи на только что описанную. Въ нихъ работаютъ отъ 20 до 60 женщинъ въ каждой, причемъ одна мастерская имѣетъ нѣсколько отдѣленій. Иногда одна изъ заключенныхъ или сестра читаютъ что либо вслухъ, въ то время какъ другія работаютъ, содержаніе читаемаго совершенно произвольно. Мое личное впечатлѣніе отъ этихъ мастерскихъ очень неудовлетворительное, видна во всемъ распущенность и полное отсутствіе дисциплины и порядка. Напр., въ одной мастерской при обозрѣніи моемъ вмѣстѣ съ директóромъ на насъ сыпались остроты и каламбуры иногда довольно недвусмысленнаго содержанія, сопровождаемыя хихиканьемъ и улыбками. Гдѣ же здѣсь почтительность къ директору, благодаря его отдаленности отъ заключенныхъ, о которой г. директоръ такъ распространялся?....

Говоря о работахъ и мастерскихъ въ St.-Lazare нужно замѣтить, что при этой тюрьмѣ есть еще спеціальныя мастерскія и склады, гдѣ производится заготовка матеріала и различныхъ принадлежностей для всѣхъ тюрьмъ Парижа. Въ нихъ работаютъ и осужденныя, и женщины, принятыя изъ милости (особый родъ призрѣнія нищихъ!), и спеціально нанятыя подъ надзоромъ особыхъ сестеръ—инструкторовъ, мастерицъ и наблюдательницъ. Здѣсь работа опредѣленная, постоянная и не легкая, особенно если сравнить ее съ работами въ нумерныхъ мастерскихъ. Въ числѣ такихъ изъ services généraux des prisons de Paris въ St.-Lazare находятся la boulangerie, la cave, la lingerie, les magasins de la Régie, les bureaux du Controle Général.

Въ громадной пекарнѣ три большія печи и три огромныхъ корыта для тѣста. Печи топятся дровами по семи разъ въ сутки, въ каждую заразъ входитъ болѣе тридцати хлѣбовъ, такъ что въ сутки каждая печь даетъ не менѣе 210 хлѣбовъ. Для тюремъ печется „pains bis“, вѣсомъ 850 граммъ для мужчинъ, 800—для женщинъ и 750—для дѣтей. Кромѣ того, приготовляютъ для больныхъ и служащихъ болѣе улучшенный хлѣбъ „pain blanc“, вѣсомъ въ 1 кило и въ 1 кило 500 граммъ. Нужно замѣтить, что во Франціи вообще нѣтъ чернаго хлѣба, всѣ потребляютъ пшеничный хлѣбъ, по цвѣту средній между нашимъ пеклеваннымъ и бѣлымъ, разница только въ сортахъ муки, лучшей и худшей очистки и вымолки. Про тюремный хлѣбъ говорятъ: „ils ont la forme bien connue de la boule de son“. Въ общемъ болѣе подпекаютъ корки, чѣмъ пропекаютъ середину. Количество хлѣба, по отзыву многихъ заключенныхъ, вполнѣ достаточно, потому

что есть возможность прикупать всегда всего, чего недостаетъ, за очень низкую цѣну. Въ этой пекарнѣ зимой производство увеличивается въ пять разъ, такъ что выпускаютъ въ сутки до 4000 хлѣбовъ, въ особыя кладовыя, гдѣ онъ вылеживается 2—3 дня. Рѣжутъ и вымѣриваютъ уже въ спеціальныхъ помѣщеніяхъ при каждой тюрьмѣ. Вся пекарня находится подъ управленіемъ un brigadier boulanger, который лично набираетъ себѣ помощниковъ изъ вольнонаемныхъ до 10 человѣкъ; въ дни же усиленнаго производства присылаютъ подмогу изъ тюремъ. Развозится хлѣбъ по утрамъ въ спеціальныхъ фурахъ de l' Administration съ gardiens- convoiement'ами, также, какъ вино и прочая провизія. Рядомъ съ пекарней находится обширный складъ угольевъ, кокса, лучинъ и т. д. подъ общимъ названіемъ „braisière". Онъ устроенъ спеціально для продажи заключеннымъ топлива по 1 франку за 10 гектолитровъ. Я уже упоминалъ выше, что спеціальнаго отопленія въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ совершенно нѣтъ, а если ставятся въ нѣкоторыхъ улучшенныхъ камерахъ печки, то отопленіе производится за счетъ сидящихъ въ нихъ [1]).

Погреба помѣщаются подъ конюшнями и двумя зданіями. Вино, выдерживаемое въ нихъ для тюремъ, привозится изъ Корсики, гдѣ оно выдѣлывается въ тюремныхъ, исправительныхъ колоніяхъ. Такъ какъ вино не контролируется обычно въ особыхъ винныхъ таможняхъ Парижа, а присылается по мѣсту назначенія, то и надзоръ тутъ особенно строгій, чтобы не было посторонней продажи вина. Вѣдаетъ погребомъ одинъ gardien-sommelier, который только и имѣетъ право входа въ погребъ, за исключеніемъ установки бочекъ съ виномъ, или

---

[1]) До чего доходитъ такая ненормальность можно судить, напр., по Melun'у Здѣсь общія мастерскія, гдѣ работаютъ заключенныя днемъ (система Обурнская), освѣщаются и отапливаются подрядчикомъ работъ—частнымъ предпринимателемъ. Кстати, одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ, что „мы не только ставимъ свои машины, своихъ инструкторовъ, отопляемъ, освѣщаемъ, но даже устраиваемъ преміи для рабочихъ, поощрительныя награды и зачастую заступаемся за рабочаго передъ начальствомъ въ случаѣ его какой либо провинности при работѣ или вообще въ мастерской, въ противномъ случаѣ невозможно было бы пользоваться съ такой выгодой этой дешевой, но необузданной рабочей силою". Я нѣсколько уклоняюсь, чтобы, воспользовавшись случаемъ, указать вообще, насколько правильная постановка и организація болѣе или менѣе сложнаго труда въ тюрьмахъ Парижа обставлена различными, часто невыносимыми затрудненіями, которыя по большей части создаются самой же администраціей и избѣгаются только путемъ различныхъ компромиссовъ, сдѣлокъ и уступокъ заключеннымъ.

выборки изъ нѣдръ обширнаго подземелья пустыхъ бочекъ, но это производится подъ контролемъ таможенныхъ досмотрщиковъ—Les Magasins généraux de la Régie занимаютъ тоже обширное пространство. При нихъ находятся la lingerie générale dés prisons de la Seine, мастерскія для чинки платья, для шитья и чинки бѣлья. Верхнее платье теперь дѣлаютъ исключительно въ Nanterre, откуда привозятъ сюда для помѣщенія въ кладовыхъ. Форму для служащихъ дѣлаютъ въ la Maison centrale de Melun. Въ кладовыхъ лежатъ матрацы, подушки, груда полотна для бѣлья, готовое платье и бѣлье, простыни, скатерти, салфетки, разные матеріалы для платьевъ и формы, обувь, шляпы, посуда, матеріалы для канцеляріи и прочее. Въ мастерскихъ при lingerie цѣлый штатъ служащихъ съ une lingère-chef'омъ во главѣ. Все разорванное бѣлье привозится сюда, ведется счетъ негоднаго и брошеннаго и, по замѣчанію une lingère-chef'a „A la Lingerie, on a pour principe de raccomoder le plus possible, de ne donner du neuf qu'en cas d' absolue nécessité". Въ описаніи одежды для заключенныхъ въ St.-Lazare у г. Боннерона встрѣчаются слѣдующія, не лишенныя соболѣзнованія, трагикомическія слова: „.... Voici des jupons de coton pour l' Infirmerie spéciale de St.-Lazare, de gros bas gris, des jupons de grosse toile bise pour les jugées... Comme ils doivent sembler durs et grossiers ces jupons, aux femmes un peu élégantes, habituées aux dessous fins et soyeux... Il est vrai qu' à Saint Lazare on n'est pas très sévère et qu'en se conduisant bien, on peut facilement transiger avec les réglements et les soeurs chargées de les appliquer. . . . "

Всѣ эти services généraux находятся подъ общимъ управленіемъ „l' Econome général des prisons de la Seine", канцелярія котораго вмѣстѣ съ концеляріей le Contrôleur général помѣщается на дворѣ de l' Administration при входѣ налѣво. Наше описаніе двора со всѣми выходящими на него зданіями и учрежденіями было бы неокончено, если бы мы не упомянули о моргѣ и о тюремной лавочкѣ. Первый рядомъ съ кладовыми. Въ немъ вскрываютъ трупы только по приказу администраціи и съ увѣдомленія родныхъ. Вторая находится между обѣими секціями и управляется une cantinière surveillante съ помощницами изъ les filles de service. Открыта она съ 6 час. утра до 6 час. вечера. Закупка по сравнительно очень дешевому тарифу, висящему въ каждой камерѣ на стѣнѣ, производится посредствомъ записокъ, которыя отправляются черезъ guichet въ лавочку, откуда приносятъ заказы и передаютъ черезъ дежурныхъ сестеръ по назначенію. Всегда можно получить рагу, яйца, свинину, шеколадъ, овощи, кофе

и молоко. Дозволяется продавать также и вино, но не болѣе 25 центилитровъ въ день каждой заключенной. Больныя покупаютъ съ разрѣшенія доктора. Кромѣ того здѣсь практикуется коммиссіонерная доставка готовыхъ обѣдовъ заключеннымъ изъ близъ лежащихъ ресторановъ по особому тарифу. Въ общемъ, за учрежденіемъ подобной лавочки нельзя не признать полезныхъ результатовъ, какъ для администраціи, такъ и для заключенныхъ. Постоянный контроль, съ одной стороны, дешевизна, доброкачественность и удобства, съ другой. Оборотъ лавочки очень колеблется, иногда достигаетъ до 18000 франковъ въ мѣсяцъ.

V.

Я хочу предпослать описанію II-ой Секціи маленькую историко-юридическую справку о проституціи (вообще) въ Парижѣ и зараженіи посредствомъ ея сифилисомъ. Къ этому побуждаетъ меня, какъ спеціальное назначеніе цѣлой половины II-ой Секціи служить наиболѣе раціональнымъ средствомъ въ борьбѣ съ сифилисомъ путемъ устройства обширной больницы слишкомъ на 250 кроватей и различныхъ амбулаторныхъ покоевъ, такъ и возможность прослѣдить на практикѣ осуществленіе стремленій правительства, ученыхъ и общества, какъ они выразились по настоящее время (1900 г.) въ тюрьмѣ St.-Lazare.

„Недостаточно было бы громаднаго труда in folio, чтобы только „резюмировать вопросъ о проституціи, который обсуждается людьми, „занимающими государственныя и общественныя должности, при ис„полненіи ихъ обязанностей. Пришлось бы напечатать цѣлую библіо„теку книгъ, если бы дали слово моралистамъ, юристамъ, соціологамъ „и физіологамъ". Такъ говоритъ г. Herbette въ своемъ трудѣ, Etudes présentées à l'occasion de l'organisation du musée spécial etc. „И какіе только вопросы не затронуты здѣсь? Положеніе женщинъ и дѣвушекъ, роль сильнаго пола въ нашемъ современномъ обществѣ; устройство семьи; судьба законныхъ и незаконныхъ дѣтей; совращеніе и соблазненіе; право розыска отца; воспитаніе юношества, защита и опека несовершеннолѣтнихъ, безстыдство родителей; благотворительныя и охранительныя общества и учрежденія постановленія относительно профессій, опасныхъ для общественной и частной нравственности, того или другого мѣста для собраній и удовольствій; литература, пресса, возбуждающія и развращающія зрѣлища; огромное развитіе средствъ производительности и нуждъ потребленія, возрастающее стремленіе къ роскоши; увеличеніе удобствъ сообщенія, чрез-

мѣрное развитіе большихъ городовъ и слишкомъ сильное возбуждающее значеніе этихъ нервныхъ центровъ, общая и личная нервная раздражительность въ наше время... подъ какими только формами не скрывается и подъ какими видами не появляется этотъ ужасный вопросъ?“ Къ этому далеко неполному перечисленію главныхъ причинъ возникновенія и возрастанія проституціи вообще нужно еще прибавить спеціальное зло во Франціи—все болѣе и болѣе уменьшающееся число браковъ. Еще Legogt въ своемъ „Le suicide ancien et moderne“ приводитъ краснорѣчивыя въ этомъ отношеніи цифры брачущихся за семидесятые годы. Такъ, въ 1872 году число браковъ было 352, 754, въ 1873 году уже число понизилось до 321,238, въ 1875 году мы уже видимъ только 300,427 браковъ, въ 1876 году—291, 393, въ 1877 году—278,094 брака и т. д. Нѣкоторые ученые, сравнивая пониженія браковъ во Франціи съ пониженіемъ ихъ въ Англіи, Германіи и отчасти Австріи, объясняли это вліяніемъ экономическаго кризиса, другіе же вліяніемъ войны или эмиграціи. Третьи, изучая соціальныя условія существованія средняго класса, приходили къ убѣжденію, что „французъ питаетъ положительный ужасъ передъ послѣдствіями брака—дѣтьми“. Нежеланіе имѣть дѣтей дало такіе большіе результаты, что г. Бертильонъ, начальникъ антропометрическаго бюро въ Парижѣ, говоритъ такъ насчетъ прогрессивнаго уменьшенія прироста населенія. „Если это продолжится, то черезъ сто лѣтъ во Франціи не останется ни одного француза!“ Леруа-Болье въ „L'infécondité en France“ пишетъ, между прочимъ: „Любовь къ благосостоянію,—прямое слѣдствіе прогресса цивилизаціи, и страхъ лишиться его, когда оно получено путемъ напряженія и усилій, въ сильной мѣрѣ содѣйствуетъ безплодію нашей страны. Большая семья была бы препятствіемъ, обгоняя соперниковъ, достигать возможнаго благополучія въ этой дикой скачкѣ за богатствомъ и за матеріальными наслажденіями, которыя доставляетъ богатство. Убѣжденная, что въ настоящее время богатство самый вѣрный путь къ уваженію, самый основательный пьедесталъ для власти, буржуазія мечтаетъ о блестящихъ партіяхъ для своихъ дѣтей, которыя въ одинъ прекрасный день соединятъ два уже накопленныя богатства въ одно. Отсюда являются поздніе браки, отсюда завязываются легкомысленныя связи, здѣсь зарождается главный спросъ на проституцію...“ Что же касается товара на этотъ спросъ, то онъ очень легко пополняется провинціей. Крестьянки, дѣти рабочихъ, кормилицы, мастерицы, прислуга, приказчицы—все это самый обыкновенный элементъ для рядовъ такой своеобразной громадной арміи, которая не гнушается имѣть въ

средѣ своихъ членовъ дѣтей 10 и 11-ти лѣтъ. У Паранъ-Дю-Шатлэ мы находимъ погодныя регистраціи проститутокъ полиціей и, между прочимъ, наталкиваемся на такія цыфры несовершеннолѣтнихъ:

20	проститутокъ	14	лѣтъ
6	„	13	„
3	„	12	„
3	„	11	„
2	„	10	„

Тотъ же регистръ вычисляетъ, что изъ числа 4,097 дозволенныхъ проститутокъ было 1,354 несовершеннолѣтнихъ. Я беру годъ для этого примѣра наудачу, но если прослѣдить до самаго послѣдняго времени, то встрѣтишься съ очень оригинальной вещью. Число дозволенныхъ проститутокъ растетъ съ удивительной медленностью; достаточно сказать, что къ концу 1889 года въ Парижѣ числилось зарегистрованныхъ и подвергаемыхъ періодическому осмотру около 5,000 женщинъ, къ концу же 1899 года всего на всего около 6,750 чел. Нѣтъ сомнѣнія, въ чемъ соглашаются безусловно всѣ писатели и изслѣдователи въ этой области, что въ Парижѣ теперь не менѣе 120,000 женщинъ, занимающихся проституціей. Herbette упоминаетъ въ своемъ трудѣ еще въ 1889 г. о 100,000 тайныхъ проститутахъ Парижа. Здѣсь не можетъ быть точныхъ, опредѣленныхъ, оффиціальныхъ цифръ! Масса проститутокъ не регистрируется путемъ подкупа чиновъ знаменитой police des moeurs, путемъ показаній своего сожителя, что она живетъ только съ нимъ, наконецъ, путемъ той массы случайностей, которыя такъ обычны въ этой сферѣ. Проституція въ наши дни является усовершенствованнымъ ремесломъ, какъ и всякое другое; она одѣвается, переодѣвается и раздѣвается такъ искусно, она такъ ловко принаравливается ко всякимъ условіямъ, ко всякимъ требованіямъ различной соціальной среды, у нея столько предлоговъ, извиненій и средствъ для существованія, что ея подробная исторія была бы нескончаема. „Нужно быть очень наивнымъ, чтобы не знать, что театры, концерты, балы, рестораны, кафе, нѣкоторые магазины и мастерскія, извѣстныя улицы и бульвары, отели, вокзалы, даже извощичьи кареты все это служитъ мѣстомъ встрѣчъ. Нѣтъ недостатка въ красивыхъ и изящныхъ названіяхъ, чтобы различить и оттѣнить половой спросъ и предложеніе“ (Herbette). На борьбу съ такимъ зломъ выступили правительство, общество и отдѣльныя лица, борьба усилилась и ожесточилась, когда было оффиціально дознано, что 85%

на 100 незарегистрованныхъ проститутокъ заражены сифилисомъ, который и передаютъ всѣми способами своимъ клiентамъ, а тѣ остальному обществу. Правительство издавало законоположенiе за законоположенiемъ, мѣру за мѣрой, общество устраивало прiюты, больницы, комитеты, ученые и публицисты писали или горячiя статьи противъ проституцiи или нападали на то же общество и правительство за ихъ мѣропрiятiя. Еще въ 1843 году парижскiй префектъ Делесеръ учреждаетъ особую полицiю нравовъ, которая имѣетъ почти неограниченныя полномочiя обыскивать, арестовывать и регистрировать всѣхъ, заподозрѣнныхъ въ тайной проституцiи. „Регламентъ“ Делесера отдаетъ честь и спокойствiе гражданъ на полный произволъ полицiи, потому что за неправильный арестъ агенту не полагается никакого наказанiя, а, напротивъ, гонораръ его находится въ зависимости отъ количества арестовъ. Агентъ получаетъ 92 франка въ мѣсяцъ и 2 франка за каждую обнаруженную проститутку... Персоналъ набирался изъ служащихъ очень не высокой нравственности, и достаточно упомянуть, что всѣ начальники тайной полицiи: Канлеръ, Горонъ, Кошеферъ, Тейлоръ, тюремный врачъ Жаннель и др. неодобрительно и почти съ негодованiемъ отзываются объ этой полицiи. Подробности о дѣятельности этой пресловутой полицiи можно найти въ мемуарахъ Канлера, начальника тайной полицiи при имперiи, въ „запискахъ“ Горона, въ изслѣдованiи Жанселя, въ многочисленныхъ статьяхъ „Intransigeant“, „l'Ordre“ и др. за восьмидесятые годы. Наконецъ, противъ подобной дѣятельности возсталъ Ивъ Гюйо. Въ 1877 году появилась большая обличительная статья его въ „Le Droit de l' homme, и съ тѣхъ поръ онъ повелъ дѣятельную агитацiю противъ вопiющихъ злоупотребленiй police des moeurs. Сколько разъ онъ былъ подъ арестомъ, подъ большимъ штрафомъ, но это только еще болѣе увеличивало его обличительную дѣятельность... Кромѣ спецiальной полицiи, правительству пришло на мысль регулировать и оформить существованiе домовъ терпимости. Оно дѣятельно хлопотало объ открытiи цѣлой сѣти этихъ домовъ по всей Францiи, потому что „зарегистрованная проститутка въ домѣ терпимости самая дѣйствительная охранительница добродѣтели, такъ какъ незапятнанная чистота множества семейныхъ очаговъ была бы осквернена, если бы не было падшей женщины, удовлетворяющей неизбѣжнымъ страстямъ“ (Лекки). Съ другой же стороны, эти дома легче было контролировать и констатировать въ нихъ зараженiе сифилисомъ, принимать мѣры къ изолированiю таковыхъ женщинъ отъ всѣхъ и лечить ихъ. Г. Herbette въ 1889 году писалъ: „дома терпимости, всеобщее отвращенiе къ кото-

рымъ дискредитировало ихъ, все-таки дома здоровья, сравнительно со всѣми другими же похожими мѣстами, гдѣ любители ищутъ иллюзіи удовольствій и прелесть неожиданнаго, но гдѣ обитательницы имѣютъ слишкомъ мало шансовъ форменной безвредности..." Лекуре полагалъ, что „дома терпимости—это основаніе всякой регламентированной проституціи. Полиція не только не ограничиваетъ ихъ числа, но всегда содѣйствуетъ открытію новыхъ." „Высшая слава, на которую можетъ претендовать полицейскій префектъ, по мнѣнію г. Паранъ-дю Шатлэ, заключается въ устройствѣ публичныхъ домовъ". Но и это предпріятіе правительства не замедлило дать отрицательные разультаты. Я говорилъ уже о малолѣтнихъ зарегистрованныхъ проституткахъ; появились также обманы и подкупы, чтобы закабалить несчастныхъ женщинъ у содержателей домовъ; торговля женщинами во Франціи быстро организовалась на стойкихъ началахъ, публичный торгъ въ присутствіи полиціи практиковался до самаго послѣдняго времени, явились сводники, маклеры, оптовыя конторы и т. д. Печать дѣятельно откликнулась на творимыя безобразія, правительство издало нѣсколько ограничительныхъ законовъ, напр., „за пріемъ въ публичный домъ несовершеннолѣтней дѣвушки содержатель наказывается тюремнымъ заключеніемъ до 2-хъ лѣтъ, полицейскій чиновникъ, выдавшій карту, наказывается каторжными работами".—Это ничуть не помогло! Появились поддѣльные документы, вымышленныя имена, угрозы и проч. Послѣ описанной мѣры правительство позволило практику и одиночекъ подъ обязательнымъ условіемъ періодическаго осмотра у особыхъ врачей и полнаго подчиненія всѣмъ полицейскимъ правиламъ. Попытки подобнаго подчиненія извѣстны еще въ XVI, XVII и въ XVIII вѣкахъ, тамъ только преслѣдовалось прежде всего отдѣленіе мирныхъ и честныхъ гражданъ отъ „продажныхъ тварей", теперь же придавали самое важное значеніе медицинско-полицейскому осмотру для предотвращенія зараженій. Здѣсь тоже явилась масса злоупотребленій, слѣдствіемъ чего тюрьма St. Lazare, единственная въ Парижѣ, была всегда переполнена проститутками, которыя, смѣшиваясь съ другими арестованными и преступницами, понятно развращали и сами развращались. D' Haussonville въ „Etablissements pénitentiers" пишетъ объ этомъ времени такъ: „Сюда принимались для предварительнаго заключенія самыя невинныя, несовершеннолѣтнія дѣвушки, тутъ сидѣли въ предварительномъ заключеніи почти неиспорченныя, попавшіяся въ мелкомъ проступкѣ, и въ то-же время сюда же сажали и проститутокъ, задержанныхъ за нарушеніе постановленій de police des moeurs или зараженныхъ венерическими болѣзнями въ опас-

ной степени. Можно представить себѣ начальныя послѣдствія такихъ сближеній!" Болѣе 25 лѣтъ тому назадъ дѣятельно стали хлопотать о переустройствѣ St. Lazare. Необходимо было категорировать всѣхъ прибывающихъ женщинъ, лечить больныхъ, исправлять поддающихся исправленію, устраивать правильныя работы въ мастерскихъ, способствуя и увеличенію средствъ тюрьмы, и навыку къ работѣ заключенныхъ. Относительно организаціи въ это время работъ любопытнымъ документомъ служитъ книга Ивъ Гюйо „De police des moeurs", гдѣ мы находимъ, что, „если подрядчику тюрьмы St. Lazare потребуется вдругъ много работницъ, онъ даетъ знать „police", и она устраиваетъ облаву (rafle). Въ теченіе двухъ-трехъ часовъ забираютъ на бульварахъ 100-150 женщинъ и отправляютъ въ тюрьму на мѣсяцъ, два, три, смотря по надобности подрядчика". Скудныя средства бюджета тюремнаго управленія обрѣзывали всѣ стремленія реорганизаціи, но всё же попытки были сдѣланы. Въ Conciergerie открылось спеціальное отдѣленіе для заключенныхъ дѣвушекъ, устроили Maison d'éducation въ Fouilteuse около Rueil, куда посылали спеціально на исправленіе, сдѣлали цѣлый quartier въ Doullens (Somme) для женщинъ, приговоренныхъ въ Парижѣ къ 2-хъ мѣсячному и больше—заключенію и для тѣхъ, кому дозволено отбывать наказаніе съ маленькими дѣтьми; появились одиночныя камеры въ Nanterre и пр. Все сводилось къ тому, чтобы St. Lazare получила спеціальное назначеніе для помѣщенія развратныхъ женщинъ, проститутокъ всѣхъ категорій и зараженныхъ венерическими болѣзнями. Казалось, нужно было-бы дѣятельно приняться за леченіе сифилиса въ спеціальномъ помѣщеніи, а то давно уже смѣялись и издѣвались въ обществѣ надъ пріемами практиковавшагося до сихъ поръ леченія. Болѣзнь, требующая продолжительнаго времени даже просто для обезвреженія ея, излѣчивалась по оффиціальнымъ даннымъ въ St. Lazare такъ:

123 женщины больныхъ сифилисомъ содержались до 20 дней.

77	женщинъ	больныхъ	сифилисомъ	содержались	30	дней.
53	„	„	„	„	40	„
43	„	„	„	„	50	„
31	„	„	„	„	60	„
25	„	„	„	„	70	„
8	„	„	„	„	80	„
5	„	„	„	„	90	„
7	„	„	„	„	100	„
8	„	„	„	„	125	„

2	„	„	„	„	150	„
7	„	„	„	„	200	„
3	„	„	„	„	250	„

А тутъ еще появились обвиненія полицейскихъ врачей въ зараженіи сифилисомъ подвергающихся осмотру посредствомъ зеркала; даже Лансеро, этотъ научный авторитетъ, утверждаетъ, что действительное число зараженій посредствомъ зеркала гораздо выше, чѣмъ это показываютъ статистическія свѣдѣнія. Это вполнѣ правдоподобно, если представить себѣ процедуру спѣшнаго казеннаго осмотра, сводимаго иногда къ исполненію простой формальности. Но только со вступленія Mr. Léon Bourgeois въ министерство началось болѣе дѣятельное раціональное преобразованіе тюрьмы St. Lazare въ смыслѣ обращенія ея въ спеціальную больницу и тюрьму для проститутокъ. Постановленіемъ 12 дек. 1888 г. при St. Lazare учредилась спеціальная больница для венерическихъ болѣзней. Вся тюрьма по мысли преобразователей должна была дѣлиться на 2 секціи строго разобщенныя между собой. Первая секція предназначалась исключительно для лицъ, находящихся въ вѣдѣніи Министерства Юстиціи или заключенныхъ по судебнымъ приговорамъ, вторая же секція предназначалась для административно-заключенныхъ. Всѣ отдѣленія и кварталы для женщинъ въ другихъ тюрьмахъ должны были мало-по-малу уничтожиться, и наконецъ всѣ женщины всѣхъ категорій и сроковъ, заключенныя административно и судебнымъ порядкомъ до 1-го мѣсяца 1-го дня, помѣщаются въ единственной парижской тюрьмѣ St. Lazare, женщины, заключенныя судебн. порядкомъ до 1-го года и 1-го дня въ Nanterre и женщины съ болѣе сильными наказаніями въ спеціальныхъ Maisons Centrales. Вмѣстѣ съ этими преобразованіями подняли вопросъ объ éducation pénitentiaire и correction paternelle. Такъ какъ срокъ для correccton paternelle очень короткій для того, чтобы дѣвушка совершенно исправилась, то вторичное паденіе всегда возможно, но теперь достаточно самыхъ ничтожныхъ доказательствъ, чтобы можно было-бы отправить для éducation pénitentiaire всякую малолѣтнюю до 20 лѣтъ. Въ этомъ случаѣ опека дана по праву administration pénitentiaire, которая будетъ имъ пользоваться въ границахъ нужнаго и будетъ воспитывать дѣвушку съ желаніемъ и заботой о томъ, чтобы какъ можно скорѣе вернуть ее къ честной жизни и на свободу. Пошли еще дальше. Нашли нужнымъ учредить спеціальные quartiers, гдѣ несовершеннолѣтнія проститутки получаютъ подобающее воспитаніе вплоть до возвращенія къ честному образу жизни. Сдѣлало соглаше-

ніе, чтобы слѣдить за этими преждевременно падшими дѣвушками, съ различными благотворительными обществами и обществами призрѣнія „особенно вошли въ тѣсное соглашеніе съ Société pour le sauvetage de l' enfance, которое заслужило симпатію и поддержку самыхъ извѣстныхъ и высокопоставленныхъ лицъ... Имена Беранже и Русселя будутъ памятны въ исторіи французскаго законодательства въ этой области.—Въ 1896 году рѣшено было всѣхъ несовершеннолѣтнихъ перевести изъ Парижа въ Nanterre, гдѣ для нихъ и образована была своего рода секція. Такимъ образомъ, въ бѣгломъ очеркѣ достаточно уже ясно вырисовалась картина послѣдовательной работы для устройства того учрежденія въ St. Lazare, которымъ справедливо гордятся французы. Г. Herbette вполнѣ безпристрастно говоритъ: „Отдадимъ справедливость нашей странѣ. Несмотря на духъ критики, на старинныя привычки фрондировать, на склонность французовъ хвастать дурнымъ столько же, даже больше, нежели хорошимъ, мы должны признать, что преждевременное развращеніе дѣтей далеко не въ томъ положеніи, какъ въ другихъ странахъ. Когда какіе-нибудь иностранцы говорятъ о порочности Парижа, то невольно является мысль, что они находятъ эти пороки только потому, что ищутъ ихъ, и находятъ въ особенности тѣ, которые сами занесли"... Благодаря усиліямъ правительства и даровитыхъ дѣятельныхъ лицъ изъ общества, удалось немного парализировать эту громадную преступную армію, расформировать ее по кадрамъ и по мѣрѣ силъ и возможности уничтожать отдѣльные порочные элементы и зародыши болѣзней въ самомъ ихъ началѣ, а дѣятельность патроната во Франціи вообще каждый день приноситъ все новые и новые плоды своей обильной плодотворной жатвы.

VI.

Еще не ознакомясь съ исторіей St. Lazare и исторіей ея зданій, можно составить себѣ понятіе по только что приведенной справкѣ, какъ много перепетій пришлось пережить самой тюрьмѣ, пока она не приняла настоящій и далеко не благоустроенный видъ.

Описаніе первой секціи даетъ уже довольно полную картину устарѣлости, какъ устройства отдѣльныхъ помѣщеній, такъ и общаго вида заключенія, но во II секціи эта отжившая система еще сильнѣе бросается въ глаза. Нельзя забывать, что здѣсь приходится имѣть дѣло съ людьми больными, больными не только физически, но и нравственно. M. d'A... въ „Cinquante ans de visites à St. Lazare" пишетъ: „...Съ

увѣренностью можно сказать, что половина женщинъ всей тюрьмы, если не больше,—алкоголики. Дѣвушки 2-ой секціи почти всѣ. Много женщинъ среди заключенныхъ имѣетъ привычку къ абсенту“.. Боннеронъ замѣчаетъ: „Почти всѣ женщины II-ой секціи алкоголики. Это даже противъ воли: проститутки сами говорятъ: „нужно пить для этого ремесла, если бы не пить, то такъ легко продаваться иногда было бы просто невыносимо“... Лансеро говоритъ о дегенераціи, о нѣкоторомъ разстройствѣ умственныхъ и душевныхъ способностей и т. д. Можно было бы привести массу выписокъ для подтвержденія вышеприведеннаго мнѣнія. Что же ихъ ждетъ въ тюрьмѣ, подобной St. Lazare?

Входъ во 2-ую секцію со двора налѣво, гдѣ прежде находился входъ въ quartier малолѣтнихъ. Около входа помѣщается канцелярія спеціально для 2-ой секціи и guichet. Въ канцеляріи единственный gardien записываетъ прибывающихъ и отмѣчаетъ выходящихъ. Этотъ невольный лучшій знатокъ „падшихъ города Парижа“ разсказывалъ мнѣ, что иногда достаточно одного мимолетнаго взгляда на комнату около канцеляріи, гдѣ ждутъ les filles des cours своей очереди для записи, чтобы занести въ книгу наизусть цѣлые десятки знакомыхъ именъ.

Оказывается, что очень многія довольно періодически попадаютъ въ St. Lazare, съ удовольствіемъ отдыхаютъ тамъ отъ своей трудной и тяжелой дѣятельности. Вотъ что мы находимъ въ „Notre régime pénitentiaire“: „Во II-й секціи есть обычныя посѣтительницы, которыя возвращаются сюда отъ времени до времени. Для нѣкоторыхъ проститутокъ устроенъ „maison de campagne, гдѣ онѣ отдыхаютъ, se mettent au vert, se retapent, dans le calme et la vie régulière“...

Послѣ записи служанка при „ожидательной комнатѣ“ проводитъ и сдаетъ зарегистрованныхъ съ рукъ на руки главной дежурной сестрѣ при секціи. Около корридора находится и свой parloir для встрѣчъ съ родными и знакомыми по вторникамъ и пятницамъ отъ 12 до 2 ч. дня. Контроль родственниковъ не строгъ, почему приходятъ повидаться со своими marmites и сутенеры, и содержательницы публичныхъ домовъ для знакомства съ вновь прибывшими и завербованія послѣ ихъ выхода изъ St. Lazare въ свои maisons de tolérance, и прислуга богатой арестованной fille de cours сообщитъ ей о посѣтителяхъ въ ея отсутствіи и о новостяхъ, интересныхъ для нея. Какъ я уже замѣтилъ раньше, теперь во 2-ую секцію попадаютъ всѣ административно задержанныя проститутки или вообще женщины, заподозрѣнныя въ приставаніи къ прохожимъ и пойманныя не въ урочное время на бульварахъ и улицахъ. Прежде всего ихъ привозятъ въ Dépôt, гдѣ осма-

триваютъ, записываютъ и сортируютъ. Проститутки отсиживаютъ отъ 4 до 15 дней за нарушеніе полицейскихъ предписаній для нихъ, женщины non en carte сидятъ и дольше, если оказывается, что онѣ промышляютъ ремесломъ, не имѣя полицейскаго разрѣшенія и карты, срокъ ихъ иногда до 45 дней, женщины, попавшія съ венерической болѣзнью, прямо отправляются въ St. Lazare въ спеціальную больницу, гдѣ онѣ пребываютъ иногда до 3-хъ лѣтъ. Теперь (въ 1899—1900 г.г.) замѣчаютъ, что женщины en carte составляютъ очень малый % въ l'Infirmerie spéciale, потому что, боясь самой болѣзни, а также и процедуры долговременнаго излеченія, онѣ охотно идутъ на медицинскій осмотръ, что служитъ имъ большой гарантіей, какъ и leurs clients d'une nuit ou d'une heure... Обыкновенный контингентъ больницы—тайныя проститутки, женщины, случайно подвергшіяся полицейско-медицинскому осмотру, и женщины съ тяжелой формой женскихъ и иныхъ болѣзней, часто старухи уже. Самая секція отсюда уже дѣлится на 2 спеціальныя части; Quartier des filles valides и l'Infirmerie spéciale. Въ Quartier des filles valides въ самомъ началѣ ея есть нѣсколько les cellules des arrivantes, гдѣ прибывшія ждутъ, когда ихъ размѣстятъ по дортуарамъ, отдѣльнымъ камерамъ и мастерскимъ. Въ этихъ помѣщеніяхъ ужасный запахъ: духи, табакъ, вино, потъ, колбаса съ лукомъ... На полу валяются корки хлѣба, окурки, шелуха, des peaux de saucisson. Стѣны всѣ исцарапаны и исписаны во вкусѣ слѣдующей: „Nana de Montparnasse aime Julot, dit mort à Chocho!“ Довольно пріятное начало и въ гигіеническомъ, и въ санитарномъ отношеніи! Отсюда мы проходимъ въ громадную залу: дортуаръ на 90 кроватей. Она находится подъ самой крышей, потолокъ очень низкій и поддерживается деревянными столбами. Зимой здѣсь очень холодно, лѣтомъ нестерпимо жарко. Въ общемъ обзорѣ St. Lazare я говорилъ о нравахъ ея обитательницъ, здѣсь же можно увидѣть только подтвержденіе моихъ словъ, если принять во вниманіе, что въ этомъ помѣщеніи надзора никакого не полагается, рядомъ только находится маленькая комнатка съ стекляннымъ оконцемъ дежурной монахини, откуда она можетъ наблюдать. Вѣдь сюда же попадаютъ не благонравныя дѣвицы изъ институтовъ и монастырей, не женщины изъ богоугодныхъ заведеній, не покорные члены скромной буржуазной семьи,—сообщество съ себѣ подобными, скука и „ничего недѣланіе“, наконецъ привычка и похотливыя желанія довершаютъ возникновеніе и процвѣтаніе того, отъ чего открещиваются г. директоръ со своими помощниками. Если по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ „здѣсь процвѣтаетъ порокъ въ незначительныхъ размѣрахъ“, что же можно сказать про дѣйствительность! Нѣкоторые

журналисты и даже служащіе въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ по тюремной администраціи положительно отрицаютъ всякое возможное пониженіе здѣсь разврата, такъ безгранично царившаго въ 70 и 80-ые годы. Поэтому какимъ абсурдомъ служитъ увѣреніе г. Боннерона, описывавшаго свое посѣщеніе St. Lazare въ 1897 году: „... Надзора одной сестры и одной служительницы въ дортуарѣ на 90 кроватей совершенно достаточно. Газъ горитъ всю ночь. Удивительно, что здѣсь среди 100 filles publiques никогда не бываетъ ни шума, никакихъ скандаловъ... „О, съ ними легко очень справляться", подтверждала намъ, сестра, слабая, худая монахиня съ блѣднымъ лицомъ, одѣтая въ синее платье съ капюшономъ и въ бѣломъ головномъ уборѣ". Въ pendent къ этому не лишнимъ можно привести, что въ 1897 году были двѣ крупныя свалки въ этомъ самомъ дортуарѣ, описанныя въ „Lanterne", „Intransigeant" и др., но о которыхъ старательно умолчали большіе оффиціальные и министерскіе органы. Въ 1899 году, мѣсяца за три до моего перваго посѣщенія здѣсь поколотили сестру, которая было воспротивилась чрезмѣрному потребленію одной веселой компаніей абсента, тайно проносимаго иногда тѣми же служанками, обязанность которыхъ помогать сестрамъ въ надзорѣ. Г. Herbette, очень сдержанный и дипломатичный изслѣдователь своихъ подвѣдомственныхъ учрежденій, писалъ о недостаточности надзора въ этой части тюрьмы и о постоянныхъ вредныхъ послѣдствіяхъ отъ этого. Maxime du Camp и Emile Couret „махнули рукой" въ своихъ замѣчаніяхъ по поводу порядковъ въ административномъ отдѣленіи St. Lazare (Les convulsions de Paris par M. du Camp; Emile Couret, Histoire de St. Pélagie). Все это служитъ вполнѣ достаточнымъ и явнымъ подтвержденіемъ сказаннаго. Чтобы окончить съ обзоромъ дортуара, въ которомъ каждой обитательницѣ полагается только кровать, приведу отрывокъ изъ картиннаго описанія порядковъ, царствующихъ и по сіе время.

„Посѣтитель, который получаетъ разрѣшеніе осмотрѣть St. Lazare, придя въ дортуаръ 2-й секціи du Quartir des filles valides около 5-ти час. дня, бываетъ всегда очень пораженъ, видя то тамъ, то тутъ на кроватяхъ смѣющіяся лица... Здѣсь рыжая растрепанная голова, тамъ темные вьющіеся волосы, дальше что то свѣтлое, бѣлое съ красивыми, но удивительно глупыми глазами!.. Слышится шопотъ, сдержанный смѣхъ рѣзвыхъ дѣтей, остроты и двусмысленности! На вопросъ, почему онѣ лежатъ днемъ, сестра отвѣчаетъ: „это прибывшія послѣ 4 час. дня. Ихъ не знаютъ, куда еще помѣстить... Сегодня не стоитъ ихъ отводить въ мастерскія, такъ какъ онѣ бы только всѣмъ мѣшали... Ихъ поэтому водворяютъ на постели, но вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ не хо-

тятъ спать... Завтра уже онѣ будутъ на работѣ!"... (Les Prisons de Paris par G. B.).

Около мастерскихъ, которыя расположены ниже этого дортуара и о которыхъ мы уже говорили раньше, находится нѣсколько большихъ, просторныхъ помѣщеній, тоже принадлежащихъ этому quartier „en tout cas", на всякій случай. Во время революціи эти сводчатыя залы скрыли большое число подозрительныхъ людей, теперь онѣ частью пусты, частью заняты магазинами—складами изготовленнаго уже въ мастерскихъ. Отсюда ходъ черезъ длинный корридоръ на дворъ II-ой секціи. Въ этомъ корридорѣ есть лѣстница, которую увѣковѣчилъ знаменитый Muller въ своей извѣстной картинѣ „l'Appel des condamnés". Конечно, лѣстница осталась въ полной неприкосновенности своего стараго прошлаго... Дворъ II-ой секціи совершенно отдѣленъ отъ двора de l'administration. Довольно жиденькая растительность, чахлыя, подрѣзанныя деревья, кругомъ высокія стѣны, все это наводитъ уныніе. Les filles valides неохотно прогуливаются, хотя онѣ обязаны во время отдыха днемъ и вечеромъ гулять по получасу. Обыкновенно ихъ выпускаютъ послѣ ѣды. Посрединѣ стоитъ маленькій бассейнъ, въ которомъ заключенныя могутъ мыть свое бѣлье. Мѣстомъ отдыха служатъ каменныя скамейки, конечно, всѣ испещренныя надписями. Такъ какъ арестованнымъ II-ой секціи не даютъ казеннаго однообразнаго платья, которое полагается только больнымъ, да и то со многими исключеніями, то вся форма ихъ ограничивается чепцомъ. Оригинально на прогулкѣ видѣть роскошныя платья съ чернымъ чепцомъ, рядомъ съ самой скромной одеждой и такимъ же головнымъ уборомъ!... Относительно особенностей жизни II-ой секціи и этого quartier нужно замѣтить, что большая часть женщинъ очень не развита, хотя 99% записаны грамотными и получившими первое образованіе. Книги, которыя выдаются изъ тюремной библіотеки, валяются нераскрытыми по постелямъ, служатъ большей частью возможностью прогуляться въ библіотеку, по дорогѣ зайти къ товаркѣ, перекинуться двумя-тремя словами съ попавшимися на встрѣчу и т. д. Въ настоящее время, несмотря на хлопоты даже нѣкоторыхъ благотворительныхъ обществъ, администрація не допускаетъ никакихъ собраній, хотя бы и съ духовно-нравственной цѣлью. Въ камерахъ, дортуарахъ, мастерскихъ часто возникаютъ перебранки, руготня, кончающаяся ссорой, дракой и . . . одиночнымъ заключеніемъ въ особыхъ cachots. Работаютъ такъ лѣниво и неохотно, что никакія строгости не дѣйствуютъ, единственнымъ способомъ заставить работать являются разные способы поощренія въ видѣ всякихъ мелочей и премій, если работа отъ частнаго предприни-

мателя, льготъ и привилегій,—если работа отъ тюрьмы. (Стоитъ вспомнить „приманку" для работницъ въ отдѣленіи для выдѣлки матрацовъ!). Для наказаній всѣхъ провинившихся во II-ой секціи существуетъ 8 cachots, изъ которыхъ одна совершенно темная, называемая lé cachot noir. Они помѣщаются подъ крышей центральнаго зданія и всегда переполнены. Убранство ихъ состоитъ въ одной маленькой скамейкѣ. По своей грязи и духотѣ они превосходятъ даже quartier de la Ménagerie! Въ это отдѣленіе ведутъ нѣсколько лѣстницъ, стѣны по бокамъ ихъ, какъ и всѣ остальныя предметы, до которыхъ можетъ достать человѣческая рука, исписаны, исчерчены и изрисованы. Приводить надписи, изъ которыхъ можно было бы составить цѣлую книгу, не стоитъ, онѣ всѣ состоятъ изъ выраженій любви, ненависти, проклятій, массы ругательствъ на всѣхъ языкахъ и безсильной злобы. Изслѣдователи тюрьмы St. Lazare пишутъ: „Ни въ одной тюрьмѣ мы не видали столько надписей, сколько ихъ въ St. Lazare. Это доказываетъ, что здѣсь менѣе строгій надзоръ, и что начальство не заботится, по мѣрѣ накопленія, стирать ихъ. Послѣ такого не радостнаго осмотра Quartier des filles valides мы переходимъ въ другую половину II-ой секціи въ l'Infirmerie Spéciale.

VII.

Специальная больница въ St.-Lazare, со всѣми своими отдѣленіями, устроенная въ общемъ на 300 женщинъ, заставляетъ извинять многіе недостатки всей остальной тюрьмы. „C'est un véritable Service de syphiligraphie, пишетъ L. Herbette, qui peut prendre toute l'extension désirable et ouvrir la voie aux réformes d'ensemble. Peut-être appreciera-t-on que c'est un réel honneur pour notre pays d'avoir eu l'initiative d'une institution semblable, également profitable aux intérêts de la science, à la préservation des générations nouvelles, à l'assainissement de Paris, à la sécurité de sa population et de ses hôtes". Эту мысль продолжаетъ Bonneron: „On ne se rend pas compte, en effet, des services que rend à la population parisienne, à la population de la France entière, l'Infirmerie spéciale de Saint Lazare. Le problème de la prostitution est un problème bien redoutable et bien complexe, dont la solution importe à la société moderne". „Мы смѣло гордимся этой единственной больницей, ставшей краеугольнымъ камнемъ всѣхъ преобразованій въ системѣ заключенія женщинъ", говорилъ мнѣ M. Duflos. И, дѣйствительно, все что можно было сдѣлать—сдѣлано съ удивительнымъ искус-

ствомъ, рѣдкимъ умѣніемъ, большимъ знаніемъ дѣла и желаніемъ оказать настоящую услугу сифилографіи. Просто изумляешься, что можно было устроить изъ разваливающихся, грязныхъ, мрачныхъ помѣщеній St. Lazare. Значеніе этой больницы и для не спеціалистовъ станетъ совершенно яснымъ, если мы узнаемъ, что „на 100 рожденій, сопровождаемыхъ и которымъ предшествовало зараженіе сифилисомъ обоихъ родителей или одного изъ нихъ, 68 дѣтей заражается еще до рожденія или очень немногое время спустя. А такъ какъ такихъ беременностей въ Парижѣ 14%, то можно судить, какую опасность для будущаго представляетъ эта болѣзнь. Извѣстно ли, какова цифра женщинъ, зараженныхъ этой болѣзнью? Болѣе 100,000 чел. (По свѣдѣніямъ за 1899 г. ихъ болѣе 160,000). А мужчинъ? Предполагаютъ, что они вдвое многочисленнѣе. Кромѣ того, сифилисъ не находится въ спискахъ о причинахъ смертности отъ тѣхъ болѣзней, которыя отъ осложненія сифилиса сдѣлались смертными, и публика не можетъ знать производимыхъ имъ опустошеній...“ (L. Herbette). Спеціальная больница занимаетъ три зданія, между которыми находится больничный дворъ. Главное срединное зданіе имѣетъ 4 этажа (un-rez-de-chaussée и три этажа), боковыя—по два этажа. Во всѣхъ трехъ зданіяхъ 21 громадная зала отведены спеціально подъ палаты больныхъ. Кромѣ того, въ нижнемъ этажѣ расположены пять пріемныхъ комнатъ, обставленныхъ по всѣмъ требованіямъ медицинской науки. Мы здѣсь найдемъ les fauteuils à spéculum, les tables où l'on fait étendre les malades, tous les désinfectants et les antiseptiques, un tas d'appareils bizarres dont la vue seule donne des frissons... Пріемы бываютъ ежедневно отъ 9 час. до 12 ч.

Медицинскій персоналъ въ этой больницѣ состоитъ изъ 5 докторовъ, 3 хирурговъ, 6 постельныхъ помощниковъ и 6 временныхъ, цѣлаго штата сестеръ, которыя исполняютъ роль „сестеръ милосердія“.

Каждый докторъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи 4 залы-палаты, кромѣ того одинъ докторъ-консультантъ и одинъ главный. Больница управляется въ административномъ отношеніи сестрой—chef de service-cheftaine—у которой въ распоряженіи состоятъ 10 сестеръ, какъ „сестры милосердія“, 2 аптекарскія помощницы и 4 soeurs d'ouvrage, подъ ея же непосредственнымъ вѣдѣніемъ находится цѣлый штатъ des filles de service, больничныхъ смотрителей и перевязчицъ. При каждомъ докторѣ находится въ качествѣ помощницы, фельдшерица—перевязчица. Аптека тоже расположена въ rez-de-chaussé, она управляется аптекаремъ-провизоромъ и 2 помощницами. Приготовленіе лекарствъ продолжается безпрерывно цѣлый день. При аптекѣ хорошая лабораторія и une tisanerie.

Въ больницѣ меньше 225 женщинъ не бываетъ. Обыкновенно всѣ онѣ размѣщаются по роду болѣзней, по степени трудности и по личному своему положенію. Такъ, при больницѣ есть особое помѣщеніе для старыхъ увѣчныхъ больныхъ женщинъ, у нихъ свои палаты, которыя находятся въ общемъ вѣдѣніи доктора-консультанта. Здѣсь живутъ подолгу, многія избираютъ себѣ это помѣщеніе богадѣльней, и ихъ держатъ изъ милости. Нѣкоторыя палаты заполнены исключительно семейными женщинами. Больныя и кормящія имѣютъ право просить разрѣшенія лежать въ больницѣ вмѣстѣ съ дѣтьми. Почти всѣ безъ исключенія это разрѣшаютъ.

Вообще всѣ палаты очень свѣтлы, много въ нихъ воздуха, полъ всегда натертъ, постельное бѣлье часто мѣняется. Чистота и опрятность, которая здѣсь положительно царствуетъ, конечно, рѣзче бросаются въ глаза послѣ знакомства съ остальной тюрьмой. Здѣсь положительно забываешь, что находишься всетаки въ St. Lazare. Режимъ для больныхъ самый удобный. Большая часть женщинъ встаетъ около полудня. Легко больныя усаживаются около постелей работать или читать. Всѣ онѣ въ чепцахъ и капотахъ, имѣютъ скромный и покорный видъ. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ страдальческія, желтыя, осунувшіяся лица, другія же поразительно свѣжіи, розовый цвѣтъ лица, такъ что нельзя предположить, что онѣ больны. Ѣдятъ онѣ всѣ тутъ же въ палатахъ. 2 раза въ день приносятъ пищу въ огромныхъ чанахъ въ каждую палату, и всѣ приходятъ за своей порціей, труднобольнымъ пищу приносятъ къ кровати les filles des services. Меню очень сытное, двойное противъ обыкновеннаго стола и почти въ 4 раза лучше тюремнаго. Съ разрѣшенія ординаторовъ позволяется покупать и изъ лавочки на свои средства кое-что изъ пищи, но вотъ уже 10 лѣтъ слишкомъ, какъ изъ больницы посылаютъ только за сластями, виномъ и . . . табакомъ. Характерная особенность: въ Парижѣ рѣдко можно встрѣтить курящую женщину, еще рѣже курящую въ общественномъ мѣстѣ, здѣсь же почти больше половины курятъ. Впрочемъ куреніе открытое запрещено, но допускается такая „контрабанда“ снисходительно! . . . Весь „тюремный“ надзоръ сосредоточивается въ одной la fille de service на палату, обязанность ея смотрѣть вообще за порядкомъ. Обходъ докторовъ совершается 2 раза въ день. Въ „трудныхъ“ палатахъ обходъ до 5 разъ. Число операціи очень колеблется, иногда въ годъ происходитъ отъ 150—200 операцій, въ другой же и до 100 не доходитъ. Трудныя операціи рѣдки. Особыя операціонныя комнаты устроены съ поразительной заботливостью. Насколько можно замѣтить изъ отзывовъ докторовъ, сестеръ и самихъ боль-

ныхъ,—всѣ живутъ чрезвычайно дружно, больныя любятъ свое начальство и докторовъ, а тѣ дружелюбно относятся къ своимъ „питомцамъ“. Въ серединѣ каждаго этажа устроены часовни съ цвѣтами, свѣчами, статуями Богоматери и Распятіемъ. Общая молитва бываетъ утромъ и вечеромъ. Всѣ больныя охотно собираются молиться, въ чемъ опять особенность и отличіе отъ остальныхъ обитательницъ этой тюрьмы. Или, быть можетъ, набожность развивается параллельно съ болѣзнью и прямо пропорціональна ей! „Если бы не была установлена молитва, онѣ сами первыя попросили бы“! говорила г-ну Боннерону fille d'ouvrage „славная и словоохотливая женщина, которую легко можно принять pour une dame très bien“ (Bonneron, page 351) Les filles d'ouvrage существуютъ при больницѣ для того, чтобы помогать работающимъ больнымъ, онѣ учатъ ихъ различнымъ мастерствамъ, кроятъ, шьютъ и т. д. Чтобы скрасить какъ нибудь скучное и монотонное пребываніе въ больницѣ, сестры уставляютъ окна цвѣтами, вѣшаютъ клѣтки съ птицами, устраиваютъ чтенія и бесѣды, хлопочутъ о дѣтскихъ забавахъ...... Если хорошая погода, то выпускаютъ больныхъ на больничный дворъ. Лѣтомъ на дворѣ больныя проводятъ большую часть дня. Нельзя не отдать дань справедливаго уваженія къ администраціи и сестрамъ больницы, которыя всѣми силами стараются сдѣлать все, что зависитъ отъ нихъ, чтобы больныя забыли о своихъ страданіяхъ.

При больницѣ находится баня, состоящая изъ ванной и отдѣленія душей. Ванная—это большая зала на 15 ваннъ, изъ которыхъ 5—для сѣрнистыхъ ваннъ. Каждая ванна окружена деревянной перегородкой, съ чистой, бѣлой занавѣской, которая совершенно закрываетъ всю камеру съ ванной. Всѣ больныя женщины, поступающія въ больницу, прежде всего отправляются въ ванную. Кромѣ того, нѣкоторыя больныя пользуются по 2 и по 3 раза въ недѣлю леченіемъ ваннами. Женщины же изъ Quartier des filles valides моются въ ваннахъ, когда эти послѣднія свободны, такъ что приходится не больше 1-го раза въ мѣсяцъ для каждой filles de cours. Отдѣленіе для душей снабжено очень дорогими приспособленіями разныхъ системъ, но леченіе душами рѣдко въ больницѣ. Напр., за 1896 и 1897 годъ въ спеціальной комнатѣ душей не дѣлали ни одного раза душа для леченія больной (G. B. Notre régime pénitentiaire). Обыкновенно, доктора, которые предписываютъ леченіе душемъ, сами же и устраиваютъ ихъ, такъ что особаго персонала для этой водолечебницы не существуетъ.

Для медицинскаго персонала отведенъ рядъ комнатъ для совѣщанія, библіотеки и кабинетъ для дежурнаго доктора. У каждаго док-

тора имѣется свой хирургическій и иной наборъ инструментовъ и препаратовъ, который помѣщается въ особо-отведенныхъ каждому шкапахъ. Библіотека получаетъ массу медицинскихъ журналовъ, брошюръ и состоитъ въ завѣдываніи одного изъ ассистентовъ. Совѣтъ докторовъ принимаетъ участіе и въ хозяйственномъ управленіи больницы, но въ общемъ имъ отведена только медицинская часть.

Въ настоящее время спеціальная больница St. Lazare—единственный предохранительный клапанъ (soupape de sûreté), которымъ задерживается развитіе страшной болѣзни, и администрація вмѣстѣ со всѣми извѣстными докторами старается уничтожить сифилисъ по мѣрѣ возможности..... Всѣ задержанныя проститутки non en carte подлежатъ строгому осмотру въ полицейской лечебницѣ de la Préfecture, здѣсь же и рѣшаютъ, нужно ли ихъ отправить въ спеціальную больницу. Передъ выходомъ изъ St. Lazare всѣ женщины II-ой Секціи также подвергаются докторскому осмотру въ тюрьмѣ. Выздоровѣвшія же изъ l'Infirmerie spéciale получаютъ exeat, съ которымъ и ѣдутъ на осмотръ опять въ Dispensaire de la Préfecture, только послѣ этого послѣдняго осмотра онѣ получаютъ свободу, такъ какъ часто случается, что оттуда опять присылаютъ назадъ найденныхъ не совершенно излеченными. Это иногда продѣлываютъ изъ лишняго рвенія или изъ личныхъ недоразумѣній. Даже Боннеронъ замѣчаетъ, что „доктора полицейской лечебницы при префектурѣ какъ будто нарочно считаютъ невыздоровѣвшими тѣхъ, которыхъ доктора спеціальной больницы признали излеченными....“. Въ общемъ теперь надзоръ очень строгій и тщательный. Только всѣ говорятъ въ одинъ голосъ, что пора или переформировать и пересоздать, или уничтожить совершенно настоящій надзоръ полиціи за проституціей (service des moeurs). Ограничивъ ея полномочія, внушивъ мягкость и осмотрительность, увеличивъ окладъ содержанія, нужно прежде всего позаботиться о поднятіи нравственнаго ценза служащихъ, путемъ привлеченія болѣе интеллигентныхъ и честныхъ агентовъ. Впрочемъ, этотъ вопросъ поднятъ уже, слѣдуетъ не откладывать его разрѣшенія, какъ откладываютъ все дальше и дальше рѣшеніе уничтожить St. Lazare, какъ тюрьму.

VIII.

Обзоръ тюрьмы St. Lazare конченъ. Очевидно и прямо бросается въ глаза полная настоятельная потребность уничтоженія этого несчастнаго памятника тяжелаго прошлаго. Каждая трещина, каждая прорѣха,

каждый покосившійся столбъ безмолвно говорятъ, что давнымъ давно все нужно перенести отсюда и оставить это зданіе разрушаться, какъ оно разрушалось съ теченіемъ вѣковъ, но безъ ненужной агоніи, путемъ незначительныхъ передѣлокъ и подпорокъ, или же сразу все сравнять съ землей и на этомъ мѣстѣ воздвигнуть тюрьму со всѣми новѣйшими требованіями техники и тюремной жизни [1]).

---

[1]) Интересно ознакомиться съ вопросомъ общей перестройки тюремъ, какъ департаментскихъ, такъ и краткосрочныхъ для сравненія быстроты исполненія постановленій объ этомъ законовъ, декретовъ и проч. Вотъ нѣкоторыя данныя.

Законъ 5 іюля 1875 г. о режимѣ департаментскихъ тюремъ опредѣлилъ:

1. Что inculpés, prévenus et accusés будутъ на будущее время днемъ и ночью въ одиночномъ заключеніи (пар. 1).

2. Что осужденные на 1 годъ заключенія не болѣе должны находиться въ одиночномъ заключеніи (пар. 2).

3. Что осужденные на заключеніе болѣе 1 года и 1 дня могутъ, по ихъ просьбѣ, подвергнуться одиночному заключенію (пар. 3).

4. Что срокъ наказаній, отбываемыхъ въ одиночномъ заключеніи, будетъ сокращенъ на 1 четверть (пар. 4).

5. Что въ будущемъ перестройка или пріобрѣтеніе тюремъ въ департаментахъ можетъ происходить только подъ условіемъ примѣненія одиночнаго заключенія, что только такого рода проекты, планы и смѣты будутъ подвергаться одобренію министра внутреннихъ дѣлъ, и работы будутъ производиться подъ его контролемъ (пар. 6).

6. Что государство будетъ выдавать субсидію сообразно со средствами бюджета, чтобы придти на помощь департаментамъ въ издержкахъ по перестройкѣ и отчужденію (пар. 7).

Этотъ законъ тюремной реформы, на который Національное Собраніе возлагало столько надеждъ съ двоякой точки зрѣнія—пониженія преступности и нравственнаго преобразованія осужденныхъ, не далъ всѣхъ ожидаемыхъ результатовъ. Департаменты не выразили большого желанія прибавить расходы на новый режимъ тюремъ къ своему бюджету. Только приблизительно 30 тюрьмъ на 400 были такимъ образомъ перестроены. Черезчуръ медленное примѣненіе этого закона, съ одной стороны, недостатокъ свободныхъ департаментскихъ средствъ, съ другой—побудили Парламентъ вотировать новый законъ 4 февр. 1893 г. относительно краткосрочныхъ тюремъ, который опредѣляетъ:

1) Что департаменты могутъ быть освобождены отъ части обязательствъ, которыя наложены на нихъ закономъ 5 іюля 1875 г., если они добровольно уступятъ государству владѣнія подъ своими maisons d'arrêt, de justice et de correction; въ договорѣ по этому поводу должно быть указано количество издержекъ и обязательствъ, падающихъ на департаменты для устройства новыхъ учрежденій (параг. 7).

2) Что, въ цѣляхъ экономіи, число камеръ, которыя должно устроить въ каждомъ учрежденіи, ограничено тремя четвертями на среднее число всѣхъ заключенныхъ въ продолженіи 6 послѣднихъ лѣтъ; что нѣсколько департаментовъ могутъ согласиться сообразно съ постановленіями статьи VII закона 10 авг.

Какъ историческая старина, St.-Lazare во многомъ уступаетъ тюрьмѣ Conciergerie, и потому сохраненіе ея, какъ памятника, не сдѣлаетъ особыхъ услугъ археологіи, напротивъ, давно нужно уже изъять изъ памяти эти тѣсныя, грязныя, смрадныя келіи, въ которыхъ копошатся несчастныя, а камеры вѣдь еще существуютъ для прямой цѣли, а не только для воспоминанія. Самая система кратковременнаго заключенія женщинъ подобной категоріи, какъ 2-ая Секція, требуетъ коренной переработки.

Вопреки всѣмъ осужденіямъ Ломброзо о наиболѣе выработавшемся типѣ преступницы, я во всей тюрьмѣ не нашелъ ни одной женщины, подходящей подъ опредѣленіе этого итальянскаго профессора. Напротивъ, вмѣсто выдающихся скулъ, мужскихъ чертъ лица, большаго % брюнетокъ, злыхъ глазъ съ прыгающими зрачками, непропорціональной головы и т. д., я встрѣчалъ блондинокъ съ тонкими чертами лица, съ томными голубыми глазами, съ кроткими лицами на каждомъ шагу... Впрочемъ, вообще сколько разъ среди самыхъ отъявленныхъ преступницъ попадались женщины поразительной красоты, съ глазами мадоннъ и античной фигурой! По наблюденію многихъ серьозныхъ изслѣдователей особенно поразительно у всѣхъ арестантокъ отсутствіе совѣсти. Д'Оссонвиль пишетъ: „многія повидимому не имѣ-

---

1871 г. и 6 парагр. закона 5 іюля 1875 г., выстроить или преобразовать на общія средства тюремныя учрежденія, имѣя въ виду практическое примѣненіе одиночнаго заключенія; и что для постройки или перестройки тюремъ можно пользоваться работой преступниковъ (main d'oeuvre pénal) (парагр. 4, 5, 8 и 9).

3) Что въ случаѣ совершенной непригодности тюремъ, какъ съ точки зрѣнія нравственности, такъ и съ матеріальной,—уничтоженіе ихъ можетъ быть рѣшено декретомъ въ видѣ формальнаго постановленія общественной администраціи (administration publique), при соотвѣтствующемъ утвержденіи главнаго собранія (conseil supérieur) тюремъ, и, сверхъ того, расходы, нужные для работъ по пріобрѣтенію или перестройкѣ, имѣютъ обязательный характеръ и могутъ быть оффиціально наложены на департаменты въ силу декрета Государственнаго Совѣта (парагр. 2, 3 и 7).

Кажется, что эти полезныя реформы должны были бы имѣть успѣхъ, но и этотъ законъ 93 г., надо признаться, не имѣлъ бо́льшихъ результатовъ. Такъ, въ продолженіи 5 лѣтъ, истекшихъ съ изданія этого закона, были только 2 частичныхъ примѣненія, и то касавшихся наименѣе важныхъ постановленій новаго законодательства, какъ покупка недвижимаго государствомъ и употребленіе труда преступниковъ.

Это можно объяснить не нѣкоторымъ предразсудкомъ противъ одиночной системы, но слишкомъ большой цифрой смѣтъ, которыя, кстати, слѣдуетъ чаще провѣрять, а, съ другой стороны, и инертностью Министерства Внутреннихъ Дѣлъ по отношенію къ своему подчиненному тюремному вѣдомству.

ютъ даже понятія о злѣ и добрѣ. Если утверждаютъ, что всѣ женщины наклонны ко лжи, то что же можно сказать относительно преступницъ?" Боннеронъ вынесъ такое же убѣжденіе, которое впрочемъ подтверждаетъ словами старой сестры ордена Маріи Жозефа, прослужившей въ тюрьмѣ болѣе тридцати лѣтъ: „Нельзя, думать что онѣ лгуньи изъ за выгоды... Онѣ лгутъ только изъ удовольствія безъ всякой цѣли... Онѣ съ большимъ апломбомъ разсказываютъ невѣроятныя исторіи... Онѣ воображаютъ что имъ вѣрятъ! Нѣтъ никакой возможности отучить ихъ отъ этого порока!"

Вообще относительно лжи и притворства у женщинъ существуетъ довольно опредѣленный взглядъ въ литературѣ, можно на удачу привести нѣсколько мнѣній писателей различныхъ профессій и убѣжденій, которыя совершенно сходны между собой. Такъ, Флоберъ говоритъ: „женщины не бываютъ правдивы даже сами съ собой!" Зола утверждаетъ, что женщины лгутъ всѣмъ и каждому, судьямъ, своимъ возлюбленнымъ, своимъ слугамъ, самимъ себѣ наконецъ. У Шопенгауера мы найдемъ, что „притворство врождено женщинѣ, какъ самой умной, такъ и глупой". Г-жа Mayot пишетъ, что женщины даже и не стыдятся лжи, что онѣ и признаются въ этомъ не краснѣя... Въ сочиненіи Ломброзо и Ферреро „La femme criminelle et prostituée" можно даже найти физіологическое объясненіе и чуть ли не оправданіе лжи у женщинъ [1]).

II-ая Секція даетъ намъ образы всѣхъ ступеней проституціи. Большей частью эти женщины безобразны, состарѣвшіяся раньше времени.

Часто можно встрѣтить здѣсь сѣдыхъ женщинъ, старыхъ проститутокъ, все еще промышляющихъ этимъ ремесломъ. Народился и укореняется въ Парижѣ новый родъ проститутокъ-преступницъ, которыя дѣйствуютъ въ сообществѣ со своими сутенерами, обкрадывая и убивая случайныхъ кліентовъ. Зачастую попадаются во II Секцію продажныя женщины и „высшаго полета", не поладившія съ полиціей; онѣ держатся гордо, въ сторонѣ и не считаютъ себя наравнѣ съ прочими. Нѣкоторые усердные описыватели находили „нѣсколько граціозныхъ головокъ, съ красивыми глазами, съ выбивающимися изъ подъ чепчика вьющимися волосами, съ розовымъ цвѣтущимъ ротикомъ и т. д." (M. d'A... Cinquante ans de visites à St. Lazare): Всѣ же заключенныя не особенно сѣтуютъ на свое положеніе, онѣ сживаются съ нимъ и съ удовольствіемъ дѣлятся впечатлѣніями.

Оканчивая описаніе тюрьмы St.-Lazare, я долженъ высказать по-

---

[1]) Ср. Тюремный Вѣстникъ 1899 г. Сентябрь стр. 380 и слѣд.

желаніе, чтобы надзоръ за женщинами попрежнему былъ оставленъ въ рукахъ ордена Маріи Жозефа. При всѣхъ своихъ женскихъ недостаткахъ, сестры самоотверженно, особенно въ больницѣ, исполняютъ свои обязанности и гораздо болѣе на мѣстѣ, чѣмъ жены, родственники gardien'овъ и вольно-наемныя надзирательницы, за которыхъ такъ ратовалъ въ своемъ Rapport du budjet на 1900 годъ депутатъ M. Goujat.

Къ описанію этой тюрьмы я прилагаю краткій историческій очеркъ возникновенія St.-Lazare, составленный по Боннерону, съ выписками изъ сочиненій самыхъ позднѣйшихъ авторовъ и изслѣдователей старины Парижа. Выписки были произведены, кромѣ названныхъ въ началѣ, изъ сочиненій le Fournier, Ménorval (Paris depuis ses origines jusqu'à nos jours) Req et Féron, которыми я пользовался изъ замѣчательной библіотеки Св. Женевьевы, находящейся въ центрѣ ученаго и учебнаго Парижа.

Кромѣ того, я прилагаю сюда примѣрный тарифъ и размѣръ пищи, которую получали заключенныя женщины въ тюрьмахъ Франціи въ теченіи 1900 года, а также и тарифъ тюремной лавочки на пищу. Эти свѣдѣнія получены мной изъ Главнаго Тюремнаго Управленія Франціи и ея колоній. Что касается пищи въ тюрьмѣ St.-Lazare, то она еще болѣе варьируется тѣмъ, что заключенныя имѣютъ право покупать ежедневно почти на франкъ каждая, тогда какъ въ другихъ тюрьмахъ—не болѣе, какъ на 50 сантимовъ.

Приложеніе I.

Историческій очеркъ Saint Lazare.

Зданіе St.-Lazare было выстроено въ XI вѣкѣ. Имѣются достовѣрныя свѣдѣнія, что въ 1110 году въ этомъ домѣ помѣщался госпиталь для больныхъ проказой, въ то время всѣ строенія St.-Lazare были расположены въ открытомъ полѣ, въ округѣ между Парижемъ и St.-Dénis, на пустопорожнемъ мѣстѣ, а передъ ними возвышалась церковь, посвященная St.-Laurent. Самый старинный документъ, въ которомъ фигурировало имя St.-Lazare—это грамота Louis VI подтверждавшая принадлежность этого учрежденія аббатству St.-Dénis. Эта грамота сохраняется въ національномъ архивѣ.

Louis le Gros устроилъ для доходовъ въ пользу St.-Lazare ярмарку,

получившую названіе „Foire de St.-Ladre“, которая въ эпоху la Toussaint располагалась передъ зданіемъ и продолжалась нѣсколько дней. При Philippe-Auguste эта ярмарка была переименована въ Foire de St.-Laurent.

Въ 1147 году, разсказываетъ Odon de Deuil, монахъ изъ St.-Dénis, оставившій свои лѣтописи, Louis VII, идя въ St.-Dénis за государственной хоругвью, чтобы отправиться въ крестовый походъ, заходилъ и въ St.-Lazare посѣтить больныхъ.

Le Cartulaire général de Paris упоминаетъ объ одномъ затворникѣ въ St -Lazare около 1150 года. Въ средніе вѣка всѣ помѣщенія St.-Lazare были передѣланы въ маленькія каморки, какъ и въ остальныхъ больницахъ для прокаженныхъ, гдѣ каждый больной, совершенно изолированный и отдѣленный, влачилъ свое жалкое существованіе. Говорятъ, что за этими несчастными ухаживала корпорація булочниковъ, такъ какъ существовало убѣжденіе, что люди этого ремесла болѣе другихъ расположены заразиться проказой вслѣдствіе дѣйствія огня на ихъ кожу. Корпорація парижскихъ булочниковъ была также и денежно заинтересована этой больницей для прокаженныхъ: въ нее она отсылала всѣхъ своихъ больныхъ и поэтому въ особенности благотворила St.-Lazare.

Когда Philippe III le Hardi въ 1271 году пришелъ въ Notre Dame въ St.-Dénis босымъ, неся на плечахъ гробъ своего отца Saint Louis, то отдыхалъ здѣсь. Для постояннаго напоминанія объ этомъ днѣ былъ выстроенъ памятникъ, эта была четырехугольная башня въ готическомъ вкусѣ, на верху ея возвышался крестъ, украшенный цвѣтками лилій, въ нишѣ каждой стороны башни были поставлены статуи во весь ростъ громадныхъ размѣровъ—St.-Louis и трехъ его сыновей Philippe III, графа Неверскаго и графа Клермонтскаго. Этотъ интересный монументъ еще стоялъ передъ входомъ въ St.-Lazare до послѣдняго столѣтія. Онъ былъ разрушенъ во время Революціи.

Въ началѣ XVI столѣтія здѣсь поселились каноники-монахи St.-Victor. St.-Lazare въ это время былъ уже богатъ и владѣлъ большими прибыльными угодьями. Монахи зажили роскошно, не отказывая себѣ ни въ чемъ, и скоро реформировали все учрежденіе. Они уничтожили больницу прокаженныхъ и обязались помѣщать и содержать только извѣстное число больныхъ проказой монаховъ. Въ 1632 году монастырь этотъ настолько палъ въ нравственномъ отношеніи, уставъ его настолько ослабъ, что король поручилъ святому Vincent de Paul преобразовать St.-Lazare и возстановить порядокъ и дисциплину. Vincent de Paul поселилъ, въ домѣ отцовъ, миссію подъ именемъ

Congrégation de St.-Lazare. Онъ самъ былъ настоятелемъ этой конгрегаціи и съ святымъ усердіемъ исполнялъ свое назначеніе, подавая личный примѣръ самой суровой подвижности. Этотъ l' Apôtre de la Charité умеръ въ St.-Lazare 27 сентября 1600 года. Показываютъ еще комнату, которая служила ему келіей (въ настоящее время это часовня сестеръ ордена Marie Joseph). Онъ былъ погребенъ въ монастырской Chapelle у подножія главнаго жертвенника. Его могила была открыта 19 февраля 1712 года, и тѣло Святого было найдено совершенно сохранившимся, „весь въ цѣлости, безъ всякаго дурного запаха“, какъ говорилъ протоколъ. Тѣло святого V. d. P. было отдано монахамъ Lazariste, въ 1792 году Девитри, коммисаромъ хорошихъ націоналистовъ (des bien nationaux). Скрытые во время Революціи и затѣмъ ввѣренные до 1805 года сестрамъ de la Charité, монастырь которыхъ помѣщался на улицѣ Vieux-Colombier, останки Святого были торжественно перенесены обратно къ Лазаристамъ (95 rue de Seine) въ 1830 году. Они передъ этимъ были свѣрены и тщательно разсмотрѣны по приказанію парижскаго архіепископа Mgr. de Quelon. Въ церкви P. P. Lazaristes, въ ризницѣ ея за красивой рѣшеткой устроена драгоцѣнная рака, въ которой теперь и находятся мощи St.-Vincent de Paul. Старая церкове Лазаристовъ имѣла главный входъ съ Faubourg Saint Dénis. Она уничтожена въ 1829 году. Существовалъ старинный обычай, унаслѣдованный отъ Saint Louis, выставлять передъ главными вратами этой церкви въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ бренные останки королей Франціи, прежде чѣмъ отнести ихъ въ St.-Dénis. Монахи съ большой церемоніей при громадномъ стеченіи народа торжественно приходили дать покойному публичное разрѣшеніе отъ грѣховъ. Это была обычная остановка между Notre Dame и склепомъ St.-Dénis. Louis XV былъ послѣднимъ королемъ, тѣло котораго принесли также въ St.-Lazare. На мѣстѣ, гдѣ помѣщалась старая церковь, теперь находится зданіе, долгое время служившее кварталу для малолѣтнихъ, а дорога на южную сторону, открывавшаяся на Faubourg St.-Dénis черезъ ворота,—навсегда закрыта.

Документы, сохранившіеся въ національномъ архивѣ, доказываютъ, что въ концѣ XVII вѣка St. Lazare заключалъ въ себѣ тюрьму въ то же самое время, какъ и монастырь. Въ особенности сюда ссылали сумасшедшихъ и расточителей. Слѣдовательно, эта тюрьма служила одновременно и убѣжищемъ для безумныхъ, и исправительнымъ домомъ. Также сюда помѣщали нѣкоторыхъ узниковъ, заключенныхъ по желанію короля. Такъ, въ эту тюрьму попалъ Бомарше; вскорѣ послѣ перваго представленія „свадьбы Фигаро“—онъ былъ посаженъ въ

тюрьму въ 1784 году. Его арестъ вызвалъ въ Парижѣ столько протестовъ, что онъ былъ освобожденъ подъ конецъ третьяго дня.

Сѣченіе плетьми было въ большомъ почетѣ въ St. Lazare. Къ поркѣ прибѣгали не только для укрощенія бѣшенныхъ сумасшедшихъ, но также приводили въ должное чувство и обыкновенныхъ заключенныхъ. Бомарше, все время энергично защищавшійся, былъ высѣченъ. Онъ, несмотря на свое значеніе и большія связи, не избѣгъ тѣмъ не менѣе этого способа исправленія.

Безумные, заключенные въ St. Lazare, получили названіе „святыхъ" и не были иначе извѣстны, какъ подъ таковой насмѣшливой религіозной кличкой.

Безъ сомнѣнія, обращеніе и уходъ за сумасшедшими вызвали это названіе, такъ какъ жестокость и безчеловѣчность по отношенію къ нимъ не имѣли границъ. Этихъ несчастныхъ считали за отродье человѣчества, за людей, въ которыхъ сидитъ нечистая сила, и мучили ихъ безъ всякой жалости.

Послѣ смерти St.-V. d. P. уставъ былъ заново передѣланъ, и монахи снова накопили громадныя богатства. Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, предшествовавшихъ непосредственно революціи, въ то время, какъ Парижскій народъ умиралъ съ голода, монахи не отказывали себѣ ни въ чемъ. Монастырь, одно изъ самыхъ громадныхъ учрежденій въ Парижѣ, занималъ необъятное пространство, тянувшееся отъ улицы Faubourg St. Dénis вплоть до самаго конца улицы d'Hauteville и отъ rue de Paradis вплоть до стѣны d'octroi. Большое помѣщеніе въ монастырѣ служило временной королевской резиденціей, называвшейся le Logis du Roy—королевская гостинница. Короли Франціи останавливались здѣсь во время перваго ихъ въѣзда въ столицу и принимали присягу въ вѣрности отъ монаховъ, иногда они отдыхали тутъ же нѣсколько дней. Le Logis du Roy находилась, говорятъ, тамъ, гдѣ теперь помѣщаются кухни и аппартаменты директора.

Всѣ зданія, еще существующія фасадомъ на Faubourg St Dénis, вплоть до улицы de Paradis, были устроены лазаристами. Они были назначены для громадныхъ гостинницъ, куда лѣтомъ пріѣзжали богатые парижане провести нѣсколько мѣсяцевъ или недѣль отъ городскихъ заботъ, и давали полную иллюзію деревни, благодаря дивному парку монаховъ.

Прелаты, провинціальные преторы, пріѣзжая въ Парижъ, неизмѣнно останавливались здѣсь у добрыхъ отцовъ, которые очень дорого цѣнили свое гостепріимство.

Въ началѣ іюля 1789 года разнесся слухъ, что житницы монастыря содержатъ неизмѣримые запасы хлѣба и муки, а подвалы тонутъ отъ вина.

13 іюля, наканунѣ взятія Бастиліи, толпа, подстрекаемая многочисленными коноводами, направилась къ монастырю, выломала ворота и ворвалась во всѣ помѣщенія. Народныя догадки оказались справедливыми: открыли запасы и хлѣба, и муки, и солонины, и соленій, и вина во множествѣ. Монахи утверждали, что у нихъ ничего нѣтъ, что они не имѣютъ никакой провизіи, однако, изобличенные въ обманѣ, они съ большимъ трудомъ спаслись отъ народной ярости. Начался грандіозный грабежъ; хозяиномъ положенія явилась обезумѣвшая толпа, которая не знала удержу въ проявленіяхъ своего дикаго восторга къ открывшимся богатствамъ, попавшимъ въ ихъ полное распоряженіе. Пили, ѣли, плясали, поджигали библіотеку и картины большой цѣнности, а затѣмъ, чтобы увѣнчать праздникъ, подожгли старинными рукописями и фоліантами житницы и риги. Пожаръ принялъ такіе размѣры, что весь кварталъ цѣликомъ подвергался серьезной опасности.

Закономъ 6 августа 1791 года была учреждена въ помѣщеніи St.-Lazare L'Ecole des Ponts et-Chaussées. Но этотъ законъ не былъ приведенъ въ исполненіе. Старый монастырь теперь вмѣстилъ въ себя одну только тюрьму и, какъ таковой, получилъ множество заключенныхъ и подозрительныхъ личностей. Сентябрскія убійства были послѣднимъ судомъ для многихъ изъ этихъ несчастныхъ, такъ какъ извѣстное число заключенныхъ были зарѣзаны чернью на внутреннемъ дворѣ тюрьмы и въ дверяхъ длиннаго корридора, который послѣ этого получилъ названіе casse-cou. Въ St.-Lazare было нѣсколько знаменитыхъ узниковъ. Изъ числа наиболѣе извѣстныхъ именъ слѣдуетъ упомянуть объ Анри Шенье, который здѣсь въ заключеніи и составилъ свою извѣстную Jeune captive для m-lle Coigny, заключенной рядомъ съ нимъ. Забытый дѣятелями революціи, онъ жилъ тамъ въ теченіи нѣкотораго времени совершенно спокойно, и, можетъ быть, ему удалось бы избѣгнуть смерти, если бы его отецъ и братъ Марія-Іосифъ не посылали въ Comité de surveillance просьбу за просьбой, умоляя о помилованіи. Доставленный 6 Термидора изъ St.-Lazare, онъ былъ осужденъ на смерть Революціоннымъ трибуналомъ и казненъ 7-го.

Кромѣ Анри Шенье, тамъ былъ заключенъ и поэтъ Roucher, привезенный 31 января 1794 года S-t Pélagie, гдѣ пробылъ 7 мѣсяцевъ. Въ трогательныхъ письмахъ къ дочери и женѣ онъ разсказываетъ о своей жизни въ тюрьмѣ и описываетъ всѣ ежедневно происходившія событія.

Что же касается угодій и помѣстій монастыря, то конвентъ, какъ хорошій націоналистъ, раздѣлилъ всю землю на части и продалъ ее по лотамъ.

Послѣ Революціи при консульствѣ St.-Lazare вмѣщалъ въ себѣ тюрьму только для женщинъ и служилъ, какъ административной тюрьмой, такъ и исправительнымъ домомъ.

Это назначеніе неизмѣнно сохраняется съ тѣхъ поръ. Внутренній надзоръ сестрамъ ордена Маріи-Іосифа былъ порученъ съ 1-го января 1856 года.

18 марта 1871 года, когда управленіе было перенесено въ Версалъ, директоръ St.-Lazare, въ силу полученныхъ инструкцій, покинулъ тюрьму. 19 марта зданіе было занято отрядомъ союзниковъ. Раулъ Ригольтъ возложилъ функціи директора на Philippe Hesse, бывшаго раньше лейтенантомъ національной гвардіи.

Монахини ордена Маріи Іосифа остались на своемъ мѣстѣ и, вопреки опасностямъ, коимъ онѣ могли подвергнуться, онѣ отказались снять монашеское одѣяніе. Положеніе ихъ могло бы быть, безъ сомнѣнія, сноснымъ при новомъ директорѣ, который оказался человѣкомъ не плохимъ и умѣвшимъ поддерживать дисциплину и порядокъ, если бы не явились поселиться въ тюрьмѣ по приказанію Rigault'а два субъекта, Brunière de Médicis и Méphisto. Brunière de Médicis, прикомандированный къ кабинету префекта полиціи, былъ назначенъ начальникомъ полиціи нравовъ (service des moeurs). Méphisto же былъ страннымъ, загадочнымъ человѣкомъ; никто не зналъ, откуда онъ появился, и какое его настоящее имя. Онъ былъ назначенъ помощникомъ инспектора тюремъ. Это былъ родъ пугала, желавшаго навести страхъ на весь свѣтъ. Его прозвище подходило къ его театральному смѣшному наряду. Довольно красивой наружности, онъ выдѣлялся необыкновенными усами и прогуливался всегда одѣтый во все красное, весь залитый золотомъ, съ парой огромныхъ пистолетовъ, выглядывавшихъ изъ за цвѣтного шарфа. Онъ постоянно клялся и выражался не иначе, какъ самыми отборными, циничными фразами; а при каждомъ удобномъ случаѣ грозился разстрѣлять весь свѣтъ. И справедливо можно сказать, что его очень боялись... Бѣдныя монашенки трепетали передъ нимъ, какъ листья. Мефисто буквально терроризировалъ ихъ и, кажется, забавлялся ужасомъ сестеръ довольно часто: старая монахиня, сестра Аделаида, которая была здѣсь во время коммуны, отвѣчала на разспросы о немъ съ большимъ еще ужасомъ.

О, Monsieur, говорила она, этотъ человѣкъ совершенно походилъ на чорта!.. Кричалъ и бранился постоянно... Только его и слушали!.. Но по настоящему, это красное чучело вовсе уже не было такимъ ужаснымъ, какимъ оно казалось. И, безъ сомнѣнія, весь шумъ и всю суматоху, которые онъ устраивалъ, были съ цѣлью пустить пыль въ

глаза друзьямъ Commune, чтобы отвлечь подозрѣнія отъ его личности. Онъ игралъ довольно двусмысленную игру между возстаніемъ и Версалемъ. Не разъ былъ посредникомъ между Версальскимъ правленіемъ и нѣкоторыми коммунарами, готовыми продать себя... Такимъ образомъ онъ могъ легко скрыться при вступленіи регулярной арміи.

Брюньеръ и Мефисто, какъ большая часть коммунаровъ, имѣли непреодолимую склонность къ подземнымъ ходамъ. Они были убѣждены, что существуетъ потайной ходъ St. Lazare къ дому сестеръ въ Argenteuil, чорезъ который настоятельница должна была сообщаться съ Версалемъ, поэтому нѣсколько разъ пробовали копать въ разныхъ мѣстахъ. Однажды ночью, они послали за настоятельницей, сестрой Marie-Eléonore и требовали, чтобы она имъ показала, гдѣ входъ въ подземелье. Бѣдная сестра утверждала, что никогда не слыхала о подземныхъ ходахъ. Мефисто кричалъ, шумѣлъ, угрожалъ пистолетомъ... Такія сцены повторялись много разъ [1]).

15 апрѣля Préfecture наконецъ поняла, что эти разыскиванія смѣшны и запретила Брюньеру и Мефисто ихъ продолжать.

Положеніе сестеръ съ каждымъ днемъ становилось затруднительнѣе. Союзники, все возраставшіе, приходили къ нимъ и располагались, какъ у себя дома... Они входили во все и считали себя хозяевами. Однако, всѣ эти люди, какъ разсказывала старая сестра Аделаида, совсѣмъ не разговаривали съ сестрами, хотя обращались съ ними снисходительно, но для того только, чтобы онѣ имъ позволяли дѣлать, что угодно. Сестры рѣшили уйти, но не мѣнять своей монашеской одежды, даже для спасенія жизни. Настоятельницѣ удалось получить отъ префекта Levraud пропускной видъ изъ Парижа въ Argenteuil для себя и своихъ сестеръ, съ тѣмъ условіемъ, что онѣ уйдутъ послѣ того, какъ будутъ назначены на ихъ мѣста новыя лица не изъ духовнаго ордена. Въ понедѣльникъ 17-го новый составъ служащихъ уже работалъ подъ руководствомъ M—me Le Chevalier. Такъ какъ все было устроено, то сестры собрались покинуть St. Lazare, уже ихъ собственная мебель и пожитки были уложены на телѣги, какъ вдругъ явилась шайка союзниковъ (les fédérés), подосланная Commune для того, чтобы задержать настоятельницу. Большая часть сестеръ, которыя наканунѣ отправились незамѣтно небольшими партіями къ обѣднѣ въ ближнія церкви, успѣла пробраться къ вокзалу du Nord; немного времени спустя покинула тюрьму и сама настоятельница мать Marie—

[1]) На самомъ дѣлѣ, въ St. Lazare находится нѣсколько подземныхъ ходовъ, такъ одинъ идетъ отъ кухни и достигаетъ церкви St. Laurent.

Eléonore, съ остальными сестрами, обманувъ союзниковъ, и встрѣтились съ первыми бѣглянками на вокзалѣ. Когда союзники, понявъ, что надъ ними посмѣялись, пустились въ погоню за монахинями,— поѣздъ уже тронулся....

Настоятельница получила 19 апрѣля въ Argenteuil очень любезное письмо отъ гражданина Philippe Hesse, директора St Lazare. съ просьбой вернуться со всѣми сестрами. Она не исполнила его просьбы, тогда Брюньеръ въ ярости предложилъ Raoul Rigault'у пойти въ Argenteuil, разорить всю общину и притащить сестеръ живыми или мертвыми, но Rigault на это не согласился.

Въ концѣ апрѣля, Hesse былъ смѣненъ Pierre—Charles Monton'омъ, который былъ раньше директоромъ въ Mazas'ѣ.

Monton, убѣжденный, что Commune не можетъ долго существовать, хотѣлъ этимъ воспользоваться и повидимому взялъ себѣ девизомъ, „коротко, но хорошо". Онъ давалъ своимъ друзьямъ гастрономическіе обѣды, во время которыхъ лились рѣкой дорогія вина, изъ бывшихъ монастырскихъ запасовъ въ необъятныхъ подвалахъ, устроилъ въ кварталѣ несовершеннолѣтнихъ маленькій гаремъ, гдѣ не было скучно.

Начальники коммуны приходили въ тюрьму подъ предлогомъ приказаній, и ихъ засѣданія продолжались часто всю ночь. Сами союзники легко могли видѣть своихъ подругъ въ Секціяхъ. Отпуски на волю были очень многочисленны: достаточно было знать вліятельнаго гражданина, быть въ хорошихъ отношеніяхъ или съ офицеромъ, или судьей. Даже до отъѣзда сестеръ, въ концѣ Марта, большая часть арестованныхъ была освобождена.

5-го мая вся община сестеръ Sacrés—Coeurs подъ названіемъ Dames—Blanches была заключена въ St. Lazare, въ числѣ 91 человѣка; съ этими сестрами обходились хорошо.

23 мая, Monton, понимая, что близокъ конецъ коммунѣ, отказался отъ своей оффиціальной директорской должности и облачился въ больничный костюмъ съ крестами de Genève на шляпѣ, рукавахъ и груди. Часть тюрьмы была живо обращена въ походный госпиталь, въ которомъ ухаживали и за раненными коммуны. Monton перевязывалъ самъ раны, дежурилъ вмѣстѣ съ остальными.

24-го мая утромъ, часть арміи проникла въ тюрьму. „Гдѣ директоръ"?—закричалъ начальникъ отряда. Никто не двинулся....

Былъ только больничный начальникъ..... Наконецъ, одна служительница показала на Monton'а, котораго и задержали.

На другой день Te Deum было пропѣто въ тюремной церкви въ присутствіи регулярныхъ войскъ. Такъ-же какъ и въ другихъ тюрьмахъ, прежде всего версальскія войска приступили къ казнямъ, которыя продолжались нѣсколько дней. Нужно вѣрить, что эти казни были очень жестоки, такъ какъ въ Journal de M-lle Dumas, члена патроната, мы находимъ, напримѣръ, подъ числомъ 26-го мая слѣдующее „сегодня умерли отъ страха 4 женщины 2-ой секціи. Казнь ужасная!..... Безжалостныя сердца!“.....

Сестры вернулись 5 или 6-го іюня. До самаго этого времени, по словамъ сестры Аделаиды, одежды разстрѣленныхъ еще валялись на дворахъ.

Послѣ волненій 1871 года наступила наконецъ долгожеланная тишина, во время которой начали развиваться тюремныя учрежденія. St- Lazare была переполнена и осужденными судомъ, и административно-заключенными женщинами. Походъ печати и нѣкоторыхъ ученыхъ противъ злоупотребленій police de moeurs, безконтрольности административнаго задержанія и смѣшенія всѣхъ категорій заключенныхъ въ St.-Lazare побудилъ правительство мало-по-малу уступить настойчивымъ требованіямъ общества и предпринять нѣкоторыя мѣры къ преобразованіямъ тюрьмы. Подробности объ этомъ помѣщены выше.

Приложеніе II-е.

Примѣрное распредѣленіе пищи для заключенныхъ здоровыхъ женщинъ въ 1900 году.

(Эту порцію, приведенную въ граммахъ, получаетъ каждая женщина).

Дни.	Хлѣбъ для супа.	Мясо.	Свѣжія овощи для супа.	Картофель.		Сушеныя овощи.		Варево [1]).		Сало.		Масло (коровье).		Пряности (перецъ и пр.)		Соль.	
				Супъ.	Варево [1]).	Супъ.	Варево.	Рисъ.	Лукъ.	Супъ.	Варево.	Супъ.	Варево.	Супъ.	Варево.	Супъ.	Варево.
Понедѣльникъ	120	—	80	50	—	10	120	—	10	12	6	—	—	0,32	0,072	14	6
Вторникъ . .	120	—	80	50	250	10	—	—	10	12	6	—	—	0,32	0,15	14	6
Среда	120	—	80	50	—	10	120	—	10	12	6	—	—	0,32	0,072	14	6
Четвергъ . .	60	120	40	—	—	—	—	60	10	—	5	—	—	0,20	0,03	6	7
Пятница . . .	120	—	80	50	250	10	—	—	10	—	—	14,4	7,2	0,32	0,15	14	6
Суббота . . .	120	—	80	50	—	10	120	—	10	—	—	14,4	7,2	0,32	0,072	14	9
Воскресенье .	60	150	40	—	250	—	—	—	10	—	5	—	—	0,20	0,15	6	6

Ежедневно каждая женщина получаетъ порцію хлѣба, но такъ, чтобы размѣръ этой порціи вмѣстѣ съ порціей хлѣба для супа не превышалъ 800 граммъ. Въ это распредѣленіе не вошли нѣкоторыя части и приправы кушанья, помѣченныя въ распредѣленіи пищи для мужчинъ, напр. бобы, чечевица, прованское масло, уксусъ и пр.—эти мелочи предоставляются уже на усмотрѣніе администраціи отдѣльной тюрьмы. Воскресная пища (т. е., увеличенная нѣсколько) выдается

[1]) Второе блюдо въ обѣдѣ заключенныхъ—„pitance“.

также въ первые два дня Рождества, Пасхи и Троицы, въ 1-ый день Новаго года, 14 іюля и въ остальные немногіе дни праздниковъ. Въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ мясо дается 3 раза въ недѣлю, что зависитъ отъ степени трудности работъ, исполняемыхъ заключенными. Ограниченіе пищи, какъ одинъ изъ видовъ наказаній [1]), допускается въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ въ les Maison d'arrêt въ продолженіи 3-хъ дней; въ les Maisons Centrales въ продолженіи 15 дней. Кухня и провизія ведутся хозяйственнымъ образомъ или сдаются частному предпринимателю.

Приложеніе III-е.

Примѣрное распредѣленіе пищи для заключенныхъ больныхъ женщинъ въ 1900 году.

(Размѣры порціи приведены для каждой женщины).

НАЗВАНІЯ ПИЩИ.	Уменьшенное питаніе [2]).				Увеличенное питаніе.				Замѣчанія.
	1/1 порція [2]).	3/4 порціи.	1/2 порціи.	1/4 порціи.	1/1 порція.	3/4 порціи.	1/2 порціи.	1/4 порціи.	
Супъ (въ децилитрахъ) .	8	6	4	4	8	6	4	4	Супъ при режимѣ уменьшеннаго питанія можетъ быть замѣненъ молокомъ. Хлѣбъ можетъ быть замѣненъ рисомъ или пирогами (les pâtés).
Бѣлый хлѣбъ (въ граммахъ)	500	450	400	250	500	450	400	250	
Суповой хлѣбъ (въ грамм.)	100	80	60	60	100	80	60	60	
Овощи, какъ „варево" (въ децилитрахъ) . . .	8	6	4	4	—	—	—	—	
Яйца	—	3 шт.	2 шт.	2 шт.	—	—	—	—	
Черносливъ (въ граммахъ)	—	—	250	125	—	—	—	—	
Говядина (въ граммахъ)	—	—	—	—	200	130	100	60	
Вино (въ децилитрахъ) .	4	3	2	2	4	3	2	2	

[1]) При описаніи тюрьмы St- Lazare я только вскользъ упомянулъ о наказаніяхъ, потому что въ этой тюрьмѣ не существуетъ никакихъ особыхъ дисциплинарныхъ взысканій за уклоненія отъ режима тюрьмы или неповиновеніе властямъ, кромѣ отдѣленія виновной отъ другихъ или лишенія пищи. Въ другихъ тюрьмахъ есть особая система и свой дисциплинарный судъ.

[2]) Назначеніе режима питанія, опредѣленіе размѣра порціи всецѣло лежитъ на докторахъ, независимо отъ администраціи тюрьмы.

Приложеніе IV-е.

Примѣрное распредѣленіе порцій и цѣнъ тюремной лавки для заключенныхъ женщинъ (aliments supplémentaires-cantine) на 1900 г.

Названія продуктовъ.	Размѣры порціи.	Цѣна въ сантим.
Молоко	Полъ литра	10
Масло свѣжее и соленое . . .	50 грам.	15
Яйца	$1^1/_2$ шт.	10
Жареная рыба	100 грам.	20
Сардины въ маслѣ	2 или 3 шт.	10
Копченая селедка	1 шт.	10
Рагу изъ говядины съ овощами . .	120 грам.	20
Порція свинины (pâté) . . .	80 „	20
Вареныя сосиски	80 „	20
Жиръ вареной говядины (lard bouilli)	45 „	10
Колбаса	60 „	20
Свѣжіе фрукты или консервы . .	Смотря по сезону	10
Вареный чернословъ	100 грам.	10
Патока	150 „	10
Виноградное варенье (raisiné) . .	100 „	10
Различные сыры	50 „	10
Черный кофе	2 децилитр.	5
Лакрица разныхъ сортовъ . . .	35 грам.	10
Чистая соль	150 „	5
Лукъ, чеснокъ, морковь и пр. . .	300 „	5
Вино	1 децилитр.	10
Приготовленный салатъ съ приправой	1 порція	10

Конечно, здѣсь приведенъ далеко не полный перечень продуктовъ, продаваемыхъ въ тюремной лавкѣ. Мнѣ хотѣлось только показать примѣрную расцѣнку и количество продаваемой порціи. Обыкновенно, прейсъ-курантъ лавки утверждается для каждой тюрьмы директоромъ ея по соглашенію съ префектомъ. Въ приведенномъ перечнѣ совершенно нѣтъ цѣнъ на табакъ, марки, принадлежности для куренья (pipes, papier cigarette, briquets etc.) и для туалета, мелочи для обихода (булавки, иголки, пуговицы и пр.) и на другіе товары, которые тоже можно пріобрѣтать въ такихъ лавкахъ за болѣе или менѣе уменьшенную плату. Потребленіе означенныхъ товаровъ всегда находится въ зависимости отъ населенія тюрьмы, почему цѣны назначаются по особому соглашенію съ высшей администраціей. Любопытныя цифры для иллюстраціи подобнаго потребленія: за одинъ мѣсяцъ въ

женской Ліонской тюрьмѣ было продано этихъ товаровъ на 266 фр. 81 сант. при числѣ заключенныхъ 238 челов., въ тюрьмѣ же St. Lazare продали на 641 фр. 55 сант. 289-ти заключеннымъ, причемъ принадлежностей туалета въ Ліонской тюрьмѣ продано было на сумму 7 фр. 95 сант., а въ St. Lazare—на сумму 187 фр. 15 сант. (Эти цифры мнѣ любезно сообщилъ Mr. Emile Boudet, controleur de la Maison centrale de Melun). Лишеніе права покупать въ такихъ лавкахъ составляетъ обычное и довольно суровое наказаніе для заключенныхъ.

Ф. Малининъ.

VI.

ЭЛЕМЕНТЪ ЧУВСТВА ВЪ ИНСТИТУТѢ НАКАЗАНІЯ [1]).

Въ первыхъ числахъ сентября настоящаго года состоялся въ Петербургѣ международный конгресъ криминалистовъ. Присутствовавшіе на этомъ конгресѣ увидѣли передъ собою какъ бы воочію уголовное право въ настоящей, если такъ можно выразиться—въ сегодняшней—стадіи его исторической эволюціи. Изъ вопросовъ всеобъемлющаго, чисто теоретическаго, отвлеченнаго характера былъ поставленъ на очередь кардинальный вопросъ о значеніи въ уголовномъ правѣ психическихъ моментовъ преступленія сравнительно съ его матеріальными послѣдствіями. Широко-научному разсмотрѣнію былъ также подвергнутъ вопросъ о защитѣ на предварительномъ слѣдствіи. Вся остальная часть программы была посвящена чисто практическимъ вопросамъ уголовнаго права. Всего два года тому назадъ состоялся Брюссельскій пенитенціарный конгресъ, а потому вошедшіе въ программу Петербургскаго международнаго конгреса доклады объ условномъ осужденіи, о патронатѣ, малолѣтнихъ преступникахъ и т. д., иллюстрировали главнымъ образомъ то, что сдѣлано въ области практическаго уголовнаго права, т. е. въ области криминальной политики, за послѣдніе два года. Затѣмъ были предложены реформы для ближайшаго будущаго. Словомъ, конгресъ и по программѣ своей, и по тѣмъ резолюціямъ, къ которымъ онъ пришелъ, а главнымъ образомъ по взгля-

[1]) Доложено въ засѣданіи Кіевскаго Юридическаго Общества 25 января настоящаго года.

дамъ и настроенію большинства участниковъ его, явился точнымъ истолкователемъ господствующаго теперь въ наукѣ уголовнаго права эволюціоннаго направленія, причемъ лишній разъ подчеркнулъ, до какихъ крайнихъ эксцессовъ дошло въ этомъ направленіи большинство современныхъ криминалистовъ. „Все безъ исключенія“, еще очень недавно сказалъ одинъ изъ выдающихся современныхъ криминалистовъ, „что намъ теперь кажется въ уголовномъ правѣ великимъ, правильнымъ, все это будетъ казаться нашимъ правнукамъ смѣшнымъ, никуда не годнымъ, предразсудочнымъ и будетъ совершенно низвергнуто“.

Неужели ужъ такъ-таки все, да еще безъ исключенія?

Современное наказаніе являетъ собою весьма сложный конгломератъ всевозможныхъ историческихъ наслоеній. И нѣтъ сомнѣнія, что наказаніе ближайшаго будущаго будетъ совершенно отличаться отъ современнаго намъ наказанія, какъ уголовные кодексы нашего времени отличаются отъ первобытныхъ формъ, которыя принимали наказаніе въ первобытныя для исторіи времена. Но неужели нельзя подмѣтить въ наказаніи на всемъ протяженіи его исторіи ничего такого, что является для него основнымъ элементомъ, сопутствующимъ его во всѣхъ его формахъ и проявленіяхъ? Вѣдь въ другихъ соціальныхъ институтахъ таковой основной элементъ налицо. Такъ, напримѣръ, возьмемъ бракъ. Исторія знаетъ множество различныхъ формъ, которыя принимали общеніе половъ. Отъ поліандріи и полигаміи до римскаго confarreatio или coemptio цѣлая пропасть. Не меньшая пропасть раздѣляетъ римскій бракъ съ бракомъ современнымъ, христіанскимъ. Да и зачѣмъ проникать въ дебри исторіи? Достаточно сравнить современный бракъ въ Турціи съ европейскимъ бракомъ, чтобы имѣть передъ собою два совершенно различныхъ соціальныхъ института, носящихъ лишь одно и то же названіе Но слѣдуетъ ли изъ этого, что въ современномъ бракѣ нѣтъ никакихъ признаковъ прежняго, первобытнаго брака, и что въ свою очередь будущій бракъ не будетъ имѣть ничего общаго съ бракомъ настоящимъ? Ни въ коемъ случаѣ этого не слѣдуетъ: какія бы высокоразумныя и этическія формы бракъ ни принялъ, этому соціальному институту всегда будетъ присуще то прирожденное человѣческому существу чувство, то влеченіе, которое и порождаетъ необходимость брака и той или иной соціальной формы для него. И это чувство является основнымъ элементомъ брака, элементомъ вѣчнымъ, неизмѣннымъ.

Изучая вопросъ объ основаніи наказанія, приходишь къ слѣдующему результату: элементъ никогда не исчезающій, всегда и всюду

наказанію свойственный, уживающійся со всѣми историческими наслоеніями, есть ничто иное, какъ чувство мести. Доказательству этого и посвящена настоящая статья.

Всѣ лучшіе историки уголовнаго права—Тониссенъ, Тиссо, Дю-Буа, Луазелеръ и другіе,—а вслѣдъ за ними и теоретики-криминалисты, единогласно признаютъ, что до эры Моисеева законодательства наказаніе являлось какъ бы законнымъ дѣтищемъ мести, даже какъ бы отождествлялось съ ней. Но, по мнѣнію большинства тѣхъ же историковъ и теоретиковъ, какъ только былъ провозглашенъ принципъ „око за око, зубъ за зубъ“, такъ сейчасъ же, вмѣсто мести, основаніемъ наказанія явилась справедливость. Впрочемъ, Тониссенъ, считая этотъ принципъ воздаянія равнымъ за равное чуть ли не величайшимъ факторомъ на всемъ протяженіи исторіи уголовнаго права, тѣмъ не менѣе не настолько уже увлекается, чтобы считать этотъ принципъ высшей справедливостью. Изъ философовъ до такого увлеченія дошелъ, между прочимъ, Цахаріэ. Да и категорическій императивъ Канта и діалектическое возмездіе Гегеля и эстетическое требованіе наказанія Гербарта, являются въ уголовномъ правѣ въ сущности ничѣмъ инымъ, какъ отождествленіемъ Моисеева принципа съ понятіемъ высшей справедливости.

Нельзя, конечно, отрицать, что принципъ воздаянія равнымъ за равное есть первое ограниченіе необузданнаго, не знающаго себѣ предѣловъ чувства мести. И съ этого момента наказанію, пожалуй, и соотвѣтствуетъ больше терминъ „возмездіе“, нежели терминъ „месть“. Но отождествлять, какъ это дѣлаютъ представители абсолютныхъ теорій, это возмездіе съ абсолютной справедливостью и утверждать, что эта воздающая справедливость есть единственный элементъ, составляющій суть наказанія—это значитъ игнорировать совершенно всѣ тѣ уроки, которые намъ даетъ исторія, это значитъ, другими словами, игнорировать, что наказаніе не есть нѣчто постоянное, и что оно, напротивъ, отражаетъ и преломляетъ въ себѣ, словно призма солнечные лучи, всѣ малѣйшія движенія умственнаго прогресса и соціальной жизни.

Стоило, напримѣръ, появиться Фейербаху, и въ Баварскомъ кодексѣ 1813 года однимъ изъ преобладающихъ элементовъ, входящихъ въ карательную систему этого кодекса, явилось устрашеніе. Но развѣ не ошибался жестоко Фейербахъ, этотъ великій мыслитель, думая, что устрашеніе является въ его кодексѣ единственнымъ элементомъ наказанія? Почему, спрашивается, этотъ кодексъ каралъ убійство болѣе тяжкой карой, чѣмъ кражу, и т. д.? Неужели для того, чтобы устра-

шить и удержать человѣка отъ убійства, нужна, какъ это думалъ Фейербахъ, болѣе тяжкая угроза—кара, нежели для того, чтобы удержать человѣка отъ кражи? Разумъ диктовалъ Фейербаху, что наказаніе должно быть утилитарно, что государство должно такимъ образомъ стремиться если не къ уничтоженію (такъ какъ это pium desiderium), то къ уменьшенію преступности. Но что же, спрашивается, привело Фейербаха къ тому, что онъ назначилъ степень тяжести наказанія въ зависимости отъ рода преступленія? Самъ Фейербахъ мотивировалъ это тѣмъ, что будто бы для цѣлесообразности устрашенія необходимо, чтобы наказаніе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ представляло собой бо́льшее зло, бо́льшее страданіе, нежели причиненное преступленіемъ зло или страданіе. Но такого рода построеніе есть ничѣмъ не обоснованная и не доказанная фикція, стремящаяся во что бы то ни стало объяснить и оправдать логическими, разумными началами сложившійся вѣками порядокъ вещей.

Является самъ собой вопросъ: что же, если не разумъ, могло продиктовать Фейербаху все его построеніе о наказаніи?

Все это, незамѣтно для него самого, ему продиктовало чувство. У чувства свой разумъ—оно реагируетъ по своему собственному масштабу. Уже первобытный дикарь мстилъ тѣмъ ужаснѣе, чѣмъ больше онъ претерпѣвалъ. Конечно, общій коэфиціентъ чувства мести не у всякаго человѣческаго существа одинаковъ—у одного онъ больше, у другого меньше. Но нѣтъ сомнѣнія, что у каждаго индивидуума свойственное ему чувство мести не есть мертвая точка и дифференцируется въ зависимости отъ случаевъ. Такимъ образомъ главнымъ элементомъ карательной системы Фейербаха является месть. Въ этомъ кодексѣ послѣдняя даже не приближается къ понятію возмездія, такъ какъ сплошь и рядомъ, „для устрашенія", за зло обѣщано бо́льшее зло. Очевидно, не только христіанскіе, но даже Моисеевы принципы не проникли еще въ кодексы Фейербаховской поры, и за око полагалось два ока, за зубъ—полтора зуба.

Утилитарная идея Фейербаха сближаетъ нѣсколько его теорію съ такъ назыв. относительными теоріями наказанія, т. е. съ теоріями, которыя въ противоположность Канту, Гегелю и другимъ представителямъ абсолютныхъ теорій, видятъ необходимость наказанія не въ немъ самомъ, а въ цѣляхъ, имъ преслѣдуемыхъ и достигаемыхъ.

Нѣсколько словъ объ этихъ относительныхъ теоріяхъ, стремящихся построить наказаніе на чисто утилитарномъ—добавлю отъ себя—на разумно-утилитарномъ основаніи.

Утилитарный характеръ наказанія можно очень часто констати-

ровать даже въ саморасправѣ дикаря: если нападеніе на него или на его интересы происходитъ такимъ образомъ, что онъ еще можетъ вступить въ борьбу и предотвратить исполненіе задуманнаго нападающимъ, то тогда въ его рефлексѣ есть огромная доля самозащиты. Чувство мести въ такой критическій моментъ почти стушевывается; оно лишь потомъ какъ бы узаконяетъ въ глазахъ оборонявшагося тѣ или иные результаты этой обороны. „Ты хотѣлъ меня убить, такъ вотъ я съ тобой расплатился за это",—таково несомнѣнное психическое состояніе дикаря, наступающаго ногой на убитаго противника. Это ужъ не есть голосъ самозащиты, это ужъ голосъ мести. Такимъ образомъ, уже въ описанномъ рефлексѣ дикаря уживаются два элемента: самозащита и чувство мести.

Итакъ, утилитарныя идеи, породившія такъ называемыя относительныя теоріи, не новы, и являются достояніемъ даже дикаря. И неудивительно: у дикаря есть не только чувства, но и разумъ—чувство диктуетъ месть, разумъ можетъ продиктовать при извѣстныхъ условіяхъ и обстановкѣ самозащиту.

Тѣмъ болѣе нѣтъ сомнѣнія, что тамъ, гдѣ наказаніе уже входитъ въ программу дѣятельности государства, въ немъ всегда есть элементъ утилитарный. И нѣтъ ни одного кодекса, даже изъ самыхъ древнихъ, въ которомъ можно бы было констатировать отсутствіе утилитарныхъ элементовъ. А потому ни греческіе, ни римскіе мыслители-утилитаристы, ни отецъ систематически-научнаго уголовнаго утилитаризма Бентамъ со всѣми его послѣдователями не предложили ничего такого, что было бы ново, неизвѣстно человѣчеству. Они, правда, содѣйствовали бо́льшему упроченію въ кодексахъ утилитарныхъ элементовъ. Но ихъ утвержденія, что наказаніе въ кодексахъ, составленныхъ согласно ихъ воззрѣніямъ, покоится *всецѣло* на утилитарныхъ принципахъ, не выдерживаютъ критики. Я показалъ уже раньше, какъ кодексъ 1813 года, твореніе Фейербаха, опредѣляетъ различныя по тяжести наказанія за различныя по роду преступленія, что отнюдь не вытекаетъ изъ одной идеи устрашенія.

То же самое относится къ другой утилитарной идеѣ—къ идеѣ исправленія.

Неужели на убійцу должно воздѣйствовать исправляющимъ образомъ болѣе тяжкое наказаніе, чѣмъ на вора? И затѣмъ, какое отношеніе къ исправленію имѣетъ смертная казнь—наказаніе, сохраненное въ громадномъ большинствѣ современныхъ намъ кодексовъ за предумышленное убійство? Или, быть можетъ, предумышленный убійца, впервые вступившій на путь преступленія, неисправимъ, а рецидивистъ-

воръ подаетъ надежды на исправленіе? Конечно нѣтъ, и разница въ наказуемости разнаго рода преступленій не можетъ быть никоимъ образомъ объяснена разумными основаніями, такъ какъ въ данномъ случаѣ, какъ я уже говорилъ выше, диктуетъ не разумъ, а чувство.

Дабы покончить съ разновидностями относительныхъ теорій, остается еще сказать нѣсколько словъ о теоріи изолированія общества отъ преступниковъ.

Тотъ, кто пытается найти основаніе наказанія единственно въ идеѣ изолированія, тотъ опять-таки забываетъ, что онъ же самъ, какъ законодатель, никогда не предложилъ бы построить однообразную систему изоляціи для всѣхъ родовъ преступленія или же для всѣхъ разновидностей преступниковъ. А изъ современныхъ наказаній что за изоляція денежный штрафъ вообще, или краткосрочное тюремное заключеніе для прирожденнаго преступника въ частности?

Защитниковъ одного только изъ упомянутыхъ утилитарныхъ принциповъ становится все меньше и меньше; современные представители такъ называемыхъ относительныхъ теорій требуютъ отъ карательной системы, чтобы она соединяла въ себѣ всѣ эти принципы. Я вернусь еще къ этимъ эклектикамъ утилитаризма, когда буду говорить объ антропологической и соціологической школахъ.

До сихъ поръ были бѣгло разсмотрѣны такъ называемыя абсолютныя и относительныя теоріи наказанія. Не считаю нужнымъ касаться теорій смѣшанныхъ, которыя пытались примирить крайности противоположныхъ другъ другу абсолютныхъ и относительныхъ теорій, такъ какъ эти теоріи, являясь суммой слагаемыхъ, изъ которыхъ каждое есть дѣтище одного лишь разума, также не считаются съ чувствами человѣка.

Такимъ образомъ, всѣ разсмотрѣнныя до сихъ поръ теоріи не даютъ удовлетворительнаго отвѣта на то, что такое наказаніе въ своей основѣ.

Множество историческихъ и философскихъ работъ, наглядно доказавшихъ эволюцію элементовъ и смѣну однихъ элементовъ другими во всѣхъ соціальныхъ институтахъ, привело къ совершенному банкротству абсолютныхъ теорій. А потому и въ наукѣ уголовнаго права въ наше время представителей абсолютныхъ теорій крайне мало. Самые видные изъ нихъ—гегеліанецъ Бернеръ и Биндингъ, до нѣкоторой степени послѣдователь Кантовыхъ традицій [1]). Большинство

[1]) Впрочемъ, почти всѣ современные криминалисты, классифицируя теоріи объ основаніи наказанія, относятъ и Бернера, и Биндинга къ представителямъ смѣшанныхъ теорій.

же современныхъ криминалистовъ является приверженцами скорѣе относительныхъ теорій. Но разница современнаго утилитариста съ прежнимъ громадная: въ противоположность второму, первый не пытается ограничить количество входящихъ въ составъ наказанія элементовъ. Болѣе того, большинство современныхъ криминалистовъ идетъ еще дальше и считаетъ, что дальнѣйшая теорія уголовнаго законодательства будетъ представлять постоянную смѣну составныхъ частей наказанія: „πάντα ῥεῖ οὐδὲν μένει", повторяютъ они другими словами знаменитую формулу греческаго философа.

При такой точкѣ зрѣнія весь вопросъ объ основаніи наказанія теряетъ, конечно, свой интересъ, и этимъ именно объясняется, что вопросъ этотъ, вызывавшій чуть ли не ежегодно колоссальную литературу въ прежнія времена, теперь почти совершенно оставленъ.

Впрочемъ, помимо этого современнаго намъ эволюціоннаго увлеченія, смѣнившаго прежнее увлеченіе въ погонѣ за вѣчными истинами, были еще другія причины, вызвавшія охлажденіе къ вопросу объ основаніи наказанія и выдвинувшія на первый планъ другіе вопросы. Эти причины—антропологическія и соціологическія изслѣдованія послѣдняго времени, перенесшія весь центръ тяжести съ вопроса о наказаніи на вопросъ о преступленіи, или вѣрнѣе—на вопросъ о преступникѣ.

Глава антропологической школы, Ломброзо, въ своемъ главномъ трудѣ „Homo delinquente", на основаніи цѣлаго ряда научныхъ изслѣдованій и опытовъ надъ преступниками, предлагаетъ дѣлить послѣднихъ на группы, которыя можно свести къ слѣдующимъ категоріямъ: прирожденные преступники, преступники по привычкѣ или профессіоналы, случайные преступники и ненормальные преступники, т. е. преступники съ какимъ либо органическимъ или психическимъ дефектомъ. Расходясь съ Ломброзо въ частностяхъ, почти того же дѣленія придерживаются другіе представители антропологической школы.

Соціологическая школа ищетъ, напротивъ, причины преступленія не столько въ самомъ индивидуумѣ, сколько въ окружающей его обстановкѣ, въ той или иной средѣ, въ тѣхъ или иныхъ жизненныхъ условіяхъ. Уже Монтескье съ достаточной точностью и подробностью указалъ на это вліяніе среды въ тѣхъ или иныхъ поступкахъ человѣка. Но все же родоначальникомъ этого соціологическаго направленія въ уголовномъ правѣ по справедливости считается знаменитый бельгійскій статистикъ и мыслитель Кеттле. Полнаго расцвѣта достигаетъ соціологическая школа съ появленіемъ изслѣдованій Ферри, Гарофало, Тарда и множества другихъ современныхъ намъ соціологовъ.

Но соціологовъ pur sang теперь почти уже нѣтъ; большинство изъ нихъ примкнуло къ выводамъ антропологической школы и такимъ образомъ господствующей школой является теперь школа антропологическо-соціологическая.

Итакъ, современные криминалисты хотятъ реагировать уже не на преступленіе, а на слѣдующія явленія: прирожденная склонность, а также привычка къ преступленію, случайныя обстоятельства, приводящія къ преступленію, а также болѣзни съ одной стороны; нищета и голодъ, переполненіе городовъ и опустошенія селъ и деревень, развитіе капиталистическаго строя и т. п., съ другой стороны.

Что же предлагаютъ современные криминалисты для борьбы съ только что перечисленными явленіями?

Мѣры, предлагаемыя ими, дѣлятся на двѣ группы: репрессивныя и предупредительныя.

Репрессивныя мѣры предлагаются слѣдующія: для прирожденныхъ преступниковъ—полное изолированіе, для преступниковъ привычки—изолированіе, а иногда и исправленіе, для случайныхъ преступниковъ—исправленіе а иногда и полное освобожденіе отъ наказанія, для больныхъ—леченіе. Такимъ образомъ, эти мѣры сводятся къ комбинировкѣ тѣхъ элементовъ, которые являлись основами такъ называемыхъ относительныхъ теорій.

Что касается мѣръ предупредительныхъ, то онѣ ничего общаго непосредственно съ наказаніемъ не имѣютъ: борьба съ нищетой, борьба противъ капитала и т. п. все это направлено къ тому, чтобы хоть нѣсколько уменьшить количество преступленій. Эти мѣры имѣютъ несомнѣнно огромное значеніе, но для нашего вопроса, т. е. для вопроса объ основаніи наказанія, нѣтъ надобности останавливаться на нихъ.

Итакъ, антропологическо-соціологическая школа никакихъ новыхъ элементовъ въ вопросъ объ основаніи наказанія не вноситъ. Но за то эта школа внесла большой свѣтъ въ ученіе о преступленіи, указавъ на цѣлый рядъ условій, которыя въ отдѣльности или же въ той или иной совокупности порождаютъ преступленіе.

До сихъ поръ я пытался доказать, что всѣ существовавшія и существующія теоріи объ основаніи наказанія строились исключительно на основаніи тѣхъ или иныхъ постулатовъ разума. Но такое полное игнорированіе чувствъ и страстей человѣческихъ возможно только въ теоріи; я указывалъ уже, что какъ только самъ же теоретикъ составлялъ кодексъ, онъ часто, самъ того не зная, отмежевывалъ въ

кодексѣ самое почетное мѣсто чувству мести—этому фундаменту наказанія. Впрочемъ, можно встрѣтить и въ законодательствѣ кое какія попытки изгнанія изъ карательной системы чувственнаго элемента. И я считалъ бы свой очеркъ неполнымъ, если бы не коснулся ни одной изъ этихъ попытокъ, а свои утвержденія объ основномъ элементѣ наказанія необоснованными, если бы я не указалъ на полную несостоятельность и крахъ этихъ вкравшихся въ законодательство исключеній при примѣненіи ихъ судьями какъ коронными, такъ въ особенности народными. Я перейду поэтому къ анализу одного изъ важнѣйшихъ такихъ исключеній, дабы не заслужить упрека въ голословности.

Покушеніе и совершеніе наказываются почти во всѣхъ современныхъ кодексахъ различно. Исключеніемъ является французскій code pénal, который къ § 2 требуетъ тождественнаго наказанія для покушенія и совершенія. Этимъ самымъ какъ бы игнорируется объективная сторона дѣянія и весь центръ тяжести сосредоточивается не на томъ, что сдѣлано, а на томъ, что желалъ преступившій тотъ или иной уголовный законъ. Начало это въ основѣ своей весьма разумно, такъ какъ, напримѣръ, смертельный или несмертельный результатъ нанесенной съ цѣлью убійства раны является почти всегда дѣломъ случая. И казалось бы, что въ судебной практикѣ такое уравненіе наказуемости совершенія и покушенія должно было бы блестяще примѣняться. Посмотримъ, однако, такъ это или нѣтъ.

Code pénal существуетъ и примѣняется почти 100 лѣтъ. И нѣтъ, кажется, ни одного параграфа, который такъ обходился бы на протяженіи этого столѣтія, какъ вышеупомянутый 2-ой параграфъ, т. е. параграфъ, уравнивающій наказуемость совершенія и покушенія. Такъ, напримѣръ, за предумышленное убійство судьи сплошь и рядомъ назначали наибольшее наказаніе—смертную казнь. Если же смертельнаго исхода нѣтъ, т. е. если судьи имѣютъ передъ собою покушеніе на убійство, то всякими обходами наказаніе смягчается: присяжные засѣдатели находятъ смягчающія обстоятельства тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, сознательно искажаютъ факты и т. д., словомъ принимаютъ всѣ возможныя мѣры, чтобы смягчить требованіе 2-го параграфа. А между тѣмъ, наоборотъ, практика тѣхъ государствъ, гдѣ за покушеніе положено меньшее наказаніе, нежели за совершеніе, не обнаруживаетъ ни малѣйшихъ колебаній отъ того, что запечатлѣно законодателемъ въ кодексѣ.

Очевидно, не все то, что разумно, покоится на волѣ большинства. Есть—кромѣ разума еще чувства.

Возьмемъ для большей наглядности два вполнѣ шаблонныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ аналогичныхъ случая.

1) Пьеръ, имѣя умыселъ убить Поля, наноситъ ему ударъ ножемъ. Поль умираетъ.

2) Жанъ, имѣя умыселъ убить Жака, наноситъ ему ударъ ножемъ. Жакъ не умираетъ.

Предположимъ, что и Пьеръ и Жанъ дѣйствовали съ такъ называемымъ предумышленіемъ, предположимъ дальше, что мотивы у Пьера и у Жана были совершенно одни и тѣ же, предположимъ, наконецъ, что сила удара, мѣткость послѣдняго и словомъ всѣ данныя, относящіяся къ условіямъ и обстановкѣ этихъ преступленій, были тождественны, и что Поль умеръ, а Жакъ остался въ живыхъ лишь вслѣдствіе удивительной жизнеспособности Жака.

Пьеръ, представшій передъ cour d'assises, будетъ приговоренъ къ смертной казни, Жанъ же, вопреки кодексу, будетъ приговоренъ тѣмъ же судомъ къ каторжнымъ работамъ.

Въ тѣхъ странахъ, гдѣ кодексы различаютъ по наказуемости покушеніе и совершеніе, два разныхъ приговора для Пьера и Жака еще больше не подлежатъ сомнѣнію.

Да оно и вполнѣ, по моему, естественно: накажите и Пьера, и Жана́ одинаково, приговорите ихъ обоихъ, положимъ, къ каторжнымъ работамъ, и чувство мести людей, близкихъ покойному Полю, будетъ неудовлетворено. Эти люди считаются главнымъ образомъ съ фактами, а не съ умысломъ. И отецъ Поля, если бы онъ узналъ, что Пьеръ и Жанъ наказаны одинаково, считалъ бы себя неудовлетвореннымъ, такъ какъ сына его сосѣда, Жака, „вѣдь только поцарапали", а Поля, „его Поля", уже нѣтъ въ живыхъ.

И большинство законодателей инстинктивно чуетъ, что огромное большинство человѣчества—здоровый, средній, нормальный человѣкъ—проводитъ ясную грань между совершеніемъ и покушеніемъ, а потому этой грани отводится въ кодексахъ мѣсто. Но эти самые законодатели хотятъ во чтобы то ни стало оправдать эту грань разумными основаніями. И сторонникамъ абсолютныхъ теорій это легко: чѣмъ больше вредъ, тѣмъ больше противодѣйствіе. Этотъ объективный взглядъ и послужилъ причиной къ тому, что сторонниковъ абсолютныхъ теорій называютъ также „объективистами". Другое дѣло чистые утилитаристы, которымъ присуще также названіе „субъективистовъ", такъ какъ они считаются главнымъ образомъ со злой волей, т. е. субъективной стороной преступнаго дѣянія: они ничѣмъ не могутъ оправдать различную степень наказуемости покушенія и совершенія.

Ошибка и объективистовъ, и субъективистовъ заключается въ данномъ случаѣ опять таки въ томъ, что они игнорируютъ чувства человѣческія и хотятъ во чтобы то ни стало объяснить все разумными началами.

А между тѣмъ дѣло такъ просто: государство, какъ истолкователь воли большинства, не можетъ не считаться съ этимъ большинствомъ въ тѣхъ функціяхъ, которыя отправлялись когда-то самимъ индивидуумомъ, затѣмъ семьей, племенемъ, и, наконецъ, государствомъ. Оставляя совершенно въ сторонѣ вопросъ о происхожденіи государства, можно во всякомъ случаѣ констатировать ту несомнѣнную истину, что власть государственная беретъ на себя съ теченіемъ времени все больше и больше функцій, исполнявшихся раньше индивидуумомъ. Это есть все тотъ же великій, культурный законъ раздѣленія труда. И въ числѣ обязанностей, выпадающихъ теперь почти всюду на долю государственной власти, находится отправленіе карательной функціи.

Биндингъ такъ хорошо говоритъ въ своихъ „Нормахъ“: „наказаніе не есть право государства, оно есть его обязанность и обязанность тяжелая“. Можно прибавить, что это даже непріятная обязанность, такъ какъ, согласно моей точкѣ зрѣнія, въ своей львиной долѣ, въ своей основѣ она есть обязанность безпристрастно-спокойной, объективной государственной власти мстить за обуреваемыхъ местью индивидуума или его близкихъ. Что послѣднее справедливо, наглядно свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ: во всѣхъ кодексахъ существуетъ рядъ преступленій, преслѣдованіе которыхъ возникаетъ лишь по частной жалобѣ.

Это имѣетъ мѣсто, во первыхъ, по отношенію къ дѣйствіямъ, которыя являются преступными, т. е. способными вызвать серьезную реакцію, далеко не въ глазахъ всѣхъ. Сюда относится, напримѣръ, оскорбленіе словами. Понятіе о чести, какъ о большомъ благѣ, есть удѣлъ меньшинства—у большинства честь имѣетъ въ ряду благъ несравненно меньшее значеніе, нежели жизнь, имущество. И нѣтъ сомнѣнія, что слово „дурень“, напримѣръ, у большинства не вызоветъ большого взрыва негодованія и потребности мести. А потому государственная власть считаетъ возможнымъ не преслѣдовать по собственному почину таковые случаи, предоставляя это преслѣдованіе личной иниціативѣ.

Во вторыхъ, частная жалоба является необходимымъ условіемъ sine qua non въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ преслѣдованіе преступника является мечемъ о двухъ остріяхъ, т. е. влечетъ за собою непріятныя послѣдствія не только для преступника, но и для пострадавшаго. Сюда относятся, напримѣръ, изнасилованіе, семейная кража. Можетъ очень

часто случиться, что изнасилованная дѣвушка или женщина предпочтетъ оставить преступника ненаказаннымъ, дабы избѣжать непріятной, а иногда и ужасной для нея, огласки. Можетъ также еще чаще случиться, что отецъ не пожелаетъ преслѣдовать обокравшаго его сына. И государственная власть спѣшитъ себѣ же сказать въ такихъ случаяхъ „руки прочь": разъ большинство не проникается местью за оскорбленіе словомъ, разъ большинство родителей не обуреваемо чувствомъ мести по отношенію къ обкрадывающимъ ихъ дѣтямъ, разъ у громаднаго процента подвергшихся насилію женщинъ чувство стыда предъ оглаской превышаетъ, заглушаетъ чувство мести, то государство и не считаетъ себя обязаннымъ наказывать.

Очевидно, месть является не только основнымъ элементомъ наказанія, какъ я стремлюсь доказать это въ настоящемъ очеркѣ; она является даже въ наше время главнымъ, преобладающимъ элементомъ наказанія, такъ какъ государственная власть сейчасъ же вспоминаетъ принципъ экономіи карательныхъ средствъ, какъ только есть основаніе думать, что индивидуумъ, быть можетъ, не желаетъ удовлетворенія.

Возможно, что мнѣ на это возразятъ слѣдующимъ: вѣдь есть лица, которымъ чувство мести чуждо и въ другихъ случаяхъ—напримѣръ, при кражѣ, при поджогѣ и т. п.

Но вѣдь таковыхъ самый незначительный процентъ, и государственная власть не можетъ изъ за какого нибудь ничтожнаго меньшинства вводить въ кодексъ выжиданія и колебанія. Разъ въ этихъ случаяхъ громадное, подавляющее большинство людей—здоровые, нормальные представители населенія — алчетъ мести, то государству остается лишь санкціонировать эту бурную волну и дать ей, куда вылиться. Въ противномъ случаѣ волна эта сама прорвется и увлечетъ за собой самое государственную власть: индивидуумъ возвратится къ давно прошедшимъ временамъ и явится самъ исполнителемъ своего чувства мести.

Могутъ еще привести мнѣ такое возраженіе: разъ наказаніе складывается и по сю еще пору главнымъ образомъ изъ мести, то почему же существуетъ тарифъ наказаній, причемъ тарифъ крайне повышенный для преступленій государственныхъ и политическихъ, гдѣ часто даже нѣтъ мѣста для чьей либо единичной, личной мести? Но вѣдь нарушеніе интересовъ государственныхъ и политическихъ, разъ послѣдніе опираются на волю большинства, должно естественно вызвать чувство мести у этого большинства. Такое же массовое чувство мести должно, разумѣется, выразиться въ еще болѣе суровыхъ формахъ, нежели случаи, гдѣ чувство мести является болѣе или менѣе ограниченнымъ, личнымъ.

Изъ всего сказаннаго отнюдь не слѣдуетъ, что роль государства въ вопросѣ наказанія была и есть роль совершенно слѣпая и потому плачевная. Стоитъ, напримѣръ, упомянуть, что уже въ Моисеевомъ законодательствѣ государственная власть беретъ подъ свое покровительство убійцу по неосторожности и скрываетъ его въ спеціальномъ зданіи отъ слѣпой, грубо-объективной, находящейся въ зависимости отъ индивидуальныхъ свойствъ пострадавшихъ, мести родственниковъ убитаго, и уже ясно будетъ, что государство всегда стремилось вводить извѣстную равномѣрность и хоть нѣкоторую разумность при исполненіи карательной функціи.

И надо думать, что съ дальнѣйшимъ движеніемъ прогресса наказаніе въ рукахъ государства будетъ принимать все болѣе и болѣе мягкія и разумныя формы, какъ это наблюдается съ бракомъ и другими соціальными институтами. Но какія бы формы наказаніе ни приняло, оно всегда будетъ покоиться не только на разумѣ, но и на чувствѣ. Я не могу поэтому не выразить своего скептицизма по отношенію къ современному ультра-реформаторскому настроенію большинства криминалистовъ. Есть, конечно, много преходящаго въ основаніи наказанія, но есть и вѣчное. Преходяще прежде всего все то, что относится къ формѣ наказанія. Преходяще и измѣняется также многое, касающееся уже самого содержанія, самой матеріи наказанія. Но есть въ этой матеріи и вѣчное, съ которымъ надо считаться, какимъ бы отталкивающимъ и безсмысленнымъ оно ни представлялось. Въ противномъ случаѣ, разъ тенденціи будутъ въ корнѣ расходиться съ жизненной дѣйствительностью, разъ онѣ будутъ въ корнѣ игнорировать уроки исторіи, то всегда будетъ почва для неисчерпаемыхъ и безконечныхъ контроверзъ.

Между тѣмъ, если стать на защищаемую мною точку зрѣнія, т. е. признать, что есть основной элементъ наказанія и элементъ этотъ— чувство мести, то множество контроверзъ исчезаетъ и тамъ, гдѣ царилъ хаосъ всяческихъ теорій и недоразумѣній, водворилось бы спокойное, покорное отношеніе къ постоянству человѣческихъ чувствъ и страстей наряду съ стремленіемъ дать этимъ чувствамъ и страстямъ наилучшую форму, наилучшую оболочку.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ признаніемъ чувства мести основнымъ элементомъ наказанія, изчезла бы для криминалиста необходимость заявить себя заранѣе, прежде, чѣмъ говорить о наказаніи, индетерминистомъ или детерминистомъ, такъ какъ чувство мести уживается, по моему крайнему убѣжденію, еще больше съ ученіемъ о несвободѣ воли, нежели съ ученіемъ о свободѣ воли: если стать на точку зрѣнія Ломброзо и

всѣхъ вообще детерминистовъ, то можно вѣдь утверждать, что подобно тому, какъ преступленіе составляетъ необходимую принадлежность извѣстнаго незначительнаго процента населенія, вытекая изъ прирожденныхъ, наслѣдственныхъ свойствъ этого незначительнаго меньшинства съ одной стороны и внѣшнихъ условій съ другой стороны, такъ и наказаніе является неопровержимой необходимостью, вытекая изъ свойственныхъ огромному большинству человѣчества страстей и чувствованій, съ одной стороны, и тѣхъ или иныхъ условій общежитія и прогресса съ другой стороны. Какъ преступное, „больное“, „анормальное“, меньшинство не можетъ не совершать преступленій, такъ мстящее, „здоровое“, „нормальное“ большинство не можетъ не мстить.

И это мстящее большинство въ концѣ-концовъ—я надѣюсь—найдетъ своихъ Кеттле и Ломброзо, какъ ихъ нашло совершающее преступленія меньшинство.

А. Д. Марголинъ.

VII.

ЗАДАЧИ УГОЛОВНАГО СУДА НА КАВКАЗѢ.

I. Лжесвидѣтельство и судебная реформа.

Въ эпоху реформъ 60-годовъ, исторія Кавказа представляла собою постоянно одну замѣчательную особенность, имѣвшую рѣшительное вліяніе на судьбу этого края, а именно: — при примѣненіи къ Кавказу какого-либо новаго закона или учрежденія, всегда принимались въ соображенія „мѣстныя особенности“ этого края. Для объясненія роли этихъ особенностей въ нашихъ судьбахъ, достаточно указать на одно то обстоятельство, что, благодаря имъ, Кавказъ сдѣлался еще болѣе изолированнымъ отъ преобразованной Россіи. Эти „особенности“ замедлили у насъ ходъ крестьянской реформы и воспрепятствовали ввести въ краѣ судебныя учрежденія, въ ихъ существенной части, съ судомъ присяжныхъ, съ выборными мировыми судьями, обвинительной камерой и пр. Эти-же „особенности“ не позволили народиться у насъ земскимъ учрежденіямъ, которыми пользуются внутреннія губерніи Россіи уже около 35 лѣтъ.

Каковы, однако-жъ, въ дѣйствительности эти особенности нашего края, которыя ставятъ его ниже Сибири; насколько реальны эти особенности Кавказа и насколько онѣ устранимы или терпимы? — Вотъ вопросы, отъ разрѣшенія которыхъ зависитъ вся будущность богатѣйшей русской окраины, представляющей собою въ настоящее время одинъ вопросительный знакъ, какъ для мѣстныхъ жителей, погруженныхъ въ невѣжество и идущихъ быстрыми шагами къ обѣднѣнію, такъ и для остальной части государства, возложившаго на себя тяжелый и бездоходный грузъ, мѣшающій ему свободно двигаться.

Нельзя не пожалѣть, что до сихъ поръ вопросы эти, поднимавшіеся неоднократно въ административныхъ сферахъ и разрѣшавщіеся тамъ различно, мало подвергались серьезному изслѣдованію въ печати: въ мѣстной—по свойственной ей робости, въ силу извѣстныхъ, дѣйствительно „мѣстныхъ особенностей", а въ столичной — по некомпетентности ея въ дѣлахъ отдаленной окраины.

Главная кавказская особенность, по мнѣнію почти всѣхъ администраторовъ - изслѣдователей, заключается въ крайней дикости туземцевъ, не способныхъ будто-бы пользоваться благами европейской цивилизаціи. Въ доказательство, напримѣръ, невозможности ввести вполнѣ судебную реформу 1864 г. на Кавказѣ указываютъ на распространенность въ этомъ краѣ лжесвидѣтельства на судѣ, благодаря чему оказывается невозможнымъ сколько - нибудь правильное отправленіе правосудія. Дѣйствительно, нельзя сказать, чтобы жизнь не подавала поводовъ къ составленію подобнаго взгляда на состояніе мѣстной нравственности. Лжесвидѣтелей можно найти на всемъ Кавказѣ, не смотря на разноплеменность его населенія, такъ-же легко, какъ находятъ въ остальной Россіи — „свидѣтелей" по бракоразводнымъ дѣламъ; но кавказскіе очень дешевы: рыночная цѣна ихъ, какъ увѣряютъ, упала до 20 копѣекъ... Остановимся на этой особенности, чтобы по ней судить вообще о взглядахъ мѣстныхъ наблюдателей и на всѣ другія мѣстныя особенности. Посмотримъ, такъ-ли сильно распространено на Кавказѣ это позорное явленіе, и гдѣ скрывается его источникъ? Отъ правильнаго отвѣта на эти вопросы зависитъ разъясненіе и того, дѣйствительна - ли или призрачна неспособность кавказцевъ къ гражданственности, т. е. дѣйствительна-ли или призрачна та именно особенность Кавказа, которую такъ часто любятъ подчеркивать дилеттанты-изслѣдователи, и которою любятъ оправдывать бюрократы принятіе мѣръ военной строгости въ такихъ случаяхъ, въ какихъ въ остальной Россіи дѣйствуютъ обыкновенные законы. Лжесвидѣтельство является особенно любимой темой для всѣхъ суровыхъ приговоровъ, произносимыхъ надъ нашимъ малоизвѣстнымъ краемъ, и поэтому оно, по нашему мнѣнію, достойно болѣе внимательнаго изученія, чѣмъ то дѣлалось до сихъ поръ туристами и фельетонистами въ ихъ летучихъ замѣткахъ.

Прежде всего нужно признать, что утвердившееся въ нѣкоторой части общества представленіе о распространенности на Кавказѣ лжесвидѣтельства — крайне преувеличено. Разница между показаніями, данными одними и тѣми - же лицами при полицейскомъ дознаніи, на предварительномъ слѣдствіи, и затѣмъ на судѣ, не можетъ еще слу-

жить достаточнымъ доказательствомъ намѣренной лживости этихъ показаній. Дѣло въ томъ, что сколько-нибудь правильно-организованной сыскной полиціи въ краѣ не существуетъ, а обыкновенный личный составъ полиціи, иногда по недостатку времени, иногда-же по нежеланію отвлечься отъ другихъ своихъ, менѣе головоломныхъ обязанностей, употребляетъ часто весьма нехитрый и допотопный способъ для открытія преступниковъ: всякое подозрительное лицо и окружающихъ его людей она подвергаетъ сильнымъ увѣщаніемъ, сажаетъ въ кутузку, страшитъ угрозами и производитъ давленіе иными путями до тѣхъ поръ, пока они не сознаются въ винѣ, на нихъ взводимой. Затѣмъ, добытыя такимъ образомъ показанія, съ нѣкоторою примѣсью истины, повторяются у судебнаго слѣдователя, который здѣсь является скорѣе агентомъ прокурора и сыщикомъ, чѣмъ судьею. И удивительно ли послѣ этого, что на судѣ тѣ же обвиняемые и свидѣтели, свободные отъ полицейскаго произвола, — а послѣдніе, кромѣ того, подъ вліяніемъ присяги, — даютъ совершенно иныя показанія, чѣмъ при сознаніи и слѣдствіи. Оправданіе судомъ подобныхъ лицъ естественно вызываетъ раздраженіе въ полицейскимъ чинахъ, дѣйствія которыхъ не только признаются неправильными, но и прямо незаконными. Естественно, что въ подобныхъ случаяхъ слышатся со стороны полиціи упреки: лжесвидѣтели-молъ оправдали подсудимаго, и судъ имъ повѣрилъ! Вотъ откуда иногда вытекаетъ преувеличенное понятіе о распространенности на Кавказѣ лжесвидѣтельства.

Но съ другой стороны, нельзя отрицать, что это зло на Кавказѣ, къ сожалѣнію, довольно сильно пустило корни, и можно спорить лишь о томъ, гдѣ скрываются корни такого печальнаго явленія.

Обыкновенно лжесвидѣтельство на Кавказѣ принято объяснять религіозной и національной нетерпимостью и вообще глубокимъ невѣжествомъ, недопускающимъ правильнаго пониманія значенія суда. Предполагаютъ, что мусульманинъ никогда не покажетъ на судѣ противъ своего единовѣрца и въ пользу гяура. Предполагаютъ, что многочисленныя племена, населяющія Кавказъ, до того враждебны другъ къ другу, что преступленіе противъ иноплеменника считается у нихъ не преступленіемъ, а подвигомъ. Предполагаютъ, что туземцы до того неразвиты, что на тяжкія преступленія смотрятъ, какъ на частныя правонарушенія, которыя можно кончить миромъ по соглашенію потерпѣвшей стороны съ преступникомъ, безъ всякаго вмѣшательства суда.

Но въ дѣйствительности, въ массѣ народа трудно замѣтить такую религіозную и племенную вражду, которая уничтожала-бы въ

немъ чувство справедливости. Да и сама природа раздѣлила нашъ край и живущія въ немъ народности такими рѣзкими границами, какъ высокія горы, густые лѣса, глубокіе овраги, которые неспособствуютъ частому передвиженію населенія и не сталкиваютъ между собою различныхъ племенъ. Исключеніе составляютъ только армяне, которые разсѣяны по всему Кавказу, но которые вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо извѣстны своей уживчивостью среди всякой чуждой имъ народности.

Откуда же создалось убѣжденіе, что на Кавказѣ должна существовать серьезная вражда, религіозная и племенная? Не оттого ли, что этотъ край особенно отличается крайнею пестротой своего этнографическаго состава? Не оттого ли, что здѣсь—такая „смѣсь одеждъ и лицъ“? Да, отчасти этотъ внѣшній видъ Кавказа вводитъ въ обманъ всякаго поверхностнаго наблюдателя, отчасти же порождаетъ самое заблужденіе; но дѣйствительно существующая рознь замѣчается только въ нашемъ такъ называемомъ образованномъ обществѣ—въ средѣ чиновничества и купечества. Здѣсь, въ погонѣ за легкой наживой, въ погонѣ за карьерой, побѣжденный, потерявъ равновѣсіе, какъ утопающій хватается за соломинку,—взываетъ къ патріотическому и религіозному чувству своихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ, возстановляя ихъ противъ своего счастливаго соперника—человѣка другой національности и другой религіи. Патріотизмъ и религіозный фанатизмъ всегда имѣется въ запасѣ у слабаго коммерсанта или неудавшагося карьериста. Но и это происходитъ лишь въ городахъ, наиболѣе отличающихся смѣшанностью населенія, и, повторяемъ, главнымъ образомъ, въ среднихъ и высшихъ слояхъ народа. Поверхностные изслѣдователи, не идущіе въ своихъ изслѣдованіяхъ далѣе этихъ слоевъ, конечно, составляютъ о всемъ населеніи Кавказа крайне превратное понятіе.

Кромѣ религіозной и національной нетерпимости, лжесвидѣтельство объясняется еще неразвитостью вообще кавказцевъ. Разные туристы, выдающіе себя за спеціалистовъ-изслѣдователей, а также чиновники, хотя и долго жившіе въ краѣ, но глубже не изучившіе мѣстнаго быта, авторитетно заявляютъ, что кавказцы не понимаютъ смысла преступленія и наказанія и не признаютъ за судомъ его общественнаго значенія. Преступленіе, будто, по мнѣнію туземцевъ, есть подвигъ, а преступникъ—герой, котораго общество не можетъ наказать, и отъ котораго потерпѣвшій имѣетъ право потребовать лишь вознагражденіе за вредъ и убытки. Отсюда-де и создается у народа убѣжденіе, что преступниковъ нужно укрывать отъ преслѣдованія властей и на судѣ нужно показывать всегда въ его пользу.

Этотъ упрекъ адресуютъ не ко всѣмъ кавказскимъ племенамъ одинаково. Обыкновенно грузины и армяне менѣе подвержены подобнымъ обвиненіямъ. Но справедливость требуетъ замѣтить, что обвиненія эти не имѣютъ серьезнаго основанія даже въ отношеніи наименѣе развитыхъ племенъ, напримѣръ, горцевъ. Извѣстно, что у послѣднихъ за воровство, грабежъ и другія преступленія, имѣющія имущественный характеръ, съ виновнаго взыскивается не только вознагражденіе за вредъ и убытки, но и штрафъ въ пользу общеполезныхъ дѣлъ сельскаго общества или племени, а такой штрафъ нельзя не признать такимъ же наказаніемъ для горцевъ, вообще бѣдныхъ деньгами, какъ для насъ—тюремное заключеніе, ссылка и даже каторга. Тутъ примѣняется пословица: бей мужика не дубьемъ, а рублемъ. Можно даже сказать, что наши наказанія едва ли покажутся горцамъ такими же суровыми, какъ существующіе у нихъ штрафы: лишеніе свободы не можетъ быть слишкомъ чувствительно для человѣка, свобода движенія котораго крайне органичена самой природой и отсутствіемъ сколько нибудь сносныхъ путей сообщенія. Тяжелый физическій трудъ, являющійся для европейцевъ тяжелымъ наказаніемъ, едва ли покажется необычайнымъ человѣку, привыкшему къ такому труду еще съ дѣтства.

Точно также нельзя утверждать, что кавказцы, не признавая преступленія и наказанія, не признаютъ и судъ уголовный, судъ, имѣющій характеръ правительственнаго карательнаго органа. Даже туристы, смотрѣвшіе на кавказскихъ горцевъ, какъ на австралійскихъ дикарей, не скрываютъ, что у нихъ, у горцевъ, съиздавна существуютъ третейскіе суды, которые разбираютъ всевозможныя гражданскія и уголовныя дѣла, и что кровавая месть является лишь въ случаѣ уклоненія отъ суда.

На это послѣднее обстоятельство, а именно, на существованіе родовой мести обыкновенно указываютъ, какъ на отрицаніе горцами значенія суда. Между тѣмъ, въ дѣйствительности это явленіе имѣетъ совершенно случайный и временный характеръ. Оно имѣетъ мѣсто только при отсутствіи въ краѣ правильно организованнаго суда, когда мирные жители *принуждены* прибѣгать къ самосуду. Шамилю, какъ извѣстно, удалось значительно ослабить обычай кровавой мести учрежденіемъ духовныхъ судовъ, которые разбирали дѣла, подававшія прежде поводъ къ самораспра́вѣ. Шамиль написалъ книгу общихъ законовъ, опредѣлявшихъ разныя наказанія за преступленія. Наказанія, большею частью, состояли въ денежной пенѣ, и изрѣдка—въ тюремномъ заключеніи и смертной казни. Въ послѣднемъ случаѣ осужденный иногда лишался чести и передавался палачу Словомъ, горцы

доказали, что и они способны воспринять ту цивилизацію, въ непричастности къ которой такъ сильно ихъ упрекаютъ весьма многіе туристы.

Въ доказательство того, что родовая месть и всякая подобная саморасправа не вытекаетъ изъ коренного характера туземцевъ, можно еще указать на успѣхъ, съ какимъ русскія власти достигли примиренія многихъ горскихъ родовъ, враждовавшихъ между собой искони. Такъ, извѣстно, что въ 1865 г. въ Дагестанской области, изъ числа 626 случаевъ, подобная вражда окончена примиреніемъ въ 542 случаяхъ.

Вообще саморасправа исчезала у горцевъ само собой и прежде, какъ только водворялась у нихъ прочная власть. Въ Дагестанской области, напримѣръ, судъ по адату (по обычаю) строжайше воспрещалъ потерпѣвшему входить съ воромъ въ соглашеніе самостоятельно, помимо суда. Съ нарушителя этого обычая взыскивался штрафъ, и онъ лишался права на полученіе удовлетворенія отъ вора. Туземные суды не чужды даже нѣкоторыхъ тонкостей европейскихъ уголовныхъ кодексовъ: такъ, напр., въ той же Дагестанской области, при опредѣленіи наказаній, судъ по адату обращаетъ вниманіе на степень умысла въ содѣянномъ преступленіи (въ особенности въ дѣлахъ о поджогахъ).

Словомъ, вся разница въ воззрѣніяхъ европейцевъ и кавказцевъ въ этомъ отношеніи заключается лишь во внѣшности, а не въ сущности. Какъ у европейцевъ, такъ и у насъ, кавказцевъ, взглядъ на добро и зло одинъ и тотъ же, формы же суда и опредѣляемыхъ имъ наказаній—разныя, сообразныя природѣ, историческому складу и современному быту каждаго племени особо. До чего шатки основанія, изъ которыхъ выводятъ обыкновенно заключеніе, что туземцы не понимаютъ различія между понятіями о преступленіи и объ ординарномъ гражданскомъ правонарушеніи,—читатель можетъ видѣть на слѣдующемъ примѣрѣ. Грабежъ, какъ объясняютъ наши дилетанты по изученію обычнаго права кавказскихъ горцевъ, не считается у послѣднихъ преступленіемъ, и заключеніе это выводятъ изъ того обстоятельства, что ограбленный, по мѣстнымъ обычаямъ, тогда только можетъ требовать удовлетворенія, когда узнаетъ грабителя. При этомъ гг. дилетантами забывается, что и у европейцевъ никого нельзя обвинить въ преступленіи, пока нѣтъ на-лицо серьезныхъ уликъ, которыя обыкновенно добываются или случайно при слѣдствіи и судѣ, или сыскной полиціей, или самимъ потерпѣвшимъ. У горцевъ нѣтъ сыскной полиціи, ея нѣтъ до сихъ поръ на Кавказѣ и у русскихъ

властей, и остается единственный выходъ — ожидать отъ потерпѣвшаго представленія такой важной улики, какъ его собственное указаніе на лицо виновнаго [1]).

Распространенность у насъ лжесвидѣтельства также нельзя объяснять непризнаніемъ кавказцами, по свойственной будто имъ неразвитости, значенія судебной присяги. Исконн вѣковъ, на Кавказѣ, присягу вообще и на судѣ въ особенности свято чтили, и показаніямъ, даннымъ подъ присягой, давалось на судѣ рѣшающее значеніе. Такъ, извѣстно, что и до сихъ поръ въ судахъ по шаріату [2]) и истецъ, и отвѣтчикъ приводятся къ присягѣ, и на основаніи данныхъ такимъ образомъ показаній постановляется приговоръ. Еще примѣръ. Даже люди, считающіе чуть ли не всѣхъ осетинъ (одно изъ многочисленныхъ горскихъ племенъ) поголовно преступниками, утверждаютъ, что они, эти дикари, свято соблюдали обычнымъ порядкомъ даваемыя присяги, и потому лжеприсяга у нихъ прежде никогда не встрѣчалась.

Все вышеприведенное имѣло цѣлью доказать, что взглядъ на лжесвидѣтельство, какъ на неизбѣжное послѣдствіе религіозной и національной нетерпимости кавказцевъ и дикости ихъ нравовъ, имѣетъ мало основанія. Приводимъ еще одинъ аргументъ противъ этого взгляда. Народы, населяющіе Кавказъ, имѣютъ богатое историческое прошлое и историческими судьбами были связаны какъ съ древнимъ, такъ и съ новымъ, христіанскимъ и магометанскимъ міромъ.

Смотрѣть на эти племена, какъ на австралійскихъ дикарей—крупная ошибка, способная вызывать не менѣе крупныя недоразумѣнія. Ошибка эта, къ сожалѣнію, часто допускалась чиновниками, попавшими къ намъ по влеченію къ быстрой карьерѣ и крупнымъ окладамъ. Они мало заботились объ изученіи обычаевъ, характера и языка населенія, среди котораго приходилось имъ отправлять правосудіе, и утѣшали себя мыслью, что мѣстные жители—дикари, изучать которыхъ незачѣмъ и церемониться съ которыми—излишняя деликатность. Такіе субъекты сами превратились въ тѣхъ башибузуковъ, каковыми ошибочно считаютъ они туземцевъ, и эти-то башибузуки и дискредитируютъ главнымъ образомъ русскую власть среди туземцевъ. Судьи, не понимающіе языка тѣхъ, съ которыми имъ приходилось имѣть дѣло постоянно, ежедневно, чуть ли не ежечасно, и отправляющіе

[1]) Ср. ст. В. Иваненко о преступности на Кавказѣ (см. „Нов. Обозр.", 1899 г., отъ 26 февр., 21 марта, 4, 27 и 29 апрѣля).

[2]) Духовный судъ у горцевъ, рѣшающій дѣла, касающіяся религіи, семейныхъ отношеній, завѣщаній, наслѣдства и нѣкоторыхъ гражданскихъ исковъ.

правосудіе черезъ безграмотныхъ толмачей,—попали у насъ на сцену въ анекдоты, въ поговорки, разыгрывая вездѣ роль оффенбаховскаго Калхаса. „Избави Богъ насъ отъ этакихъ судей“, говорили нерѣдко въ душѣ, призванные въ судъ свидѣтели, которые по этому и считали своимъ гражданскимъ долгомъ укрыть отъ нихъ всякаго, попавшаго на скамью подсудимыхъ. Можетъ быть, подсудимый—преступникъ крупный, но, не довѣряя судьѣ, туземецъ убѣжденъ, что тотъ пострадаетъ отъ него свыше мѣры. Отсюда одинъ шагъ до лжесвидѣтельства. Приводимъ два бьющихъ въ глаза факта. Одинъ изъ изслѣдователей Кавказа А. В. Комаровъ, свидѣтельствуетъ, что въ 1840 г., въ тѣхъ мѣстахъ Дагестанской области, гдѣ еще не былъ введенъ судъ по адатамъ (мѣстнымъ юридическимъ обычаямъ) и дѣйствовали общіе законы, „каждый убійца, ожидая наказанія по русскимъ законамъ, удалялся въ вольныя общества, которыя принимали его охотно, какъ гонимаго за правду“. Оффиціальная газета „Кавказъ“ весьма категорически заявила, что тамъ, гдѣ правосудіе отправляется коронными судьями, населеніемъ было подано множество жалобъ на судъ объѣзжавшему край главноначальствующему, князю Дондукову-Корсакову, между тѣмъ какъ подобныхъ жалобъ вовсе не было тамъ, гдѣ судьи выбираются изъ мѣстныхъ жителей (въ Закатальскомъ округѣ, напримѣръ).

Переходя, въ частности, къ лжесвидѣтельству, нельзя не замѣтить, что оно пустило корни главнымъ образомъ въ тѣхъ мусульманскихъ провинціяхъ Закавказья, въ которыхъ судопроизводство ведется по общимъ законамъ, и развилось помянутое зло именно въ этихъ мѣстахъ потому, что тамъ въ судахъ, существовавшихъ до русскаго владычества, свидѣтели никогда не принимали присяги, и принятая ими присяга всегда считалась и до настоящаго времени считается недѣйствительной. Свидѣтелями прежде приглашались въ судъ лишь лица, достойныя особаго довѣрія, пользовавшіяся всеобщимъ уваженіемъ, и показанія такихъ лицъ имѣли большое значеніе и безъ присяги. Присягу же принимали иногда потерпѣвшіе, иногда обвиняемые, иногда же и тѣ, и другіе вмѣстѣ.

Вообще между судомъ и тяжущимися чувствуется у насъ всегда какое-то взаимное непониманіе, доходящее иногда до крайней степени. Образовалась между ними довольно глубокая пропасть, черезъ которую, однако, легко перекинуть мостъ. Такимъ мостомъ можетъ служить близкое ознакомленіе оффиціальныхъ дѣятелей съ бытомъ и языкомъ туземцевъ. Такимъ мостомъ можетъ явиться и судъ присяжныхъ. Къ сожалѣнію, это учрежденіе встрѣчаетъ у насъ много-

численныхъ враговъ. Противъ него высказываются, во первыхъ, тѣ же поверхностные наблюдатели, которые считаютъ Кавказъ ареной для безконечной и ожесточенной религіозной и племенной борьбы. Противниками суда присяжныхъ являются и тѣ, которые имѣютъ преувеличенное понятіе о нашемъ многоязычіи. Однако, какая бы пестрота ни существовала въ этнографіи и лингвистикѣ Кавказа, нельзя отрицать того факта, что каждая народность, говорящая на особомъ языкѣ, имѣетъ свой особый участокъ съ болѣе или менѣе однороднымъ составомъ населенія. Каждый уѣздъ, каждый округъ и даже каждая губернія имѣютъ свой господствующій языкъ, который очень хорошо понимается огромнымъ большинствомъ жителей Такъ, напр., грузины составляютъ громадное большинство населенія Кутаисской и Тифлисской губерній (за исключеніемъ южной части) и Батумской области (грузины-магометане), Бакинская и половина Эриванской и Елисаветпольской губерній имѣютъ сплошное мусульманское населеніе, въ Ставропольской губерніи живутъ почти исключительно русскіе и т. д. Одни армяне болѣе или менѣе разсѣяны по всему краю (во всѣхъ торговыхъ центрахъ). Но и они не могутъ служить препятствіемъ къ введенію у насъ суда присяжныхъ на мѣстномъ языкѣ, такъ какъ они хорошо всѣмъ извѣстны своею способностью скоро приноровляться къ окружающей ихъ средѣ. Коммерція научила армянъ обладать не только гибкимъ характеромъ, но и особымъ талантомъ,—быстро изучать всякіе языки и даже нарѣчія. Тамъ же, гдѣ живетъ сплошное армянское населеніе, армяне-присяжные будутъ обращаться къ свидѣтелямъ и подсудимымъ на ихъ родномъ, армянскомъ языкѣ.

Итакъ, говоря о лжесвидѣтельствѣ, фанатизмѣ, дикости кавказцевъ и другихъ мѣстныхъ особенностяхъ края, приходимъ къ заключенію, что вреднѣе всѣхъ перечисленныхъ особенностей та, дѣйствительно мѣстная, особенность, которая выражается въ полной разобщенности мѣстнаго чиновничества съ міромъ туземцевъ, и должно стараться прежде всего объ устраненіи этого зла, вызывающаго не менѣе его нежелательныя особенности, въ родѣ лжесвидѣтельства.

Вообще, слѣдовало бы признать за аксіому, что тамъ не можетъ быть сколько-нибудь правильнаго судопроизводства, гдѣ судьи изображаютъ собой глухонѣмыхъ, т. е. не знаютъ ни мѣстнаго языка, ни мѣстныхъ обычаевъ и вѣрованій, ни другихъ условій мѣстной жизни. Это прекрасно развито въ рѣчи В. Д. Спасовича на 35-лѣтнемъ юбилѣе суд. уставовъ 1864 г. (см. „Право“ № 48, 1899 г.).

Неудобства отъ отсутствія суда присяжныхъ на Кавказѣ въ пер-

вое время судебной реформы смягчались введеніемъ въ коронный судъ, въ качествѣ членовъ окр судовъ, мировыхъ судей или судебныхъ слѣдователей, туземцевъ или русскихъ, родившихся на мѣстѣ и хорошо знакомыхъ съ условіями мѣстной жизни. Но уже съ 1883 г., по соглашенію покойнаго Главноначальствующаго гражд. частью на Кавказѣ кн. Дондукова-Корсакова съ министерствомъ юстиціи, доступъ въ судебное вѣдомство для мѣстныхъ уроженцевъ былъ значительно ограниченъ. Даже тѣ немногіе судьи—мѣстные уроженцы, которыхъ мы еще встрѣчаемъ въ Закавказьѣ, мало чѣмъ отличаются отъ вновь пріѣзжихъ судей, такъ какъ по заведенной здѣсь системѣ грузины назначаются въ мѣстности съ чуждымъ имъ мусульманскимъ или армянскимъ населеніемъ, армяне—въ мѣстности съ грузинскимъ населеніемъ и пр.

Такая система едва ли можетъ обезпечить за судомъ довѣріе населенія и содѣйствіе послѣдняго въ раскрытіи преступленій.

Одно время (1894 г.) много надеждъ возлагалось на вновь введенный на Кавказѣ институтъ почетныхъ мировыхъ судей. Полагали, что съ нимъ устранится вышеупомянутый пробѣлъ, полагали, что судьи эти будутъ понимать населеніе. Но это не оправдалось. Въ почетные мировые судьи назначаются не представители общества, а чиновники, притомъ большею частью не изъ мѣстныхъ жителей, слѣдовательно, такъ же чуждые мѣстному населенію, какъ и профессіональные судьи. Въ составѣ почетн. мир. судей на Кавказѣ имѣется лишь нѣсколько человѣкъ изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, а изъ городскихъ сословій нѣтъ никого.

Говоря о пропасти между бюрократическою и общественной сферой, мы, однако-жъ, имѣемъ въ виду не одинъ нашъ судебный персоналъ. Необходимо обратить вниманіе и на тѣ ошибки, которыя допускались мѣстной администраціею при личныхъ назначеніяхъ по полиціи,—ошибки, проистекающія главнымъ образомъ опять по незнакомству власти съ мѣстнымъ обществомъ. Случалось, что назначались приставами—члены шайки (извѣстное дѣло Шамхорскаго). Между тѣмъ полиція у насъ имѣетъ гораздо большее значеніе, чѣмъ гдѣ-либо. Близость границъ позволяетъ преступникамъ легко укрываться отъ преслѣдованій и снова появляться къ намъ, наводя ужасъ на свидѣтелей, вызванныхъ въ судъ по ихъ дѣламъ. Здѣсь свидѣтели, терроризованные непойманными разбойниками, рѣшаются на лжесвидѣтельство лишь изъ чувства самоохраненія, свойственнаго каждому смертному; да и въ Россіи хорошо знаютъ, какъ свидѣтели неохотно показываютъ противъ конокрадовъ и по отношенію ихъ предпочитаютъ суду такія мѣры, къ какимъ прибѣгаютъ и горцы.

Не даетъ ли все это поводъ предполагать, что и другія такъ-называемыя „мѣстныя особенности“ Кавказа, тормозящія введеніе у насъ всякой благой реформы, являются естественнымъ послѣдствіемъ слишкомъ малаго знакомства мѣстныхъ дѣятелей съ многосложной жизнью этой важной окраины.

Заканчивая настоящій очеркъ лжесвидѣтельства на Кавказѣ, хочется сказать два слова и объ отношеніи печати къ этому печальному явленію.

Въ апрѣльской книжкѣ „Журнала министерства юстиціи“ за 1899 г. была напечатана коротенькая замѣтка г. фонъ-Резона, бывшаго предсѣдателя Кутаисскаго окружнаго суда.

Тема замѣтки—заѣзженная, и попадись она въ мѣстныхъ или столичныхъ газетахъ, едва ли кто бы ее прочелъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто не писалъ о лжесвидѣтельствѣ въ Закавказьѣ? И все писали и пишутъ одно и то же; народъ тамъ, молъ, дикій, въ Бога не вѣруетъ, присяги не признаетъ, за 20 коп. кого угодно въ Сибирь сошлетъ, а за четвертакъ убійцу обѣлитъ. Народъ—дикій. Таковъ приговоръ и баста.

Но думалось, что это—приговоръ улицы, приговоръ, лишенный всякаго смысла. И, дѣйствительно, какъ бы ни былъ дикъ народъ, у него все же есть своя вѣра, и передъ своимъ Богомъ онъ не солжетъ. Это наблюдается и въ Африкѣ, и въ Австраліи, и вообще во всѣхъ даже самыхъ дикихъ странахъ. Слѣдовательно, дикость въ вопросѣ о кавказскомъ лжесвидѣтельствѣ—совершенно не при чемъ. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, предположить, чтобы грузинъ или армянинъ былъ по природѣ своей такъ мало развитъ, чтобы не понимать святости присяги. Нельзя же предположить, чтобъ онъ былъ ниже кафра или готтентота.

Думать такъ—значитъ быть глубоко невѣжественнымъ человѣкомъ или страдать сверхчеловѣческою антипатіею къ кавказскому населенію. И то, и другое въ достаточной долѣ найдется въ публицистахъ извѣстнаго пошиба, и, повторяемъ, ихъ писаніямъ едва ли кто придаетъ большое значеніе.

Совсѣмъ не того ожидали мы отъ замѣтки г. фонъ-Резона. Достаточно было знать, что г. фонъ-Резонъ—образованный человѣкъ и не считаетъ, вообще, порокомъ высказывать просвѣщенный взглядъ, взглядъ юриста, безъ примѣси доморощенной политики.

Г. фонъ-Резонъ избѣгаетъ повторять ходячій вздоръ: народъ дикъ, въ Бога не вѣруетъ и пр., и пр. Онъ прежде всего ищетъ реальныя причины, а затѣмъ предлагаетъ противъ зла тоже реальныя средства

борьбы. Онъ, такимъ образомъ, совсѣмъ непохожъ на „ташкентца“, который, ссылаясь на якобы дикость населенія, спѣшитъ спроектировать совершенно дикія мѣры: необходимо, молъ, клинъ клиномъ вышибать.

Говоримъ это, несмотря на нашу несолидарность со многими, почти со всѣми взглядами г. фонъ-Резона. Но среди своихъ принципіальныхъ противниковъ пріятно выдѣлять образованныхъ и добросовѣстныхъ людей, которые не ограничиваются нервнымъ выкрикиваніемъ смертныхъ приговоровъ надъ цѣлыми народами, живущими многіе вѣка культурною жизнью. Пріятно поспорить съ человѣкомъ, который не нервничаетъ, а спокойно разсуждаетъ, приводитъ доводы, старается убѣдить,—съ человѣкомъ, который не ослѣпленъ злыми помыслами, а съ хладнокровіемъ судьи ищетъ одну лишь истину.

Г. фонъ-Резонъ, прежде чѣмъ высказать свое сужденіе о закавказскомъ лжесвидѣтельствѣ, считаетъ своимъ долгомъ прислушаться къ голосу народа.

Пусть народъ этотъ одержимъ неизлѣчимыми пороками, пусть весь народъ преступенъ, но его все же нужно выслушать, прежде чѣмъ осудить. Г. фонъ-Резонъ не хочетъ отступить отъ этого элементарнаго пріема судьи. Онъ, прежде чѣмъ произнести приговоръ, прислушивается, что народъ приводитъ въ свое оправданіе.

„Мнѣ указали, пишетъ г. фонъ-Резонъ, на то, что этотъ прискорбный фактъ (лжесвидѣтельство) обусловливается отчасти тѣмъ, что въ судѣ присяга требуется иногда отъ лицъ, которыя по своимъ взглядамъ не должны были бы присягать (напримѣръ, молочные братья подсудимаго), а затѣмъ, и это причина болѣе общая, что самая форма присяги, установленная судебными уставами для христіанъ, не соотвѣтствуетъ религіознымъ понятіямъ мѣстнаго населенія, а именно: прежде присягали предъ особо-чтимой народомъ иконой, и тогда показаніямъ можно было дать полную вѣру; присягѣ же предъ крестомъ и евангеліемъ свидѣтели не придаютъ особеннаго значенія и не считаютъ этой присяги для себя обязательной“.

Приведя эти объясненія, г. фонъ-Резонъ находитъ ихъ недостаточными. Дѣйствительно, говоритъ онъ, такіе случаи бываютъ, но они немногочисленны. Это замѣчаніе совершенно правильно. Иеретины, по свойственной имъ деликатности, умолчали о важнѣйшей причинѣ лжесвидѣтельства, умолчали, вѣроятно, изъ нежеланія задѣть въ авторѣ самолюбіе профессіональнаго судьи. И мы пока умолчимъ объ этой причинѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ онъ, вышеуказанныя причины нужно

принять во вниманіе и законъ приспособить къ понятіямъ населенія о присягѣ. „Но не слѣдуетъ забывать, что эти мѣры могутъ имѣть только частичное значеніе".

Корень зла лежитъ гораздо глубже. Недостовѣрность свидѣтельскихъ показаній, лжеприсяга основывается въ концѣ-концовъ на отсутствіи въ населеніи сознанія, что говорить правду предъ судомъ есть обязанность всякаго, и что нарушеніе этой обязанности, особенно если она освящена принятіемъ присяги, составляетъ не только наказуемое дѣяніе, но и нарушеніе самыхъ серьезныхъ нравственныхъ и религіозныхъ обязанностей. Отсутствіе этого сознанія можно объяснить, съ одной стороны, исторіею Закавказья, пережитыми въ теченіе многихъ столѣтій христіанскимъ населеніемъ тяжелыми испытаніями, пріучившими его въ силу необходимости скорѣе скрывать истину, чѣмъ обнаружить ее, а съ другой—неприготовленностью и нежеланіемъ нехристіанскаго элемента сообразоваться съ требованіями культурнаго государства.

Но г. фонъ-Резонъ, какъ просвѣщенный человѣкъ, боится подобныхъ бездоказательныхъ, огульныхъ обвиненій и тутъ же, въ примѣчаніи, спѣшитъ прибавить слѣдующее:

Нельзя, однако не указать на замѣченный мною фактъ, который какъ будто доказываетъ, что жители Закавказья, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, до сихъ поръ относятся съ уваженіемъ къ присягѣ; а именно, въ одномъ мировомъ отдѣлѣ Кутаисской губ. сравнительное большое число гражданскихъ дѣлъ (сколько я помню—приблизительно до 50 въ годъ) рѣшалось еще недавно на основаніи присяги сторонъ. Чѣмъ вызывается этотъ фактъ и почему онъ замѣчается именно въ этой мѣстности, мнѣ никто разъяснить не могъ; мое предположеніе, что онъ объясняется вліяніемъ мѣстнаго судьи, оказалось неосновательнымъ.

Несмотря, однако, на это недоумѣніе авторъ находитъ, что для искорененія лжесвидѣтельства необходимо „перевоспитать" народъ. А такъ какъ на это потребуется „не недѣли и мѣсяцы, а десятки лѣтъ и, можетъ быть, столѣтія", то авторъ изыскиваетъ „мѣру, оказывающую болѣе быстрое дѣйствіе".

А вотъ и эта энергичная мѣра.

Необходимо дать закавказскимъ судамъ право въ случаѣ ложнаго показанія свидѣтеля, немедленно приступить къ изслѣдованію преступнаго факта и къ задержанію подъ стражею обвиняемаго, какъ это право признано за французскими и нѣмецкими судами (330 ст. Code d'instr. crim., 185 ст. Ger-Verf.-Ges.), и кромѣ того уполномочить компетентный судъ немедленно приступить къ рѣшенію даннаго обвиненія.

Подобная мѣра, доказывающая, какъ серьезно относится государство къ ложному показанію, убѣдитъ всѣхъ жителей Закавказья, безъ различія происхожденія и религіи, что показывать правду на судѣ есть одна изъ несомнѣнныхъ обязанностей всѣхъ подданныхъ, неисполненіе которой повлечетъ за собой съ необходимостью такую же кару, какъ нарушеніе другихъ велѣній государства. Это убѣжденіе будетъ и первымъ шагомъ къ пониманію, что лжесвидѣтельство противорѣчитъ требованіямъ нравственности и религіи.

Едва ли кто, однако, будетъ придавать большое значеніе карательнымъ мѣрамъ. Онѣ несомнѣнно имѣютъ репрессивный характеръ, но вырвать съ корнемъ не могутъ зло, пустившее глубокіе корни въ народѣ.

Но если даже повѣрить, что предлагаемая карательная мѣра имѣетъ всеисцѣляющее значеніе, то и въ такомъ случаѣ положеніе вещей не измѣнится. Вѣдь прежде чѣмъ примѣнить ту или иную мѣру наказанія, необходимо найти преступника. А легко ли изобличить лжесвидѣтеля. Показанія противорѣчивы, но вопросъ въ томъ, кто говоритъ правду и кто даетъ ложное показаніе. Быть можетъ, и та, и другая группа свидѣтелей кривитъ душой, причемъ каждая группа старается выгородить того или другого подсудимаго и погубить его противника. Но, можетъ быть, всѣ свидѣтели добросовѣстно заблуждаются и по забывчивости или по гипнозу даютъ сбивчивыя показанія, не подозрѣвая всѣ ихъ невѣроятности. Съ лжесвидѣтельствомъ трудно бороться нынѣшнему суду именно потому, что трудно обличить лжесвидѣтеля, а не потому, что нынѣшніе законы слишкомъ медленно или слабо караютъ его.

Тутъ невольно припоминается записка кутаисскаго дворянства, которая обстоятельно выясняетъ, чѣмъ и какъ бороться съ лжесвидѣтельствомъ.

Записка эта была составлена съ 1898 г. по случаю ходатайства дворянства о введеніи въ Кутаисской губ. суда присяжныхъ и она цѣликомъ помѣщена въ концѣ настоящей статьи. Здѣсь же не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести нѣкоторыя мѣста изъ этой записки.

Они хороши уже потому, что, вызвавъ негодованіе въ лагерѣ нашихъ мракобѣсовъ, все же остались по существу неопровергнутыми, несмотря на многочисленность возраженій, раздававшихся въ упомянутомъ лагерѣ, съ аккомпаниментомъ злобнаго, но безсильнаго шипѣнія.

„Очевидно, говорится въ запискѣ, что зло это (лжесвидѣтельство) практикуется, какъ средство для введенія суда въ заблужденіе, съ цѣлью до-

биться неправильнаго разрѣшенія дѣла, и средство это не практиковалось бы, если бы не достигалась преслѣдуемая цѣль. Иначе зло это прекратилось бы само собой. Судъ коронный легко впадаетъ въ подобныя ошибки, и помимо того, что онъ связанъ формальностями, слабая его сторона заключается именно въ *недостаткѣ знанія нравовъ, обычаевъ и особенностей той среды, къ которой принадлежатъ подсудимые и свидѣтели.* Этотъ то именно недостатокъ и лишаетъ его возможности правильно оцѣнивать улики или доказательства, а особенно свидѣтельскія показанія. Но если всякій коронный судъ страдаетъ недостаточнымъ вообще знакомствомъ съ указанными выше условіями, то нашъ закавказскій судъ, вслѣдствіе частой перемѣны въ личномъ его составѣ и пополненія его людьми, совершенно незнакомыми съ краемъ,—заваленный при томъ массой дѣлъ,—вовсе не можетъ знать означенныхъ бытовыхъ и иныхъ особенностей мѣстнаго населенія... Вотъ эта то естественная неспособность суда короннаго разобраться въ обстоятельствахъ фактической стороны дѣла и отличить въ свидѣтельскихъ показаніяхъ ложь отъ правды, особенно при внѣшней логичности и правдоподобности этихъ показаній,—особенность, которую прекрасно замѣчаютъ и сами свидѣтели,—вызвала къ жизни и поддерживаетъ величайшее народное зло—лжесвидѣтельство. *Эти самые свидѣтели не осмѣливались бы давать ложныя показанія, еслибъ они видѣли, что ихъ слушаютъ люди, видящіе ихъ насквозь...* Вотъ настоящія причины такого развитія лжесвидѣтельства".

Помомо того, при существованіи суда присяжныхъ, у правой стороны не будетъ никакой надобности прибѣгать къ лжесвидѣтельству. Она будетъ знать, что присяжные засѣдатели имѣютъ возможность вынести справедливый приговоръ, и поэтому прибѣгать къ искусственнымъ способамъ самооправданія не будетъ никакого основанія.

Такимъ образомъ, неправая сторона побоится прибѣгать къ лжесвидѣтельству изъ опасенія быть уличенной, а правая, довѣряя справедливости прис. засѣдателей, не будетъ нуждаться въ лжесвидѣтеляхъ.

Достойно вниманія, что лжесвидѣтельство менѣе всего замѣчается въ тѣхъ частяхъ нашего края, гдѣ дѣйствуютъ народные суды, наприм. въ Дагестанской области.

Въ развитіе взгляда, высказаннаго въ запискѣ кутаисскаго дворянства, г. С. Д. въ „Нов. Об." напечаталъ интересную статью (20 янв. 1899 г.). Авторъ, ссылаясь на разныя замѣтки „Юрид. Газ.", доказываетъ, что лжесвидѣтельство въ довольно широкихъ размѣрахъ существуетъ не только на Кавказѣ, но и во внутреннихъ губерніяхъ Россіи. Въ статьѣ приводится даже письменное условіе, заключенное однимъ свидѣтелемъ съ подкупившимъ его лицомъ, о дачѣ ложнаго показанія на судѣ. Въ этомъ условіи означены даже неустойки, въ случаѣ неисполненія сдѣлки. Свидѣтель такимъ образомъ обязывается заплатить штрафъ въ случаѣ дачи правдиваго показанія. Но если раз-

вито лжесвидѣтельство и въ тѣхъ русскихъ губерніяхъ, въ которыхъ дѣйствуетъ судъ присяжныхъ, то достойно вниманія, что зло это имѣетъ мѣсто только у слѣдователя и въ коронномъ судѣ, но не на судѣ съ участіемъ присяжныхъ.

Что лжесвидѣтельство—не специально-кавказское явленіе, доказываетъ и прис. повѣр. А. Карабеговъ въ своихъ интересныхъ статьяхъ, напечатанныхъ въ „Нов. Обозр." въ 1897 г. (см. №№ отъ 8 до 25 февраля). На Кавказѣ, по справедливому замѣчанію автора, не существуетъ сколько нибудь правильной уголовной статистики, и нельзя судить, насколько именно развиты здѣсь преступность вообще и лжесвидѣтельство въ частности. Можно лишь съ увѣренностью сказать, что лжесвидѣтельство и лжеприсяга нерѣдкія явленія и въ Западной Европѣ, и въ Европейской Россіи. Авторъ, между прочимъ, приводитъ въ доказательство слѣдующія характерныя русскія пословицы: „божиться грѣшно, да безъ грѣха жить не можно"; „купецъ божится, а про себя отрекается"; „хоть мужикъ и божится, а кисель въ приданое не годится".

Авторъ, какъ практикъ-юристъ, указываетъ на одно обстоятельство, которое создало въ обществѣ и печати преувеличенное понятіе о кавказскомъ лжесвидѣтельствѣ.

Было бы непростительною наивностью, говоритъ г. Карабеговъ, признавать слѣдственные акты плодомъ самостоятельной работы слѣдственной власти; это—сплошь и рядомъ плодъ фантазіи, недобросовѣстности и невѣжества съ улицы набираемыхъ переводчиковъ. Нужно видѣть, что происходитъ въ судебныхъ засѣданіяхъ при провѣркѣ такихъ „актовъ" предварительнаго слѣдствія.

Судьи, заранѣе составивъ себѣ убѣжденіе и заготовивъ вопросные пункты, а нерѣдко, кстати, и приговоры по этимъ „актамъ", впадаютъ въ ярость, когда какой-нибудь свидѣтель даетъ показаніе, ничего общаго съ записаннымъ слѣдователемъ фантастическимъ показаніемъ не имѣющее или въ существенныхъ частяхъ съ послѣднимъ расходящееся. „Почему вы у слѣдователя показывали иначе?"—съ пѣной у рта иной разъ прямо кричитъ предсѣдательствующій на свидѣтеля. „Я ничего такого слѣдователю не показывалъ",—скромно замѣчаетъ свидѣтель. „А! значитъ, слѣдователь совралъ, самъ выдумалъ, подложный протоколъ составилъ?!"—съ злой ироніей и гнѣвомъ допытываетъ свидѣтеля предсѣдательствующій, въ глазахъ котораго фактъ клятвопреступленія считается уже незыблемо установленнымъ!

Таковъ главный источникъ возникновенія и распространенія клеветы, приписывающей народностямъ окраинъ исключительную склонность къ лжесвидѣтельству.

Пропасть между кавказскими судьями и населеніемъ съ каждымъ

днемъ все усиливается, вмѣстѣ съ тѣмъ усиливается та путаница, которую вноситъ въ судебныя дѣла недовѣріе суда къ свидѣтельскимъ показаніямъ, которыя часто совершенно неправильно признаются ложными. Эта пропасть будетъ усиливаться до тѣхъ поръ, пока политика будетъ впутываема въ дѣло правосудія, пока въ кавказскіе суды будутъ назначаться люди, не имѣющіе никакого понятія о краѣ и населеніи, и пока судъ присяжныхъ не будетъ введенъ въ полномъ своемъ объемѣ.

II. Судъ присяжныхъ.

I.

Не будемъ распространяться о пользѣ и высокомъ значеніи этого суда общественной совѣсти. Объ этомъ много писалось и говорилось. Коснемся лишь одного возраженія, съ которымъ постоянно сталкиваемся, когда только заходитъ рѣчь о введеніи института присяжныхъ засѣдателей на Кавказѣ. Принято указывать на многоязычіе и непониманіе мѣстнымъ населеніемъ государственнаго языка, какъ на серьезную помѣху осуществленію этой реформы. Но при этомъ забывается, что и при нынѣшнемъ судѣ существуетъ взаимное непониманіе между участниками судебнаго процесса.

Теперь судьи не понимаютъ потерпѣвшаго, подсудимаго и свидѣтелей; при существованіи же суда присяжныхъ, присяжные, допустимъ, не будутъ понимать предсѣдателя, обвинителя и защитниковъ. Такимъ образомъ, и въ томъ, и другомъ случаѣ безъ переводчиковъ нельзя обойтись. И въ томъ, и другомъ случаѣ представляется невозможной у насъ та совершенная форма суда, при которой судьи и стороны сносятся между собой на общемъ, всѣмъ понятномъ языкѣ. Такимъ образомъ многоязычіе Кавказа является помѣхой правильному судопроизводству не только при существованіи института присяжныхъ засѣдателей, но и теперь, при нынѣшнихъ порядкахъ. А при равныхъ условіяхъ въ отношеніи языка судопроизводства, едва ли нужно доказывать преимущества суда присяжныхъ передъ нынѣшнимъ судомъ.

Извѣстно, какъ слабы кавказскіе переводчики, какъ они извращаютъ весь ходъ дѣла. А между тѣмъ отъ нихъ и зависитъ очень часто судьба подсудимаго. Поэтому естественно желать, чтобы судьи могли контролировать переводчиковъ. Въ тысячу разъ былъ правъ А. П. Францевъ, Членъ Тифлисской Судебной Палаты, когда онъ за-

являлъ на кавказскомъ юридическомъ обществѣ, что „самой раціональной мѣрой“ противъ зла „могло бъ явиться требованіе отъ судей знанія туземныхъ языковъ“.

Судьи уголовныхъ отдѣленій окружныхъ судовъ составляютъ небольшую часть всего судебнаго персонала, и на должности ихъ можно было бы находить достаточный контингентъ юристовъ, знающихъ мѣстные языки.

Но если было бы невозможно въ такомъ смыслѣ обновить составъ кавказскихъ судовъ (чего мы не допускаемъ), то тѣмъ болѣе былъ бы необходимъ судъ присяжныхъ. Присяжные засѣдатели взяты были бы изъ того же населенія, изъ котораго вышли подсудимые, потерпѣвшіе и свидѣтели. Присяжные понимали бы, что говорятъ стороны. Среди присяжныхъ нашлось бы немало и такихъ лицъ, которыя, зная русскій языкъ не хуже коронныхъ судей, прекрасно понимали бы и предсѣдателя, обвинителя и защитниковъ. Такимъ образомъ надъ переводчиками былъ бы установленъ бдительный контроль, отсутствіе котораго теперь отзывается весьма печальными послѣдствіями на правильномъ отправленіи правосудія.

Изъ всего этого ясно, что многоязычіе и непониманіе населеніемъ русскаго языка не только не служитъ серьезнымъ препятствіемъ къ введенію суда присяжныхъ, а, напротивъ, заставляетъ желать возможно скораго введенія этого института, какъ контролирующаго переводчиковъ.

Существуетъ предположеніе привлечь къ обязанностямъ присяжныхъ засѣдателей только изъ лицъ съ образовательнымъ цензомъ, для чего уже составлены Тифлисскимъ и Кутаисскимъ окружными судами списки этимъ лицамъ. Въ такомъ случаѣ незнаніе государственнаго языка едва ли имѣло бы мѣсто среди присяжныхъ засѣдателей. Но эта мѣра могла бы быть примѣнена только въ Тифлисской губерніи, да и здѣсь съ замѣтной натяжкой. Въ остальныхъ же губерніяхъ Закавказья, гдѣ процентъ лицъ, проходившихъ среднее образованіе и понимающихъ государственный языкъ, крайне ограниченъ, обязанности присяжнаго засѣдателя пришлось бы часто возлагать все на одинхъ и тѣхъ же лицъ. Вслѣдствіе этого несеніе обязанностей присяжнаго засѣдателя было бы очень отяготительно. Кромѣ того, судъ присяжныхъ тѣмъ и цѣненъ, что онъ близокъ къ населенію, понимаетъ его бытъ, его настроеніе, его языкъ и религію. Но едва ли это требованіе можетъ быть предъявлено къ суду, который будетъ составленъ исключительно изъ лицъ съ образовательнымъ цензомъ, т. е. такъ или иначе оторванныхъ школой отъ непосредственной близости къ простонародію.

Нельзя однако не сознаться, что судъ присяжныхъ даже съ такими ограниченіями все же лучше нынѣшняго суда. Поэтому нельзя не пожелать, чтобы поднятый въ министерствѣ юстиціи вопросъ о введеніи на Кавказѣ суда присяжныхъ засѣдателей былъ разрѣшенъ возможно скорѣе въ положительномъ смыслѣ. Это будетъ имѣть весьма важное значеніе для интересовъ правосудія въ нашемъ краѣ.

II.

Придавая важное значеніе настоящему вопросу, не можемъ оставить безъ замѣчаній возраженія „Юридической Газеты" противъ вышеприведеннаго взгляда.

Упомянувъ выше, что въ министерствѣ юстиціи въ близкомъ будущемъ будетъ разсматриваться вопросъ о введеніи суда присяжныхъ на Кавказѣ, мы указали и на обстоятельство, которое, по мнѣнію нѣкоторыхъ, можетъ служить помѣхой къ осуществленію этой реформы. Мы имѣли въ виду разноплеменность и многоязычіе населенія, а также малое распространеніе среди него русскаго языка.

„Присяжные засѣдатели, говорили мы по этому поводу въ „Новомъ Обозрѣніи", взяты были бы изъ того же населенія, изъ котораго вышли подсудимые, потерпѣвшіе и свидѣтели. Присяжные понимали бы, что говорятъ стороны. Среди присяжныхъ нашлось бы немало и такихъ лицъ, которыя, зная русскій языкъ не хуже коронныхъ судей, прекрасно понимали бы предсѣдателя, обвинителя и защитника. Такимъ образомъ надъ переводчиками былъ бы установленъ бдительный контроль, отсутствіе котораго отзывается теперь весьма печальными послѣдствіями на правильномъ отправленіи правосудія".

Приведя это мѣсто изъ нашей статьи, „Юридическая Газета" возражаетъ:

Соображенія газеты были бы, быть можетъ, не лишены извѣстнаго значенія, если бы русское правосудіе на Кавказѣ сталкивалось только съ *однимъ* туземнымъ языкомъ, или если бы, по крайней мѣрѣ, туземныя нарѣчія были замкнуты въ твердыхъ географическихъ предѣлахъ, занимая каждое сплошную территорію. Но Кавказъ—это настоящій человѣческій улей, въ которомъ жужжатъ самыя разнообразныя нарѣчія; нигдѣ, кажется, дробленіе языковъ—даже внутри каждой національной группы не доходитъ до такой пестроты, какъ тамъ. Невольно припоминается разсказъ Пушкина изъ его путешествія въ Эрзерумъ, какъ, выѣхавъ изъ Тифлиса, онъ постучался въ уединенную саклю и попросилъ у хозяина воды, сперва по-русски, а потомъ по-татарски, и все-таки безуспѣшно, такъ какъ хозяинъ-грузинъ его не понялъ.

„Удивительная безпечность! Въ тридцати верстахъ отъ Тифлиса, и на дорогѣ въ Турцію и Персію, онъ не зналъ ни слова ни по-русски, ни по-татарски". Съ тѣхъ поръ, какъ путешествовалъ Пушкинъ, многое, конечно, измѣнилось на Кавказѣ, и распространеніе русскаго языка сдѣлало, безъ сомнѣнія, успѣхи; но многоязычіе осталось по прежнему, и осталась та рознь во взаимномъ пониманіи, которая является слѣдствіемъ крайняго лингвистическаго дробленія. Если кавказскіе инородцы и прежде не обнаруживали склонности въ усвоенію языковъ, которыми говорятъ ихъ ближайшіе сосѣди, то теперь, когда русскій языкъ вступаетъ въ роль посредствующаго орудія для общенія различныхъ кавказскихъ племенъ между собою, побужденіе къ изученію мѣстныхъ нарѣчій должно было еще болѣе ослабѣть у безпечныхъ туземцевъ. При такихъ условіяхъ едва ли возможно серьезно говорить о допущеніи къ участію въ судѣ присяжныхъ, къ отправленію обязанностей присяжнаго засѣдателя такихъ лицъ, которыя не понимаютъ русскаго языка. Что это былъ бы за судъ присяжныхъ, изъ которыхъ одни не понимаютъ предсѣдателя, обвинителя, защитника, другіе не понимаютъ потерпѣвшихъ и свидѣтелей, третьи не понимаютъ ни тѣхъ, ни другихъ, и которые въ самой камерѣ для совѣщанія были бы раздѣлены взаимнымъ непониманіемъ! Судъ присяжныхъ не есть случайное сборище, баллотирующее, какъ каждому Богъ на душу положитъ, вопросъ о виновности или невиновности подсудимаго: полное единство, выраженіемъ котораго служитъ единогласіе въ рѣшеніи поставленныхъ вопросовъ, есть идеалъ этого суда, и только вслѣдствіе трудности его достиженія во всѣхъ случаяхъ, допускается, какъ pis aller, рѣшеніе по большинству. Но совмѣстное обсужденіе необходимо должно предшествовать собиранію голосовъ,—и какъ состоится это обсужденіе, если члены коллегіи присяжныхъ не будутъ понимать другъ друга? Мы вполнѣ сочувствуемъ введенію суда присяжныхъ на Кавказѣ, но именно поэтому мы полагаемъ, что плохую услугу оказали бы суду присяжныхъ,—которому предстоитъ еще дальнѣйшее распространеніе на окраинахъ,—если бы его на Кавказѣ подвергли испытанію путемъ допущенія разноязычнаго и разноязычіемъ взаимно отчужденнаго состава. Никакой судъ такого испытанія выдержать не можетъ. Пониманіе русскаго языка является необходимымъ условіемъ участія мѣстнаго общественнаго элемента въ отправленіи правосудія. А затѣмъ знакомство съ языками туземными, которые присяжные принесутъ съ собою, представляется, конечно, однимъ изъ преимуществъ суда присяжныхъ по сравненію съ дѣйствующимъ судебнымъ строемъ.

Сущность приведеннаго возраженія, какъ видитъ читатель, заключается въ томъ, что представители разныхъ національностей, сойдясь въ судебной камерѣ, не поймутъ другъ друга при обсужденіи вопросовъ о виновности подсудимаго. Автора не смущаетъ то, что такое непониманіе царитъ и въ настоящее время, при отсутствіи суда присяжныхъ, въ залѣ суда. Авторъ боится, что при существованіи суда присяжныхъ взаимное непониманіе воцарится и въ судейской камерѣ.— Намъ же кажется, что опасенія эти крайне преувеличены и не настолько серьезны, чтобы могли тормазить введеніе такого желательнаго института, какъ судъ присяжныхъ.

„Дробленіе языковъ“ на Кавказѣ, о чемъ распространяется „Юридическая Газета“, дѣйствительно великое. При этомъ упускается одно весьма важное обстоятельство. Въ каждой губерніи, т. е. въ районѣ каждаго окружнаго суда, рѣшительно преобладаетъ одинъ языкъ надъ прочими, какъ бы разноплемененъ ни былъ этотъ районъ. Въ бывшихъ грузинскихъ провинціяхъ почти всѣ говорятъ по-грузински, хотя тутъ живутъ и армяне, и осетины, и татары; въ бывшихъ татарскихъ провинціяхъ татарскій языкъ общераспространенъ, помимо татаръ, среди персіянъ, армянъ, курдовъ и пр.

Въ Тифлисской губ. изъ общаго числа жителей—808,143 чел.—грузины составляютъ почти половину (396,673 чел., т. е. болѣе 49%); остальныя народности—армяне (23,96%), осетины (8,96%), татары—8,46%), греки (2,74%), съиздавна поселившіеся среди грузинъ—говорятъ по грузински, какъ природные грузины.

Въ Кутаисской губ. изъ общаго числа жителей—809 тыс. чел.—713,728 грузинъ (т. е. имеретинъ, мингрельцевъ и др.); остальныя народности составляютъ ничтожный процентъ; наибольшій—абхазцы (6%), армяне (около 1%).

Въ губерніяхъ Эриванской и Елисаветпольской все населеніе понимаетъ татарскій языкъ; оно состоитъ почти исключительно изъ татаръ и армянъ.

Въ Бакинской губерніи мусульманъ до 85% всего населенія; татары, талышинцы одинаково понимаютъ по-татарски; армяне, живущіе рядомъ съ ними (ихъ всего въ губерніи 7%), тоже прекрасно понимаютъ татарскій языкъ.

А разъ это въ дѣйствительности наблюдается, то возраженіе „Юрид. Газ.“ о смѣшеніи языковъ отпадаетъ само собой.

Судъ общественной совѣсти, во всякомъ случаѣ, значительно ослабитъ существующую отчужденность нынѣшняго суда отъ живой дѣйствительности своеобразныхъ условій ея существованія. Поэтому пожелаемъ, чтобы задуманная реформа осуществилась возможно скорѣе.

III.

Противъ немедленнаго введенія на Кавказѣ суда присяжныхъ неоднократно возражала и мѣстная газета „Кавказъ“. Такъ, наприм., въ началѣ 1895 г. помѣщенъ былъ тамъ рядъ статей и замѣтокъ въ этомъ смыслѣ.

Препятствій къ введенію въ краѣ суда присяжныхъ авторъ этихъ статей находитъ много. Препятствія эти двоякаго рода: во-первыхъ,

техническое разноязычіе населенія и незнаніе послѣднимъ государственнаго языка, и, во-вторыхъ, моральная разность понятій о преступленіи одного многочисленнаго состава населенія и недовѣрчивое отношіяхъ среди племени къ другому.

Если въ Россіи,—говоритъ газета,—подмѣчается нѣкоторая разница во взглядахъ присяжныхъ засѣдателей изъ крестьянъ и присяжныхъ засѣдателей изъ интеллигентнаго класса на извѣстныя преступленія, то здѣсь, на нашей окраинѣ, пришлось бы разсортировать присяжныхъ засѣдателей по ихъ взглядамъ на преступленіе не на двѣ категоріи, а на очень многія, отличающіяся одна отъ другой. Очевидно, такой недостатокъ суда народныхъ представителей, ставя приговоръ въ зависимость отъ состава присяжныхъ, отъ случайности, дѣлалъ бы этотъ судъ шаткимъ. Такой судъ можно желать лишь ради новшества, но не въ интересахъ правосудія. Чтобы устранить мысль о вліяніи національной розни на приговоръ присяжныхъ, здѣсь въ Закавказьѣ пришлось бы пускаться въ большія ухищренія для формированія состава суда присяжныхъ, и все таки всѣ ухищренія не сдѣлали бы судъ присяжныхъ такимъ судомъ, который внушалъ бы къ себѣ всеобщее уваженіе и довѣріе. Мы смѣло (!) утверждаемъ, что въ наши дни армяне, напр., во многихъ случаяхъ не пожелали бы, чтобы ихъ судили присяжные изъ грузинъ или изъ татаръ; точно также и татары не были бы довольны судомъ присяжныхъ изъ армянъ; но всѣ они вполнѣ удовлетворяются авторитетнымъ русскимъ судомъ.

Всѣ эти препятствія не выисканы самимъ авторомъ статьи, а заимствованы имъ изъ объяснительной записки къ судебнымъ уставамъ, составленной болѣе 30 лѣтъ тому назадъ, при введеніи судебной реформы на Кавказѣ. Авторъ полагаетъ, что въ этотъ промежутокъ времени на Кавказѣ ничего не измѣнилось, и, слѣдовательно, нѣтъ основанія что-нибудь измѣнять и въ нашихъ судебныхъ учрежденіяхъ.

Однако, само правительство находитъ, что времена измѣнились.

Сама коммисія, для пересмотра судебныхъ уставовъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ стремилась, согласно данной ей Министромъ Юстиціи программѣ, къ единообразію судоустройства на всемъ пространствѣ имперіи, для чего имѣла въ виду устранить всѣ тѣ изъятія изъ общаго порядка, которыя временно были допущены на окраинахъ при первоначальномъ введеніи судебной реформы.

Возвращаясь къ статьямъ газ. „Кавказъ", мы не можемъ не отмѣтить, во-1-хъ, полнаго незнакомства ея съ тѣмъ, что творилось въ нашемъ краѣ въ теченіи послѣднихъ 30-ти лѣтъ, и, во-2-хъ, голословнаго разрѣшенія ею такого вопроса первостепенной важности, какъ вопросъ о взаимномъ отношеніи разныхъ частей населенія въ нашемъ краѣ.

Въ теченіи 30-ти лѣтъ весь свѣтъ двигался впередъ; и это доста-

точно длинный срокъ для развитія человѣчества, но одинъ только нашъ край, по мнѣнію публицистовъ газ. „Кавказъ", стоялъ неподвижно на мѣстѣ, не обнаруживая успѣховъ въ культурномъ развитіи. Между тѣмъ, давно ли на страницахъ того-же „Кавказа" безконечное число разъ повторялось, что послѣднее 30-лѣтіе въ исторіи управленія Кавказа отмѣчено крупнымъ подъемомъ умственнаго и нравственнаго развитія края, такъ какъ въ этотъ періодъ завершилась долго длившаяся кавказская война, и гражданское управленіе краемъ, наконецъ, вступило въ свои права. Въ то же время газ. „Кавказъ", по поводу столѣтія со дня рожденія А. С. Грибоѣдова, восхищалась тѣмъ, что „его разнообразныя записки остались любопытнымъ доказательствомъ его рѣдкихъ способностей и практической дѣятельности; въ основѣ ихъ всегда лежало стремленіе сочетать выгоды государства съ возможно большимъ просторомъ для быта народностей, чьи вѣковыя традиціи сталкивались съ оффиціальнымъ русскимъ строемъ".

Въ письмахъ къ Паскевичу Грибоѣдовъ возставалъ противъ скороспѣлаго и необдуманнаго навязыванія мѣстнымъ племенамъ чуждыхъ имъ законовъ, „которыхъ никто не понимаетъ и соблюдать не хочетъ". Онъ совѣтовалъ „оставить народу нетронутыми его обычные выборные суды, къ которымъ онъ имѣетъ довѣріе, и, по возможности, не касаться внутренней администраціи, ограничиваясь назначеніемъ депутатовъ отъ правительства въ народныя управленія и суды". Это говорилъ геніальный русскій гражданинъ еще 80 лѣтъ тому назадъ. Этому рукоплескала вчера и газ. „Кавказъ", но для того, чтобы сегодня уже отречься отъ вчерашнихъ восторговъ.

Но, кромѣ логической непослѣдовательности, тутъ бросается въ глаза и незнакомство съ краемъ.

Еще лѣтъ 20 тому назадъ казказскою столичною печатью было отмѣчено, что въ главныхъ кавказскихъ городахъ русское населеніе уже довольно значительно. А остальные городскіе жители настолько прогрессировали въ знаніи государственнаго языка, что будущій судъ присяжныхъ могъ бы производиться на русскомъ языкѣ. Знаніе этого языка было бы какъ бы образовательнымъ центромъ для присяжныхъ засѣдателей, и такимъ образомъ судъ присяжныхъ былъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ и судомъ передовой части общества. Это мы говоримъ о крупныхъ центрахъ. Что же касается мелкихъ городовъ и селеній, то выѣздныя отдѣленія судовъ и тутъ не были бы поставлены въ затрудненіе разноязычіемъ населенія. Какъ выше было упомянуто, въ каждой мѣстности Кавказа рѣзко преобладаетъ передъ другими какой нибудь языкъ, на которомъ говорятъ всѣ мѣстные жители, безъ

различія національностей. Далѣе же, по мѣрѣ распространенія русскаго языка, туземные языки легко могли бы замѣняться однимъ общимъ—государственнымъ. Приведенные взгляды высказывались печатью и имѣли цѣлью устранить главное техническое затрудненіе при введеніи суда присяжныхъ—затрудненіе, проистекшее отъ разноязычія населенія. Если эти взгляды ошибочны, то публицисту „Кавказа“ нужно было ихъ опровергнуть, а не замалчивать.

Еще менѣе развитъ взглядъ того же автора относительно другихъ указываемыхъ имъ препятствій къ распространенію на Кавказѣ судебной реформы въ полномъ объемѣ.

Однимъ изъ препятствій къ введенію у насъ суда присяжныхъ, при примѣненіи судебной реформы, считалось то, что „во многихъ мѣстностяхъ понятія народа о преступности важнѣйшихъ уголовныхъ случаевъ, въ особенности кровомщенія, разбоя, увоза женщинъ, кражъ и т. п., не соотвѣтствуютъ основнымъ условіямъ прочнаго порядка и общественной безопасности“. На этомъ основаніи не считалось возможнымъ, по крайней мѣрѣ на первое время, ввѣрить уголовное правосудіе представителямъ народа.

Но, приводя эту цитату изъ объяснительной записки къ „суд. уставамъ“, публицистъ „Кавказа“ долженъ былъ замѣтить, что она главнымъ образомъ касается горцевъ, что у грузинъ и армянъ, какъ древнихъ культурныхъ народовъ, нравственныя понятія не стоятъ ниже понятій европейцевъ, что почти то же можно сказать и относительно закавказскихъ татаръ, которые отъ долгаго сожительства съ такими народами, какъ грузины, армяне, русскіе, нѣмцы и пр., значительно усвоили себѣ общія требованія этики, что эти татары, будучи исторически связаны съ древне-азіатскимъ государствомъ—Персіей, не могутъ быть разсматриваемы какъ какія нибудь папуасы, и что имъ не чужды понятія о необходимости кары за преступленія. Необходимо было вспомнить и тотъ фактъ, что правительство нашло возможнымъ сохранить для горцевъ ихъ народные суды именно потому, что горскія понятія о преступленіяхъ не всегда совпадаютъ съ понятіями, установленными дѣйствующимъ общеуголовнымъ кодексомъ.

Заговоривъ о судѣ присяжныхъ, мы имѣемъ въ виду не горцевъ, у которыхъ къ тому же существуютъ свои народные суды, а остальное населеніе Закавказья, взгляды котораго на преступленія не отличаются отъ взглядовъ прочаго населенія Россіи. Если воинственная эпоха и оставила свои слѣды въ понятіяхъ населенія о преступности, то 35-лѣтнее слишкомъ гражданское управленіе краемъ, распространеніе образованія, улучшеніе путей сообщенія, гласный судъ, городское и сель-

ское самоуправленіе и другія реформы послѣдняго времени значительно подняли умственный и нравственный уровень населенія. Не принимать всего этого въ расчетъ въ данномъ случаѣ—значитъ не признавать значенія за прогрессомъ и вѣрить лишь въ рокъ, что свойственно только развѣ невѣжеству.

Что касается розни, замѣчаемой между разными національностями нашего края, и утвержденія, будто армянинъ не пожелаетъ быть судимымъ татариномъ, грузинъ—армяниномъ и пр., то и это возраженіе лишено всякаго основанія. Во-первыхъ, контингентъ присяжныхъ засѣдателей подбирается не по національностямъ, а въ него входятъ представители всѣхъ мѣстныхъ народностей, и во 2-хъ—что главное—рознь эта, въ значительной своей части, составляетъ легенду, а не дѣйствительный фактъ. Рознь эта была сдѣлана платформой для избирательной борьбы нѣкоторыми изъ мѣстныхъ безтактныхъ общественныхъ дѣятелей по городскому управленію и находила откликъ въ газетной полемикѣ, а такъ какъ избирательныя дѣла и газеты больше всѣхъ шумятъ, то поверхностному наблюдателю и кажется, что упоминаемое явленіе имѣетъ какіе нибудь глубокіе корни въ жизни. Ничего подобнаго въ дѣйствительности, однако, нѣтъ. Кто живалъ въ кавказскихъ деревняхъ, тотъ хорошо знаетъ, что въ нихъ сплошь и рядомъ мирно уживаются грузины и армяне, армяне и татары и дружно ведутъ свои общія дѣла. Пусть газ. „Кавказъ" справится въ кавказскихъ административныхъ учрежденіяхъ, много ли возникаетъ споровъ между совмѣстно живущими представителями разныхъ народностей, и убѣдится, что въ сущности очень и очень немного, да и всѣ эти немногія дѣла искусственно созданы разными сельскими кулаками и адвокатами, изъ за разныхъ кляузъ. Если какая нибудь рознь существуетъ на Кавказѣ, то, повторяемъ, лишь въ интеллигентномъ классѣ, изъ котораго только и набираются нынѣшніе судьи. Слѣдовательно, и нынѣшніе профессіональные судьи не могутъ считаться чуждыми національной розни. Въ обществѣ же эта рознь свойственна, какъ выше сказано, лишь избирательныхъ дѣлъ мастерамъ, да и то далеко не всѣмъ, а только самымъ плохенькимъ, неспособнымъ пополнить свою избирательную программу чѣмъ-нибудь дѣльнымъ, полезнымъ для всего населенія, и выѣзжающимъ на громкихъ фразахъ о „собственной шкурѣ" той или другой народности. Рознь эта, наконецъ, создается неумѣреннымъ подчеркиваніемъ ея со стороны столичной печати, которая, быть можетъ, и не подозрѣваетъ, какой неисчислимый вредъ приноситъ тѣмъ дѣлу мирнаго развитія окраинъ. То же, еще менѣе, можетъ быть, простительно мѣстной газетѣ, обязанной знать мѣру своего отношенія къ мѣстному населенію.

Замѣчанія эти, высказанные нами въ „Нов. Об.“, вызвали горячій протестъ со стороны газ. „Кавказъ“. Но протестъ этотъ касается лишь одного пункта спора, а именно вопроса о томъ, насколько незнаніе мѣстнымъ населеніемъ русскаго языка можетъ мѣшать введенію суда присяжныхъ. О другомъ же, болѣе важномъ вопросѣ, о нравственной неподготовленности мѣстнаго населенія, газета умалчиваетъ.

Но и по первому пункту возраженія публициста старѣйшей кавк. газеты насъ ни въ чемъ не разубѣдили.

Для насъ, говоритъ газета, болѣе чѣмъ сомнительно то, что туземное населеніе будетъ прогрессировать въ знаніи русскаго языка, если судъ будетъ происходить на туземномъ языкѣ. Напротивъ того, подобный порядокъ могъ бы вызвать лишь пожеланіе туземнаго населенія оставаться при знаніи одного языка, и тогда, согласно проекту „Нов. Обозр.“, пришлось бы разсортировать Закавказье на множество округовъ, въ которыхъ судъ и администрація употребляли бы разныя нарѣчія, смотря по тому, которое преобладаетъ въ данномъ округѣ. Замѣчательный проектъ! Теперь мы стараемся развить въ краѣ знаніе общегосударственнаго языка, а „Нов. Обозр.“ рекомендуетъ закрѣплять въ разныхъ мѣстностяхъ Закавказья господствующія въ нихъ нарѣчія. Въ Россіи нѣтъ другой окраины, гдѣ чувствовалось бы бо̀льшая потребность въ распространеніи общегосударственнаго русскаго языка, чѣмъ въ Закавказьѣ. Множество нарѣчій на небольшемъ пространствѣ настоятельно требуютъ употребленія знанія одного языка.

Пробѣгая эти строки, можно подумать, что мы высказались противъ распространенія на Кавказѣ общегосударственнаго языка. Но никто подобныхъ дикихъ мыслей никогда не высказывалъ, а напротивъ, производство суда присяжныхъ на мѣстныхъ языкахъ сторонники этого суда допускали лишь какъ временную мѣру. Населеніе Кавказа давно уже проникнуто стремленіемъ изучить русскій языкъ, и оно въ этомъ отношеніи дѣлаетъ громадные успѣхи. Какой-бы заброшенный уголокъ края не взять, всюду можно наблюдать одно и то же явленіе: всѣ крестьянскіе дѣти, которымъ удается обучиться грамотѣ, читаютъ рядомъ съ туземной книжкой и по русски. Очень часто въ въ этихъ глухихъ углахъ, гдѣ нѣтъ школы, дѣти лучше знаютъ государственный языкъ, чѣмъ ученики иныхъ сельскихъ школъ, въ которыхъ обязательно обученіе русской грамотѣ. Поэтому нѣтъ никакой надобности судъ или школу обращать въ орудіе политической пропаганды. Правительство ихъ ставило прежде внѣ всякихъ политическихъ тенденцій и поступало, конечно, совершенно справедливо. Во всѣхъ сельскихъ управленіяхъ Закавказья, въ городскихъ думахъ, въ горскихъ народныхъ судахъ законъ дозволяетъ вести дѣла, по-

мимо русскаго, и на туземныхъ языкахъ. И было-бы чрезвычайно странно упрекать за это правительство. Прекратите производство дѣлъ въ этихъ учрежденіяхъ на мѣстныхъ языкахъ, и прекратятся сами собой всякое отправленіе правосудія и всякое самоуправленіе, такъ какъ нынѣшнее поколѣніе сельчанъ еще недостаточно владѣетъ государственнымъ языкомъ. Вотъ какою неотразимою необходимостью мотивируется употребленіе мѣстныхъ языковъ въ нѣкоторыхъ учрежденіяхъ, и никому до сихъ поръ въ голову не приходило, что это можетъ отбить у мѣстныхъ жителей охоту изучать государственный языкъ. Преимущества знанія государственнаго языка въ практической жизни и безъ того очень велики, чтобъ они игнорировались населеніемъ.

Въ заключеніе своего возраженія газ. „Кавк." замѣчаетъ:

Достоинство проекта „Нов. Обозр." состоитъ въ томъ, что онъ устраняетъ переводчиковъ изъ совѣщательной комнаты присяжныхъ засѣдателей, но зато понуждаетъ и судей, и прокуровъ, и адвокатовъ либо свободно объясняться на всѣхъ закавказскихъ нарѣчіяхъ, либо состоять въ рабствѣ у тѣхъ же переводчиковъ.

Напрасно публицистъ газ. „Кавк." приписываетъ своимъ оппонентамъ такія суровыя требованія. При упомянутомъ проектѣ было-бы достаточно судьямъ, обвинителямъ и защитникамъ знать, кромѣ русскаго языка, еще только одинъ изъ мѣстныхъ языковъ, а не всѣ закавказкія нарѣчія, какъ увѣряетъ газ. „Кавказъ".

Требованіе знанія мѣстнаго языка, конечно, можетъ создать нѣкоторыя неудобства при движеніи по службѣ, но вѣдь не населеніе же существуетъ для суда, а, наоборотъ, судъ учрежденъ для населенія. Да и эти неудобства будутъ не такъ велики для служащихъ въ судѣ, какъ предполагаютъ противники суда присяжныхъ. Извѣстно, что не только туземцы-адвокаты и туземцы-судьи, но и многіе изъ русскихъ чиновниковъ, долго служившихъ на Кавказѣ, нерѣдко прекрасно владѣютъ однимъ изъ мѣстныхъ языковъ. Нужно пожелать, чтобы такихъ судей было бы на Кавказѣ побольше. Въ этомъ отношеніи мы должны подражать англичанамъ, которые въ Индіи не гнушаются же изучать мѣстные языки, а, напротивъ, считаютъ это своею обязанностью.

Министерство Юстиціи, прежде чѣмъ внести въ государственный совѣтъ свой проектъ пересмотра нынѣ дѣйствующихъ судебныхъ уставовъ, разослало его на заключеніе генералъ-губернаторовъ и главноначальствующаго на Кавказѣ. По этому случаю на Кавказѣ была

образована комиссія изъ лицъ административнаго вѣдомства, съ трудами которой познакомила газета „Право“.

Считаемъ нужнымъ привести здѣсь заключеніе комиссіи по вопросу о введеніи суда присяжныхъ на Кавказѣ.

Проектъ комиссіи статсъ-секретаря Н. В. Муравьева находитъ возможнымъ ввести общій строй суда присяжныхъ только въ Кубанской области, а въ остальныхъ мѣстностяхъ Кавказа только присяжныхъ особаго состава (въ числѣ 3).

Въ составѣ кавказской комиссіи мнѣнія по этому предмету раздѣлились поровну, причемъ достойно вниманія, что противъ введенія современемъ на Кавказѣ суда присяжныхъ, какъ суда болѣе всякихъ другихъ совершеннаго, не раздавалось въ комиссіи ни одного голоса. Тѣ, которые находили введеніе реформы преждевременнымъ, заявили, что, во-первыхъ, они сомнѣваются въ томъ, чтобы на Кавказѣ, за исключеніемъ крупныхъ городскихъ центровъ, можно было уже расчитывать на достаточный контингентъ лицъ, могущихъ быть внесенными въ списки присяжныхъ засѣдателей даже и при пониженныхъ условіяхъ ценза; но если-бы и допустить противное, то является еще вопросъ, внесли ли бы эти лица въ коронные суды тотъ освѣжающій элементъ, который вездѣ ожидается отъ присяжныхъ, и не было ли ихъ значеніе въ судахъ совершенно подавлено авторитетомъ равнаго количества коронныхъ судей.

„Представляется неяснымъ,—говорили они,—почему трое присяжныхъ, нерѣдко людей пришлыхъ и проживших въ данной мѣстности не больше года, могутъ претендовать на привилегію выражать народную совѣсть въ болѣе правильномъ представленіи, чѣмъ коронные судьи, творящіе судъ въ томъ районѣ иногда болѣе продолжительный срокъ. При такихъ условіяхъ общественный элементъ въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей особаго состава является лишнимъ балластомъ, только задерживающимъ и замедляющимъ производство судебнаго слѣдствія, и декоративнымъ украшеніемъ, не вносящимъ въ дѣло отправленія правосудія того начала житейской бытовой правды и выраженія народной совѣсти, которое положено въ основаніе соображеній, побудившихъ къ проектированію суда съ присяжными засѣдателями особаго состава.

Скорѣе можно ожидать, по мнѣнію этихъ лицъ, благопріятныхъ результатовъ отъ введенія суда съ присяжными засѣдателями общаго состава, чѣмъ отъ проектируемаго.

Со своей стороны, члены комиссіи, стоящіе за немедленное введеніе института присяжныхъ засѣдателей особаго состава, аргументиру-

ютъ больше указаніями на неудовлетворительность нынѣ существующаго порядка производства на Кавказѣ болѣе важныхъ дѣлъ. „Существованіе апелляціонной инстанціи для дѣлъ, подсудныхъ окружному суду, вызываетъ медленность процесса, связанную съ увеличеніемъ труда для судебныхъ учрежденій, обязанныхъ дважды разрѣшать каждое дѣло по существу, что въ свою очередь вызываетъ излишніе расходы для казны. Медленность же, сопряженная съ продленіемъ тюремнаго заключенія для подсудимыхъ, не даетъ въ то же время гарантіи правосудія, такъ какъ окружный судъ, расчитывая на исправленіе его ошибокъ второю инстанціею, не постановляетъ приговоровъ съ тою осмотрительностью, которой онъ руководствовался бы, заранѣе зная, что его приговоръ будетъ окончательнымъ. Въ то же время, зная, что апелляціонная инстанція будетъ разрѣшать дѣло на основаніи письменнаго производства, окружные суды нерѣдко вынуждены руководствоваться не убѣжденіемъ совѣсти, а формальными уликами, которыя въ письменномъ изложеніи (какъ, напримѣръ, показанія подставныхъ свидѣтелей) могутъ производить впечатлѣніе правдивости, разборъ же дѣлъ въ судебной палатѣ, обязанной постановлять свои приговоры на основаніи письменнаго производства, безъ новаго общенія съ подсудимыми и свидѣтелями, окончательно уклоняется отъ главнѣйшихъ устоевъ уголовнаго правосудія (устности и и непосредственности) и не въ состояніи исправлять ошибокъ первой инстанціи суда, состоящей только изъ коронныхъ судей, настолько обремененныхъ работою и настолько привыкшихъ къ уголовнымъ драмамъ, ежедневно проходящимъ предъ ихъ глазами, что невольно притупляетъ ихъ впечатлительность и способность съ надлежащей отзывчивостью вникать въ сложныя иногда бытовыя и психологическія условія, вызвавшія преступныя дѣянія".

Что касается переводчиковъ при судахъ, то комиссія находитъ необходимымъ повысить ихъ въ классѣ должности и увеличить противъ проекта окладъ содержанія. Было бы полезно также открыть переводчикамъ перспективу дальнѣйшаго движенія по службѣ, въ зависимости, конечно, отъ образовательнаго ценза, а когда это представится возможнымъ, то возлагать исполненіе обязанностей переводчиковъ на кандидатовъ на судебныя должности съ зачетомъ имъ этого времени въ обязательный стажъ, такъ какъ практическія занятія въ качествѣ переводчиковъ несомнѣнно будутъ содѣйствовать успѣшному прохожденію кандидатами подготовительнаго къ самостоятельной дѣятельности періода служебной карьеры.

Мы, съ своей стороны, выскажемъ, что высказывали и выше. Въ

Кавказскомъ краѣ желательно ввести судъ присяжныхъ въ полномъ объемѣ, какъ давно введено во внутреннихъ губерніяхъ Россіи. Въ члены уголовныхъ отдѣленій окружныхъ судовъ желательно назначать лицъ, знакомыхъ съ преобладающимъ мѣстнымъ языкомъ (такія лица, какъ извѣстно, имѣются и въ нынѣшнемъ составѣ кавказскихъ судовъ). Тогда значительно ослабло бы вліяніе невѣжественныхъ и корыстныхъ переводчиковъ на судѣ. Только путемъ этихъ коренныхъ реформъ суду вернется тотъ высокій авторитетъ, который ему придается по идеѣ судебныхъ уставовъ 1864 года.

Приложеніе.—Записка Кутаисскаго дворянства о введеніи суда присяжныхъ [1]).

Упомянувъ въ началѣ записки объ единогласномъ постановленіи очереднаго собранія дворянства Кутаисской губ., ходатайствующаго о введеніи въ Кутаисской губ. суда присяжныхъ засѣдателей, по началамъ суд. уставовъ Императора Александра II-го, Кутаисскій губернскій предводитель дворянства кн. С. Церетелли продолжаетъ:

„Возбуждая настоящее ходатайство, дворянство наше обсуждало три главныхъ вопроса, отъ разрѣшенія каковыхъ и зависѣло его возбужденіе, а именно: а) въ какомъ состояніи въ настоящее время находится въ Кутаисской губерніи дѣло отправленія уголовнаго правосудія, и требуется ли его улучшеніе, б) какая желательна форма суда, и не является ли судъ присяжныхъ лучшей формой уголовной юстиціи, сравнительно съ коороннымъ или какимъ-либо другимъ судомъ и в) возможно ли введеніе института присяжныхъ засѣдателей въ Кутаисской губерніи по ея мѣстнымъ бытовымъ условіямъ.

Всѣ эти вопросы были разрѣшены въ томъ смыслѣ, что отправленіе уголовнаго правосудія находится у насъ въ крайне неудовлетворительномъ состояніи, почему необходимо его улучшеніе, замѣною его именно судомъ присяжныхъ засѣдателей, и что введеніе у насъ этой лучшей формы суда не можетъ представлять никакихъ затрудненій. Основанія, приведшія дворянство къ этому заключенію, были слѣдующія:

Уголовное правосудіе на Кавказѣ вообще и въ Кутаисской губерніи въ частности находится въ крайне неудовлетворительномъ состояніи—это фактъ общеизвѣстный и не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Состояніе это почти тождественно съ тѣмъ, какое нарисовалъ его высокопревосходительство г. Министръ Юстиціи, поддерживая проектъ судебной реформы въ Сибири и характеризуя положеніе въ ней судебной части.

„Въ сибирскихъ губерніяхъ,—сказалъ онъ,—судебная часть находится въ самомъ неудовлетворительномъ, поистинѣ безотрадномъ состояніи; мед-

---

[1]) Въ этомъ же смыслѣ записка была подана кавказскому начальству тифлисскимъ дворянствомъ, также ходатайствующимъ о введеніи суда присяжныхъ въ Тифлисской губерніи.—Кутаисская записка составлена въ 1898 г., тифлисская—въ 1899 г.

лепность, волокита, формализмъ, блѣдная, часто вовсе безуспѣшная дѣятельность и въ результатѣ—полное недовѣріе обывателей къ правосудію и закону. Таковы преобладающія характерическія черты сибирской юстиціи. Положеніе близко къ безсудію и безправію и совершенно не соотвѣтствуетъ достоинству правительственной власти".

Эта характеристика почти цѣликомъ можетъ быть отнесена и къ состоянію уголовнаго правосудія у насъ, на Кавказѣ, гдѣ хотя и дѣйствуютъ новые суды, но съ такими ограниченіями и существенными изъятіями отъ общаго, принятаго для внутреннихъ губерній типа, что, благодаря этимъ изъятіямъ и ограниченіямъ, нашъ судъ остался во многомъ почти тѣмъ же, чѣмъ былъ дореформенный судъ вообще въ Россіи, а въ частности и въ Сибири.

Кто наблюдалъ за нашими судами, тому не могло не броситься въ глаза, что нашъ, повидимому, гласный и состязательный судъ остался въ сущности тѣмъ же старымъ, формальнымъ, медленнымъ и письменнымъ судомъ. Суды первой степени обратились лишь въ инстанцію, подготовляющую письменный матеріалъ для второй инстанціи, гдѣ, главнымъ образомъ, и рѣшаются все болѣе или менѣе серьезныя дѣла. Чуть ли не ежедневно у насъ повторяются случаи отмѣны судомъ второй инстанціи обвинительныхъ приговоровъ судовъ первой инстанціи и полнаго оправданія лицъ, вполнѣ правильно, по общему мнѣнію, приговоренныхъ къ каторжнымъ работамъ. Не меньше бываетъ и обратныхъ случаевъ, т. е. приговоровъ судомъ второй инстанціи къ каторжнымъ работамъ лицъ, совершенно справедливо получившихъ полное оправданіе въ судахъ первой инстанціи. И все это во второй инстанціи дѣлается не въ силу живого слова, а на основаніи письменнаго производства, Богъ знаетъ, какъ составленнаго малограмотнымъ секретаремъ и то со словъ безграмотнаго и неразвитаго переводчика, едва знающаго даже языкъ, на который ему приходится переводить. Даже и въ судахъ первой инстанціи большинство дѣлъ рѣшается скорѣе на основаніи письменныхъ данныхъ, нежели живого слова. Въ подтвержденіе достаточно вспомнить одно наблюдаемое въ практикѣ закавказскихъ судовъ явленіе, указывающее на то, какъ гласный, состязательный судъ обратился въ сущности въ старый письменный.

Дѣло въ томъ, что, вслѣдствіе частаго уклоненія свидѣтелей на судѣ отъ показаній, данныхъ ими у слѣдователя, судъ, подъ вліяніемъ чрезмѣрнаго развитія лжесвидѣтельства, уже не довѣряетъ ихъ новымъ показаніямъ, какъ бы логичны и правдоподобны они ни были, и почти всегда разрѣшаетъ дѣло на основаніи свидѣтельскихъ показаній, данныхъ на предварительномъ слѣдствіи. Въ оправданіе такой практики суда выставляется то соображеніе, что на предварительномъ слѣдствіи заинтересованныя лица не могли успѣть оказать воздѣйствіе на свидѣтелей, и потому у послѣднихъ не могло быть побужденій говорить у слѣдователя неправду. Однако, соображеніе это, вѣрное лишь для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаевъ, не можетъ быть признано правильнымъ, какъ общее положеніе, въ виду того, что на предварительномъ слѣдствіи лжесвидѣтельство проявляетъ свое дѣйствіе не менѣе, чѣмъ на судѣ. При обширности слѣдственныхъ участковъ и отсутствіи удобныхъ путей сообщенія, наши слѣдователи, заваленные притомъ массой дѣлъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, могутъ являться на мѣсто происшествія

только по истеченіи значительнаго времени послѣ совершенія преступленія, къ каковому времени заинтересованныя лица всегда имѣютъ полную возможность тѣми или другими средствами склонить свидѣтелей къ дачѣ ложныхъ показаній для того, чтобы дать дѣлу желательное для себя неправильное направленіе. Если къ тому прибавить, что на предварительномъ слѣдствіи показаніе дается безъ присяги и безъ соблюденія тѣхъ гарантій достовѣрности судебнаго матеріала, которыя установлены для суда, то нельзя не придти къ выводу, что судъ, разрѣшая дѣло на основаніи свидѣтельскихъ показаній, данныхъ на предварительномъ слѣдствіи, пользуется еще болѣе негоднымъ матеріаломъ, чѣмъ тотъ, который добывается на судебномъ слѣдствіи. Вслѣдствіе всего этого неудивительно и то недовѣріе населенія къ правосудію и закону, о которомъ говорилось выше. И трудно, дѣйствительно, требовать отъ обыкновеннаго простолюдина, чтобъ онъ питалъ должное довѣріе къ правосудію, которое онъ никакъ не можетъ понять, такъ какъ не можетъ объяснить себѣ, что за одно и то же дѣяніе и при совершенно одних и тѣхъ же обстоятельствахъ одинъ судъ находилъ данное лицо совершенно правымъ, а другой отправлялъ его въ каторжныя работы. Непосвященному во всѣ тонкости коронаго суда трудно понять и такіе случаи, когда одинъ и тотъ же судъ, чуть не въ одномъ и томъ же засѣданіи и составѣ, основываетъ, смотря по настроенію, свои приговоры на показаніяхъ, данныхъ свидѣтелями или на предварительномъ слѣдствіи, или на судѣ, и согласно съ этимъ мотивируются приговоры совершенно противорѣчиво. Каждому извѣстны эти приговоры. Въ одномъ случаѣ они мотивируются такъ: „Принимая во вниманіе, что показанія, данныя на предварительномъ слѣдствіи, даны были подъ впечатлѣніемъ только что совершеннаго преступленія и, слѣдовательно, правдивы, между тѣмъ какъ показанія на судѣ даны ими по истеченіи довольно значительнаго времени, вслѣдствіе чего они могли забыть и т. д.“. Въ другомъ случаѣ мотивъ измѣняется такъ: „Принимая во вниманіе, что показанія, данныя свидѣтелями на судѣ, даны подъ присягою и при торжественной обстановкѣ суда, между тѣмъ какъ на предварительномъ слѣдствіи показанія они давали безъ присяги и въ отсутствіи такой обстановки, почему слѣдуетъ полагать, что болѣе вѣроятія заслуживаютъ показанія, данныя ими на судѣ и т. д.“. Достойно вниманія и то обстоятельство, съ какимъ нетерпѣніемъ подсудимые ожидаютъ узнать составъ суда, который будетъ ихъ судить. Насколько часты перемѣны въ составахъ судовъ первой инстанціи, настолько постояненъ составъ суда второй инстанціи, и всѣ члены его на перечетъ извѣстны каждому, имѣющему съ нимъ дѣло. Одни изъ нихъ по ихъ, подсудимыхъ, мнѣнію болѣе требовательны и строги, другіе менѣе; одни болѣе внимательны и гуманны, чѣмъ другіе,—и потому они увѣрены, что ихъ дѣло можетъ рѣшиться различно, смотря по тому, къ какому составу оно попадетъ. Все это и было причиной, приведшей къ такимъ печальнымъ послѣдствіямъ, какъ недовѣріе къ суду и закону, и неизбѣжное развитіе отъ этого такого зла, какъ лжесвидѣтельство, широкое распространеніе котораго въ Закавказскомъ краѣ не могло не обратить на себя вниманія, какъ лучшей части общества, такъ и печати и правительства, изыскивающаго средства для борьбы съ этимъ зломъ. Служа средствомъ для введенія органовъ правосудія въ заблужденіе, лжесвидѣтельство проявляетъ свое дѣйствіе, какъ на судѣ, такъ и на предварительномъ слѣдствіи, причемъ оно

является орудіемъ не только обвиняемыхъ, но и ихъ противниковъ. Такое распространеніе лжесвидѣтельства въ народѣ не можетъ не развить недовѣрія къ нему и со стороны суда коронпаго, вслѣдствіе чего это обоюдное недовѣріе не можетъ не создать для коронпаго суда самыхъ неблагопріятныхъ условій, въ корнѣ подрывающихъ почти всякую возможность правильнаго отправленія уголовнаго правосудія. Естественно, что дѣятельность суда при такихъ условіяхъ не можетъ вызвать къ себѣ довѣрія населенія и поддерживать въ немъ увѣренность въ томъ, что всякое преступленіе найдетъ въ правосудіи свое возмездіе, или что невинный не понесетъ незаслуженнаго наказанія. Ясно, что такое положеніе вещей должно способствовать все къ большему и большему усиленію этого обоюднаго недовѣрія и вмѣстѣ съ тѣмъ къ увеличенію числа преступленій, потому что всякому знакомому съ уголовнымъ правомъ, а также съ исторіей и статистикою преступленій, извѣстно, что уменьшенію числа преступленій способствуетъ не строгость кары за нихъ, а неизбѣжность и скорость наказанія, слѣдующаго за совершеніемъ преступленія. Между тѣмъ при судахъ коронныхъ только по очень рѣдкимъ преступленіямъ судъ и наказанія слѣдуютъ вскорѣ послѣ совершенія преступленія, а обыкновенно преступниковъ судятъ и наказываютъ по истеченіи довольно значительнаго времени, послѣ того, какъ всѣ уже забыли совершенное ими преступленіе.

Медленность въ судахъ коронныхъ неизбѣжна потому, что помимо массы дѣлъ подлежащихъ ихъ разрѣшенію, почти каждое дѣло приходится разрѣшать въ обѣихъ инстанціяхъ и въ обѣихъ инстанціяхъ составлять подробные мотированые приговоры, отнимающіе въ нѣсколько разъ болѣе времени, чѣмъ это бываетъ нужно при судахъ съ присяжными. При этомъ вслѣдствіе затруднительности мотивировать эти приговоры судомъ нерѣдко приходится противъ убѣжденія оправдывать подсудимыхъ, иногда приговаривать и невинныхъ.

Развитіе формализма составляетъ также неизбѣжное зло суда короннаго, такъ какъ, повторяя почти каждый день одно и то же, судья коронный, какъ и всякій человѣкъ, привыкаетъ исполнять свои обязанности почти механически и въ концѣ-концовъ, самъ быть можетъ того не замѣчая, постепенно обращаетъ свою судейскую дѣятельность въ ремесло.

Какъ увеличеніе числа преступленій, такъ и лжесвидѣтельство сознаются не только населеніемъ, но и высшимъ правительствомъ, которое, какъ было выше сказано, озабочено изысканіемъ средствъ для борьбы съ этимъ главнымъ зломъ провосудія—лжесвидѣтельствомъ. Успѣшность борьбы съ нимъ, какъ и со всякимъ зломъ, безъ сомнѣнія, находится въ прямой зависимости отъ опредѣленія причинъ, его порождающихъ. Очевидно, что зло это практикуется, какъ средство для введенія суда въ заблужденіе, съ цѣлью добиться неправильнаго разрѣшенія дѣла, и средство это не практиковалось бы, если бы не достигалась преслѣдуемая цѣль. Иначе зло это прекратилось бы само собою. Судъ коронный легко впадаетъ въ подобныя ошибки, и помимо того, что онъ связанъ формальностями, слабая его сторона заключается именно въ недостаткѣ знанія, нравовъ, обычаевъ и особенностей той среды, къ которой принадлежатъ подсудимые и свидѣтели. Этотъ-то именно недостатокъ и лишаетъ его возможности правильно оцѣнивать улики и доказательства, а особенно свидѣтельскія показанія. Но если всякій корон-

ный судъ страдаетъ недостаточнымъ вообще знакомствомъ съ указанными выше условіями, то нашъ закавказскій судъ, вслѣдствіе частой перемѣны въ личномъ его составѣ и пополненія его людьми, совершенно незнакомыми съ краемъ,—заваленный при томъ массой дѣлъ,—вовсе не можетъ знать означенныхъ бытовыхъ и иныхъ особенностей мѣстнаго населенія. Слѣдовательно, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что нашъ судъ не всегда можетъ проявлять должную проницательность къ вѣрному пониманію фактическихъ обстоятельствъ дѣла и къ надлежащей оцѣнкѣ свидѣтельскихъ показаній. Вотъ эта-то естественная неспособность суда коренного разобраться въ обстоятельствахъ фактической стороны дѣла и отличить въ свидѣтельскихъ показаніяхъ ложь отъ правды, особенно при внѣшней логичности и правдоподобности этихъ показаній,—особенность, которую прекрасно замѣчаютъ и сами свидѣтели,—вызвала къ жизни и поддерживаетъ величайшее народное зло—лжесвидѣтельство. Эти самые свидѣтели не осмѣливались бы давать ложныя показанія, еслибъ они видѣли, что ихъ слушаютъ люди, видящіе ихъ насквозь, знакомые съ ихъ жизнью и невѣрящіе ихъ изворотливымъ показаніямъ. Вотъ настоящія причины такого развитія лжесвидѣтельства.

Между тѣмъ въ печати, какъ на главныя причины его, указывалось на некультурность кавказскаго обывателя и на слабость уголовной репрессіи противъ лжесвидѣтелей, почему въ числѣ мѣръ для искорененія лжесвидѣтельства рекомендуются поднятіе нравственнаго и умственнаго состоянія населенія путемъ школъ и другихъ средствъ образованія и усиленное привлеченіе лжесвидѣтелей къ отвѣтственности. Нѣтъ сомнѣнія, что поднятіе образованія, способствуя вообще поднятію умственнаго, нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія населенія, должно вести и къ уменьшенію преступленій вообще, а въ частности, слѣдовательно, и къ уменьшенію лжесвидѣтельства. Но не надо забывать, что вліяніе этихъ мѣръ бываетъ всегда весьма медленное, долгое, и притомъ онѣ не могутъ непосредственно влiять на уменьшеніе лжесвидѣтельства и искоренить его. Никакой народъ не бываетъ въ массѣ такъ совершенно культуренъ, чтобы одно это могло уничтожить всѣ преступленія и лжесвидѣтельство въ томъ числѣ. А такая полукультура, которая возможна для массы населенія, при извѣстныхъ неблагопріятныхъ условіяхъ можетъ скорѣе влiять на увеличеніе нѣкоторыхъ преступленій, нежели на уменьшеніе ихъ. Поэтому замѣчено, что, при дурной организаціи суда, чѣмъ ниже стоитъ по умственному развитію населеніе какой-либо мѣстности, тѣмъ менѣе развито въ немъ лжесвидѣтельство. То же самое и у насъ въ губерніи лжесвидѣтельство почти неизвѣстно въ глухихъ и отдаленныхъ отъ городовъ мѣстахъ, а, напротивъ, съ приближеніемъ къ болѣе, такъ называемымъ, культурнымъ центрамъ оно все болѣе и болѣе усиливается. Тутъ, конечно, я имѣю въ виду массу населенія, а не интелигентныхъ и вполнѣ культурныхъ людей, которыхъ никакая форма суда не можетъ сдѣлать лжесвидѣтелями. Что же касается до уголовной репрессіи противъ лжесвидѣтелей, то необходимо имѣть въ виду, что не всегда бываетъ возможно привлеченіе ихъ къ отвѣтственности, потому что не всегда судъ можетъ быть увѣренъ въ томъ, какіе именно свидѣтели дали ложное показаніе, тѣ ли, на основаніи показанія которыхъ рѣшено дѣло, или другіе; притомъ судьи и безъ того заваленные непосильной работой, не особенно стараются увели-

чивать ее возбужденіемъ безконечныхъ дѣлъ противъ лжесвидѣтелей. И едва ли это помогло бы чему-либо, потому что вмѣстѣ съ дѣйствительно ложными свидѣтелями такое же наказаніе не рѣдко пришлось бы нести и свидѣтелямъ, совершенно правдивымъ и считающимся ложными только потому, что приговоръ былъ произнесенъ не согласно ихъ показаніямъ, а по коказаніямъ противоположныхъ свидѣтелей, въ дѣйствительности ложныхъ. Слѣдовательно, причина такого развитія лжесвидѣтельства не неусиленное привлеченіе лжесвидѣтелей къ отвѣтственности и не некультурность населенія, а просто обыкновенный азбучный мировой законъ, что всякій спросъ вызываетъ и соотвѣтствующее предложеніе. Установленіе формы суда, допускающей возможность лжесвидѣтельства, служитъ главною причиною его проявленія. Возьмемъ для примѣра внутреннія губерніи Россіи. Въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ дѣйствуетъ судъ коронный, почти точно также развито лжесвидѣтельство, какъ и у насъ, на Кавказѣ, а тамъ гдѣ дѣйствуетъ судъ съ присяжными засѣдателями, лжесвидѣтельство уже не практикуется на судѣ, за невозможностью его существованія. То же самое замѣчаемъ мы и на Кавказѣ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ дѣйствуютъ суды съ народными представителями. Для примѣра достаточно указать тѣ мѣста, гдѣ введены народные суды. Тамъ лжесвидѣтельство совершенно неизвѣстно и кромѣ того процентъ преступленій несравненно ниже, чѣмъ въ тѣхъ частяхъ края, гдѣ существуютъ коронные суды. Слѣдовательно, причина зла лежитъ не въ субъективныхъ свойствахъ населенія, а въ самой организаціи суда короннаго. Иначе, чѣмъ объяснить, что лжесвидѣтельство почти не было извѣстно при дѣйствіи законовъ царя Вахтанга. Оно не было замѣтно и въ дореформенномъ старомъ судѣ, а стала постепенно развиваться, съ введеніемъ новыхъ судовъ При существованіи судовъ дореформенныхъ, ни потерпѣвшимъ, ни подсудимымъ не было извѣстно о томъ, что дѣлается въ судахъ, и тогда невозможна была никакая игра сторонъ на судѣ. Между тѣмъ, какъ теперь арена для подобной игры между сторонами совершенно открыта. Это обстоятельство вызвало къ жизни двѣ группы людей, изъ которыхъ одна имѣетъ своей профессіей дачу ложныхъ показаній, а другая подготовленіе этихъ лжесвидѣтелей и веденіе самой игры на судѣ. И это единственно потому, что начала, выработанныя наукою, признанныя ею высшею формою и введенныя въ судебные уставы Императора Александра II, были урѣзаны, измѣнены и въ искаженномъ видѣ примѣнены къ намъ. Поэтому единственное, что выгодалъ Кавказъ отъ примѣненія къ намъ въ такомъ видѣ судебныхъ уставовъ—это улучшеніе, и несравненное, конечно, улучшеніе, личнаго состава, а во всемъ остальномъ уголовный процессъ, какъ говорилось выше, остался у насъ почти тѣмъ же, чѣмъ былъ и прежде: медленнымъ, формальнымъ и письменнымъ.

Изъ всего сказаннаго несомнѣнно, что уголовное правосудіе находится у насъ въ крайне безотрадномъ состояніи, и для того, чтобы помочь уничтоженію существующей медленности, ненужнаго формализма, уменьшенію числа преступленій и искорененію лжесвидѣтельства, необходимо измѣнить существующую у насъ организацію короннаго суда и замѣнить его судомъ болѣе совершеннымъ.

Лишь допущеніе участія въ отправленіи правосудія общественнаго элемента, гарантирующаго за судами достаточное знакомство съ бытовыми и

иными особенностями мѣстнаго населенія, а, слѣдовательно, и полную способность къ правильному пониманію обстоятельствъ дѣла, путемъ вѣрной оцѣнки свидѣтельскихъ показаній и другихъ данныхъ, могло бы поднять у насъ правосудіе на надлежащую высоту. Какъ извѣстно, въ каждомъ почти дѣлѣ есть свидѣтели, діаметрально противорѣчащіе другъ другу, изъ чего слѣдуетъ заключить, что между ними есть и безусловно добросовѣстные свидѣтели, дающіе правдивое показаніе, и если бы суды могли каждый разъ разбираться въ нихъ, то ложные свидѣтели сами собою перестали бы являться. Но такъ какъ лжесвидѣтельство не уничтожается, а напротивъ все усиливается, то это одно достаточно доказываетъ, что имъ часто вѣрятъ и на основаніи ихъ показаній постановляются неправильные приговоры. Ничто подобное немыслимо, если бы въ судахъ участвовали и представители общества. Необходимость пріобщенія общественнаго элемента къ дѣлу отправленія правосудія и на окраинахъ—сознается и въ высшихъ сферахъ. Вотъ что сказалъ такой авторитетный юристъ, какъ настоящій министръ юстиціи, въ общемъ собраніи Высочайше утвержденной коммисіи для пересмотра законоположеній по судебной части: „Едва ли кто-нибудь теперь сомнѣвается, что въ области уголовной юстиціи весьма трудно, если не вовсе невозможно, обойтись безъ содѣйствія гражданъ-обывателей въ качествѣ непрофессіональныхъ судей, призываемыхъ изъ общества и народа раздѣлять съ судьями правительственными тяготу суда надъ нарушителями уголовнаго закона“. Поэтому и Высочайше утвержденная коммисія была за введеніе суда съ участіемъ представителей общества вездѣ, гдѣ его не существуетъ. Она высказалась за введеніе въ мѣстностяхъ, гдѣ дѣйствуютъ исключительно коронные суды, суда присяжныхъ особаго состава съ повышеннымъ образовательнымъ и имущественнымъ цензомъ и со сліяніемъ ихъ въ одну коллегію съ коронными судьями, только въ томъ случаѣ, если введеніе тамъ института присяжныхъ общаго состава будетъ признано невозможнымъ по соображеніямъ политическимъ или инымъ мѣстнымъ условіямъ. Такъ какъ нѣтъ основанія думать, чтобы введеніе въ Кутаисской губерніи какого бы то ни было суда встрѣтило препятствіе по соображеніямъ политическаго характера, то слѣдуетъ надѣяться, что намъ можетъ быть дарованъ тотъ судъ, который и наукою, и практикою признается лучшею и высшею формою суда и который можетъ быть примѣнимъ къ намъ. Эта форма суда—судъ присяжныхъ засѣдателей, дѣйствующій во всей Европѣ и во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, такъ какъ введеніе суда присяжныхъ особаго состава оказалось бы и фактически болѣе затруднительнымъ, чѣмъ суда присяжныхъ общаго состава. Вслѣдствіе недостатка въ лицахъ съ высшимъ образовательнымъ цензомъ, имѣющихъ и нужный для этого имущественный цензъ, годныхъ для отправленія высокихъ судейскихъ обязанностей, суды особаго состава пришлось бы пополнять, главнымъ образомъ, лицами, наполняющими канцеляріи разныхъ присутственныхъ мѣстъ и представляющими собою такой элементъ, который тою же Высочайше утвержденною коммисіей признанъ „неблагопріятнымъ въ дѣлѣ отправленія правосудія“.

Такимъ образомъ, останавливаясь на судѣ присяжныхъ засѣдателей какъ на лучшей формѣ уголовной юстиціи, необходимо имѣть въ виду, что вопросъ о достоинствахъ этого суда уже не разъ подвергался всестороннему и тщательному обсужденію какъ въ спеціальной и общей литературѣ,

такъ и въ совѣщаніяхъ высшихъ судебныхъ практическахъ дѣятелей, а равно въ Высочайше учрежденной коммисіи для пересмотра законоположеній по судебной части. И наука, и печать, а равно и высшіе представители судебнаго вѣдомства и коммисія по пересмотру судебныхъ уставовъ, со своимъ предсѣдателемъ, министромъ юстиціи во главѣ, пришли къ единогласному и категорическому заключенію, что судъ присяжныхъ представляетъ собою лучшую форму суда для разрѣшенія большей части серьезныхъ уголовныхъ дѣлъ. Въ виду такой постановки вопроса о судѣ присяжныхъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, тутъ слѣдуетъ намъ ограничиться лишь указаніями на тѣ крупныя особыя преимущества этого суда, которыя ставятъ его выше суда профессіональнаго.

Первое изъ такихъ преимуществъ суда общественной совѣсти выражается въ его высокомъ нравственно-воспитательномъ вліяніи на общество. Поднимая въ массѣ населенія сознаніе личной отвѣтственности и личнаго достоинства, содѣйствуя распространенію убѣжденія въ томъ, что всякое преступленіе, какъ бы хитро оно ни было совершено, не можетъ укрыться отъ правосудія и должно быть наказано,—судъ присяжныхъ представляетъ одно изъ могущественнѣйшихъ средствъ развитія и укрѣпленія въ обществѣ чувства законности, правды и справедливости. Судъ этотъ, по замѣчанію одного изъ извѣстнѣйшихъ современныхъ нашихъ юристовъ А. Ѳ. Кони, „есть судъ, имѣющій облагораживающее вліяніе на народную нравственность и служащій проводникомъ народнаго правосознанія". Слѣдовательно, онъ долженъ вліять и на уменьшеніе преступленій вообще, а также и на искорененіе лжесвидѣтельства.

Второе преимущество заключается въ присущемъ суду присяжныхъ опытѣ жизни знаніи мѣстныхъ житейскихъ условій и особенностей той среды, въ которой зарождается и совершается преступленіе. Въ противоположность профессіональнымъ судьямъ, которыхъ спеціальное юридическое образованіе и профессіональная дѣятельность ставятъ въ такія условія жизни, что имъ недоступно необходимое для правильнаго разрѣшенія дѣлъ знакомство съ разнообразными житейскими условіями, различной обстановкой, въ которой совершаются преступленія,—присяжные засѣдатели, принадлежа къ разнообразнѣйшимъ представителямъ общества, знаютъ жизнь этого послѣдняго во всѣхъ его слояхъ, со всѣми мѣстными особенностями и оттѣнками каждой изъ многоразличныхъ группъ, входящихъ въ составъ общества. Благодаря этому присяжные способны подмѣчать и улавливать такія даже самыя ничтожныя, на первый взглядъ, обстоятельства изслѣдуемаго событія, которыя, ускользая отъ вниманія профессіональныхъ судей служатъ, однако, ключемъ для правильнаго уразумѣнія дѣла. Этою стороною учрежденія суда общественной совѣсти руководствовались и составители судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 г., по мнѣнію которыхъ

„присяжные засѣдатели должны были внести въ судъ многіе элементы, необходимые для правильности его дѣйствій, а въ числѣ ихъ знаніе—въ отношеніи большей части подсудимыхъ—нравовъ, обычаевъ и образа жизни той общественной среды, къ которой принадлежитъ подсудимый".

Безусловная справедливость этого соображенія засвидѣтельствована на основаніи 30-лѣтняго опыта примѣненія въ Россіи суда присяжныхъ засѣ-

дателей Высочайшей учрежденной коммисіею по пересмотру судебныхъ уставовъ, по словамъ которой,

„знаніе жизни и мѣстныхъ ея особенностей, присущее присяжнымъ, съ избыткомъ вознаграждаетъ правосудіе за тотъ недостатокъ юридическихъ свѣдѣній, которымъ они отличаются отъ профессіональныхъ юристовъ, дѣлая ихъ способными къ оцѣнкѣ и вѣрному пониманію такихъ обстоятельствъ фактической стороны разсматриваемаго дѣла, которыя неминуемо ускользали бы отъ вниманія судей коронныхъ“.

Третью драгоцѣнную способность присяжныхъ засѣдателей составляетъ ихъ чрезвычайная впечатлительность и чуткость ко всѣмъ индивидуальнымъ особенностямъ каждаго отдѣльнаго дѣла. Въ то время, какъ у профессіональныхъ судей, силою ихъ профессіональной дѣятельности ,неизбѣжно создается много такихъ предубѣжденій, которыя, развивая въ нихъ формальное отношеніе къ дѣлу, лишаютъ ихъ способности къ всесторонней и правильной оцѣнкѣ уликъ и доказательствъ, почему въ сильной степени увеличивается и опасность постановки ошибочныхъ приговоровъ, присяжные засѣдатели, представляя въ судѣ элементъ отзывчивый, чуткій къ особенностямъ каждаго разсматриваемаго дѣла и къ требованіямъ живой правды и справедливости, совершенно свободны отъ указанной предубѣжденности взглядовъ. По словамъ председателя Высочайше утвержденной коммисіи,

„присяжные вносятъ въ судъ свѣжій притокъ непредубѣжденныхъ взглядовъ и простого житейскаго здраваго смысла, тогда какъ въ коронномъ судѣ, при его неизбѣжной медленности, безжизненности и формализмѣ, часто водворяются профессіональная сухость и рутина, благодаря которымъ на людей легко пріучаются смотрѣть только какъ на механическіе объекты воздѣйствія карательнаго закона“.

а на свою обязанность какъ на ремесло...

Таковы важнѣйшія достоинства суда присяжныхъ, благодаря которымъ учрежденіе это подняло русское уголовное правосудіе на неизмѣримую высоту и завоевало себѣ и довѣріе правительства и самыя живыя симпатіи общества.

Приведенныя выше соображенія и побудили министра юстиціи въ своемъ объясненіи по поводу судебной реформы въ Сибири сказать, между прочимъ, слѣдующее:

„Министерствомъ юстиціи признавалось, что вообще для окраинъ долженъ быть взятъ общій и нормальный типъ суда и что затѣмъ уже въ немъ нужно сдѣлать тѣ лишь измѣненія и ограниченія или изъятія, которыя вызываются неизбѣжною необходимостью. Зачѣмъ лишать охрану коренныхъ судебныхъ гарантій, опредѣляющихъ не форму только, а самую сущность правосудія“.

Затѣмъ и Высочайше утвержденная коммисія, какъ выше было сказано, стоитъ за введеніе института присяжныхъ общаго типа вездѣ, гдѣ только это не будетъ признано невозможнымъ.

Обсуждая этотъ вопросъ, собраніе нашло, что Кутаисская губ. не представляетъ никакихъ особенностей, мѣшающихъ введенію въ ней суда присяжныхъ. Дабы каждый могъ убѣдиться въ этомъ, укажемъ на тѣ обстоятельства и условія мѣстной жизни, которыя выставлялись, какъ препятствіе къ введенію у насъ суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

Лѣтъ 30 тому назадъ, какъ это видно изъ общей записки къ проекту положенія о примѣненіи судебныхъ уставовъ къ Закавказью (стр. 23 и 24), судъ присяжныхъ затруднялись ввести потому, что находили, что учрежденіе присяжныхъ засѣдателей обусловливается будто правильнымъ устройствомъ земства и существованіемъ особыхъ земскихъ учрежденій каковой институтъ въ Закавказскомъ краѣ, какъ извѣстно, не былъ введенъ тогда и продолжаетъ отсутствовать и по настоящее время. Не трудно, однако убѣдиться въ полной ошибочности такого взгляда. Ни въ какой органической и непосредственной связи земскія учрежденія и судъ присяжныхъ засѣдателей между собой не находятся, чему лучшимъ доказательствомъ могутъ служить нѣкоторыя другія губерніи Россіи, имѣющія у себя судъ присяжныхъ, но неимѣющія земства. Существованіе земскихъ учрежденій можетъ, конечно, представить для суда присяжныхъ нѣкоторое удобство и только удобство въ смыслѣ облегченія труда при составленіи списковъ присяжныхъ засѣдателей, что подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что судебные уставы сами предусматриваютъ порядокъ составленія списковъ присяжныхъ засѣдателей и для мѣстностей, въ коихъ не введены земскія учрежденія. При этомъ не мѣшаетъ имѣть въ виду, что, не задолго передъ этимъ, нашимъ же дворянствомъ возбуждено ходатайство о дарованіи Кутаисской губ. земскихъ учрежденій, и надо надѣяться, что ходатайство это не встрѣтитъ никакихъ препятствій; но если бы даже, паче чаянія, въ ходатайствѣ этомъ намъ было отказано, то и въ томъ случаѣ отсутствіе земскихъ учрежденій, какъ только что было объяснено, не можетъ помѣшать введенію у насъ суда съ присяжными засѣдателями.

Далѣе, въ числѣ условій, затрудняющихъ примѣненіе къ Закавказскому краю присяжнаго суда, упомянутая выше записка называла то обстоятельство, что народонаселеніе составлено изъ слишкомъ разнообразныхъ и неприязненныхъ другъ другу элементовъ. Но можно положительно утверждать, что предположеніе о разноплеменности населенія, какъ помѣхѣ для введенія просимаго суда, можетъ считаться основательнымъ лишь отчасти и то не въ отношеніи Кутаисской губ. Такъ, изъ статистическихъ данныхъ послѣдняго года видно, что Кутаисскую губернію, при общемъ числѣ жителей въ милліонъ человѣкъ, населяетъ почти исключительно картвельское племя; всего въ губерніи живетъ около 900 тыс. грузинъ. Отсюда очевидно, что остальныя народности составляютъ ничтожный процентъ. Слѣдовательно, о разноплеменности населенія не можетъ быть и рѣчи тамъ, гдѣ господствующее населеніе губерніи представляетъ 90%. Да если бы даже существовало такое различіе, то и тогда оно не должно было представлять препятствія для введенія у насъ суда присяжныхъ. Вѣдь племенное различіе жителей въ Бессарабской губ. не помѣшало введенію тамъ суда присяжныхъ еще въ концѣ 1869 года. Тамъ, какъ извѣстно, кромѣ молдаванъ, живутъ въ довольно значительномъ количествѣ и представители другихъ народностей, какъ то русскіе, армяне, болгары, нѣмцы-колонисты, кочующіе и осѣдлые цыгане, евреи и т. д. Между тѣмъ такая пестрота населенія не отразилась плохо на успѣшное дѣйствіе суда присяжныхъ, а, напротивъ, какъ и всюду въ Россіи, этотъ судъ возымѣлъ самыя благія послѣдствія для всего населенія. Въ Кутаисской губерніи не можетъ быть рѣчи и о разноплеменной не-

пріязни. Да и, вообще говоря, утвержденіе о враждебномъ отношеніи между собою различныхъ національностей на Кавказѣ, какъ справедливо указано было недавно въ засѣданіи Кавказскаго юридическаго общества, совершенно голословно. Обстоятельство это признается и раздувается лицами, ошибочно склонными видѣть въ самой обыкновенной общественно-экономической борьбѣ классовъ какую-то отъ самой природы врожденную непримиримую международную ненависть.

Какъ на обстоятельство, крайне затрудняющее введеніе у насъ суда общественной совѣсти, указывалось также на существованіе на Кавказѣ массы языковъ и нарѣчій, но и этотъ доводъ не можетъ считаться основательнымъ, потому что всякій, кто знакомъ съ Кавказомъ, знаетъ, что въ каждой изъ его губерній всѣ народности говорятъ на господствующемъ языкѣ. Напримѣръ, трудно найти въ Эриванской, Бакинской и Елисаветпольской губерніяхъ лицо, не говорящее по-татарски. Точно также въ Тифлисской и Кутаисской губерніяхъ почти всѣ говорятъ по грузински, какъ природные грузины. Это возраженіе о массѣ нарѣчій не можетъ имѣть значенія особенно для Кутаисской губ., такъ какъ населеніе негрузинскаго происхожденія представляетъ здѣсь самый незначительный процентъ. Но если даже и допустить существованіе такого разноязычія, то и въ этомъ случаѣ, при знаніи всѣми грузинскаго языка, оно не можетъ служить препятствіемъ для введенія у насъ суда присяжныхъ. Дѣло въ томъ, что если судъ присяжныхъ засѣдателей, какъ мы просимъ, будетъ организованъ у насъ по образцу суда, дѣйствующаго во внутреннихъ губерніяхъ, то однимъ изъ требованій для избранія мѣстныхъ обывателей въ присяжные засѣдатели должно, конечно, быть знаніе русскаго языка и умѣніе читать по русски. Это обстоятельство, въ связи съ существованіемъ института, переводчиковъ, дѣлаетъ уже невозможнымъ взаимное непониманіе какъ между присяжными, такъ и вообще между всѣми въ томъ или другомъ видѣ участвующими въ судебномъ процессѣ. А присутствіе въ качествѣ присяжныхъ засѣдателей лицъ, знающихъ какъ русскій, такъ и мѣстные языки, естественно, не можетъ ни чему мѣшать, а напротивъ при плохомъ состояніи у насъ института судебныхъ переводчиковъ, присяжные изъ туземцевъ могутъ тщательно провѣрять дѣлаемые въ судебныхъ засѣданіяхъ переводы, и въ судѣ появится лишній составъ судей, непосредственно понимающихъ какъ подсудимыхъ, такъ и свидѣтелей, и при томъ составъ, отправляющій самую важную функцію уголовнаго правосудія, а именно, опредѣляющій вопросъ о винѣ или невиновности подсудимаго, что несомнѣнно должно служить лишь весьма важнымъ дополненіемъ, а никакъ не обстоятельствомъ, могущимъ ухудшить состояніе существующаго у насъ уголовнаго правосудія.

Обращаясь къ вопросу о томъ, можно ли разсчитывать на достаточный для Кутаисской губерніи контингентъ лицъ, грамотныхъ на русскомъ языкѣ и вообще удовлетворяющихъ условіямъ предъявляемымъ закономъ присяжнымъ засѣдателямъ, необходимо замѣтить, что если въ самомъ началѣ судебной реформы могло быть въ этомъ какое либо сомнѣніе, то въ настоящее время, по истеченіи трехъ съ лишнимъ десятковъ лѣтъ, такое сомнѣніе не можетъ уже имѣть никакого мѣста. За этотъ періодъ времени дѣло народнаго просвѣщенія и вообще культурнаго развитія сдѣлало громадные успѣхи

и мнѣніе объ отсталости и сравнительной съ чисто-русскими губерніями малограмотности туземнаго населенія теперь должно уже считаться совершенно устраненнымъ. Чтобы не быть голословнымъ, сошлемся на цифровыя данныя, помѣщенныя въ только что отпечатанномъ отчетѣ попечителя кавказскаго учебнаго округа о состояніи учебныхъ заведеній за 1897 годъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ, т. е. въ 1878 г. среднихъ учебныхъ заведеній въ округѣ было 24, тогда какъ въ отчетномъ году ихъ уже стало 47, почти вдвое болѣе. Въ группѣ низшихъ учебныхъ заведеній за этотъ же періодъ произошли слѣдующія перемѣны. Въ 1878 г. ихъ было всего 27, теперь же насчитывается 66, слѣдовательно, за 20 лѣтъ число ихъ возросло почти въ $2^1/_2$ раза. Наконецъ, число начальныхъ школъ доходитъ въ настоящее время до 1,373, тогда какъ въ 1878 г. ихъ было всего 547. Въ томъ же отчетѣ находимъ весьма интересныя свѣдѣнія, показывающія ростъ чисто-русскихъ школъ, гдѣ преподаваніе ведется исключительно на русскомъ языкѣ. Такихъ школъ теперь насчитывается 1045 или 84,7%, тогда какъ въ 1878 г. ихъ было менѣе половины этого числа. Но кромѣ школъ, находящихся въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія на Кавказѣ имѣются еще школы разныхъ вѣдомствъ въ количествѣ 1328.

Обращаясь къ нашимъ городамъ несомнѣнно, что въ губернскомъ городѣ Кутаисѣ, въ мѣстѣ нахожденія многихъ общественныхъ и правительственныхъ губернскихъ учрежденій и главномъ административномъ центрѣ губерніи съ милліоннымъ населеніемъ, въ мѣстѣ существованія четырехъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ коихъ ежегодно обучаются до двухъ тысячъ человѣкъ и гдѣ однихъ русскихъ обывателей свыше 4,000,—не можетъ чувствоваться ни малѣйшаго недостатка въ лицахъ грамотныхъ и вообще подготовленныхъ къ званію присяжнаго засѣдателя. Слѣдуетъ тутъ же замѣтить, что въ Кутаисской губерніи немало также и лицъ съ высшимъ образованіемъ, о чемъ, между прочимъ, можно судить потому, что въ одной кутаисской классической гимназіи, не считая окончившихъ курсъ въ учебныхъ заведеніяхъ другихъ губерній и вышедшихъ изъ послѣднихъ классовъ гимназіи, за время существованія послѣдней кончило курсъ болѣе 1,000 человѣкъ и изъ нихъ большинство поступало затѣмъ въ высшія учебныя заведенія имперіи. Почти то же самое можно сказать и о другихъ городахъ и мѣстечкахъ, какъ Батумъ, Сухумъ, Поти, Озургеты, Зугдиды, Они и Сачхери, пунктахъ посѣщаемыхъ выѣздными сессіями окружнаго суда. Полагая на каждый сессіонный періодъ, какъ гласитъ учр. судеб. уст. ст. 100. п. 3 по прод. 1890 г., по 60 лицъ изъ общаго очереднаго списка присяжныхъ засѣдателей, ни въ одномъ уѣздѣ не можетъ представиться никакого затрудненія набрать нужное количество лицъ, способныхъ къ исполненію обязанностей присяжнаго засѣдателя. Насколько дѣйствительно распространено знаніе русскаго языка,—говорится въ докладѣ, читанномъ г. Грузенбергомъ въ кавказскомъ юридическомъ обществѣ на тему „Къ вопросу о введеніи суда присяжныхъ на Кавказѣ“,—можно заключить изъ того, что всенародная перепись въ Закавказьѣ и особенно въ Кутаисской губ., даже въ самыхъ глухихъ уголкахъ его, была совершена на русскомъ языкѣ, причемъ, повсюду среди мѣстнаго населенія нашлось вполнѣ достаточное „и даже болѣе, чѣмъ нужно было“, число счетчиковъ, владѣющихъ весьма удовлетворительно русскимъ языкомъ. Счетчиковъ же требовалось по одному на каждые 500 жителей. Принимая за среднюю

цифру 100 тысячъ населенія на каждый уѣздъ Кутаисской губерніи, выходитъ (100,000:500), что число счетчиковъ на одинъ уѣздъ приходилось до 200. Но это только минимумъ, ибо повсюду счетчиковъ было, какъ сказано, даже болѣе, чѣмъ нужно и то въ глухихъ мѣстахъ.

Если допустить даже, что въ какомъ-либо уѣздѣ могъ бы оказаться недостатокъ въ лицахъ, могущихъ быть присяжными, то это не должно служить препятствіемъ къ учрежденію у насъ присяжнаго института, такъ какъ и самые судебные уставы допускаютъ такую возможность даже для внутреннихъ губерній Россіи и, какъ видно изъ 105 ст. учрежд. суд. уст., предусматриваютъ выходъ изъ него. Но если ко всему этому прибавить, что не всѣ уголовныя дѣла, нынѣ подвѣдомственныя окружнымъ судамъ, подсудны суду съ присяжными, а только наиболѣе важныя и тяжкія, и что, наконецъ, Высочайше утвержденная коммисія для пересмотра законоположеній по судебной части предполагаетъ увеличить контингентъ лицъ, могущихъ быть присяжными засѣдателями, путемъ привлеченія офицеровъ военной и морской службы, то становится очевиднымъ, что недостатка въ лицахъ, могущихъ быть присяжными засѣдателями, въ Кутаисской губерніи быть не можетъ.

Наконецъ, однимъ изъ важныхъ доводовъ противъ введенія у насъ суда присяжныхъ засѣдателей по той же запискѣ служила „некультурность населенія и превратное будто во многихъ мѣстностяхъ понятіе народа о преступности, въ особенности кровомщенія, разбоя, грабежа, увоза женщинъ, кражи и т. д., вслѣдствіе чего не представляется никакой будто возможности ввѣрить уголовное правосудіе представителямъ народа“. Слова эти были сказаны въ 60-хъ годахъ, когда у насъ только-что вводился новый судъ и надо полагать, что при этомъ и тогда не имѣлось въ виду Кутаисской губерніи, такъ какъ населеніе грузинское никогда не руководствовалось подобными превратными взглядами и всегда было достаточно подготовлено къ воспріятію лучшей формы суда. Еще въ періодъ до присоединенія Грузіи къ Россійской имперіи, у насъ, какъ и всюду, нарушители правового порядка всегда несли должное возмездіе въ формѣ болѣе или менѣе тяжкихъ уголовныхъ наказаній, такъ что никакого такого понятія, разсматривающаго грабежи, разбои, кражи и т. п., какъ явленія вполнѣ законныя и похвальныя, народъ нашъ никогда не держался. Чувство самосохраненія, понятіе о собственности и т. п. одинаково свойственны какъ русскому, такъ и грузину.

Сильное развитіе разбойничества, замѣчаемое и то не въ Кутаисской губ., а въ другихъ мѣстахъ Кавказа, нужно во всякомъ случаѣ объяснить не тѣмъ, что будто мѣстное населеніе не считаетъ даннаго дѣянія за преступленіе, а совершенно другими причинами, о которыхъ говорилось выше. Населеніе совершенно устранено отъ участія въ борьбѣ съ разбоями и вообще съ нарушителями порядка и является только потерпѣвшимъ отъ нихъ. При полномъ отвращеніи къ нимъ и озлобленіи, которое питаетъ населеніе, оно безсильно предпринять что-либо въ свою защиту. Между тѣмъ, если бы оно было привлечено къ участію въ судѣ въ качествѣ присяжныхъ, то это народное негодованіе дало бы себя почувствовать нарушителямъ закона и несомнѣнно повліяло бы на уменьшеніе какъ разбоя, такъ и всякихъ другихъ преступленій. О степени развитія правосознанія, чувства справедливости и законности у насъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, то, что осужденіе невиннаго или оправданіе лица, считаемаго виновнымъ, случающееся

вслѣдствіе формализма короннаго суда, вызываетъ всегда въ присутствующей въ залѣ суда публикѣ чувство глубокаго негодованія и глухой ропотъ, что, какъ было говорено и выше, въ конецъ подрываетъ довѣріе къ суду и укореняетъ въ населеніи увѣренность въ возможности смотрѣть на судъ, какъ на арену для игры сторонъ и вызова неправильныхъ приговоровъ.

Населеніе Кутаисской губерніи, какъ извѣстно, вполнѣ развито для воспріятія лучшей формы суда, но если даже и допустить, что это не такъ, то обстоятельство это должно скорѣе говорить за, а не противъ суда съ участіемъ представителей общества,—суда естественнаго, близко стоящаго къ народу и способнаго понимать его нравственное міросозерцаніе, бытовыя особенности и правовыя понятія. Въ подтвержденіе этого мнѣнія достаточно привести слова такого компетентнаго и авторитетнаго учрежденія, какъ Государственный Совѣтъ, высказанныя имъ въ числѣ другихъ соображеній о необходимости суда присяжныхъ для Россіи.

„Неразвитость нашего народа,—читаемъ мы въ журналѣ Госуд. Сов. о преобразованіи судебной части въ Россіи (65, стр. 183),—не только не подтверждаетъ мнѣнія о преждевременности введенія у насъ суда присяжныхъ, но, напротивъ, представляетъ основаніе къ противоположному заключенію, потому что такой-то именно народъ и нуждается въ судьяхъ, которые бы вполнѣ его понимали и были къ нему сколь возможно ближе".

Все сказанное и побудило дворянство Кутаисской губерніи возбудить на очередномъ своемъ собраніи 9-го мая прошлаго года ходатайство о введеніи у насъ суда съ присяжными засѣдателями, въ полной увѣренности, что ни одна изъ мѣръ не можетъ имѣть такого благодѣтельнаго вліянія и не можетъ такъ способствовать къ уменьшенію вообще всякихъ преступленій и особенно лжесвидѣтельства, какъ введеніе суда съ присяжными засѣдателями.

Г. Тумановъ.

VIII.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1. Религіозныя преступленія по новому уголовному уложенію.

Уголовное уложеніе, воспроизводя въ главѣ второй „о нарушеніи ограждающихъ вѣру постановленій“ основныя воззрѣнія дѣйствующаго уложенія о наказаніяхъ на посягательства сего рода, вмѣстѣ съ тѣмъ содержитъ и зародыши иныхъ началъ, иныхъ воззрѣній. Болѣе-же крупною особенностью этой главы, которую прежде всего необходимо отмѣтить, представляется значительное смягченіе наказаній сравнительно съ уложеніемъ о наказаніяхъ. Такъ, напр., даже за богохуленіе въ церкви или при отправленіи общественнаго богослуженія судъ можетъ, въ силу ст. 53, назначить только заключеніе въ крѣпости на одинъ годъ. Жестокія уголовныя кары еще болѣе признаны непримѣнимыми къ дѣламъ о совращеніи. „Въ этихъ случаяхъ, разсуждалъ Государственный Совѣтъ, главнымъ способомъ борьбы съ распространеніемъ вѣрованій сектъ и ученій должно являться орудіе духовное: сила нравственнаго убѣжденія, соотвѣтствіе внутренняго достоинства проповѣдниковъ вѣры проповѣдуемымъ имъ идеямъ..... Страхъ уголовной кары, безъ нравственныхъ мѣръ воздѣйствія, не перерождая человѣка духовно, ведетъ его прямо къ лицемѣрію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ усиленію нравственнаго зла“. Соотвѣтственно этимъ сужденіямъ наказанія за совращеніе дѣйствительно очень сильно смягчены.

Напр., за ненасильственное совращеніе въ вѣру нехристіанскую судъ можетъ, на основаніи 53 ст., назначить заключеніе въ крѣпости на двѣ недѣли, тогда какъ по дѣйствующему уложенію самымъ низшимъ наказаніемъ можетъ оказаться ссылка на поселеніе. Нѣкоторымъ диссонансомъ здѣсь является наказаніе за совращеніе въ расколъ или секту. За такое ненасильственное совращеніе судъ, при признаніи смягчающихъ вину обстоятельствъ, можетъ вмѣсто ссылки на поселеніе назначить заключеніе въ крѣпости *на одинъ годъ*, тогда какъ за совращеніе въ нехристіанскую вѣру, по 53 ст., судъ можетъ опредѣлить, какъ мы видѣли, заключеніе въ крѣпости *на двѣ недѣли*. Подобное-же несоотвѣтствіе получается и при сопоставленіи наказаній за совращеніе посредствомъ насилія надъ личностью или наказуемой угрозы. За такое совращеніе въ нехристіанскую вѣру судъ, избравъ нормальнымъ наказаніемъ поселеніе, по 1 ч. 53 ст., можетъ перейти къ крѣпости на один годъ, а за такое-же совращеніе въ расколъ или секту, по 2 ч. 53 ст., менѣе поселенія назначить не можетъ. Во всякомъ-же случаѣ и наказанія за совращеніе въ расколъ или секту значительно понижены. Нынѣ за дѣяніе, предусмотрѣнное 1 ч. 196 ст. уложен. о наказ., судъ отъ ссылки на поселеніе не можетъ перейти къ исправительнымъ наказаніямъ (дополненіе къ ст. 150 по закону 10 іюня 1900 г.).

Сравненіе уголовнаго уложенія съ уложеніемъ о наказаніяхъ представляется интересъ и въ другомъ отношеніи—съ точки зрѣнія выясненія того, какъ относится новое уложеніе къ наиболѣе дорогимъ для человѣка вопросамъ—свободно исповѣдывать ту вѣру, которая соотвѣтствуетъ его убѣжденіямъ, и свободно распространять ученія своей вѣры.

Уголовное уложеніе не усвоило постановленій уложенія о наказаніяхъ объ отступленіи отъ христіанской вѣры въ нехристіанскую (ст. 185) и отъ православной въ иное христіанское вѣроисповѣданіе (ст. 188). По поводу невключенія этихъ статей въ новое уложеніе были высказаны въ особомъ совѣщаніи при Государственномъ Совѣтѣ слѣдующія соображенія. „Отсылка къ духовному начальству для увѣщанія и вразумленія какъ по существу своему, такъ и въ виду ст. 1002 уст. угол. судопр., не можетъ быть назначаема уголовнымъ судомъ. На этомъ собственно основаніи о принятіи такихъ мѣръ относительно совратившихся въ расколъ (уст. пред. и прес. прест., ст. 50) въ уложеніи о наказаніяхъ вовсе не упоминается. Засимъ, относительно другого рода послѣдствій, а именно пріостановленія пользованія виновными правами ихъ состоянія и ограни-

ченія мѣста ихъ жительства, надлежащія распоряженія, согласно статьѣ 39 уст. пред. и прес. прест., принимаются не судебною властью, а Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ. Въ связи съ изложеннымъ, не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что постановленіе о томъ, чтобы совратившіеся въ нехристіанство до возвращенія въ христіанство не пользовались правами ихъ состоянія, никогда почти не примѣнявшееся на практикѣ, вызываетъ, по существу рядъ недоразумѣній относительно, напр., примѣненія къ виновнымъ наказанія въ случаѣ совершенія ими новаго преступленія; относительно юридическаго положенія дѣтей, зачатыхъ во время такого отпаденія; относительно, наконецъ, самаго опредѣленія ихъ сословнаго положенія и пользованія сословными правами" [1]. Сопоставленіе этихъ соображеній съ категорическимъ мнѣніемъ Св. Синода, вполнѣ раздѣленнымъ особымъ присутствіемъ Государственнаго Совѣта, что нѣтъ необходимости сохранять на будущее время какія-либо мѣры взысканія для лицъ, отпадающихъ отъ единенія съ православною церковью, что совершенно несовмѣстны съ достоинствомъ православной церкви постановленія объ отобраніи дѣтей отъ родителей, совращенныхъ въ сектантство [2], приводитъ, по нашему мнѣнію, къ тому выводу, что исключеніе изъ уголовнаго уложенія мѣръ противъ отпадающихъ отъ православія или христіанства имѣетъ не одно кодификаціонное значеніе, а должно сопровождаться исключеніемъ соотвѣтственныхъ постановленій и изъ устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій при согласованіи его съ уголовнымъ уложеніемъ.

Въ связи съ изложеннымъ стоитъ невключеніе въ уголовное уложеніе постановленій: о вторичномъ уклоненіи въ ересь или расколъ (ст. 204 улож. о наказ.), объ отвѣтственности за непринятіе мѣръ для воспрепятствованія намѣревающемуся уклониться отъ православія (ст. 192 того же улож.) [3].

Мысль, что исповѣдываніе той или иной вѣры дѣло одной совѣсти человѣка, несомнѣнно оказала свое вліяніе при составленіи уголовнаго уложенія, но она не могла быть проведена послѣдова-

---

[1]) Журналъ, стр. 174—175.

[2]) Журналъ, стр. 72, 74.

[3]) Новое уложеніе оставляетъ неприкосновенными постановленія объ отвѣтственности за одну принадлежность къ расколоученію или сектѣ, соединеннымъ съ изувѣрнымъ посягательствомъ на жизнь, или оскопленіемъ или явно безнравственными дѣйствіями.

тельно. Устанавливая, какъ и дѣйствующее уложеніе, отвѣтственность за совращеніе, новое уголовное уложеніе также сохраняетъ и отвѣтственность раскольниковъ и духовныхъ лицъ инославныхъ христіанскихъ исповѣданій за совершеніе обрядовъ надъ православными въ виду того, что совершеніе ихъ направляется къ совращенію православныхъ. Такимъ образомъ получается слѣдующее, едва ли нормальное, положеніе: православный можетъ безнаказанно отступить отъ православія, но удовлетворить свои духовныя потребности по вѣроисповѣданію, соотвѣтствующему его убѣжденіямъ, не можетъ въ виду запрета, подъ страхомъ уголовной отвѣтственности, священнослужителю этого исповѣданія оказать ему духовную помощь.

По вопросу же о свободномъ проповѣданіи ученія своей вѣры новое уложеніе отступаетъ отъ дѣйствующаго только въ томъ отношеніи, что оно считаетъ наказуемымъ не самый фактъ совращенія, а средства, употребленныя для того. Такъ, оно строже всего караетъ совращеніе посредствомъ насилія надъ личностью или наказуемой угрозы, устанавливая неизвѣстную дѣйствующему законодательству отвѣтственность за такое совращеніе и въ православіе. Что касается ненасильственнаго совращенія, то новое уложеніе точно перечисляетъ преступныя средства совращенія.

Нельзя оставлять безъ вниманія и то обстоятельство, что уголовное уложеніе существенно измѣнило юридическую конструкцію постановленій уложенія о наказаніяхъ о религіозныхъ посягательствахъ. Основнымъ воззрѣніемъ, руководившимъ при составленіи новаго уложенія, было то, что сущность религіозныхъ преступленій состоитъ не въ посягательствѣ на самое Божество и на самую вѣру въ него, а въ посягательствѣ на религію, какъ на совокупность догматовъ и установленій, въ коихъ вѣра проявляется, что посягательства сего рода, помимо оскорбленія религіозныхъ вѣрованій отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ народныхъ массъ, при недостаточной охранѣ внѣшняго проявленія сихъ вѣрованій, могутъ поколебать уваженіе къ самой религіи и, тѣмъ самымъ, подорвать основы государственной и общественной жизни. Согласно сему къ группѣ преступныхъ посягательствъ на ограждающіе вѣру законы отнесены: поруганіе и осмѣяніе церкви и религіозныхъ вѣрованій, включая сюда и самое возложеніе хулы на Господа Бога; неисполненіе церковныхъ требованій, признаваемыхъ имѣющими общегражданское значеніе, а именно погребеніе христіанина безъ христіанскаго обряда; нарушеніе уваженія къ усопшимъ; нарушеніе свободы отправленія вѣры, выражающееся въ принужденіи къ выполненію рели-

гіознаго дѣйствія или въ воспрепятствованіи его выполненію; совращеніе при указанныхъ въ законѣ условіяхъ; проповѣдь лжеученій; принадлежность къ вѣроученіямъ, признаваемымъ нетерпимыми въ государствѣ, и нарушеніе особыхъ постановленій, направленныхъ къ огражденію православной вѣры отъ отвлеченія исповѣдывающихъ ее въ другія религіи. Соотвѣтственно изложенному же выше воззрѣнію на религіозныя посягательства въ главу вторую уголовнаго уложенія „о нарушеніи ограждающихъ вѣру постановленій" не внесены многія изъ числа религіозныхъ преступленій дѣйствующаго уложенія о наказаніяхъ.

Постановленія о лжеприсягѣ перенесены въ главу о противодѣйствіи правосудію (ст. 158), о святотатствѣ—въ главу о воровствѣ (ст. 588), причемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда, по свойству намѣренія виновнаго или по самымъ условіямъ и образу выполненія, захватъ имѣющаго религіозное значеніе предмета будетъ заключать въ себѣ надругательство или непристойное отношеніе къ святымъ, будетъ имѣть мѣсто совокупность посягательства на религію и преступнаго захвата имущества, и виновный будетъ подлежать тягчайшему изъ положенныхъ за эти преступленія наказаній. Также исключено изъ числа религіозныхъ посягательствъ повреждение предметовъ какъ освященныхъ употребленіемъ при богослуженіи, такъ даже и почитаемыхъ священными (ст. 553 угол. улож.). Далѣе къ группѣ частныхъ посягательствъ отнесены случаи посягательства на жизнь или тѣлесную неприкосновенность духовныхъ лицъ или оскорбленія ихъ (ст. 455, 476, 532). Въ главѣ второй сохранено только постановленіе 216 ст. улож. о наказ. объ отвѣтственности лицъ нехристіанскаго или инославнаго христіанскаго вѣроисповѣданія, раскольника или сектанта за оскорбленіе православнаго священнослужителя или насиліе надъ его личностью *съ цѣлью оказать неуваженіе къ вѣрѣ и церкви православной* (ст. 98).

Постановленія объ изданіи о продажѣ раскольническихъ богослужебныхъ книгъ (ст. 205 ул. о наказ.) и о постройкѣ или перестройкѣ раскольническихъ богомоленныхъ зданій (ст. 205 того же улож.) перенесены въ главѣ XV (ст. 301) и XVIII (ст. 380). Совершенно не включено въ уголовное уложеніе чрезвычайно суровое постановленіе статьи 202 улож. о наказ. о необозначеніи въ видахъ на жительство скопцовъ оскопленія, а также постановленіе ст. 195 объ отвѣтственности духовныхъ лицъ иностранныхъ исповѣданій за принятіе безъ разрѣшенія кого либо изъ иновѣрныхъ русскихъ подданныхъ въ свое вѣроисповѣданіе, такъ какъ въ этомъ

дѣяніи не заключается посягательства на свободу вѣроисповѣданія.

По совершенно инымъ основаніямъ, а именно какъ нарушенія чисто церковныхъ правилъ, не включены въ уголовное уложеніе постановленія о неисполненіи новообращенными въ православную вѣру уставовъ церкви (ст. 207 улож. о наказ.), объ уклоненіи лицъ православнаго вѣроисповѣданія отъ исповѣди и причащенія Св. Таинъ (ст. 208 того же улож.), о неприводѣ родителями своихъ дѣтей къ исповѣди (ст. 209 того же улож.), о нарушеніи благочинія въ церквахъ священнослужителями и церковно-причетниками (ст. 218 того же улож.).

Отъ изложенія общей характеристики главы второй новаго уголовнаго уложенія обратился теперь къ болѣе подробному разсмотрѣнію нѣкоторыхъ наиболѣе важныхъ постановленій этой главы.

А) *Богохуленіе, оскорбленіе святыни и кощунство.*

Постановленія уголовнаго уложенія о богохуленіи, оскорбленіи святыни и кошунствѣ прежде всего обращаютъ вниманіе двумя особенностями: введеніемъ совершенно новаго правила, направленнаго къ охраненію нехристіанскихъ вѣроисповѣданій, (ст. 76) и измѣненіемъ состава преступленія кущунства (ст. 74).

Сводъ законовъ уголовныхъ, оставаясь на почвѣ уложенія царя Алексѣя Михаиловича, охранялъ, по отношенію къ религіознымъ преступленіямъ, только церковь православную. Уложеніе о наказаніяхъ расширило объектъ охраны, отнеся постановленія о религіозныхъ преступленіяхъ не только къ православнымъ, но и къ инымъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ. Составители-же уголовнаго уложенія, слѣдуя примѣру западно-европейскихъ кодексовъ, а также имѣя въ виду наши основные законы, обезпечивающіе каждому иновѣрцу — еврею, магометанину, язычнику—свободное отправленіе ихъ вѣры по закону ихъ предковъ, признали необходимымъ предусмотрѣть въ новомъ уложеніи важнѣйшіе случаи посягательства на предметы религіознаго вѣрованія нехристіанъ. Относящаяся къ сему предмету ст. 76 уголовнаго уложенія устанавливаетъ отвѣтственность за поношеніе признаннаго въ Россіи нехристіанскаго вѣроисповѣданія или поруганіе дѣйствіемъ или поношеніе предмета религіознаго чествованія этого вѣроисповѣданія. Подъ широкимъ выраженіемъ „вѣроисповѣданіе“ слѣдуетъ

понимать какъ самое вѣроученіе, напр., магометанское, еврейское, такъ и отдѣльныя вѣрованія, раздѣляемыя тѣмъ или другимъ изъ сихъ вѣроученій. Въ проектѣ редакціонной коммисіи и было сказано такъ: „поношеніе религіи или религіознаго вѣрованія". Хотя особое совѣщаніе при Государственномъ Совѣтѣ замѣнило это выраженіе словомъ „вѣроисповѣданіе", но исключительно „въ цѣляхъ обобщенія", и такимъ образомъ мысль редакціонной коммисіи оказалась сохраненной въ текстѣ закона. Въ другихъ своихъ частяхъ ст. 76 представляетъ рѣзкія особенности отъ соотвѣтствующихъ ей статей, ограждающихъ христіанскія вѣроисповѣданія. Такъ, напр., въ ней не говорится о предметахъ, имѣющихъ религіозное значеніе черезъ употребленіе при богослуженіи. Условіемъ наказуемости оскорбленія религіи иновѣрцевъ является совершеніе такого посягательства въ молитвенномъ дѣлѣ или при публичномъ совершеніи религіознаго служенія, тогда какъ по отношенію къ христіанскимъ исповѣданіямъ наказуемо и поношеніе въ произведеніи печати, письмѣ или изображеніи. Наконецъ рѣзкая разница замѣтна и въ самомъ наказаніи.

По уложенію о наказаніяхъ *кощунство* отличается отъ богохуленія или оскорбленія святыни какъ по объекту посягательства, такъ и по способу дѣйствія. Объектомъ кощунства могутъ быть только правила и обряды церковные, но ни сама вѣра, св. писаніе, Таинство или Божество. По способу дѣйствія кощунство предполагаетъ „язвительныя насмѣшки", т. е. непристойныя шутки, безстыдныя выходки (напр. ради краснаго словца), тогда какъ богохуленіе—хулу, поруганіе, ругательство. По мысли составителей уложенія о наказаніяхъ постановленія о кощунствѣ должны служить дополненіемъ постановленій о богохуленіи, представляя однородную съ нимъ конструкцію, поэтому, казалось бы, кощунство должно быть наказуемо при тѣхъ-же условіяхъ, какъ и богохуленіе, т. е. при совершеніи его въ церкви, публичномъ мѣстѣ или въ собраніи болѣе или менѣе многолюднымъ или при свидѣтеляхъ, но съ намѣреніемъ произвести соблазнъ или оказать неуваженіе къ вѣрѣ. Правительствующій Сенатъ однако расширилъ понятіе кощунства. Онъ нашелъ возможнымъ примѣнять ст. 182 уложенія о наказаніяхъ къ случаямъ произнесенія брани и насмѣшекъ, обращенныхъ къ святынѣ, о которой говорится въ ст. ст. 176 и 178 того-же уложенія (рѣш. 1871 г. № 805 по дѣлу Добровольскаго и въ особенности рѣшеніе 13 февраля 1901 г. по дѣлу Чечерина не напечатанное) и къ случаямъ богохуленія, учиненнаго

при свидѣтеляхъ, но безъ намѣренія поколебать ихъ вѣру (рѣшеніе 1871 г. № 805 по дѣлу Добровольскаго). Уголовное уложеніе отчасти узаконило изложенное толкованіе Сената, отчасти отвергло его. Отвергло въ томъ смыслѣ, что по ст. 74 новаго уложенія кощунство наказуемо при тѣхъ-же условіяхъ, какъ богохуленіе и оскорбленіе святыни, т. е. если оно учинено при отправленіи общественнаго богослуженія, или въ церкви, часовнѣ, христіанскомъ молитвенномъ домѣ, или публично, или въ распространенныхъ или публично выставленныхъ произведеніяхъ печати, письмѣ или изображеніи или, наконецъ, съ цѣлью произвести соблазнъ между присутствующими. Узаконило-же въ томъ смыслѣ, что отнесло къ кощунству непристойныя насмѣшки надъ тѣми-же предметами вѣрованій, о которыхъ говорится въ ст. 73 устанавливающей отвѣтственность за богохуленіе и оскорбленіе святыни (п. 3 ст. 74). Но вмѣстѣ съ тѣмъ уголовное уложеніе въ п. п. 1 и 2 ст. 74 отлагаетъ кощунство отъ богохуленія и оскорбленія святыни и по предметамъ посягательства [1]). Устанавливать же разницу между 3 п. 74 ст. и статьей 73, т. е. въ самомъ способѣ дѣйствія (поношеніе или насмѣшка), когда предметъ посягательства святыня, придется судебной практикѣ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Редакціонная коммисія въ своихъ объясненіяхъ дала нѣсколько общихъ указаній относительно самого дѣйствія при богохуленіи и оскорбленіи святыни. „Самое дѣйствіе, по отношенію къ религіознымъ идеямъ, понятіямъ, догматамъ и установленіямъ, можетъ заключаться, читаемъ мы тамъ, въ оскорбленіи на словахъ или на письмѣ или въ изображеніи, при этомъ предполагается во всякомъ случаѣ, что въ нихъ заключается такого рода отзывъ, который, по содержанію или по формѣ, составляетъ не только неуваженіе или насмѣшку, но явное издѣвательство, служащее прямымъ выраженіемъ отсутствія у виновнаго всякаго религіознаго чувства и пристыдности“.

Здѣсь представляется существенно необходимымъ остановиться на двухъ рѣшеніяхъ Правительствующаго Сената. Рѣшеніемъ 1899 г. № 21 по дѣлу Матерухина разъяснено, что дѣйствія подсудимаго, который ложно выдалъ себя за іеромонаха и совершалъ въ церквахъ литургіи, являются тягчайшимъ нарушеніемъ церковнаго благочинія и надругательствомъ надъ Таинствомъ Св. Евхаристіи, предусмотрѣннымъ 210 ст. улож. о наказ. Рѣшеніемъ-же 1892 г. № 11

---

[1]) Установленія и обряды церкви, предметы освященные могутъ быть объектомъ только кощунства.

по дѣлу Осьминскаго Правительствующій Сенатъ отнесъ къ кощунству (ст. 182 улож. о наказ.) выполненіе лицомъ, ложно выдавшимъ себя за священнослужителя и облагавшимся въ священническія одежды, лиру и эпитрахиль, богослужебнаго дѣйствія по обрядамъ православной церкви (напр., молебна), разъяснивъ при этомъ, что самое надругательство надъ таинствомъ священства должно выражаться въ томъ, что неимѣющій святительскаго званія и, слѣдовательно, права рукополагать и поставлять въ пастыри церкви, дозволяетъ себѣ, вмѣняя въ начало таинственное дѣйствіе Св. Духа, самовольно и самозванно посвящать кого-либо въ сіе званіе.

Имѣя въ виду, что постановленія уголовнаго уложенія о богохуленіи и кощунствѣ въ существѣ воспроизводятъ постановленія уложенія о наказаніяхъ по сему предмету, казалось-бы, что самозванное совершеніе Таинства Евхаристіи или посвященіе кого-либо въ пастыри церкви должно быть подведено подъ дѣйствіе 73 ст. угол. улож., соотвѣтствующей 210 ст. улож. о наказ., а совершеніе какого-либо богослужебнаго дѣйствія—подъ дѣйствіе 74 ст. угол. улож. Однако такой выводъ былъ бы крайне ошибоченъ въ виду существованія въ уголовномъ уложеніи спеціальной статьи (97-й), предусматривающей учиненіе самовольно присвоившимъ себѣ санъ священнослужителя христіанскаго вѣроисповѣданія такого священнодѣйствія, которое можетъ быть совершаемо только священнослужителемъ сего вѣроисповѣданія, при чемъ во 2-й части этой статьи предусмотрѣны квалифицированные случаи—совершенія крещенія и бракосочетанія. Въ виду этой статьи подъ ея дѣйствіе должны быть подводимы и встрѣтившіеся въ практикѣ случаи по дѣламъ Матерухина и Осьминскаго.

Въ составѣ преступныхъ дѣяній богохуленія и кощунства по уголовн. уложен. сравнительно съ уложен. о наказ. есть одна особенность, сразу обращающая на себя вниманіе. Уложен. о наказ., говоря въ ст. 176 о богохуленіи въ церкви, требуетъ для наказуемости этого дѣянія, чтобы оно совершено было „публично". Уголовное же уложеніе богохуленіе, оскорбленіе святыни и кощунство учиненныя въ церкви, часовнѣ, молитвенномъ домѣ (п. 1 и 2 ст. 73; п. 1 и 2 ст. 74), наказываетъ независимо отъ того, были-ли эти дѣянія учинены публично или нѣтъ. По буквальному тексту 73 и 74 ст.ст. слѣдовало бы признавать наказуемымъ и такой случай богохуленія или кощунства, учиненныхъ въ пустой церкви, свидѣтелемъ чего былъ случайный прохожій. Однако такой выводъ противорѣчилъ бы тому, какъ понимаетъ уголовное уложеніе объектъ посягательства богохуленія и кощунства. Уголовное уложеніе, какъ

и дѣйствующее улож. о наказ., признаетъ объектомъ разсматриваемыхъ преступныхъ дѣяній не само Божество, а религіозные интересы вѣрующихъ, охраняемые въ виду важнаго общественнаго и государственнаго значенія религіи. Это видно изъ того, напр., что поношеніе святыни при свидѣтеляхъ не наказуемо, если оно совершено безъ цѣли произвести соблазнъ. Если же допустить наказуемость приведеннаго нами случая, то пришлось бы признать, что уголовное уложеніе объектомъ богохуленія и кощунства признаетъ самое Божество, т. е. стоитъ на чисто средневѣковой точкѣ зрѣнія. Другое дѣло, если эти преступныя дѣянія учинены дѣйствіемъ. Въ такомъ случаѣ слѣды оскверненія святыни оскорбляютъ религіозное чувство вѣрующихъ, и уголовная отвѣтственность вполнѣ понятна.

Изложенныя соображенія, по нашему мнѣнію, даютъ основаніе къ тому заключенію, что богохуленіе, оскорбленіе святыни и кощунство, совершенныя въ церкви, часовнѣ, молитвенномъ домѣ, наказываются: или тогда когда они учинены дѣйствіемъ, безразлично, публично или непублично, или хотя и словесно и непублично, т. е. не въ присутствіи *болѣе или менѣе значительнаго числа лицъ*, но всетаки въ присутствіи хотя бы одного свидѣтеля.

Къ постановленіямъ уголовнаго уложенія о кощунствѣ примыкаютъ постановленія объ отвѣтственности за непристойный крикъ, шумъ или иное безчинство, препятствующее отправленію общественнаго христіанскаго богослуженія или учиненное въ церкви, часовнѣ или христіанскомъ молитвенномъ домѣ (ст. 75), т. е. за учиненіе не только поступковъ (напр. пѣніе непристойныхъ пѣсенъ, произнесеніе ругательныхъ словъ, появленіе въ непристойныхъ костюмахъ), но вообще чего-либо, хотя и неподходящаго подъ понятіе оскорбленія святыни, богохуленія или даже кощунства, но не соотвѣтствующаго должному почтенію къ святости того мѣста, гдѣ находился виновный, къ религіозному значенію совершаемыхъ предъ нимъ богослужебныхъ дѣйствій. Тѣ же дѣянія предусматриваются уголовнымъ уложеніемъ и по отношенію къ нехристіанскимъ исповѣданіямъ, если они учинены публично или въ молитвенномъ домѣ, но при этомъ необходимымъ условіемъ отвѣтственности служитъ наличность того обстоятельства, чтобы вслѣдствіе непристойнаго крика, шума или иного безчинства прервалось общественное религіозное служеніе (ст. 77).

Б. *Посягательства на свободное отправленіе вѣры.*

Наши основные законы предоставляютъ какъ россійскимъ подданнымъ, такъ и иностранцамъ, какъ лицамъ христіанскихъ исповѣданій, такъ и евреямъ, магометанамъ и язычникамъ свободное отправленіе ихъ вѣры и богослуженія: да всѣ народы, въ Россіи пребывающіе, славятъ Бога Всемогущаго разными языками по закону и исповѣданію праотцевъ своихъ (ст. 44 и 45). Хотя въ основныхъ законахъ не упоминается о раскольникахъ, но спеціальнымъ закономъ 3 мая 1883 года имъ дозволяется творить общественную молитву, исполнять духовныя требы и совершать богослуженіе по ихъ обрядамъ какъ въ частныхъ домахъ, такъ равно въ особо предназначенныхъ для сего зданіяхъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы при этомъ не были нарушаемы общія правила благочинія и общественнаго порядка и не было публичнаго оказательства ереси и раскола. Такимъ образомъ всякое помѣшательство кому-либо отправлять обряды или участвовать въ ихъ исполненіи представляется дѣяніемъ противозаконнымъ. Однако дѣйствующее уголовное законодательство не содержитъ опредѣлительныхъ постановленій объ отвѣтственности за указанное помѣшательство [1]).

Помѣшательство богомоленіи, не соединенное ни съ какимъ непосредственнымъ принужденіемъ молящагося, если оно не содержитъ предусмотрѣннаго 75 и 77 ст. угол. улож. помѣшательства богослуженію безчинствомъ или вообще другого уголовно наказуемаго нарушенія общественной тишины и порядка, не наказуемо и по новому уложенію. Что же касается до помѣшательства, соединеннаго съ принужденіемъ, то хотя эти случаи и могутъ быть подводимы подъ общія постановленія уголовнаго уложенія о принужденіи (ст. 507), но въ виду важности того права, которое нарушается принуждающимъ, признано цѣлесообразнымъ особо упомянуть о случаяхъ этого рода и соотвѣтственно возвысить наказанія.

Такимъ образомъ ст. 80 уголовнаго уложенія, соотвѣтственно ст. 507 того же уложенія (способъ дѣйствія—насиліе надъ личностью или наказуемая угроза), предусматриваетъ принужденіе къ совершенію богослуженія или обряда, *воспрещенныхъ или недозволенныхъ правилами вѣроисповѣданія, къ коему принадлежитъ принуждаемый*, или къ участію въ такомъ богослуженіи или обрядѣ (п. 1), а также воспрепятствованіе совершенію богослуженія или

---

[1]) См. ст. 186 улож. о наказ. и 48^2 ст. уст. о наказ.

обряда или участію въ нихъ (п. 2). По своему составу ст. 80 охраняетъ свободу культа лица всякаго вѣроисповѣданія, слѣдовательно, и раскольника и нехристіанина [1]).

В) *Совращеніе.*

При составленіи постановленій уголовнаго уложенія о совращенія отправнымъ пунктамъ послужило, во первыхъ, то соображеніе, что наше законодательство съ особою тщательностью стремится оградить совѣсть вѣруюшихъ *всѣхъ исповѣданій* отъ нежелательныхъ способовъ религіозной пропаганды, а во вторыхъ,— что при совращеніи слѣдуетъ признавать наказуемымъ *не самый фактъ совращенія,* который можетъ послѣдовать и безъ всякаго участія злой воли со стороны лица, вліявшаго на совращеніе, а тѣ *преступныя дѣйствія*, въ которыхъ выразилась эта злая воля. Сообразно этому уголовное уложеніе предусматриваетъ, какъ и дѣйствующее уложеніе о наказаніяхъ, совращеніе въ различныя вѣроисповѣданія; христіанина въ нехристіанство (ст. 82), въ изувѣрныя, скопческія и безнравственныя секты (ст. 84 ч. 5), православнаго въ иное христіанское вѣроисповѣданіе (ст. 83), расколоученіе или секту (ст. 84), инородца русскаго подданнаго въ другое нехристіанское исповѣданіе (ст. 86).

Что-же касается преступности дѣйствія совратителя. то уголовное уложеніе, какъ и дѣйствующее, выдѣляетъ совращеніе посредствомъ насилія надъ личностью или наказуемой угрозы съ тою, сравнительно съ уложеніемъ о наказаніяхъ, разницею, что по новому уложенію наказуемо и насильственное совращеніе въ православіе изъ какого-либо иного вѣроисповѣданія и вообще въ христіанство изъ нехристіанскаго исповѣданія (ст. 87).

Другіе-же преступные способы совращенія, кромѣ насилія надъ личностью и наказуемой угрозы, точно перечислены уголовнымъ уложеніемъ; это—злоупотребленіе властью, принужденіе, обольщеніе обѣщаніемъ выгодъ, обманъ.

Въ уложеніи о наказаніяхъ нѣтъ такого точнаго перечисленія способовъ совращенія.

Хотя въ ст. 184 и упоминается о „подговорахъ“, „обольще-

---

[1]) Ст. 81 воспроизводитъ лишь съ нѣкоторыми редакціонными измѣненіями ст. 48^{2} уст. о наказ. по закону 12 февраля 1896 года.

ніяхъ", но въ то-же время прибавляется „и иными средствами". Правительствующимъ-же Сенатомъ относительно способовъ дѣйствія виновнаго въ совращеніи разъяснено, что они вполнѣ совпадаютъ съ тѣми средствами, которыми по 13 ст. улож. о наказ. опредѣляется дѣятельность подстрекателя къ преступленію, а отсюда, что подъ именемъ совратителя законъ разумѣетъ интеллектуальнаго виновника, склонившаго къ отступленію отъ православной вѣры и къ переходу въ другое христіанское вѣроисповѣданіе. Сообразно сему Правительствующій Сенатъ не призналъ возможнымъ привлеченіе къ отвѣтственности по 1 ч. 196 ст. улож. о наказ. за одно лишь убѣжденіе со стороны лица, исповѣдывающаго еретическое лжеученіе, кого-либо въ томъ, что лжеученіе это правильно, съ приведеніемъ свойственныхъ сему заблужденію превратныхъ толкованій Св. Евангелія и догматовъ церкви, когда послѣдствіемъ сего хотя и было отпаденіе отъ православія, но не было никакихъ данныхъ для установленія того, что обвиняемый *уговаривалъ*, *подговаривалъ* или *обольщалъ* отпавшихъ къ переходу въ его лжеученіе [1]).

Уголовное уложеніе лишь дальше развило эти положенія кассаціонной практики.

Для признанія виновникомъ въ совращеніи, по новому уложенію, какъ и теперь, необходимо прежде всего установить: воздѣйствіе виновнаго несовращаемаго, дѣйствительное отпаденіе совращеннаго и отпаденіе, какъ послѣдствіе воздѣйствія совратителя. Но, сверхъ того, по новому уложенію, необходимо установить, что это воздѣйствіе было учинено точно указанными въ законѣ преступными способами. Одного уговора, подговора недостаточно, такъ какъ „понятіе о подговорѣ очень растяжимо, и простое убѣжденіе могло бы быть подведено подъ это понятіе" [2]). Государственный Совѣтъ именно и опасался, что, при отсутствіи въ законѣ точнаго опредѣленія преступности средствъ совращенія, каждый представитель не господствующей религіи невольно можетъ обратиться въ совратителя даже вопреки своему намѣренію. „Простыя бесѣды о вопросахъ религіи могутъ имѣть воздѣйствіе на религіозныя убѣжденія собесѣдниковъ. Примѣръ родителей или супруга можетъ имѣть то же вліяніе, а между тѣмъ было бы, оче-

---

[1]) См. подробнѣе въ № 4/5 Вѣстника Права за 1902 г., стр. 216—221.

[2]) Журналъ Особаго Совѣщанія при Государ. Совѣтѣ, 187.

видно, несправедливо признавать преступникомъ убѣжденнаго въ своей вѣрѣ отца или супруга или даже постороннее лицо за то только, что они искренно высказывали или обнаруживали свои религіозныя убѣжденія".

Покушеніе на совращеніе ненаказуемо, но за то уголов. уложеніе, какъ и уложен. о наказ., предусматриваетъ подготовительную дѣятельность къ совращенію, но только изъ православія. Это—произнесеніе или чтеніе, публично, проповѣди, рѣчи или сочиненія или распространеніе или публичное выставленіе сочиненія или изображенія, возбуждающихъ къ переходу православныхъ въ иное вѣроисповѣданіе или въ расколоученіе или секту, если сіи дѣянія учинены съ цѣлью совращенія православныхъ (ст. 90). Статья эта аналогична со ст. 189 и 3 ч. 196 ст. уложен. о наказ. По дѣйствующему же законодательству виновные въ публичномъ проповѣданіи раскола подлежатъ отвѣтственности по 189 ст. улож. о наказ. только тогда, когда не послѣдовало дѣйствительнаго совращенія (рѣш. 1872 г. № 1673). По уголовному уложенію публичная проповѣдь православнымъ, возбуждающая къ переходу въ иное вѣроисповѣданіе, когда сіе учинено съ цѣлью совращенія, наказывается „безотносительно къ послѣдствіямъ пропаганды", очевидно, въ виду того, что совращеніе по новому уложенію, какъ мы видѣли, наказуемо лишь въ томъ случаѣ, когда оно достигнуто точно указанными въ законѣ преступными способами; проповѣдь же сама по себѣ не составляетъ преступнаго способа совращенія. Поэтому ст. 90 новаго уложенія должна имѣть примѣненіе и тогда, когда совращеніе послѣдовало, если налицо нѣтъ признаковъ какого либо изъ тѣхъ преступныхъ дѣяній, которыя предусмотрѣны предшествующими статьями о совращеніи.

Дополненіемъ къ постановленіямъ о совращеніи является наказуемость воздѣйствія на лицъ, не достигшихъ возраста самоопредѣленія, когда еще не можетъ быть и рѣчи о совращеніи, такъ какъ послѣднее предполагаетъ воздѣйствіе на лицъ уже способныхъ самостоятельно опредѣлять свои религіозныя убѣжденія. Уголовное уложеніе въ ст. 88 устанавливаетъ отвѣтственность родителя или опекуна, обязаннаго по закону воспитывать своего или находящагося подъ его опекою, не достигшаго 14 лѣтъ, малолѣтняго въ правилахъ христіанской вѣры, за учиненіе надъ нимъ религіозныхъ обрядовъ нехристіанскаго вѣроисповѣданія, а въ ст. 89—также родителя или опекуна, обязаннаго по закону воспитывать малолѣтняго (до 14 л.) въ правилахъ православной вѣры, за крещеніе или

приведеніе его къ инымъ таинствамъ другого христіанскаго вѣроисповѣданія. Главное отличіе этихъ статей отъ соотвѣтствующихъ имъ статей уложен. о наказ. (186 и 190) заключается въ томъ, что новое уголовное уложеніе не устанавливаетъ отвѣтственности за самое воспитаніе, въ первомъ случаѣ, по правиламъ и обрядамъ нехристіанскаго вѣроисповѣданія, а во второмъ по правиламъ и обрядамъ иного христіанскаго исповѣданія. Проектъ редакціонной коммиссіи предполагалъ установить отвѣтственность за такое воспитаніе. Особое же присутствіе Государственнаго Совѣта предположило ограничить наказуемость предусматриваемыхъ 88 и 89 ст. дѣяній лишь случаями совершенія надъ малолѣтнимъ обрядовъ иной вѣры, какъ наиболѣе наглядно указывающими на преступное намѣреніе со стороны воспитателей; находя, что разграничить область дѣтскаго воспитанія отъ чисто семейныхъ отношеній на практикѣ представляется до крайности затруднительнымъ, такъ какъ сфера такихъ отношеній исключаетъ, въ большинствѣ случаевъ, всякую возможность наблюденій со стороны подлежащей власти.

Характеръ ст. 88 и 89 бланкетный, такъ какъ въ нихъ не содержится опредѣленіе того, кто изъ малолѣтнихъ, рожденныхъ отъ разновѣрныхъ родителей или отъ родителей, отпадшихъ отъ православія или христіанской вѣры, обязательно подлежитъ воспитанію по правиламъ христіанства вообще или спеціально по правиламъ православнаго вѣроисповѣданія. Такимъ образомъ примѣненіе 88 и 89 ст. должно зависить отъ соотвѣтствующихъ по сему предмету постановленій другихъ частей законодательства—законовъ гражданскихъ и устава духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій. Сообразно сему и разрѣшеніе вопроса, насколько сохранили свое значеніе разъясненія Правительствующаго Сената по ст. 190 улож. о наказ., должно опредѣляться главнымъ образомъ редакціею 88 и 89 ст. уголовн. уложен., а также соотвѣтственными постановленіями другихъ частей законодательства.

Въ отношеніи охраны православія уголовное уложеніе воспроизводитъ лишь съ незначительными измѣненіями постановленія уложенія о наказаніяхъ объ отвѣтственности раскольниковъ и сектантовъ за совершеніе духовныхъ требъ надъ православными, а также духовныхъ лицъ инославныхъ христіанскихъ исповѣданій за совершеніе по своимъ обрядамъ надъ завѣдомо православнымъ конфирмаціи, миропомазанія и т. д. (ст. 91, 93, 94 уголов. улож.; ст. 193—194 и 3 ч. 196 ст. улож. о наказ.). Въ отличіе отъ 3 ч. 196 ст. угол. улож., устанавливающей общимъ образомъ отвѣтственность

раскольника за совершеніе духовныхъ требъ для лицъ православнаго исповѣданія, уголовн. уложен. въ 1 ч. 91 ст. говоритъ объ отвѣтственности раскольника или сектанта за совершеніе надъ завѣдомо православнымъ или подлежащимъ крещенію по правиламъ церкви православной такого обряда или духовной требы, *которые знаменуютъ принятіе въ расколъ или секту*. Во второй же части 91 ст. хотя и установлена отвѣтственность раскольника или сектанта за совершеніе какой либо иной требы, но только надъ лицомъ, завѣдомо во время совершенія ея *исповѣдывающимъ вѣру православную*. Для примѣненія 1 ч. 91 ст. необходимо установить только, что лицо, надъ коимъ совершенъ обрядъ раскольникомъ, числится по актамъ состоянія православнымъ, тогда какъ для примѣненія 2 ч. той же статьи необходимо, чтобы такое лицо въ дѣйствительности исповѣдывало православную вѣру. Въ статьяхъ же 93 и 94 объ отвѣтственности духовныхъ лицъ инославнаго христіанскаго вѣроисповѣданія этого различія не проведено. Здѣсь говорится только о „завѣдомо православномъ“. Подъ этимъ выраженіемъ, по объясненію Государственнаго Совѣта, надлежитъ понимать тѣхъ, кто по актамъ своего состоянія значится православнымъ или долженъ быть крещенъ и воспитываемъ въ православной вѣрѣ. Что же касается лицъ, формально присоединенныхъ къ православію, но въ дѣйствительности исповѣдывающихъ другую вѣру, то въ отношеніи ихъ, по мнѣнію Государственнаго Совѣта, надлежитъ принять во вниманіе, что разрѣшеніе этого вопроса, въ смыслѣ признанія или непризнанія такихъ лицъ православными, вовсе не стоитъ въ связи съ уголовнымъ законодательствомъ.

Въ разсматриваемыхъ 93 и 94 статьяхъ уголовнаго уложенія не упоминается объ извѣстной дѣйствующему уложенію отвѣтственности духовенства инославныхъ христіанскихъ исповѣданій за исправленіе духовныхъ требъ для православнаго по невѣдѣніи (2 ч. 193 ст.) и за дѣланіе малолѣтнимъ православнаго исповѣданія противныхъ православію внушеній (ст. 194). Совершенно новымъ является постановленіе уголовнаго уложенія объ отвѣтственности духовнаго лица инославнаго христіанскаго исповѣданія за совершеніе брака между завѣдомо православными (ст. 94 п. 2). По уложенію о наказаніяхъ это дѣяніе подводится кассаціонною практикою подъ дѣйствіе 1575 ст. (рѣш. 1891 г. № 10 по д. Леціуса).

Въ изложенныхъ постановленіяхъ уголовное уложеніе дѣлаетъ шагъ впередъ по сравненію съ дѣйствующимъ лишь въ отношеніи смягченія наказаній.

Къ мѣрамъ, направленнымъ устранить соблазнъ между православными, является и постановленіе, совершенно новое, статьи 92-й, устанавливающей отвѣтственность за публичное оказательство раскола, подъ коимъ должно понимать дѣйствія, съ точностью обозначенныя въ уставѣ о предупр. и пресѣч. прест. (ст. 59, прим.).

Въ заключеніе нашего обзора главы второй новаго уголовнаго уложенія „о нарушеніи ограждающихъ вѣру постановленій" приходится замѣтить только, что изученіе этой главы не представитъ особыхъ затрудненій для нашихъ юристовъ. Основы въ старомъ и новомъ кодексахъ одинаковы; послѣдній болѣе систематиченъ и значительно обобщенъ. Старый же, хотя и болѣе многословный, но какъ казуистичный, страдаетъ крупными пробѣлами, а потому нерѣдко возбуждаетъ серьезныя недоразумѣнія на практикѣ. Остается вмѣстѣ съ тѣмъ пожелать, чтобы гуманный взглядъ законодателя, выразившійся въ значительномъ смягченіи наказаній за религіозныя посягательства, нашелъ откликъ и въ примѣнителяхъ закона.

В. Ширковъ.

2. Способы и предѣлы толкованія закона.

(*Е. В. Васьковскій. Ученіе о толкованіи и примѣненіи гражданскихъ законовъ Одесса 1901 г.*).

I.

Способы толкованія закона суть: грамматическій, логическій, систематическій, историческій. Объ этомъ мы читаемъ во всѣхъ учебникахъ права. Объ этомъ же подробно разсказываетъ Е. В. Васьковскій. А вотъ и примѣръ грамматическаго или, какъ именуетъ его г. Васьковскій, словеснаго толкованія, разумѣя подъ нимъ анализъ лексическій, синтаксическій, логическій и стилистическій, ибо они „создаютъ въ своей совокупности словесный смыслъ каждаго предложенія" (стр. 47). Въ 702 ст. т. X ч. 1 сказано:

„Принужденіе бываетъ, когда кто либо, бывъ захваченъ во власть другаго, принуждается къ отчужденію имущества или ко вступленію въ обязательства насильственно, страхомъ настоящаго или бу-

дущаго зла, могущаго постигнуть его лицо или имущество". Эти слова, по мнѣнію г. Васьковскаго, надо понимать не въ ихъ строгомъ и точномъ смыслѣ. „Если бы, говоритъ г. Васьковскій, мы прочли выраженіе: „когда кто либо захваченъ во власть другаго" въ Наполеоновомъ кодексѣ, то придали бы ему точный смыслъ: „когда кто либо овладѣлъ другимъ лицомъ и подчинилъ его своему физическому господству". Но встрѣтивъ эти слова въ 702 ст. т. X. ч. 1, заимствованныя изъ уложенія 1649 г., мы понимаемъ слова закона въ болѣе общемъ смыслѣ: когда кто либо принуждается къ заключенію сдѣлки угрозами и не имѣетъ возможности предотвратить ихъ осуществленіе" (стр. 56). Правильно или неправильно это толкованіе, но оно во всякомъ случаѣ не словесное, не грамматическое и выдавать его за таковое не приходится. Что подъ принужденіемъ, по крайней мѣрѣ въ первой части 702 ст., разумѣются не угрозы только, а дѣйствительный захватъ во власть другаго, видно изъ слѣдующей 703 ст. т. X ч. 1. Въ ней сказано: „Въ случаѣ принужденія, надлежитъ заявить о томъ окольнымъ людямъ или мѣстной полиціи того же дня, какъ оное произошло, и затѣмъ не далѣе третьяго или четвертаго дня, и отнюдь не позже недѣли послѣ того просить о произведеніи изслѣдованія".

Въ оправданіе толкованія, совершенно противорѣчащаго словесному смыслу приведенныхъ законовъ, г. Васьковскій ссылается на то, что эти постановленія заимствованы изъ уложенія Алексѣя Михайловича 1649 года. Но именно текстъ той статьи уложенія, на которой отчасти основаны постановленія, имѣющіяся въ X томѣ, свидѣтельствуютъ о томъ, что мнимое словесное толкованіе г. Васьковскаго есть извращеніе словеснаго смысла какъ постановленій X тома, такъ и источника, на который сдѣлана ссылка подъ этими статьями. „А будетъ кто, сказано въ 251 ст. X гл. улож., умысля воровски и стакався съ площадными подьячими, напишетъ на кого въ большомъ долгу заемную кабалу, или иную какую крѣпость въ большомъ дѣлѣ за очи, и написавъ ту крѣпость, зазоветъ его къ себѣ, или къ иному къ кому на дворъ, и велитъ ему къ той крѣпости руку приложить, или ему велитъ написать въ чемъ нибудь заемную кабалу своею рукою неволею: и тому, надъ кѣмъ такое дѣло учинится въ томъ на того, кто надъ нимъ такое дѣло учинитъ, являти окольнымъ людемъ, и въ приказѣхъ судьямъ, и въ городѣхъ воеводамъ, и приказнымъ людямъ подавати явки, послѣ того, какъ надъ нимъ такое дѣло учинится, того же дня, и бити челомъ на тѣхъ людей, которые надъ нимъ такое дѣло учинятъ, объ

очной ставкѣ и оыскѣ вскорѣ, дни въ три, или въ четыре и большое въ недѣлю. Да будетъ кто въ такомъ дѣлѣ на кого учнетъ бити челомъ: и судьямъ, и воеводамъ и всякимъ приказнымъ людямъ по тому челобитью, сыскивая тѣхъ людей, на кого такое челобитье будетъ, распрашивать и съ челобитчики ставить съ очей на очи, и сыскивать всякими сыски накрѣпко; а будетъ дойдетъ до пытки, и тѣхъ людей пытать до кого дойдетъ. Да будетъ сыщется, кто на кого возьметъ какую крѣпость наряднымъ дѣломъ поневолѣ: и такимъ людемъ, кто такія крѣпости учнетъ имати поневолѣ, чинити жестокое наказаніе, бити ихъ кнутомъ нещадно при многихъ людѣхъ, чтобы имъ и инымъ такимъ впредь неповадно было такъ воровати: да на нихъ же велѣти тѣмъ людемъ, на которыхъ они такія воровскія крѣпости сдѣлаютъ, правити безчестье; да ихъ же за ту вину сажати въ тюрьму на полгода". Ясно, что въ уложеніи подъ принужденіемъ, уничтожающимъ силу сдѣлки, разумѣется нахожденіе лица, подписавшаго данную кабалу или крѣпость во власти другаго, причемъ подпись должна быть сдѣлана поневолѣ.

Уложеніе Алексѣя Михайловича подъ принужденіемъ и не могло имѣть въ виду чего либо другаго, кромѣ захвата лица, подписавшаго актъ, во власть другаго. Акты совершались тогда публично, на площади, въ присутствіи массы лицъ и свидѣтелей (послуховъ). Подписавшій актъ при такихъ условіяхъ не могъ, конечно, ссылаться на то, что онъ это сдѣлалъ подъ вліяніемъ угрозы, ибо, явившись на площадь, онъ имѣлъ полную возможность уклониться отъ подписанія акта, хотя бы онъ раньше и согласился на совершеніе его. Возможенъ былъ въ то время только одинъ случай недобровольнаго подписанія акта, а именно тотъ, который предусмотрѣнъ въ 251 ст. X т. улож. Заинтересованный въ совершеніи акта стакнулся съ площадными подъячими, которые составили актъ заочно, и затѣмъ онъ, захвативъ лицо, которое должно было подписать актъ, въ свою власть какимъ бы то ни было путемъ, заставилъ его приложить руку къ акту.

Не только въ Россіи, но и въ другихъ странахъ, и между прочимъ, въ Римѣ на раннихъ ступеняхъ культуры не предполагалась возможность другаго способа принужденія для подписанія акта, кромѣ прямаго насилія, почему страхъ, вызываемый угрозами, не предусматривался законами. Какъ показалъ Жираръ и въ Римѣ только въ позднѣйшія времена—въ преторскомъ эдиктѣ, рядомъ съ насиліемъ, сталъ фигурировать и страхъ, вызываемый угрозами,

опорочивающій силу обязательства въ случаѣ, если оно выдано подъ вліяніемъ страха [1]). Слѣды постепеннаго развитія римскаго права въ этомъ отношеніи сохранились и въ Дигестахъ.

Нѣкоторымъ оправданіемъ для толкованія 702 ст., усвоеннаго г. Васьковскимъ, и является то, что 702 ст. заимствована не цѣликомъ изъ уложенія 1649 г., а что въ нее попало кое что изъ Дигестъ. Конецъ 702 ст. прямо взятъ изъ этого источника. Здѣсь говорится о принужденіи подъ страхомъ настоящаго или будущаго зла, могущаго постигнуть лицо или имущество вступившаго въ обязательство. Часть этой фразы, какъ указалъ уже М. М. Винаверъ, есть прямой переводъ положенія, имѣющагося въ Дигестахъ: „instantis vel futuri periculi causa mentis trepidatio [2]). Въ сохранившихся запискахъ Сперанскаго имѣется прямое указаніе, что Сперанскій, говоря о согласіи при заключеніи договоровъ, прямо ссылается на соотвѣтствующее мѣсто Дигестъ [3]).

Результатомъ нашихъ изысканій является то, что приведенный г. Васьковскимъ примѣръ словеснаго толкованія, во всякомъ случаѣ, весьма неудаченъ, и что если это толкованіе правильно, то отнюдь не потому, что оно соотвѣтствуетъ смыслу словъ 702 ст., въ особенности если сопоставить эту статью съ 703 ст. Мы укажемъ ниже, какой способъ толкованія примѣнялся въ данномъ случаѣ комментаторомъ и притомъ отчасти безсознательно.

Болѣе удачнымъ можетъ казаться примѣръ словеснаго толкованія 701 ст. т. X ч. 1, приведенный г. Васьковскимъ. Въ ней указывается, что свобода произвола и согласіе при заключеніи сдѣлокъ нарушается: 1) принужденіемъ, 2) подлогомъ. Мы уже видѣли, что законъ разумѣетъ подъ принужденіемъ. Но въ законѣ не разъяснено, что онъ разумѣетъ подъ подлогомъ. Г. Васьковскій указываетъ способъ истолкованія этого термина по словесному смыслу, заимствованный имъ у Неклюдова. „Розыскавъ, говоритъ онъ, и разсмотрѣвъ тѣ статьи гражданскихъ законовъ, гдѣ встрѣчается слово подлогъ, мы останавливаемся на одной изъ нихъ, именно на 526, которая проливаетъ свѣтъ на значеніе этого термина. Изъ этой статьи („владѣніе есть подложное, когда оно основано на подложномъ актѣ или иномъ обманѣ“) видно, что въ X томѣ подлогъ понимается въ обширномъ смыслѣ всякаго вообще обмана,

---

[1]) Girard. Manuel élementaire de droit romain. Paris. 1901. p. 413—414.

[2]) Винаверъ—Къ вопросу объ источникахъ X тома стр. 11 и 66.

[3]) L. 1. D. quod metus causa (4. 2).

въ противоположность обыденному словоупотребленію, согласно которому подлогомъ называется только одинъ изъ частныхъ случаевъ обмана" (стр. 51).

Извѣстно, что и гражданскій кассаціонный департаментъ Сената подъ подлогъ, упоминаемый въ 701 ст., подвелъ не только уголовно наказуемый обманъ особаго свойства, но и вообще обманъ и даже ошибку и заблужденіе. Въ рѣшеніи за 1890 г. № 9, въ которомъ Сенатъ резюмируетъ всѣ свои прежнія рѣшенія по этому предмету, сказано, между прочимъ, слѣдующее. Вопросъ заключается въ томъ „можетъ ли допущенный при продажѣ недвижимаго имущества обманъ въ качествѣ проданнаго имущества служить основаніемъ къ требованію со стороны покупщицы о признаніи продажи недѣйствительною. Вопросъ этотъ уже подвергался обсужденію Сената, причемъ Сенатъ разъяснилъ, что по закону (ст. 701 т. X ч. 1) всѣ способы пріобрѣтенія правъ только тогда признаются дѣйствительными, когда они утверждаются на непринужденномъ произволѣ и согласіи, и для силы договоровъ законъ (1528 ст. т. X ч. 1) требуетъ, чтобы они составлялись по взаимному согласію сторонъ, причемъ произволъ и согласіе должны быть свободные, что указанные въ 703 ст. т. X ч. 1 случаи принужденія и подлога не исчерпываютъ всѣхъ случаевъ, когда произволъ и согласіе признаются закономъ нарушенными, что обманъ и даже простая ошибка и заблужденіе въ предметѣ договора могутъ служить достаточнымъ основаніемъ для уничтоженія самаго договора (рѣш. 1873 г. № 1450, 1875 г. № 858, 1883 г. № 78, 1884 г. № 28 и др.). Эти общія соображенія, примѣненныя въ указанныхъ рѣшеніяхъ къ случаямъ уничтоженія договора купли-продажи движимыхъ вещей, были приведены Сенатомъ и по поводу договора о продажѣ недвижимаго имущества въ рѣшеніи 1878 г. № 129, въ которомъ Сенатъ высказалъ, что купчая крѣпость на недвижимое имѣніе можетъ быть признана недѣйствительною, если добрая воля покупателя была подорвана обманомъ, причемъ, какъ разъяснилъ Сенатъ, свободная воля договаривающихся подрывается не только обманомъ въ смыслѣ уголовномъ, но и въ случаѣ введенія въ заблужденіе обманутой стороны для склоненія ея къ заключенію невыгодной сдѣлки, какъ посредствомъ ложныхъ удостовѣреній, такъ и чрезъ умолчаніе истины, и безъ тѣхъ признаковъ, которыми опредѣляется обманъ, какъ уголовное преступленіе (рѣш. 1883 г. № 78). Раздѣляя и въ настоящее время эти соображенія, Правительствующій Сенатъ находитъ, что въ случаяхъ сокрытія отъ

покупщика недвижимаго имущества такихъ имущественныхъ недостатковъ, при обнаруженіи которыхъ оказалось бы, что покупщикъ получилъ вовсе не то имущество, на покупку котораго онъ изъявилъ согласіе, этотъ обманъ въ качествѣ предмета договора долженъ быть признанъ подрывающимъ свободную волю обманутой стороны и даетъ ей право на требованіе объ уничтоженіи самаго договора“.

Сенатъ, какъ видно изъ изложеннаго, не ссылается въ оправданіе своего толкованія на 526 ст., ибо, какъ ни остроумна эта ссылка, она неправильна. Изъ указовъ, цитированныхъ спеціально подъ словомъ „подлогъ“ въ 701 ст., а именно 35 и 36 ст. 17 гл. улож. и указа 21 февраля 1803 года, видно, что подъ подлогомъ слѣдуетъ разумѣть только подлогъ, а не обманъ вообще. 526 ст т. X ч. 1, въ которой обманъ сравнивается съ подлогомъ, не было ни въ первомъ, ни во второмъ изданіяхъ свода законовъ. Она основана на законѣ 21 марта 1851 года (полн. собр. зак. № 21055), и, слѣдовательно, терминологія этого закона не можетъ быть пріурочена къ закону, изданному раньше, если толкуютъ этотъ законъ по словесному его смыслу. Ссылка на терминологію 526 ст. т. X ч. 1 можетъ быть конечно оправдана другимъ путемъ, а именно тѣсною связью, предполагающейся между постановленіями т. X, причемъ смыслъ однихъ постановленій этого тома не долженъ противорѣчить смыслу другихъ постановленій.

Такія правила толкованія, хотя и не по этому поводу, и даетъ г. Васьковскій (стр. 138). Онъ указываетъ и на то, что вообще появленіе новой нормы закона всегда измѣняетъ нѣсколько смыслъ прежнихъ нормъ. Слѣдовательно, можно утверждать, что и смыслъ 701 ст. расширенъ, благодаря изданію 526 ст. Все это такъ. Но отсюда уже ясно во 1-хъ, что подобное толкованіе 701 ст. не есть словесное толкованіе, а, если хотите, логическое, и, во 2-хъ, что всѣ эти пріемы толкованія прикрываютъ собою какой то другой умственный процессъ, происходящій въ данномъ случаѣ.

Нельзя же скрывать отъ себя, что и фиктивное представленіе о связи между постановленіями т. X, и положеніе, что позднѣйшій законъ измѣняетъ или даже отмѣняетъ прежній, хотя въ немъ и не упоминается объ отмѣнѣ или измѣненіи данныхъ законовъ, что все это, повторяю, искусственныя мѣры, направленныя къ тому, чтобы доказать неосновательность обвиненія, взводимаго на юристовъ вообще и судей въ частности, что подъ видомъ интерпре-

таціи закона они создаютъ нѣчто новое, что они не истолковываютъ смыслъ закона, а вкладываютъ въ него новый смыслъ.

Im Auslegen seid frisch und munter. Legt Ihr's nicht aus, so legt was unter, давно уже сказалъ поэтъ.

Остановлюсь еще на примѣрѣ логическаго толкованія, приводимаго г. Васьковскимъ. Въ 2066 ст. т. X ч. 1 сказано: „Отдача казеннаго имущества въ частныя ссуды не допускается; но если запасъ провіанта и фуража собственно по военному вѣдомству, по надлежащемъ изысканіи всѣхъ средствъ къ продажѣ ихъ, окажется неуспѣшнымъ, и самая необходимость укажетъ единственный способъ къ сбыту ихъ чрезъ отдачу въ частную ссуду подъ достаточные залоги, то всякій разъ испрашиваются на сіе особыя разрѣшенія высшаго начальства". Статья эта помѣщена въ отдѣлѣ о ссудѣ. „Между тѣмъ, говоритъ г. Васьковскій, сопоставивъ съ даннымъ закономъ опредѣленіе ссуды (ст. 2064) и постановленія о займѣ (ст. 2012 и сл.), можно убѣдиться, что въ ней имѣется въ виду заемъ.

Отдавая, поэтому, преимущество логической связи 2066 ст. съ другими нормами, относящимися къ тому же предмету, слѣдуетъ признать систематизацію закона въ данномъ случаѣ неправильной и понимать ст. 2066 согласно ея связи съ другими статьями X тома" (стр. 134). На самомъ дѣлѣ въ данномъ случаѣ нѣтъ надобности прибѣгать къ логическому толкованію для того, чтобы отнести эту статью къ постановленіямъ о займѣ. Въ мнѣніи Государственнаго Совѣта отъ 6 іюля 1834 года, откуда эта статья заимствована, прямо сказано, что тутъ идетъ рѣчь „о заимообразныхъ сдѣлкахъ, заключаемыхъ между казною и частными людьми". Слова „частную ссуду", употребленныя въ текстѣ статьи, нисколько не препятствуютъ тому, чтобы подъ ними подразумѣвать заемъ. Въ актахъ 16—17 вѣка, какъ указалъ А. С. Лаппо-Данилевскій, предметомъ ссуды является не только движимое имущество, но и „серебро"—деньги, ибо подъ ссудой разумѣлся безпроцентный заемъ, и она противополагалась займу денегъ въ ростъ. Для опредѣленія того, что мы разумѣемъ подъ ссудой, употреблялся терминъ—ссуда на подержаніе [1]). Да и въ настоящее время общеупотребительны слова „ссудить деньгами", т. е. давать взаймы.

Такимъ образомъ, для истолкованія данной статьи, какъ видно

---

[1]) Розысканія по исторіи прикрѣпленія владѣльческихъ крестьянъ. Спб. 1900 г. стр. 24—25.

изъ сказаннаго, гораздо полезнѣе ознакомленіе съ историческими данными.

Уже приведенные примѣры толкованія законовъ приводятъ къ заключенію, что, въ сущности, имѣются и практикуются лишь два способа толкованія закона. А именно: истолкованіе его въ томъ смыслѣ, какой онъ имѣлъ и долженъ былъ имѣть при изданіи его. Это разъ. Во 2-хъ, истолкованіе закона въ томъ смыслѣ, какой онъ имѣетъ и долженъ имѣть въ настоящее время, сообразно новымъ бытовымъ отношеніямъ и современнымъ понятіямъ о справедливости, нашедшимъ свое выраженіе въ правѣ болѣе культурныхъ народовъ. Первый способъ толкованія не вызываетъ, конечно, никакихъ сомнѣній. Допустимость втораго способа толкованія, напротивъ, является нѣсколько сомнительною, ибо этимъ подтверждаются нареканія, что юристы вкладываютъ въ законъ новый смыслъ, котораго въ немъ нѣтъ. Но, во первыхъ, фактъ остается фактомъ, а, во вторыхъ, бытовыя отношенія, вызвавшія существующій законъ, съ теченіемъ времени измѣняются, а вмѣстѣ съ ними измѣняется и смыслъ законовъ, несмотря на то, что законъ кажется застывшимъ въ своемъ первоначальномъ видѣ. Выразителемъ этого новаго смысла закона и является судья. Онъ является имъ отчасти безсознательно, ибо, примѣняя законъ въ данное время, онъ поневолѣ разумѣетъ его въ томъ смыслѣ, какъ понималъ бы его всякій разумный человѣкъ въ данное время.

Безъ подробныхъ историческихъ изысканій часто нѣтъ возможности добраться до того смысла, который данный законъ имѣлъ при изданіи его. Словомъ, судья часто, даже помимо своей воли, разумѣетъ законъ иначе, чѣмъ его понимали при изданіи. Къ этому присоединяется и сознательное намѣреніе приноровить законъ къ новымъ условіямъ жизни, развивать право въ соотвѣтствіи съ новыми требованіями жизни.

II.

Но если это такъ, если одинъ изъ способовъ толкованія закона въ томъ и заключается, чтобы, толкуя законъ, создать новый, то гдѣ гарантія для произвола судьи, гдѣ ручательство въ томъ, что законъ подвергнется измѣненію въ интересахъ справедливости, а не въ интересахъ данныхъ лицъ, и далѣе, гдѣ предѣлы для творчества суда? Въ виду отсутствія такихъ опредѣленныхъ гарантій отъ произвола и ясныхъ предѣловъ для судебнаго творчества, не только

законодательство XVIII вѣка, и, между прочимъ, наше, возставало „противъ обманчиваго непостоянства самопроизвольныхъ толкованій“ и требовало примѣненія закона по буквальному его смыслу, но и наиболѣе выдающіеся юристы возставали противъ свободы толкованія и вообще противъ права суда руководствоваться общимъ смысломъ законовъ, духомъ законовъ, требуя примѣненія закона къ каждому данному случаю въ буквальномъ его смыслѣ. Е. В. Васьковскій цитируетъ мнѣнія Беккарія и Бентама по этому предмету. „Нѣтъ ничего опаснѣе, писалъ Беккарія, „общепринятой аксіомы, что судья долженъ сообразоваться съ духомъ законовъ. Выраженное мною мнѣніе покажется парадоксомъ для того, кто останавливается только на мелкихъ неудобствахъ настоящей минуты и забываетъ объ отдаленныхъ вредныхъ послѣдствіяхъ, происходящихъ отъ ложнаго начала, укоренившагося въ народѣ. Наши понятія и всѣ идеи находятся въ тѣсной взаимной связи: чѣмъ сложнѣе идеи, тѣмъ многочисленнѣе пути, по которымъ они приходятъ къ намъ и уходятъ изъ нашего сознанія. У каждаго человѣка есть своя точка зрѣнія, которая мѣняется съ теченіемъ времени. Значитъ, духъ законовъ у каждаго судьи нечто иное, какъ результатъ здравой или превратной логики, послѣдствіе легкаго или дурнаго пищеваренія, онъ зависитъ отъ страстей, слабостей, личныхъ отношеній судьи къ обвиняемому и отъ тысячи почти неуловимыхъ обстоятельствъ, подъ вліяніемъ которыхъ одинъ и тотъ же предметъ въ разные моменты представляется непостоянному уму человѣка въ самыхъ разнообразныхъ видахъ. Вотъ почему въ разныхъ судебныхъ инстанціяхъ судьба подсудимаго рѣшается различно, и весьма часто жизнь людей зависитъ отъ ошибочныхъ умозаключеній или минутнаго настроенія судьи, который толкуетъ законъ вкривь и вкось по смутнымъ соображеніямъ, попавшимъ ему въ голову. Вотъ почему одинъ и тотъ же судъ за одни и тѣ же преступленія назначаетъ въ разное время различныя наказанія, ибо судьи примѣняютъ не неизмѣнное и точное слово закона, а свои произвольныя и неустойчивыя толкованія. Невыгоды отъ буквальнаго примѣненія уголовныхъ законовъ слишкомъ незначительны въ сравненіи съ вредными послѣдствіями, которыя происходятъ отъ свободнаго толкованія. Неточныя слова въ законѣ или неопредѣленныя выраженія, коль скоро они замѣчены, легко исправить, а слишкомъ широкая свобода толкованія неизбѣжно ведетъ къ произволу и продажности въ судахъ“ (стр. 67). Въ томъ же духѣ высказывается Бентамъ. „При полной свободѣ толкованія, говоритъ онъ, судья, то сообразуясь съ прямымъ

смысломъ закона, то объясняя законъ, всегда можетъ произнести рѣшеніе въ пользу того или другого, какъ ему заблагоразсудится; онъ всегда увѣренъ, что можетъ прикрыть свое лицепріятіе или буквальнымъ, или истолковательнымъ смысломъ закона. Такимъ образомъ, судья превращается въ шарлатана, который, къ удивленію зрителей, угощаетъ изъ одной и той же бутылки то сладкимъ, то горькимъ напиткомъ“ (стр. 67—68). Г. Васьковскій рекомендуетъ въ видѣ гарантіи противъ произвола, лицепріятія и вообще ошибочныхъ толкованій закона высокій умственный и нравственный цензъ судей, разсмотрѣніе дѣлъ въ нѣсколькихъ инстанціяхъ, учрежденіе верховнаго кассаціоннаго суда, наблюдающаго за правилами единообразнаго примѣненія законовъ, участіе въ процессѣ адвокатуры, гласности производства и наконецъ умѣніе судей толковать законы. „Это умѣніе, говоритъ онъ, пріобрѣтается юридическимъ образованіемъ вообще и изученіемъ пріемовъ толкованія въ частности. Если судья усвоилъ выработанные теоріей пріемы и правила толкованія и научился сознательно примѣнять ихъ, то тѣмъ самымъ онъ въ значительной степени оградилъ себя отъ невольныхъ промаховъ, обусловливаемыхъ, по выраженію Беккарія, превратной логикой или дурнымъ пищевареніемъ. Съ другой стороны, строгое примѣненіе судами одинаковыхъ пріемовъ толкованія можетъ обезпечить единообразное и согласное съ истиннымъ смысломъ законовъ разрѣшеніе дѣлъ. Отсюда, между прочимъ, видно, какую громадную важность имѣетъ ученіе о толкованіи законовъ“ (стр. 70—71).

Нельзя не признать, что противъ произвола и лицепріятія судей упомянутыя выше гарантіи дѣйствительно оказались довольно надежнымъ оплотомъ даже у насъ, при наличности многихъ другихъ неблагопріятныхъ условій, окружающихъ дѣятельность судьи, къ числу которыхъ относится крайне печальное матеріальное положеніе большинства нашихъ судей. Нравственная безупречность и нелицепріятіе нашихъ судей никѣмъ не заподозрѣвается. Тѣмъ не менѣе, правильность многихъ рѣшеній подвергается сомнѣнію, а въ особенности слышатся жалобы на отсутствіе единообразія въ толкованіи закона по однороднымъ дѣламъ, причемъ кассаціонный судъ, который долженъ наблюдать за единообразнымъ истолкованіемъ и примѣненіемъ закона, именно является виновникомъ того разнообразія, которое онъ обязанъ устранить.

Специфическимъ средствомъ противъ этого зла должны бы служить тѣ правила толкованія, которыя излагаются въ учебникахъ

права и которымъ г. Васьковскій дѣйствительно придаетъ преобладающее значеніе въ этомъ отношеніи.

Не подлежитъ однако сомнѣнію, что несмотря на строгія предписанія самого Сената относительно соблюденія общеизвѣстныхъ правилъ толкованія, указанное зло не устранено и не только суды, но и самъ Сенатъ, преподающій эти правила толкованія, постановляетъ весьма разнородныя рѣшенія по однороднымъ дѣламъ. Настойчивыя и усиленныя требованія, повторяемыя въ учебникахъ о слѣдованіи правиламъ логики, грамматики, стилистики и т. д. не могутъ помочь дѣлу уже потому, что къ этимъ средствамъ прибѣгаютъ, какъ при первомъ, такъ и при второмъ способѣ толкованія закона. Это вспомогательныя орудія, которыя, смотря по большему или меньшему умственному развитію судей, могутъ привести и дѣйствительно приводятъ къ самымъ разнообразнымъ результатамъ.

Я беру первый подвернувшійся подъ руку примѣръ (ихъ можно было бы набрать очень много) для того, чтобы показать, какъ съ помощью правилъ толкованія можно придти къ совершенно противоположнымъ результатамъ относительно толкованія даннаго закона, чѣмъ тѣ, къ которымъ пришелъ Сенатъ.

По контракту 4 марта 1876 года итальянскій подданный Чинизелли взялъ у города С.-Петербурга въ аренду на 40 лѣтъ часть городской земли, съ обязанностью выстройки цирка. Циркъ этотъ, какъ извѣстно, построенъ, арендаторъ умеръ, оставивъ нѣсколько наслѣдниковъ. Старшій сынъ обратился къ С.-Петербургскому Окружному Суду съ просьбой о судебномъ раздѣлѣ оставшагося наслѣдства между наслѣдниками. И Окружный Судъ и Палата отказали въ ходатайствѣ на томъ основаніи, что право по арендному контракту относится къ разряду имуществъ движимыхъ, а въ силу конвенціи съ Италіей раздѣлъ движимаго имущества между наслѣдниками подлежитъ вѣдѣнію судебныхъ учрежденій того государства, къ которому принадлежалъ умершій наслѣдодатель, т. е. въ данномъ случаѣ итальянскихъ. Гражданскій Кассаціонный Департаментъ призналъ правильнымъ рѣшеніе Судебной Палаты, мотивируя свое опредѣленіе слѣдующимъ образомъ: „1) всякаго рода права на срочную аренду, а слѣдовательно и *на* аренду изъ выстройки, принадлежатъ къ разряду правъ обязательственныхъ, а не вещныхъ правъ на недвижимость, почему и относятся къ имуществамъ движимымъ въ силу 402 ст. т. X ч. 1; 2) въ настоящемъ случаѣ такое движимое имущество осталось послѣ итальянскаго подданнаго и находится въ предѣлахъ России и 3) слѣдо-

вательно раздѣлъ подобнаго наслѣдства долженъ быть произведенъ по законамъ Италіи и при посредствѣ властей этого государства (рѣш. Гр. Касс. Деп. за 1893 г. № 92).

Несомнѣнно, что въ этомъ рѣшеніи соблюдены правила толкованія закона, рекомендуемыя учебниками и между прочимъ г. Васьковскимъ. Тутъ буквальный смыслъ, и логика, и все прочее. Но если мы обратимся къ 1706 ст. т. X ч. 1, которая трактуетъ объ отдачѣ недвижимаго имѣнія въ наймы изъ выстройки и притомъ на большій срокъ, чѣмъ на двѣнадцать лѣтъ, то окажется, что предметъ такого найма именуется въ этомъ законѣ временною собственностью нанимателя. Это, конечно, неудачное выраженіе, но подъ неправильной терминологіей законъ повидимому подразумѣваетъ, что арендаторъ изъ выстройки на продолжительный срокъ имѣетъ не обязательственное право, а вещное право на это имущество. И дѣйствительно, тамъ, гдѣ законъ допускаетъ такія долгосрочныя аренды, онъ разсматриваетъ содержаніе такой аренды, какъ вещное право, принадлежащее арендатору; между прочимъ, въ случаѣ неисправности арендатора недвижимое имущество не отбирается отъ арендатора, а продается, какъ сказано въ законѣ, не въ полную собственность, но съ тѣмъ правомъ, которое имѣлъ неисправный содержатель, а именно подъ условіемъ платежа прежняго оброка (уст. гор. сельс. хоз. т. XII ч. 2 по изд. 1857 г. п. 26 ст. 108). Эти законы сохранили и понынѣ свою силу для городскаго хозяйства. Города въ правѣ отдавать землю въ долгосрочную аренду. Такимъ образомъ, право Чинизелли было вещнымъ, а не обязательственнымъ правомъ.

Это право тѣмъ болѣе должно быть признано вещнымъ правомъ, что въ конвенціи съ Италіей подъ движимыми имуществами разумѣются именно такія, которыя вполнѣ соотвѣтствуютъ этому термину, такія имущества, которыя какъ видно изъ 4 и 8 ст. конвенціи, могутъ и должны быть переданы консульской власти по ея требованію, а сею послѣднею наслѣдникамъ. Что именно такія движимости имѣлись въ виду въ конвенціи съ Италіей, видно и изъ того, что по итальянскому гражданскому уложенію (ст. 407 и 415) права долгосрочной аренды на недвижимое имущество признаются недвижимымъ имуществомъ. Они считаются недвижимыми имуществами не по природѣ, а по предмету, къ которому они относятся. Такимъ образомъ первыя два положенія, установленныя Сенатомъ, невѣрны, а потому невѣрно и третье. Такое имущество, находящееся въ Россіи и не могущее быть перенесеннымъ въ Ита-

лію, подлежитъ раздѣлу по русскимъ законамъ и слѣдовательно искъ о раздѣлѣ подвѣдомственъ русскому, а не итальянскому суду. Слѣдуетъ имѣть въ виду еще одно соображеніе. Если бы русскій подданный имѣлъ подобную долгосрочную аренду въ Италіи, она была бы признана недвижимымъ имуществомъ и подчинена компетенціи итальянскихъ судебныхъ учрежденій. По правиламъ взаимства, имѣющимъ преобладающее значеніе въ международномъ частномъ правѣ, и намъ слѣдуетъ примѣнять конвенцію такъ, какъ она была бы примѣнена въ Италіи, если бы представился подобный случай.

Мнѣ кажется, что это толкованіе 1706 ст. въ связи съ нашими законами о долгосрочныхъ арендахъ и конвенціей столь же правильно, какъ и толкованіе Сената, причемъ и это толкованіе основано на грамматикѣ, логикѣ и т. п.

Но я иду далѣе и скажу, что это толкованіе даже болѣе правильно, чѣмъ толкованіе, усвоенное Сенатомъ, и вотъ почему. При этомъ толкованіи приняты во вниманіе измѣнившіяся бытовыя отношенія и измѣнившіяся понятія о правѣ въ Россіи съ того времени, какъ состоялось первое изданіе X тома, въ которое вошла 1706 ст. Нельзя ждать изданія новаго гражданскаго уложенія для того, чтобы внести въ законъ тѣ измѣненія, которыя требуются взаимными отношеніями культурныхъ народовъ. Если текстъ статьи, какъ въ данномъ случаѣ, даетъ возможность внести въ нее новый смыслъ, соотвѣтствующій требованіямъ культурнаго общежитія, то это должно быть сдѣлано.

Насколько мнѣ извѣстно, приведенныя выше соображенія относительно толкованія 1706 ст. были въ виду Сената и если онъ отвергъ ихъ, то не потому, что они не соотвѣтствуютъ общепринятымъ правиламъ толкованія закона, а по одной простой причинѣ, о которой въ рѣшеніи Сената ничего не сказано, но которую не трудно найти, если сравнить законы о раздѣлѣ наслѣдства между наслѣдниками, дѣйствующіе въ Россіи и Италіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что Итальянскіе законы о раздѣлѣ наслѣдства справедливѣе русскихъ.

Дѣти безъ различія пола наслѣдуютъ поровну (ст. 736). Само собою разумѣется, что дочери Чинизелли возражали противъ раздѣла наслѣдства по русскимъ законамъ и Сенатъ, руководствуясь справедливостью, устранилъ возможность примѣненія русскихъ законовъ къ наслѣдству Чинизелли.

Этимъ мы подошли къ самой сути дѣла и нашли дѣйствитель-

ную и притомъ исконную причину разнообразія рѣшеній Сената по одному и тому же предмету. Она заключается въ томъ, что Сенатъ руководствуется соображеніями справедливости для даннаго случая и совершенно игнорируетъ необходимость установленія принципіальныхъ началъ, которыя въ свою очередь основаны на понятіяхъ о справедливости, но не для данныхъ тяжущихся, а для всѣхъ возможныхъ въ будущемъ однородныхъ тяжбъ.

Tel juge tel jugement—говоритъ французская поговорка. Трудно надѣяться на то, чтобы толкованія закона когда либо оказывались независимыми отъ умственнаго и нравственнаго уровня развитія судей. Но отсюда не слѣдуетъ, что могутъ быть допущены такіе порядки въ дѣлѣ правосудія, которые, какъ говорятъ, господствуютъ въ мусульманскихъ странахъ и которые нашли выраженіе въ поговоркѣ, что христіанинъ изучаетъ мусульманское право при выходѣ изъ суда. Это значитъ, что до суда нельзя изучить мусульманскаго права, ибо оно устанавливается впервые судомъ. Смыслъ закона устанавливается прецедентами и въ Англіи, но разнообразіе въ истолкованіи закона устраняется въ значительной мѣрѣ тѣмъ, что сознана необходимость толковать законъ не по соображеніямъ о справедливости для каждаго даннаго случая, а по принципіальнымъ соображеніямъ.

Такимъ образомъ точныхъ предѣловъ для толкованія закона нельзя установить, но если судья при толкованіи закона будетъ имѣть въ виду, что онъ обязанъ истолковать его такимъ образомъ, чтобы установить общія начала, которыми слѣдуетъ руководствоваться въ данной области отношеній отнынѣ впредь, то онъ этимъ создастъ нѣчто незыблемое, могущее имѣть силу въ теченіе продолжительнаго времени и его рѣшенія явятся дѣйствительнымъ прецедентомъ для однородныхъ дѣлъ.

М. Кулишеръ.

3. Изъ текущей практики Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента.

А. *Отдача городскимъ общественнымъ управленіемъ городскихъ пристаней въ пользованіе частнымъ лицамъ.*

Разрѣшенное гражданскимъ кассаціоннымъ департаментомъ 19 февраля дѣло Севастопольской городской управы съ обществомъ Финляндскаго легкаго пароходства возбудило довольно сложные вопросы.

16 августа 1896 года статскій совѣтникъ Рафаэль Карловичъ фонъ-Гартманъ и Севастопольская городская управа, согласно постановленію городской думы, состоявшемуся 7-го августа 1896 г., заключили между собою договоръ, въ коемъ значится между прочимъ слѣдующее.

§ 1. Севастопольское городское общественное управленіе предоставляетъ фонъ-Гартману на четырнадцать лѣтъ со дня открытія движенія исключительное право пользованія городскими пристанями для перевозки пассажировъ и грузовъ (хотя бы онѣ были устроены предпринимателемъ) по всѣмъ Севастопольскимъ бухтамъ, какъ на пароходахъ, такъ и на яликахъ. Сообщеніе это обязательно поддерживается: а) между Графской пристанью и Павловскимъ мыскомъ, б) между Графской и Сѣверной стороной, в) между Артиллерійской и Сѣверной сторонами. Для означенной цѣли въ вышесказанныхъ мѣстахъ Севастопольское городское управленіе отводитъ Рафаэлю Карловичу фонъ-Гартману безвозмездно нужныя мѣста для причала судовъ и установки пристаней и караульныхъ домиковъ и, кромѣ того, въ чертѣ города, или вблизи онаго, удобно расположенное на берегу мѣсто, размѣромъ не менѣе 300 кв. саж., для склада угля, нефтяныхъ остатковъ и ремонта судовъ. Если для причала судовъ придется углубить берегъ въ вышесказанныхъ мѣстахъ, то это дѣлаетъ Р. К. фонъ-Гартманъ за свой счетъ. По окончаніи срока договора всѣ мѣста подъ пристани и подъ караульные домики поступаютъ обратно къ городу безъ возведенныхъ на нихъ построекъ. Если же договоръ по какимъ-либо причинамъ будетъ прекращенъ до истеченія срока, то упомянутыя пристани поступаютъ къ городу со всѣми возведенными на нихъ постройками.

§ 18. Въ обезпеченіе исправнаго выполненія сего договора предприниматель вноситъ въ городскую кассу при подписаніи договора 3000 руб. Изъ этой суммы пополняются слѣдуемые городу платежи

и штрафы, равно произведенные городской управой расходы по ремонту въ силу договора. Залоговая сумма пополняется предпринимателемъ въ теченіе 30 дней со дня врученія ему повѣстки объ этомъ. Въ противномъ случаѣ предприниматель признается неисправнымъ помимо суда, по опредѣленію городской управы. Залогъ поступаетъ въ городскую кассу въ пользу города, а равно и пристани съ находящимся на нихъ имуществомъ, ялики же остаются въ пользованіи города на 6 мѣсяцевъ.

§ 22. За каждое отступленіе отъ условій настоящаго договора или за неисполненіе обязательствъ, принятыхъ по сему договору, а равно и за всякую неисправность при содержаніи перевоза г. фонъ-Гартманъ предоставляетъ городской управѣ налагать на него штрафы, по постановленіямъ ея, въ размѣрѣ отъ 5 до 100 рублей.

§ 23. Предприниматель Р. фонъ-Гартманъ имѣетъ право договоръ этотъ, съ согласія городской думы, передать отдѣльному лицу, товариществу или компаніи на акціяхъ; уставъ таковой компаніи или товарищества не долженъ ни въ чемъ противорѣчить сему договору.

Уполномоченный Севастопольской городской управы, предъявивъ въ Симферопольскомъ окружномъ судѣ 8 іюля 1900 г. къ Высочайше утвержденному обществу Финляндскаго пароходства искъ, въ исковомъ прошеніи объяснилъ, что по договору, заключенному 16 августа 1896 г. городской управой съ статскимъ совѣтникомъ фонъ-Гартманомъ, правопреемникомъ коего является отвѣтчикъ, о перевозкѣ пассажировъ и грузовъ по Севастопольскимъ бухтамъ, отвѣтчикъ обязался поддерживать сообщеніе: 1) между Графской пристанью и Павловскимъ мыскомъ; 2) между Графской пристанью и Сѣверной стороной и 3) между Артиллерійской бухтой и Сѣверной стороною; причемъ для послѣдняго сообщенія отвѣтчикъ, по § 2 договора, обязанъ имѣть паровой паромъ; что за права, предоставленныя отвѣтчику по договору, онъ долженъ былъ уплачивать въ пользу города въ 1-й годъ 1500 руб. и за три послѣдующіе по 4000 руб., пополугодно впередъ, причемъ, въ случаѣ неисполненія сего, городъ вправѣ былъ удержать платежи изъ залога предпринимателя, а послѣдній обязался пополнить таковой въ теченіе 30 дней со дня полученія о томъ повѣстки; что, открывъ движеніе 5 октября 1897 г., Финляндское общество 20 декабря 1898 г. самовольно прекратило обязательные рейсы парового парома „Бельбекъ“, поддерживавшаго сообщеніе между Артиллерійской бухтой

и Сѣверной стороной и, кромѣ того, уклоняется отъ платежа слѣдуемыхъ по договору денегъ, продолжая, однако, перевозку пассажировъ по бухтамъ и пользованіе городскими пристанями; въ виду изложеннаго, ссылаясь на 569 и 570 ст. X т. 1 ч., присяжный повѣренный Кюри просилъ: а) обязать общество Финляндскаго легкаго пароходства исполнить договоръ отъ 16 августа 1896 г., а именно: немедленно установить сообщеніе между Артиллерійской бухтой и Сѣверной стороной посредствомъ парового парома вмѣстимостью согласно § 2 договора, а въ случаѣ неисполненія сего предоставить городу Севастополю поддерживать сообщеніе между Артиллерійской бухтой и Сѣверной стороной указаннымъ способомъ на счетъ общества, и б) взыскать съ общества на пополненіе залога 2000 р. и въ пользу города Севастополя за срокъ 5 апрѣля 1900 г. 2000 р..

Окружный судъ нашелъ, что, по договору отъ 16 августа 1896 г., предпринимателю фонъ-Гартману, права коего перешли къ Финляндскому обществу пароходства, предоставлена концессія на перевозку пассажировъ и грузовъ по Севастопольскимъ бухтамъ на выраженныхъ въ договорѣ условіяхъ, согласно коимъ предпринимателю предоставлено на 14 лѣтъ исключительное право пользованія городскими пристанями для перевоза пассажировъ и грузовъ, причемъ въ силу § 2 для выполненія договора предприниматель обязанъ имѣть одинъ паровой паромъ вмѣстимостью не менѣе 18 повозокъ съ волами и лошадьми и 40 человѣкъ, каковой паромъ, по § 9, долженъ производить сообщеніе между Сѣверной стороной и Артиллерійской бухтой, а въ силу § 14, за предоставленныя предпринимателю по договору права онъ уплачиваетъ въ пользу города въ первый годъ 1500 р., три послѣдующіе года по 4000 р. въ годъ, четыре послѣдующіе по 5000 р., а шесть послѣднихъ лѣтъ по 6000 р. въ годъ, вносимые пополугодно впередъ и не позже 5 числа перваго мѣсяца наступающаго полугодія; при неисполненіи сего невнесенная сумма пополняется самой городской управой изъ залога предпринимателя, внесеннаго, согласно § 18, въ суммѣ 3000 руб. при подписаніи договора, а залогъ долженъ быть пополненъ въ теченіе 30 дней со времени полученія предпринимателемъ повѣстки. Въ виду возраженій повѣреннаго отвѣтчика, обсужденію суда прежде всего подлежитъ вопросъ о дѣйствительности означеннаго договора; но всѣ возраженія, выставленныя повѣреннымъ отвѣтной стороны по поводу ничтожности договора, судъ не можетъ признать основательными. Такъ, хотя дого-

воръ и названъ сторонами „концессіей“ на перевозку пассажировъ и грузовъ, но изъ условій договора явствуетъ, что предпринимателю не предоставлено исключительное право на перевозку; изъ невозбуждающаго никакихъ сомнѣній смысла § 1, подтверждающагося смысломъ §§ 3 и 7, нельзя не придти къ тому выводу, что за предпринимателемъ признано лишь право исключительнаго пользованія городскими пристанями; поэтому названіе договора концессіей само по себѣ не можетъ имѣть рѣшающаго значенія, такъ какъ, очевидно, контрагенты должны были придавать преимущественное значеніе условіямъ, въ коихъ подробно опредѣленъ объемъ правъ и обязанностей сторонъ, но не квалификаціи договора. Далѣе, указаніе на незаконность договора, въ виду назначеннаго въ немъ 14-лѣтняго срока дѣйствія, также лишено правильнаго основанія, ибо договоръ о перевозкѣ пассажировъ и грузовъ долженъ быть признаваемъ договоромъ подряда, но никакъ не аренды, срокъ же дѣйствій договоровъ подряда не ограниченъ въ законѣ, а предоставленъ усмотрѣнію договаривающихся. Равнымъ образомъ, не уважительна и ссылка повѣреннаго отвѣтной стороны на несоблюденіе городомъ, при заключеніи договора, требованія 79 ст. Город. Полож. и 388 ст. уст. Пут. Сообщ. по прод. 1893 г.; прежде всего, по смыслу 5 п. приведенной 79 ст., утвержденіе постановленій городской думы Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ требуется лишь относительно размѣра платы за участки, отводимые отдѣльнымъ лицамъ и обществамъ подъ пароходныя пристани, но въ Городовомъ Положеніи не содержится указаній, чтобы на заключеніе договоровъ подряда требовалось утвержденіе правительственной власти; засимъ по силѣ 7 ст. и 13 п. 63 ст. Гор. Пол. и, какъ то признано и указываемымъ повѣреннымъ отвѣтчика рѣшеніемъ Правительствующаго Сената по Общ. Собр. за 1888 г. № 3, городъ, какъ собственникъ имущества, вправѣ взимать доходы съ пристаней, не смотря на то, что таковыя предназначены для общаго пользованія при условіи лишь полнаго обезпеченія судоходству возможности безплатно удовлетворять свои потребности, и только для рѣшенія вопроса, вполнѣ-ли удовлетворены со стороны города потребности судоходства, требуется участіе вѣдомства Путей Сообщенія; въ настоящемъ же случаѣ въ дѣлѣ нѣтъ никакихъ данныхъ для сужденія о томъ, что такое стѣсненіе судоходства обнаружилось, или же, чтобы предприниматель встрѣтилъ какія либо препятствія со стороны вѣдомства Путей Сообщенія при осуществленіи своихъ правъ по договору. Независимо же отъ сего,

судъ не можетъ не замѣтить, что предварительное разрѣшеніе Министра Внутреннихъ Дѣлъ на совершеніе извѣстныхъ сдѣлокъ отъ имени города установлено для возможнаго огражденія интересовъ города, поэтому договоръ, заключенный безъ подобнаго разрѣшенія, можетъ быть признаваемъ недѣйствительнымъ лишь по требованію или иску города, но не его контрагента. Правильность послѣдняго соображенія подтверждается и положеніемъ, высказаннымъ Правительствующимъ Сенатомъ въ рѣшеніи 1889 г. № 23 по поводу займовъ отъ имени города, учиненныхъ безъ разрѣшенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ, каковые займы могутъ быть признаваемы ничтожными не безусловно, а единственно по требованію городскихъ управленій. Наконецъ, ссылка повѣреннаго отвѣтной стороны на Высочайшее повелѣніе отъ 13 іюля 1895 г. не заслуживаетъ уваженія уже потому, что означенное повелѣніе обнародовано было (Собр. узак. и расп. прав. 1895 г. № 154) еще до заключенія договора 16 августа 1896 г., а, слѣдовательно, извѣстно было предпринимателю, рѣшившемуся, не смотря на это, на заключеніе договора; кромѣ того, означенное повелѣніе касается единственно Севастопольскаго рейда и не колеблетъ правъ города на принадлежащую ему береговую полосу.

Разрѣшивъ вопросъ о дѣйствительности договора отъ 16 августа 1896 г. въ положительномъ смыслѣ и принимая во вниманіе, что ни прекращеніе паромнаго сообщенія между Сѣверной стороной и Артиллерійской бухтой, ни уклоненіе отъ взноса обусловленной по договору платы и непополненіе залога за удержаніемъ изъ онаго срочнаго платежа не отвергаются отвѣтной стороной и, потому, должны быть признаны доказанными по дѣлу; что, по 569 и 570 ст. X т. 1 ч., договоръ налагаетъ на договорившихся обязанность исполнить таковой и производитъ право требовать отъ обязавшагося удовлетворенія во всемъ, что постановлено въ договорѣ; что, посему, вышеприведенныя исковыя требованія города представляются доказанными и подлежащими удовлетворенію, и что настоящее рѣшеніе не подходитъ подъ случаи, когда по закону допускается предварительное исполненіе (737 и 737^1 ст. уст. гр. суд.), Окружный Судъ, рѣшеніемъ отъ $^{10}/_{24}$ ноября 1900 г., опредѣлилъ: 1) обязать общество Финляндскаго легкаго пароходства въ двухнедѣльный, со дня вступленія сего рѣшенія въ законную силу, срокъ, установить сообщеніе между Артиллерійской бухтой и Сѣверной стороной г. Севастополя посредствомъ паровою парома, вмѣстимостью согласно § 2 договора отъ 16 августа 1896 г.; въ случаѣ неис-

полненія имъ сего, предоставить городу Севастополю поддерживать сообщеніе между Артиллерійской бухтой и Сѣверной стороной указаннымъ способомъ на счетъ Финляндскаго общества; 2) взыскать съ того же общества двѣ тысячи рублей на пополненіе обусловленнаго договоромъ залога и въ пользу г. Севастополя двѣ тысячи рублей арендныхъ денегъ за срокъ 5 апрѣля 1900 г.

По апелляціонной жалобѣ отвѣтчика, дѣло вошло на разсмотрѣніе Одесской судебной палаты, которая, прежде всего, нашла нужнымъ опредѣлить сущность и юридическое значеніе положеннаго въ основаніе иска договора отъ 16 августа 1896 г., руководствуясь для сего содержаніемъ этого договора. По обсужденіи его, палата пришла къ заключенію, что онъ имѣетъ концессіонный характеръ, такъ какъ имъ предоставлено праводателю отвѣтчика монопольное право на устройство промышленнаго предпріятія. Этимъ договоромъ устанавливалось исключительное право истца на перевозку пассажировъ и грузовъ по Севастопольскимъ бухтамъ, что видно даже уже и изъ того, что сами стороны, при заключеніи договора, придавали ему этотъ характеръ, выразивъ въ немъ, что Гартману предоставлена на 14 лѣтъ концессія на перевозку пассажировъ и грузовъ. Но, кромѣ того, монопольный характеръ договора можно вывести изъ параграфовъ 7 и 21 устава, изъ коихъ въ первомъ сказано, что городское управленіе обязуется, съ цѣлью оградить предоставленное фонъ-Гартману исключительное право, оказывать предпринимателю содѣйствіе въ томъ, чтобы учрежденія и лица, имѣющія собственныя пристани, пользовались ими исключительно для тѣхъ цѣлей, для коихъ пристани эти учреждены, но не для промысловой перевозки пассажировъ и грузовъ по Севастопольскимъ бухтамъ. Если, такимъ образомъ, означенный договоръ признается договоромъ, по коему отвѣтчику предоставлено монопольное право концессіи, то, при этомъ условіи, договоръ этотъ долженъ быть признанъ недѣйствительнымъ, потому что въ отношеніи порядка его составленія допущено нарушеніе закона, и, именно, по силѣ 79 ст. гор. полож., онъ подлежалъ утвержденію Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Утвержденіе же это требуется не только для огражденія интересовъ города, но и для установленія того, что требованія 388 ст. уст. пут. сообщ. соблюдены, а равно и для разрѣшенія вопросовъ о томъ, возможно ли предоставленіе извѣстныхъ пристаней въ исключительное пользованіе обществъ или частныхъ лицъ (установленіе монополіи) и др. При несоблюденіи же въ данномъ случаѣ указаннаго требованія закона означенный договоръ

долженъ признаваться недѣйствительнымъ. Если признать объясненную квалификацію договора неправильною и трактовать договоръ аренднымъ (отдача въ наемъ пристаней), какъ на это указываетъ истцовая сторона, то и тогда договоръ долженъ признаваться недѣйствительнымъ, въ виду нарушенія 1692 ст. X т. 1 ч. относительно срока найма, который превышаетъ 12 лѣтъ. Но если даже признать разсматриваемый договоръ дѣйствительнымъ то и при этомъ условіи настоящій искъ не можетъ признаваться правильнымъ, такъ какъ требованія истцовой стороны не вытекаютъ изъ содержанія договора, на которомъ основанъ искъ. Вслѣдствіе нарушенія отвѣтчикомъ договора прекращеніемъ рейсовъ, поддерживавшихъ сообщеніе между Артиллерійской бухтой и Сѣверной стороной, невзносомъ причитавшихся къ платежу на срокъ 5 октября 1899 г. арендныхъ денегъ въ количествѣ 2000 р., истецъ требуетъ: во 1) признанія отвѣтчика обязаннымъ установить прерванное имъ сообщеніе между указанными мѣстностями, во 2) взыскать съ отвѣтчика 2000 р. на пополненіе залога, которые онъ зачелъ въ счетъ слѣдуемыхъ арендныхъ денегъ за указанный срокъ, и 3) взыскать съ отвѣтчика еще 2000 р. невнесеннаго имъ аренднаго платежа за срокъ 5 апрѣля 1900 г. Между тѣмъ, § 18-мъ договора на этотъ случай опредѣлены другія послѣдствія, коими исключительно исчерпываются всѣ права истца. Такъ, по § 18 договора, всѣ платежи и штрафы пополняются изъ залоговой суммы (3000 р.), а залоговая сумма должна быть пополнена въ теченіе 30 дней со дня врученія предпринимателю объ этомъ повѣстки, но, засимъ, если сіе послѣднее условіе имъ не будетъ выполнено, какъ въ данномъ случаѣ, то контрагенту предоставлено лишь право обратить залогъ въ свою пользу, а равно и пристани съ находящимся на нихъ имуществомъ поступаютъ въ пользу города, ялики же остаются въ пользованіи контрагента только въ теченіи 6-ти мѣсяцевъ.—На основаніи изложенныхъ соображеній, Палата, рѣшеніемъ отъ 16 мая 1901 года въ искѣ Севастопольской городской управы отказала и рѣшеніе окружнаго суда отмѣнила.

Въ кассаціонной жалобѣ уполномоченный Севастопольской городской управы объяснилъ слѣдующее:

1) Основнымъ спорнымъ вопросомъ въ настоящемъ дѣлѣ является вопросъ о томъ, имѣлъ ли городъ Севастополь намѣреніе и предоставилъ ли онъ на самомъ дѣлѣ Финляндскому Обществу легкаго пароходства *монопольное* право на перевозку пассажировъ

и грузовъ по Севастопольскимъ бухтамъ, другими словами, вопросъ о толкованіи смысла и значенія договора, заключеннаго городомъ съ Финляндскимъ Обществомъ 16 августа 1896 года. Признавая, что, по буквальному смыслу договора 16 августа 1896 года, послѣднимъ установлена въ пользу Финляндскаго Общества монополія, судебная палата приходитъ къ этому заключенію, во-первыхъ, потому, что стороны назвали договоръ этотъ *концессіею*, и, во-вторыхъ, потому, что договоромъ этимъ устанавливалось будто бы „исключительное право истца на перевозку пассажировъ и грузовъ по Севастопольскимъ бухтамъ". И то и другое основаніе неправильно, какъ неоправдываемое смысломъ слова „концессія" и невѣрнымъ изложеніемъ текста договора. Концессія, въ полицейски-правовомъ смыслѣ, есть дозволеніе компетентной власти на устройство такого промышленнаго предпріятія, которое, по закону, требуетъ предварительнаго разрѣшенія Правительства, при чемъ вовсе не предполагается установленія въ пользу концессіонера монополіи. Нашъ уставъ о промышленности, Св. зак. т. XI ч. 2, совершенно не знаетъ термина „концессія", хотя концессіонный порядокъ примѣняется при открытіи фабрикъ, заводовъ, мануфактуръ и при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ. Концессіонное право при постройкѣ желѣзной дороги есть несомнѣнно привиллегія, но съ правомъ монополіи имѣетъ лишь нѣкоторую аналогію въ виду фактической невозможности проведенія еще одной желѣзной дороги между пунктами, уже соединенными рельсовымъ путемъ. Такимъ образомъ, толкованіе палатою слова „концессія", по моему мнѣнію, очевидно, неправильно: это два совершенно различныхъ понятія. Что касается до второго довода палаты, то онъ является ошибочнымъ, такъ какъ въ договорѣ буквально сказано, что фонъ-Гартману предоставляется „исключительное право пользованія городскими пристанями", а не исключительное право перевозки пассажировъ и грузовъ. Въ вышеизложенномъ нельзя не усмотрѣть нарушенія палатою 706 и 711 ст. уст. гражд. суд., а также 1536 и 1538 ст. т. X ч. 1.

2) Судебная палата высказываетъ, далѣе, въ рѣшеніи своемъ соображеніе о томъ, что если признать, что договоромъ 16 августа 1896 года отвѣтчику предоставлено монопольное право, то въ такомъ случаѣ договоръ этотъ, по силѣ 79 ст. город. полож., подлежалъ утвержденію Министра Внутреннихъ Дѣлъ, каковое необходимо и для установленія того, что требованія 388 ст. уст. пут. сообщ. соблюдены. Соображеніе это падаетъ въ виду того, что до-

говоромъ, какъ выше объяснено, монопольнаго права Финляндскому Обществу не предоставлено. Кромѣ того, на основаніи 79 ст. город. полож. п. 5 лит. б., утвержденію Министра подлежатъ лишь постановленія думы о *размѣрахъ платы* за участки, отводимые отдѣльнымъ лицамъ и обществамъ подъ пароходныя пристани или подъ складъ нагружаемыхъ и выгружаемыхъ товаровъ на набережныхъ и пристаняхъ. Право же городовъ отдавать въ аренду существующія городскія пристани, какъ оброчныя статьи, по закону и неоднократнымъ разъясненіямъ Сената,—несомнѣнно, и договоры о семъ утвержденія Министра не требуютъ (ст. 7 город. полож., рѣш. Сената 26 ноября 1875 года № 4937, 31 января 1886 года—29 сентября 1889 г. № 88). Что касается до соблюденія 388 ст. уст. пут. сообщ., то къ дѣлу представлено оставленное палатою безъ разсмотрѣнія и обсужденія дѣло Севастопольской городской управы о городскихъ пристаняхъ, изъ котораго палата могла усмотрѣть, что Севастопольскому градоначальнику былъ представленъ городскою управою до заключенія договора съ фонъ-Гартманомъ планъ размѣщенія городскихъ пристаней съ указаніемъ проектированнаго парового сообщенія по бухтамъ и таковой градоначальникомъ одобренъ. Въ вышеизложенномъ усматривается нарушеніе палатою 7, 63 и 79 ст. город. полож. и 330 ст. уст. гражд. суд.

3) Далѣе, палата, трактуя договоръ 16 августа 1896 года, какъ договоръ арендный (отдача въ наемъ пристаней), примѣняетъ къ нему совершенно неправильно 1692 ст. X т. ч. 1, тогда какъ къ настоящему договору можетъ быть примѣнена лишь 1693 ст. того же тома и части. Городскія пристани составляютъ несомнѣнно городскую оброчную статью, а, потому, и могутъ быть отдаваемы въ арендное содержаніе на срокъ болѣе 12 лѣтъ. Во всякомъ случаѣ договоръ этотъ, принятый Финляндскимъ Обществомъ къ исполненію, безусловно дѣйствителенъ на первыя 12 лѣтъ аренды, и отвѣтчикъ могъ лишь домогаться путемъ встрѣчнаго иска признанія его недѣйствительнымъ на тотъ срокъ, который превышаетъ установленную закономъ норму.

4) Палата, вопреки прямому смыслу 559 и 570 ст. X т. 1 ч., отрицаетъ право города требовать отъ отвѣтчика точнаго исполненія договора на основаніи 18 п. договора. Разсужденія палаты явно неправильны, такъ какъ никто не можетъ быть лишенъ правъ, по закону ему принадлежащихъ, а потому въ настоящемъ дѣлѣ городъ безусловно имѣлъ право или требовать исполненія договора

въ точности, или поступить согласно 18 параграфу онаго, тѣмъ болѣе, что въ параграфѣ этомъ не стипулировано, что, съ наступленіемъ указанныхъ въ немъ обстоятельствъ, договоръ уничтожается, и отвѣтчикъ не обязанъ болѣе его исполнять.

На основаніи изложеннаго уполномоченный Севастопольской городской управы проситъ рѣшеніе Одесской судебной палаты, какъ постановленное съ нарушеніемъ 339, 706, 711 ст. уст. гражд. суд., 569, 570, 1536, 1538, 1539 X т. 1 ч. Зак. гражд., 7, 79, 62 гор. полож., отмѣнить.

Дѣло возбудило, такимъ образомъ, слѣдующіе вопросы:

1) подлежалъ ли договоръ, заключенный Севастопольскою городскою управою съ Гартманомъ, утвержденію Министра Внутреннихъ Дѣлъ?

2) дѣйствителенъ ли договоръ о предоставленіи городомъ частному лицу пользоваться городскими пристанями на срокъ болѣе 12 лѣтъ?

и 3) въ случаѣ опредѣленія въ договорѣ послѣдствій неисполненія его одною изъ сторонъ, вправѣ ли другая сторона требовать не примѣненія къ нарушителю договора условленныхъ въ немъ послѣдствій, а исполненія самаго договора?

Обращаясь къ разрѣшенію этихъ вопросовъ и, прежде всего, перваго изъ нихъ, нельзя, конечно, не согласиться съ указаніемъ кассаціонной жалобы на допущенное въ рѣшеніяхъ и Симферопольскаго окружнаго суда и Одесской судебной палаты явное, хотя и трудно объяснимое, смѣшеніе понятія *концессіи* съ понятіемъ *монополіи*. Тѣмъ не менѣе самый вопросъ о томъ, предоставила ли Севастопольская городская управа Гартману и Финляндскому Обществу монопольное право пользованія городскими пристанями на самомъ дѣлѣ и не представлялся въ данномъ случаѣ существеннымъ. Если окружный судъ, разсматривая этотъ вопросъ какъ бы самостоятельно, вовсе не поставилъ его въ связь съ какимъ-либо постановленіемъ закона, а потому и приведенныя имъ по сему поводу соображенія оказываются закономъ необоснованными и какъ бы излишними, то палата, признавъ, что договоромъ города „предоставлено отвѣтчику“, какъ выразилась палата,—„*монопольное право концессіи*“ (а это, собственно, значитъ—монопольное право на концессію?), отсюда уже заключила, что такой договоръ недѣйствителенъ, какъ неутвержденный, согласно 79 ст. город. полож., министромъ внутреннихъ дѣлъ,—каковое утвержденіе именно требуется „и для разрѣшенія вопросовъ о томъ“ . . . . возможна ли здѣсь монополія.

Обращаясь, однако, къ 79 статьѣ городоваго положенія (т. II св. зак., изд. 1892 г.), вовсе не находимъ въ ней никакого постановленія о сдачѣ городомъ монопольныхъ правъ или о какомъ либо „монопольномъ правѣ концессіи“. Перечисляя постановленія думы, подлежащія утвержденію министра внутреннихъ дѣлъ, статья эта, въ пунктѣ 5, относитъ, между прочимъ, сюда же постановленія „*о размѣрахъ платы:* а) *за пользованіе* замощенными на средства общественнаго управленія подъѣздными путями, переправами и перевозами . . . . ; б) *за участки, отводимые* отдѣльнымъ лицамъ или обществамъ, *подъ пароходныя пристани или подъ складъ нагружаемыхъ и выгружаемыхъ товаровъ, на набережныхъ и пристаняхъ* (ст. 63, п. 13, б), и в) за стоянку судовъ на проходящихъ черезъ городскія земли водяныхъ сообщеніяхъ свыше времени, необходимаго для нагрузки, выгрузки и удовлетворенія другихъ потребностей по судоходству“; во второмъ примѣчаніи къ этой статьѣ присовокуплено, что „постановленія о размѣрѣ платы за участки, отводимые отдѣльнымъ лицамъ или обществамъ подъ пароходныя пристани или подъ складъ нагружаемыхъ и выгружаемыхъ товаровъ,—утверждаются министромъ внутреннихъ дѣлъ по соглашенію съ министрами финансовъ и путей сообщенія“.

Если, однако, въ 79 статьѣ вовсе не говорится о монополіи, то посмотримъ, можетъ ли она вообще имѣть примѣненіе къ договору Севастопольской городской управы. Договоръ этотъ въ первомъ его параграфѣ, „*предоставляетъ* исключительное (не слѣдовало ли уже отъ этого слова заключить, что и „монопольное“,—ибо какая же въ данномъ случаѣ разница между этими словами?) *право пользованія городскими пристанями для перевозки пассажировъ и грузовъ*“,—а въ этомъ нельзя, конечно, не усмотрѣть упоминаемаго въ п. б. пользованія „участками, отводимыми отдѣльнымъ лицамъ или обществамъ подъ пароходныя пристани“; равнымъ образомъ, въ томъ же § 1 договора говорится, что городъ „отводитъ“ „мѣста для причала судовъ . . . . *для склада* угля, нефтяныхъ остатковъ и ремонта судовъ“,—что̀, конечно, соотвѣтствуетъ „отводу“, по п. б., „участковъ подъ складъ товаровъ“.

Однако же противъ примѣненія въ данномъ случаѣ 79 статьи кассаціонная жалоба (повторяя соображеніе, приведенное въ рѣшеніи окружнаго суда) возражала (п. 4), что утвержденію министра подлежатъ, по п. 5 лит. б. 79 ст. город. пол., лишь постановленія думы *о размѣрахъ платы* за участки, отводимые подъ пристани или склады, но что, согласно 7 ст. того же положенія, дого-

воры о сдачѣ въ аренду пристаней, какъ оброчныхъ статей, утвержденія министра не требуютъ. Дѣйствительно, въ п. 5 ст. 79 говорится о „размѣрахъ платы“, а, по 7 статьѣ городское общественное управленіе имѣетъ право именно городскаго поселенія, на основаніи общихъ гражданскихъ законовъ и городоваго положенія, пріобрѣтать и отчуждать имущества, *заключать договоры*, вступать въ обязательства . . . . съ соблюденіемъ правилъ, установленныхъ для казенныхъ управленій“. Тѣмъ не менѣе едва ли можно признать это возраженіе основательнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если даже договоръ города самъ по себѣ, и не требовалъ утвержденія министра, каковому утвержденію подлежалъ только размѣръ платы за участки, отведенные Гартману или Финляндскому обществу подъ пристани и склады, то, однако, очевидно, что часть договора, касающаяся неутвержденнаго министромъ размѣра платы, во всякомъ случаѣ недѣйствительна; цѣна или плата является, однако, *существенною принадлежностью договора* найма, а, слѣдовательно, недѣйствительность этой части договора обусловливаетъ собою *недѣйствительность договора въ цѣломъ* (ср. хотя бы по этому поводу рѣш. гражд. касс. деп. 1868 г. № 248, 1869 г. № 408, 1870 г. №№ 1671, 1681 и друг.). Такъ, очевидно, городъ не могъ въ предъявленномъ къ Финляндскому обществу искѣ взыскивать суммъ, подлежащихъ утвержденію, но не утвержденныхъ своевременно министромъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, что утрата договоромъ силы въ этой части, въ отношеніи платы, дѣйствительно, лишаетъ его практическаго смысла. Такимъ образомъ, несоблюденіе указаннаго въ 5 п. 79 ст. требованія объ утвержденіи установленнаго думой размѣра платы за пользованіе пристанями и вообще набережными или бечевникомъ поражаетъ недѣйствительностью существенную принадлежность договора города, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самый договоръ въ цѣломъ.

Нельзя при этомъ не замѣтить, что повидимому при самомъ заключеніи договора имѣлось въ данномъ случаѣ въ виду обойти требованіе 5 п. 79 ст. город. полож., ибо по § 1 договора городъ Севастополь „*безвозмездно отводитъ* нужныя мѣста для установки пристаней, склада“ матеріаловъ и т. п. и „*предоставляетъ* право пользованія городскими пристанями на 14 лѣтъ“,—почему можно было бы, пожалуй, подумать, что въ данномъ договорѣ и не было установлено никакого размѣра платы. Однако же изъ приведеннаго въ рѣшеніи окружнаго суда § 14 договора видно, что „за *предоставленныя* предпринимателю по договору *права* онъ *уплачи-*

ваетъ въ пользу города въ первый изъ 1500 руб.“ . . . . и т. д. А, слѣдовательно, никакого дара городъ Севастополь Гартману не дѣлалъ, безвозмездность—мнимая, и размѣръ платы въ договорѣ точно установленъ думою, но не утвержденъ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Указывая на отсутствіе въ законахъ требованія утвержденія министромъ договора города о сдачѣ въ аренду пристаней, какъ оброчныхъ статей, кассаціонная жалоба ссылается, однако, на рѣшенія Сената,—не указывая, впрочемъ, точно, какого департамента его и о чемъ именно, а тѣмъ самымъ возбуждая нѣкоторое сомнѣніе, были ли эти рѣшенія хорошо, при ссылкѣ на нихъ, извѣстны, и дѣйствительно ли само лицо, на нихъ ссылающееся, видитъ въ нихъ дѣйствительное подтвержденіе своей мысли. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ практика разрѣшенія того же вопроса Сенатомъ, очевидно, необходимо должна быть принята во вниманіе при разсмотрѣніи окончательнаго разрѣшенія дѣла Сенатомъ же,— то, обращаясь къ рѣшенію 1 департамента Сената, состоявшемуся по жалобѣ нижегородскихъ пароходовладѣльцевъ 31 января 1886 г.— 29 сентября 1889 г. за № 88 (см. сборникъ г. Мыша, ст. 7, п. 17), находимъ, что въ семъ рѣшеніи вопросъ *о правѣ городовъ сдавать въ аренду мѣста, занимаемыя пароходными пристанями* былъ разрѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ по тому, между прочимъ соображенію, что „безвозмездное предоставленіе по закону естественныхъ бечевниковъ въ пользу судоходства и свободное движеніе послѣдняго не должно уничтожить права прибрежныхъ владѣльцевъ на извлеченіе изъ этой промышленности выгодъ, доставляемыхъ самою природою и положеніемъ владѣній, въ виду того, что *чрезъ предоставленіе части бечевника въ исключительное пользованіе пристаневладѣльца собственникъ берега неизбѣжно стѣсняется* въ семъ пространствѣ въ предоставленномъ ему закономъ правѣ пользованія и распоряженія берегомъ, а слѣдовательно теряетъ тѣ выгоды, которыя могъ бы самъ пріобрѣсти, если край берега и прилегающее къ нему водное пространство оставались бы свободными отъ всякихъ сооруженій“; находя, поэтому, что „городу принадлежитъ несомнѣнное право на отдачу въ аренду не только земельныхъ участковъ бечевника, но и прилегающей къ нимъ водной площади, *при томъ, конечно, условіи, чтобы ни одинъ изъ этихъ видовъ предоставленія бечевника въ чье-либо исключительное пользованіе не препятствовалъ свободѣ судоходства*“, и замѣтивъ, что ст. 123 гор. пол. (изд. 1870 г.), устанавливающая особый сборъ въ пользу города за стоянку судовъ въ

водахъ общаго пользованія, не имѣетъ ничего общаго съ платою, установляемою за отдачу части этихъ водъ, на указанныхъ въ законѣ основаніяхъ, въ чье-либо исключительное пользованіе, каковое имѣетъ мѣсто при установленіи пристани. Сенатъ оставилъ принесенную ему жалобу безъ послѣдствій. Если, однако, это рѣшеніе Сената разрѣшаетъ на самомъ дѣлѣ вопросъ о самомъ *правѣ* городовъ сдавать въ аренду мѣста подъ пристанями, то, какъ выше было уже разъяснено, это право города не исключаетъ еще установленной 5 п. 79 ст. обязанности города испрашивать у Министра Вн. Дѣлъ утвержденіе *размѣра платы* за отводимые участки бечевника, при несоблюденіи каковаго требованія самый договоръ оказывается въ результатѣ недѣйствительнымъ. Такимъ образомъ ссылка кассаціонной жалобы на приведенное рѣшеніе Сената вслѣдъ за положеніемъ о томъ, что означенные договоры города не требуютъ утвержденія Министра,—лишена точности и представляется неубѣдительною: договоры не требуютъ утвержденія, но размѣръ платы, все-таки его требуетъ.

И дѣйствительно, провѣряя другую ссылку кассаціонной жалобы, находимъ, что въ позднѣйшемъ своемъ указѣ отъ 25 марта 1898 года за № 3434 (тамъ же, п. 19), по вопросу *о правѣ городовъ устанавливать плату за пользованіе городскими пристанями*, 1 департаментъ Сената, руководствуясь ст. 369 уст. пут. сообщ. по прод. 1893 г., ст. 79 город. полож. и рѣш. общ. собр. 1-го и касс. деп. отъ 26 ноября 1875 года № 4937 (на которое ссылалась кассаціонная жалоба) и 7 марта 1888 г. № 3, нашелъ, что „*городамъ не возбраняется устраивать пристани* сверхъ того числа, которое признано необходимымъ для потребности судоходства, *со взиманіемъ за пользованіе таковыми* для причала судовъ *платы* въ пользу доходовъ города, *размѣръ коей утверждается, согласно ст. 79 гор. пол., подлежащимъ Министромъ*". Впрочемъ, составитель сборника г. Мышъ и по поводу перваго рѣшенія Сената (1886—1889 г.) также замѣчаетъ (стр. 52), что при примѣненіи тѣхъ разъясненій необходимо имѣть въ виду ограниченія, содержащіяся въ ст. 79, I, п. 5 а, б, в) городского положенія. Затѣмъ, и по вопросу о правѣ городовъ взимать сборы за нагрузку и выгрузку товаровъ *на городскихъ пристаняхъ*, въ видѣ дохода съ городского имущества, безъ утвержденія законодательной власти (см. книгу г. Мыша, ст. 7, п. 10, стр. 50), общее собраніе 1-го и кассац. департаментовъ Сената, по подробномъ обсужденіи, нашло, что „*городъ имѣетъ право извлекать доходъ изъ тѣхъ лишь городскихъ пристаней, относительно кото-*

рыхъ, за обезпеченіемъ общихъ нуждъ судоходства, согласно требованію устава путей сообщенія, это право *будетъ ему предоставлено порядкомъ, указаннымъ* въ 122 и 123, нынѣ *79, I, п. 5, ст. гор. пол. и ст. 388 и 365 уст. пут. сообщ.* (по продолж.) (рѣш. общ. собр. 1 и касс. деп. 7 марта 1888 г. № 3). Наконецъ, на предварительное соглашеніе съ судоходнымъ начальствомъ и утвержденіе окружнымъ правленіемъ путей сообщенія указывалъ и циркуляръ мин. внутр. дѣлъ 25 ноября 1895 г. № 46 (тамъ же, п. 18, стр. 52).

Всѣ вышеизложенныя соображенія приводятъ къ тому заключенію, что первый изъ поставленныхъ по данному дѣлу вопросъ, по содержанію своему, собственно. входящій въ компетенцію общаго собранія 1-го и кассаціонныхъ департаментовъ, долженъ быть разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ: согласно точному разуму лит. б. п. 5, I ст. 79 город. полож. размѣръ платы, за которую Севастопольская городская управа, по заключенному ею съ г. Гартманомъ договору, сдала ему въ аренду городскія пристани,—подлежалъ утвержденію Министра Внутр. Дѣлъ, при неутвержденіи же Министромъ плата эта должна быть признана недѣйствительною, а, слѣдовательно и неподлежащею судейскому взысканію: другими словами, составляя существенную часть договора аренды, она и этотъ послѣдній дѣлала недѣйствительнымъ.

Если, такимъ образомъ, рѣшеніе Одесской судебной палаты, въ конечномъ его выводѣ, оказывается правильнымъ, и недѣйствительность договора должна была уже сама по себѣ имѣть послѣдствіемъ отказъ въ искѣ, то, однако, нельзя не остановиться и на разрѣшеніи двухъ другихъ вопросовъ, на коихъ остановилась палата, а затѣмъ и кассаціонная жалоба.

Второй, изъ поставленныхъ выше, вопросъ не представляется сложнымъ. Указаніе кассаціонной жалобы на необходимость примѣненія къ договору Севастопольской городской управы 1693 ст. 1 ч. X т. конечно, неправильно, ибо въ этой статьѣ установлены изъятія изъ ограниченія 1692 статьи только для сдачи пустопорожнихъ земель подъ фабрики, заводы и дачи, *помѣщичьихъ оброчныхъ статей*, угодій и земель, удѣльныхъ земель и земель Ялтинскаго уѣзда, но вовсе не говорится о городскихъ оброчныхъ статьяхъ. Тѣмъ не менѣе, если по 1692 статьѣ и „запрещается недвижимыя частныя имущества отдавать въ наемъ или содержаніе срокомъ свыше двѣнадцати лѣтъ“, то, однакоже, отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы арендный договоръ, заключенный на число большее двѣнадцати лѣтъ былъ недѣйствителенъ абсолютно: естественнѣе, конечно,

признать недѣйствительность договора лишь на срокъ превышающій срокъ законный, а, слѣдовательно. одно заключеніе городомъ договора съ Гартманомъ на 14 лѣтъ, еще не дѣлало этого договора недѣйствительнымъ на первые двѣнадцать лѣтъ.

Самымъ интереснымъ, однако, представляется третій вопросъ, имѣющій весьма общее значеніе. Можно-ли, въ самомъ дѣлѣ, въ случаѣ опредѣленія въ договорѣ послѣдствій его неисполненія, требовать не примѣненія къ нарушителю договора условленныхъ въ немъ послѣдствій, а исполненія самаго договора? Послѣдствія неисполненія г. Гартманомъ или вообще „предпринимателемъ“ договора, заключеннаго Севастопольскою городскою управою опредѣлены въ §§ 22 и *18*, на „явно неправильное“ толкованіе или извращеніе котораго и указывала кассаціонная жалоба,—въ каковыхъ именно случаяхъ Гражданскій Кассаціонный Департаментъ входитъ въ разсмотрѣніе договора. При этомъ нельзя, прежде всего, не замѣтить, что такъ сказать окончательныя послѣдствія неисполненія договора, собственно, выражены въ § 18, а § 22 говоритъ только о штрафахъ, являющихся въ данномъ случаѣ, очевидно, лишь *дополнительнымъ, несущественнымъ* послѣдствіемъ „*каждаго отступленія* отъ условій договора“,—то есть даже незначительнаго отступленія, не влекущаго еще послѣдствій, указанныхъ въ § 18. Въ этомъ же послѣднемъ параграфѣ (который послѣдовательнѣе было бы помѣстить послѣ правила о штрафахъ, какъ по общему его смыслу, такъ и потому, что въ § 18 даже упоминается о штрафахъ, какъ о чемъ-то уже сказанномъ),—договорившимися сторонами условлено. что *въ случаѣ неисправнаго внесенія предпринимателемъ платежей и штрафовъ* на пополненіе залога, изъ коего эти послѣдніе городомъ учитываются, „предприниматель признается неисправнымъ помимо суда [1]), по опредѣленію городской управы: *залогъ поступаетъ въ городскую кассу въ пользу города, а равно и пристани съ находящимся на нихъ имуществомъ, ялики же остаются въ пользованіи города на 6 мѣсяцевъ*“. Между тѣмъ, уполномоченный города въ исковомъ прошеніи просилъ: „обязать финляндское общество *исполнить договоръ*“, „а именно *установить*

---

[1]) Кстати напомнимъ, что по рѣшенію Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента 1881 г. № 90 постановленное въ договорѣ условіе о томъ, что въ случаѣ нарушенія его одною изъ сторонъ другой сторонѣ предоставляется право самой, безъ обращенія къ суду, расторгнуть договоръ, не можетъ быть признаваемо противозаконнымъ.

сообщеніе между Артиллерійской бухтой и Сѣверной стороною посредствомъ парового парома вмѣстимостью согласно § 2 договора, а въ случаѣ неисправности предоставить городу поддерживать указанное сообщеніе на счетъ общества, а также *взыскать* съ общества на пополненіе залога 2000 руб. и въ пользу города за срокъ 5 апрѣля 1900 г.—2000 рублей". Возникаетъ вопросъ,—могъ ли городъ, согласно договору, предъявить эти исковыя требованія?

Согласно точному и вполнѣ справедливому—требованію 569 и и 570 ст. 1 ч. X т., заключающимся въ томъ, что „всякій договоръ и всякое обязательство, правильно составленные, налагаютъ на договаривающихся *обязанность ихъ исполнить*, и „всякій договоръ и всякое обязательство, въ случаѣ неисполненія производятъ *право требовать* отъ лица обязавшагося *удовлетворенія во всемъ томъ, что постановлено въ оныхъ*",—несомнѣнно, что *въ существѣ всякаго обязательнаго договора*, прежде всего и главнымъ образомъ, заключается *обязанность его исполненія*. Такъ и гражданскій кассаціонный департаментъ, въ рѣшеніяхъ 1867 г. № 401 и 1871 г. № 1245, призналъ, что „сущность всякаго договора слагается изъ условій, положительно въ немъ выговоренныхъ и условій подразумѣваемыхъ: первыя зависятъ отъ доброй воли и уговора сторонъ, вторыя опредѣляются закономъ, хотя бы они не были выговорены въ договорѣ; одни условія суть частныя для каждаго договора, другія суть общія, и въ отношеніи ихъ дѣйствуетъ сила общаго закона, хотя бы о нихъ въ договорѣ было умолчено; *къ условіямъ общимъ, установляемымъ закономъ и подразумѣваемымъ въ договорѣ хотя бы о нихъ было умолчено, относится обязанность исполнять договоръ по точному его разуму*, не уважая побочныхъ обстоятельствъ, и отвѣтствовать за вредъ и убытки, причиненные произвольнымъ уклоненіемъ отъ исполненія условій договора".

При всей правильности, однако, приведеннаго толкованія, нельзя упускать изъ виду, что, если въ договорѣ сторонами *точно опредѣлено послѣдствіе его неисполненія*, или неисполненія такъ сказать главныхъ, существенныхъ по договору обязанностей, то примѣненіе къ нарушителю договора не послѣдствій, условленныхъ договоромъ, а какихъ либо другихъ послѣдствій, хотя бы и точнаго исполненія тѣхъ главныхъ обязанностей договора,—именно было бы уже *новымъ дальнѣйшимъ нарушеніемъ того же договора, а не его исполненіемъ*. Такимъ образомъ, разрѣшеніе даннаго вопроса зависитъ отъ точности выраженной въ договорѣ воли сторонъ. Если въ договорѣ точно установлено послѣдствіе его неисполненія,—только оно же и можетъ и должно быть *исполнено*.

И это наше толкованіе находитъ себѣ полное подтвержденіе въ старой кассаціонной практикѣ, имѣвшей уже случай высказаться какъ разъ даже по тождественному вопросу. Въ рѣшеніи 1870 г. № 149 Сенатъ нашелъ слѣдующее. „На основаніи 570 ст. X т, ч. 1 всякій договоръ и всякое обязательство, въ случаѣ неисполненія, производятъ право требовать отъ лица обязавшагося удовлетворенія во всемъ томъ, „*что постановлено* (курсивъ подлинника) въ оныхъ: въ силу этого закона никакое судебное мѣсто не вправѣ отвергать того, *что въ договорѣ постановлено* (курсивъ подлинника) и замѣнить условія, включенныя по обоюдному согласію договаривающихся (ст. 1530 т. X ч. 1) другими, по собственному усмотрѣнію суда, о чемъ подтверждается и въ 1536 ст., въ которой сказано, что договоры должны быть изъясняемы *по словесному ихъ смыслу* (курсивъ подлинника). Въ настоящемъ дѣлѣ въ полюбовной сказкѣ, составленной между владѣльцами с. Образкокъ, Болтиною и Темяшевымъ, было постановлено на счетъ пруда, принадлежащаго Болтиной, чтобы крестьянамъ Темяшева водопой въ прудѣ не воспрещать, подъ условіемъ, чтобы, когда потребуется прудить плотину, то и исправлять починку доставкою матеріаловъ обще съ Болтиною половиннаго количества, общими рабочими людьми; далѣе договаривающимися предусмотрѣнъ случай неисполненія условленной въ договорѣ починки и постановлено въ случаѣ несостоятельности въ ономъ: Болтина *вправѣ крестьянъ Темяшева до водопоя не допускать* (курсивъ подлинника). Затѣмъ, когда возникъ предусмотрѣнный въ договорѣ случай, Чижовъ, преемникъ правъ Болтиной, *требовалъ*, чтобы Коносевичъ, преемникъ правъ Темяшева, *былъ принужденъ судебною властью къ обязательной починкѣ плотины* и чтобы за истекшихъ 9 лѣтъ заплатилъ ему, Чижову, половину произведенныхъ имъ на сей предметъ расходовъ, въ количество 200 руб.; напротивъ того, Коносевичъ требовалъ отъ той же судебной власти предоставить Чижову *одно лишь право, за неисполненіе починки, не допускать крестьянъ до водопоя*. Мировой съѣздъ, обсуживая взаимныя требованія тяжущихся, предоставилъ Чижову не право, постановленное въ договорѣ, *не допускать крестьянъ до водопоя* (курс. подлинника), а вмѣсто того, право получить съ Коносевича 200 р. за 9 лѣтъ, и требовать отъ него общаго участія въ починкѣ плотины. Такимъ приговоромъ мировой съѣздъ *явно нарушилъ буквальный смыслъ 570 ст. т. X ч. 1 и не исполнилъ правила, изложеннаго въ 1536 ст. того же тома*",—почему Сенатъ рѣшеніе съѣзда и отмѣнилъ. Въ томъ же смыслѣ 570 статья

была разъяснена Сенатомъ и въ рѣшеніи 1875 г. № 497,—коимъ было признано, что послѣдствіе, установленное договоромъ на точно опредѣленные случаи,—не можетъ быть распространено на другіе случаи, не предусмотрѣнные договоромъ.

Что же, на самомъ дѣлѣ, было условлено въ договорѣ Севастопольской городской управы съ Гармановъ? Въ § 18 договора сказано: „въ противномъ случаѣ предприниматель *признается* неисправнымъ помимо суда, залогъ *поступетъ* въ городскую кассу... ялики же *остаются*...“ и т. д. Положительная, категорическая форма, въ которой выражены эти послѣдствія „неисправнаго выполненія“ предпринимателемъ договора,—въ которой не сказано даже: „*можетъ* быть признанъ по требованію города, можетъ поступить, могутъ оставаться“,—не оставляютъ мѣста сомнѣнію, что договоромъ точно установлено именно это, а не другое послѣдствіе. Изъ этого условія договора именно видно, что при заключеніи договора городъ придавалъ исправному его выполненію со стороны предпринимателя существенное, рѣшающее значеніе и находилъ, что разъ предприниматель допуститъ *двукратную* неисправность (не внесетъ во время платежей и не пополнитъ ихъ въ срокъ послѣ учета платежей изъ залога) то самый договоръ далѣе имѣть силы не можетъ, долженъ быть разрушенъ, а именно предприниматель „признается“ неисправнымъ, залогъ „поступаетъ“ въ городскую кассу, ялики же „остаются“ въ пользованіи города на 6 мѣсяцевъ. Итакъ въ § 18 договора на самомъ дѣлѣ „*стимулировано*“, что,—„съ наступленіемъ указанныхъ въ немъ обстоятельствъ, договоръ уничтожается, и отвѣтчикъ не обязанъ болѣе его исполнять“, что оспаривалась касса цѣнною жалобою. А слѣдовательно нельзя усмотрѣть, по нашему мнѣнію, и нарушенія приведеннаго § 18 въ рѣшеніи Одесской судебной палаты.

Правительствующій Сенатъ отмѣнилъ рѣшеніе палаты по нарушенію 79 ст. городов. полож., 569 и 570 ст. 1 ч. X т., и ст. 11 уст. гражд. суд.

Б. *Вправѣ-ли несостоятельный должникъ предъявить къ конкурсному по его дѣламъ управленію, искъ о взысканіи убытковъ съ конкурсной массы?*

Уже не разъ указывалось на тяжелое и безвыходное положеніе несостоятельнаго должника, однимъ опредѣленіемъ суда лишающа-

гося всякаго участія въ управленіи своими дѣлами, которыя, однако, далеко не всегда представляются настолько безнадежными, чтобы вовсе невозможно было возстановленіе ихъ въ болѣе или менѣе нормальное, удовлетворительное положеніе. Извѣстно, что кредиторы иногда намѣренно, еще задолго, выжидаютъ удобный моментъ, чтобы, заставъ должника врасплохъ, воспользоваться, можетъ быть, кратковременнымъ затрудненіемъ въ его дѣлахъ, прибрать его имущество въ свои руки, самого несостоятельнаго, дабы не мѣшалъ, арестовать, а затѣмъ безнаказанно предаться чисто хищнической дѣятельности. Какія могутъ быть у несостоятельнаго средства защиты, средства необходимой обороны? Фактически они, повидимому, сводятся къ довольно незначительному minimum'у,—если только подлежащія учрежденія не округляютъ ихъ къ нулю. А это послѣднее какъ разъ имѣло мѣсто при разрѣшеніи дѣла Миръ-Ахметъ-Хана Талышханова Бакинскимъ окружнымъ судомъ и Тифлисскою судебною палатою,—рѣшеніе коей было, однако, справедливо отмѣнено 22 января сего года гражданскимъ кассаціоннымъ департаментомъ Правительствующаго Сената.

23 сентября 1899 г. повѣренный Миръ-Ахметъ-Хана Талышханова предъявилъ въ Бакинскомъ окружномъ судѣ искъ къ конкурсному управленію, учрежденному по дѣламъ умершаго отца его довѣрителя, несостоятельнаго должника Миръ-Таги Бека Талышханова, объяснивъ въ исковомъ прошеніи, что по опредѣленію С.-Петербургскаго окружнаго суда отъ 11 іюля 1886 г. умершій Миръ-Таги Бекъ Талышхановъ объявленъ былъ несостоятельнымъ должникомъ, и по дѣламъ его учреждено конкурсное управленіе, которое приняло тогда же въ свое завѣдываніе имѣніе должника „Астаринскій-Магалъ", Ленкоранскаго уѣзда, Бакинской губерніи. 14 марта 1891 г. Миръ-Таги бекъ Талышхановъ умеръ, и судебными опредѣленіями въ правахъ наслѣдства послѣ него утвержденъ истецъ. Узнавъ, что во время нахожденія имѣнія „Астаринскій Магалъ" въ завѣдываніи конкурснаго управленія въ лѣсахъ этого имѣнія производились постоянно опустошительныя порубки, истецъ въ маѣ мѣсяцѣ 1899 г. обратился къ мѣстному мировому судьѣ съ ходатайствомъ объ осмотрѣ этихъ порубокъ, при участіи спеціалистовъ-лѣсничихъ, въ видахъ обезпеченія доказательствъ настоящаго иска. Осмотръ этотъ былъ произведенъ, и на основаніи пояснительныхъ записокъ и детальныхъ лѣсныхъ вѣдомостей, составленныхъ экспертами, установлено, что въ означенномъ имѣніи истреблено лѣса за время съ 1886—1891 г. на сумму 185,381 руб.,

съ 1892—1897 г. на 723,213 руб., съ 1897—1899 г. на 675,863 руб., а всего на 1,583,957 руб. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1899 г. истецъ внесъ въ Тифлисскій дворянскій земельный банкъ на полное удовлетвореніе всѣхъ кредиторовъ своего отца 965,000 руб., и съ этого момента несостоятельность умершаго Миръ-Таги бека Талышханова фактически прекратилась, но конкурсное управленіе еще не упразднено. Указывая затѣмъ на то, что конкурсное управленіе должно было управлять имѣніемъ Талышханова, какъ доброму хозяину свойственно, что посему прямою обязанностью его было предпринять надлежащія мѣры къ охранѣ лѣсовъ, составляющихъ одну изъ наиболѣе цѣнныхъ статей имѣнія, но этого однако имъ сдѣлано не было, такъ какъ расхищеніе лѣса съ каждымъ годомъ прогрессивно возрастало, и что отвѣтственность за причиненные такимъ образомъ имуществу истца ущербъ и умаленіе стоимости его должна лежать на конкурсномъ управленіи, которое по силѣ 684 ст. X т. 1 ч. не можетъ быть освобождено отъ гражданской отвѣтственности за этотъ убытокъ, пр. пов. Вяткинъ и просилъ судъ взыскать съ конкурсной массы по дѣламъ несостоятельнаго должника Миръ-Таги бека Талышханова въ пользу его довѣрителя 1,583,957 руб.

Остановившись на обсужденіи возбужденнаго повѣреннымъ отвѣтчика вопроса о самомъ правѣ Талышханова на предъявленіе сего иска, Тифлисская судебная палата нашла, что изъ точнаго смысла узаконеній о несостоятельности несостоятельный должникъ утрачиваетъ всѣ свои права по имуществу: права владѣнія, пользованія и распоряженія, и все его имущество, движимое и недвижимое, пріобрѣтенное имъ не только до объявленія несостоятельности, но и съ момента объявленія ея до окончанія конкурснаго производства, составляетъ уже въ сущности собственность конкурсной массы, т. е. его кредиторовъ. И если законъ (ст. 618), указывая на возможность имѣющаго оказаться отъ удовлетворенія долговъ остатка имущества, признаетъ за нимъ еще право на этотъ остатокъ, то остатокъ этотъ представляетъ собою исключительный случай и при правильномъ возбужденіи дѣла о несостоятельности не можетъ быть, почему и не можетъ колебать общаго положенія о полной утратѣ несостоятельнымъ своей имущественной правоспособности. А къ числу имущественныхъ правъ принадлежитъ и право судебной защиты этого имущества, почему съ утратою имущественной правоспособности несостоятельный утрачиваетъ и право судебной защиты этого имущества. Съ утратою права управленія и распоряженія своимъ имуществомъ несостоятельный должникъ те-

ряетъ право искать и отвѣчать на судѣ въ защиту своего имущества, такъ какъ, съ поступленіемъ имущества его въ конкурсную массу, къ конкурсному управленію переходятъ всѣ права, связанныя съ управленіемъ и охраненіемъ сего имущества, къ числу коихъ принадлежитъ и право судебной защиты (574 ст. X т. 1 ч.). И такое ограниченіе должника въ правѣ судебной защиты по имуществу, составляющему конкурсную массу, касается не только дѣлъ, возникшихъ по спорамъ его съ посторонними лицами, предусматриваемымъ 21 ст. уст. гражд. суд., но распространяется и на споры его съ самимъ конкурснымъ управленіемъ, какъ представителемъ массы и кредиторовъ, ибо несостоятельный несомнѣнно утрачиваетъ всякое право на осуществленіе права собственности на свое имущество. Изъ обстоятельствъ же настоящаго дѣла видно, что предметъ иска Ахметъ Хана Талышханова заключается въ требованіи о вознагражденіи за убытки, причиненные опустошительными вырубками въ имѣніи „Астаринскій Магалъ“, которое входило въ составъ конкурсной массы несостоятельнаго его отца, Миръ-Таги бека Талышханова. Въ качествѣ наслѣдника Миръ-Таги бека Талышханова истецъ могъ пріобрѣсти только права, принадлежавшія самому наслѣдодателю, а потому, по объявленіи послѣдняго несостоятельнымъ должникомъ, имѣлъ лишь право на тотъ остатокъ отъ конкурсной массы, который, согласно 618 ст. уст. суд. торг., могъ оказаться по удовлетвореніи его кредиторовъ. Выясненіе наличности такого остатка можетъ послѣдовать только по удовлетвореніи кредиторовъ и по освобожденіи этого остатка изъ вѣдѣнія конкурснаго управленія. Поэтому только со времени возстановленія права Талышханова на имущество, оставшееся по удовлетвореніи его кредиторовъ, могло возникнуть для него и право иска въ защиту этого освобожденнаго отъ конкурса имѣнія.

Заявленіе же повѣреннаго истца о томъ, что въ моментъ предъявленія настоящаго иска несостоятельность Миръ-Таги бека Талышханова фактически болѣе уже не существовала, не представляется по дѣлу доказаннымъ. Хотя при исковомъ прошеніи и представлено удостовѣреніе Тифлисскаго дворянскаго земельнаго банка отъ 20 сентября 1899 г. за № 5938 о томъ, что по ссудѣ Талышханова въ банкѣ имѣется 965.000 руб. наличными деньгами для полнаго удовлетворенія претензій конкурснаго управленія по дѣламъ Миръ-Таги бека Талышханова, но удостовѣреніе этого факта принятія упомянутой суммы ко дню предъявленія иска въ распоряженіе конкурснаго управленія еще не доказываетъ, напротивъ,

сумма эта поступила наличными деньгами въ распоряженіе конкурснаго управленія уже послѣ предъявленія иска вслѣдствіе возникшей переписки по поводу предложенія земельнаго банка выплатить эту сумму закладными листами, а не наличными деньгами, на что конкурсное управленіе съ своей стороны согласія не изъявило.

Но, помимо недоказанности устраненія ко дню предъявленія иска фактической несостоятельности Миръ-Таги бека Талышханова, представляется недоказаннымъ по дѣлу также и то обстоятельство, что спорное имѣніе „Астаринскій Магалъ" до возбужденія иска дѣйствительно поступило въ вѣдѣніе и распоряженіе истца, а такъ какъ до передачи этого имѣнія истцу оно составляло конкурсную массу и находилось въ вѣдѣніи, управленіи и распоряженіи конкурснаго управленія, то поэтому не могъ возникнуть и самый искъ Талышханова, направленный противъ конкурснаго управленія къ защитѣ такого имѣнія, которое находилось въ его распоряженіи.

По этимъ соображеніямъ судебная палата признала, что Миръ-Ахметъ Ханъ Талышинскій въ моментъ возбужденія сего дѣла не имѣлъ самаго права на предъявленіе настоящаго иска.

Переходя затѣмъ къ разсмотрѣнію возраженій отвѣтчика о предъявленіи сего иска не къ надлежащему отвѣтчику, судебная палата признала, что и на основаніи этихъ возраженій искъ Миръ-Ахметъ Хана Талышханова не подлежитъ удовлетворенію. Главное назначеніе учрежденія конкурснаго управленія заключается несомнѣнно въ огражденіи имущественныхъ интересовъ кредиторовъ несостоятельнаго должника (552 ст. уст. суд. торг.), но, въ виду утраты несостоятельнымъ права управленія и распоряженія своимъ имуществомъ и перехода этихъ правъ вмѣстѣ съ правомъ судебной защиты по его имуществу къ конкорсному управленію, это послѣднее является также вмѣстѣ и представителемъ законныхъ интеросовъ должника (рѣш. Пр. Сената 1876 г. № 521 и 1884 г. № 62). Интересы кредиторовъ въ конкурсномъ производствѣ не всегда совпадаютъ съ законными интересами должника, согласованіе же не всегда солидарныхъ интересовъ должника и кредиторовъ не можетъ быть достигнуто конкурснымъ управленіемъ на почвѣ одного только представительства кредиторовъ, почему функціями законнаго представительства характеръ дѣятельности конкурснаго управленія исчерпываться не можетъ. Поэтому конкурсное управленіе по существу своей дѣятельности представляется учрежденіемъ съ самостоятельными правами и задачами. По силѣ 531 ст. уст. суд. торг. конкурсное управленіе признается низшею степенью суда,

а слѣдовательно, какъ присутственное мѣсто, представляется органомъ государственной власти, который, являясь вмѣстѣ съ тѣмъ представителемъ должника и кредиторовъ, обязанъ нормировать и согласовать взаимные ихъ интересы. Характеръ присутственнаго мѣста, т. е. органа правительственной власти, конкурсное управленіе несомнѣнно теряетъ въ дѣятельности своей по судебной защитѣ интересовъ конкурсной массы по отношенію къ посторонним, не участвующимъ въ конкурсномъ производствѣ, лицамъ (рѣш. Сената 1875 г. № 679, 1879 г. № 308 и др.), но этотъ характеръ самостоятельнаго и правительственнаго органа власти въ сферѣ управленія и распоряженія конкурсной массою оно не утрачиваетъ (рѣш. Пр. Сената 1879 г. №№ 94 и 120). Подтвержденіемъ правильности такого положенія можетъ служить то обстоятельство, что, какъ за уголовныя, такъ и за гражданскія правонарушенія по управленію конкурсною массою, члены конкурснаго управленія должны быть привлекаемы къ отвѣтственности лишь какъ должностныя лица, а не какъ частные представитель и уполномоченные кредиторовъ (рѣш. Сената 1879 г. № 94). Отвѣтственность за вредъ и убытки, причиненные какимъ либо дѣяніемъ или упущеніемъ, по общему правилу, падаетъ на лицо, виновное въ томъ дѣяніи или упущеніи, независимо отъ того, составляетъ ли такое дѣяніе или упущеніе или преступленіе, проступокъ или гражданское правонарушеніе (644 и 684 ст. X т. I ч.), и только въ видѣ исключенія изъ этого общаго правила законъ въ точно опредѣленныхъ случаяхъ возлагаетъ отвѣтственность за убытки на лицъ, непосредственно не участвовавшихъ въ совершеніи дѣянія или упущенія, причинившаго убытки (686—688, 651, 654 и 683 ст. X т. I ч.). На основаніи 552 ст. уст. суд. торг. законъ возлагаетъ на конкурсное управленіе обязанность управлять конкурсною массою, какъ доброму хозяину свойственно. Въ виду же того, что конкурсное управленіе есть учрежденіе смѣшаннаго характера представительства и самостоятельнаго правительственнаго органа, слѣдуетъ признать, что невыполненіе конкурснымъ управленіемъ обязанностей, возложенныхъ на него 552 ст., должно влечь за собою уголовную или имущественную отвѣтственность тѣхъ только лицъ, которыя не исполнили своей обязанности, а такими отвѣтственными за убытки лицами въ конкурсномъ производствѣ могутъ быть лишь члены конкурснаго управленія, но ни какъ не кредиторы, противъ которыхъ въ сущности направленъ настоящій искъ Талышханова, такъ какъ въ исковомъ его прошеніи заявлено тре-

бованіе о присужденіи вознагражденія за убытки съ конкурсной массы, предназначенной на удовлетвореніе кредиторовъ. Конкурсная масса или, что то же, кредиторы не могутъ быть признаны отвѣтственными по иску Талышханова, ибо кредиторы непричастны и неповинны въ неисполненіи членами конкурснаго управленія лежавшей на нихъ обязанности управлять имѣніемъ должника, какъ доброму хозяину надлежало. Указаніе повѣреннаго истца на то, что члены конкурснаго управленія избираются кредиторами, между тѣмъ какъ должникъ въ выборѣ членовъ конкурса участія не принимаетъ, не можетъ имѣть значенія, такъ какъ законъ не связываетъ съ этимъ правомъ выбора никакихъ обязанностей кредиторовъ; притомъ правомъ выбора и ограничивается все участіе кредиторовъ въ учрежденіи конкурснаго управленія, къ отправленію же своихъ обязанностей члены конкурснаго управленія могутъ приступить не иначе, какъ съ утвержденія ихъ въ должности судомъ, которому въ опредѣленныхъ случаяхъ предоставлено право и самому назначать членовъ конкурснаго управленія (528 ст. уст. суд. торг.). Затѣмъ, по утвержденіи въ должности судомъ, члены конкурснаго управленія обязаны отправлять свои обязанности совершенно самостоятельно и независимо отъ отдѣльныхъ кредиторовъ, а должникъ не лишенъ права, такъ же, какъ и кредиторы, приносить на конкурсное управленіе и его членовъ въ огражденіе своихъ законныхъ интересовъ жалобы и указывать на неправильныя и незаконныя ихъ дѣйствія суду или общему собранію кредиторовъ. Допуская, наконецъ, что конкурсное управленіе во всей сферѣ своей дѣятельности по управленію конкурсною массою функціонируетъ исключительно, какъ представитель кредиторовъ, Судебная Палата признаетъ, что при такомъ взглядѣ на характеръ дѣятельности конкурснаго управленія кредиторы Миръ-Таги бека Талышханова и конкурсная его масса не могутъ быть отвѣтственны за убытки, отыскиваемые по настоящему дѣлу Миръ-Ахметъ Ханомъ Талышхановымъ. Подъ представительствомъ слѣдуетъ понимать исполненіе юридическихъ дѣйствій однимъ лицомъ отъ имени другого по волѣ и сообразно съ волею послѣдняго. Основаніемъ всякаго представительства можетъ служить или частное соглашеніе представляемаго съ представителемъ или постановленіе закона. По общему началу, весьма опредѣленно высказанному въ 687, 2235 и 2326 ст. 10 т. I ч., лицо представляемое отвѣтствуетъ за тѣ только дѣйствія своего представителя, которыя совершены послѣднимъ въ предѣлахъ даннаго ему полномочія, или порученія,

такъ какъ подобнаго рода дѣйствія предполагаются совершенными во исполненіе порученія по волѣ или сообразно съ волею представляемаго, за всѣ же дѣйствія, совершенныя внѣ предѣловъ полномочія, какъ не соотвѣтствующія волѣ представляемаго, отвѣтственность на сего послѣдняго падать не можетъ. Предѣлы представительства, возникающаго по добровольному соглашенію, устанавливаются тѣмъ же самымъ соглашеніемъ, при отсутсвіи же таковаго предѣлы представительства опредѣляются либо закономъ, либо тою цѣлью, для которой представительство учреждается. Представительство конкурснаго управленія за кредиторомъ основано на законѣ, который, устанавливая это представительство, вмѣстѣ съ тѣмъ въ 552 ст. уст. суд. торг. указываетъ и назначеніе: и кругъ дѣятельности конкурснаго управленія и тѣмъ самымъ опредѣляетъ предѣлы законнаго представительства конкурснаго управленія за кредиторовъ по завѣдыванію и управленію конкурсною массою. 552 ст. устанавливаетъ, что конкурсное управленіе завѣдываетъ и управляетъ всѣми дѣлами несостоятельнаго, какъ доброму хозяину свойственно. Отсюда слѣдуетъ вывести заключеніе, что предѣлы представительства конкурснаго управленія должны быть опредѣляемы по дѣятельности его, направленной къ охраненію имущества, входящаго въ составъ массы, и имѣющей въ виду пользу и интересъ массы. Переходя отъ этихъ общихъ положеній къ данному дѣлу, судебная палата усматриваетъ, что Талышхановъ отыскиваетъ убытки, причиненные порубками въ имѣніи „Астаринскій Магалъ“ во время нахожденія его въ управленіи и завѣдываніи конкурснаго управленія. Изъ такого исковаго требованія явствуетъ, что настоящій искъ вытекаетъ не изъ убыточности тѣхъ или другихъ хозяйственныхъ мѣропріятій, предпринятыхъ конкурснымъ управленіемъ въ предѣлахъ законнаго своего представительства съ цѣлью охраненія и управленія имѣніемъ, но что отыскиваемые убытки произошли отъ непринятія мѣръ къ охраненію лѣса въ имѣніи, а слѣдовательно, отъ невыполненія конкурснымъ управленіемъ именно тѣхъ обязанностей, которыя возложены на него закономъ, какъ на представителя кредиторовъ по управленію конкурсною массою. Неохраненіе цѣлости имѣнія составляетъ несомнѣнно упущеніе, не соотвѣтствующее цѣли и назначенію законнаго представительства конкурснаго управленія, а потому возникшіе отъ вырубки лѣса убытки слѣдуетъ отнести къ числу тѣхъ, которые произошли отъ дѣятельности (отрицательной), лежащей внѣ предѣловъ представительства, почему кредиторы, а вмѣстѣ съ тѣмъ

и конкурсная масса за такого рода убытки отвѣтственными признаны не могутъ быть. Отвѣтчикомъ по настоящему дѣлу указано конкурсное управленіе, причемъ заявлено требованіе о взысканіи вознагражденія за убытки съ конкурсной массы. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что искъ предъявленъ къ конкурсному управленію, какъ представителю кредиторовъ и конкурсной массы. Между тѣмъ, по мнѣнію судебной палаты, согласно изложеннымъ соображеніямъ, отвѣтственными по предъявляемому иску могутъ быть только входившіе въ составъ конкурснаго управленія члены его, которые и отвѣчаютъ за убытки, какъ должностныя лица судебнаго вѣдомства, въ особомъ, установленномъ для такихъ взысканій, порядкѣ (рѣш. Общ. Собр. Пр. Сената 1889 г. № 26, 1331—1336 ст. уст. гр. суд.). А такъ какъ искъ Миръ-Ахмедъ Хана Талышинскаго (Талышханова) въ указанномъ порядкѣ къ личному составу конкурснаго управленія не предъявленъ, то поэтому возраженіе о предъявленіи иска не къ надлежащему отвѣтчику представляется правильнымъ. Признавая по этимъ основаніямъ обжалованное рѣшеніе правильнымъ, судебная палата, руководствуясь притомъ 366, 772, 774 и 777 ст. уст. гр. суд., *опредѣлила*: оставивъ апелляціонную жалобу Миръ-Ахмедъ Хана Талышинскаго—Талышханова безъ послѣдствій, обжалованное рѣшеніе Бакинскаго окружнаго суда отъ $\frac{\text{24 ноября}}{\text{1 декабря}}$ 1899 г. утвердить и взыскать съ Миръ-Ахмедъ Хана Талышинскаго—Талышханова въ пользу конкурснаго управленія по дѣламъ несостоятельнаго должника Миръ-Таги бека Талышханова 3 р. 20 к. судебныхъ издержекъ и три тысячи сто семьдесять шесть руб. сер. (3176 р. с.) вознагражденія за веденіе дѣла во 2-й инстанціи суда.

Въ кассаціонной жалобѣ повѣренный истца объяснилъ, что отказъ судебной палаты въ искѣ его довѣрителя послѣдовалъ по двумъ основаніямъ—по неимѣнію у него права на искъ и по обращенію иска не къ надлежащему отвѣтчику,—но что оба эти основанія неправильны: 1) для выясненія наличности остатка и для признанія на него права должника нѣтъ надобности въ законномъ прекращеніи дѣла о несостоятельности, а достаточно обнаружить, что несостоятельности не существуетъ фактически, ибо несостоятельность есть неоплатность (479 и 503 ст. уст. суд. тор.) и можетъ существовать лишь до тѣхъ поръ, пока не обнаружится, что имущества должника достаточно для удовлетворенія всѣхъ претензій. Съ этого момента неоплатности не существуетъ, а, слѣдовательно, фактически нѣтъ и несостоятельности. Точно также неправильно

мнѣніе палаты, будто фактическая несостоятельность Миръ-Тагибека Талышханова не была устранена ко дню предъявленія иска по той-де причинѣ, что деньги на удовлетвореніе кредиторовъ не были еще переданы въ распоряженіе конкурснаго управленія. Это мнѣніе палаты основано на неправильномъ пониманіи того, что значитъ фактическое прекращеніе несостоятельности. Подъ этимъ палата понимаетъ производство уплаты по претензіямъ кредиторовъ, тогда какъ слѣдуетъ понимать—обнаруженіе у должника имущества, достаточнаго на покрытіе долговъ. А отсюда единственно логическій выводъ: если во время производства дѣла о несостоятельности обнаружится, что имущество должника покрываетъ всѣ долги его, несостоятельности также нѣтъ, т. е. она фактически прекратилась, хотя бы еще эти долги и не были оплачены. Такъ и въ настоящемъ случаѣ, съ залогомъ имѣнія должника Талышханова „Астаринскій-Магалъ“ и съ полученіемъ за залогъ 965000 руб., которые хранились въ Тифлисскомъ дворянскомъ банкѣ, были назначены для передачи конкурсному управленію на удовлетвореніе конкурсныхъ кредиторовъ и, кстати сказать, какъ находившіеся подъ запрещеніемъ, никому, кромѣ конкурснаго управленія, не могли быть выданы, обнаружилось, что имущество должника достаточно для покрытія всѣхъ его долговъ, простиравшихся всего до 806000 руб. (см. л. 102). Слѣдовательно, съ этого момента несостоятельность его, неоплатность фактически прекратилась, и выяснился остатокъ, заключающійся въ цѣломъ имѣніи „Астаринскій Магалъ“, который по одной этой причинѣ, въ силу 618 ст. уст. суд. торг., составляетъ собственность наслѣдника должника, настоящаго истца. Другое условіе, поставленное палатою для осуществленія права истца на остатокъ и на защиту таковаго путемъ иска и заключающееся въ необходимости предварительнаго поступленія имѣнія „Астаринскій-Магалъ“ въ распоряженіе истца, также неправильно. Прежде всего, вопреки мнѣнію палаты, оно существуетъ: имѣніе заложено истцомъ Миръ-Ахметъ-Ханомъ, а такъ какъ залогъ имѣнія есть проявленіе права распоряженія (541 ст. X т. ч. 1), то, слѣдовательно, Миръ-Ахметъ-Хану до предъявленія иска принадлежало распоряженіе имѣніемъ. Но самое требованіе палатою наличности этого условія не основано вовсе на законѣ и противорѣчитъ слѣдующему положенію: истецъ имѣетъ право на остатокъ съ момента его обнаруженія (618 ст. уст. торг. суд.) а поэтому, разъ въ остаткѣ оказалось цѣлое имѣніе, понятно, что собственникъ этого остатка, настоящій истецъ,

имѣлъ право иска того ущерба, который причиненъ имѣнію завѣдываніемъ конкурснаго управленія, независимо отъ того, перешло-ли въ этотъ моментъ таковое въ его распоряженіе или нѣтъ. Противное приведеннымъ соображеніямъ мнѣніе палаты нарушаетъ 618, 479 и 502 ст. уст. суд. торг., 691 и 541 ст. X т. 1 ч. и 366 ст. уст. гражд. судопр. 2) Самое требованіе палатою наличности означенныхъ двухъ условій пріобрѣтенія должникомъ права на искъ по остатку есть произвольное и неоснованное ни на буквѣ, ни на разумѣ закона, ибо для пріобрѣтенія права на данный искъ достаточно факта обнаруженія остатка. Въ самомъ дѣлѣ, при несостоятельности получается положеніе должника, близкое къ утратѣ имъ права собственности (553 ст. уст. суд. торг.). При такомъ положеніи дѣла понятно и разумно полное устраненіе должника отъ попеченія объ охранѣ имущества. Но совершенно въ другомъ видѣ представляется данный вопросъ, когда при производствѣ дѣла о несостоятельности обнаруживается остатокъ имущества должника за удовлетвореніемъ всѣхъ претензій конкурсныхъ кредиторовъ. Этотъ остатокъ составляетъ законную собственность должника (618 ст. уст. судопр. торг.) и ни въ какомъ случаѣ въ составъ конкурсной массы входить не можетъ и почитаться какъ бы собственностью кредиторовъ также не можетъ. Поэтому слѣдуетъ признать, что право должника на остатокъ рождается въ тотъ моментъ, въ который этотъ остатокъ обнаруживается, ибо въ противномъ случаѣ получилось бы юридически невозможное положеніе: остатокъ налицо, на него не имѣютъ никакихъ правъ кредиторы, но не имѣетъ права и должникъ. Если это такъ, то съ того же момента ему принадлежитъ право защиты таковаго (691 ст. X т. 1 ч.), такъ какъ немыслимо представить, чтобы могло существовать право, лишенное хотя бы на мгновеніе защиты. Если же должникъ имѣетъ право защиты по остатку имущества съ момента его обнаруженія, то онъ съ того же момента вправѣ защищать таковое судомъ противъ кого бы то ни было, въ томъ числѣ и противъ кредиторовъ, и противъ ихъ представителя, конкурснаго управленія (1 ст. уст. гр. суд.), разъ нарушеніе его правъ будетъ произведено сими послѣдними. 3) Это положеніе тѣмъ болѣе вѣрно въ настоящемъ случаѣ, что истецъ Миръ-Ахметъ Ханъ не самъ несостоятельный должникъ и не наслѣдникъ его во всемъ его имуществѣ, а наслѣдникъ лишь въ томъ остаткѣ, который обнаруженъ и къ которому онъ утвержденъ въ правахъ наслѣдства. Слѣдовательно, не будучи ограниченъ съ своей правоспособности

предшествующимъ объявленіемъ несостоятельнымъ должникомъ отца его Миръ-Таги-Бека и существованіемъ конкурснаго производства и будучи наслѣдникомъ лишь къ тому остатку, который не вошелъ фактически и не могъ войти юридически (см. 2 пунктъ жалобы) въ конкурсную массу, истецъ Миръ-Ахметъ-Ханъ является по отношенію къ конкурсному производству лицомъ постороннимъ.

II. Второе основаніе, послужившее къ отказу въ искѣ, заключается въ томъ, что искъ предъявленъ къ ненадлежащему отвѣтчику. Дѣятельность конкурснаго управленія имѣетъ троякій характеръ: оно есть судебное мѣсто (531 ст. уст. суд. торг.), оно есть представительный органъ кредиторовъ по завѣдыванію всѣми дѣлами несостоятельнаго (552 ст.) и въ нѣкоторыхъ случаяхъ представитель должника. Всѣ эти три функціи должны быть строго различаемы одна отъ другой, такъ какъ характеръ дѣятельности и значеніе конкурснаго управленія во всѣхъ трехъ случаяхъ совершенно различны. Положеніе объ отвѣтственности членовъ конкурснаго управленія, какъ должностныхъ лицъ, при отправленіи ими обязанностей судей, логически вытекаетъ изъ того, что по судебнымъ дѣламъ конкурсное управленіе, въ силу 531 статьи, есть низшая степень коммерческаго суда. Но въ силу какихъ соображеній можно признать, что, распоряжаясь хозяйствомъ, принимая мѣры къ охранѣ имущества, собирая доходы и т. п., конкурсное управленіе дѣйствуетъ въ качествѣ присутственнаго мѣста? Вѣдь надо помнить, что, по точному смыслу 531 ст., конкурсное управленіе составляетъ только судебное установленіе, не административно-хозяйственное, а именно только низшую ступень коммерческаго суда по дѣламъ, ему ввѣреннымъ, и нигдѣ законъ по дѣламъ хозяйственнаго управленія не придаетъ ему значенія присутственнаго мѣста. Такъ что въ окончательномъ выводѣ надо признать, что конкурсное управленіе можетъ быть почитаемо за присутственное мѣсто исключительно при отправленіи имъ функцій судебнаго установленія, и что посему за упущенія по управленію имѣніемъ, причинившія ущербъ таковому, члены конкурснаго управленія не подлежатъ отвѣтственности, какъ должностныя лица. Вторая функція управленія есть представительство за кредиторовъ. Въ качествѣ ихъ уполномоченнаго, оно управляетъ имуществомъ на правахъ хозяина (552 ст.), будучи обязано отчетомъ предъ кредиторами (611 ст.), является истцомъ и отвѣтчикомъ какъ по дѣламъ съ посторонними лицами, такъ и съ отдѣльными кредиторами, если ихъ

интересы противоположны общей массѣ, и даже съ несостоятельнымъ должникомъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ сталкиваются имущественные интересы должника, не принадлежащіе къ массѣ, съ интересами кредиторовъ (рѣш. Сената 1875 г. № 17). Въ этомъ качествѣ управленіе является представителемъ кредиторовъ не по особому съ ихъ стороны полномочію, а въ силу закона, 552 ст., и, слѣдовательно, составляетъ законно установленный органъ кредиторовъ, способный, въ силу одного этого положенія, къ иску и отвѣту по претензіямъ, заявляемымъ отъ имени кредиторовъ къ стороннимъ лицамъ, и обратно, заявляемымъ сторонними лицами къ кредиторамъ. Такимъ же образомъ разрѣшался данный вопросъ въ рѣшеніяхъ граждан. кассац. департамента Правительствующаго Сената 1875 года № 179, 1883 года № 128, и такова же практика IV департамента Правительствующаго Сената. Въ этомъ отношеніи представляется полная аналогія между конкурсными управленіями и тѣми установленіями, которыя, въ силу 1284 ст. уст. гр. суд., являются представителями казны, ибо и каждый изъ правительственныхъ органовъ, указанныхъ въ 1284 ст. уст. гражд. суд., имѣетъ тотъ же смѣшанный характеръ: административно-хозяйственнаго мѣста и представителя за казну. А изъ этого слѣдуетъ, что и кредиторы отвѣтственны за дѣйствія конкурснаго управленія въ той же мѣрѣ, какъ и казна за дѣйствія своихъ органовъ. Засимъ, завѣдуя и распоряжаясь всѣми дѣлами несостоятельнаго, въ томъ числѣ и его имѣніями, въ качествѣ уполномоченнаго кредиторовъ, конкурсное управленіе управляетъ оными, по точному смыслу 552 ст., въ пользу ихъ, кредиторовъ. Отсюда слѣдуетъ, что оно является въ сферѣ управленія имѣніями повѣреннымъ кредиторовъ, дѣйствующимъ исключительно отъ ихъ имени и въ ихъ пользу. А отсюда, въ свою очередь, на основаніи общихъ законовъ объ отвѣтственности довѣрителей за дѣйствія повѣренныхъ (2326 ст. X т. 1 ч.) вытекаетъ, что за дѣйствія конкурснаго управленія, совершенныя въ сферѣ управленія и завѣдыванія имѣніемъ, отвѣчаютъ кредиторы, какъ довѣрители. Наконецъ, конкурсное управленіе вправѣ ограждать интересы управляемаго имѣнія путемъ судебной защиты, не испрашивая особаго разрѣшенія кредиторовъ на начатіе иска или на вступленіе въ отвѣтъ, но исключительно въ силу закономъ установленнаго представительства своего за кредиторовъ. Посему и иски по спорамъ, возникающимъ во время существованія конкурснаго управленія и вызываемымъ дѣйствіями послѣдняго, какъ представителя кредиторовъ, должны быть предъяв-

ляемы къ нему также какъ представителю кредиторовъ. Высказанное мнѣніе находитъ себѣ подтвержденіе въ 15-й ст. прил. къ 1400 ст. прим. устава гражд. судопр., на основаніи коей въ тѣхъ случаяхъ, когда конкурсное управленіе не можетъ быть учреждено, то на присяжнаго попечителя возлагается предъявленіе исковъ и отвѣта по онымъ, т. е. присяжный попечитель вызывается къ отвѣту въ качествѣ представителя массы. Примѣняя приведенныя соображенія къ настоящему дѣлу, слѣдуетъ признать, что конкурсное управленіе по дѣламъ Талышханова управляло имѣніемъ „Астаринскій Магалъ" въ качествѣ законнаго представителя кредиторовъ въ пользу ихъ; что посему за дѣйствія его въ этомъ отношеніи, разъ таковыя причинили ущербъ мнѣнію, отвѣтственны кредиторы и масса, что искъ о возмѣщеніи этого ущерба правильно предъявленъ къ конкурсному управленію, какъ законному представительному органу кредиторовъ и массы, и что противное сему заключеніе палаты нарушаетъ 552 и 531 ст. уст. суд. торг.

III. Также неправильно и послѣднее соображеніе палаты, состоящее въ томъ, что, не принявъ мѣръ къ охраненію лѣса и тѣмъ допустивъ ущербъ въ имѣніи, конкурсное управленіе не выполнило обязанностей, возложенныхъ на него закономъ, какъ на представителя кредиторовъ по управленію имѣніемъ, каковое невыполненіе, дѣятельность отрицательная, лежитъ внѣ предѣловъ представительства, т. е. проще выражаясь, на каковое невыполненіе оно не было уполномочено, а потому кредиторы и масса не могутъ быть признаны отвѣтственными за убытки, отъ сего происшедшіе. Въ этомъ соображеніи встрѣчается слѣдующее недоразумѣніе: если ущербъ въ имѣніи произошелъ отъ нерадѣнія конкурснаго управленія, то очевидно нельзя освобождать вѣрителей его, кредиторовъ, отъ отвѣтственности въ силу того соображенія, что они не уполномочивали управленіе не радѣть о ввѣренномъ ему имѣніи, ибо никто такого полномочія не даетъ, а потому ни одинъ довѣритель за дѣйствія своего повѣреннаго отвѣчать не будетъ. Вообще же за общее правило слѣдуетъ принять, что вѣритель отвѣчаетъ за дѣйствіе или бездѣйствіе представителя, когда это дѣйствіе было направлено къ исполненію даннаго порученія, а бездѣйствіе имѣло мѣсто при исполненіи таковаго, и когда то и другое были вообще солидарны съ предметомъ порученія и не выходили изъ предѣловъ дѣятельности, обозначенной самимъ свойствомъ порученія (рѣш. Сената 1879 г. № 252). Посему, слѣдуетъ признать приведенное соображеніе палаты нарушающимъ 687 и 2235 ст.ст. X т. 1 ч.

Въ поданномъ на кассаціонную жалобу объясненіи повѣренный конкурснаго управленія поддерживалъ соображенія, изложенныя въ обжалованномъ рѣшеніи, и указалъ, между прочимъ, на то, что съ признаніемъ должника несостоятельнымъ онъ лишается права на распоряженіе и пользованіе своимъ имуществомъ, которое составляетъ конкурсную массу, и правильно учрежденный конкурсъ является *правопреемникомъ* должника по распоряженію имуществомъ (рѣшеніе Правит. Сената по 4 департаменту 30 сентября 1893 г. № 1239 по дѣлу Симанина), и что впредь до окончанія и прекращенія конкурснаго производства, какъ несостоятельный должникъ, такъ и наслѣдникъ его, утвержденный въ правахъ наслѣдства къ остатку имущества за удовлетвореніемъ кредиторовъ,—не имѣютъ права на предъявленіе иска объ имуществѣ, составляющемъ конкурсную массу. Имущество поступаетъ въ распоряженіе кредиторовъ подъ контролемъ суда, и отвѣтственность за неправильное управленіе конкурснымъ имуществомъ за время производства дѣла о несостоятельности можетъ возникнуть только въ *случаѣ нарушенія интересовъ кредиторовъ*, если не допущено какого либо явно преступнаго и злонамѣреннаго дѣйствія, предусмотрѣннаго карательными законами.

Если хотя на время допустить высказанное кассаторомъ положеніе, что кредиторы отвѣчаютъ даже за неправильныя дѣйствія конкурснаго управленія, какъ законнаго уполномоченнаго ими органа, то выходила бы странная и непонятная аномалія; лица или учрежденія, допустившія неправильныя дѣйствія во вредъ своихъ представляемыхъ, и несомнѣнно подлежащія отвѣтственности предъ этими представляемыми, на судѣ являются законными отвѣтчиками, въ качествѣ представителей отъ лицъ, которымъ они своими неправильными дѣйствіями и причинили вредъ и убытокъ. Нечего и доказывать, насколько недопустимо подобное положеніе.

Изъ вышеизложеннаго видно, что разрѣшеніе дѣла зависѣло отъ разрѣшенія двухъ слѣдующихъ вопросовъ: *1) вправѣ ли наслѣдникъ несостоятельнаго должника, внеся въ банкъ на удовлетвореніе кредиторовъ достаточную сумму, предъявить искъ объ убыткахъ, причиненныхъ въ имѣніи несостоятельнаго конкурснымъ управленіемъ, не ожидая его закрытія? и 2) можетъ ли такой искъ быть предъявленъ къ конкурсному управленію, какъ представителю массы, или его должно предъявить къ членамъ конкурснаго управленія?*

Обращаясь къ разрѣшенію перваго вопроса, необходимо выяснить, каковымъ, собственно, по закону, представляется юридиче-

ское положеніе несостоятельнаго должника, то есть каковы юридическія отношенія его къ конкурсному управленію и кредиторамъ вообще, и остаются ли у него, и какія именно права на имущество? Точно ли вѣрно установленное Тифлисскою судебною палатою a priori, даже безъ точной ссылки на подлежащіе законы, „*общее положеніе о полной утратѣ несостоятельнымъ своей имущественной правоспособности*“ и послужившее краеугольнымъ основаніемъ ея рѣшенія. Уставъ судопроизводства торговаго (св. зак. т. XI, ч. 2, изд. 1893 г.) въ раздѣлѣ третьемъ [ср. также ст. 1, 20 и др. прилож. III къ статьѣ 1400 (прим.) уст. гражд. судопр.] отвѣчаетъ на эти вопросы слѣдующимъ образомъ.

Никто не можетъ быть признанъ въ несостоятельности прежде, нежели она объявлена будетъ судомъ (ст. 501),—который, разсмотрѣвъ признаки *неоплатности*, въ статьяхъ 497, 498 и 500 устава означенные, и по призывѣ должника въ тотъ же день, выслушавъ словесныя его объясненія, если не найдетъ въ нихъ основательныхъ причинъ, опровергающихъ достовѣрность сихъ признаковъ, не выходя изъ присутствія, объявляетъ его *несостоятельнымъ* и подписываетъ о томъ свое опредѣленіе (ст. 502). При производствѣ дѣла о неторговой самостоятельности, согласно 26 ст. прилож. III къ ст. 1400 уст. гр. суд., въ случаѣ заявленія суду о своей несостоятельности или о недостаточности принадлежащаго ему имущества, ... судъ, по просьбѣ одного или нѣсколькихъ кредиторовъ, *постановляетъ немедленно* опредѣленіе о объявленіи должника несостоятельнымъ, *не дѣлая* указанныхъ въ п. 2 ст. 23 и въ ст. 24 и 25 прилож., *распоряженій для приведенія въ извѣстность имущества и долга*. По объявленіи такимъ образомъ несостоятельности, дѣлается троекратная о ней публикація (ст. 506, 507), а „силою сихъ объявленій во всѣхъ мѣстахъ полагается *запрещеніе* въ продажѣ и залогѣ на все движимое и недвижимое имущество должника“ (ст. 508, 512), и всѣ заимодавцы и должники несостоятельнаго обязаны въ опредѣленные закономъ сроки *предъявить* въ судъ свои права и обязанности (ст. 509). *Къ дѣламъ несостоятельнаго* назначается сначала присяжный попечитель (ст. 513), который „уполномочивается отъ суда быть вмѣстѣ съ наличными заимодавцами хозяиномъ массы“, подъ отчетностью суду (ст. 521), а съ момента составленія конкурснаго управленія (ст. 254), это послѣднее *управляетъ* имуществомъ несостоятельнаго, *розыскиваетъ* его имущество и долги, *производитъ оцѣнку* имѣнія, составляетъ общій *счетъ* и предположеніе о порядкѣ и количествѣ удовлетворенія

заимодавцевъ, представляетъ заключеніе свое о *причинахъ* несостоятельности и о *свойствѣ* ея и опредѣляетъ положеніе несостоятельнаго во время производства конкурса (ст. 551, 552—605). При этомъ, согласно 552 ст. уст. торг. судопр., „конкурсное управленіе принимаетъ въ свое распоряженіе всѣ дѣла несостоятельнаго и, *въ качествѣ уполномоченнаго отъ всѣхъ заимодавцевъ, управляетъ оными* въ пользу ихъ, какъ доброму хозяину свойственно".

Можно-ли изъ этихъ законоположеній, равно какъ и другихъ статей того же устава,—вывести заключеніе, что должникъ, по объявленіи его несостоятельнымъ, абсолютно лишается всѣхъ своихъ правъ на принадлежавшее ему имущество, а въ частности лишается и всякихъ правъ судебной защиты? Точно-ли „*несостоятельный*" есть то же самое, что и „*лишенный всѣхъ правъ состоянія*"?

Конечно нѣтъ. Приведенныя законоположенія даютъ, несомнѣнно, лишь тотъ выводъ, что конкурсное управленіе, какъ ранѣе присяжный попечитель, получаетъ право лишь на *управленіе имуществомъ несостоятельнаго должника*, притомъ, какъ всякое управленіе,—подотчетное, а не свободное, принадлежащее только собственнику имущества: „независимо отъ подчиненія конкурсовъ, въ рѣшеніяхъ ихъ, ревизіи коммерческихъ судовъ или судовъ гражданскихъ, симъ мѣстамъ предоставляется",—говоритъ 538 ст.,—„блюстительная надъ конкурсами власть, съ тѣмъ, чтобы они имѣли полное право требовать точнаго исполненія возложенныхъ на конкурсное управленіе *обязанностей* съ лицъ, управленіе сіе составляющихъ, за упущенія подвергать ихъ пенямъ и предавать въ важныхъ случаяхъ суду".

Ни изъ правилъ устава торговаго судопроизводства, ни изъ устава гражданскаго судопроизводства нельзя, затѣмъ, заключить, что конкурсное управленіе, или кредиторы, уполномоченнымъ коихъ оно является, были бы *преемниками правъ несостоятельнаго должника, или собственниками принадлежавшаго должнику имущества*,—какъ это прямо признала въ своемъ рѣшеніи Тифлисская судебная палата, и какъ это допускалось и кассаціонною жалобою, указывавшею лишь, что на остатокъ имущества послѣ полнаго удовлетворенія кредиторовъ, послѣдніе не имѣютъ права собственности, но что „при несостоятельности получается положеніе должника, близкое къ утратѣ имъ права собственности". Подтвержденіемъ этого послѣдняго положенія не можетъ, конечно, служить ссылка на 553 статью устава торг. судопр., постановляющую, что все недвижимое имущество, безденежно отчужденное въ теченіе послѣд-

нихъ десяти лѣтъ при превышеніи уже тогда, на половину, долговъ надъ имуществомъ, „по долгамъ на немъ лежащимъ, принадлежало уже въ существѣ своемъ не ему, но заимодавцамъ его“.

Приводя эту ссылку себѣ же во вредъ, кассаціонная жалоба упустила изъ виду, что выраженная въ этой статьѣ мысль является одною изъ тѣхъ, довольно частыхъ въ нашемъ законодательствѣ, невинныхъ, но излишнихъ и неумѣстныхъ попытокъ философствованія въ текстѣ закона, которые не могутъ служить основаніемъ для серьезныхъ выводовъ,—подобно тому какъ, напримѣръ, арендаторъ имѣнія не можетъ основывать права собственности на 1706 статьѣ 1 ч. X тома, называющей, однако, арендованное имѣніе его „временною собственностью“.

Въ самомъ дѣлѣ, въ отношеніи недвижимаго и движимаго имущества несостоятельнаго налагается, согласно 508 и 512 ст. уст. торг. судопр., *запрещеніе* и *арестъ*, но не совершается купчая или данная въ пользу кредиторовъ, не совершается и наслѣдованіе ихъ въ имуществѣ несостоятельнаго, подобно тому какъ это бываетъ при лишеніи всѣхъ правъ состоянія (ст. 28 улож. о наказ.),—а, слѣдовательно, кредиторы и не являются вовсе правопреемниками несостоятельнаго, въ частности собственниками принадлежавшаго ему имущества.

Конечно, имущественныя права остаются принадлежать несостоятельному должнику, хотя бы всѣмъ его имуществомъ и управляло уже конкурсное управленіе: сегодня несостоятельный—завтра можетъ получить наслѣдство, можетъ быть выручёнъ родственниками, и недвижимое имѣніе, предназначенное конкурсомъ къ продажѣ, можетъ быть удержано взносомъ полной суммы на удовлетвореніе всѣхъ кредиторовъ. Эти послѣдніе пріобрѣтаютъ право собственности на имущество несостоятельнаго только тогда, когда, послѣ розыска конкурсомъ имущества и долговъ несостоятельнаго, составленный имъ примѣрный *разсчетъ удовлетворенія*, утвержденный общимъ собраніемъ кредиторовъ, *приведенъ въ исполненіе* (ст. 615—618): полученная каждымъ кредиторомъ, въ уплату слѣдуемаго ему долга, доля имущества несостоятельнаго—съ этого времени, но не раньше, дѣйствительно становится его собственностью.

Итакъ, утверждать, что имущество несостоятельнаго должника составляетъ собственность его кредиторовъ,—значитъ не различать правъ *собственника имущества* отъ правъ *управляющаго симъ имуществомъ*, каковымъ именно, или, точнѣе, своего рода „управляющимъ всѣми дѣлами“ несостоятельнаго и является, какъ по-

казываетъ уже самое его наименованіе, „Конкурсное *Управленіе*". Несущественно, конечно, назначеніе этого „управленія" помимо воли собственника, существенно лишь, что *права и, больше, обязанности его характеризуютъ его управляющимъ*. Но даже если сравнить конкурсъ, напримѣръ съ опекуномъ надъ имуществомъ расточителя,—и въ этомъ случаѣ не приходится смѣшивать правъ опекаемаго съ правами опекуна,—какъ, далѣе, нельзя было бы смѣшивать и правъ довѣрителя съ правами повѣреннаго.....

Чего же, однако, на самомъ дѣлѣ, лишается должникъ съ момента объявленія его несостоятельнымъ, если онъ лишается управленія своимъ имуществомъ? Онъ лишается свободы дѣйствій, онъ ограничивается въ *дѣеспособности*, а не въ *правоспособности*, какъ признала палата, къ чему собственно, и сводится ея элементарная ошибка. Правоспособны нынѣ, по общему правилу, всѣ,—и только что родившійся ребенокъ, и глухонѣмой, и умалишенный, и даже составы имуществъ именуемые въ такихъ случаяхъ юридическими лицами. Нѣкоторыя, однако, лица недѣеспособны вовсе, нѣкоторые же только *ограничиваются въ своей дѣеспособности*. Къ разряду этихъ послѣднихъ и принадлежатъ несостоятельные должники, по существу опредѣленнаго законами ихъ юридическаго положенія: имѣя налицо признаки неудовлетворительнаго веденія дѣлъ самимъ должникомъ, грозящаго въ будущемъ еще большимъ разстройствомъ, а слѣдовательно и убытками кредиторовъ, законъ, справедливо, ограничиваетъ дѣеспособность несостоятельнаго въ отношеніи дальнѣйшаго управленія его имуществомъ и передаетъ это право, *насколько оно можетъ обезпечить интересы кредиторовъ*, этимъ послѣднимъ.

Что, однако, ограничивая дѣеспособность несостоятельнаго, законъ *дѣйствительно ни уничтожаетъ ее вовсе, ни ограничиваетъ ее болѣе, чѣмъ того требуетъ обезпеченіе законныхъ правъ кредиторовъ несостоятельнаго*,—это ясно показываетъ содержаніе *21 ст. уст. гражд. суд.* „По объявленіи должника несостоятельнымъ",—говоритъ эта статья,—„право его искать и отвѣчать на судѣ переходитъ къ конкурсному управленію, *за исключеніемъ лишь тѣхъ дѣлъ, въ коихъ управленіе это выдаетъ должнику свидѣтельство, что оно отказывается отъ ихъ веденія:* въ семъ случаѣ судебныя издержки не падаютъ на конкурсную массу". Это законоположеніе, такимъ образомъ, прямо признаетъ право несостоятельнаго искать и отвѣчать на судѣ по дѣламъ, отъ веденія коихъ конкурсное управленіе отказалось,—*отказалось*, притомъ же, а не разрѣшило не-

состоятельному, между тѣмъ какъ, напримѣръ, расточители, также не лишающіеся, по 20 ст. того же устава, вести судебныя дѣла, „*обязаны увѣдомлять* о каждомъ возникшемъ дѣлѣ подлежащее опекунское учрежденіе“, которое, затѣмъ принимаетъ въ дѣлѣ участіе. Смыслъ 21 статьи понятенъ: кредиторамъ предоставляется право вести дѣла несостоятельнаго къ его и своей выгодѣ, но разъ вести какое-либо дѣло они не находятъ для себя выгоднымъ, ихъ интересы достаточно обезпечиваются уже преимущественнымъ ихъ на то правомъ, а затѣмъ, послѣ ихъ отказа, нѣтъ справедливаго основанія ограничивать дѣеспособность несостоятельнаго и далѣе, запрещая ему вести дѣло самому, безъ принятія на конкурсьую массу судебныхъ издержекъ.

Теперь спрашивается: *можетъ ли несостоятельный должникъ предъявить искъ къ самому конкурсному управленію?* Вопросъ этотъ долженъ быть разрѣшенъ по принципу, выше установленному. Итакъ, нарушаетъ ли интересы кредиторовъ и ихъ представителя, конкурснаго управленія,—такой искъ? Конечно можетъ нарушать, но развѣ только *незаконные* ихъ интересы, законныхъ же правъ ихъ искъ, подлежащій разсмотрѣнію суда нарушать не можетъ, ибо, неосновательный, онъ будетъ оставленъ безъ уваженія. Конечно, такое ограниченіе дѣеспособности несостоятельнаго, до лишенія его иска къ самому конкурсному управленію,—напримѣръ объ убыткахъ, причиненныхъ конкурсомъ его имуществу,—уже выходитъ изъ ряда мѣръ необходимыхъ для обезпеченія законныхъ правъ кредиторовъ и является нисколько такою необходимостью не вызываемымъ стѣсненіемъ несостоятельнаго должника.

Итакъ, *уже общій смыслъ или духъ законовъ, изложенныхъ въ уставахъ торговаго и гражданскаго судопроизводства, даетъ понять, что отсутствіе въ нихъ запрета несостоятельному предъявлять искъ къ конкурсному управленію тождественно, въ данномъ случаѣ, его разрѣшенію.*

Правда, можетъ возникнуть вопросъ о томъ, каковъ же практическій смыслъ, каково же можетъ быть основаніе и содержаніе этого иска несостоятельнаго, хотя бы иска объ убыткахъ, разъ все его имущество уже предоставлено въ управленіе кредиторамъ для соразмѣрнаго, но едва ли полнаго, удовлетворенія: не составляютъ ли и эти убытки уже исключительно интересъ кредиторовъ, а не несостоятельнаго должника,—интересъ ихъ болѣе полнаго удовлетворенія? На этотъ вопросъ даетъ отвѣтъ 618 статья устава торговаго судопроизводства, которая вполнѣ *подтверждаетъ*

правильность установленнаго выше общаго положенія и объясняетъ законное основаніе и практическое содержаніе иска несостоятельнаго къ конкурсному управленію. „Когда всѣ долги, четвертаго (послѣдняго) разряда будутъ вполнѣ удовлетворяемы",—постановляетъ 618 статья,—„суммы", въ 618 статьѣ означенныя, *„возвращаются должнику, какъ остатокъ его собственности"*. Отсюда видно, что законъ вполнѣ допускаетъ не совсѣмъ точное признаніе должника несостоятельнымъ,—которое, какъ показываетъ вышеприведенныя 502 ст. уст. торг. суд. и 26 ст. прилож. къ 1400 ст. уст. гражд. суд., (а по дѣлу Талышханова имѣла примѣненіе эта послѣдняя— см. рѣш. гражд. касс. деп. 1899 года № 5) совершается безъ особо тщательной провѣрки положенія дѣла,—то есть допускаетъ возможность такого случая, что у несостоятельнаго активъ имущества на самомъ дѣлѣ оказывается превышающимъ его пассивъ, или что на самомъ дѣлѣ нѣтъ фактической *неоплатности* его имущества, которая, однако, только и даетъ суду основаніе признать должника несостоятельнымъ. Равнымъ образомъ, возможно и измѣненіе цѣны имущества несостоятельнаго уже во время управленія его конкурсомъ, именно *розыскивающимъ* имущество должника и приводящимъ его въ порядокъ, къ каковому имуществу, наконецъ, может присоединиться все то, что дойдетъ къ несостоятельному во время конкурса по праву наслѣдства или по какому-либо другому праву (ст. 571 уст. торг. суд.),—какъ это и было при управленіи конкурсомъ дѣлами Талышханова, когда конкурсъ исключилъ (съ 1887 и 1889 г.г.) одну претензію изъ счета долговъ, а другія призналъ въ меньшей суммѣ или отнесъ ко второму роду долговъ, а также возбудивъ три судебныя дѣла, прекратилъ ихъ утвержденною общимъ собраніемъ кредиторовъ мировою сдѣлкою, на основаніи которой недвижимое имѣніе несостоятельнаго поступило въ распоряженіе конкурснаго управленія (см. рѣш. гражд. кассац. департ. 1899 г. № 5). Если, однако, законъ прямо признаетъ право несостоятельнаго должника на остатокъ его имущества, могущій получиться по удовлетвореніи кредиторовъ, то отсюда слѣдуетъ, что такое управленіе кредиторами имуществомъ, при которомъ несостоятельный лишается остатка, *причиняетъ ему убытки, прямо въ законѣ предусмотрѣнные.*

Итакъ, съ одной стороны, общій смыслъ устава торговаго и гражданскаго судопроизводства, а въ частности 21 статья, не воспрещаютъ несостоятельному искать на судѣ, хотя бы съ конкурснаго управленія, буде, конечно, есть у него надлежащее осно-

ваніе иска,—а съ другой стороны, 618 статья указываетъ возможность этого послѣдняго, именно право несостоятельнаго на остатокъ. Такимъ образомъ несостоятельному не возбранено доказывать на судѣ причиненіе конкурснымъ управленіемъ ему убытковъ лишеніемъ остатка, который онъ долженъ былъ получить.

Если вышеизложенное въ существѣ разрѣшаетъ первый, поставленный по дѣлу, вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ, то остается еще сказать по поводу его лишь нѣсколько словъ. Можетъ-ли быть предъявленъ данный искъ до закрытія конкурснаго управленія? Этотъ вопросъ не долженъ быть понимаемъ здѣсь въ томъ смыслѣ, какъ понимали его палата и кассаціонная жалоба,—ибо вышеизложенное достаточно разъяснило, что именно *несостоятельный*, хотя бы несостоятельность его и существовала при наличности еще не закрытаго конкурснаго управленія, имѣетъ право иска. Вопросъ можно было бы поставить о томъ,—можно ли вообще говорить о существованіи или отсутствіи *остатка* имущества по удовлетвореніи кредиторовъ,—разъ самое удовлетвореніе еще не закончено, конкурсъ еще дѣйствуетъ и объ остаткѣ ничего не извѣстно или онъ только *ожидается*? Въ данномъ случаѣ, какъ видно изъ рѣшенія гражданскаго кассаціоннаго департамента 1899 г. № 5 по другому дѣлу того же Жалышханова,—общее собраніе кредиторовъ утвердило общій счетъ имущества и долговъ несостоятельнаго, по которому имущество, по сдѣланной ему нѣсколько превышало сумму долговъ и расходовъ, тѣмъ не менѣе дѣйствительная цѣнность имущества, какъ было признано сенатомъ, еще вовсе не опредѣлилась. На этотъ вопросъ нельзя, однако, не отвѣтить, что дѣло истца, *доказать* свой искъ, а именно доказать,—во первыхъ, что остатокъ былъ, или долженъ былъ быть и во вторыхъ, что именно неправильныя дѣйствія конкурснаго управленія лишили его этого остатка. Во всякомъ случаѣ, разъ несостоятельный, какъ таковой, и до закрытія конкурса имѣетъ право иска къ нему, вопросъ объ остаткѣ можно было бы свести развѣ къ вопросу о томъ, можно ли искать не только наличныхъ убытковъ (damnum emergens) но и будущей. возможной прибыли возможнаго полученія (lucrum cessans) этотъ вопросъ, однако, долженъ быть и вообще разрѣшенъ въ смыслѣ положительномъ, а тѣмъ болѣе въ томъ случаѣ, когда при доказанности осуществившихся неправильныхъ распоряженій конкурса, уменьшившихъ имущество несостоятельнаго же до полнаго уничтоженія

остатка,—убытокъ несостоятельнаго, хотя бы и будущій, является, однако, несомнѣннымъ.

Нельзя наконецъ, не прибавить, что самый фактъ предварительнаго внесенія несостоятельнымъ должникомъ (или его наслѣдникомъ) суммы, удовлетворяющей всѣхъ кредиторовъ, нисколько не измѣняетъ юридическихъ отношеній сторонъ. Даже если бы упомянутая сумма и не была внесена, несостоятельный должникъ (а тѣмъ болѣе его наслѣдникъ, о чемъ ниже) имѣлъ бы, согласно вышеизложенному, право на искъ убытковъ съ конкурснаго управленія. Онъ долженъ былъ бы только доказать, что конкурсъ, управляя имуществомъ какъ надлежитъ доброму хозяину, могъ не только удовлетворить всѣ долги, но еще сберечь остатокъ для должника. Внесеніе денегъ могло бы конечно, имѣть своимъ послѣдствіемъ удовлетвореніе кредиторовъ и прекращеніе дѣла о несостоятельности,—однако же доводы кассаціонной жалобы о прекращеніи несостоятельности съ момента обнаруженія у должника имущества, достаточнаго на покрытіе долговъ, лишены основанія, ибо несостоятельность не есть, какъ утверждаетъ жалоба, простая неоплатность, а неоплатность признанная судомъ: слѣдовательно и обратно, прекращеніе несостоятельности также зависитъ отъ суда. Во всякомъ случаѣ, однако, *самый споръ о прекращеніи несостоятельности былъ въ данномъ случаѣ напраснымъ.*

Что касается, наконецъ, наслѣдника несостоятельнаго должника, то онъ точно также конечно имѣетъ право иска объ убыткахъ къ конкурсному управленію, разъ уже и самъ несостоятельный наслѣдодатель имѣлъ это право; при этомъ лично наслѣдникъ нисколько объявленіемъ его отца несостоятельнымъ въ дѣеспособности своей не ограниченъ. Утвержденъ же въ правахъ наслѣдства Миръ Ахметъ Талышхановъ былъ въ виду именно ожидаемаго остатка въ имуществѣ его отца (см. рѣш. 1899 г. № 5).

Въ заключеніе, наконецъ, по первому вопросу остается указать на рѣшенія гражд. касс. деп., 1896 г. № 19, 1882 г. № 167 и 1899 г. № 5, могущія служить общимъ подтвержденіемъ установленныхъ выше положеній. Въ первомъ рѣшеніи Сенатъ призналъ, что общій смыслъ и цѣль всѣхъ постановленій закона не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что должникъ и послѣ объявленія его несостоятельнымъ продолжаетъ считаться собственникомъ поступившаго въ конкурсъ имущества его и что фактъ объявленія должника несостоятельнымъ влечетъ для него не совершенную потерю его гражданской дѣеспособности, а только ея ограниченіе,

и притомъ настолько, насколько оно необходимо для огражденія имущественныхъ правъ и интересовъ его кредиторовъ, участвующихъ въ конкурсѣ; поэтому тѣ сдѣлки несостоятельнаго, которыя не нарушаютъ интересовъ этихъ кредиторовъ, не должны считаться недѣйствительными и ничтожными только потому, что онѣ совершены во время производства дѣла о несостоятельности. Въ рѣшеніи 1882 г. № 167 было признано, что должникъ, во время производства дѣла о его несостоятельности, можетъ заключать сдѣлки, налагающія на него личныя обязательства. Въ рѣшеніи же 1899 г. № 5, по другому дѣлу Талышханова, Сенатъ нашелъ, что законъ, въ 4 п. 618 ст. уст. торг. суд., прямо предвидитъ, что можетъ оказаться по конкурсу и превышеніе имущества несостоятельнаго надъ его долгами, но въ этомъ случаѣ законъ вовсе не предписываетъ прекращенія дѣла о несостоятельности, а опредѣляетъ лишь возвращеніе оставшихся отъ полнаго удовлетворенія кредиторовъ суммъ должнику, какъ остатка его собственности, а если несостоятельный умеръ, этотъ остатокъ подлежитъ выдачѣ его наслѣдникамъ.

Переходя, затѣмъ, къ разрѣшенію второго, поставленнаго по дѣлу, вопроса, находимъ и здѣсь какъ соображенія палаты, такъ, отчасти, и указанія кассаціонной жалобы направленными совершенно не въ надлежащую сторону. Какъ видно изъ вышеизложенныхъ обстоятельствъ дѣла, палата нашла, что Талышхановъ отыскиваетъ убытки, происшедшіе отъ невыполненія конкурснымъ управленіемъ тѣхъ обязанностей, которыя возложены на него закономъ, какъ на представителя кредиторовъ по управленію конкурсною массою, а такъ какъ въ сферѣ управленія и распоряженія этою массою конкурсъ дѣйствуетъ въ качествѣ присутственнаго мѣста, то за убытки должно отвѣчать, по мнѣнію палаты, не конкурсное управленіе, какъ представитель кредиторовъ и конкурсной массы, а входящіе въ составъ конкурса члены его, какъ должностныя лица. Кассаціонная жалоба, опровергая это заключеніе палаты, въ основаніе своихъ соображеній привела также различеніе функцій конкурса *трояхаго* характера,—судебнаго мѣста, представителя кредиторовъ и представителя должника и указывала, что члены конкурса въ данномъ случаѣ не отвѣчаютъ, какъ должностныя лица. Между тѣмъ, всѣ эти подраздѣленія функцій конкурса, какъ основаній для воображенія одного и того же конкурска въ качествѣ различныхъ лицъ, представляютъ собою не только безплодныя, но даже для уясненія дѣла вредныя фикціи.

При разсмотрѣніи дѣла конкурснаго управленія по дѣламъ графа Потоцкаго [1]) намъ приходилось уже подробно остановиться на этомъ вопросѣ. Въ томъ дѣлѣ возникъ вопросъ о необходимости различенія конкурса, какъ присутственнаго мѣста, дѣйствія котораго подлежатъ обжалованію, отъ конкурса, какъ завѣдывающаго конкурсною массою, къ которому можно только предъявить искъ: такимъ образомъ тамъ конкурсъ въ качествѣ управляющаго даже не предлагалось признавать присутственнымъ мѣстомъ (какъ признала нынѣ Тифлисская палата) и во всякомъ случаѣ указывалось лишь на *двоякій* характеръ дѣятельности конкурса. Однако уже по поводу того дѣла мы указали на *единственное* опредѣленіе, данное закономъ конкурсному управленію въ ст. 531, по которой „конкурсное управленіе есть *присутственное мѣсто*, составляющее *по дѣламъ, ему ввѣреннымъ, до окончанія ихъ*, нижнюю степень коммерческаго суда“, и на опредѣленіе „дѣлъ, ему ввѣренныхъ“ въ ст. 551, называющей и управленіе имуществомъ, и розысканіе его и долговъ и всѣ прочія обязанности конкурса; никакого, затѣмъ, исключительнаго положенія конкурсному управленію не сообщается ни въ одной статьѣ закона, трактующей о несостоятельности. Поэтому несомнѣнно, что конкурсное управленіе всѣ свои обязанности выполняетъ, по закону, какъ присутственное мѣсто. Для вящшаго въ томъ убѣжденія мы нынѣ можемъ еще только, въ дополненіе, сослаться на 536 статью уст. судопр. торг., постановляющую, что „если число наличныхъ заимодавцевъ составляетъ менѣе трехъ, то *конкурсъ не учреждается, а обязанности его исполняются тѣмъ судебнымъ мѣстомъ*, подъ вѣдомствомъ коего открылась несостоятельность“: отсюда уже ясно, что всѣ обязанности конкурса вполнѣ выполнимы именно *судебнымъ присутственнымъ мѣстомъ*.

Если, такимъ образомъ, конкурсное управленіе по дѣламъ Талышханова нельзя не признать присутственнымъ мѣстомъ, то, однако же, это еще нисколько не рѣшаетъ вопроса о правѣ несостоятельнаго должника взыскивать убытки съ конкурса, какъ представителя кредиторовъ и конкурсной массы. Являясь хотя бы и присутственнымъ мѣстомъ, конкурсное управленіе, согласно приведенной уже выше 552 ст. уст. суд. торг., распоряжается дѣлами несостоятельнаго *„въ качествѣ уполномоченнаго отъ всѣхъ заимодавцевъ“*,—а въ этомъ и заключается существо дѣла. Разъ конкурс-

[1]) См. кн. Вѣстника Права, 1892 г., мартъ, стр. 274, слѣд.

ное управленіе причинило убытки въ качествѣ уполномоченнаго или представителя кредиторовъ,—эти послѣдніе и должны отвѣчать за дѣйствія своего представителя согласно точному смыслу 687 ст. 1 ч. X т. свод. зак.

Нельзя при этомъ не замѣтить, что законъ не только называетъ конкурсъ, въ 552 ст. устава, уполномоченнымъ кредиторовъ,— онъ довольно точно, въ другихъ статьяхъ, опредѣляетъ и отношенія кредиторовъ къ конкурсу, именно какъ отношенія довѣрителя къ повѣренному. На это, прежде всего, указываетъ 525 статья уст. торг. судопр. объ избраніи кредиторами членовъ конкурснаго управленія и вся десятая глава третьяго раздѣла (о несостоятельности), трактующая, въ 606—627 статьяхъ „объ окончательныхъ распоряженіяхъ въ общемъ собраніи заимодавцевъ“. Согласно 606, 611 ст., конкурсное управленіе, исполнивъ всѣ обязанности, „*представляетъ* общему собранію кредиторовъ: 1) *подробный отчетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ*, 2) общій счетъ имущества и долговъ, 3) *примѣрный* разсчетъ удовлетворенія, 4) заключеніе свое о причинахъ упадка“. Затѣмъ по 612—615 ст., общее собраніе, разсмотрѣвъ сіи представленія,—„*предположенія*“ конкурса „утверждаетъ или дѣлаетъ въ нихъ нужныя *отмѣны*, *перемѣны*, *исправленія и дополненія*“, въ случаѣ злоупотребленій отрѣшаетъ членовъ конкурса собственною властью, избираетъ другихъ, наконецъ— „дѣлаетъ окончательное постановленіе о долгахъ и ихъ удовлетвореній“, „*поручая* приведеніе сихъ окончательныхъ постановленій въ дѣйствіе *конкурсному управленію или прежнему*, если оно не отрѣшено, *или вновь имъ составленному*“ (ст. 616 уст. суд. торг.). Затѣмъ и уставъ гражд. судопр., въ 16 ст. прилож. III къ 1400 ст. (прим.) постановляетъ, что окружный судъ, *по ходатайству кредиторовъ* или должника может во всякое время *требовать* отъ конкурснаго управленія *свѣдѣній* о положеніи конкурснаго дѣла и производить *ревизію* дѣйствій сего управленія чрезъ своихъ членовъ. Равнымъ образомъ и 537 ст. уст. судопр. торг. предоставляетъ каждому заимодавцу право являться въ конкурсное собраніе *для освѣдомленія* о дѣлахъ его, а кураторовъ обязываетъ представлять ему всѣ свѣдѣнія о состояніи массы. Наконецъ, 4 п. 539 ст. уст. торг. суд. допускаетъ возможность *жалобъ* на конкурсное управленіе со стороны кредиторовъ суду, имѣющему право надзора за конкурсомъ.

Изъ указанныхъ законоположеній видно, что конкурсное управленіе по исполненію всѣхъ своихъ обязанностей является именно

выборнымъ уполномоченнымъ кредиторовъ, которымъ и даетъ подробный отчетъ, которые, затѣмъ, утверждаютъ дѣйствія конкурса по управленію имуществомъ несостоятельнаго, или измѣняютъ ихъ, а кромѣ того имѣютъ право освѣдомляться, наблюдать, ревизовать и жаловаться на дѣйствія конкурса. А слѣдовательно конкурсное управленіе не по имени только, но и de facto является уполномоченнымъ кредиторовъ, а потому убытки, причиненные несостоятельному должнику этимъ послѣднимъ, и должны падать на представителя, съ котораго,—именно кредиторовъ, или конкурсной массы,—несостоятельный и можетъ ихъ взыскать. Совершенно особымъ вопросомъ,—для несостоятельнаго должника побочнымъ и неинтереснымъ,—является вопросъ объ отвѣтственности самаго конкурснаго управленія за убыточныя дѣйствія передъ кредиторами: довѣрителю конечно предоставляется по своему разсчитываться или искать убытокъ съ своего уполномоченнаго. Припомнимъ здѣсь только, что, какъ видно уже изъ рѣшенія гражд. касс. деп. 1899 года № 5 по дѣлу о несостоятельности того же Талышханова, общее собраніе кредиторовъ его успѣло утвердить представленный ему по 611 ст. уст. суд. торг. отчетъ о дѣйствіяхъ конкурснаго управленія.

Остается сказать, наконецъ, лишь нѣсколько словъ по вопросу о признанной Тифлисскою судебною палатою неотвѣтственности конкурснаго управленія за упущенія его по вырубкѣ лѣса, какъ за *„дѣйствія отрицательныя, а потому лежащія внѣ предѣловъ представительства“* конкурса, коему 552 статья *поручаетъ-де только управлять имуществомъ какъ доброму хозяину свойственно.* Кассаціонная жалоба справедливо указывала, что это положеніе равносильно освобожденію довѣрителя отъ отвѣтственности за дѣйствія повѣреннаго,—ибо гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, найдется такой великодушный довѣритель, который признаетъ, что онъ именно поручилъ повѣренному совершить данное убыточное для третьяго лица дѣйствіе? Однако же объ этомъ намъ пришлось уже говорить по поводу отвѣтственности за чужую вину [1]). Тамъ мы указали, что положеніе 687 ст. 1 ч. X т. объ отвѣтственности вѣрителей „за убытки, причиненные повѣренными при исполненіи порученій, *сообразно съ полномочіями, которыя даны вѣрителями“* (см. рѣш. 1873 г. № 1020) совершенно правильно и согласно съ научными требованіями было разъяснено въ рѣшеніи гражд. касс. департ.

[1]) См. Вѣстникъ Права, 1902 г. кн. за Сентябрь, стр. 181, слѣд.

1879 г. № 252 такимъ образомъ, что—„это не значитъ, однакожъ, чтобы отвѣтственность ограничивалась только случаями, когда доказано существованіе *спеціальнаго* порученія на совершеніе именно тѣхъ дѣйствій, которыми причинены убытки: *достаточно, если эти дѣйствія направлены были къ исполненію порученія и, будучи вообще солидарны съ предметомъ этого порученія, не выходили изъ предѣловъ дѣятельности, обозначенной самимъ свойствомъ полномочія*". Въ рѣшеніи же 1879 г. № 66 было, кромѣ того, указано, что „отвѣтчикъ, довѣритель, долженъ доказать, что онъ не поручалъ и не могъ предотвратить данныхъ дѣйствій".

Правительствующій Сенатъ отмѣнилъ рѣшеніе Тифлисской судебной палаты по нарушенію 21 ст. уст. гражд. судопр. и 552 ст. уст. судопр. торговаго.

С. Б. Гомолицкій.

4. Изъ текущей практики Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента.

А. *Наказуемо ли по 29 ст. уст. о наказ. неисполненіе требованій полиціи, воспрещающихъ скупку съѣстныхъ припасовъ внѣ базаровъ при отсутствіи обязательнаго постановленія о томъ подлежащей власти?*

Таковъ вопросъ, который предстояло разрѣшить Правительствующему Сенату въ послѣднее засѣданіе присутствія Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента 4 марта 1903 г. по дѣлу Переца Гинзбурга.

Серьезное жизненное значеніе того или иного разрѣшенія этого вопроса едва ли можетъ подлежать какому-либо спору. Тотъ ущербъ, который причиняютъ народному хозяйству такъ назыв. перекупщики, спекулирующіе внѣ базаровъ, рынковъ—мѣстъ надзора за торговлею, тѣмъ болѣе важенъ, что онъ ложится преимущественно на сельскихъ обывателей, платящихся въ данномъ случаѣ за незнаніе рыночныхъ цѣнъ, свое неразвитіе, некультурность, т. е. общія, соціальныя условія низшихъ классовъ сельскаго населенія страны. Обязательныя постановленія, издаваемыя городскими ду-

мами о воспрещеніи скупки внѣ базаровъ съѣстныхъ припасовъ, конечно, въ значительной мѣрѣ ограждаютъ интересы какъ крестьянъ, такъ и городскихъ обывателей—потребителей, покупателей деревенскихъ продуктовъ. Но такія постановленія существуютъ далеко не вездѣ. Притомъ, при современномъ составѣ городскихъ управленій, имѣющихъ въ числѣ своихъ гласныхъ торговцевъ болѣе чѣмъ въ достаточномъ количествѣ, позволительно усумниться въ возможности сколько-нибудь широкаго развитія этого мѣстнаго законодательства. Наоборотъ, какъ показываетъ практика Перваго Департамента Правительствующаго Сената, бываютъ случаи, когда городскія думы, по ходатайству торговцевъ домогаются отмѣны уже изданныхъ постановленій, воспрещающихъ перекупку жизненныхъ припасовъ (см. напр. опредѣленіе Перваго Департамента отъ 2 іюня 1893 г. за № 4601 по жалобѣ Слободского городского головы). При такихъ условіяхъ возникшій по дѣлу Гинзбурга вопросъ пріобрѣтаетъ особое значеніе.

По дѣлу Гинзбурга Звенигородскіе мировой судья, а затѣмъ съѣздъ разрѣшили этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ по слѣдующимъ соображеніямъ.

„Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, съѣздъ мировыхъ судей нашелъ, что циркуляромъ Кіевскаго губернатора отъ 17 іюня 1898 г. за № 3101, согласно 120 и 121 ст. уст. о обезпеченіи народнаго продовольствія, предписано уѣздной полиціи воспрещать хлѣбнымъ торговцамъ останавливать на дорогахъ сельскихъ обывателей, везущихъ свои произведенія на рынокъ, и здѣсь перекупать сельскохозяйственные продукты; такъ неоднократно было замѣчено, что хлѣбные торговцы, преимущественно евреи, устраиваютъ между собою стачки, на дорогахъ за безцѣнокъ скупаютъ хлѣбъ, а на рынкѣ непомѣрно повышаютъ цѣны. Многіе изъ евреевъ м. Шполы, занимающіеся торговлей хлѣбомъ, были замѣчены полиціей въ томъ, что на дорогахъ скупаютъ хлѣбъ у крестьянъ, не допуская ихъ къ базару, для чего на дорогахъ внѣ черты мѣстечка поустраивали амбары. Все это вынудило отъ хлѣбныхъ торговцевъ, а въ томъ числѣ и отъ обвиняемаго Переца Гинзбурга отобрать подписку (л. д. 2) въ томъ, что они обязуются не покупать хлѣбъ на дорогахъ въ м. Шполѣ внѣ базарной площади. Но несмотря на это, обвиняемый Перецъ Гинзбургъ все таки продолжаетъ покупать хлѣбъ у крестьянъ, ѣдущихъ на базаръ, что удостовѣрено спрошенными у мирового судьи свидѣтелями. Впрочемъ, самъ обвиняемый не отрицаетъ того, что онъ покупаетъ хлѣбъ внѣ черты базарной пло-

щади, оправдывая себя тѣмъ, что въ этомъ нѣтъ никакого проступка, но такое его оправданіе, какъ противорѣчащее выше приведеннымъ узаконеніямъ и распоряженіямъ губернскаго начальства, очевидно нельзя признать основательнымъ, а потому, признавая приговоръ мирового судьи вполнѣ правильнымъ, съѣздъ мировыхъ судей приговорилъ: приговоръ мирового судьи утвердить".

Въ принесенной на этотъ приговоръ кассаціонной жалобѣ подсудимый Перецъ Гинзбургъ ходатайствовалъ предъ Правительствующимъ Сенатомъ объ отмѣнѣ приговора мирового съѣзда по слѣдующимъ соображеніямъ: „ни въ ст. 120 и 121 уст. о обезпеч. народ. продов., и нигдѣ въ другихъ статьяхъ закона не содержится воспрещенія покупать зерновые продукты внѣ базарной площади. Изъ обжалуемаго же приговора не видно, на чемъ основано требованіе полиціи, въ неисполненіи коего я обвиняюсь: на точномъ смыслѣ закона, или на циркулярѣ губернатора, потому что отъ этого зависитъ исходъ самого дѣла: если требованіе основано на законѣ, то судъ обязанъ обсудить, есть ли такой законъ, а если оно основано на толкованіи закона, то судъ обязанъ обсудить правильность этого толкованія. Изъ производства по сему дѣлу можно вывести заключеніе: что ни по 120 и 121 ст. уст. о обезпеч народ. продов. и ни по толкованію этихъ статей закона, не воспрещается скупать хлѣбъ внѣ базарной площади. Разъ это такъ, то циркуляръ губернатора, основанный на толкованіи этихъ статей закона, не можетъ служить тѣмъ распоряженіемъ, неисполненіе коего влекло бы привлеченіе къ отвѣтственности по 29 ст. уст. о нак., хотя бы даже была отобрана подписка въ исполненіи этого распоряженія (рѣш. Сената 1872 г. № 1365, 1896 г. № 14 и др. подъ 29 ст. уст. о нак.). При такихъ обстоятельствахъ представляется безспорнымъ, что въ дѣяніи моемъ не заключается вовсе признаковъ какого-либо проступка, и потому приговоръ суда по сему дѣлу за нарушеніемъ 1, 29 ст. уст. о нак., 1 ст. уст. угол. суд., а также 119, 130, 142 и 170 ст. уст. угол. суд. подлежитъ отмѣнѣ".

Правительствующій Сенатъ оставилъ кассаціонную жалобу Переца Гинзбурга, за силою 174 ст. уст. угол. суд., безъ послѣдствій.

Со своей стороны, признавая правильность примѣненія въ данномъ случаѣ къ дѣянію Гинзбурга ст. 29 уст. о наказ., мы полагаемъ, что такое разрѣшеніе вопроса должно быть аргументировано доводами, значительно отличными отъ соображеній мирового съѣзда.

Въ кассаціонной жалобѣ совершенно справедливо было отмѣчено необсужденіе въ приговорѣ вопроса о томъ, на чемъ основано требованіе полиціи. Не обсудилъ съѣздъ и вопроса, имѣющаго рѣшающее въ данномъ дѣлѣ значеніе: входятъ ли въ кругъ вѣдомства полиціи мѣры для обезпеченія народнаго продовольствія, для огражденія его отъ различнаго рода злоупотребленій и возложилъ ли законъ на полицію наблюденіе за нарушеніемъ постановленій, ограждающихъ народное продовольствіе—условій, устраняющихъ всякое сомнѣніе въ правильности требованія полиціи (рѣш. Угол. Касс. Деп. 1894 г. № 13 Штейнберга, 1891 г. № 21 Кленфишъ, 1882 г. № 28 Зайденера, 1887 г. № 29 Левинштейна и мн. др.), а слѣдовательно и примѣненія къ дѣянію обвиняемаго ст. 29 уст. о наказ.

Приступая къ разрѣшенію этого вопроса, отмѣтимъ прежде всего, что ст. 121 уст. объ обезп. народ. продов. воспрещаются всякія стачки и соглашенія для возвышенія или пониженія цѣны на предметы продовольствія „въ намѣреніи стѣснить дѣйствія привозящихъ и доставляющихъ сіи товары". По второй же части ст. 112 того же устава воспрещается: „всякое притѣсненіе, остановка на пути, на мостахъ и перевозахъ обывателямъ, везущимъ съѣстные и другіе припасы" въ городъ. Другими словами говоря, ст. 112 и 121 уст. объ обезпеченіи народнаго продовольствія воспрещаютъ именно скупку предметовъ продовольствія, съѣстныхъ припасовъ перекупщиками. Имѣетъ ли это постановленіе закона характеръ благопожеланій, какъ многія другія постановленія свода законовъ, основанныя на старинныхъ указахъ и регламентахъ (первоисточники ст. 112 и 121 уст. о народн. прод. относятся ко второй половинѣ 18 ст.) и неисполненіе ихъ не влечетъ за собой никакихъ послѣдствій или же нарушителямъ этого запрета могутъ быть предъявлены требованія власти объ исполненіи нормы закона? Статьи 323 и 324 т. II свода зак., опредѣляющія предѣлы власти губернаторовъ по народному продовольствію и народному хозяйству, разрѣшаютъ этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ. По силѣ этихъ законоположеній, губернаторамъ предоставляется для обезпеченія народнаго продовольствія принимать мѣры общія и особенныя. Послѣднія относятся къ случаямъ возникновенія опасенія въ недостаткѣ предметовъ продовольствія. Первыя же имѣютъ цѣлью благосостояніе земледѣлія посредствомъ безпрепятственной и правильной торговли произведеніями сельскаго хозяйства (ст. 323) и состоятъ „главнѣйше въ бдительномъ надзорѣ за свободною и

безпрепятственною торговлею хлѣбомъ и другими жизненными припасами.... и въ принятіи предосторожностей противъ перекупа оныхъ и непомѣрнаго возвышенія цѣнъ (ст. 324).

Такимъ образомъ, надзоръ за нарушеніемъ правилъ ст. 112 и 121 уст. объ обезп. нар. прод. входитъ въ кругъ вѣдомства губернатора, возложеніе имъ обязанности на чиновъ полиціи слѣдить за исполненіемъ этого требованія закона совершено правильно и, слѣдовательно, неисполненіе требованій чиновъ полиціи, „какъ сдѣланныхъ ими въ силу и въ предѣлахъ, возложенныхъ на нихъ обязанностей“ (рѣш. 1894 г. № 13) влечетъ за собой отвѣтственность по 29 ст. уст. о наказ.

Б. *Воспрещена ли закономъ оштукатурка каменныхъ стѣнъ дома, возведенныхъ на цементѣ, до истеченія года со времени постройки. Ст. 66, 68 уст. о нак., ст. 195 уст. стр.*

Домостроительная горячка, охватившая въ послѣднее время почти всѣ наши крупные центральные города, вызвала въ судебной практикѣ цѣлую серію дѣлъ, по обвиненію домовладѣльцевъ въ преждевременной оштакатуркѣ стѣнъ. Дѣло въ томъ, что въ цѣляхъ ускоренія постройки домовъ, строительная техника ввела новый, получившій широкое распространеніе, способъ кладки стѣнъ на быстро твердѣющихъ цементныхъ растворахъ, благодаря чему стѣны быстро высыхаютъ и, какъ свидѣтельствуетъ техническо-строительный комитетъ, немедленная оштукатурка ихъ не можетъ влечь тѣхъ послѣдствій, которыя даетъ оштукатурка стѣнъ, возведенныхъ на извести и нуждающихся въ просушкѣ. Между тѣмъ, 1 часть ст. 195 уст. стр. изд. 1900 г., неисполненіе предписанія которой влечетъ отвѣтственность по 66 ст. уст. о наказ. постановляетъ: „не дозволяется въ городахъ каменные дома, построенные въ одно лѣто, штукатурить снаружи до истеченія года отъ окончанія постройки и вообще предписывается соблюдать другія надлежащія правила по архитектурѣ для просушки новыхъ стѣнъ“.

И, хотя, по мнѣнію технико-строительнаго комитета, высказанному въ офиціальномъ отзывѣ и ставшему общеизвѣстнымъ (отношеніе 5 февраля 1894 г. за № 200), этотъ законъ, относящійся ко времени его изданія къ 1835 г., когда стѣны клались на медленно твердѣющемъ изтвестковомъ растворѣ, примѣнимъ только

къ кладкѣ стѣнъ на этомъ растворѣ и оштукатурка стѣнъ, выведенныхъ на цементѣ не будетъ нарушеніемъ закона, однако, судебныя мѣста, отвергая это толкованіе, нарушителей ст. 195 уст. стр. караютъ по ст. 66 и 68 уст. о наказ.

Въ засѣданіи *присутствія* Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента 4 марта сего года вопросъ этотъ, возникшій по дѣлу Кондратьева С.-Петербургскаго столичнаго мирового съѣзда, получилъ, повидимому, окончательное разрѣшеніе. Обстоятельства этого дѣла, какъ они установлены въ приговорѣ съѣзда, заключаются въ слѣдующемъ.

„Мировой съѣздъ находитъ, что Кондратьевъ обвиняется въ томъ, что въ нарушеніе 195 ст. уст. стр. оштукатурилъ только что выстроенный домъ, не выжидая годичнаго срока. Осмотромъ, произведеннымъ по порученіи мирового судьи 26 октября при участіи экспертовъ, установлено, что штукатурка сдѣлана на извести и, какъ преждевременная, должна быть признана вредной для здоровья живущихъ въ домѣ. Кондратьевъ заявляетъ, что домъ выстроенъ на быстротвердѣющемъ цементномъ растворѣ, почему въ выжиданіи годичнаго срока нѣтъ надобности, въ подтвержденіе чего ссылается на мнѣніе техническаго строительнаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ отъ 15 февраля 1894 г. за № 200 и на дѣло съѣзда 1901 г. № 2504. Обращаясь къ обсужденію виновности Кондратьева, мировой съѣздъ находитъ: 1) въ виду заключенія экспертовъ, что оштукатурка сдѣлана на извести, показаніе свидѣтелей Архаровыхъ, что кладка произведена на цементѣ не имѣетъ рѣшающаго значенія для дѣла; 2) равнымъ образомъ не имѣетъ значенія и мнѣніе техническаго строительнаго комитета 15 февраля 1894 г., такъ какъ въ 1900 г. вышелъ строительный уставъ въ новой его редакціи и въ 195 ст. никакихъ изъятій не сдѣлано относительно штукатурки домовъ на цементныхъ растворахъ, а на основаніи 65 ст. основныхъ законовъ ст. 195 уст. строит. должна быть исполняема по точному ея смыслу; 3) на основаніи 933 ст. уст. угол. суд., для суда обязательны только тѣ рѣшенія Правительствующаго Сената, коими разъясняется точный смыслъ законовъ и которыя публикуются во всеобщее свѣдѣніе, а указъ Правительствующаго Сената по дѣлу съѣзда 1901 г. № 2504 во всеобщее свѣдѣніе не распубликованъ и въ своемъ рѣшеніи Правительствующій Сенатъ не дѣлаетъ какого либо принципіальнаго разъясненія ст. 195 уст. строит.; 4) въ виду вышеизложеннаго не усматривается никакой надобности въ новомъ осмотрѣ. По

этимъ соображеніямъ мировой съѣздъ признаетъ приговоръ мирового судьи правильнымъ и на основаніи ст. 119 и 168 уст. угол. суд. опредѣляетъ: приговоръ мирового судьи утвердить, апелляціонный отзывъ повѣреннаго Кондратьева, Стржешковскаго, оставить безъ послѣдствій".

Въ принесенной на этотъ приговоръ кассаціонной жалобѣ повѣренный Кондратьева частный повѣренный Стржешковскій, ходатайствуя объ отмѣнѣ приговора съѣзда, по возбужденному дѣломъ вопросу высказалъ слѣдующія соображенія.

„За оштукатурку дома, также построеннаго на цементѣ и также оштукатуреннаго до истеченія года со дня постройки, Кондратьевъ раньше сего дѣла уже привлекался къ отвѣтственности, но былъ оправданъ мировымъ съѣздомъ, приговоръ коего былъ утвержденъ Правительствующимъ Сенатомъ. Нужно полагать, что ни мировой съѣздъ, ни Правительствующій Сенатъ не оставили бы проступка безъ взысканія, если бы таковой былъ, почему Кондратьевъ, приступая къ оштукатуркѣ другого своего дома (по Лубенской улицѣ) былъ вполнѣ убѣжденъ, что не совершаетъ никакого нарушенія строительнаго устава и вправѣ защищаться послѣдовавшими по тому дѣлу (1901 г. № 2504) рѣшеніями; оказывается однако же наоборотъ: то, что въ одномъ составѣ столичнаго мирового съѣзда (дѣло № 2054) не почитается проступкомъ и не влечетъ за собою кары, то въ другомъ составѣ того же самаго суда дѣло за № 3619 признается уголовнымъ дѣяніемъ. Примириться съ такимъ положеніемъ очевидно нельзя, и нынѣ обжалуемый мною обвинительный приговоръ мирового съѣзда могъ послѣдовать только потому, что самъ съѣздъ не пожелалъ выслушать свѣдущихъ людей и выяснить дѣло болѣе всесторонне. Въ 195 ст. стр. уст. предписывается соблюдать „надлежащія правила по архитектурѣ для просушки новыхъ стѣнъ". Если самъ законъ ссылается на архитектуру-науку, то мировой съѣздъ не вправѣ игнорировать мнѣніе техническаго строительнаго комитета 15 февраля 1894 г. за № 200, гдѣ спеціалисты люди науки, признали, что оштукатурка зданій, построенныхъ на цементѣ, въ первый годъ постройки, не представляетъ ничего вреднаго для здоровья людей. Въ настоящее время, половина строящагося Петербурга возводитъ каменныя зданія на цементѣ и штукатуритъ ихъ тотчасъ-же по возведеніи, не выжидая годового срока и вотъ въ одной части Петербурга такія постройки признаются законными, а въ другой считаются нарушеніемъ строительнаго устава, и владѣльцы несутъ на себѣ тяготу судебнаго преслѣдованія.

Такое положеніе, лишающее собственника возможности спокойно распоряжаться своимъ имуществомъ, исходитъ отъ неправильнаго пониманія истиннаго смысла 195 ст. стр. устава, заключающагося въ томъ, что, если въ постройкѣ нѣтъ сырости, то нечего и просушивать въ теченіи года времени".

Правительствующій Сенатъ оставилъ кассаціонную жалобу, за силой 174 ст. уст. угол. суд., безъ послѣдствій, раздѣливъ, повидимому, соображенія съѣзда о безусловной примѣнимости ст. 195 уст. стр. и къ постройкамъ по новому способу.

Рѣшеніе это по вопросу животрепещущему чревато своими послѣдстіями. Несомнѣнно, что угроза возможности замедленія эксплоатаціи выстроеннаго дома заставитъ домостроителей выжидать годъ съ оштукатуркой стѣнъ, а это, замедливъ возведеніе новыхъ домовъ, продолжитъ тотъ квартирный кризисъ, который переживаютъ жители Петербурга и др. большихъ городовъ и, слѣдовательно, толкованіе Правительствующимъ Сенатомъ ст. 195 уст. стр. неминуемо отразится на имущественныхъ интересахъ громадной массы населенія.

Между тѣмъ возможно иное толкованіе этого закона и, по нашему мнѣнію, болѣе юридически обоснованное. Толкованіе закона по буквальному смыслу, безъ проникновенія во внутреннее его содержаніе всегда представляетъ опасность упустить изъ виду мысль законодателя, положенную въ основу опредѣленія закона. Такъ, и въ данномъ случаѣ. Буквальный текстъ ст. 195 уст. стр., казалось-бы, не оставлялъ сомнѣній въ томъ, что оштукатурка домовъ до истеченія годичнаго срока со времени ихъ постройки воспрещается закономъ. Однако, разсмотрѣніе цѣли, преслѣдуемой этимъ законоположеніемъ, его смысла приводитъ къ выводу, что въ настоящее время опредѣленіе ст. 195 уст. стр. должно понимать ограничительно.

Первый вопросъ, который возникаетъ и долженъ быть разрѣшенъ при истолкованіи каждаго запрета закона, заключается въ томъ, какой интересъ, какое благо имъ охраняется? Первая часть ст. 195 уст. стр. гласитъ: „не дозволяется.... и *вообще предписывается соблюдать другія* надлежащія *правила* по архитектурѣ *для просушки новыхъ стѣнъ*". Едва ли возможно, первое предложеніе ст. 195 (запрещеніе штукатурить новыя стѣны), отдѣлять отъ выше выписаннаго второго. Этого не дозволяютъ правила грамматики. Подчеркнутыя-же нами слова заключенія первой части ст. 195 совершенно ясно опредѣляютъ цѣль запрета, изложеннаго въ этой статьѣ,

и то благо, которое имъ охраняется. Цѣль запрета—„просушка стѣнъ“, благо—здоровье. Въ цѣляхъ огражденія здоровья населенія отъ вредныхъ послѣдствій сырости, требуется просушка стѣнъ, первымъ средствомъ для этого является, по закону, неоштукатуриваніе стѣнъ до истеченія года, а затѣмъ предписывается соблюдать и „другія .... правила.... для просушки новыхъ стѣнъ“. Правильность этихъ соображеній подтверждается и слѣдующимъ. Въ уложеніи о наказ. изд. 1857 г. имѣлась ст. 1424, замѣненная ст. 66 уст. о нак. по содержанію своему аналогичная со ст. 195 уст. стр. Въ объясненіяхъ къ улож. о наказ. подъ этой статьей читаемъ: „въ дополненіи ст. 277 (195 по изд. 1900 г.) уст. стр.“. „*Въ отвращеніе сырости* не дозволяется, на основаніи ст. 277 уст. стр. . . . (далѣе прописанъ текстъ статьи); „*для предохраненія здоровья* жильцовъ, воспрещается впускать ихъ въ домъ въ теченіе перваго по построеніи года“.

Одно изъ основныхъ правилъ толкованія закона это положеніе, что законъ не можетъ давать безсмысленныхъ предписаній. Между тѣмъ къ этому приводитъ примѣненіе требованія ст. 195 уст. стр. къ домостроителю, выстроившему стѣны на цементѣ. Эти стѣны указанной въ ст. 195 уст. стр., просушки, за отсутствіемъ сырости, не требуютъ и здоровью жильцовъ такого дома, по удостовѣренію свѣдущихъ людей, вреда не причиняютъ.

Эти соображенія приводятъ насъ къ мысли, что указанное выше толкованіе ст. 195 уст. стр. технико-строительнаго комитета не только отвѣчаетъ требованіямъ жизни, но и можетъ быть аргументировано достаточными юридическими доводами. Съ точки же зрѣнія такого толкованія ст. 195 уст. стр., область примѣненія ея должна быть ограничена постройками, возведенными на медленно твердѣющихъ растворахъ извести, вызывающихъ сырость, въ огражденіе чего, какъ мы видѣли, и былъ установленъ этотъ законъ. Штукатурка-же стѣнъ. построенныхъ на цементѣ—явленіе совершенно новое. Его не имѣлъ въ виду законодатель при изданіи въ 1835 году правила устава строительнаго, нельзя подводить его насильственно подъ дѣяніе, предусмотрѣнное ст. 195 уст. стр., по своимъ признакамъ, совершенно отъ него отличное. При нашемъ толкованіи опредѣленіе того, примѣнима-ли въ каждомъ данномъ случаѣ ст. 195 уст. стр. 66 и 68 уст. о наказ., должно лежать на обязанности суда, дѣйствующаго въ порядкѣ, указанномъ для примѣненія ст. 68 уст. о нак., т. е. по выслушаніи экспертовъ.

Разсматривая съ изложенной точки зрѣнія кассаціонную жалобу

по д. Кондратьева, необходимо притти къ выводу, что она не заслуживаетъ уваженія. Карательный законъ къ дѣянію его примѣненъ правильно, такъ какъ нарушеніе ст. 195 уст. стр. установлено съѣздомъ согласно заключенію экспертовъ. Неправильны, по нашему мнѣнію, лишь мотивы приговора, толкованіе ст. 195 уст. стр., но это не имѣетъ въ данномъ дѣлѣ рѣшающаго значенія и важно лишь, въ виду санкціи такого рѣшенія вопроса Правительствующимъ Сенатомъ, какъ прототипъ для будущихъ рѣшеній по многочисленнымъ, однороднымъ дѣламъ.

В. *Подлежитъ-ли отвѣтственности за нарушеніе положенія о сбереженіи лѣсовъ лицо, купившее лѣсъ на срубъ? (Ст. 57^2 уст. о наказ.).*

Одною изъ отличительныхъ чертъ статей устава о наказ., устанавливающихъ отвѣтственность за нарушеніе правила лѣсоохраненія, является неясность ихъ редакціи: Такъ, ст. 57^2 уст. о наказ. постановляетъ: „за рубку растущаго лѣса въ дачахъ защитныхъ прежде утвержденія на нихъ плановъ лѣсного хозяйства; за рубку растущаго лѣса во всякаго рода дачахъ, произведенную въ порядкѣ или количествѣ, несогласномъ съ утвержденнымъ лѣсоохранительнымъ комитетомъ планомъ лѣсного хозяйства; .... виновные въ томъ лѣсовладѣльцы подвергаются“. Кто субъектъ проступка, предусмотрѣннаго—ст. 57^2? Одни-ли лѣсовладѣльцы или отвѣтственными по этой статьѣ могутъ быть и другія лица и кто именно? Таковы вопросы, постоянно возникающіе при примѣненіи этой статьи въ судебной практикѣ. Въ октябрѣ 1900 г. Правительствующій Сенатъ далъ уже руководящее разъясненіе, что отвѣтственными лицами по ст. 57^2 уст. о наказ. могутъ быть виновные лѣсовладѣльцы или представители ихъ правъ по распоряженію лѣсомъ, но не третье лицо“ (рѣш. 1900 г. № 37).

Какъ показываетъ дѣло Завѣрина, разсмотрѣнное *присутствіемъ* угол. кас. д-та 4 марта сего года, въ судебной практикѣ возникъ вопросъ о примѣненіи ст. 57^2 уст. о нак. къ лицамъ, купившимъ лѣсъ на срубъ.

Вотъ обстоятельства дѣла.

Согласно обвинительному акту прокурорскаго надзора, Калужскій купеческій сынъ Михаилъ Андреевъ Завѣринъ былъ преданъ

суду Калужскаго окружнаго суда по обвиненію его въ томъ, что, будучи довѣреннымъ своей матери Клавдіи Завѣриной и завѣдуя купленнымъ ею 18 января 1901 года у Мосальскихъ купцовъ Нила и Алексѣя Домановыхъ на сводъ лѣсомъ, находящимся при деревнѣ Матюниной, Калужскаго уѣзда, въ количествѣ 60 десятинъ, съ 15 мая по 28 іюня 1901 года вырубилъ, безъ разрѣшенія Калужскаго лѣсоохранительнаго комитета, лѣсъ на пространствѣ 23 десятинъ на сумму 1340 руб. 73 коп. по таксѣ, т. е. въ проступкѣ, предусмотрѣнномъ 57^2 ст. уст. о наказ., налаг. мир. суд. Состоявшимся по этому дѣлу 8 апрѣля 1902 года приговоромъ Калужскаго окружнаго суда полсудимый Завѣринъ былъ признанъ невиновнымъ и на основаніи 1 п. 771 ст. уст. угол. суд. оправданъ по суду. Разсмотрѣвъ по апелляціонному отзыву уполномоченнаго Калужскаго лѣсоохранительнаго комитета настоящее дѣло, Московская судебная палата нашла, что разрѣшеніе вопроса объ отвѣтственности подсудимаго Завѣрина зависитъ отъ разрѣшенія вопроса о томъ, кто именно подлежитъ отвѣтственности по 57^2 ст. уст. о нак. нал. мир. суд. Изъ обстоятельства дѣла видно, что Завѣрина, мать обвиняемаго, купила съ разрѣшенія Калужскаго лѣсоохранительнаго кимитета на срубъ участокъ лѣса у Домановыхъ, причемъ при заключеніи этого договора покупщикъ обязался устранить всѣ могущія встрѣтиться препятствія при осуществленіи Завѣриною пріобрѣтеннаго ею права. Изъ означеннаго договора видно, что Завѣрина купила лѣсъ на срубъ и такимъ образомъ являлась не лѣсовладѣльцемъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова и подъ которымъ слѣдуетъ разумѣть владѣльца земли, на которой росъ проданный на срубъ лѣсъ. Обращаясь же къ вопросу о томъ, является ли закономъ предусмотрѣнною отвѣтственность лицъ, купившихъ лѣсъ на срубъ и распространяются ли на нихъ карательныя мѣры, указанныя въ 57^2 ст. уст. о нак., нал. мир. суд., судебная палата нашла, что по точному смыслу 57^2 ст. уст. о нак. нал. мир. суд. отвѣтственными по этой статьѣ лицами являются лишь лѣсовладѣльцы или представители ихъ правъ, т. е. лица, коимъ на правѣ собственности принадлежитъ та земля, на которой росъ лѣсъ, срубленный покупщикомъ его на срубъ. Къ такому выводу приводитъ и состоявшееся въ 1900 году за № 37 въ уголовн. кас. департ. Правительствующаго Сената рѣшеніе по вопросу о томъ, кто именно является отвѣтственнымъ при нарушеніи 57^2 ст. уст. о нак., нал. мир. суд., и кто именно подлежитъ отвѣтственности по этой статьѣ. Въ этомъ отношеніи Пра-

вительствуюшій Сенатъ категорически высказался, что при изданіи карательныхъ постановленій объ отвѣтственности по 57^2—57^7 ст. уст. о нак., нал. мир. суд., имѣлось въ виду распространять дѣйствіе ихъ исключительно на лѣсовладѣльцевъ и управляющихъ ихъ имѣніями, но не на постороннихъ имѣнію лицъ. Примѣняя это положеніе къ разсматриваемому дѣлу о Завѣринѣ, судебная палата нашла, что подсудимый Завѣринъ не можетъ подлежать отвѣтственности по 57^2 ст. уст. о нак. нал. мир. суд. зарубку лѣса въ лѣсной дачѣ Домановыхъ, произведенную имъ въ порядкѣ или количествѣ, несогласныхъ съ утвержденнымъ лѣсоохранительнымъ комитетомъ планомъ лѣсного хозяйства въ этой дачѣ, который являлся лишь обязательнымъ для Домановыхъ, какъ лѣсовладѣльцевъ, а не для Завѣрина, дѣйствовавшаго по довѣрію своей матери, которая пріобрѣла вырубленный впослѣдствіи лѣсъ на срубъ и со сводкою котораго его отношенія къ этой недвижимости прекратились. Если Завѣринъ, сводя означенную лѣсную площадь, и нарушилъ утвержденный на эту лѣсную дачу планъ упрощеннаго хозяйства, то отвѣтственнымъ за это лицомъ является лѣсовладѣлецъ, который по настоящему дѣлу къ отвѣтственности не привлеченъ. Завѣрина пріобрѣла тотъ участокъ лѣса, въ самовольной порубкѣ котораго обвиняется ея сынъ, съ разрѣшенія лѣсоохранительнаго комитета и изъ дѣла не видно, чтобы комитетъ, дѣлая это разрѣшеніе, поставилъ какія либо ограничительныя для Завѣриной условія въ пользованіи пріобрѣтеннымъ ею правомъ, а потому ей не представлялось необходимымъ знать, какой установленъ утвержденнымъ планомъ лѣсного хозяйства порядокъ рубки лѣса, въ составъ которой входилъ принадлежащій ей участокъ. По симъ основаніямъ Московская судебная палата утвердила оправдательный приговоръ суда о Завѣринѣ, оставивъ апелляціонный отзывъ безъ послѣдствій.

Въ принесенной на этотъ приговоръ кассаціонной жалобѣ Калужскаго лѣсоохранительнаго комитета прежде всего указывается на невѣрное изложеніе, вопреки разума ст. 797 уст. угол. суд., обстоятельствъ дѣла. Такъ, судебная палата невѣрно утверждаетъ, что покупка лѣса Завѣриной состоялась съ разрѣшенія комитета, причемъ комитетомъ не было установлено для пользованія ея правомъ какихъ либо ограничительныхъ условій. „Лѣсъ на срубъ отъ купцовъ Нила и Алексѣя Домановыхъ былъ пріобрѣтенъ Завѣриною, говорится въ кассаціонной жалобѣ, по нотаріальному договору, совершенному 18 января 1901 года безъ

всякаго разрѣшенія со стороны лѣсоохранительнаго комитета, которое и не требуется по закону въ подобныхъ случаяхъ; то же разрѣшеніе лѣсоохранительнаго комитета, которое упоминается въ 1 п. договора, заключеннаго Домановыми и Завѣриною, было дано гораздо раньше пріобрѣтенія послѣднею лѣса на срубъ, а именно 3 марта 1892 года и относилось не къ продажѣ лѣса Завѣриной, а до рубки лѣса въ дачѣ Домановыхъ вообще, согласно съ упрощеннымъ планомъ хозяйства. Поэтому лѣсоохранительный комитетъ, давая означенное разрѣшеніе, очевидно, не могъ постановить какія либо ограничительныя для Завѣриной условія въ пользованіи пріобрѣтеннымъ ею правомъ, но тѣмъ не менѣе условія рубки лѣса, опредѣленныя въ разрѣшеніи лѣсоохранительнаго комитета въ полномъ ихъ объемѣ, представлялись для Завѣриной обязательными въ силу самаго закона, такъ какъ на основаніи Высочайше утв. 17 апрѣля 1895 года мнѣнія Государств. Совѣта видно, что договоры о продажѣ лѣса на срубъ могутъ имѣть силу лишь на столько, на сколько они не противорѣчатъ правиламъ объ охранѣ частныхъ лѣсовъ. Такимъ образомъ заключеніе палаты о томъ, что Завѣрину, при рубкѣ лѣса, пріобрѣтеннаго ею у Домановыхъ, не долженъ былъ стѣснять утвержденный для этого лѣса лѣсоохранительнымъ комитетомъ порядокъ рубки, находится въ прямомъ противорѣчіи съ означеннымъ Высочайше утв. мнѣніемъ Госуд. Сов. и соединено въ данномъ случаѣ съ нарушеніемъ 766 и 777 ст. уст. угол. суд. Далѣе судебная палата, признавъ, что подсудимый не можетъ отвѣчать за произведенную имъ, несогласную съ разрѣшеніемъ лѣсоохранительнаго комитета, рубку лѣса на томъ основаніи, что онъ не былъ владѣльцемъ этого лѣса, допустило существенное нарушеніе 15 ст. уст. угол. суд. и 57^2 уст. о нак. (примѣчаніе 2 къ ст. 57^2). Въ силу 15 ст. уст. угол. суд. въ дѣлахъ уголовныхъ всякій несетъ отвѣтственность за себя, лишь за исключеніемъ точно указанныхъ въ законѣ случаевъ; такого же изъятія изъ общаго правила о личной отвѣтственности для изложеннаго дѣянія, предусмотрѣннаго 57^2 ст. уст. о наказ. въ законѣ не установлено; напротивъ того—Государственный Совѣтъ, при обсужденіи проекта карательныхъ постановленій за нарушеніе положенія о сбереженіи лѣсовъ, нашелъ слишкомъ суровымъ предположеніе о подверженіи взысканіямъ за эти нарушенія однихъ лишь лѣсовладѣльцевъ и призналъ справедливымъ изложить карательныя правила въ такомъ видѣ, чтобы дѣйствію ихъ подлежали не одни лѣсовладѣльцы, но вообще лица, оказавшіяся

дѣйствительными виновниками предусмотрѣнныхъ сими правилами проступковъ. Затѣмъ Правительствующій Сенатъ въ рѣшеніи 1900 г. за № 37, на которое ссылается судебная палата въ своемъ приговорѣ, разъяснилъ, что отвѣтственными лицами по 57² ст. уст. о нак. могутъ быть виновные землевладѣльцы или представители ихъ правъ по распоряженію лѣсомъ, а не третьи лица, но это рѣшеніе Правительствующаго Сената едва ли подтверждаетъ то положеніе, къ которому пришла судебная палата. Владѣлецъ лѣсной дачи, заключая условія о продажѣ принадлежащаго ему лѣса на срубъ, тѣмъ самымъ ограничиваетъ свое право владѣнія этимъ лѣсомъ въ томъ отношеніи, что при заключеніи подобнаго условія распоряженіе рубкою лѣса переходитъ отъ него къ его контрагенту; такимъ образомъ послѣдній относительно лѣсной дачи, въ которой производится рубка лѣса, является лицомъ не постороннимъ, а лицомъ, къ коему перешло право владѣльца по распоряженію лѣсомъ, и которое поэтому должно быть признано, согласно съ разъясненіями Правительствующаго Сената, отвѣтственнымъ по 57² ст. уст. о наказ. Такой выводъ подкрѣпляется и соображеніями о томъ, что право подобнаго контрагента по распоряженію лѣсомъ представляется болѣе полнымъ, нежели право лица, дѣйствующаго по довѣренности владѣльца лѣса, такъ какъ послѣдній всегда можетъ отмѣнить или замѣнить распоряженіе своего управляющаго или повѣреннаго, тогда какъ для прекращенія неправильныхъ дѣйствій по рубкѣ лѣса контрагента необходимо обратиться къ содѣйствію суда“.

Правительствующій Сенатъ отмѣнилъ приговоръ Московской судебной палатѣ за нарушеніемъ 798 у. у. с. и 57² уст. о нак.

Такимъ образомъ, дѣйствіе ст. 57² уст. о нак. распространено и на скупщиковъ лѣса на срубъ. Такое толкованіе, невытекающее какъ правильно полагала судебная палата, изъ буквальнаго текста ст. 57², тѣмъ не менѣе представляется совершенно согласнымъ и съ духомъ мѣропріятій, предпринимаемыхъ государствомъ съ цѣлью борьбы съ хищническимъ лѣсоистребленіемъ и съ взглядомъ законодателя на субъекта проступка ст. 57² уст. о нак. Кромѣ приведенныхъ въ кассаціонной жалобѣ соображеній Государственнаго Совѣта, справедливость этой точки зрѣнія подтверждается Высочайше утвержденнымъ 6 мая 1902 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта о примѣненіи взысканія за нарушеніе правилъ о сбереженіи лѣсовъ къ лицамъ виновнымъ въ совершеніи сихъ нарушеній безъ согласія лѣсовладѣльцевъ (собр. узак. № 55 ст. 580), совершенно непринят-

таго во вниманіе палатой. По силѣ этого закона примѣненіе ст. 57^2 и слѣд. уст. о нак. распространяется на всѣхъ лицъ, которымъ лѣсовладѣльцами предоставлено право распоряженія лѣсомъ, а слѣдовательно и къ лицамъ, купившимъ лѣсъ на срубъ.

Г. 1) *Подходитъ-ли подъ понятіе бумаги, представленной чиновнику (1 ч. 1535 ст. улож. о наказ.), заявленіе, переданное черезъ нотаріуса въ порядкѣ 141—145 ст. положенія о нотаріальной части?*

2) *Составитъ-ли клевету указаніе въ заявленіи, переданномъ черезъ нотаріуса, что покупщикъ дома склоненъ продавцемъ къ заключенію невыгодной сдѣлки посредствомъ ложнаго удостовѣренія о доходности дома и что такое указаніе дѣлается въ огражденіе своихъ гражданскихъ правовыхъ интересовъ, о которыхъ можетъ возникнуть впослѣдствіи споръ въ исковомъ порядкѣ?*

Поставленные вопросы пришлось разрѣшить *присутствію* уголовнаго кассаціоннаго департамента Правительствующаго Сената въ засѣданіи 4 февраля с. г. по дѣлу Пантелеевыхъ.

Обстоятельства этого дѣла заключаются въ слѣдующемъ.

С.-Петербургскіе 2 гильдіи купцы Григорій и Петръ Фомины Пантелеевы привлечены были, согласно жалобѣ частнаго обвинителя ротмистра въ отставкѣ Анатолія Фелиціанова Зарембо, къ суду за то, что по полученіи ими 3 сентября 1898 года отъ него, Зарембо, задаточной росписки по поводу покупки ими у него дома прислали 17 того же сентября на его, Зарембо, имя нотаріальное заявленіе, заключающее въ себѣ завѣдомо ложное обвиненіе его, Зарембо, въ дѣяніи, противномъ правиламъ чести, т. е. за совершеніе проступка, предусмотрѣннаго 1535 ст. ул. о нак. С.-Петербургскій окружный судъ нашелъ, между прочимъ, что въ означенномъ заявленіи Пантелеевыхъ не усматривается ни завѣдомой лжи, ни обвиненія Зарембо въ дѣяніи, противномъ правиламъ чести, и что заявленіе это сдѣлано лишь въ огражденіе иска объ убыткахъ, приговоромъ своимъ отъ 28 ноября 1901 г. опредѣлилъ признать подсудимыхъ Григорія и Петра Пантелеевыхъ, на основаніи 1 пунк. 771 ст. у. у. с., по суду оправданными. Въ апелляціонномъ своемъ отзывѣ на этотъ приговоръ, частный обвинитель Зарембо ходатайствовалъ объ отмѣнѣ помянутаго приговора окружнаго суда и о признаніи Григорія и Петра Пантелеевыхъ виновными въ оклеве-

таніи его въ официально поданной бумагѣ, т. е. въ дѣяніи, предусмотрѣнномъ 1535 ст. ул. о нак. Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, С.-Петербургская судебная палата нашла, что по дѣлу представляются установленными слѣдующія, между прочимъ, данныя: отвѣтомъ своимъ на апелляціонный отзывъ частнаго обвинителя подсудимые удостовѣрили, что, рѣшившись дать за принадлежащій Анатолію Зарембо и продававшійся симъ послѣднимъ домъ, состоящій въ С.-Петербургѣ по Пантелеймоновской улицѣ подъ № 11, „цѣну, которая по ихъ разсчетамъ должна была соотвѣтствовать, конечно, доходности доми", они 3 сентября 1898 года, до уплаты задатка, потребовали отъ Зарембо, чтобы онъ письменно удостовѣрилъ предъ ними свои заявленія о томъ, что домъ приноситъ валоваго дохода въ годъ 26956 рублей. Требованіе это было въ тотъ же день исполнено Анатоліемъ Зарембо, который 3 означеннаго сентября передалъ подсудимымъ вѣдомость прихода и расхода по означенному дому, въ которой были между прочимъ обозначенны помѣщенія, какъ жилыя, такъ и нежилыя (сарай, конюшня и т. д.), мѣсто нахожденія жилыхъ помѣщеній (т. е. находятся ли таковыя въ подвальномъ или въ другомъ какомъ либо этажѣ и въ которомъ именно) и годовая цѣна, за которую сдано каждое изъ означенныхъ помѣщеній. Вѣдомостью этою Зарембо удостовѣрилъ, что валовой доходъ помянутаго дома равенъ 26956 руб. и въ подписи своей на этой вѣдомости указалъ, что „доходъ этотъ показанъ имъ согласно условіямъ квартирнымъ". Документомъ же, содержаніе котораго подсудимые приводятъ отчасти въ упомянутомъ своемъ отвѣтѣ на апелляціонный отзывъ и который имѣется и въ числѣ пріобщенныхъ къ сему дѣлу документовъ, а именно нотаріальнымъ отвѣтомъ Зарембо 15 сентября 1898 года, послѣдовавшимъ на заявленіе ихъ, Пантелеевыхъ, отъ 12 того же сентября палата признала установленнымъ, между прочимъ: 1) что 12 означеннаго сентября и. д. С.-Петербургскаго нотаріуса Бабичевымъ, по порученію подсудимыхъ, сообщено было Зарембо: а) что въ подтвержденіе показаннаго имъ, Зарембо, „дохода отъ жилыхъ помѣщеній въ подвальныхъ этажахъ запроданнаго имъ (Пантелеевымъ) дома" они, подсудимые, просятъ его „доставить имъ въ теченіе трехъ дней оффиціальные документы, на основаніи которыхъ устроены показанныя въ доходной вѣдомости жилыя помѣщенія въ подвальныхъ этажахъ этого дома", и б) что въ виду того, что „верхніе этажи надворныхъ поперечнаго и двухъ боковыхъ флигелей не могутъ приноситъ дохода, такъ какъ высота комнатъ этихъ этажей не соотвѣт-

ствуетъ высотѣ, допущенной для жилыхъ помѣщеній", они просятъ его также „выяснить, какимъ способомъ онъ намѣренъ привести эти помѣщенія въ надлежащее состояніе, чтобы они могли извлекать тотъ доходъ, который имъ, Зарембо, показанъ", и 2) что на сообщеніе это Анатоліемъ Зарембо данъ былъ, 15 того же сентября, такъ же чрезъ нотаріуса, отвѣтъ подсудимымъ, въ которомъ Зарембо объяснилъ между прочимъ: а) что заявленіе подсудимыхъ по поводу жилыхъ помѣщеній въ верхнихъ и подвальныхъ этажахъ представляется запоздалымъ, такъ какъ они могли выяснить интересующіе ихъ вопросы до заключенія задаточной росписки; б) что подвальные этажи „существуютъ уже болѣе 15 лѣтъ, всегда были занимаемы жильцами вплоть до настоящаго времени и никакихъ недоразумѣній не возбуждали"; в) что верхніе этажи въ свою очередь всегда были занимаемы и въ настоящее время заняты жильцами; г) что въ подтверженіе показаннаго имъ отъ жилыхъ помѣщеній дохода имъ были представлены Пантелеевымъ подлинные контракты и д) что онъ „имъ никогда не гарантировалъ и не гарантируетъ, что они будутъ получать съ дома его такой же доходъ, какимъ пользовался онъ до заключенія съ Пантелеевыми задаточной росписки". Вслѣдъ за этимъ 17 сентября 1898 года подсудимые, чрезъ нотаріуса же, прислали Анатолію Зарембо заявленіе, въ которомъ, сообщивъ ему, что они будутъ находиться 19 того же сентября въ конторѣ нотаріуса для подписанія съ нимъ купчей крѣпости согласно задаточной роспискѣ, увѣдомили его: а) что „вмѣстѣ съ симъ предупреждаютъ его, что они сохраняютъ за собою право предъявленія къ нему иска объ убыткахъ, въ которые вовлечены они неправильными показаніемъ имъ (Анатоліемъ Зарембо) въ описи дома доходности отъ жилыхъ подвальныхъ помѣщеній и отъ верхнихъ этажей надворнаго поперечнаго и двухъ боковыхъ флигелей запроданнаго имъ (Пантелеевымъ) дома", и б) что „для склоненія ихъ къ заключенію невыгодной сдѣлки и для увеличенія своей выгоды, онъ таковою описью ввелъ ихъ въ заблужденіе посредствомъ ложнаго удостовѣренія о фактахъ, ему хорошо извѣстныхъ какъ собственнику дома". Обсудивъ приведенныя данныя и остановившись прежде всего на разрѣшеніи вопроса о томъ, заключается ли въ нотаріальномъ заявленіи подсудимыхъ отъ 17 сентября 1898 г. обвиненіе Анатолія Зарембо въ дѣяніи, противномъ правиламъ чести, судебная палата нашла, что въ заявленіи этомъ заключается обвиненіе Зарембо не только въ дѣяніи лишь противномъ правиламъ

чести, но и въ дѣяніи, прямо преступномъ и предусмотрѣнномъ 1 ч. 1688 ст. улож. о нак.; что такимъ образомъ присланное подсудимыми Анатолію Зарембо чрезъ нотаріуса заявленіе отъ 17 сентября 1898 года содержитъ въ себѣ прямое обвиненіе Зарембо въ обманѣ для вовлеченія ихъ въ невыгодную сдѣлку, т. е. въ противозаконномъ поступкѣ, почему выводъ окружнаго суда о томъ, что въ заявленіи этомъ не усматривается обвиненія Зарембо въ дѣяніи, противномъ правиламъ чести, не можетъ считаться правильнымъ. Обвиненіе же въ означенномъ преступномъ дѣяніи является несомнѣнно омрачающимъ честь и доброе имя Зарембо и, какъ таковое, безусловно для него оскорбительнымъ. Обратившись къ разсмотрѣнію того—должно ли обвиненіе это почитаться ложнымъ или нѣтъ, палата прежде всего усмотрѣла, что существо того обвиненія зиждется на приписанномъ подсудимымъ Анатолію Зарембо составленіи неправильной описи доходности дома и что вслѣдствіе сего разрѣшеніе вопроса о завѣдомой для обвиняемыхъ лживости предъявленнаго ими къ Зарембо обвиненія находится въ прямой зависимости отъ разрѣшенія вопроса о томъ, должна ли считаться правильною переданная Анатоліемъ Зарембо 3 сентября 1898 г. подсудимымъ опись или вѣдомость прихода и расхода по пріобрѣтавшемуся подсудимыми у Зарембо дома. По этому вопросу судебная палата пришла къ выводу, что никакой погрѣшности въ означенной вѣдомости не было; что вѣдомость эта должна считаться вполнѣ правильною и согласною съ дѣйствительностью и что правильность эта была хорошо извѣстна подсудимымъ.

За установленіемъ же по настоящему дѣлу, что въ нотаріальномъ заявленіи подсудимыхъ отъ 17 сентября 1898 г. Анатолію Зарембо приписано совершеніе дѣянія, противозаконнаго и преступнаго, что утвержденіе о совершеніи имъ, Зарембо, подобнаго дѣянія является для него, Зарембо, безусловно оскорбительнымъ; что послужившее основаніемъ для сего утвержденія и указанное въ помянутомъ заявленіи обстоятельство является несомнѣнно ложнымъ и что ложность этого обстоятельства была подсудимымъ извѣстна и притомъ извѣстна еще до передачи ими Зарембо чрезъ нотаріуса означеннаго заявленія, палата признала и то: а) что подсудимые, обладая извѣстнымъ умственнымъ развитіемъ, не могли не понимать, что указанные ими въ ихъ заявленіи факты порочатъ честь и доброе имя Зарембо, и б) что слѣдовательно, дѣлая, не взирая на это, означенное свое заявленіе, они поступали при этомъ намѣренно, хотя, быть можетъ, и не съ прямою цѣлью опо-

зорить Зарембо, а относясь по какимъ либо инымъ побужденіямъ безразлично къ тому, что изложенное ими въ ихъ заявленіи можетъ имѣть существенно вредныя послѣдствія для добраго имени и чести Зарембо (рѣш. угол. касс. деп. Сената 1886 г. № 42 и 1892 г. № 10). Поэтому палата нашла неосновательнымъ и указаніе окружнаго суда на то, что намѣренія оскорбить Зарембо у Пантелеевыхъ не было. Въ виду изложеннаго судебная палата признала подсудимыхъ С.-Петербургскихъ 2 гильдіи купцовъ Петра и Григорія Фоминыхъ Пантелеевыхъ виновными въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1 ч. 1535 ст. улож. о наказ., и приговорила къ аресту при тюрьмѣ на одинъ мѣсяцъ каждаго.

На означенный проговоръ повѣреннымъ Пантелеевыхъ, присяжнымъ повѣреннымъ Базуновымъ, была подана кассаціонная жалоба слѣдующаго содержанія.

„Судебная палата допустила нижеслѣдующія нарушенія: 1. Примѣнивъ къ дѣянію Пантелеевыхъ ст. 1535 ул. о нак., палата тѣмъ самымъ признала, что заявленіе частнаго лица, посылаемое черезъ нотаріуса другому частному лицу, должно быть разсматриваемо, какъ оффиціальная бумага, представляемая пресутственному мѣсту или чиновнику, о которой говорится въ этой статьѣ, а содержащіяся въ такомъ заявленіи оскорбительныя для лица, кому оно непосредственно адресовано, указанія на поступки, противные правиламъ чести, должны быть разсматриваемы, какъ клевета въ оффиціальной бумагѣ. Между тѣмъ какъ признано Правительствующимъ Сенатомъ по уголовному кассаціонному департаменту 1875 г. № 572 по д. Сизаго, клевета, указанная въ ст. 1535 ул. о нак. и выдѣляемая законодателемъ, какъ особо преступная, наказывается строже обыкновенной клеветы въ томъ соображеніи, что оглашеніемъ своимъ передъ присутственнымъ мѣстомъ или должностнымъ лицомъ она какъ бы получаетъ большее значеніе и большую достовѣрность во вредъ обиженному лицу. „Клеветникъ, говоритъ Сенатъ, открыто заявляетъ лживое обвиненіе свое передъ должностнымъ лицомъ или правительственнымъ учрежденіемъ, нарушая должное къ нимъ уваженіе и вмѣстѣ съ тѣмъ поставляя оклеветанное лицо въ менѣе благопріятныя къ нимъ отношенія". Составители же проекта уложенія 1845 г. (ст. 1955) приводятъ въ объясненіе такого выдѣленія клеветы, какъ особо преступной, то соображеніе, что въ подобной клеветѣ, „кромѣ всегда непріятной, а иногда и вредной обиды могутъ оклеветанному грозить еще и другія тягостныя послѣдствія". Какъ законодатель, такъ и Правительствующій Сенатъ,

слѣдовательно, центръ тяжести такой клеветы усматриваютъ „во вредѣ“, „неблагопріятныхъ отношеніяхъ“, „въ тягостныхъ послѣдствіяхъ“, которые грозятъ оклеветанному, вслѣдствіе доведенія до свѣдѣнія начальствующихъ лицъ (рѣш. угол. кассац. деп. 1874 г. № 740, 1875 г. № 307) позорящихъ его честь и доброе имя свѣдѣній. Едва ли съ такой точки зрѣнія могутъ поэтому заслуживать особаго вниманія законодателя и судебной практики заявленія, подаваемыя черезъ нотаріуса частными лицами по поводу своихъ имущественно-правовыхъ отношеній. Нотаріусъ не является ни тѣмъ присутственнымъ мѣстомъ, ни тѣмъ должностнымъ лицомъ, оглашеніе передъ которымъ какихъ либо позорящихъ честь и доброе имя поступковъ можетъ грозить оклеветанному „вредомъ“ или „тягостными послѣдствіями“. Въ дѣлѣ передачи заявленія отъ одного частнаго лица другому (нот. пол. ст. 128 п. 5; ст. 141—145), нотаріусъ является органомъ правительственной власти, лишь удостовѣряющимъ фактъ посылки заявленія частнымъ лицомъ, заинтересованнымъ въ закрѣпленіи этого факта оффиціальнымъ путемъ. Въ силу ст. 141 нот. пол., нотаріусу дозволяется принимать на себя порученіе объ учиненіи отъ одного лица другому какого либо заявленія, напр., отъ домовладѣльца жильцу объ отказѣ квартиры, отъ кридитора должнику по обязательству о требуемой уплатѣ долга и т. п., если подобное заявленіе должно служить къ достиженію не противной закону цѣли. Въ разсужденіяхъ государственной канцеляріи подъ этой статьей нотаріальнаго положенія содержится указаніе на приведенные смыслъ и значеніе функцій нотаріусовъ въ отношеніи пересылаемыхъ ими заявленій. „Во всѣхъ почти иностранныхъ законодательствахъ, говорится здѣсь, предоставлено нотаріусамъ заявлять объясненія сторонъ по ихъ желанію другимъ лицамъ, съ которыми эти стороны по какой либо причинѣ не хотятъ объясняться лично, и это допускается преимущественно съ цѣлью получить законное свидѣтельство о томъ, что объясненіе передано по назначенію“. Заявленіе, переданное такимъ образомъ черезъ нотаріуса и подобно законному письму, носящее на себѣ, такъ сказать, штемпель учрежденія, черезъ которое оно прошло, должно быть поэтому разсматриваемо, какъ документъ, содержащій въ себѣ изложеніе заключающихся въ немъ фактовъ не передъ этимъ органомъ правительства, а непосредственно передъ тѣмъ, кому оно должно быть нотаріусомъ передано. По изложеннымъ соображеніямъ заявленіе Пантелеевыхъ, переданное Зарембо черезъ нотаріуса Бабичева 17 сентября 1898 г., не подходитъ подъ дѣйствіе ст. 1535

улож. о нак. и жалоба Зарембо, поданная первоначально мировому судьѣ 33 уч. лишь по недоразумѣнію сдѣлалась подсудной общимъ судебнымъ установленіямъ. 2. Въ дѣяніи Пантелевыхъ нѣтъ существеннаго признака клеветы—распространенія слуховъ, позорящихъ доброе имя и честь (рѣш. угол. кассац. деп. 1874 г. № 503; 1872 г. № 1507 и др.) и разсужденія палаты на этотъ счетъ не основаны на законѣ. Помимо того, что въ силу ст. 23 нот. пол., нотаріусъ, подъ страхомъ наказанія (ст. 468 улож. о нак.), обязанъ соблюдать тайну по всѣмъ поручаемымъ ему дѣламъ и такимъ же обязательствомъ, на практикѣ, связаны и служащіе у него писцы и конторщики, которымъ не всегда и извѣстны бываютъ дѣла, поступающія къ ихъ патрону,—нотаріальное заявленіе, какъ по самой природѣ своей, выясненной выше, такъ и по формѣ, является документомъ, обращеннымъ непосредственно къ лицу, къ которому оно пересылается, и если въ немъ и содержится обвиненіе въ поступкѣ, противномъ правиламъ чести, то подобное обвиненіе, по аналогіи съ тѣмъ оскорбленіемъ, которое можетъ содержаться въ письмѣ, адресованномъ непосредственно лицу оскорбленному и не доведенномъ до свѣдѣнія постороннихъ людей, должно почитаться обидою, а не клеветою (рѣш. угол. кас. деп. 1871 г. № 660 по дѣлу Орлова). 3) Неправильными съ точки зрѣнія закона (ст. 1535 улож. о нак.) и не согласными съ требованіемъ ст. 892 уст. угол. суд., являются выводы судебной палаты обратные тѣмъ, къ которымъ пришелъ по настоящему дѣлу С.-Петербургскій окружный судъ, какъ относительно содержащагося въ заявленіи Пантелеевыхъ отъ 17 сентября 1898 г. обвиненія Зарембо въ дѣяніи, не только противномъ правиламъ чести, но противозаконномъ, такъ и относительно намѣренія у нихъ оскорбить его. Терминологія той части заявленія, которая ставится въ вину Пантелеевымъ, взята ими изъ рѣшеній гражд. кас. д—та 1883 г. № 78, въ которомъ сдѣлана ссылка на рѣш. 1872 г. № 343 и 1873 г. № 1450 и рѣш. 1890 г. № 9 по дѣлу, аналогичному съ настоящимъ, такъ какъ и въ немъ шла рѣчь о покупкѣ дома, въ которомъ впослѣдствіи оказались недостатки, скрытые домовладѣльцемъ отъ покупателя при совершеніи договора. Въ этихъ рѣшеніяхъ Правительствующій Сенатъ, разъясняя существо т. н. гражданскаго обмана, допущеннаго при такомъ совершеніи договора и могущаго послужить основаніемъ для иска въ порядкѣ ст. 684 X т. ч. 1, говоритъ: „несомнѣнно слѣдуетъ признать, что умолчаніе о существующемъ фактѣ, указывающее на недобросовѣстность стороны, а также случай введенія

въ заблужденіе для склоненія обманутой стороны къ заключенію невыгодной для нея сдѣлки—обманъ положительный или отрицательный черезъ умолчаніе истины, хотя бы и безъ тѣхъ признаковъ, которыми опредѣляется обманъ, какъ уголовное преступленіе (1688 ст. улож. о нак.) должны быть отнесены къ такимъ дѣяніямъ, или упущеніямъ, которыя могутъ служить основаніемъ иска объ убыткахъ". Поэтому недобросовѣстное умолчаніе продавца о негодности продаваемой вещи къ тому употребленію, для котораго она предназначалась покупателемъ (въ данномъ случаѣ—къ извлеченію доходовъ отъ отдачи помѣщеній дома въ наемъ подъ жилье) и которое было извѣстно продавцу, даетъ право на предъявленіе къ продавцу иска объ убыткахъ, хотя бы вещь, сама по себѣ доброкачественная, была добровольно принята покупателемъ, необезпечившимъ себя, на случай негодности ея, особымъ условіемъ по договору. По признакамъ такого гражданскаго обмана, въ обезпеченіе своего гражданскаго права и съ соблюденіемъ точной терминологіи гражд. кас. деп., а не по признакамъ ст. 1688 улож. о нак., о которой говоритъ въ своемъ приговорѣ судебная палата и былъ составленъ текстъ заявленія Пантелеевыхъ, которые, имѣя въ виду, что Заремба, продавая имъ домъ, могъ продать только тѣ права, которыя самъ имѣлъ, права же на заселеніе жильцами негодныхъ для жилья помѣщеній у него не было, вправѣ были заявить ему объ убыткахъ, такъ какъ покупная цѣна была дана на основаніи доходности имущества, законно получаемой. Но такъ какъ понятіе объ обманѣ весьма обширно и могутъ быть случаи—какъ въ настоящемъ дѣлѣ—обмана непреступнаго, то обвиненіе кого либо въ обманѣ только тогда подойдетъ подъ понятіе клеветы, когда будетъ указано, что обманъ былъ преступный (рѣш. угол. кас. деп. 1870 г. № 1283). Указаніе же кому либо на неисполненіе имъ гражданскихъ сдѣлокъ и обязательствъ, хотя и можетъ возбудить неудовольствіе въ человѣкѣ, высоко ставящемъ свое доброе имя, не можетъ сдѣлаться предметомъ преслѣдованія за клевету, ибо сдѣлки и обязательства имѣютъ своимъ основаніемъ разсчеты, интересъ, а не правила чести (рѣш. угол. кас. деп. 1870 г. № 1448) тѣмъ болѣе, когда, какъ въ настоящемъ случаѣ, признанныя палатою оскорбительныя для Зарембо выраженія въ заявленіи Пантелеевыхъ помѣщены не съ цѣлью оскорбленія, а въ видахъ огражденія ихъ гражданско-правовыхъ интересовъ, о которыхъ впослѣдствіи могъ возникнуть споръ въ исковомъ порядкѣ (рѣш. угол. касс. деп. 1874 г. № 503; 1872 г.

№ 1066). Для сужденія же о томъ, было ли у Пантелеевыхъ намѣреніе оскорбить Зарембо, недостаточно ограничиться, какъ это сдѣлано палатою, ссылкою на одно инкриминируемое мѣсто въ заявленіи Пантелеевыхъ отъ 17 сентября 1898 г., а слѣдуетъ разсмотрѣть все это заявленіе цѣликомъ и не отдѣльно, а въ совокупности съ разъясняющими его предшествующимъ нотаріальнымъ заявленіемъ отъ 12 сентября и послѣдующимъ отъ 23 сентября. Всѣ эти заявленія составляютъ одно цѣлое потому, что были поданы по одному и тому же дѣлу и одному и тому же нотаріусу, у котораго притомъ совершались и задаточная росписка и купчая крѣпость, велись всѣ переговоры и производился разсчетъ по купчей крѣпости. Нигдѣ въ этихъ заявленіяхъ не говорится объ уголовныхъ правонарушеніяхъ Зарембо, а исключительно трактуется о сохраненіи за Пантелеевыми права на искъ объ убыткахъ, происхожденіе которыхъ объясняется неправильнымъ включеніемъ въ вѣдомость о доходности дома помѣщеній, по закону не могущихъ быть обитаемыми, и требуется отъ Зарембо представленія земельныхъ и строительныхъ плановъ, утвержденныхъ городскою управою, и вообще всѣхъ документовъ, составляющихъ принадлежность дома (послѣдняя часть заявленія 17 сентября), а также оффиціальныхъ документовъ, на основаніи которыхъ устроены показанныя въ доходной вѣдомости жилыя помѣщенія въ подвальныхъ этажахъ боковыхъ флигелей (заявленія 12, 23 сентября 1898 г.). При такомъ своемъ характерѣ заявленія эти не были пересланы Зарембо съ цѣлью оскорбить его, а служили, такъ сказать, предисловіемъ къ могущему быть предъявленнымъ къ нему со стороны Пантелеевыхъ иску; и, если-бы даже признать, что въ нихъ содержится рѣзкая оцѣнка дѣйствій противной стороны, то и тогда инкриминируемыя выраженія не могутъ преслѣдоваться какъ клевета (рѣш. угол. касс. деп. 1872 г. № 1309 по дѣлу Колсанова) и если заявленіе отъ 17 сентября 1898 г. представлялось бы юридически— неправильнымъ и неосновательнымъ, то оно въ будущемъ могло бы при искѣ объ убыткахъ со стороны Пантелеевыхъ служить Зарембо основаніемъ для взысканія судебныхъ издержекъ, но само по себѣ не составляетъ еще клеветы (рѣш. угол. касс. деп. 1870 г. № 358 по дѣлу Азбукина). Судебная же палата ограничилась лишь признаніемъ того, что у Пантелеевыхъ могло и не быть прямаго намѣренія опозорить Зарембо, а они относились лишь безразлично къ тому, что изложенное ими въ ихъ заявленіи можетъ имѣть существенно вредныя послѣдствія для добраго имени и чести За-

рембо (рѣш. угол. касс. деп. 1886 г. № 42 и 1892 г. № 10), но положительныхъ данныхъ, въ подтвержденіе своего вывода объ умыслѣ у Пантелеевыхъ повредить чести Зарембо, палата въ своемъ приговорѣ не установила, вопреки разъясненію уголовнаго кассаціоннаго департамента 1871 г. № 1094 по дѣлу Худекова, въ которомъ Правительствующій Сенатъ призналъ такое неисполненіе требованій закона существеннымъ нарушеніемъ 797 ст. уст. угол. суд., въ силу которой въ приговорѣ должны быть изложены какъ обстоятельства, принятыя въ его основаніе, такъ и соображенія, по коимъ преступленіе подведено подъ извѣстный законъ (рѣш. угол. касс. деп. 1895 г. № 22). Вмѣстѣ съ тѣмъ, отмѣняя оправдательный приговоръ окружнаго суда, который призналъ, что намѣренія оскорбить Зарембо у Пантелеевыхъ не было, а они, усматривая, что доходъ дома въ описи Зарембо преувеличенъ, считали себя вовлеченными въ невыгодную сдѣлку и желая сохранить за собою право на искъ о возмѣщеніи убытковъ, сочли нужнымъ заявить о семъ Зарембо черезъ нотаріуса, избравъ этотъ оффиціальный путь, въ виду тѣхъ обострившихся отношеній, въ которыя стали Пантелеевы и Зарембо, и о которыхъ съ такой очевидностью свидѣтельствуетъ допрошенный подъ присягой гражданскій инженеръ Максимовъ, судебная палата не указала основаній къ такой отмѣнѣ приговора окружнаго суда, въ чемъ нельзя не усмотрѣть существеннаго нарушенія ею ст. 892 уст. угол. суд. (рѣш. угол. касс. деп. 1889 г. № 34). 4. Также неправильно палата пришла къ выводу о завѣдомой лживости сдѣланныхъ Пантелеевыми указаній въ заявленіи ихъ отъ 17 сентября 1898 г.".

„На основаніи изложеннаго и вслѣдствіе нарушенія палатою ст. 1535 улож. о наказ. и ст. 766, 797 и 892 уст. угол. суд., имѣю честь покорнѣйше просить Правительствующій Сенатъ приговоръ С.-Петербургской судебной палаты по настоящему дѣлу отъ 4 марта 1902 года отмѣнить со всѣми послѣдствіями и дѣло, за силою 1 ст. уст. угол. суд. и 1 ст. улож. о нак. производствомъ прекратить, или же въ виду указанныхъ нарушеній закона въ приговорѣ судебной палаты, приговоръ этотъ отмѣнить и дѣло передать для новаго разсмотрѣнія".

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: „приговоръ С.-Петербургской Судебной Палаты по настоящему дѣлу, за неправильнымъ примѣненіемъ 1535 ст. и за силою 1 ст. улож. о наказ. и 1 ст. уст. угол. суд., отмѣнить со всѣми послѣдствіями".

Вотъ соображенія Правительствующаго Сената:

„Существеннымъ признакомъ клеветы, предусмотрѣнной въ I отдѣлѣ 1535 ст. улож. о нак. является оглашеніе ложнаго обвиненія, или позорящаго честь извѣстнаго лица обстоятельства, предъ присутственнымъ мѣстомъ или должностнымъ лицомъ, чѣмъ съ одной стороны нарушается должное къ симъ правительственнымъ мѣстамъ и лицамъ уваженіе, а съ другой стороны, оклеветанное лицо ставится въ менѣе благопріятныя къ нимъ отношенія, причемъ, помимо всегда непріятной, а иногда и вредной обиды, оклеветанному могутъ грозить еще и другія тягостныя послѣдствія (рѣш. 1875 г. № 572). Необходимо, слѣдовательно, для состава преступленія, предусмотрѣннаго въ 1535 ст. улож. о наказ., чтобы бумага, заключающая въ себѣ клевету, какъ по содержанію, такъ и по цѣли ея подачи, подлежала разсмотрѣнію правительственнаго мѣста, или должностнаго лица и требовала съ ихъ стороны соотвѣтственнаго распоряженія по существу оной. Обсуждая съ этой точки зрѣнія характеръ заявленія подаваемаго нотаріусу для засвидѣтельствованія передачи объясненій отъ одного частнаго лица другому слѣдуетъ придти къ выводу, что хотя заявленіе это подается нотаріусу, какъ должностному лицу, въ кругъ дѣйствій коего входитъ такого рода засвидѣтельствованіе, въ силу 65 и 5 п. 128 ст. нотар. полож., но вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно точному смыслу 141 ст. означеннаго положенія и тѣхъ законодательныхъ мотивовъ, на коихъ основано это законоположеніе (изд. Госуд. Канцел.), нотаріусъ по отношенію къ такимъ заявленіямъ является лишь лицомъ, принимающимъ на себя порученіе по передачѣ объясненій между сторонами, которыя, по какой либо причинѣ, не находятъ возможнымъ объясниться лично. При этомъ нотаріусъ обязанъ только удостовѣриться, что заявленіе служитъ къ достиженію непротивной закону цѣли; самое же содержаніе заявленія остается всецѣло обращеннымъ къ частному лицу, предназначается лишь для сего послѣдняго, и если передача его учиняется черезъ нотаріуса, то преимущественно съ цѣлью получить законное свидѣтельство о томъ, что объясненіе передано по назначенію. Въ виду этого одного факта подачи заявленія нотаріусу, а также того обстоятельства, что засвидѣтельствованіе заявленія означается въ реестрахъ нотаріусовъ, согласно 28 и 129 ст. нотар. полож., еще недостаточно для приданія такому заявленію значенія и характера той бумаги, о коей идетъ рѣчь въ первомъ отдѣлѣ 1535 ст. улож. о наказ. Признавая посему, что предъявленное Зарембою къ Пантелеевымъ

обвиненіе не могло быть подведено подъ дѣйствіе 1535 ст. улож. о наказ. Правительствующій Сенатъ находитъ, что и помимо сего послужившее предметомъ обвиненія заявленіе Пантелеевыхъ отъ 17 сентября 1898 года не заключаетъ въ себѣ признаковъ уголовно-наказуемой клеветы. Какъ видно изъ его содержанія, оно имѣло цѣлью пригласить Зарембо въ контору нотаріуса для совершенія купчей крѣпости, съ присовокупленіемъ предупрежденія, что и по совершеніи сей купчей Пантелеевы сохраняютъ за собой право предъявленія къ нему иска объ убыткахъ, въ которые они вовлечены неправильнымъ показаніемъ имъ, Зарембо, въ описи дома, доходности отъ жилыхъ подвальныхъ помѣщеній и отъ верхнихъ этажей надворнаго поперечнаго и двухъ боковыхъ флигелей запроданнаго имъ дома. Употребленныя при этомъ, для характеристики образа дѣйствій Зарембо, выраженія содержатъ въ себѣ указаніе на такіе клонящіеся къ невыгодѣ покупщика поступки продающаго имущество лица, которые, согласно разъясненію гражданскаго кассаціоннаго департамента Правительствующаго Сената въ рѣшеніяхъ 1883 г. № 78 и 1890 г. № 9, не заключая въ себѣ признаковъ обмана въ смыслѣ уголовномъ, могутъ послужить основаніемъ для предъявленія гражданскаго иска. Такого рода указаніе, единственно съ тою цѣлью, чтобы оградить свое гражданское право, не подходитъ подъ понятіе клеветы".

5. Право на собственное изображеніе.

(Kohler. *das Eiegnbilg im Recht*. Berlin 1903).

Общественная жизнь людей выдвигаетъ каждый разъ все новые и новые вопросы, которые ищутъ своего разрѣшенія у юристовъ; образуются по терминологіи нѣмцевъ новыя „юридическія блага", которыя требуютъ себѣ судебной защиты. Въ древности, когда фотографія не была вовсе извѣстна, когда не были извѣстны всѣ современныя способы воспроизведенія всевозможныхъ изображеній, не боло вопроса о правѣ лица на собственное изображеніе. Въ настоящее время вопросъ этотъ сталъ однимъ изъ интереснѣйшихъ вопросовъ гражданскаго права. Всевозможныя снимки лицъ въ различныхъ видахъ и позахъ распространяются въ наше время сотнями

тысячъ; образовалась особая фабрикація, „чужихъ изображеній", тысячи рабочихъ рукъ заняты воспроизведеніемъ и распространененіемъ „чужихъ изображеній", образовывая даже особый спортъ въ этомъ отношеніи. Оказались даже случаи преслѣдовать порядочныхъ женщинъ и сниманія ихъ во время купанья и т. д. Снимки эти изготовляются въ тысячахъ экземплярахъ и быстро раскупаются извѣстной публикой. Является вопросъ о возможности запрещенія подобнаго обращенія съ чужимъ изображеніемъ. Наконецъ многіе артисты, писатели, художники, а то просто красивыя женщины пожелали сдѣлать изъ „своего изображенія" предметъ особой доходной статьи... Отсюда главнымъ образомъ и возникъ вопросъ о „правѣ на собственное изображеніе".

Вопросъ этотъ имѣетъ въ Германіи уже особую довольно обильную литературу, доходилъ вопросъ этотъ уже нѣсколько разъ до судовъ.

Вопросъ этотъ подвергся обсужденію съѣзда юристовъ, собравшагося въ Берлинѣ осенью истекшаго года, но былъ отложенъ до слѣдующаго конгресса.

Въ настоящее время вопросъ этотъ стоитъ также на законодательной очереди, такъ какъ въ Германіи выработанъ законопроектъ о правѣ на фотографическія произведенія, причемъ проектъ этотъ прямо затрагиваетъ и „право на собственное изображеніе".

Всѣ высказанныя до сихъ поръ мнѣнія по этому вопросу въ литературѣ и въ судебной практикѣ можно свести къ тремъ категоріямъ. Одни утверждаютъ, что каждому лицу принадлежитъ право на собственное изображеніе, никто не имѣетъ права воспроизвести чужое изображеніе безъ разрѣшенія изображаемаго лица, каждый человѣкъ имѣетъ „право собственности" на свое изображеніе („propriété de la physionomie"), такое же право, какъ и право на литературное, художественное и пр. произведеніе [1]).

Изъ этого абсолютнаго права допускаются, однако, исключенія, Такъ свободными должны быть оставлены снимки полицейско-уголовнаго характера (портреты преступниковъ и пр.), изображеніе

---

[1]) Представителемъ этой теоріи является Keyssner (Das Recht am eigenen Bilde, Berlin 1896, также проф. Gareis („Das Recht am menshlichen Körper". Konigsberg 1900) Оба представили по этому вопросу доклады берлинскому съѣзду юристовъ. См. также статью проф. Гарейса „Das Recht am eigenen Bilde". Deutsche Furisten Zeitung. 1902 г. № 17—18 стр. 412 сл.

лицъ на ландшафтахъ и видахъ, а также на празднествахъ, парадахъ, шествіяхъ и др.

На этой точкѣ зрѣнія стали и составители новаго германскаго проекта [1]).

По другой теоріи, представителемъ которой является проф. Georg Cohn, никакого особаго „права на собственное изображеніе" въ систему *гражданскаго* права вводить не слѣдуетъ, что никакого „права на собственное изображеніе" какъ особый видъ исключительно личнаго права, не существуетъ. Рѣчь идетъ въ данномъ случаѣ не о новомъ, до сихъ поръ несознанномъ „благѣ", не о новомъ, проблематичномъ „правѣ", но о старомъ; давно извѣстномъ понятіи о „правѣ на честь". Лицу, изображеніе котораго воспроизведено безъ его согласія или вопреки его желанію, только тогда можно и должно придти на помощь, когда въ этомъ изображеніи содержится какое либо посягательство на его честь и доброе имя. Судья, какъ гражданскій, такъ и уголовный, долженъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ убѣдиться, имѣется ли въ воспроизведеніи чужого изображенія какое либо умаленіе чести и добраго имени изображеннаго лица, все равно, въ чемъ бы умаленіе чести ни выразилось: въ насмѣшливомъ или иномъ обидномъ или оскорбительномъ изображеніи и т. д. Нѣтъ даже надобности въ особой правовой защитѣ „собственнаго изображенія", а достаточно путемъ широкаго толкованія дѣйствующаго закона ввести въ судебную практику болѣе широкое толкованіе понятія „оскорбленіе чести" [2]).

Этого же взгляда придерживается, повидимому, и берлинскій Reichsgericht.

Средину между только что изложенными взглядами занимаетъ третье воззрѣніе, представителемъ котораго яоляется проф. Колеръ.

---

[1]) Ст. 14 проекта гласитъ: фотографическіе снимки (портреты) могутъ быть изготовляемы и выставляемы публично только съ согласія изображеннаго лица. Послѣ его смерти согласіе должно быть дано его пережившимъ супругомъ, родителями и дѣтьми, причемъ согласіе это требуется только до истеченія десяти лѣтъ со дня смерти. Это постановленіе не примѣняется къ такимъ изображеніямъ, которыя не имѣютъ цѣлью воспроизведеніе изображенія единичныхъ лицъ, въ частности, по отношенію къ ландшафтамъ, собраніямъ, шествіямъ и подобнымъ происшествіямъ.

[2]) Georg Cohn Neue Rechtsgüter. Das Recht am eigenen Namen. Das Recht am eigenen Bild. Berlin 1902 стр. 38 сл.

Профессоръ Колеръ возстаетъ противъ первой теоріи, признавая въ то же время недостаточною и вторую. Здѣсь, говоритъ онъ, происходитъ ошибочное смѣшеніе двухъ понятій: личнаго права и права нематеріальнаго (авторскаго). Это смѣшеніе, восклицаетъ почтенный профессоръ, является хронической болѣзнью ученія литературной и артистической собственности. Эта ошибка встрѣчается повсюду. Вопросъ о правѣ на собственныя письма также разрѣшаютъ въ томъ смыслѣ, что право это принадлежитъ автору писемъ, потому что онъ имѣетъ на эти письма „авторское" право. Не смотря однако, на ничтожные интересы, какіе представляютъ собою эти „произведенія", отъ неопубликованія ихъ можетъ зависѣть благополучіе цѣлой семьи. Но если запретить опубликованіе писемъ безъ разрѣшенія „авторовъ", то запретъ этотъ не долженъ продолжаться до истеченія 30-ти лѣтняго срока послѣ смерти ихъ „автора" какъ это нѣкоторые полагаютъ. Вполнѣ достаточно пятилѣтняго срока, по истеченіи котораго біографъ могъ бы этими письмами распоряжаться по своему усмотрѣнію. Вѣдь послѣ смерти человѣкъ, особенно общественный дѣятель, переходитъ въ область исторіи.

Ошибка въ томъ заключается, что начало авторскаго права относятъ къ моменту *возникновенія* какого либо „произведенія". Разница заключается въ томъ, что *до опубликованія* какого либо даже научнаго произведенія, авторъ имѣетъ на него „личное" право (ein Persönlichkeitsrecht), право на „тайну", подобно праву на дѣловую тайну; *право же авторское* начинается только съ момента *опубликованія* произведенія.

„Точно такую же ошибку дѣлаютъ и по вопросу о правѣ на собственное изображеніе, когда говорятъ, что на собственное изображеніе я имѣю такое же точно право, какъ на изображеніе, которое я самъ воспроизвелъ, нарисовалъ. То, что я сочинилъ, сдѣлалъ, то я самъ внесъ въ міръ и могу требовать, чтобы это было обезпечено исключительно за мною; я этимъ ничего отъ человѣчества не отнималъ. Но развѣ я самъ сочинилъ свою собственную внѣшность? Являюсь ли я авторомъ своего собственнаго „я", моего появленія на свѣтъ Божій. Никакого „авторскаго" права на собственное изображеніе никто не имѣетъ, точно такъ же какъ нельзя пріобрѣсть авторскаго права путемъ продолжительнаго владѣнія какимъ либо произведеніемъ искусства или литературы. Источникъ права на собственное произведеніе лежитъ въ „личности" человѣка и можно только сказать: воспроизведеніе чужого изображенія

только тогда можетъ быть воспрещено, когда это воспроизведеніе вторгается въ правовую область изображаемаго лица, когда оно посягаетъ на большее, чѣмъ это можетъ быть допущено принципами *сосѣдскаго права.* (!) Здѣсь именно слѣдуетъ принять во вниманіе то соображеніе, о которомъ мы говорили, что правовой порядокъ не долженъ имѣть дѣла съ натурами, которыя кричатъ: не тронь меня! и не эти натуры должны быть приняты во вниманіе" [1]).

Только тогда вторженіе въ область личности неправомѣрно, когда оно не оправдывается *сосѣдскимъ правомъ* (понимаемымъ въ

---

[1]) „Вообще, говоритъ проф. Колеръ, право на собственную личность (Recht an eigener Persönlichkeit) возбуждаетъ среди юристовъ большія сомнѣнія. Говорятъ, что здѣсь нѣтъ „объекта правъ", такъ какъ „субъектъ" и „объектъ" правъ вполнѣ сливаются, совпадаютъ. Но это совершенно неправильное утвержденіе. Всякій знаетъ, что въ каждомъ изъ насъ живутъ два субъекта, и что въ каждый отдѣльный моментъ мы противоставляемъ нашему „я", какъ субъекту, наше „я", какъ объектъ: въ этомъ лежитъ сущность самосознанія. Тотъ моментъ, когда это противопоставленіе становится замѣтнымъ у ребенка, является однимъ изъ самыхъ важныхъ ступеней въ развитіи личности. Если же двойственность нашего „я" такова, что наше собственное „я" можетъ познавать наше же „я", то это раздвоеніе можетъ быть принято и въ юриспруденціи": „субъектъ я" принимается за субъектъ права, а „объектъ я", какъ объектъ права".

„Гораздо труднѣе является разрѣшеніе вопроса объ объемѣ этого права на личность. Этотъ вопросъ такъ же труденъ, какъ и всякій вопросъ изъ области *сосѣдскаго права*; такъ какъ здѣсь идетъ рѣчь не объ абсолютномъ „или-или", а только объ опредѣленіи величины „болѣе или менѣе". Право на личность можетъ существовать только съ большими ограниченіями: никто не можетъ вступить въ „оборотъ" безъ того, чтобы не подвергать себя извѣстному воздѣйствію и неизбѣжному столкновенію съ людьми, и, съ другой стороны, никто не можетъ изъять себя изъ оборота, изъ сношенія съ людьми. Точно такъ же, какъ въ области вещнаго права, и въ правѣ на личность должны быть установлены извѣстныя границы, внѣ которыхъ каждая личность должна терпѣть извѣстныя воздѣйствія. Это вытекаетъ изъ того, что отношенія между людьми основываются на соціальномъ развитіи, а не на изолированности каждой личности. Поэтому всякая конструкція какого либо права, которая вырываетъ это право изъ потока человѣческихъ отношеній и превращаетъ его въ нѣчто подобное медицинскому препарату, является ложной и неюридической. Никто, напримѣръ, не можетъ запретить, чтобы о немъ не говорили въ обществѣ. Какъ только человѣкъ вступаетъ въ общество какимъ бы то ни было образомъ, то онъ долженъ себя предоставить публичной критикѣ, не выходящей изъ границъ принятаго критическаго изслѣдованія. Щепетильность, обидчивость не должны имѣть мѣста въ правѣ; это совершенно справедливо высказали американскіе суды. Обидчивыя натуры не подходятъ для здороваго юридическаго оборота и не должны быть положены въ основаніе въ этомъ оборотѣ" (стр. 5 сл.).

широкомъ смыслѣ) или, вѣрнѣе, той идеей, ради которой существуетъ все сосѣдское право. Одно несомнѣнно: человѣчество имѣетъ интересъ видѣть изображеніе тѣхъ лицъ, которыя чѣмъ либо выдаются или которыя стали объектомъ „разговоровъ".

Но здѣсь имѣются извѣстные предѣлы: обнародованіе портретовъ такихъ лицъ должно быть допущено только тогда, когда она имѣетъ своею цѣлью удовлетворить дѣйствительныя и честныя потребности публики. Тамъ, гдѣ этого нѣтъ, гдѣ опубликованіе изображенія преслѣдуетъ не разумную соціальную цѣль, а стремится вызвать скандалъ или уничиженіе изображаемой личности, тамъ такое опубликованіе должно быть запрещено. Лица, которыя вовсе не вступили на общественную арену, должны быть по общему правилу избавлены отъ возможности опубликованія ихъ изображенія безъ ихъ разрѣшенія.

И при опубликованіи портретовъ общественныхъ дѣятелей или вообще лицъ, такъ или иначе ставшихъ „притчей во языцѣхъ" должно быть, какъ сказано выше, включено въ извѣстныя рамки. Никто не можетъ имѣть права изображать кого либо не въ обыденной его общественной обстановкѣ. Такъ, напримѣръ, совершенно справедливо была во Фрнпціи запрещена картина, изображающая Александра Дюма въ качествѣ рыночнаго торговца [1]). Нельзя ограничить этотъ запретъ тѣми случаями, когда имѣется налицо „оскорбленіе чести", такъ какъ не всѣ подобныя изображенія содержатъ въ себѣ элементы injuriae. Если, напримѣръ, биржевика или финансиста изобразить въ компаніи воровъ и грабителей, или духовное лицо въ качествѣ вора и мошенника, то здѣсь будутъ налицо всѣ элементы „оскорбленія чести". Но есть и такіе случаи, когда нельзя признать, что имѣется обида или оскорбленіе чести, но всетаки изображеніе это такого свойства, что можетъ набросить тѣнь на изображаемое лицо. Такъ, въ наше время очень распространены рекламированія товаровъ и различныхъ фабрикатовъ путемъ изображенія на нихъ снимковъ лицъ. Реклама сама по себѣ ничего предосудительнаго не содержитъ, но изображеніе лица безъ его согласія съ цѣлью рекламы какого либо товара не должно быть допускаемо.

Въ особенности должно защищать женщинъ отъ всевозможныхъ злоупотребленій посредствомъ ихъ изображеній.

---

[1]) То же слѣдуетъ сказать о выставленной въ Петербургѣ картинѣ, изображающей гр. Л. Н. Толстого въ качествѣ рыболова и притомъ въ одной сорочкѣ.

Есть однако, говоритъ проф. Колеръ, три исключенія, гдѣ всякое личное право должно болѣе или менѣе бездѣйствовать. Если кто нибудь изображается въ какой либо общей публичной группѣ (парадъ, шествіе, празднество, толпа и пр.) или въ ландшафтѣ, тамъ онъ не долженъ имѣть никакого права воспретить это изображеніе. Но и здѣсь, конечно, должно соблюдать извѣстныя мѣры. Есть группы, хотя и публичныя, но тѣмъ не менѣе недопустимыя къ изображенію и обнародованію. Такъ, напримѣръ, нельзя позволить изображеніе группы купающихся дамъ, и каждая изъ изображенныхъ женщинъ должна сохранить за собой право требованія снятія своего изображенія съ группы.

Вторымъ исключеніемъ должна быть объявлена студія художника. Послѣдній долженъ быть свободенъ въ выборѣ темъ и сюжетовъ для своихъ картинъ. Художникъ можетъ остановиться на какомъ либо типичномъ лицѣ изъ обыкновенной публики и выбрать его сюжетомъ для своей картины. Но и художникъ долженъ имѣть право изобразить излюбленное имъ лицо въ томъ лишь видѣ, въ какомъ лицо это выступаетъ обыкновенно въ соціальную среду. Онъ долженъ изобразить крестьянина въ его обстановкѣ, нищаго съ его сумой и т. д., и если художнику необходима спеціальная модель, то онъ долженъ найти лицо, которое *согласно* служить моделью.

Третьимъ исключеніемъ проф. Колеръ считаетъ область „юмора", только тотъ, чью слишкомъ большую щепетильность затрагиваетъ юмористика, можетъ возставать противъ свободы относительно юмористическаго изображенія общественныхъ дѣятелей. Конечно, и здѣсь нужно соблюсти извѣстныя границы и не допускать такого изображенія, которое подъ видомъ каррикатуры просто оскорбляетъ или унижаетъ изображаемое лицо. Ничего, напримѣръ, нельзя имѣть противъ юмористическаго изображенія имперскаго канцлера въ банѣ или министра финансовъ съ денежной сумкой.

Нѣкоторые допускаютъ еще исключеніе въ интересахъ криминалистики. Но тамъ мы имѣемъ дѣло не съ личнымъ правомъ въ настоящемъ смыслѣ слова, а съ случаемъ, когда это личное право *ограничивается* въ интересахъ полицейскихъ или уголовно-правовыхъ. Это вовсе не исключеніе изъ общаго правила.

Трудно, заключаетъ авторъ, отграничить „личное право", но изъ за этой трудности отрицать реальность этого права—это противъ правилъ нашей науки. Наша наука вообще трудна и безъ трудныхъ практическихъ проблемъ она существовать не можетъ.

Во многихъ случаяхъ юридическая техника не можетъ дойти до того, чтобы она всему дала точныя и полныя опредѣленія. Нерѣдко встрѣчаются такіе вопросы, которые правильно разрѣшаются больше чувствомъ, нежели разумомъ. Отказать въ такихъ случаяхъ въ юридической помощи только потому, что судьѣ трудно будетъ разобраться и рѣшить дѣло, такъ же нелѣпо, какъ отказаться отъ леченія какой либо болѣзни только потому, что врачу чрезвычайно трудно ставить діагнозъ и произвести леченіе.

Не мы виноваты въ этихъ трудностяхъ, восклицаетъ проф. Колеръ, а виновата сама жизнь съ ея проблемами.

Въ заключеніе почтенный авторъ предлагаетъ слѣдующее правило: *„публичное воспроизведеніе чужого изображенія запрещается, если только это воспроизведеніе противно даннымъ общественнымъ условіямъ или носитъ характеръ оскорбленія или уничиженія изображаемой личности“*.

Все сказанное имѣетъ отношеніе къ *публичному* воспроизведенію чужого воспроизведенія. Что касается *частнаго*, не публичнаго пользованія чужимъ изображеніемъ, то въ данномъ случаѣ, говоритъ авторъ, право совершенно безсильно: въ частную сферу, въ приватную жизнь людей право по общему правилу не должно вмѣшиваться.

До сихъ поръ шла рѣчь о чужомъ изображеніи въ видѣ снимка. Но чужое изображеніе можетъ быть изображено и въ видѣ театральной маски. Въ этомъ случаѣ изображеніе не должно быть допускаемо. Изображеніе живыхъ людей не является потребностью драматическаго искусства и потому оно должно быть запрещено. Только послѣ своей смерти, по истеченіи извѣстнаго времени (достаточно пяти лѣтъ) человѣкъ принадлежитъ уже исторіи, а потому его изображеніе какъ вообще, такъ и на сценѣ посредствомъ маскированія, должно быть допущено.

Таковы теоретическіе взгляды проф. Колера по данному вопросу. Многое, конечно, возбуждаетъ сомнѣнія, многое вызываетъ довольно основательныя возраженія; но въ основѣ своей проф. Колеръ правъ. Въ основѣ своей его теорія несомнѣнно является самой разумной и наиболѣе обоснованной.

Переходя на „практическую почву“, переходя къ вопросу de lege lata, авторъ высказываетъ слѣдующія соображенія. Искъ по поводу нарушенія чисто личнаго права, какъ и искъ по поводу нарушенія вещнаго или нематеріальнаго (право авторское и пр.) права носитъ характеръ „негаторный“. Искъ этотъ направленъ на

прекращеніе *неправомѣрнаго* пользованія чужимъ личнымъ правомъ. Онъ можетъ быть предъявленъ (actio est nata) какъ и по поводу уже состоявшагося правонарушенія, такъ и по поводу *приготовленій* къ такому нарушенію. Такой искъ можетъ быть всецѣло основанъ на аналогіи съ § 907 гражданскаго уложенія (германскаго) [1]. Какъ собственникъ земельнаго участка можетъ требовать, чтобы на смежномъ участкѣ прекратила свои работы машина, приводящая въ сотрясеніе его имущество, *точно также носитель собственнаго изображенія* можетъ требовать, чтобы было прекращено всякое пользованіе его изображенія, которое можетъ такъ или иначе затрогивать его личныя права. *Никакого спеціальнаго запрещенія распространенія или воспроизведенія чужого изображенія не требуется.*

Профессоръ Колеръ не согласенъ съ тѣми, которые для даннаго случая примѣняютъ § 826 гражданскаго уложенія [2]. Если такъ разсуждать, говоритъ почтенный профессоръ, то все гражданское уложеніе можно вмѣстить въ эту статью. Подъ нее можно подвести и всякое нарушеніе права собственности, договоровъ, уголовныя правонарушенія и т. д. Статья эта можетъ быть примѣнена исключительно въ тѣхъ случаяхъ, когда произведено нарушеніе такой нормы, которая установлена „добрыми нравами", которая установлена независимо отъ воли отдѣльныхъ лицъ. Вообще же примѣненіе этой нормы должно быть допущено въ строго опредѣленныхъ случаяхъ. Нашъ вопросъ никакого отношенія къ этой нормѣ не имѣетъ.

Какъ ни остроумны эти выводы проф. Колера, но врядъ ли они могутъ быть признаны основательными. Лучше всего вопросъ можетъ быть разрѣшенъ только законодательнымъ путемъ.

И. Вольманъ.

---

[1]) 907 герм. гражд. улож. гласитъ: „Собственникъ поземельнаго участка можетъ требовать, чтобы на смежныхъ участкахъ не возводились или сохранялись такія сооруженія, относительно которыхъ съ достовѣрностью можно предвидѣть, что существованіе ихъ, или пользованіе ими будутъ имѣть своимъ послѣдствіемъ недопущенное воздѣйствіе на его участокъ. Если при возведеніи сооруженія соблюдены правила, постановленныя въ мѣстныхъ законахъ относительно разстоянія ихъ отъ границы участка или иныхъ мѣръ предосторожности, то удаленія ихъ можно потребовать только тогда, когда недопущенное воздѣйствіе обнаружится на дѣлѣ". „Деревья и кусты не равняются сооруженіямъ, предусмотрѣннымъ настоящими правилами" (цитировано по русскому переводу, Спб. 1898).

[2]) Статья эта гласитъ: „Кто умышленно причинитъ вредъ другому способомъ, противнымъ добрымъ нравамъ, тотъ обязанъ возмѣстить ему этотъ вредъ".

IX.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

---

1. Проф. Л. Е. Владимірова.—*Уголовный законодатель, какъ воспитатель народа.*

Исходя изъ той отправной точки зрѣнія, что задачи нравственнаго воспитанія народа сводятся къ развитію въ немъ *чувства отвѣтственности, чувства жалости и способности почитанія*, авторъ въ первомъ раздѣлѣ своей книги даетъ опредѣленіе сущности этихъ трехъ элементовъ нравственнаго усовершенствованія и знакомитъ вкратцѣ съ мнѣніями выдающихся мыслителей по этимъ вопросамъ.

Во второмъ раздѣлѣ авторъ обсуждаетъ вопросъ о призваніи уголовнаго правосудія. Сводя десятки существующихъ теорій наказанія къ тремъ основнымъ группамъ—устрашенію, искупленію—возмездію (quia peccatum est) и введенію противомотивовъ въ душу преступника (ne peccetur), авторъ подвергаетъ критической оцѣнкѣ всѣ эти теоріи и выставляетъ положеніе, что всеобъемлющей цѣлью наказанія является нравственное воспитаніе народа. Высшей миссіей уголовнаго правосудія является, по мысли автора, или вѣрнѣе, должно являться нравственное воспитаніе народа, затѣмъ онъ переходитъ къ освѣщенію дѣятельности уголовнаго законодательства de lege lata и еще болѣе de lege ferenda по соображенію съ установленными имъ въ первомъ раздѣлѣ основными тремя элементами нравственнаго воспитанія и посвящаетъ слѣдующіе раздѣлы сопоставленію уголовнаго законодательства съ чувствомъ отвѣтствен-

ности, чувствомъ жалости и способностью почитанія. Выясняя этическія задачи уголовнаго законодательства и указывая на пробѣлы его въ этомъ отношеніи, авторъ, помимо критическаго разбора общихъ принципіальныхъ вопросовъ затрагиваетъ попутно множество частныхъ вопросовъ матеріальнаго и процессуальнаго уголовнаго права и уголовной политики.

Наконецъ, въ послѣднемъ, шестомъ, раздѣлѣ авторъ излагаетъ идею государственной опеки надъ преступниками и намѣчаетъ пути мѣропріятій этой государственной опеки, долженствующей замѣнить практиковавшееся доселѣ наказаніе, состоявшее въ причиненіи преступнику нравственно—физическаго страданія, какъ неотвѣчающее установленнымъ авторомъ нравственно — воспитательнымъ задачамъ уголовнаго правосудія. Такова схема этой интересной книги.

Остановимся прежде всего на предпосылкѣ автора. Почтенный авторъ ставитъ въ основаніе нравственнаго воспитанія въ видѣ аксіомы три элемента:—чувство отвѣтственности, чувство жалости и способность почитанія,—вотъ тѣ три кита, на которыхъ по мнѣнію автора зиждется нравственный міръ. Не останавливаясь подробно на объясненіи сущности этихъ трехъ кардинальныхъ понятій, я укажу только на то, что онъ совершенно правильно подчеркиваетъ необходимость развитія въ человѣкѣ, въ цѣляхъ нравственнаго его воспитанія, именно чувствъ, а не идей, ибо въ борьбѣ столкнувшихся въ душѣ человѣка мотивовъ большей частью рѣшающую роль играетъ чувство, а не мысль. Идея, по словамъ проф. Владимірова, тогда только одерживаетъ верхъ надъ другими идеями и побужденіями, когда она превратилась въ чувство, т. е. идею, дѣйствующую на насъ не только въ области сознаваемаго мышленія, но и той дѣятельности мозга, которая не сознается или, что тоже, остается въ нашемъ подсознаніи. Не вдаваясь въ этико-метафизическое оспариваніе аксіомы проф. Владимірова, отмѣтимъ, что авторъ ограничительно толкуетъ кардинальные устои нравственности, сводя ихъ до minimum'a, ибо въ дѣйствительности чувство *нравственнаго долга* не покрывается цѣликомъ чувствомъ отвѣтственности даже въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ это авторъ; чувство *христіанской любви къ ближнему* не всегда является неизбѣжнымъ результатомъ жалости, наконецъ, *непосредственное чувство любви къ добру* и чувство справедливости не всегда явятся необходимымъ слѣдствіемъ развитія въ человѣкѣ трехъ указанныхъ авторомъ основныхъ чувствъ. Но во всякомъ

случаѣ указанные авторомъ три элемента нельзя не признать краеугольными камнями нравственнаго склада характера человѣка.

Переходя отъ основной логической предпосылки, заключающейся въ первомъ раздѣлѣ книги, къ дальнѣйшему изложенію, необходимо сказать прежде всего нѣсколько словъ объ отношеніи автора къ теоріямъ уголовнаго права, полагающимъ исключительной цѣлью наказанія устрашеніе. Отрицательное отношеніе автора къ этимъ теоріямъ вызываетъ, разумѣется, только полное сочувствіе. Я позволилъ бы себѣ только указать на нѣсколько чрезмѣрную краткость въ обсужденіи и отрицаніи этихъ теорій.

Въ виду крайней сжатости изложенія, авторъ, опровергая теорію устрашенія, ограничился общими соображеніями индивидуально—психологическаго характера, не приводя болѣе подробныхъ разсужденій, основанныхъ на статистическихъ данныхъ или историческихъ примѣрахъ. Не указалъ также проф. Владиміровъ на тотъ огромнаго значенія аргументъ, который выставленъ былъ еще Беккаріей, а именно, что значеніе устрашенія совершенно почти парализуется практической проблемматичностью карательной репрессіи, малой вѣроятностью подвергнуться наказанію въ виду огромнаго количества нераскрытыхъ преступленій, неразысканныхъ преступниковъ и шансовъ на оправданіе вслѣдствіе недостаточныхъ уликъ.

Соображеніемъ этимъ ослабляется и значеніе угрозы наказаніемъ, какъ противомотива, заставляющаго человѣка поколебаться, „стоять на распутьи“ по выраженію проф. Владимірова. Между тѣмъ авторъ, усматривая истинное значеніе угрозы наказаніемъ, какъ противомотива, могущаго заставить человѣка остановиться и выбирать между добромъ и зломъ (воззрѣніе приближающееся къ Фейербаховскому) не считается вовсе съ указаннымъ аргументомъ, ослабляющимъ значеніе угрозы наказаніемъ даже въ томъ незначительномъ ея размѣрѣ, который указанъ авторомъ — словами „угроза наказаніемъ иногда полезна, какъ напоминаніе увлекающемуся, какъ отрывокъ какого нибудь чуднаго стихотворенія или какъ чье нибудь хорошее изреченіе, врѣзавшееся въ памяти, навернувшееся въ рѣшительную минуту и оказывающее часто неожиданное вліяніе“. Каждое совершенное преступленіе, какъ мѣтко выразился Ферри, есть разительный аргументъ въ пользу недѣйствительности устрашенія и угрозы наказаніемъ.

Переходя далѣе къ критикѣ, такъ называемыхъ, абсолютныхъ теорій наказанія, полагающихъ цѣль ея въ осуществленіи спра-

ведливости, воздаяніи, авторъ возстаетъ съ горячимъ негодованіемъ противъ возведенія quasi — справедливости на пьедесталъ цѣли уголовнаго правосудія, указывая на глубокую пропасть, существующую между той юридической справедливостью, которая только и можетъ быть въ сущности практически осуществима и справедливостью нравственной, являющейся недостижимымъ возвышеннымъ идеаломъ, отнюдь однако не могущимъ быть поставленной въ человѣческомъ судѣ какъ цѣль учрежденія. Вначалѣ съ безпощаднымъ юморомъ, затѣмъ живыми сочными красками, жизненными яркими штрихами, въ строкахъ, исполненныхъ искренняго возмущенія, проф. Владиміровъ обрушивается на представителей абсолютныхъ теорій справедливости, указывая въ какой неудовлетворяющій нравственное чувство общества фантомъ превращается въ сущности на практикѣ идея возмездія въ цѣляхъ возстановленія попранной абсолютной справедливости, благодаря недоступности такой задачи для человѣческаго суда. Съ высказанными въ этой главѣ мыслями можно только согласиться. Возведеніе юридической справедливости въ цѣль уголовнаго правосудія, прибавимъ мы отъ себя, это „воздаяніе" съ точки зрѣнія абстрактныхъ юридическихъ конструкцій вродѣ Биндинговской Normen—Teorie, слишкомъ вѣетъ давно знакомыми, но противными нравственному чувству и уму культурнаго человѣка мотивами мести, какъ ни открещивается Биндингъ отъ смѣшенія Vergeltung съ Rache.

Обращаясь, далѣе, къ разсмотрѣнію цѣлевыхъ теорій наказанія, проф. Владиміровъ совершенно правильно опредѣляетъ сущность ихъ, абстрагируя общій присущій имъ принципъ, заключающійся въ томъ, что наказаніе разсматривается только какъ средство, и притомъ не единственное, для введенія въ душу преступника недостающаго, для воздержанія его отъ слѣдованія дурнымъ побужденіямъ, противомотива. Посвящая небольшую отдѣльную главу новѣйшимъ теоріямъ, ставящимъ цѣлью уголовнаго правосудія соціальную охрану, почтенный авторъ отвергаетъ за уголовнымъ правосудіемъ значеніе обезпечивающаго общественную безопасность средства. Общественная безопасность, по мнѣнію автора, можетъ быть обезпечена лишь живой, дѣятельной, тысячеглазой, всевѣдущей, никогда не засыпающей и, конечно, отвѣтственной администраціей. Авторъ оговаривается далѣе, что, говоря объ обезпеченіи общественной безопасности, онъ имѣетъ въ виду не общее предупрежденіе преступленій, сводящееся къ распространенію просвѣщенія и т. п., а именно огражденіе отъ опасныхъ

людей, т. е. (позволяю себѣ замѣнить эти поясненія нѣмецкими терминами проф. Листа) не General-Prevention, a Special-Prevention.

Такое отрицаніе за уголовнымъ правосудіемъ значенія даже въ смыслѣ Special-Prevention—нельзя признать правильнымъ. Не надо забывать огромнаго значенія совершеннаго преступленія въ смыслѣ заразнаго вліянія; вспомнимъ безспорно правильныя, остроумныя,—болѣе того, глубокія мысли Тарда о значеніи подражанія въ дѣлѣ развитія преступности. Уголовное правосудіе несомнѣнно обезпечиваетъ общественную безопасность (разумѣется не всецѣло) въ Special-Prevention'номъ смыслѣ. Раскрывъ преступленіе и признавъ даннаго субъекта виновнымъ въ совершеніи его, оно примѣняетъ наказаніе не только въ цѣляхъ исправленія преступника, но еще больше и даже прежде всего въ цѣляхъ соціальной охраны, оно изолируетъ зараженнаго болѣзнью и предупреждаетъ распространеніе заразы, оно лечитъ больного съ цѣлью сдѣлать изъ него вновь полезнаго члена общества, но и въ томъ случаѣ, если болѣзнь неизлѣчима, оно прежде всего своей дѣятельностью предупреждаетъ дальнѣйшее тлетворное вліяніе болѣзни не только на даннаго индивида, но и на общество.

Преступность—опасная инфекціонная болѣзнь и этого свойства не надо забывать, тогда нельзя будетъ отрицать значенія уголовнаго правосудія въ дѣлѣ обезпеченія общественной безопасности. Проф. Владиміровъ смѣшиваетъ уголовное провосудіе съ пенитенціарными мѣрами, принимаемыми въ цѣляхъ оздоровленія единичнаго больного, уже признаннаго таковымъ по діагнозу уголовнаго суда, вотъ почему онъ просмотрѣлъ обезпечивающее значеніе уголовнаго правосудія. Даже само наказаніе, примѣненное къ индивидууму, имѣетъ значеніе въ дѣлѣ обезпеченія общества въ смыслѣ обезпеченія его отъ повтореній преступленій со стороны того же индивида, но ужъ *уголовное правосудіе* (а о немъ и говоритъ авторъ) несомнѣнно прежде всего преслѣдуетъ задачи special-Prevention'ной охраны.

Сводя сущность цѣлевыхъ теорій наказанія къ введенію противомотива въ душу преступника, авторъ отмѣчаетъ правовой якобы нравственный характеръ этихъ противомотивовъ. Государство, говоритъ проф. Владиміровъ, добивается въ уголовныхъ кодексахъ лишь *законности*, а не нравственности. „Средній гражданинъ“ уголовнаго кодекса это себялюбецъ, воздерживающійся отъ учиненія вредныхъ дѣйствій только потому, что совершеніе ихъ влечетъ за собой наказаніе. Такое воззрѣніе, такая задача

уголовнаго кодекса представляются автору совершенно неправильными, даже какъ это явствуетъ ихъ различныхъ мѣстъ его книги, почти возмутительными. Проф. Владиміровъ въ принципѣ отвергаетъ возможность minimum'а нравственности и находитъ даже это выраженіе нелѣпымъ, ибо нравственность *не допускаетъ степеней.* Такое аксіоматическое положеніе болѣе чѣмъ странно; не вдаваясь въ детальную его критику, можно указать, что даже такой мыслитель-моралистъ, какъ покойный В. С. Соловьевъ, не только употребляетъ выраженіе minimum'а нравственности, но прямо опредѣляетъ право какъ принудительный minimum нравственности равно для всѣхъ обязательный [1]). Самъ проф. Владиміровъ признаетъ, что логика жизни неизбѣжно проводитъ необходимую границу между правомъ и нравственностью, и „граница эта состоитъ въ томъ, что внутренняя жизнь человѣка не воплотившагося во внѣшнихъ проявленіяхъ, не можетъ подлежать какому-бы то ни было воздѣйствію законодателя“. Послѣднее положеніе безспорно правильно, но неужели авторъ не замѣчаетъ, что ограниченіе это уже степенитъ нравственность! Чисто нравственная заповѣдь есть именно требованіе нравственнаго совершенства, какъ внутренняго состоянія, она не предписываетъ заранѣе опредѣленныхъ внѣшнихъ дѣйствій и старается внѣдрить только общее неограниченное, всеобъемлющее стремленіе къ внутреннему совершенству. Признавая совершенно правильно доступнымъ законодательному вліянію только такъ сказать динамическую часть нравственныхъ предписаній, проф. Владиміровъ необходимо приходитъ къ установленію степени нравственности. Онъ находитъ, что установленный современными кодексами обязательный quantum нравственности черезчуръ ограниченъ, онъ хочетъ расширить minimum—это вопросъ иной, къ нему мы вернемся позже, но во всякомъ случаѣ принципіальное отрицаніе возможности степененія нравственности неправильно.

Напрасно авторъ иронически отзывается о выраженіи Листа—bürgerliche Besserung; вѣдь въ сущности при самомъ неограниченномъ расширеніи требуемаго уголовными законами minimum'а нравственности (разумѣется до естественной границы, т. е. въ области дѣйствій), какъ желаетъ проф. Владиміровъ, исправленіе будетъ тоже только относительнымъ, или, по термину Листа, гражданскимъ,—человѣку путемъ законодательныхъ предписаній все-же можно будетъ привить лишь maximum воздержанія отъ вредныхъ

[1]) Соловьевъ. Право и нравственность, стр. 26, 28.

дѣйствій, при чемъ сфера этихъ вредныхъ дѣйствій будетъ лишь расширена. Но внутреннее нравственное совершенство, міръ Sittlicher Gesinnung, все же останется недоступнымъ внѣшнимъ законодательнымъ предписаніямъ и типъ „средняго гражданина", усовершенствованнаго по желанію проф. Владимірова уголовнаго кодекса, все же останется далекимъ отъ типа человѣка нравственно-совершеннаго, если даже и представитъ собой нѣсколько меньше узкаго эгоизма и себялюбія. Воздержаніе отъ запрещенныхъ закономъ дѣйствій даже при введеніи въ сферу уголовнаго законодательства болѣе широкаго элемента альтруизма, все-же останется только тѣмъ maximum'омъ односторонности, къ которому презрительно относится проф. Владиміровъ, ибо здѣсь все-же не будетъ свободнаго добровольнаго исполненія нравственныхъ заповѣдей, не говоря уже о нравственномъ внутреннемъ совершенствѣ. И ничего въ этомъ дурного нѣтъ, потому что, говоря словами проф. Соловьева „существованіе общества зависитъ не отъ совершенства нѣкоторыхъ, а отъ безопасности всѣхъ... Задача права вовсе не въ томъ, чтобы лежащій во злѣ міръ обратился въ Царство Божіе, а только въ томъ, чтобы онъ до времени не превратился въ адъ".

Проф. Владиміровъ, отвергая возможность законодательнаго воздѣйствія на внутреннюю жизнь человѣка, не воплотившуюся во внѣшнихъ дѣйствіяхъ, тутъ же нѣсколько отступаетъ отъ намѣченнаго правильнаго принципа, ибо отстаиваетъ съ горячностью громадное значеніе и такихъ нравственныхъ велѣній въ кодексѣ, выполненіе которыхъ не можетъ быть вынуждено силой. Эти нравственно-руководительные законы, по мнѣнію автора, даютъ вѣскія указанія для выработки общественной этики, охраняемой государствомъ и являются, кромѣ того, почвой, на которой впослѣдствіи выростаютъ отдѣльные законы, вынужденіе исполненія которыхъ государственной силой вполнѣ возможно.

Противъ значенія нравственно-руководительныхъ законовъ въ смыслѣ созданія почвы для грядущихъ принудительныхъ предписаній, можно возразитъ слѣдующее.

Потребность въ созданіи новыхъ законовъ вызывается жизнью общества, а не ознакомленіемъ законодателя съ архивными законодательными памятниками или поисками за новыми откровеніями въ старомъ кодексѣ. Отмѣна старыхъ нравственно-руководительныхъ законовъ въ случаѣ противорѣчія ихъ новымъ начинаніямъ представитъ для законодателя очень мало затрудненій, ибо эта отмѣна не вызоветъ никакого замѣшательства въ общественной жизни, а

для постройки новыхъ законовъ онъ вовсе не нуждается въ старомъ фундаментѣ къ тому еще общерасплывчатаго характера.

Обращаясь къ оцѣнкѣ значенія этихъ нравственно-руководительныхъ положеній въ дѣлѣ выработки этики, *охраняемой* государствомъ, надо отмѣтить прежде всего кроющееся въ этой фразѣ логическое противорѣчіе,—общія положенія *безъ принудительной санкціи* не могутъ способствовать выработкѣ этики, *охраняемой* государствомъ, а развѣ только этики, гармонирующей съ общими нравственными воззрѣніями законодателя, поскольку они нашли выраженіе въ кодексѣ. Но можетъ ли такое нравственно-руководительное положеніе имѣть значеніе для выработки соціальныхъ этическихъ воззрѣній? Проф. Владиміровъ упускаетъ при этомъ изъ виду то обстоятельство, что содержащіяся въ законахъ нравственныя предписанія могутъ проявиться во внѣшнемъ мірѣ только въ случаѣ практическаго ихъ примѣненія къ гражданскимъ отношеніямъ. Какъ можетъ народъ, не читающій законодательныхъ кодексовъ, узнать о тѣхъ или другихъ законахъ? Или проф. Владиміровъ предполагаетъ, что въ основѣ положенія „никто не можетъ отговариваться незнаніемъ законовъ“ лежитъ дѣйствительно общенародное знакомство съ законами, а не юридическая фикція? Проводникомъ законодательныхъ повелѣній въ народное познаніе является только гласный судъ, торжественно охраняющій ихъ отъ нарушенія или дающій возможность принудительнаго осуществленія ихъ, а законодательныя положенія, исполненіе которыхъ не охранено закономъ, никогда не дойдутъ до народа и не смогутъ способствовать выработкѣ въ немъ этическихъ взглядовъ. Какъ узнаетъ народъ о существованіи въ кодексѣ самаго высоко моральнаго предписанія, если ему не присвоена принудительная санкція? Развѣ въ томъ случаѣ, если всему народу будетъ читаться курсъ правовѣдѣнія въ видѣ детальнаго, послѣдовательнаго ознакомленія его со всѣми томами свода законовъ. Проф. Владиміровъ придаетъ большое значеніе напр. ст. 739 и 740 устава уголовнаго судопроизводства въ смыслѣ освѣщеніи роли прокурора по взгляду законодательства. Эти статьи, пожалуй, имѣютъ значеніе, но именно потому, что содержащееся въ нихъ нравственно-руководительное правило непремѣнно дойдетъ до тѣхъ, къ кому оно относится, ибо относится оно къ людямъ не только имѣющимъ возможность, но и обязаннымъ изучать законы. Но какое нравственно - руководительное значеніе могла бы имѣть для всего народа, напр. статья, предписывающая всѣмъ быть правдивыми

и безпристрастными, какъ узнаютъ о ея существованіи въ кодексѣ?

А ст. 712 Устава о службѣ, которую приводитъ авторъ? „Чѣмъ не высокій идеалъ для служителей власти, и чѣмъ эта статья можетъ повредить въ кодексѣ“? говоритъ авторъ. Повредить пожалуй, не можетъ, но вѣдь не это критерій для сужденій о разумности закона! Такой законъ безвреденъ, но и безполезенъ, мѣсто его въ циркулярныхъ предписаніяхъ по министерству, но не въ общемъ кодексѣ, ибо въ случаѣ помѣщенія его въ циркулярѣ онъ, по крайней мѣрѣ, дойдетъ до свѣдѣнія тѣхъ лицъ, коего онъ можетъ касаться, и тогда, пожалуй, сможетъ сыграть роль въ смыслѣ выработки нравственныхъ воззрѣній. Помѣщеніе-же общихъ нравственно-руководительныхъ началъ въ общемъ кодексѣ, даже не совсѣмъ безвредно, ибо загромождаетъ кодексъ съ точки зрѣнія технической, а въ уголовномъ кодексѣ существованіе такихъ предписаній еще менѣе безвредно, ибо оно даже для лицъ, имѣющихъ возможность ознакомиться съ содержаніемъ его, только подчеркнетъ отношеніе законодателя къ данному вопросу, они увидятъ ясно, что среди сотенъ предписаній, исполненіе коихъ охраняется государственной властью, есть также два-три, которымъ, очевидно, самъ законодатель придаетъ мало значенія, ибо хотя и упоминаетъ о нихъ, но ничѣмъ не указываетъ на необходимость ихъ выполненія. Во всякомъ случаѣ, проф. Владиміровъ придаетъ этимъ нравственно-руководительнымъ положеніямъ не главное значеніе въ дѣлѣ насажденія законодателемъ нравственныхъ началъ въ народѣ, онъ сознаетъ, что одними благими рѣчами и увѣщаніями цѣль эта не достигается и, что для непосредственнаго воздѣйствія въ этомъ направленіи на моральную сторону народнаго духа приходится „словъ не тратить по пустому, гдѣ нужно власть употребить“. Вотъ почему онъ переходитъ далѣе къ обсужденію вопроса о томъ, какія дѣянія могутъ входить въ кругъ дѣяній, наказуемыхъ государствомъ. И въ этомъ отношеніи авторъ даетъ самое широкое разрѣшеніе вопроса. По его мнѣнію безнравственное дѣяніе можетъ быть превращено въ уголовно-наказуемое и не только безнравственное дѣяніе по отношенію къ другимъ людямъ, но и по отношенію къ себѣ самому. Проф. Владиміровъ, отрицая мысль Милля, что „надъ собой, надъ своимъ тѣломъ и душой — личность верховный господинъ“, не удовлетворяется даже взглядами Бэнтама, нѣсколько ограничивающаго индивидуалистическіе взгляды Милля и полагающаго, что если безнравственное дѣй-

ствіе, состоящее въ нарушеніи какой лобо нравственной обязанности отдѣльнаго человѣка къ себѣ, оказывается, однако, вреднымъ и для другихъ людей своимъ примѣромъ, вызывающимъ подражаніе, то оно можетъ быть караемо государствомъ. Проф. Владиміровъ полагаетъ, что отдѣльный человѣкъ дотолѣ только свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ по отношенію даже къ себѣ самому, доколѣ форма жизни, выработанная имъ для себя, не противорѣчитъ безусловному *идеалу добра*. „Идеалъ добра — вотъ источникъ обязанностей, за нарушеніе которыхъ мы также отвѣчаемъ, говоритъ авторъ",—„мы думаемъ, говоритъ онъ далѣе, что безнравственное дѣйствіе, совершаемое человѣкомъ надъ собой и составляющее явное отступленіе отъ идеала человѣка, преподаннаго всѣми признанною системой морали, освященной религіей, можетъ быть предметомъ кары"...

Но въ какія заоблачныя выси идеализма возносится почтенный авторъ! Объектомъ правовой охраны — Rechtsgut'омъ становится по его взглядамъ отвлеченный идеалъ человѣка, преподанный моралью и религіей! Между нравственностью и правомъ уничтожается всякая демаркаціонная линія, право является принудительнымъ осуществленіемъ нравственныхъ идеаловъ. Но вѣдь такъ можно пойти и дальше, развивая мысль проф. Владимірова — вѣдь нравственный идеалъ человѣка освященный моралью Христа,—религіей, заключаетъ въ себѣ и непротивленіе злу, и прощеніе враговъ, и отсутствіе суда. Почтенный авторъ отмежевываетъ праву черезчуръ непосильныя и всеобъемлющія задачи, онъ именно забываетъ, что задача права вовсе не состоитъ въ обращеніи міра въ царство Божіе. Да, наконецъ, вѣдь самъ онъ ранѣе пришелъ къ необходимому ограниченію сферы права только областью внѣшнихъ дѣяній, а идеалъ человѣка, преподанный морально и освященный религіей, являетъ собой вѣдь человѣка внутренно - нравственнаго въ существѣ, въ помыслахъ даже. Идеалъ добра, идеалъ человѣка— это слишкомъ расплывчатые и слишкомъ отвлеченные, недоступные охранѣ правовыя блага.

Понятно, что при такомъ идеалистическомъ разрѣшеніи вопроса о наказуемости безнравственныхъ дѣяній по отношенію къ самому себѣ, авторъ считаетъ a fortiori безгранично доступной правовой репрессіи всю область безнравственныхъ дѣйствій по отношенію къ другимъ. Онъ ставитъ себѣ только два вопроса въ данномъ отношеніи: 1) можно ли, говоря принципіально, переводить дѣйствіе изъ класса только безнравственныхъ въ классъ наказуемыхъ и

2) если это возможно, то какія имѣются противъ этого техническія возраженія.

Первый вопросъ о принципіальной возможности такого перевода, авторъ понимаетъ крайне узко, такъ сказать, съ кодификаціонной точки зрѣнія, не касаясь вовсе цѣлесообразности такого расширенія сферы уголовно-наказуемыхъ дѣяній съ точки зрѣнія общественной жизни, государственной политики, практическихъ результатовъ и т. п. Нѣтъ сомнѣнія, что государство можетъ расширять и съужать кругъ наказуемыхъ дѣяній, что этотъ кругъ вовсе не отличается въ исторіи неподвижностью. Но развѣ это есть принципіальный отвѣтъ по существу на поставленный первый вопросъ? Съ такой чисто-кодификаціонной точки зрѣнія можно отвѣтить, безъ сомнѣнія, утвердительно на вопросъ о возможности помѣщенія какого бы то ни было закона въ кодексѣ,—помѣстить въ кодексѣ можно всякое предписаніе—съ точки зрѣнія все терпящей бумаги. Издалъ вѣдь Гесслеръ законъ о поклоненіи своей шляпѣ. Но развѣ это принципіальное разрѣшеніе вопроса, развѣ при расширеніи области уголовно-наказуемыхъ дѣяній нѣтъ и не было въ исторіи высшихъ критеріевъ цѣлесообразности, соотвѣтствія потребностямъ общества, жизненнымъ интересамъ, государственной политики, наконецъ, практической возможности фактическаго осуществленія и проведенія въ жизнь новаго закона. Между тѣмъ проф. Владиміровъ ни о чемъ подобномъ не говоритъ, для него первый поставленный имъ вопросъ въ сущности сливается со вторымъ и сводится къ технической задачѣ. Разумѣется, съ такой точки зрѣнія въ кодексѣ можетъ быть помѣщено не только всякое нравственное, но и всякое безнравственное предписаніе. Въ окончательныхъ выводахъ авторъ впрочемъ добавляетъ, что „всякое нравственное требованіе можетъ быть предъявлено къ человѣку государствомъ и всякое подобное требованіе можетъ быть обезпечено карательной санкціей, предполагая, конечно, что *обезпеченіе это не противорѣчитъ высшимъ задачамъ государства*“ (курс. мой). Это добавленіе весьма существенно и въ томъ то и можно упрекнуть пр. Владимірова, что онъ не раскрылъ подробно смысла этой фразы, т. е. не разрѣшалъ вопроса о возможности безграничнаго расширенія сферы уголовно-наказуемыхъ дѣяній съ точки зрѣнія именно этихъ высшихъ задачъ государства и не только государства, но и всего человѣчества.

Проф. Владиміровъ проникнутъ не только крайнимъ идеализмомъ, онъ пропитанъ насквозь крайней гуманностью и альтруиз-

момъ, что, конечно, только служитъ къ сугубой чести его въ смыслѣ приближенія къ идеалу человѣка. Альтруизмъ выражается во многихъ мѣстахъ его книги съ рѣдкимъ пыломъ, энергіей и красотой, вся книга дышитъ альтруизмомъ, будитъ лучшія чувства въ читателѣ, но въ своемъ альтруизмѣ проф. Владиміровъ часто доходитъ до фанатизма и даже нетерпимости (напр. на стр. 195—196, гдѣ онъ нападаетъ на послѣдователей Нитцше, причемъ онъ выходитъ даже изъ рамокъ научнаго отношенія къ противникамъ, окрещивая ихъ титуломъ трактирныхъ резонеровъ). Проф. Владиміровъ удивительно экспансивный, искренній, гуманный человѣкъ, судя по его книгѣ, онъ также отличается юношескимъ увлеченіемъ и пыломъ, подчасъ дающими ему возможность создать по истинѣ огненныя страницы, но за то подчасъ и ослѣпляющими его.

Во имя нравственности и гуманности, во имя состраданія къ отдѣльнымъ лицамъ, терпящимъ отъ безнравственныхъ дѣйствій другихъ, проф. Владиміровъ въ фанатизмѣ альтруизма полагаетъ возможнымъ безграничное расширеніе области уголовно-наказуемыхъ дѣяній и забываетъ, что это грозитъ чрезмѣрнымъ вторженіемъ въ частную жизнь, полнымъ поглощеніемъ личности, сковываетъ ее, по рукамъ и ногамъ, не даетъ возможности развиваться ни малѣйшей самобытности, индивидуальности, ведетъ къ закрѣпощенію личности даже не обществомъ, а отвлеченнымъ идеаломъ добра. Проф. Владиміровъ въ порывѣ борьбы противъ „узкаго себялюбца“, какъ средняго гражданина, хочетъ превратить его въ аскета, въ человѣка идеальнаго, полагающаго чуть не жизнь свою „за други своя“ и уничтожить въ немъ всякое себялюбіе. Впрочемъ, какъ указано будетъ ниже, авторъ, разрѣшая съ такой идеалистической не отъ міра сего широтой вопросъ о возможности и раціальности введенія безнравственныхъ дѣйствій въ сферу уголовнаго права, въ своихъ практическихъ предложеніяхъ de lege ferenda въ сущности гораздо скромнѣе, и многія изъ высказываемыхъ въ особенной части его книги предложеній заслуживаютъ серьезнаго вниманія и всяческаго сочувствія.

Оставляя даже въ сторонѣ вопросъ о томъ, соотвѣтствуетъ ли задачамъ права чисто-нравственное совершенствованіе гражданъ, помимо утилитарныхъ цѣлей охраненія взаимной неприкосновенности и безопасности, нельзя не коснуться реальной стороны этого вопроса, т. е. практической осуществимости, доступности этихъ задачъ для права. Можетъ ли законодатель надѣяться на практическую реализацію столь широкихъ плановъ, посильно ли ему

такое намѣреніе, можетъ ли оно привести къ желаннымъ результатамъ, словомъ, осуществимъ ли *принудительный альтруизмъ* и цѣлесообразенъ ли онъ въ интересахъ нравственнаго совершенствованія народа?

Прежде всего элементъ принужденія радикально чуждъ задачъ нравственнаго усовершенствованія. „Нравственное совершенство, говоритъ Соловьевъ, какъ внутреннее состояніе, предполагаетъ свободное или добровольное исполненіе и всякое принужденіе не только физическое, но и психологическое здѣсь по существу дѣла и нежелательно и невозможно“ [1]). „Можно, говоритъ Шопенгауеръ, вынудить законность, но не моральность: можно передѣлать дѣйствія, но не хотѣніе, которое только и даетъ нравственный характеръ дѣянію“ [2]). Если задача уголовнаго законодателя заключается въ обезпеченіи безопасности общества, то она достигнута въ томъ случаѣ, когда преступленіе не совершается, независимо отъ того по какимъ мотивамъ оно не совершено, пусть это воздержаніе будетъ вызвано даже исключительно страхомъ передъ отвѣтственностью, но вѣдь для проф. Владимірова, полагающаго высшей задачей уголовнаго законодателя нравственное воспитаніе народа, иронически относящагося къ постулируемому современными уголовными кодексами minimum'у нравственности и характеризующаго этотъ minimum только какъ maximum осторожности хищника, ловко спасающагося отъ руки закона“, далеко не безразлично, изъ какихъ побужденій произошло воздержаніе отъ преступленія. Если человѣкъ будетъ воздерживаться отъ совершенія безнравственнаго дѣянія, или же станетъ совершать альтруистическіе поступки только изъ страха передъ наказаніемъ, то нравственнаго элемента въ этихъ его дѣйствіяхъ не будетъ, а результатомъ такихъ законодательныхъ предписаній будетъ въ первомъ случаѣ только maximum осторожности хищника, а во второмъ случаѣ maximum лицемѣрія. Итакъ, если даже предположить, что обложеніе наказаніемъ дѣйствій безнравственныхъ и наложеніе подъ страхомъ уголовной кары на человѣка обязанности совершать извѣстныя дѣйствія въ пользу ближняго возъимѣютъ необычайное значеніе и приведутъ къ радикальнымъ результатамъ въ смыслѣ всеобщаго воздержанія отъ однихъ дѣйствій и совершенія другихъ, то и тогда

---

[1]) Соловьевъ.—Право и нравственность стр. 28.

[2]) Schopenhauer.—B. IV p. 255.

народъ ни въ коемъ случаѣ не окажется нравственнымъ, и цѣль нравственнаго воспитанія все-же не будетъ достигнута.

На стр. 195 своей книги, пр. Владиміровъ, говоря о принудительномъ привитіи жалости, вскользь выставляетъ аргументъ, что когда дѣло идетъ о привитіи добрыхъ чувствъ человѣчеству, то этому помогаетъ наслѣдственное развитіе, эволюція. Если бы даже пр. Владиміровъ воспользовался этимъ аргументомъ для защиты своего положенія о возможности нравственнаго воспитанія народа путемъ уголовной репрессіи, то нельзя было бы не указать на огромную проблематичность такого фактора. Допустимъ даже, что люди, воздерживаясь изъ поколѣнія въ поколѣніе отъ совершенія безнравственныхъ дѣяній изъ страха предъ наказаніемъ, съ теченіемъ вѣковъ перестанутъ руководствоваться этимъ шкурнымъ побужденіемъ и перестанутъ совершать безнравственные поступки, сторонясь отъ нихъ по привычкѣ, инстиктивно и, наконецъ, откажутся отъ нихъ свободно, по внутреннему побужденію и сознанію рѣзкаго противорѣчія такихъ поступковъ съ нравственными принципами.

Да развѣ теперь люди не знаютъ, напр., что отказать бѣдняку въ кускѣ хлѣба при личномъ достаткѣ безнравственно? Это сознаніе останется у нихъ и въ томъ случаѣ, если такой поступокъ уголовно наказуемъ. Въ смыслѣ *сознанія безнравственносши* уголовная репрессія новаго ничего не даетъ, она прибавитъ только *сознаніе наказуемости*; поступокъ безразличный въ нравственномъ отношеніи останется таковымъ въ народномъ сознаніи и послѣ тысячелѣтней уголовной репрессіи, какое нибудь, скажемъ, нарушеніе строительнаго устава никогда не получитъ въ народномъ сознаніи значенія безнравственнаго дѣянія, а поступокъ, въ существѣ безнравственный, останется таковымъ въ народномъ сознаніи, независимо отъ обложенія его карой государственной. Итакъ, сознанія безнравственности уголовная репрессія не увеличиваетъ и не создаетъ, а воспитанія нравственнаго въ смыслѣ внутренняго безусловнаго отвращенія отъ такихъ дѣяній уголовная репрессія еще меньше можетъ дать хотя бы при помощи тысячелѣтней эволюціи, какъ показала намъ исторія. Въ смыслѣ нравственнаго воспитанія уголовная репрессія ничего дать не можетъ, и не можетъ это нравственное воспитаніе быть цѣлью уголовнаго законодателя. Эволюція только тогда могла бы съиграть свою роль, еслибы наказаніе *безусловно* имѣло значеніе панацеи противъ преступленія, тогда можно бы допустить, что *постоянное* воздержаніе изъ страха могло

бы привести путемъ привычки, наконецъ, къ внутреннему нравственному совершенству. Но неужели пр. Владиміровъ думаетъ, что наказаніе есть дѣйствительно та раціональная, всесильная мѣра, которая ведетъ къ исчезновенію преступленія? Неужели онъ, придавая самъ минимальное значеніе угрозѣ наказаніемъ, думаетъ, что эта угроза создаетъ *постоянное* воздержаніе отъ совершенія преступленія? Доказывать безсиліе наказанія и распространяться объ этомъ здѣсь не мѣсто, все это слишкомъ краснорѣчиво изложено хотя-бы въ Sociologie Criminelle Ferri, въ Abschaffung der Strafknechtschaft Wargha—трудахъ, безъ сомнѣнія, прекрасно извѣстныхъ автору. А между тѣмъ какая почти наивная вѣра въ силу уголовной репрессіи замѣтна у пр. Владимірова. Наказаніе—вотъ панацея всѣхъ золъ по мнѣнію автора. Наказаніемъ можно вызвать въ людяхъ и жалость, и любовь къ ближнему, и уваженіе къ нему и даже стремленіе къ идеалу человѣка!

Но если даже проф. Владиміровъ полагаетъ, что задачи нравственнаго воспитанія будутъ достигнуты уже въ томъ случаѣ, если люди будутъ только воздерживаться отъ совершенія безнравственныхъ поступковъ *независимо отъ мотивовъ* этого воздержанія, то въ такомъ случаѣ приходится признать, что почтенный авторъ вѣритъ во всемогущество наказанія въ борьбѣ съ преступленіемъ. Вѣра, которую, увы, трудно раздѣлить.

Въ 6-ой главѣ своей книги, озаглавленной „нравственное воспитаніе народа, какъ миссія уголовнаго правосудія" авторъ въ видѣ заключительнаго вывода изъ предшествующихъ разсужденій формулируетъ и провозглашаетъ свое credo. И здѣсь мы замѣчаемъ удивительное явленіе, мы имѣемъ возможность распутать ту логическую ошибку, которая привела автора къ конструкціи новаго взгляда на призваніе уголовнаго законодательства. „Высшая задача уголовнаго правосудія—нравственное воспитаніе народа, не только не исключаетъ, но напротивъ, объемлетъ всѣ другія цѣли наказанія"—говоритъ авторъ, „нравственное воспитаніе, какъ всеобъемлющая цѣль наказанія" озаглавлена 2 часть 6-ой главы. Но вѣдь этотъ выводъ совсѣмъ не то „что требовалось доказать". Вѣдь не изъясненію задачъ наказанія посвящена книга проф. Владимірова, а разрѣшенію вопроса о миссіи уголовнаго законодательства. Уголовное законодательство вовсе не тождественно съ понятіемъ наказанія или даже съ понятіемъ уголовнаго правосудія; вѣдь въ уголовномъ законѣ есть двѣ части: диспозитивная и санкціонирующая: уголовное правосудіе есть только практическое осуществленіе санкціонирующей части

закона, примѣненіе ея къ конкретному случаю нарушенія запрета, выраженнаго въ диспозитивной части. Когда мы говоримъ о задачѣ уголовнаго законодателя и предлагаемъ то или иное разрѣшеніе этого вопроса, мы прежде всего разрѣшаемъ вопросъ о томъ, *что* законодатель долженъ съ указанной точки зрѣнія считать *преступленіемъ, что наказывать*, а ужъ потомъ вопросъ о томъ, какую репрессію примѣнить къ преступнику, съ какой цѣлью наказывать, т. е. мы, выясняя миссію законодателя, прежде всего должны преподать руководящій принципъ для созданія диспозитивной части закона, и принципъ этотъ долженъ быть настолько всеобъемлющъ, чтобы могъ служить исходной точкой и для созданія санкціонирующей части.

Проф. Владиміровъ озаглавилъ свою книгу „уголовный законодатель, какъ воспитатель народа", 4-ая и 5-ая главы книги посвящены именно вопросу о расширеніи области уголовно-наказуемыхъ дѣяній, о задачахъ, которыя долженъ преслѣдовать законодатель, создавая диспозитивную часть закона, а въ 6-ой главѣ онъ говоритъ о цѣли наказанія, или, выражаясь болѣе широкимъ терминомъ, о цѣли государственной реакціи на нарушеніе закона (этимъ общимъ терминомъ обнимается не только наказаніе въ тѣсномъ смыслѣ, какъ malum passionis ob malum actionis, но и лѣченіе душевнобольныхъ преступниковъ и принудительное воспитаніе малолѣтнихъ, и прощеніе перваго ложнаго шага и т. п.).

Изъ всей такъ сказать архитектоники первыхъ 6-ти главъ книги проф. Владимірова, составляющихъ какъ бы общую часть его сочиненія, видно, что авторъ въ мышленіи своемъ не разграничивалъ миссіи уголовнаго законодателя отъ миссіи уголовнаго правосудія и наказанія и подчинялъ вопросъ о призваніи и задачахъ уголовнаго законодателя вопросу о задачахъ наказанія. Озаглавивъ весь второй раздѣлъ „призваніе уголовнаго правосудія", посвятивъ 1-ю, 2-ю и 3-ю главы этого раздѣла критикѣ теорій наказанія и конструируя въ 6-ой главѣ свой взглядъ на задачи наказанія, онъ въ сущности только и рѣшилъ этотъ послѣдній вопросъ (о нашемъ взглядѣ на такое разрѣшеніе этого вопроса ниже), а между тѣмъ въ 4-й и 5-й главахъ авторъ пытался опредѣлить задачи уголовнаго законодательства вообще, а не только наказанія, да и въ дальнѣйшей части своей книги, внося предложенія de lege ferenda основываетъ ихъ на (якобы доказанномъ) положеніи о необходимости преслѣдованія законодателемъ задачъ нравственнаго воспитанія народа въ смыслѣ расширенія понятія уголовно наказуемаго деликта насчетъ безнрав-

ственныхъ дѣяній. Вотъ почему акторъ, какъ указано выше, совершенно не разрѣшаетъ ни съ принципіальной, ни съ утилитарной общественной точки зрѣнія вопроса о томъ, можно ли рекомендовать такое расширеніе; онъ разрѣшилъ вопросъ о цѣли наказанія и уже этой цѣли хочетъ подчинить задачу законодателя. Нельзя, по мнѣнію автора, ставить задачей наказанія нравственное исправленіе, если уголовный кодексъ не беретъ подъ свою охрану всей проявляющейся во внѣшнемъ мірѣ сферы нравственности, это было бы лицемѣріемъ и противорѣчіемъ, вотъ почему надо, чтобы законодатель ставилъ своей задачей и при созданіи закона идеалъ нравственнаго воспитанія народа. Вотъ логическій ходъ мышленія проф. Владимірова, а между тѣмъ такой путь обратный должному, ибо онъ подчиняетъ главное второстепенному—задача наказанія можетъ быть подчинена общей задачѣ законодателя, а не наоборотъ. Ставить задачей законодателя нравственное воспитаніе народа, какъ указано выше и практически неосуществимо, и безрезультатно, и недоступно, и превышаетъ задачу права; нравственное воспитаніе—дѣло религіи, дѣло школы, дѣло, наконецъ, литературы и искуства, а не права, ставящаго себѣ болѣе скромныя цѣли—охрану общественной безопасности, на почвѣ которой можетъ продолжаться дальнѣйшій культурный прогрессъ человѣчества.

Нельзя не отмѣтить также, что проф. Владиміровъ даетъ отвѣтъ на вопросъ только о цѣли наказанія, и даже не о цѣли уголовнаго правосудія, ибо въ такомъ случаѣ онъ долженъ бы попытаться разрѣшить и общіе вопросы уголовнаго права съ точки зрѣнія миссіи его, заключающейся въ нравственномъ воспитаніи народа, напр. вопроса о томъ, какъ должно правосудіе относиться къ покушенію, къ соучастію, къ необходимой оборонѣ, къ вмѣненію и т. д. Эти вопросы составляютъ въ матеріальномъ уголовномъ кодексѣ ту область законодательной дѣятельности, которая относится къ уголовному правосудію.

Еще нѣсколько словъ о нравственномъ воспитаніи, какъ цѣли *наказанія*. Это въ сущности только дополненное новое изданіе взглядовъ классической, гуманной школы уголовнаго права и, пожалуй, менѣе доступное, хотя, конечно, весьма желательное. Врядъ ли только возможно съ этой точки зрѣнія вывести напр. необходимость принудительнаго ограниченія свободы неизлечимыхъ душевнобольныхъ преступниковъ, затѣмъ, врядъ ли допустимо также при такомъ взглядѣ на цѣли наказанія условное осужденіе. Наконецъ, если бы оказалось, что реформированному наказанію дѣйствительно

можно придать такое значеніе, чтобы добиться *нравственнаго* исправленія, воспитанія въ человѣкѣ *нравственнаго совершенства*, то не лучше ли вообще примѣнить этотъ способъ ко всѣмъ гражданамъ государства, а не только преступникамъ, и такимъ образомъ предупредить возникновеніе преступленій.

Что касается вліянія основной цѣли правосудія на судопроизводство (указаннаго авторомъ на стр. 77—78), то такое же вліяніе имѣетъ и принципъ défense sociale въ качествѣ цѣли уголовнаго законодательства и правосудія. Надо обратить также вниманіе на то обстоятельство, что съ точки зрѣнія автора необходимо придти къ выводу о недопустимости оправданія при доказанности совершенія преступленія обвиняемымъ,—обвиняемый въ этомъ случаѣ безусловно и всегда къ его же благу долженъ быть подвергнутъ наказанію, ибо нравственно совершенныхъ людей очень мало, а вѣдь обладающіе гражданскимъ minimum'омъ нравственности недостаточно нравственны съ точки зрѣнія, проводимой проф. Владиміровымъ, между тѣмъ какъ при убѣжденіи судей въ томъ, что данный подсудимый обладаетъ граждански-необходимымъ minimum'омъ нравственности онъ можетъ быть оправданъ съ точки зрѣнія общественной безопасности.

Дальнѣйшіе три раздѣла книги проф. Владимірова посвящены, какъ упомянуто выше, критикѣ уголовныхъ кодексовъ statu quo и de lege ferenda (по отношенію къ русскому угол. улож.) съ точки зрѣнія воздѣйствія ихъ на нравственную природу человѣка. Въ первомъ изъ этихъ раздѣловъ авторъ разсматриваетъ значеніе уголовнаго законодательства въ дѣлѣ привитія народу чувства отвѣтственности. Врядъ ли можно не согласиться съ мнѣніемъ автора, что уголовному законодательству принадлежитъ въ этомъ дѣлѣ крупная, даже главная роль, но, съ другой стороны, врядъ ли можно также усмотрѣть элементъ нравственнаго воспитанія въ чувствѣ отвѣтственности предъ уголовнымъ закономъ. Отвѣтственность нравственная есть отвѣтственность предъ самимъ собой, предъ своей совѣстью, а не предъ палкой.

„Подъ чувствомъ отвѣтственности, говоритъ авторъ въ началѣ своей книги, я разумѣю усвоенную нами идею, что каждый изъ насъ, подъ страхомъ бѣдствій своихъ или чужихъ, физическихъ и нравственныхъ, долженъ направлять вниманіе не только на ближайшія, но и на дальнѣйшія послѣдствія своихъ дѣйствій, т. е. пріучаться глядѣть за предѣлы того непосредственнаго удовлетворенія, какое немедленно даетъ совершенное нами дѣйствіе". Чув-

ство отвѣтственности, какъ *предвидѣніе послѣдствій* является, конечно, необходимымъ факторомъ и въ дѣлѣ нравственнаго совершенствованія, такъ какъ это чувство составляетъ необходимый психологическій моментъ человѣческой жизни, вообще, но непосредственнымъ элементомъ нравственнаго воспитанія оно могло бы быть, только будучи понимаемо въ смыслѣ нравственной отвѣтственности *предъ категорическимъ императивомъ велѣнія совѣсти*. А такого чувства отвѣтственности уголовный кодексъ не насаждаетъ и не можетъ насаждать, онъ пріучаетъ только къ отвѣтственности внѣшней въ мірѣ явленій государственнаго общежитія.

Еще Милль говорилъ, что преступникъ только дурной бухгалтеръ, не умѣющій взвѣсить всѣхъ послѣдствій своего дѣйствія, но развѣ обученіе преступника разсчетливости, какъ это дѣлается въ Эльмирскомъ пенитенціарномъ заведеніи, въ случаѣ достиженія благопріятныхъ результатовъ, дастъ нравственное исправленіе въ томъ широкомъ смыслѣ идеала нравственнаго совершенства, о которомъ мечтаетъ проф. Владиміровъ?—Нѣтъ, оно можетъ дать только Листовское Bürgerliche Besserung, что вполнѣ достаточно для задачъ права и наказанія съ нашей точки зрѣнія, но не съ точки зрѣнія автора. Человѣкъ, не совершающій дурныхъ поступковъ изъ отвѣтственности предъ уголовнымъ наказаніемъ, развѣ будетъ нравственнымъ человѣкомъ! Нравственный элементъ, безъ сомнѣнія, содержится и въ томъ чувствѣ отвѣтственности, которое заставляетъ насъ смотрѣть за предѣлы непосредственнаго удовлетворенія, даваемаго даннымъ дѣйствіемъ, во избѣжаніе *чужихъ* страданій. Но такого чувства намъ уголовный кодексъ также не можетъ привить, ибо пріучаетъ только къ отвѣтственности подъ страхомъ своихъ личныхъ бѣдствій.

Послѣ вступительныхъ замѣчаній о чувствѣ отвѣтственности, проф. Владиміровъ, исходя изъ своей отправной точки зрѣнія о задачѣ нравственнаго воспитанія, присущей уголовному правосудію и законодательству, говоритъ о необходимости отмежеванія дѣяній mala in se, выражающихъ нравственную несостоятельность человѣка, отъ дѣяній, доказывающихъ лишь отсутствіе въ человѣкѣ послушанія велѣніямъ закона, такъ сказать, формальнымъ.

Высказываемыя авторомъ мысли о необходимости созданія общегражданскаго дисциплинарнаго устава заслуживаютъ серьезнаго вниманія и могутъ вызвать только горячее сочувствіе; предложеніе это въ высшей степени интересно и можетъ встрѣтить полное одобреніе и со стороны тѣхъ, кто видитъ основную задачу уголов-

наго законодательства въ охранѣ общества. Было бы весьма желательно, чтобы почтенный авторъ подробно занялся разсмотрѣніемъ этого интереснаго вопроса и разработалъ детально эту плодотворную мысль.

Во второй главѣ, посвященной вопросу о человѣчности наказанія, проф. Владиміровъ имѣетъ возможность высказать присущее ему теплое чувство гуманности и, дѣйствительно, яркими красками рисуетъ онъ намъ нѣкоторые недостатки современной процессуальной и карательной системы. Мысли, высказываемыя авторомъ, въ высшей степени справедливы и разумны; въ частности отмѣтимъ выдвинутый авторомъ вопросъ о „жестокости надъ человѣческой душой“, присущей современному уголовному процессу, мысль о примѣненіи отрабатыванія взамѣнъ наказанія за различныя преступленія; мысль о необходимости принимать въ соображеніе семейное положеніе преступника какъ въ дѣлѣ избранія мѣръ пресѣченія способовъ уклоненія отъ суда, такъ и въ выборѣ наказанія; авторъ высказывается также въ пользу такъ назыв. indeterminate sentence.

Вся третья глава въ блестящемъ изложеніи посвящена обсужденію вопроса о „совѣстномъ“ невмѣненіи. Въ этой главѣ разсыпано столько интересныхъ замѣчаній и остроумныхъ мыслей, что отмѣчать ихъ въ отдѣльности значило бы выписать почти цѣликомъ всю главу. Замѣтимъ, между прочимъ, что весьма дѣйствительнымъ коррективомъ неожиданныхъ оправдательныхъ приговоровъ, основанныхъ на совѣстномъ невмѣненіи, могло бы послужить предоставленіе присяжнымъ засѣдателямъ права *условнаго осужденія*; этимъ компенсировался бы отмѣченный авторомъ, вызываемый неожиданными оправдательными приговорами, подрывъ чувства отвѣтственности въ народномъ сознаніи.

Послѣдняя глава 3-го раздѣла трактуетъ объ обложеніи наказаніемъ обольщенія и противоестественныхъ пороковъ. По первому вопросу авторъ высказываетъ весьма вѣрныя мысли относительно объекта преступленія обольщенія и полагаетъ, что таковымъ должна считаться только дѣвушка и притомъ не достигшая зрѣлаго возраста; по второму вопросу авторъ въ противоположность новому уголовному уложенію стоитъ за необходимость уголовной репрессіи скотоложества, въ чемъ съ нимъ трудно согласиться.

Четвертый раздѣлъ, озаглавленный „уголовное законодательство и чувство жалости“ начинается критикой, уже отмѣченной авторомъ ранѣе, законнаго себялюбія гражданина, санкціонируемаго

современнымъ уголовнымъ законодательствомъ. Здѣсь опять таки въ полной мѣрѣ обнаруживается идеалитическое воззрѣніе автора на задачи уголовнаго права, полное отождествленіе субстрата права съ нравственностью и пламенный альтруизмъ. Я не стану повторяться по этому вопросу, такъ какъ уже указалъ выше въ общихъ чертахъ, что рѣшительно не согласенъ съ такимъ пониманіемъ задачъ уголовнаго права, ибо область права въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ шире, а въ нѣкоторыхъ гораздо уже области нравственности.

Проф. Владиміровъ все мечтаетъ о Царствѣ Божіемъ на землѣ, насажденномъ путемъ принудительныхъ мѣръ, онъ желаетъ, чтобы взаимоотношенія людей регулировались фурмулой „homo homini deus est" въ противоположеніе формулѣ „homo homini lupus est", но не надо забывать, что есть третья формула болѣе доступная осуществленію и болѣе подходящая къ задачамъ права, а именно „homo homini homo est". Далѣе авторъ указываетъ на то обстоятельство, что уголовное законодательство, признавая себялюбіе законнымъ чувствомъ въ гражданинѣ, стремится, однако, противодѣйствовать чрезмѣрному проявленію такого себялюбія „произрастанію сорныхъ травъ, благоденствующихъ на почвѣ себялюбія" и воспрещаетъ жестокость. Авторъ, между прочимъ, проэктируетъ конструкцію общаго деликта жестокаго обращенія, какъ самостоятельнаго преступленія, даже въ случаяхъ, гдѣ жестокое обращеніе это не повлекло за собой ни смерти, ни поврежденія въ здоровьѣ. Съ принципіальной стороны такой проектъ содержитъ много справедливаго, но, конечно, съ точки зрѣнія практическаго примѣненія осуществленіе его представляетъ огромныя трудности и въ отношеніи технической конструкціи такого деликта и въ отношеніи обнаруженія, и репрессіи конкректныхъ случаевъ. Здѣсь можно легко хватить черезъ край, въ особенности принимая во вниманіе проявленіе такъ названной авторомъ обыденной жестокости (стр. 157—158), которой полна наша современная жизнь и жестокости пассивной. Безспорно жизнь наша полна жестокости (см. по этому поводу въ высшей степени интересное и глубокомысленное, хотя немного парадоксальное, сочиненіе Энгельгарта „Прогрессъ какъ эволюція жестокости"), и явленіе это противно интересамъ общежитія, но законодательная борьба съ жестокостью цѣлесообразнѣе и доступнѣе на почвѣ преслѣдованія спеціальныхъ проявленій ея.

Переходя къ изложенію вопроса о безжалостности, проф. Владиміровъ исходитъ изъ той отправной точки зрѣнія, что законы

и соціальныя учрежденія должны имѣть въ виду содѣйствовать, по возможности, развитію и постоянному питанію чувства жалости, въ которомъ заключается высшая санкція поведенія человѣка въ общежитіи. Во имя этой жалости, полагаетъ авторъ, мы можемъ требовать въ общественной жизни отъ людей не только, чтобы они не вредили другъ другу, но и помогали другъ другу *насколько это не требуетъ отъ человѣка самопожертвованія*. Здѣсь мы уже можемъ отмѣтить съуженіе авторомъ своихъ первоначальныхъ воззрѣній,—во первыхъ, нравственныя задачи являются уже не всеобъемлющей и единственной цѣлью уголовнаго законодательства, ибо послѣднее только „должно имѣть въ виду по возможности содѣйствіе" развитію жалости (главнаго фактора нравствености) и во вторыхъ себялюбіе гражданина, правда, только въ дѣлѣ сохраненія своей жизни, признается авторомъ законнымъ. Авторъ съуживаетъ опять ту границу, „которая неизбѣжно проводится логикой жизни между правомъ и нравственностью" и если прежде онъ признавалъ, что граница эта состоитъ въ томъ, что въ область законодательства не можетъ быть введена внутренняя жизнь человѣка, не воплотившаяся во внѣшнихъ проявленіяхъ, то здѣсь мы видимъ, что нравственныя задачи законодательства съужены еще невозможностью требовать отъ людей въ сферѣ частной жизни, чтобы они жертвовали *жизнію* другъ для друга. Авторъ самъ на стр. 163 разграничиваетъ вновь область права отъ области нравственности, говоря, что законъ Христа „носите бремена другъ друга" опредѣляетъ отношенія въ идеальной области, а не въ общественной жизни.

Правда, область нравственности, совпадающая съ областью права, еще очень и очень велика, хотя нельзя не указать, что авторъ невольно приходитъ къ тому вполнѣ естественному minimum'у нравственности, котораго онъ не признавалъ выше. Но minimum этотъ очень широкъ—законодатель можетъ требовать отъ гражданъ во взаимоотношеніяхъ ихъ жертвы всѣмъ кромѣ жизни.

Переходя отъ области разсужденій къ практическимъ предложеніямъ, проф. Владиміровъ становится еще гораздо скромнѣе въ своихъ требованіяхъ, и въ области принудительнаго осуществленія альтруистическаго чувства жалости онъ говоритъ только о необходимости введенія въ уголовный кодексъ проступка, состоящаго въ произвольномъ отказѣ погибающему въ помощи, не сопряженной и съ явной опасностью для помогающихъ. Главы, посвященныя этому вопросу, отличаются большимъ интересомъ, въ нихъ много

вѣрныхъ и справедливыхъ соображеній. Такимъ образомъ положеніе, что государство можетъ требовать отъ гражданъ помощи другъ другу, насколько это не влечетъ за собой самопожертвованія, авторъ въ практическихъ предложеніяхъ ограничиваетъ въ сущности до желательности фиксаціи обще-гражданской обязанности помогать другому въ случаѣ опасности для жизни, если при этомъ жизнь помогающаго не подвергается явной опасности. Можно отъ души присоединиться къ мысли автора въ этой формѣ. Можно указать, впрочемъ, что созданіе такой общегражданской обязанности желательно просто въ интересахъ государственнаго общежитія и незачѣмъ класть въ основаніе ея цѣли нравственнаго воспитанія народа.

Въ пятомъ раздѣлѣ, посвященномъ уясненію задачъ уголовнаго законодательства въ дѣлѣ привитія народу способности почитанія и критики дѣйствующаго уголовнаго права съ указанной точки зрѣнія, авторъ высказываетъ много остроумныхъ и оригинальныхъ мыслей. Прежде всего онъ даетъ опредѣленіе понятію внутренней чести, противопоставляя ее чести внѣшней,—внутренняя честь, внутреннее достоинство человѣка заключается въ его нравственной личности; сущность нравственной личности, долженствующей быть предметомъ почитанія въ человѣкѣ, выражается въ способности человѣка выработать себѣ высшіе нравственные идеалы и считать своей задачей стремиться къ нимъ.

Оскорбленіе чести — это нарушеніе обязательнаго почитанія человѣческаго достоинства, нравственной личности, которую человѣкъ долженъ имѣть и въ себѣ и въ другихъ.

Конструкція юридической обязанности почитанія *собственнаго* нравственнаго достоинства, собственной личности не можетъ быть признана правильной, она противорѣчитъ основному понятію о правѣ, какъ регуляторѣ отношеній людей *другъ къ другу, а не къ самимъ себѣ.* Сфера отношеній человѣка къ самому себѣ должна всецѣло быть отнесена къ области чистой морали, т. е. не охраняемой правомъ. Съ точки зрѣнія проф. Владимірова человѣкъ публично обзывающій самого себя браннымъ словомъ подлежитъ наказанію!

Правильное основное положеніе не боится провѣрки путемъ дальнѣйшихъ логическихъ выводовъ,—проф. Владиміровъ, отстаивая юридическую обязанность почитанія самого себя, долженъ признать указанный выше деликтъ самооскорбленія, затѣмъ деликтъ самооклеветанія...

Очень остроумна конструкція автора деликтовъ пьянства, проституціи и неестественныхъ пороковъ, какъ нарушеній обязанности самопочитанія. Но не признавая правильнымъ основную мысль автора—конструкцію Rechtsgut'a самопочитанія, мы не можемъ согласиться и съ воззрѣніями его на указанные деликты. Впрочемъ, въ отношеніи пьянства и проституціи, авторъ самъ ограничиваетъ примѣненіе уголовной репрессіи условіемъ публичнаго совершенія этихъ проступковъ, сознавая, что въ противномъ случаѣ уголовная репрессія повлекла бы за собой чрезмѣрное вторженіе въ частную жизнь и огромныя злоупотребленія. Въ отношеніи противоестественныхъ пороковъ, авторъ этого ограниченія не дѣлаетъ и въ данномъ случаѣ онъ послѣдовательнѣе, ибо если полагать, что главной задачей уголовнаго права является нравственное воспитаніе народа, надо признать, что безнравственное дѣйствіе остается таковымъ, совершено ли оно публично или нѣтъ.

Изъ практическихъ предложеній автора слѣдуетъ отмѣтить мысль объ уголовной репрессіи предложенія проституціонныхъ услугъ на улицѣ.

Очень интересенъ и оригиналенъ взглядъ на оскорбленіе нравственной личности въ другихъ людяхъ. Авторъ, между прочимъ, стоитъ за то, чтобы преслѣдованіе оскорбленія чести вчиналось по жалобѣ потерпѣвшихъ, но продолжалось ex officio и *не* могло оканчиваться примиреніемъ.

Заслуживаетъ, между прочимъ, серьезнаго вниманія предложеніе автора о расширеніи квалифицированнаго оскорбленія чести введеніемъ новаго квалифицирующаго обстоятельства—особаго уваженія, котораго, завѣдомо для оскорбителя, заслуживаетъ оскорбленный по своей безукоризненной жизни, нравственному характеру и трудамъ на пользу человѣчества. Совершенно справедливыя мысли высказываетъ также авторъ въ главѣ о нарушеніи почитанія внѣшнихъ воплощеній нравственныхъ идей. Нѣсколько далеко заходитъ проф. Владиміровъ только въ предложеніи объ охранѣ чести усопшихъ независимо отъ того живы ли ихъ родственники.

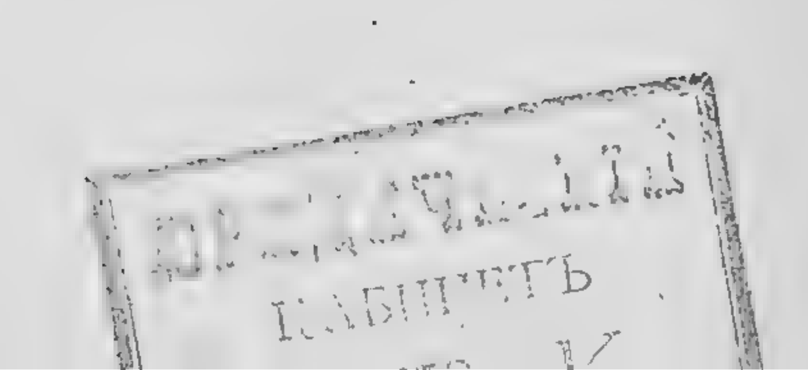
Шестой и послѣдній раздѣлъ книги проф. Владимірова намъ пришлось бы выписывать чуть ли не цѣликомъ, еслибъ мы хотѣли отмѣтить всѣ блестящія и справедливыя мысли, высказанныя въ немъ. Можно присоединиться цѣликомъ къ высказаннымъ въ въ этомъ отдѣлѣ воззрѣніямъ, но съ тѣмъ ограниченіемъ, что цѣль наказанія будетъ вполнѣ достигнута и въ томъ случаѣ, если путемъ его мы добьемся *гражданскаго исправленія* преступника, т. е.

привьемъ ему хоть необходимый minimum нравственности, охраняемой правомъ.

Въ заключеніе еще нѣсколько словъ о внѣшней сторонѣ книги. Написана она сочнымъ, образнымъ, яркимъ языкомъ, легкимъ и популярнымъ, чуждымъ сухости и мѣстами даже почти фельетоннымъ. Авторъ удачно подыскиваетъ удивительно мѣткія выраженія, какъ напр. „совѣстное невмѣненіе", „тарифное изложеніе", употребляетъ съ легкой руки Щедрина рельефные неологизмы, вродѣ „всенипочемство" „никчемность", „всамомдѣлишній" и т. д.

В. Гольденбергъ.

Редакторъ **Г. Б. Сліозбергъ**

ОТЧЕТЪ

По Юридическому Обществу при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ за 1902 г.

Совѣтъ Юридическаго Общества при Императорскомъ С-Петербургскомъ Университетѣ имѣетъ честь представить Годовому Собранію Общества нижеслѣдующій отчетъ о составѣ дѣятельности и состояніи суммъ Общества за 1902 годъ, составляющій 26-й годъ существованія Общества.

I. СОСТАВЪ ОБЩЕСТВА.

Къ 1 января 1902 г. Юридическое Общество состояло изъ 9 почетныхъ членовъ, 355 дѣйствительныхъ и 100 членовъ-сотрудниковъ. Въ теченіе года Общество понесло утрату въ лицѣ скончавшихся дѣйствительныхъ членовъ Общества А. А. Герке и П. М. Михайлова. Выбыло по разнымъ причинамъ 17 дѣйствительныхъ членовъ. Избрано вновь 12 почетныхъ членовъ, 34 дѣйствительныхъ и 2 члена-сотрудника. 3 лица изъ дѣйствительныхъ членовъ Общества избраны его почетными членами, а 4 члена-сотрудника— избраны въ дѣйствительные члены Общества.

Вслѣдствіе такихъ измѣненій, въ составѣ Общества къ 1 января 1903 г. считалось 21 почетныхъ членовъ, 367 дѣйствительныхъ членовъ и 98 членовъ сотрудниковъ.

Совѣтъ Общества, въ отчетномъ году, до годового собранія, состоялъ изъ Предсѣдателя Э. Я. Фукса, Помощника Предсѣдателя В. Д. Спасовича, Членовъ Совѣта: А. А. Книрима, А. Ѳ. Кони, В. К. Случевскаго и Д. А. Дриля и Предсѣдателей Отдѣленій Общества: Гражданскаго—І. И. Карницкаго, Уголовнаго—С. Ф.

Платонова, Административнаго—К. К. Арсеньева и Обычнаго Права А. Г. Гасмана. Въ Годовомъ Собраніи были изданы: на должность членовъ Совѣта, вмѣсто выбывшихъ на основаніи § 22 Устава В. К. Случевскаго и Д. А. Дриля—И. Я. Фойницкій и В. Д. Кузьминъ-Караваевъ; въ члены Ревизіонной Коммисіи: П. А. Юреневъ, Н. А. Полетаевъ, М. М. Винаверъ, Л. І. Петражицкій и М. М. Боровитиновъ, а за отказомъ П. А. Юренева, въ теченіе трехъ лѣтъ исполнявшаго обязанности члена Ревизіонной Коммисіи, въ составъ ея вступилъ, какъ получившій изъ остальныхъ баллотировавшихся наибольшее число голосовъ, Л. В. Шалландъ. На должность Казначея вновь былъ избранъ А. С. Парамоновъ.

Въ настоящее время, на основаніи § 22 Устава, выбываютъ изъ состава Совѣта: Предсѣдатель Э. Я. Фуксъ, Помощникъ Предсѣдаталя В. Д. Спасовичъ и члены Совѣта А. А. Книримъ, и А. Ѳ. Кони. Независимо отъ этого, въ виду избранія В. Д. Кузьмина-Караваева Предсѣдательствующимъ въ Административномъ отдѣленіи подлежитъ замѣщенію третья должность Члена Совѣта. Такимъ образомъ, въ настояшемъ годовомъ Собраніи должны быть произведены выборы:

1) Предсѣдателя Общества.
2) Помощника Предсѣдателя Общества.
3) Трехъ Членовъ Совѣта.
4) Пяти Членовъ Ревизіонной Коммисіи (§ 29 Устава).
и 5) Казначея § 24 Устава).

Составъ Редакціонныхъ Комитетовъ къ 1 января 1903 года былъ слѣдующій:

1) По Гражданскому Отдѣленію.

Предсѣдательствующій—І. И. Карницкій, Товарищъ Предсѣдательствующаго—С. А. Муромцевъ и Члены Редакціоннаго Комитета: А. Ф. Поворинскій, Д. Д. Гриммъ и М. М. Винаверъ.

2) По Уголовному Отдѣленію.

Предсѣдательствующій—С. Ф. Платоновъ, Товарищъ Предсѣдательствующаго—В. Д. Набоковъ и Члены Редакціоннаго Комитета: Г. Б. Сліозбергъ, Г. Г. Евангуловъ и М. М. Боровитиновъ.

3) Административному Отдѣленію.

Предсѣдательствующій—В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, Товарищъ Предсѣдательствующаго—М. И. Свѣшниковъ и Члены Редакціоннаго Комитета; В. М. Гессенъ, І. В. Гессенъ и Н. И. Лазаревскій.

4) По отдѣленію Обычнаго Права.

Предсѣдательствующій А. Г. Гасманъ, Товарищъ Предсѣдательствующаго А. А. Башмаковъ и Члены Редакціоннаго Комитета: И. М. Тютрюмовъ, А. В. Кривошеинъ и С. В. Гомолицкій,

II. ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВА.

А) Совѣтъ Общества.

Въ теченіе отчетнаго года засѣданій Совѣта было четыре (13 января, 26 января, 5 апрѣля, 20 Октября), въ которыхъ, кромѣ текущихъ дѣлъ, были предметомъ сужденій слѣдующіе вопросы:

Въ засѣданіи 13 января Совѣтъ разсматривалъ представленный Секретаремъ проектъ отчета по Обществу за 1901 г. и отчетъ Казначея за тотъ же годъ.

Въ томъ же засѣданіи, Совѣтъ, по предложенію Предсѣдателя Общества, обратилъ вниманіе на желательность болѣе своевременнаго помѣщенія въ журналѣ Общества протоколовъ засѣданій Гражданскаго, Административнаго и Уголовнаго Отдѣленій, за 1901 годъ недоставленныхъ редакціи, и потому постановилъ просить Г.г. Предсѣдательствующихъ въ названныхъ Отдѣленіяхъ обратить вниманіе на своевременное печатаніе протоколовъ. Затѣмъ, по вопросу о выборѣ книгъ, имѣющихъ войти въ составъ образованнаго при библіотекѣ Общества Отдѣла имени А. Ѳ. Кони, Совѣтъ нашелъ наиболѣе соотвѣтственнымъ предоставить А. Ѳ. Кони и составу Совѣта Общества дѣлать предположенія о пріобрѣтеніи тѣхъ или другихъ рекомендуемыхъ ими юридическихъ трудовъ Совѣту Общества, для обсужденія, въ связи съ денежными средствами отдѣла, вопроса о ихъ покупкѣ.

Наконецъ, въ томъ же засѣданіи, Совѣтъ Общества выслушалъ сообщеніе Секретаря о желательности измѣненія установленнаго срока для сбора Казначеевъ членскихъ взносовъ въ теченіе декабря мѣсяца, причемъ лица, внесшія свои взносы за оканчивающійся

годъ, получаютъ безплатно, въ теченіе слѣдующаго, еще неоплаченнаго новымъ взносомъ, года, Журналъ Общества, за его счетъ, съ уплатою изъ кассы Общества по 4 р. 50 к. за экземпляръ, и такимъ образомъ, при неполученіи отъ кого либо изъ членовъ Общества, неимѣвшихъ за текущій годъ недоимки и поэтому получавшихъ Журналъ безплатно,—слѣдующаго съ него годоваго взноса, Общество несетъ въ каждомъ такомъ случаѣ убытокъ въ 4 р. 50 к. Совѣтъ Общества, находя и съ своей стороны ненормальной доставку за счетъ Общества Журнала членамъ, не внесшимъ своихъ очередныхъ за наступившій годъ платежей, постановилъ: поручить В. Д. Набокову выработать совмѣстно съ Казначеемъ Общества и по соглашенію съ Редакторомъ Журнала условія высылки за счетъ Общества Журнала, въ связи со сроками платежей, болѣе отвѣчающія интересамъ Общества.

Кромѣ перечисленныхъ вопросовъ въ засѣданіи 13 Января Совѣтомъ Общества было постановлено предложить Общему Собранію, состоявшемуся затѣмъ 26 января, избрать въ почетные члены Общества, въ ознаменованіе предстоящаго 25-лѣтняго юбилея Общества, слѣдующихъ лицъ: Доктора Государственнаго Права М. М. Ковалевскаго, Доктора Международнаго Права Ѳ. Ѳ. Мартенса, Члена Государственнаго Совѣта, Статсъ-Секретаря Графа К. И. Палена, Члена Государственнаго Совѣта, Статсъ-Секретаря А. А. Сабурова, Предсѣдателя Департамента Законовъ Государственнаго Совѣта, Статсъ-Секретаря Э. В. Фриша, Доктора Государственнаго Права Б. Н. Чичерина, Е. И. Якушкина, Профессора Берлинскаго Университета Франца фонъ-Листа, Члена Французской Академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ Габріэля Тарда и Сенатора Рене Беранже. Настоящее постановленіе Совѣта было, по предложенію И. Я. Фойницкаго, дополнено въ состоявшемся въ день Общаго Собранія 26 Января засѣданіи Совѣта внесеніемъ кандидатуры въ почетные члены Общества его Предсѣдателя Э. Я. Фукса.

Въ засѣданіи 5 Апрѣля Совѣтъ разсматривалъ заключеніе Ревизіонной Коммисіи по отчету за 1901 годъ и постановилъ передать его на обсужденіе Общаго Собранія.

Заключеніе это изложено слѣдующимъ образомъ:

17 марта 1902 г. Ревизіонная Коммисія С.-Петербургскаго Юридическаго Общества разсмотрѣла денежный отчетъ Общества за 1901 годъ, обревизовала книги прихода, расхода и неприкосновеннаго капитала и нашла: что отчетъ составленъ правильно; что со дня послѣдней ревизіи, 14 Февраля 1901 года по 17 Марта 1902

года, движенiе суммъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: остатокъ на 14 Февраля 1901 года составлялъ 20.266 руб. $35^{1}/_{2}$ коп., приходъ за указанный перiодъ—3.275 руб. 20 к., итого 23.541 р. $55^{1}/_{2}$ коп.; расходъ за тотъ же перiодъ составилъ 3.364 руб. 47 коп., въ остаткѣ оказывается 20.177 р. $8^{1}/_{2}$ коп., что остатокъ этотъ заключается, какъ видно изъ представленныхъ Казначеемъ документовъ, въ процентныхъ бумагахъ, хранящихся по роспискамъ Государственнаго Банка, на сумму 17.800 руб. (по нарицательной цѣнѣ), по книжкѣ Сберегательной Кассы 190 руб. $53^{1}/_{2}$ коп. и на текущемъ счету въ С.-Петербургскомъ Учетномъ Ссудномъ Банкѣ 2.186 руб. 55 коп. По поводу послѣдней суммы Коммисiя считаетъ нужнымъ пояснить, что хотя по представленнымъ ей документамъ на текущемъ счету Общества въ С.-Петербургскомъ Учетномъ Ссудномъ Банкѣ значится 2.242 руб. 77 коп., но изъ этой суммы 56 руб. 22 коп. причитаются Казначею Общества, въ виду чего остатокъ по текущему счету выведенъ въ 2.186 руб. 55 коп. Книги и все вообще дѣлопроизводство оказались въ полномъ порядкѣ.

Коммисiя считаетъ своимъ долгомъ отмѣтить, что въ отчетномъ году Канцелярiею Совѣта исполнены слѣдующiе труды, имѣющiе весьма существенное значенiе, частью для исторiи С.-Петербургскаго Юридическаго Общества, частью для исторiи другихъ юридическихъ обществъ въ Россiи: 1) составленъ весьма обстоятельный сводный отчетъ за 25 лѣтъ дѣятельности Общества; 2) собраны рефераты, читанные въ отдѣленiяхъ Общества и вышедшiе отдѣльными оттисками; труды эти составятъ новыхъ 5 томовъ въ дополненiе къ 12 томамъ, упомянутымъ въ заключенiи Ревизiонной Коммисiи отъ 14 февраля 1901 года; 3) собраны и приведены въ систему труды другихъ юридическихъ обществъ въ Россiи; для каждаго общества составляется отдѣльный томъ трудовъ. Организацiя всѣхъ указанныхъ работа должна быть вмѣнена въ особую заслугу Секретаря Общества В. Д. Набокова; исполненiе работъ лежало на Дѣлопроизводителѣ Общества А. Р. Доброхотовѣ, проявившемъ въ теченiе всѣхъ 5 лѣтъ службы и особенно въ теченiе отчетнаго года большое усердiе и добросовѣстность въ исполненiи своихъ обязанностей. Сводный денежный отчетъ за 25 лѣтъ, потребовавшiй весьма значительнаго труда, составленъ Казначеемъ Общества А. С. Парамоновымъ.

Полезная дѣятельность А. С. Парамонова, В. Д. Набокова и А. Р. Доброхотова заслуживаетъ особой признательности.

Въ это же засѣданіе были сообщены Совѣту слѣдующія письма, поступившія отъ вновь избранныхъ почетныхъ членовъ въ отвѣтъ на извѣщеніе ихъ Предсѣдателемъ Общества о таковомъ избраніи.

Charlotenburg, den 30 März 1902.

Hochverechter Herr Präsident.

Durch die mir verliehene Ehrenmitgliedschaft hat die Petersburger Juristische Gessellschaft mich zu dem lebhaftesten Danke verpflichtet. Gern nehme ich die Ehrung an; nicht als eine Anerkennung meiner, trotz ehrlichen Wollens geringen Leistungen: sondern als den Ausdrück des Gedankens, dass unsre Arbeit eine gemeinsame ist. Wie die Wissenschaft die Völker verbindet, so ist auch jeder legislativer Fortschritt in einem Lande ein Gewinn für die Kulturgemeinschaft der Staaten. Die grossen Kriminalisten Russlands haben der Wissenschaft des Strafrechts und dem Kriminalgesetzgeber die Bahnen gewiesen; wir sind stolz darauf, *mit ihnen* Schulter an Schulter gearbeitet zu haben, lehrend und lernend in gegenseitiger Befruchtung. Im Sinne dieser Auffassung sind wir *Mitglieder einer Gessellschaft* schon lange gewessen. Ihr Schreiben durfte mich daher herzlich freuen, onne mich zu beschämen. Es soll mir ein Ansporn sein, mir die Mitgliedschaft stets aufs neue zu verdienen.

Mit der Versicherung ausgezeichnetester Hochachtung

Ihr sehr ergebener *Liszt.*

Болье, вилла Ботава, Деп. Морск. Альпъ.
1 (13) Марта 1902 г.

Милостивый Государь,

Эдуардъ Яковлевичъ.

Приношу въ лицѣ Вашемъ мою искреннюю признательность Петербургскому Юридическому Обществу, почтившему меня своимъ избраніемъ. Я тѣмъ бблѣе дорожу оказанной мнѣ честью, что глубоко убѣжденъ, что въ неудержимомъ развитии нашей гражданственности въ сторону созданія у насъ правовыхъ порядковъ, юридическимъ обществамъ суждено играть выдающуюся роль. Эта увѣренность и побудила меня посвятить мой трудъ о происхожденіи такихъ порядковъ Памяти Московскаго Юридическаго Общества, кото-

раго я также состоялъ почетнымъ членомъ. Приписывая мое избраніе не моимъ личнымъ весьма скромнымъ заслугамъ, а желанію увѣковѣчить связь безвременно погибшаго Общества съ его болѣе счастливымъ собратомъ, я прошу Васъ, Господинъ Предсѣдатель, принять увѣреніе моей признательности и моего глубокаго уваженія.

Максимъ Ковалевскій.

31 Января 1902 г.

Милостивый Государь,

Эдуардъ Яковлевичъ.

Письмомъ отъ 30 Января Ваше Высокопревосходительство меня увѣдомили, что Юридическое Общество при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ, въ ознаменованіе исполняющагося двадцатипятилѣтія существованія общества, избрало меня, въ Общемъ Собраніи, 26 Января, своимъ Почетнымъ Членомъ.

Спѣшу принести Вамъ и Юридическому Обществу мою глубочайшую благодарность за столь великую честь, которой оно меня удостоило. Будучи однимъ изъ членовъ-учредителей Юридическаго Общества, я не переставалъ, въ продолженіи истекшихъ 25 лѣтъ, слѣдить за его плодотворною дѣятельностью съ искреннимъ сочувствіемъ и полнымъ уваженіемъ. Отъ всей души желаю ему успѣшно и блестяще, какъ до сихъ поръ, продолжать свои труды на развитіе русской науки и на пользу дорогого нашего отечества.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ отличномъ моемъ уваженіи и искренней преданности.

Ф. Мартенсъ.

Милостивый Государь,

Эдуардъ Яковлевичъ.

Ваше Высокопревосходительство въ письмѣ отъ 29 сего Января за № 15, изволили сообщить мнѣ объ избраніи меня Юридическимъ Обществомъ при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ, въ Общемъ Собраніи 26 сего Января, почетнымъ членомъ Общества. Вслѣдствіе сего, принося Вамъ, Милостивый Государь, искреннѣйшую мою благодарность за означенное любезное

увѣдомленіе, позволяю себѣ обратиться къ Вашему Высокопревосходительству съ покорнѣйшею просьбою передать состоящему подъ Вашимъ предсѣдательствомъ Юридическому Обществу глубокую мою признательность за высокую честь, оказанную мнѣ избраніемъ меня въ почетные члены Общества.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ отличномъ моемъ уваженіи и совершенной преданности.

Эд. Фришъ.

30 Января 1902 г.

Милостивый Государь,

Эдуардъ Яковлевичъ.

Позвольте мнѣ принести Юридическому Обществу въ лицѣ Вашего Высокопревосходительства мою искреннюю благодарность за оказанную мнѣ честь выборомъ меня почетнымъ его членомъ.

Я былъ особенно польщенъ и порадованъ тѣмъ, что я выбранъ вмѣстѣ съ лицами мнѣ глубоко симпатичными, и блестящія заслуги которыхъ на юридическомъ поприщѣ далеко оставляютъ въ тѣни мою скромную въ этой сферѣ дѣятельность.

Прошу Ваше Высокопревосходительство принять выраженіе моего совершеннаго почтенія и преданности.

А. Сабуровъ

30 Января 1902 г.

Милостивый Государь,

Эдуардъ Яковлевичъ.

Имѣю честь просить Ваше Высокопревосходительство передать мою глубокую благодарность Юридическому Обществу при С.-Петербургскомъ Университетѣ за избраніе меня въ почетные члены Общества.

Примите, Ваше Высокопревосходительство, увѣреніе въ моемъ глубокомъ уваженіи и совершенной преданности.

Е. Якушкинъ.

19 Февраля 1902 г.

Милостивый Государь,

Эдуардъ Яковлевичъ.

Получивъ любезное письмо Вашего Высокопревосходительства отъ 29 Января, въ которомъ Вы увѣдомляете меня объ избраніи меня почетнымъ членомъ находящагося подъ Вашимъ предсѣдательствомъ Юридическаго Общества, поставляю себѣ пріятнымъ долгомъ выразить Вамъ и всѣмъ членамъ Общества сердечную и искреннѣйшую мою признательность за ту честь, которую Вы мнѣ сдѣлали этимъ для меня лестнымъ избраніемъ.

Пользуясь настоящимъ случаемъ, чтобы возобновить Вашему Высокопревосходительству выраженіе искренняго моего къ Вамъ уваженія и преданности.

Графъ К. Паленъ.

Петербургъ.
2 Февраля 1902 г.

Monsieur le Sénateur.

Je vous prie de vouloir bien exprimer à la Société Juridique de St. Pétersbourg les sentiments de reconnaissance que je lui dois pour l'honneur qu'elle m'a fait en me comprenant au nombre de ses membres honoraires. Je suis particuliérement flatté des motifs qu'elle a donnés à cette décision.

Je vous remercie personnellement, Monsieur le Sénateur, des termes dans lesquels vous m'avez informé de ma nomination et vous prie d'agréer l'assurance de ma respectueuse considération.

Tarde.

Paris, 5 Avril 1902.

Monsieur le Président.

Je suis profondement honoré de la haute faveur qui vient de m'être attribuée par la Société Juridique de St. Pétersbourg et vous remercie des termes d'une si flatteuse courtoise avec lesquels vous avez bien voulu me l'annoncer.

Je vous prie de vouloir bien exprimer à vos honorables collegues et agréer pour vous même mes sentiments de vive gratitude.

La haute estime dont est entourée votre savante société me fait atacher

un prix tout particulier à recevoir ainsi une communication plus regulière et plus directe de ses travaux et je serai heureux le cas échéant de pouvoir y collaborer.

Veuillez agréer, Monsieur le Président, l'expression de mes sentiments de haute considération et d'estime.

R. Bérenger.

Sénateur membre de l'Institut de France.

Въ послѣднемъ засѣданіи Совѣта 20 октября отчетнаго года Совѣтъ выслушалъ сообщеніе Предсѣдателя Общества о томъ, что ко дню юбилея „Société generale des prisons" была послана отъ имени Общества слѣдующая телеграмма:

«La Société Juridique de St. Pétersbourg me charge de présenter à la Société Générale des Prisons ses félicitations sincères à l'occasion du jubilé d'aujourd'hui. C'est avec un sentiment de lègitime argueil que la Société Générale peut jeter un ragard retrospectif sur le travail d'un quart de siécle écoulé. Puisse l'avenir apporter un nouvel essor à l'énergie féconde de vos labeurs voués au bien de votre beau pays et au prógrès du droit et de la civilisation».

Б) Годовое Собраніе.

Въ годовомъ собраніи, происходившемъ 26 января 1902 г., былъ предъявленъ отчетъ Совѣта о дѣятельности Общества за 1901 г. Въ виду того, что отчетъ былъ разосланъ г.г. членамъ Общества до дня Собранія, чтенія его въ Собраніи не было.

Затѣмъ были произведены выборы на должности двухъ членовъ Совѣта, членовъ Ревизіонной Коммисіи и Казначея Общества.

Избранными оказались:

1) На должность членовъ Совѣта: И. Я. Фойницкій и В. Д. Кузьминъ-Караваевъ.

1) Членами Ревизіонной Коммисіи: П. А. Юреневъ, Н. А. Полетаевъ, М. М. Винаверъ, Л. І. Петражицкій и М. М. Боровитиновъ. За отказомъ П. А. Юренева, исполнявшаго въ теченіе трехъ лѣтъ обязанности члена Ревизіонной Коммисіи, въ составъ ея вступилъ, какъ получившій, изъ остальныхъ баллотировавшихся, наибольшее количество голосовъ, Л. В. Шалландъ.

и 3) На должность казначея, вновь А. С. Парамоновъ

По предложенію Предсѣдателя, годовое Собраніе выразило свою глубокую благодарность Казначею Общества А. С. Парамонову, за его весьма цѣнное для Общества и въ высшей степени заботливое и аккуратное завѣдываніе денежною частью въ Обществѣ.

В) Общее Собраніе.

Общихъ Собраній въ отчетномъ году состоялось четыре.

Въ первомъ изъ нихъ, имѣвшимъ мѣсто 17 января, были избраны въ дѣйствительные члены Общества И. М. Тютрюмовъ, В. Н. Бобровъ, Б. Ф. Кутыловскій, С. Ф. Рымовичъ, В. М. Бобрищевъ-Пушкинъ, П. Г. Тимофѣевъ, А. Ф. Сулиговскій, С. П. Суходольскій, Н. А. Звѣревъ, Н. М. Рейнке и Н. Ф. Николинъ.

Въ слѣдующемъ Общемъ Собраніи 26 января, по открытіи засѣданія, секретаремъ, В. Д. Набоковымъ, было сообщено Собранію о состоявшемся постановленіи Совѣта Общества, коимъ, въ ознаменованіе исполняющагося двадцатипятилѣтія существованія Юридическаго Общества, предлагаются къ избранію въ Почетные Члены Общества нижеслѣдующія лица:

1. Докторъ Государственнаго права, Максимъ Максимовичъ Ковалевскій.

2. Докторъ Международнаго права, Профессоръ С.-Петербургскаго Университета Өедоръ Өедоровичъ Мартенсъ.

3. Статсъ-Секретарь, Членъ Государственнаго Совѣта, Графъ Константинъ Ивановичъ Паленъ.

4. Докторъ Гражданскаго права Сергѣй Андреевичъ Муромцевъ.

5. Статсъ-Секретарь, Членъ Государственнаго Совѣта, Андрей Александровичъ Сабуровъ.

6. Статсъ-Секретарь, Предсѣдатель Департамента Законовъ Государственнаго Совѣта Эдуардъ Васильевичъ Фришъ.

7. Докторъ Государственнаго права Борисъ Николаевичъ Чичеринъ.

8. Евгеній Ивановичъ Якушкинъ.

9. Профессоръ Берлинскаго Университета Францъ фонъ-Листъ.

10. Членъ Французской академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ Габріель Тардъ.

11. Рене Беранже, бывшій французскій министръ общественныхъ работъ, сенаторъ.

По прочтеніи Секретаремъ Общества вышеизложеннаго предложенія Совѣта, присутствовавшимъ въ Собраніи Почетнымъ Членомъ Общества, И. Я. Фойницкимъ, было сдѣлано заявленіе, къ которому присоединились присутствовавшіе въ Собраніи члены Общества, о включеніи въ число лицъ, предлагаемыхъ Совѣтомъ къ баллотировкѣ въ Почетные Члены Общества, Предсѣдателя Общества, Сенатора Эдуарда Яковлевича Фукса.

Присутствовавшій въ засѣданіи Предсѣдатель Гражданскаго Отдѣленія Общества, І. И. Карницкій, принявъ на себя временное предсѣдательствованіе въ Собраніи, внесъ сдѣланное И. Я. Фойницкимъ предложеніе, отъ имени Совѣта, на баллотировку.

По произведенномъ подсчетѣ голосовъ выяснилось, что всѣ двѣнадцать лицъ избраны въ Почетные Члены Юридическаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ.

Затѣмъ Собранію были предложены кандидаты къ избранію въ дѣйствительные члены Общества: Владиміръ Васильевичъ Акимовъ и Иванъ Дмитріевичъ Мордухай-Болтовскій.

Оба названныя лица были избраны Общимъ Собраніемъ въ дѣйствительные Члены Общества.

По окончаніи выборовъ, на обсужденіе Собранія былъ предложенъ вопросъ о преміяхъ по Обществу (правила, выработанныя Совѣтомъ по этому предмету, были напечатаны, для предварительнаго ознакомленія Членовъ Общества съ предметомъ вопроса, въ № 6 „Вѣстника Права“ за 1900 г.).

Общее Собраніе, подробно обсудивъ предложенный на его разсмотрѣніе вопросъ и сдѣлавъ нѣкоторыя измѣненія въ правилахъ, проектированныхъ Совѣтомъ, поручило послѣднему выработать окончательную редакцію, согласно послѣдовавшимъ сужденіямъ.

Въ Общемъ Собраніи 1 марта 1902 г. избраны въ дѣйствительные члены Общества слѣдующія лица: Графъ Владиміръ Александровичъ Мусинъ-Пушкинъ; Иванъ Ивановичъ Кириловъ, Баронъ Павелъ Александровичъ Раушъ фонъ-Траубенбергъ; Николай Николаевичъ Таганцевъ; Иванъ Игнатьевичъ Дунинъ - Слѣпецъ; Михаилъ Аполлоновичъ Корниловичъ; Владиміръ Федоровичъ Дерюжинскій; Иннокентій Клавдіевичъ Максимовичъ; Федоръ Александровичъ Рыжовъ; Владиміръ Владиміровичъ Пржевальскій и Витольдъ Граціановичъ Еловицкій.

Затѣмъ, въ Общемъ Собраніи 30 апрѣля было предложено вниманію Собранія заключеніе Ревизіонной Коммисіи по отчету

за 1901 г. Выслушавъ это заключеніе и не встрѣчая никакихъ возраженій по существу отчета, Оащее Собраніе постановило:

1) Отчетъ Совѣта Общества за 1901 г. утвердить.

2) Выразить благодарность лицамъ, упомянутымъ въ заключеніи Ревизіонной Коммисіи.

Затѣмъ были произведены выборы дѣйствительныхъ членовъ изъ кандидатовъ, предложенныхъ Совѣтомъ.

Избранными оказались: Дмитрій Дмитріевичъ Набоковъ, Василій Михайловичъ Нечаевъ, Григорій Самойловичъ Фельдштейнъ и Владиміръ Абрамовичъ Гольденбергъ.

Наконецъ, въ послѣднемъ въ отчетномъ году Общемъ Собраніи, состоявшемся 21 декабря, были избраны въ дѣйствительные члены Общества: М. Н. Кочуковъ, Н. В. Мёллеръ, Прис. пов. Герцманъ, Д. А. Марковичъ, Д. О. Зайденманъ и В. Г. Дехтеревъ, а также предложена на утвержденіе Собранія и принята Собраніемъ составленная Совѣтомъ Общества, согласно постановленію Общаго Собранія, нижеслѣдующая редакція правилъ о преміяхъ Общества:

Положеніе о преміяхъ Юридическаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ.

1) Преміи Юридическаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ выдаются за сочиненія изъ области юридическихъ наукъ, написанныя на русскомъ языкѣ, на темы, предложенныя Юридическимъ Обществомъ.

2) Темы предлагаются Редакціонными Комитетами Отдѣленій Общества и утверждаются Совѣтомъ Общества. Въ томъ же порядкѣ назначаются сроки для представленія сочиненій на заданныя темы.

Совѣтъ изыскиваетъ способы къ своевременному обнародованію избранныхъ темъ и условій сочиненій на конкурсъ.

3) Темы назначаются ежегодно по одному или по двумъ Отдѣленіямъ Общества. По каждому Отдѣленію назначается не болѣе одной темы. Совѣтъ устанавливаетъ очередь между Отдѣленіями для перваго назначенія темъ, и затѣмъ эта очередь сохраняется на будущее время.

4) Сочиненія представляются въ рукописи, безъ указанія фамиліи автора. Фамиліи указываются въ приложенномъ въ рукописи запечатанномъ конвертѣ, подъ девизомъ.

Рукописи адресуются на имя Предсѣдателя Юридическаго Общества, который передаетъ ихъ Предсѣдателямъ Отдѣленій по принадлежности.

Примѣчаніе: Сочиненія могутъ быть представлены, съ соблюденіемъ указанныхъ въ § 4 условій, и на самостоятельно выбранныя темы.

5) Сочиненія разсматриваются Редакціонными Комитетами Отдѣленій, при участіи приглашенныхъ для сего, по выбору подлежащаго Комитета, членовъ Общества. Число приглашаемыхъ членовъ Общества должно быть не менѣе двухъ по каждому Отдѣленію.

6) Редакціонный Комитетъ передаетъ сочиненіе для рецензіи одному изъ своихъ членовъ, либо одному изъ приглашенныхъ, на основаніи предыдущаго параграфа, членовъ Общества. По выслушаніи представленныхъ рецензентами письменныхъ отзывовъ, общее совѣщаніе постановляетъ свое заключеніе по разсмотрѣннымъ сочиненіямъ. Заключеніе это представляется затѣмъ Редакціоннымъ Комитетомъ на утвержденіе Совѣта Общества.

7) За сочиненіе, признанное вполнѣ удовлетворительнымъ, присуждается премія въ размѣрѣ трехсотъ рублей. Менѣе достойные, но не лишенные научнаго значенія, труды награждаются почетными отзывами.

Рецензентамъ выдаются, за труды по составленію рецензій, медали установленнаго Совѣтомъ Общаго образца.

8) При равенствѣ достоинствъ нѣсколькихъ сочиненій премія дѣлится между авторами поровну. Премія, оставшаяся неприсужденною по одному Отдѣленію, можетъ быть предоставлена Совѣтомъ въ распоряженіе другого Отдѣленія, для награжденія двухъ равно достойныхъ работъ преміями въ полномъ размѣрѣ.

Преміи, вовсе неизрасходованныя, если срокъ на представленіе сочиненія на данную тему не будетъ Совѣтомъ продленъ, причисляются къ неприкосновенному фонду премій (§ 10).

9) Чтеніе отчета о присужденіи премій, почетныхъ отзывовъ и медалей происходитъ въ Общемъ Собраніи Юридическаго Общества. Отчетъ печатается затѣмъ въ журналѣ Общества.

10) На выдачу премій и на расходы по изготовленію медалей назначаются проценты съ особаго неприкосновеннаго капитала, именуемаго фондомъ премій. Фондъ этотъ образуется: а) изъ суммъ, имѣющихъ быть собранными по особой, открываемой Совѣтомъ

между членами Общества, подпискѣ, и б) изъ специальныхъ пожертвованій лицъ, интересующихся успѣхами законовѣдѣнія въ Россіи.

11) До тѣхъ поръ, пока проценты на неприкосновенный фондъ премій не будутъ покрывать всѣхъ расходовъ по преміямъ и медалямъ, Совѣту предоставляется назначать, изъ свободныхъ суммъ Общества, одну или двѣ преміи, съ тѣмъ, чтобы ассигнуемая на означенные расходы сумма во всякомъ случаѣ не превышала 700 рублей.

Г) Отдѣленія Общества.

1. Гражданское Отдѣленіе.

Въ 1902 году Редакціонный Комитетъ Гражданскаго Отдѣленія имѣлъ пять засѣданій, посвященныхъ разсмотрѣнію внесенныхъ въ Отдѣленіе докладовъ и другихъ текущихъ дѣлъ.

Засѣданій Гражданскаго Отдѣленія въ теченіе 1902 г., было *шесть*. 1) Въ засѣданіи *18 Января* былъ выслушанъ докладъ *Н. А. Полетаева*: *„Юридическія сдѣлки и психологія“* и произошли пренія по этому докладу. 2) Засѣданіе *16 Февраля* было посвящено выслушанію доклада *Б. Ф. Кутыловскаго: „Отчужденіе земель подъ желѣзныя дороги по отношенію къ правамъ на нѣдра земли“* и преніямъ къ покладу. Въ этомъ же засѣданіи состоялись выборы Предсѣдательствующаго, его Товарища и Членовъ Редакціоннаго Комитета. 3) Въ засѣданіи *5 Апрѣля* выслушанъ былъ докладъ *И. Е. Ильяшенко: „О правѣ наслѣдованія супруговъ съ точки зрѣнія будущаго Гражданскаго Уложенія“* и произошли пренія по этому докладу. 4) Въ засѣданіи *10 Мая* Предсѣдательствующій *І. И. Карницкій* сдѣлалъ сообщеніе о препровожденномъ Юридическому Обществу для замѣчаній проектѣ Гражданскаго Уложенія Книги II-й: *„Семейственное Право“* и Книги III: *„Вотчинное Право“*. Затѣмъ, для разсмотрѣнія этихъ книгъ была избрана Коммисія подъ предсѣдательствомъ *С. А. Муромцева* изъ Членовъ: *А. Ѳ. Брандта, М. М. Винавера, Д. Д. Гримма, Г. Г. Евангулова, Бар. А. Ф. Мейендорфа, В. М. Нечаева, Б. В. Никольскаго, А. А. Пиленко, Н. А. Полетаева, Н. М. Рейнке* и *Р. Р. Транзеге*, съ предоставленіемъ предсѣдателю Коммисіи приглашать и другихъ лицъ къ участію въ ея работахъ. Въ томъ же засѣданіи Гражданскаго Отдѣленія (10 Мая) выслушанъ былъ докладъ *Н. М. Рейнке*: *„О защитѣ крестьянскаго землевладѣнія въ губерніяхъ Царства Польскаго“*

и послѣдовали пренія по этому докладу. Два послѣднія засѣданія 1 и 15 Ноября (5-ое и 6-ое) были посвящены выслушанію доклада *П. И. Бѣляева: „Объ историческихъ основахъ и юридической природѣ современнаго русскаго завѣщанія“* и преніямъ по этому докладу.

Избранная въ засѣданіи 10 Мая Коммисія для разсмотрѣнія проектовъ Книги II и III Гражданскаго Уложенія имѣла въ отчетномъ году семь засѣданій, въ коихъ установленъ былъ общій планъ занятій, обсуждены постановленія проекта Книги III объ Авторскомъ Правѣ о Правѣ на изобрѣтенія, а также общіе принципы, положенные въ основу постановленій Проекта Книги II-й по брачному Праву.

Работы Гражданскаго Отдѣленія Юридическаго Общества въ 1902 г., какъ это видно изъ предыдущаго обзора, или прямо касались предметовъ, составляющихъ содержаніе проектовъ Гражданскаго Уложенія, котораго двѣ послѣднія по времени Книги (IV и I) вскорѣ будутъ сообщены Юридическому Обществу, или, по крайней мѣрѣ, обыкновенно имѣли въ виду названные предметы. Этимъ общимъ замѣчаніемъ характеризуются вообще труды Гражданскаго Отдѣленіи за послѣдніе годы.

2. Уголовное Отдѣленіе.

Редакціонный Комитетъ имѣлъ пять засѣданій, которыя были посвящены разсмотрѣнію текущихъ дѣлъ Отдѣленія и предварительному обсужденію внесенныхъ въ оное докладовъ.

Засѣданій Отдѣленія въ отчетномъ въ 1902 году было назначено восемь; но изъ нихъ одно, 19 Января, не состоялось за прибытіемъ въ оное, кромѣ членовъ Редакціоннаго Комитета и докладчика, всего 3-хъ членовъ.

Предметомъ же занятій остальныхъ 7 засѣданій были слѣдующіе доклады и сообщенія, а также бесѣды и пренія по онымъ:

1) Г. С. Фельдштейна (докладъ) „о возобновленіи уголовныхъ дѣлъ, возстановленіи въ правахъ и вознагражденіи невинно къ суду привлеченныхъ“.

2) В. А. Гольденберга (докладъ) „о доброкачественной промышленной конкуренціи“.

3) А. А. Жижиленко (сообщеніе) „къ вопросу объ организаціи арестантскихъ сельско-хозяйственныхъ колоній“.

4) В. Г. Еловицкаго (докладъ) „Желательныя мѣры для болѣе строгаго проведенія на практикѣ принципа индивидуальности уголовнаго наказанія“.

5) *В. Д. Набокова: „Плотскія преступленія по проекту Уголовнаго уложенія“*, докладъ, возбудившій продолжительныя, въ теченіе 2-хъ засѣданій, и въ высшей степени интересныя пренія, съ участіемъ самыхъ выдающихся криминалистовъ, принадлежащихъ къ составу Общества.

3. Административное Отдѣленіе.

Редакціонный Комитетъ Административнаго Отдѣленія имѣлъ въ теченіе 1902 года 4 засѣданія для обсужденія предстоявшихъ къ выслушанію докладовъ.

Административное Отдѣленіе имѣло въ томъ же году шесть засѣданій.

Засѣданіе 25 января было посвящено слушанію доклада *И. М. Страховскаго* на тему: *„Крестьянскіе семейные раздѣлы“ (Исторія и современное положеніе этого вопроса).*

Въ засѣданіи 26 февраля былъ выслушанъ докладъ *А. Ф. Сулиговскаго: „О городскомъ управленіи въ губерніяхъ Царства Польскаго“.*

18 Марта состоялись выборы бюро Отдѣленія и докладъ *Н. И. Лазаревскаго: „Уставъ о службѣ по опредѣленію отъ Правительства“.*

Предметомъ занятій засѣданія 30 апрѣля былъ докладъ *К. К. Арсеньева: „Настоящее положеніе вопроса о мелкой земской единицѣ“.*

Въ засѣданіи 19 ноября былъ выслушанъ докладъ *И. М. Страховскаго: „Крестьянское общественное управленіе и его реформа“.*

25 ноября происходили пренія по этому докладу.

4. Отдѣленіе Обычнаго Права.

Въ помощь Редакціонному Комитету, была назначена, на основаніи постановленій Отдѣленія отъ 6 мая 1899 г. и 25 марта 1900 г., Дополнительная Коммисія изъ слѣдующихъ лицъ: В. В. Акимовъ, Э. Н. Берендтсъ, А. Ф. Волковъ, А. Н. Гейне, А. М. Евреинова, С. А. Кудрявцевъ, И. Е. Мордухай-Болтовской, М. Д. Немировскій, А. А. Папковъ, Н. А. Рейтлингеръ, В. И. Срезневскій, В. И. Соковнинъ, П. Г. Тимофѣевъ, Ю. Д. Филипповъ, А. Н. Харузинъ и Д. Д. Черновъ.

Отдѣленіе Обычнаго Права имѣло, въ отчетномъ году, 4 засѣданія, въ коихъ прочтено было 5 рефератовъ, а именно:

1-ое засѣданіе, въ коемъ выслушанъ былъ рефератъ *А. М. Евреиновой:* „Артельныя Избы и Центральная Артельная Палата“.

2-ое засѣданіе, рефератъ *А. I. Доливо-Добровольскаго:* „Законъ и обычай въ эволюціи Морскаго Права“.

3-ье засѣданіе, рефераты *А. А. Башмакова.* „Принципъ тождества чередующихся формъ, при вымираніи и возникновеніи юридическихъ обычаевъ“ и *А. А. Савельева:* „О значеніи рѣшеній волостныхъ судовъ, какъ матеріала для установленія правовыхъ воззрѣній русскаго народа“.

4-ое засѣданіе, рефератъ *В. В. Акимова:* „Сѣверно-русскіе союзы народныхъ артелей“.

Редакціонный Комитетъ съ Дополнительной Коммисіей имѣли 2 засѣданія, въ коихъ между прочимъ обсуждался вопросъ объ изысканіи необходимыхъ средствъ для устройства работъ по обычному праву на болѣе прочныхъ основаніяхъ и въ особенности для осуществленія проекта опубликованія этихъ трудовъ. Редакціонный Комитетъ остановился на мысли о необходимости ассигнованія на этотъ предметъ правительственной субсидіи.

ОТЧЕТЪ

Казначея С.-Петербургскаго Юридическаго Общества

за 1902 годъ.

СОСТОЯНІЕ СУММЪ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

I. Приходъ.

Оставалось на 1 Декабря 1901 года.

А) Капитала Юридическаго Общества.

1) Въ процентныхъ бумагахъ:

	Рубли.	Коп.
Четыре свидѣтельства 4% Государственной ренты по роспискѣ Государственнаго Банка за № 52,902 на	15.100	—
Въ этой суммѣ значилось *неприкосновеннаго капитала* Юридическаго Общества 9.600 р., а по 1 Января 1902 г.—9.700 р.		

2) Въ наличныхъ деньгахъ:

а) на текущемъ счету въ С.-Петербургскомъ Учетномъ и Ссудномъ Банкѣ	1.872	37
а по 1 Января 1902 г.	2.602	—
б) У Казначея Юридическаго Общества . .	91	37
Итого .	17.063	74
А по 1 Января 1902 г. .	17.793	37

Б) Капитала для преміи за сочиненіе по Торговому Праву.

а) Три свидѣтельства 4% Государств. ренты по роспискѣ Государствен. Банка за № 765,279 на	2.100	—

б) Двѣ облигаціи $4^1/_2\%$ С.-Петерб. Городск. Кредитн. Общ. по роспискѣ Государств. Банка за № 53,395 на	600	—
в) Книжка С.-Петербургской Государственной Сберегательной Кассы за № 1236 на . . .	190	$53^1/_2$
Итого .	2.890	$53^1/_2$
А всего .	19.954	$27^1/_2$
Поступило въ отчетномъ 1902 году:		
1) Членскихъ взносовъ (по 1 Декабря) . .	3.081	—
а по 1 Января 1903 г. .	3.431	—
2) Процентовъ съ капитала	670	15
Итого .	3.751	15
А всего .	23.705	$42^1/_2$

II. Расходъ.

1) Выдано редактору Журнала Юридич. Общества—„Вѣстникъ Права" Г. Б. Сліозбергу, за разсылку этого журнала безплатно г.г. Членамъ Юрид. Общества въ 1902 г.	1.548	50
Ему же за печатаніе работъ по юбилею . .	250	—
2) Выдано жалованье дѣлопроизводителю А. Р. Доброхотову, состоящему при Секретарѣ и Библіотекѣ Юридическаго Общества (за 1902 г. и Декабрь 1901 г.).	520	—
Ему же за дополнительные расходы по юбилейной коммисіи	28	47
3) Уплачено въ Государствен. Типографію, за работы для Юридическаго Общества	371	68
4) Выдано г. Секретарю Юридич. Общества, авансомъ, на текущіе канцелярскіе расходы . .	300	—
5) Уплачено артельщику по сбору членскихъ взносовъ за 1901 г.	27	30
Ему же за 1902 г.	28	90
6) Отослано почтой въ Сберегательную Кассу, подъ квит. № 8285, въ капиталъ за сочиненіе по Торговому Праву	105	—
7) Выдано г. Казначею, за произведенные по Юридич. Обществу расходы	45	21

8) Уплачено Тенишевскому училищу за пользованіе тамъ помѣщеніемъ (зало) въ день XXV лѣт. юбилея Юридич. Общ.	50	—
Итого .	3.275	6

III. Остатокъ на 1 Декабря 1902 года.

А) Капиталъ Юридическаго Общества.

1) Въ процентныхъ бумагахъ:		
а) Четыре свидѣт. 4% Госуд. ренты по роспискѣ Госуд. Банка за № 52,902 на	15.100	—
Въ этой суммѣ значится неприкосновеннаго капитала 9.900 р., а по 1 Января 1903 г.—*неприкосновеннаго капитала 10.000 рублей.*		
2) Въ наличныхъ деньгахъ:		
а) На текущемъ счету въ Учетномъ и Ссудномъ Банкѣ	2.050	57
б) У Казначея Юридическаго Общества . .	83	26
а по 1 Января на текущемъ счету . . .	2.213	78
Итого .	17.233	83

Б) Капитала, пожертвованнаго на устройство при Библіотекѣ Юридическаго Общества Отдѣла Библіотеки имени почетнаго члена Юридическаго Общества, Сенатора А. Ѳ. Кони	201	—
а по 1 Января 1903 г. съ %	205	15

В) Капитала для преміи за сочиненіе по Торговому Праву.

а) Три свидѣт. 4% Госуд. ренты по росп. Госуд. Банка № 765,279 на	2.100	—
б) Двѣ облигаціи 4½% С.-Петерб. Город. Кред. Общ. по роспискѣ Государств. Банка № 53,395 на	600	—
в) По книжкѣ С.-Петербург. Сберег. Кассы за № 1,236 на	295	53½
Итого .	2.995	53½
А всего капитала сего для преміи состоитъ по 1 Января 1903 г.	3.002	37½
А всего общая сумма расхода и остатка . .	23.705	42½

Всѣ Капиталы Юридическаго Общества, въ процент. бумагахъ заключающіеся, показаны по нарицательной цѣнѣ; они состояли и состоятъ въ завѣдываніи и управленіи Государств. Банка, по счету его за № 1528; а деньги хранятся въ Учетн. и Ссудномъ Банкѣ и въ С.-Петербургской Сберегательной Кассѣ по книжкамъ за №№ 3934 и 1236.—Казначейскій годъ, по § 10 Устава Юридич. Общества, считается съ 1 Декабря, а отчетъ по обычаю всегда представляется по истеченіи номинальнаго года.

Сравненіе финансоваго состоянія Юридическаго Общества за 1901 и 1902 г.г.

А) О капиталахъ Юридическаго Общества вообще.

1) Въ 1901 году общая сумма прихода, расхода и остатка была . . . . 23.940 р. $6^1/_2$ к.

2) Въ 1902 году общая сумма прихода, расхода и остатка составляетъ . . . . . 23.705 — $42^1/_2$ —

3) Пожизненныхъ членовъ Юридич. Общества, сдѣлавшихъ единовременные 100-рублевые взносы, прибавилось въ отчетномъ 1902 г. *двое*, а къ 1 января 1903 г. *трое*. Всѣхъ пожизненныхъ членовъ, со дня учрежденія Юридическаго Общества въ теченіи 25 лѣтъ, по 1 января 1903 г. записалось *сто* лицъ.

4) Членскихъ взносовъ всѣхъ: годовыхъ по *10* руб. и пожизненныхъ по *100* руб., въ 1901 году уплатили, по 1 декабря 255 лицъ.
а по 1 января 1902 г. . . . . 304 —

Въ 1902 г. сборъ этихъ взносовъ былъ еще успѣшнѣе. Членскіе взносы уплатили по 1 декабря . . . . 285 лицъ.
а по 1 января 1903 г. . . . . 328 —

Б) О неприкосновенномъ и расходномъ капиталахъ Юридическаго Общества.

1) Неприкосновеннаго капитала въ Юридич. Обществѣ, образуемаго согласно § 10 Устава Юридич. Общества изъ сторублевыхъ членскихъ взносовъ, со дня открытія Юридическаго Общества въ С.-Петербургѣ, т. е. съ 23 февраля 1877 года по 31 декабря 1901 г. включительно, состояло . . . . . . 9.700 р. „ к.

А къ 1 января 1903 г. сего капитала состоитъ . . . . 10.000 — „ —

2) Сего капитала въ 1895 году, при вступленіи въ должность нынѣ состоящаго Казначея Юридич. Общества, состояло . . . 5.900 — „ —

Слѣдовательно капиталъ этотъ, черезъ 7 лѣтъ, почти удвоился.

3) Расходнаго капитала въ 1901 г. состояло по 31 декабря включительно . . . 8.093 р. 37 к.

А въ отчетномъ 1902 году его состоитъ по 31 декабря 1902 г. . . . . 7.397 — 4 —

Меньше прошлаго года, вслѣдствіе возникшихъ типографскихъ и другихъ расходовъ по XXV-лѣтнему юбилею Юридическаго Общества.

В) Спеціальнаго капитала на устройство, при Библіотекѣ Юридическаго Общества, Отдѣла Библіотеки,—имени почетнаго члена Юридическаго Общества, Сенатора А. Ѳ. Кони, состоитъ къ 1 января 1903 г. съ % . . . . 205 р. 15 к.

Капиталъ этотъ присланъ изъ редакціи Русскихъ Вѣдомостей.

Г) О спеціальномъ капиталѣ для преміи за сочиненіе по Торговому Праву.

О преміи на такое сочиненіе было опубликовано отъ Юридическаго Общества и назначено для премій 2000 рублей, но удовлетворительныхъ сочиненій не представлено.

Сего капитала въ Юридическомъ Обществѣ къ 1 января 1902 года состояло . . 2.890 р. 53 к.

Въ настоящее время къ 1 января 1903 г. сего капитала, для преміи, состоитъ . . . 3.002 — 37½—

Казначей *А. Парамоновъ.*

Подписали: Предсѣдатель *Эд. Фуксъ.*

Члены Совѣта *Ив. Фойницкій.*
А. Кони.
С. Платоновъ.
І. Карницкій.
А. Гасманъ.
В. Кузьминъ-Караваевъ.

Секретарь *Вл. Набоковъ.*

40

К.

Объ изданіи въ 1903 году

„ВѢСТНИКА ПРАВА",

ЖУРНАЛА ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ,

издаваемаго подъ редакціею Г. Б. СЛІОЗБЕРГА.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (за исключеніемъ іюля и августа) въ количествѣ 10 книгъ въ годъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	на годъ	*по полугодіямъ* Январь	Іюнь
Въ С.-Петербургѣ безъ доставки	8 р. — к.	4 р. — к.	4 р. — к.
„ „ съ доставкою	8 „ 50 „	4 „ 50 „	4 „ — „
Въ другихъ городахъ съ доставкою	9 „ — „	5 „ — „	4 „ — „
За-границей	12 „ — „	7 „ — „	5 „ — „

Подписывающіеся на одинъ мѣсяцъ платятъ 1 р. 20 к. съ доставкою.

Съ приложеніемъ сборника рѣшеній Кассаціонныхъ Департаментовъ и Общаго Собранія Сената, въ оффиціальномъ изданіи, разсылаемаго подписчикамъ немедленно по выходѣ листовъ изъ Сенатской типографіи (въ распоряженіи редакціи имѣется 500 экземпляровъ): за Журналъ съ Сборникомъ, съ доставкою въ С.-Петербургѣ 12 р. 50 к., съ пересылкою въ другіе города—13 р., или по полугодіямъ—въ январѣ 8 р. и въ іюнѣ 5 р.

Кандидаты на судебныя и военно-судебныя должности и учащіеся платятъ при подпискѣ по 4 р. 50 к. въ годъ съ доставкою и пересылкою, а съ приложеніемъ рѣшеній 8 р. 50 к. Подписчики на 1902 г. могутъ получить всѣ 10 книгъ 1899 г. при высылкѣ 5 р. 50 к., а 10 книгъ 1900 г. съ приложеніемъ 3 томовъ проектовъ новой редакціи учр. суд. уст., уст. гражд. суд. и уст. угол. суд. за 6 руб., за 1901 и 1902 гг. по 5 руб. за годъ.

Подписка принимается въ конторѣ: „Вѣстника Права", Верейская д. № 12 и кромѣ того:

Въ С.-Петербургѣ: 1) Н. К. Мартынова, Невскій пр. уголъ Б. Садовой № 50–15; 2) „Новое Время" А. С. Суворина, Невскій 38; 3) Общество французской книжной торговли, бывш. Мелье, преемникъ А. Ф. Пизерлингъ, Невскій пр. 20; 4) Магазинъ Юридической Литературы Д. В. Чичинадзе, Невскій пр. 59; 5) Книжный магазинъ Н. П. Карбасникова, Литейный пр 46.

Въ Москвѣ: Въ книжномъ магазинѣ Журнала „Русская Мысль" Б. Никитская.

Въ Кіевѣ: 1) Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ 33; 2) И. А. Розова, Крещатикъ, домъ Марръ.

Въ Варшавѣ: С.-Петербургскій книжный складъ, Новый Свѣтъ, 67.

Въ Одессѣ: 1) И. А. Розова, Дерибасовская, противъ сада.

Въ Харьковѣ: Кн. Маг. Дредера.

Въ Казани: 1) Бр. Башмаковыхъ, Городской Пассажъ; 2) А. А. Дубровина Гостиный дворъ № 1.

Въ Перми: О. П. Петровской, Сибирская, домъ Евреиновой.

Въ Полтавѣ: Книжный Магазинъ Перельцвейга.

Въ Тифлисѣ: Центральная книжная торговля.

Въ Томскѣ и Иркутскѣ: Сибирскій книжный магазинъ Макушина.

Объявленія для напечатанія въ „Вѣстникѣ Права" принимаются въ Конторѣ по расчету 16 руб. за страницу.

Адресъ Редакціи:
Спб., Сергіевская, 62.

Адресъ Конторы:
Верейская ул. д. № 12.

Редакторъ Г. Б. Сліозбергъ.

